

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

ВРЕМЯ

ВРЕМЯ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ М. ДОСТОВСКАГО

№ 3. МАРТЪ

ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВАУРАДА ПРАЦА

1863

1863
№. 3

412019 -

Одобрено цензурою. С. Петербургъ, 8 марта 1863 года.

НУЖЕНЪ ЛИ ФЛОТЪ РОССИИ (1)

«Кчему намъ флотъ?» «Не нуженъ флотъ Россіи.» Зачѣмъ бросать лишній десятокъ миліоновъ въ годъ? Россія государство береговое... Вотъ сужденія, которыя приходится слышать среди общаго равнодушія ко всему морскому, сужденія, лежащіяся тяжелымъ камнемъ на душу моряка и повидимому необъщающія ничего хорошаго для дальнѣйшаго развитія морскихъ силъ государства!.. Справедливъ ли приговоръ, объ этомъ мало кто думаетъ; флотъ осуждается безъ суда, никого не поражаетъ странность подобнаго факта. Экономія, экономія во что бы ни стало, вотъ крики, разлающіеся со всѣхъ сторонъ, вотъ общій выводъ самыхъ противоположныхъ мнѣній. И какъ ни кажется законнымъ такое требованіе при настоящемъ финансовомъ положеніи нашего отечества, какое бы сочувствіе ни встрѣчало оно въ общественномъ мнѣніи, мы рѣшились однакоже идти на перекоръ потока, и на основаніи глубокаго искреннаго убѣжденія, подкрѣпленнаго многочисленными и какъ кажется неопровержимыми фактами, попытаемся провести идею, до сихъ поръ непопулярную особенной популярностью. Идея эта — *необходимость, настоящая необходимость флота для Россіи*, и не популярна она потому, что одни вовсе не думали, что такое флотъ для государства, подобнаго нашему, другіе не хотѣли объ этомъ подумать, а наконецъ многіе хотя и думали, но по особенной спеціальности вопроса не могли вполне уяснить его, и какъ для содержанія морскихъ силъ нужны деньги и большіе деньги, то вотъ и стали кричать: «зачѣмъ военный флотъ, можно обойтись безъ него, онъ намъ вовсе не нуженъ!»

(1) Нѣсколько флотскихъ офицеровъ просили насъ дать мѣсто этой статьѣ въ нашемъ журналѣ. Исполняя ихъ желаніе, мы съ своей стороны устранимся пока отъ рѣшенія этого вопроса и не беремъ на себя ответственности за высказываемыя въ этой статьѣ мнѣнія. Мы желали бы только ею возбудить вопросъ въ обществѣ и въ литературѣ.

Ред.

Сказавъ, что время, переживаемое Россіей, теперь хорошее и вмѣстѣ трудное время, мы безъ сомнѣнія не высказываемъ чего-нибудь особенно новаго; время это, время высочайшаго напряженія народныхъ силъ, пробужденныхъ послѣ долгаго сна, время безчисленныхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ большею частью съ добрую цѣлью, вопросовъ, заставившихъ или заставляющихъ поговорить о себѣ и подумать. Писали обо всемъ, начиная съ колоссальнаго дѣла освобожденія крестьянъ и кончая какимъ-нибудь неисполнимымъ проектомъ мошевіи улицъ; самые ничтожные случаи обыденной жизни обсуживались и пересуживались тысячу разъ; молчали только о флотѣ, и ни въ одномъ періодическомъ журналѣ, ни въ одной изъ ежедневныхъ газетъ до сихъ поръ намъ морякамъ не приходило вступити не только серьезной статьи, но даже простаго слова симпатіи или участія. Правда, «Морской сборникъ», вѣрный програмѣ, знакомилъ читателей со всѣмъ что касалось до морской жизни, до новѣйшихъ усовершенствованій и открытій; правда появлялся даже «Кронштадтскій Вѣстникъ», небольшая газета, съ самыми добрыми намѣреніями и предположеніями, но оба журнала читаются въ своемъ извѣстномъ кругу, а если нѣсколько статей перваго, благодаря именамъ Пирогова, Максимова, Завалишина, Чужбинскаго, привлекли къ себѣ больше вниманія, то лишь потому, что тутъ третируются вопросы столь капитальной важности, какъ вопросы воспитанія, уничтоженія тѣлесныхъ наказаній, колонизаціи амурскаго края, т. е. потому что содержаніе ихъ доступно всѣмъ и каждому. Собственно же флотъ, значеніе его для Россіи, его развитіе, его будущность интересовали немногихъ, и современная литература, оказавшая такую бездну услугъ нашему народу, выяснившая и для него и для правительства многое, казавшееся и непонятнымъ и невозможнымъ, современная литература, повторяемъ еще разъ съ глубокимъ сожалѣніемъ, не прикоснулась даже къ чему-нибудь, что хотя напоминало бы о флотѣ. Вотъ тутъ-то и нужно искать основанія толковъ о его бесполезности, и такое невниманіе, такое забытіе по нашему крайнему убѣжденію гораздо хуже самой злой критики, самыхъ ожесточенныхъ нападокъ!.. Нападеніе вызываетъ сопротивленіе, кто и contra въ какомъ бы то ни было дѣлѣ разъясняютъ его, — явятся враги, явятся и защитники; противъ же различныхъ сплетней, противъ неопредѣленныхъ слуховъ, въ особенности же противъ мнѣній, невысказанныхъ въ печати, ничего не сдѣлаешь. Подкрѣпляемые многочисленными комментаріями, мнѣнія эти легко распространяются въ публикѣ и когда дѣло коснется вопроса вродѣ вопроса о флотѣ, требующаго если и не спеціальнаго изученія, то покрайней-мѣрѣ

многихъ дополнительныхъ свѣдѣній и указаній, тогда приговоръ произносится еще съ большей легкостью; приходилось бы сказать пожалуй приговоръ безъ апелляціи, еслибы мысль, что необходимость флота еще не обсужена въ печати, не давала надежды, что пополненіе такого пробѣла въ русской литературѣ возвратитъ намъ, служащимъ Россіи на одномъ изъ самыхъ трудныхъ поприщъ, вниманіе и даже быть-можетъ сочувствіе образованной части нашего народа!..

Цѣль настоящей статьи, какъ легко судить изъ того что уже сказано, заключается въ возможномъ выясненіи для публики, мало знакомой съ флотомъ, значенія этого важнаго учрежденія для Россіи. Конечно для исполнѣнія успѣшнаго исполненія подобной программы нужно много данныхъ, и мы сочтемъ себя исполнѣ счастливыми даже и въ такомъ случаѣ, если трудъ нашъ привлеченіемъ на себя вниманіе какой бы то ни было критики, пробудитъ вниманіе общества къ идеѣ, которая быть-можетъ встрѣтитъ и другихъ знитниковъ, болѣе способныхъ, болѣе знающихъ и главное пользующихся большимъ авторитетомъ, такъ-что слова ихъ не пропадутъ даромъ!.. Теперь же остается прибавить, что въ основаніе настоящей статьи пошло еще и то убѣжденіе, что народъ, переживающій финансовый кризисъ и платящій отъ двадцати до пятнадцати миліоновъ въ годъ на содержаніе морскихъ силъ, безъ сомнѣнія поинтересуется знать, кчему и для чего подобное пожертвованіе. На сколько возможно попытаемся разъяснить вопросъ, а для этого необходимо обратиться вѣсколько назадъ и показать вопервыхъ *историческое значеніе флота вообще, потомъ состояніе его въ другихъ государствахъ, возможность содержанія морскихъ силъ въ Россіи и необходимость дальнѣйшаго ихъ развитія, необходимость политическую, военную и коммерческую.*

Государство, неимѣющее доступа къ морю, не можетъ достигнуть до дѣйствительнаго, цвѣтущаго состоянія, не можетъ развить всѣхъ своихъ силъ и никогда не будетъ въ ряду первостепенныхъ. Истина эта столь же стара, какъ и неопровержима; стоитъ перебрать въ своей памяти исторію всѣхъ народовъ, начиная съ древнихъ временъ и врядъ ли останется мѣсто сомнѣніямъ; такимъ образомъ время наибольшаго могущества финикіянъ было время ихъ господства на морѣ; въ отношеніи къ египтянамъ, къ персамъ и древнимъ грекамъ, карфагенянамъ и римлянамъ таже исторія; періодъ времени съ безсмертнаго открытія Христофора Колумба до уничтоженія непобѣдимой Армады, былъ періодомъ силы, богатства и процвѣтанія Испаніи; годы, когда корабли Магеллана и Васко де Гама впервые отправлялись за океаны, остаются

всегда лучшимъ годами Португаліи, точно также какъ страницы, свидѣтельствующія потоптству о великихъ подвигахъ адмираловъ Рюйтера и Тромпа, самыя блестящія страницы въ исторіи Голландіи. Пораженіе на морѣ положило начало, было поворотной точкой къ уничиженію Людовика XIV и несмотря на геній Наполеона I, несмотря на энергическія усилія народа дѣятельнаго и предпріимчиваго, французскій флотъ только съ тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія начинаетъ заживлять свои раны, и польза, приносимая имъ государству, уже очевидна. Необыкновенное могущество Англіи, колоссальныя размѣры ея торговли, цвѣтущее состояніе финансовъ, все это слѣдствіе господства англичанъ на морѣ; уничтожьте это господство — сегодня или завтра звѣзда великаго народа пойдетъ къ закату; уничтожьте его, и Англія, третьестепенное государство I..

Историческое значеніе флота для Россіи неменѣе знаменательно и что бы современные ученые ни говорили про Петра-великаго, онъ далъ намъ берегъ поморья и тѣмъ самымъ далъ средство сближенія съ Европой: на корабляхъ и по морю черезъ новоустроенный портъ Финскаго залива ученые, художники, купцы, мастеровые могли имѣть къ намъ и имѣли доступъ несравненно легчайшій, чѣмъ черезъ Польшу или остзейскія провинціи, тогда еще независимыя. Только-что созданный флотъ отстоялъ Петербургъ и много способствовалъ къ заключенію славнаго ништатскаго мира. Въ послѣдующіе годы, несмотря на страшную неурядицу въ управленіи вообще, несмотря на чудовищную несообразность морскихъ администрацій въ особенности, флотъ дѣлалъ свое дѣло: неразъ отставалъ Кронштадтъ съ Петербургомъ, сжегъ турецкій флотъ при Чесмѣ, способствовалъ къ завоеванію и къ удержанію Финляндіи, далъ намъ преобладаніе на Черномъ морѣ. Въ какой мѣрѣ подобныя завоеванія были полезны народу, объ этомъ здѣсь распространяться врядъ ли умѣстно. Мы позволимъ себѣ только напомнить чѣмъ былъ флотъ для Россіи въ послѣднее время, т. е. въ трудныя и несчастныя годы вѣсточной войны. Что такое была эта война, какъ и пѣть—за чего велась она, послѣдствія ея для Россіи, все это хорошо извѣстно всѣмъ интересующимся судьбами нашего отечества, здѣсь же должно сказать одно: *флотъ честно исполнилъ все что отъ него можно было требовать* и привлекая на себя главныя силы непріятели, служа мишенью, на которую сосредоточивались все удары союзниковъ, онъ избавилъ по всей вѣроятности отъ нападенія другіе пункты государства болѣе слабыя, и не обладавшіе такими условіями обороны, какъ Севастополь!.. Не будь черноморскаго флота, не будь Севастополя, не было бы и ужасной

осады, не стала бы она намъ такъ дорого и не понесли бы мы такихъ громаднѣхъ потерь, — вотъ что приходилось иногда слышать въ числѣ нападокъ на флотъ и право не знаемъ, заслуживаютъ ли опроверженія столь близорукіе доводы. Не будь Севастополя, непріятель устремилъ бы свои удары на Кронштадтъ, сталъ бы дѣйствовать въ Финляндіи, взволновалъ бы Польшу и тогда богъ-зваетъ чѣмъ бы это еще для насъ кончилось. На темномъ горизонтѣ пропгравныхъ сраженій, неудачъ, потерь, разочарованій, въ тяжкіе годы восточной войны свѣтлыми точками являются имена Корнилова, Нахимова, Истомина и посреди всеобщаго равнодушія, такъ долго и такъ постоянно тяготѣвшаго надъ флотомъ, наконецъ заговорили въ публикѣ и даже въ народѣ о морякахъ и о томъ, что они славно исполняютъ свой долгъ. Правда не дешево обошлось это участіе: потоками крови, смертью и увѣчьемъ лучшихъ изъ своихъ товарищей, перенесеніемъ на передовыхъ бастионахъ всѣхъ лишній неслыханной осады черноморскіе моряки отвѣчали на столь мало знакомыи имъ привѣтъ общественнаго мнѣнія; за океанами, на дальномъ востокѣ собрать по оружію старались соревновать имъ; защита Петропавловска, прорывъ небольшой камчатской эскадры среди многочисленныхъ непріятельскихъ крейсеровъ, начало колонизаціи устьевъ Амура подъ пушками апгачанъ, трактатъ съ Японіей, заключенный въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ, вотъ чѣмъ нашъ флотъ успѣлъ наконецъ привлечь къ себѣ вниманіе Европы и вотъ отзывъ объ дѣйствіяхъ русскихъ моряковъ на Восточномъ океанѣ принца Жуанвильскаго, одного изъ самыхъ уважаемыхъ авторитетовъ французскаго флота. Въ статьѣ подъ заглавіемъ «Китайскій вопросъ» (*Etudes sur la Marine, Question chinoise* стр. 272), описавъ значеніе Россіи въ будущемъ китайской имперіи, показавъ вѣроятіе развитія русскаго могущества на Восточномъ океанѣ черезъ занятіе Амура, принцъ говоритъ: «Намъ быть-можетъ скажутъ, что всѣ эти опасности лишь воображаемыя и что мы строимъ на данныхъ, основанныхъ на фантастическомъ будущемъ; станемъ продолжать рассказъ, основываясь на фактахъ; такимъ-то образомъ, судя по самымъ достовѣрнымъ рассказамъ, въ настоящій часъ все теченіе Амура въ русскихъ рукахъ; на водахъ этой рѣки наши себѣ убѣжище тотъ фрегатъ Аврора и та русская эскадра, которые чудесами искусства и мужества избѣжали соединенныхъ эскадръ Франціи и Англій и когда эскадры эти, раздосадованныя преслѣдованіемъ добычи, отъ нихъ безпрестанно ускользавшей, приблизились къ устьямъ рѣки, онѣ, наши ихъ покрытыми береговыми батареями, усѣянными войсками; онѣ услышали имена фортовъ и военнѣхъ учрежденій, до

тѣхъ поръ совершенно неслыханныхъ и уже сообщающихся между собою пароходами. Амуръ теперь русская рѣка». Мнѣніе французскаго адмирала не было исключеніемъ: тоже самое говорили и писали адмиралы, командовавшіе англійскимъ флотомъ, тоже повторяли тогда всѣ европейскіе и американскіе журналы: помалчивали только журналы русскіе и хуже этого: прошла война, и люли, не дающіе себѣ труда вникнуть въ то что такое флотъ, стали кричать объ его бесполезности, стали приводить въ примѣръ, что эскадры наши, скрываясь за батареями Кропштадта и Севастополя, не рѣшились попытать счастья въ морскомъ сраженіи!.. «Чтоже толку, что у насъ десятки кораблей, говорили наши пристрастные судьи: — чтоже дѣлать съ ними, когда у насъ нѣтъ ни адмираловъ, ни офицеровъ, ни матросовъ для того, чтобы вести ихъ въ бой!..» Корабли наши парусные, непріятель имѣлъ винтовые; корабли наши большею частью подусгнившіе, негодные для дѣла, непріятель втрое, вчетверо спльнѣе; ничего этого не принималось къ свѣдѣнію и простая, но непреложная истина, *что у насъ были и адмиралы, и офицеры, и матросы, но судовъ не было, тогда какъ и теперь мало кому приходитъ въ голову!..* Можетъ ли Россія окончателно имѣть флотъ и изъ какихъ элементовъ нужно желать, чтобы онъ былъ составленъ, мы постараемся по мѣрѣ нашихъ силъ разъяснить въ своемъ мѣстѣ; теперь же, не желая отступать отъ систематическаго порядка, посмотримъ (и это необходимо для сравненія) въ какомъ состояніи находятся морскія силы въ другихъ государствахъ и чтобы не утомлять побочными предметами вниманія читателей, постараемся сдѣлать это съ возможною краткостью.

Переворотъ, готовящійся совершиться въ морскомъ искусствѣ, въ условіяхъ обороны и нападенія на морѣ, извѣстенъ всѣмъ интересующимся ходомъ современныхъ событій; усовершенствованное нарѣзное орудіе и суда, покрытые броней, теперь предметъ разговора всѣхъ и каждаго; опыты совершающіеся надъ ними въ огромныхъ размѣрахъ въ Англіи и практическое приложеніе этихъ опытовъ въ борьбѣ между сѣверными и южными штатами въ Америкѣ готовятъ такія важныя переменны въ будущемъ, что сдѣлать въ настоящемъ какой-нибудь положительный выводъ становится весьма затруднительно. Все что можно сказать въ ожиданіи пока пушка окончателно одержитъ верхъ надъ броней или броня надъ пушкой, заключается пока въ томъ, что послѣдніе опыты, производимые въ Шебуринесѣ, оказались въ пользу пушки, доказавъ, что какую бы броню (даже 6 и 7 дюймовую) ни было покрыто судно, 300 фунтовое гладкоствольное орудіе въ состояніи пробить ее. Вотъ что по этому случаю говоритъ одинъ изъ самыхъ рьяныхъ защитниковъ брони въ Англіи

г. Фербернъ въ запискѣ своей «о сопротивленіи желѣза удару ядеръ» (Морск. Сбор. Октяб. 1862 г., смѣсь, стр. 119). «Судя по послѣднимъ испытаніямъ гладкоствольной пушки Армстронга, намъ еще остается рѣшить задачу, не будутъ ли наши военные корабли также безопасны безъ желѣзной брони какъ и съ броней. Если наши новые корабли будутъ достаточно крѣпки, чтобы носить артилерію 300 фунтоваго калибра, какъ можно надѣяться, то наша броня въ 6 и 7 дюймовъ толщины, будучи пробитою, по всей вѣроятности сдѣлается болѣе разрушительной для тѣхъ, кто находится на кораблѣ, нежели въ томъ случаѣ, когда ядро свободно прошло бы сквозь корабельныя стѣны. Въ этомъ случаѣ мы будемъ находиться въ томъ же положеніи, какъ были прежде съ нашими деревянными стѣнами, съ тою только разницею, что желѣзные корабли останутся безопасными отъ пожара и не будутъ пробиваемы бомбами...» Казалось бы чего яснѣе: броня пробивается; куски ея, разбрасываемые въ сторону, дѣлаютъ такой же вредъ какъ добрый выстрѣлъ картечью, но все же таки защитники желѣзныхъ стѣнъ въ Англіи не теряютъ духу, и тотъ же самый г. Фербернъ нѣсколько строкъ ниже прибавляетъ: «Излагая мои мнѣнія, я вовсе не полагаю, что наши военные корабли должно оставить безъ защиты, но я думаю, что намъ должно еще изучить и опредѣлить ту форму брони, при которой она была бы непробиваемою орудіями самага большаго калибра до сихъ поръ изобрѣтенными, и даже тѣми, которые будутъ изобрѣтены впоследствии;» далѣе описавъ печальный для него (какъ защитника брони) результатъ опытовъ, Фербернъ прибавляетъ: «Нѣтъ, мы еще несо-всѣмъ разбиты, и по нашему народному характеру, мы какъ старыя рыцари должны сопротивляться до послѣдней крайности.

And though our legs are smitten of
- Well fight upon our stumps. (').

На такихъ основаніяхъ читатели имѣли бы полное право думать, что окончательные выводы еще долго не будутъ сдѣланы, если бы кромѣ опытовъ, о которыхъ упоминаетъ г. Фербернъ, послѣдняя почта не принесла извѣстій о новомъ торжествѣ артилеріи въ лицѣ г. Витворта: 12-ти фунтовыя орудія изобрѣтателя бросали бомбы, пробивающія желѣзо, которое выдерживало прежде дѣйствіе пу-
стотѣлыхъ снарядовъ всѣхъ родовъ; бомба изъ 70 фунтоваго ору-
дія пронизала плиту въ 5 дюймовъ, 4-хъ дюймовую подкладку и въ
заключеніе пробить щать, представлявшій бортъ лучшаго бронс-

(') Когда отрубятъ наши ноги,
Мы на колѣняхъ въ бой пойдемъ...

носца Англіи (пожалуй и цѣлаго свѣта) фрегата *Warrigor*. Правда теперь строятся суда вродѣ *Minator*; толщина брони на нихъ доходитъ до $5\frac{1}{2}$ дюймовъ, но во всякомъ случаѣ увеличеніе толщины должно наконецъ встрѣтить предѣлы въ основныхъ и непремѣнныхъ правилахъ теоріи кораблестроенія и какъ бы читатели наши ни были мало знакомы съ послѣдней наукой, они легко поймутъ слѣдующее: «Чѣмъ тяжести расположены выше на суднѣ, тѣмъ оно менѣе отстойчиво, а слѣдовательно чѣмъ броня будетъ толще, тѣмъ труднѣе будетъ сохранить судну его морскія качества, и если среди хора хвалебныхъ гимновъ, раздавшихся со всѣхъ сторонъ *Warrigor*'у, нерѣдко приходится слышать пока еще заглушаемыя жалобы, что фрегатъ зарывается на волненіи, быстро ложится на бокъ и медленно встаетъ, руля слушаетъ далеко не блистательно; если притомъ вспомнить, что броня фрегата толщиной всего въ $4\frac{1}{2}$ дюйма, (т.—е. на основаніи послѣднихъ опытовъ пробиваема), то невозможно не придти къ заключенію, что весьма вѣроятно морскіе инженеры станутъ наконецъ строить дѣйствительно непроницаемыя пловучія батареи или суда вродѣ предложенныхъ капитаномъ Кользомъ, способные защищать берега и плавать недалеко отъ нихъ. Стало-быть страшная тяжесть брони становится все большимъ и большимъ препятствіемъ къ тому, чтобы вновь проектируемыя суда (способныя выдерживать ударъ ядра какого бы то ни было калибра) могли выйти дѣйствительно морскими, готовыми по первому требованію идти за океаны, въ Китай, Индію, Новую-голандію, готовыми летѣть на помощь безчисленныхъ англійскихъ колоній и покровительствовать купеческимъ судамъ, покрывающимъ всѣ моря земного шара. Дѣлая подобныя выводы, считаемъ почти лишнимъ оговорку, что они основаны на нашемъ личномъ мнѣніи, мнѣніи хотя и вполне облупленномъ, но быть-можетъ по трудности предмета, по зависимости его отъ постороннихъ причинъ, еще подлежащемъ измѣненію. Для оправданія себя остается впрочемъ прибавить, что не только у насъ во флотѣ и въ русскихъ морскихъ кружкахъ, но даже въ Англіи, среди знаменитыхъ инженеровъ, механиковъ и артиллеристовъ, пользующихся всемірною извѣстностью, сужденія болѣе чѣмъ когда-нибудь различны, и если еще такъ недавно многіе изъ самыхъ зачатыхъ рутинеровъ, противниковъ желѣзныхъ судовъ и брони, начали склоняться на сторону послѣдней, то новое гладкоствольное орудіе и еще болѣе блестящее торжество орудій Витворта заставило опять попризадуматься многихъ и многихъ. Такимъ образомъ вопросъ вертится на томъ, что увеличивая толщину брони, ее слѣлаютъ непроницаемой, по будутъ ли въ состояніи покрыть ею настоящія морскія суда, возможно ли обойтись вовсе безъ судовъ де-

ревянныхъ , необходимыхъ для службы въ далекихъ странахъ , гдѣ нѣтъ ни средствъ , ни заводовъ , ни доковъ ⁽¹⁾ для починки и исправленія , все это еще болѣе нежели сомнительно и вотъ тутъ-то и нужно искать причину нерѣшительности лордовъ адмиралтейства , управляющихъ морскими силами Англіи...

Теперь боясь распространиться слишкомъ много въ умозрительныхъ заключеніяхъ , мы обратимся къ продолженію статьи , т.-е. къ описанію настоящаго состоянія европейскихъ флотовъ ; разъ же коснувшись подобнаго предмета приходится начинать съ Англіи. Морское могущество англичанъ , несмотря на переходное состояніе условій морской обороны , находится въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Данные и средства , необходимыя Англіи для колоссальнаго флота , превосходятъ собой данные и средства всѣхъ остальныхъ государствъ , взятыхъ вмѣстѣ. Такъ напримѣръ возьмемъ самое существенное , т.-е. деньги : морской бюджетъ англійскаго флота достигаетъ 80 миліоновъ рублей серебромъ въ годъ , и что ни говорятъ почтенные Кобденъ и Брайтъ въ парламентѣ , какъ дружно ни поддерживаютъ достойныхъ представителей ихъ манчестерская компанія , есть поводы думать , что съ введеніемъ брони расходы эти не только не уменьшатся , но и усилятся... Перехода ко второму условію , обеспечивающему существованіе флота , т.-е. къ морскому народонаселенію , опять поражаешься тѣмъ что можетъ Англія : 80 тысячъ матросъ составляютъ настоящую силу ея военнаго флота ; на купеческихъ судахъ плаваютъ до 230 тысячъ человѣкъ и приложивъ сюда сумму приморскихъ жителей , получимъ страшную цыфру 800 тысячъ человѣкъ , способныхъ придать душу деревяннымъ или будущимъ желѣзнымъ стѣнамъ повелительницы морей. Третье условіе , необходимое для оправданія послѣдняго названія (т.-е. повелительницы морей) , и которое дополняетъ два первые , какъ справедливо замѣтилъ г. Ксавье Раймонъ въ превосходной статьѣ , напечатанной въ «*Revue des deux Mondes*» и надѣлавшей столько шуму ⁽²⁾ , — есть промышленное могущество и оно въ Англіи на высшей степени процвѣтанія. За примѣрами не далеко ходить : вспомнимъ восточную войну , вспомнимъ какъ частныя верфи доставляли англійскому флоту по одной канонирской лодкѣ въ сутки (болѣе 200 тоннъ каждыя). Вспомнимъ

(1) Т. е. доковъ , способныхъ принять такихъ морскихъ чудовищъ какъ *Warrior* и даже еще большихъ размѣровъ , такъ какъ о дѣйствительно непроницаемыхъ судахъ меньшаго ранга нечего думать , если желать чтобы суда эти могли нести службу на всѣхъ моряхъ и даже въ самыхъ отдаленныхъ колоніяхъ.

(2) Флоты французскій и англійскій съ 1815 г.

безчисленные механическіе заводы, пользующіеся всемірною извѣстностью, и тогда станетъ легко понятнымъ какимъ образомъ Англія, начавъ войну съ 221 военными судами, передъ окончаніемъ ея и мевѣ чѣмъ черезъ два года могла выставить до 600 вымпеловъ. Придя къ такимъ грандіознымъ результатамъ, англійскій народъ не опочилъ на лаврахъ! Подкрѣпляемые истиннымъ сознаніемъ источника своего превосходства, подстрекаемые журналистикой и соревнованіемъ съ Франціей, англичане строятъ величайшіе броненосные фрегаты, строятъ пловучія батареи различныхъ образцовъ, тратятъ на производство опытовъ болѣе денегъ, чѣмъ весь морской бюджетъ другого второкласнаго государства и къ какимъ бы выводамъ ни привели послѣднія изобрѣтенія, усовершенствованія и открытія — извѣстный гимнъ «Rule Britannia» (¹) (мы въ томъ твердо убѣждены) еще долго не потеряетъ своего смысла... Теперь перебирая въ памяти все вышесказанное, намъ пришло въ голову, что при совершенномъ сознаніи значенія Англій какъ морского государства у читателей легко можетъ родиться вопросъ, не должно ли такое сознаніе отнять бодрость у другихъ народовъ, владѣющихъ берегами морей, и не бесполезными ли будутъ всѣ усилія, дѣлаемые ими для развитія ихъ собственныхъ морскихъ силъ? Отвѣтъ конечно будетъ отрицательный и первымъ подтвержденіемъ подобному отрицанію служить единодушное мнѣніе морского сословія цѣлой Европы; на основаніи-то этого мнѣнія государства первокласныя, второкласныя, третьекласныя, всѣ тѣ однимъ словомъ, которыя имѣютъ хотя клочокъ моря, всѣ тѣ наконецъ, которыя прежде никогда не помышляли о флотѣ, теперь начинаютъ заводить его; усиливаютъ морскіе бюджеты, прибѣгаютъ даже къ народнымъ поднякамъ. Такъ Берлинъ, Бреславль и другіе города Пруссіи взялись строить винтовыя канонирскія лодки; такъ городъ Мессина жертвуетъ для итальянскаго флота суммой, необходимой для приобрѣтенія броненоснаго судна! Франція, слѣдующая въ разрядъ морскихъ державъ тотчасъ вслѣдъ за Англіей, напрягаетъ всѣ свои силы доводить расходы на флотъ до 40 миліоновъ рублей серебромъ въ годъ, суммы (принимая въ соображеніе армію вятяро многочисленнѣйшую англійской), совершенно превышающей средства страны; Франція, или говоря правильнѣе французское правительство, не дождавшись даже окончательныхъ результатовъ опытовъ, горячо принимается за постройку броненосныхъ судовъ, увлекаетъ на этомъ пути нерѣшительныхъ членовъ англійскаго адмиралтейства, волей-неволей заставляеть ихъ подражать себѣ, первая посылаетъ броненосный

(¹) Британія владѣй волнами.

Фрегатъ Нормандію за океанъ въ Мексику; фрегатъ на основаніи шебуринской побѣды Витворта проникаемъ, французы потратили на подобныхъ же ему броненосцевъ миліоны, но они и тутъ не увѣваютъ, не падаютъ духомъ, утолщаютъ брони, строятъ новые фрегаты-тараны, по возможности скрываютъ результатъ своихъ опытовъ и въ ожиданіи будущаго, не бросая старыхъ судовъ, извлекаютъ изъ нихъ всевозможную пользу. Эскадры кораблей подъ трехцвѣтнымъ флагомъ разбросаны по всему свѣту; французскій флотъ дѣятельно содѣйствуетъ во время итальянской войны планамъ Наполеона III, перебрасываетъ потомъ неоднократно корпуса войскъ въ Римъ, въ Алжирію, въ Сирію; французскіе моряки вбѣгаютъ первыми въ ворота Пекина, завосываютъ Кохинхину, дерутся теперь въ Мексикѣ (¹)... Итальянскій военный флотъ не мѣнѣ быстрыми шагами идетъ къ развитію и благодаря начавшемуся единству Италіи, благодаря твердымъ основаніямъ, положеннымъ знаменитымъ декретомъ объ образованіи морскихъ силъ графа Кавура, благодаря наконецъ общему сочувствію народа, юный флотъ увеличивается съ каждымъ годомъ и еще такъ недавно блокадой, а потомъ бомбардированіемъ Анконы и Гаэты, успѣлъ показать на дѣлѣ чего должна ждать отъ своихъ моряковъ Италія въ будущемъ, быть-можетъ не весьма далеко. Итальянское правительство такъ глубоко убѣждено въ необходимости флота для народа самостоятельнаго, что теперь даже, несмотря на критическое положеніе государства, не щадитъ никакихъ издержекъ для увеличенія своихъ морскихъ силъ и значительное приращеніе бюджета, страшные расходы на сооруженіе порта въ Спеція, дѣятельныя работы во всѣхъ другихъ портахъ Италіи, постройка двухъ броненосныхъ фрегативъ въ Соединенныхъ-штатахъ и трехъ броненосныхъ судовъ во Франціи не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что Италія хорошо поняла значеніе флота при настоящемъ положеніи военного искусства. Испанія не отстаетъ отъ Италіи, увеличиваетъ морской бюджетъ, улучшаетъ порты и гавани, расширяетъ старыя и строитъ новыя доки, заказываетъ броненосные фрегаты на англійскихъ и французскихъ верфяхъ... Австрія бросаетъ миліоны на укрѣпленія Пола и при финансахъ недавно близкихъ къ банкротству, возвышая морской бюджетъ въ ущербъ арміи, успѣваетъ выстроить нѣсколько блиндированныхъ батарей и съ усиленной быстротой создаетъ новыя броненосныя суда въ Триестѣ.. Пруссія и та увлечена общимъ

(¹) Боясь утомить вниманіе читателей, не разпространяюсь о средствахъ Франціи какъ морского государства, объ ея морской конскрипціи и другихъ подробностяхъ болѣе или мѣнѣ интересныхъ.

потокомъ: Пруссія мечтаетъ о созданіи германскаго флота и холодные, методическіе пѣмцы Берлина и Аугсбурга, въ глаза невидавшіе моря, разсуждаютъ съ жаромъ о броненосныхъ фрегатахъ-таранахъ, непроницаемыхъ канонирскихъ лодкахъ и тому подобное... Прусское правительство различными средствами старается поддержать энтузіазмъ народа: затѣваются подписки, большіе города берутся на свой счетъ строить лодки, движеніе сообщается остальной Германіи и только останавливается другими неполитическими мѣрами министерства, теряющаго вслѣдствіе ихъ всякую популярность. Морскіе министры Голандіи, Швеціи, Давіи и Португаліи входятъ въ палаты съ докладами о необходимости увеличить флотъ, о настоятельной необходимости новыхъ и усиленныхъ расходовъ на постройку броненосныхъ судовъ. Если перенесемъ черезъ океанъ и остановимъ наше вниманіе на Америкѣ, то увидимъ, что мысль о необходимости флота пустила глубокіе корни вездѣ и повсюду, и не говоря о Соединенныхъ-штатахъ, вынужденныхъ обстоятельствами втянуть свои морскія силы до послѣдней возможности, Бразилія, Чили, Перу, всѣ они увеличиваютъ флоты, а Перуанская республика приступаетъ уже къ заказу большаго броненоснаго фрегата въ Англіи! Факты, приведенные нами, надѣмся весьма знаменательны; увлекаться могутъ нѣсколько человекъ, можетъ партія; увлеченіе (бывали примѣры) распространяется иногда на цѣлый народъ, но если какое бы то ни было увлеченіе сообщается всему свѣту, если увлеченіе проходитъ черезъ разумный контроль общественнаго мнѣнія, представляемаго законодательными корпусами такихъ государствъ, какъ на примѣръ Италія, Давія, Швеція, тогда кто же станетъ оспаривать истину, и не согласится, что идея, встрѣченная и оправданная подобнымъ сочувствіемъ, *непремѣнно здравая, разумная идея*; какъ же наконецъ не придти къ выводу, что военный флотъ нуженъ, *настоятельно нуженъ* для народа самостоятельнаго, владѣющаго поморьемъ!

Положимъ, что все сказанное вами справедливо, замѣтятъ пожалуй наши читатели: — положимъ, что флотъ и нуженъ Россіи, но вѣдь въ русскомъ народѣ нѣтъ никакихъ морскихъ элементовъ и вы сами же говорили намъ, что для содержанія морскихъ силъ необходимы деньги, морское народонаселеніе, необходимо промышленное могущество, — откуда же намъ взять хотя одно изъ такихъ данныхъ, какимъ же образомъ идти противъ очевидной невозможности?.. Отвѣчая на вопросъ, прежде всего скажемъ, *что невозможность только кажущаяся*, и придерживаясь все того же систематическаго порядка, начнемъ съ нашихъ денежныхъ средствъ. На основаніи свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ «Кронштадскаго Вѣстника», (пользовавшагося

официальными источниками), извѣстно, что съ 1855 до 1859 годъ средняя цифра морского бюджета держалась около 16 миліоновъ рублей серебромъ. Въ 1859 году флотъ стоилъ государству 18,183,331 рубль; въ 1860 году 20,278,334 рубля; въ 1861 году 21,397,027 и въ 1862 году 19,000,000; теперь носятя слухи, что по настоящему положенію финансовъ морской бюджетъ уменьшается еще на нѣсколько миліоновъ, средняя же цифра за годы съ 1855 по 1862 годъ выходитъ около 20 миліоновъ, что при общемъ бюджетѣ въ 300 миліоновъ составляетъ всего лишь пятнадцатую часть расходовъ государства. Изъ сравненія съ расходами другихъ странъ оказывается, что Россія за исключеніемъ Англіи тратитъ на свой флотъ (относительно прочихъ издержекъ) несравненно меньше чѣмъ народы, неимѣющіе ни одинаковаго политическаго значенія, ни береговъ такого протяженія, какъ берега Балтійскаго, Чернаго, Каспійскаго и Бѣлаго морей, какъ наконецъ берега новыхъ русскихъ владѣній Восточнаго океана. Двадцать миліоновъ при настоящемъ трудномъ и по всей вѣроятности лишь переходномъ состояніи нашихъ финансовъ, все же не представляютъ ненормальной пропорціи съ тѣмъ что мы затрачиваемъ на армію, на постройку крѣпостей и на другія необходимыя условія, обеспечивающія положеніе Россіи въ средѣ остальныхъ европейскихъ государствъ. Между тѣмъ при большой осмотрительности въ расходахъ и непремѣнномъ правлѣ, служившемъ основаніемъ всѣхъ дѣйствій морского министерства за эти семь лѣтъ, при правилѣ, вышедшемъ изъ глубокаго убѣжденія, *что министерство существуетъ для флота, а не флотъ для министерства*, 20 миліоновъ представляются достаточными для того, чтобы въ ожиданіи возможнаго улучшенія финансовъ государства, русскій флотъ продолжалъ бы пользоваться той данью уваженія, въ которой въ послѣдніе годы не отказывали ему самыя закоснѣлыя изъ его противниковъ, *а въ случаяхъ нужды могъ бы доказать на дѣлѣ, что расходы на его содержаніе не пропадали даромъ!*.

Показавъ, что денежный вопросъ еще не составляетъ непреодолимаго препятствія, попытаемся доказать, что если съ одной стороны народонаселеніе нашихъ береговъ еще и не имѣетъ того значенія въ настоящемъ военнаго флота, которое бы должно и которое по всей вѣроятности будетъ имѣть, то тѣмъ не менѣе русскій народъ способенъ къ морю и въ нашемъ флотѣ за хорошими матросами недостатка не встрѣтится; для этого основываясь на исторіи, приводя лишь голые историческіе факты и даже оставявъ въ сторонѣ преданія глубокой древности, такія напримѣръ какъ походъ Олега къ Царьграду, всегдашнія стремленія новгородцевъ и псковичей къ морю, начнемъ со времени Петра, переберемъ лишь нѣкоторыя со-

бытія изъ его и изъ послѣдующихъ царствованій и основываясь на нихъ спросимъ у читателей, чѣмъ какъ не природной способностью къ морю можно объяснить такіе факты, какъ морскія побѣды, морскіе походы основателя Петербурга? Вспомнимъ какъ онъ самъ, начавъ морское образованіе потѣшными плаваніями на Переяславскомъ озерѣ, командуя галерами, кораблями, построенными собственными руками, или бракованными судами, купленными въ Англіи и Голандіи, бывалъ неоднократно, да еще какъ славно бывалъ эскадры тѣхъ самыхъ шведовъ, усомниться въ способности которыхъ къ морю никому не приходитъ и въ голову, шведовъ, происходящихъ отъ морскихъ героевъ такъ поэтически воспѣваемыхъ сагами Норвегій, Швеціи и Фінляндіи!.. Чѣмъ какъ не способностью къ морю назвать дальнѣйшіе подвиги костромскихъ, ярославскихъ, нижегородскихъ мужиковъ, обратившихся послѣ двухъ-трехъ лѣтъ службы въ бравыхъ матросъ, наводившихъ десантами ужасъ на берега Швеціи, доходившихъ до воротъ Стокгольма, спасавшихъ Петербургъ?.. Развѣ не они, не тѣ же костромскіе и ярославскіе мужики, составляли экипажи брадеровъ, ворвавшихся въ чесменскую бухту, биткомъ набитую турецкимъ флотомъ? Не они дрались подъ Навариномъ, держали въ блокадѣ Дарданеллы, не они чтоли вмѣстѣ съ флегматическими дѣтьми стеной Украины разбивали турецкій флотъ при Синопѣ и потомъ безропотно сотнями и тысячами клалъ головы на облитыхъ кровью бастионахъ Севастополя!.. Нѣтъ, въ способности русскаго человѣка къ морю усомниться врядъ ли возможно и не только твердо вѣруемъ въ нее мы, видѣвшіе эту способность на дѣлѣ, но и самыхъ пристрастныхъ изъ нашихъ читателей надѣмся убѣждать факты, бросающіеся въ глаза, если прослѣдить движеніе русскаго флота за послѣдніе годы. Такимъ образомъ послѣ возвращенія судовъ, участвовавшихъ въ наваринской битвѣ, и до 1853 года дивизіи линейныхъ кораблей плавали въ Балтикѣ, въ Черномъ морѣ, въ годъ или въ два года разъ посылались транспорты съ грузомъ въ Охотскъ и въ Камчатку, изрѣдка являлось какое-нибудь судно въ Средиземномъ морѣ, но вообще большихъ продолжительныхъ плаваній было немного. Съ отпавленія въ Восточный океанъ фрегатовъ Палада, Аврора и Діана въ 1852 и въ 1853 году, въ особенности послѣ заключенія мира обстоятельства измѣняются: начипается цѣлый рядъ походовъ; суда идутъ на Амуръ и въ Средиземное море поодиночкѣ и эскадрами, флагъ нашъ появляется на всѣхъ океанахъ, на всѣхъ моряхъ и проникаетъ въ самыя отдаленныя закоулки земного шара. Въ періодъ времени съ 1856 года и до настоящихъ дней перебивадо въ кругосвѣтномъ и вообще въ заграничномъ плаваніи сорокъ-три судна (линейные корабли, фрегаты,

корветы, клипера и даже канопирекія лодки). Суда большею частью выходили изъ Кронштадта осенью, въ сезонъ равноденственныхъ бурь и непогодъ, съ командами только-что сформированными, составленными на половину изъ людей невидавшихъ моря; едва вырвавшись изъ порта, не успѣвъ ни устроиться порядочно, ни довести экипажи до надлежащей степени совершенства, многіе изъ нихъ преодолевали всѣ невзгоды осенняго плаванія Нѣмецкимъ моремъ и Англійскимъ каналомъ; многимъ приходилось бороться съ туманами, мелями и непогодами, причинами ежегодной гибели многихъ сотенъ купеческихъ и нѣсколькихъ военныхъ судовъ англійскаго и французскаго флота; приходилось идти потомъ вокругъ свѣта, выдерживать по пути жесточайшіе штормы у мыса Горнъ, встрѣчаться съ ураганами Индійскаго океана и Китайскаго моря, испытывать трудности плаваній въ татарскомъ проливѣ и у негостепріимныхъ береговъ Японіи... Чтоже?.. Возьмемъ пропорціи, посмотримъ, многіе ли заплатились за уроки суровой школы, многимъ ли суждено было недобраться до родного берега? Отвѣтъ выходитъ вполне удовлетворительнымъ!.. Изъ сорока-трехъ судовъ, въ шесть лѣтъ времени погибло два клипера, и причины гибели положительно не относятся къ неспособности русскаго человѣка быть морякомъ. Одинъ изъ клиперовъ Пластунъ взлетѣлъ на воздухъ на высотѣ Ревеля, другой Опричникъ пропалъ безъ вѣсти въ Индійскомъ океанѣ, — оба возвращались домой послѣ многолѣтней службы съ командами бывальыми, закаленными въ морѣ; два изъ сорока-трехъ и впродолженіи шести лѣтъ, пропорція нисколько не больше того что теряютъ французскій и англійскій флоты, а слѣдовательно суда, служація постоянно у туманныхъ береговъ нашихъ владѣній на Восточномъ-океанѣ, плавающія цѣлыми эскадрами въ плохую или даже совсѣмъ неописанныхъ трудностяхъ японскаго архипелага и береговъ Кореи, проводающія круглый годъ въ морѣ, суда снаряжаемыя (въ особенности при первыхъ попыткахъ) далеко не съ такимъ тщаніемъ какъ англичане снаряжаютъ свои, *имѣютъ всѣ данныя для того чтобы быть истинно морскими судами*. Экипажи ихъ заслуживаютъ полное право на званіе бравыхъ моряковъ, а адмиралы, капитаны и офицеры, сформировавшіе эти экипажи изъ людей взятыхъ отъ плуга, (отдавая полную дань уваженія ихъ трудамъ и познаніямъ), безъ сомнѣнія не могли бы прійти къ такимъ счастливымъ и даже блистательнымъ результатамъ, еслибы русскій человѣкъ по природѣ не былъ способенъ къ морю, *если бы богатая натура нашего мужика не представляла въ себѣ всѣхъ элементовъ, изъ которыхъ можно создать настоящаго матроса!*..

Чтоже это за особенныя способности и какіе собственно элементы, могутъ пожелать знать читатели небывавшіе въ морѣ, — что за элементы, позволяющіе Россіи пользоваться матросами изъ ея внутреннихъ губерній, тогда какъ всѣ другія государства должны непременно прибѣгать къ морскимъ народонаселеніямъ? Отвѣчать можно легко и понятно... На морѣ экипажъ судна живетъ обыкновенно въ тѣсномъ пространствѣ палубы; — для человѣка привыкшаго къ простору, такое житье начало трудностей, источникъ и зародышъ болѣзней, а для русскаго мужика оно нипочемъ. Проведя время до поступленія на службу большею частью въ курной избѣ, въ избѣ гдѣ на одной и той же половинѣ помѣщается нѣсколько семействъ, гдѣ при отсутствіи идеи о какомъ бы то ни было комфортѣ къ сожалѣнію часто и до сихъ поръ бѣдный народъ живетъ вмѣстѣ съ телятами и различными домашними животными, мужикъ нашъ легко свыкается съ атмосферой и другими неудобствами тѣснаго корабельнаго помѣщенія. Повинуясь съ колыбели суровому деспотизму отца, а въ прежнее время произволу и прихотямъ помѣщиковъ или управляющихъ, довольствуясь по необходимости если и не скудной, то всегда грубой и непривлекательной пищей, мужикъ, обращаясь въ матроса, приноситъ на судно еще два изъ важнѣйшихъ условій жизни на морѣ: *привычку къ повиновенію и способность къ перенесенію всевозможныхъ лишеній*. Онъ равнодушенъ къ опасностямъ морской службы; всѣмъ признанная черта русскаго характера, необыкновенная смѣлливость, даетъ рекруту средства легко освоиться съ самыми затѣйливыми особенностями матросскаго ремесла, а большое число порядочныхъ машинистовъ, начинающихъ наконецъ формироваться на судахъ нашего флота, доказываетъ, что доступно русскому человѣку и машинное дѣло, гораздо болѣе сложное. Немнѣя понятія о томъ что такое простуда, мальчишкой выскакивая на морозъ въ одной рубашонкѣ, валяясь въ снѣгу послѣ самой горячей бани, матросъ нашъ способенъ (что весьма важно при всеобщемъ введеніи пара) сдѣлаться превосходнымъ кочегаромъ⁽¹⁾, способенъ переносить всѣ перемѣны климата кругосвѣтнаго похода, гдѣ часто черезъ двѣ—три недѣли вслѣдъ за невыносимымъ жаромъ экватора и тропиковъ приходится испытывать холода у мыса Горнъ или на переходахъ большими широтами Индѣйскаго океана. Прибавивъ къ сказанному еще одну черту народнаго характера, *большое національное самолюбіе*, мы увидимъ, что разумное развитіе его въ экипажахъ нашихъ судовъ дѣлаетъ ихъ послѣ

(1) Кочегарами называются на суднѣ люди, занимающіеся топкой печей въ машинѣ.

двухъ, или трехлѣтняго плаванія достойными соперничать въ самыхъ сложныхъ, въ самыхъ трудныхъ эволюціяхъ съ матросами первыхъ морскихъ державъ Европы (1). Наконецъ если всѣ доводы здѣсь приведенные покажутся недостаточными, то остается развѣ прибавить, что не говоря о возможности комплектаціи флота матросами изъ внутреннихъ прирѣчныхъ губерній, возможности, основанной на историческихъ преданіяхъ, на особенностяхъ русской народной жизни и національнаго характера, подтверждаемой результатами опытовъ десятковъ лѣтъ и глубокимъ убѣжденіемъ, вытекающимъ изъ практическаго знакомства съ предметомъ, мы еще можемъ многого надѣяться отъ разрѣшенія вопроса комплектаціи военныхъ экипажей помощью конскрипціи приморскихъ жителей (какъ во Франціи) или другими болѣе популярными, болѣе современными, хотя къ сожалѣнію еще не вполне разработанными способами. На берегахъ Балтійскаго, Чернаго, Каспійскаго и Бѣлаго морей, по берегамъ такихъ большихъ и судоходныхъ рѣкъ, какъ Волга, Донъ, Днѣпръ, Днѣстръ, Двина живетъ много людей способныхъ доставить экипажи сотнямъ купеческихъ судовъ. На нихъ прежде обращалось мало вниманія; для морского образованія, для развитія у нихъ охоты къ морю почти ничего не сдѣлано; но дѣло принимаетъ другой оборотъ. Нѣсколько человѣкъ талантливыхъ писателей посылались для изученія быта, образа жизни, средствъ и желаній жителей поморья. Исполненные интереса и наблюдательности рассказы гг. Максимова и Афонасьева-Чужбинскаго познакомили съ ними читающую публику. Этими же вопросами занимались и занимаются люди болѣе спеціальныя: въ «Морскомъ Сборникѣ» печатается цѣлый рядъ превосходныхъ статей, показывающихъ что такое русскіе берега, ихъ богатство, ихъ комерческая будущность (2). Такъ напримѣръ изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ г. Вольдемаромъ въ статьѣ *чьмъ должны и чьмъ могутъ наши морскія училища содѣйствовать развитію нашего морского дѣла* («Морской Сборникъ», августъ 1862) оказывается, что въ прибалтійскихъ провинціяхъ уже есть около двухъ тысячъ практическихъ моряковъ (купеческихъ); сверхъ того по тому же берегу отъ Полагена до Нарвы (на основаніи подробныхъ статистическихъ свѣдѣній, собранныхъ г. Вольдемаромъ въ

(1) Такъ напримѣръ: фрегатъ Полканъ послѣ трехлѣтняго плаванія въ Средиземномъ морѣ былъ постояннымъ предметомъ восхищенія французскихъ и англійскихъ эскадръ и по содержанію судна и достоинству экипажа встрѣчалъ многихъ соревнователей, но не могъ найти ни одного соперника!..

(2) Какъ напримѣръ замѣчательная статья г. Шаврова, «Восточный берегъ Чернаго моря и его значеніе для развитія русскаго мореплаванія», статья г. Петриченки — Каспій, его «Промышленность и торговля» и нѣсколько другихъ.

1860 году) около девяносто тысячъ человѣкъ, занимающихся рыболовствомъ на морѣ, прибавьте нѣсколько тысячъ финляндцевъ-матросъ, испытанныхъ и совершенно надежныхъ, прибавьте смѣлыхъ бѣломорцевъ, проводящихъ всю жизнь въ трудныхъ морскихъ промыслахъ, возьмите всѣхъ плавающихъ у береговъ Чернаго моря, Каспія, жителей большихъ рѣчныхъ бассейновъ, жителей большихъ озеръ, и получится круглая цифра, достаточная не только для будущаго коммерческаго флота Россіи, но и обѣщающая при толковомъ вниманіи къ ея образованію, при нѣкоторыхъ средствахъ, употребленныхъ къ обезпечиванію ея существованія, обѣщающая дать нашему военному флоту если и не постоянный источникъ его силы, то покрайней-мѣрѣ хорошій резервъ, почти ничего нестоющій правительству и между тѣмъ въ случаяхъ быстраго снаряженія большаго отряда судовъ, резервъ всегда способный пополнить кадры военныхъ матросъ, кадры, обезпечиваемые практическими плаваніями эскадръ въ внутреннихъ моряхъ (какъ на примѣръ балтійская практическая эскадра) посылками отдѣльныхъ судовъ за границу и *которыхъ благоразуміе и пониманіе дѣла конечно заставитъ всегда готовить исподволь!* Какія именно мѣры и средства могли бы развить въ приморскихъ жителяхъ желаніе прелаться морской жизни, составляло уже предметъ нѣсколькихъ дельныхъ статей «Морского Сборника» и вѣроятно послужитъ темой особеннаго изученія и изслѣдованія специалистовъ, командируемыхъ морскимъ министерствомъ собственно съ этою цѣлью. Важность развитія нашего собственнаго купческаго флота доступна самымъ близорукимъ. Важность эта, какъ основательно доказываетъ г. Шавровъ въ статьѣ *Восточный берегъ Чернаго моря* («Морской Сборникъ» сентябрь и октябрь 1862), удесятерится для Чернаго моря съ прорытіемъ Суэскаго канала, для Балтійскаго она уже и теперь осязательна, а потому нѣтъ сомнѣнія съ прохожденіемъ финансоваго кризиса, на этотъ капитальный вопросъ обратятъ наконецъ болѣе вниманія. Въ ожиданіи же доказавъ фактически, что и съ тѣмъ что уже есть подъ рукой, русскій военный флотъ имѣетъ хорошихъ матросъ, мы теперь перейдемъ къ третьему условію, которое по словамъ г. Ксавье-Раймона, а такъ же на основаніи до сихъ поръ общепринятаго мнѣнія, необходимо для пополненія и обезпечиванія двухъ первыхъ условій (денегъ и морскаго народонаселенія). Это третье условіе — промышленность, промышленное могущество и обойти молчаніемъ его прежнее и настоящее значеніе для военныхъ морскихъ силъ, безъ сомнѣнія было бы крайне не логично.

Дойдя до того, что такое русская промышленность, невозможно не почувствовать тягостнаго и совершенно понятнаго чувства разо-

чарованія ; разочарованія не потому, чтобы ея вовсе не было, нѣтъ: промышленность есть и даже какъ-будто-бы имѣеть желаніе начать пошевеливаться нѣсколько скорѣй чѣмъ прежде ; разочарованіе происходитъ отъ сравненія нашихъ средствъ, нашего природнаго богатства съ средствами и тѣмъ, чѣмъ надѣлила природа сосѣдей ; разочаровываютъ главное результаты сравненія того что другіе дѣлаютъ съ малымъ и что мы могли бы, но что у насъ такъ плохо клѣтится со многимъ ! Къ счастью въ отношеніи, въ которомъ промышленность необходима для парового флота, она движается еще несовершенно дурно ; такимъ образомъ машинное производство стоитъ уже на довольно твердой почвѣ и если (въ чемъ трудно сомнѣваться) правительство станетъ продолжать заказы нашимъ заводчикамъ какъ до-сихъ-поръ дѣлало даже съ нѣкоторыми пожертвованіями (въ быстротѣ исполненія, тщательности работы и относительно большей стоимости машинъ) (1), то можно надѣяться, что чрезъ нѣсколько лѣтъ мы выйдемъ наконецъ изъ тягостной зависимости англичанъ. Въ подтвержденіе послѣдняго и чтобы видѣть какія услуги промышленность уже успѣла оказать военному флоту не смотря на ея младенческое состояніе въ Россіи, возьмемъ нѣсколько фактовъ еще свѣжихъ въ памяти ; такъ напримѣръ, во время восточной войны, въ два года (1855 и 1856) построено 14 паровыхъ корветовъ, 6 клиперовъ и 75 винтовыхъ канонерскихъ лодокъ : сложность ихъ машинъ представляетъ около 9,000 паровыхъ силъ и если такая цифра вдвое меньше того что успѣло доставить англійское машинное производство въ одинаковый періодъ времени, то кому неизвѣстно давно ли мы обзавелись заводами?.. Въ русскомъ флотѣ въ настоящее время 248 паровыхъ судовъ съ нарицательнымъ числомъ силъ въ 37 тысячъ ; болѣе 16 тысячъ построено въ Россіи, а такая цифра свидѣтельствуетъ довольно убѣдительно, что машинное дѣло у насъ все же не стоитъ на мѣстѣ !.. Правда, чтобы быть вполне справедливымъ необходимо прибавить, что первые опыты не всегда отличались удачей и стояли дорого, что паровыя машины клиперовъ и корветовъ были неудовлетворительны, доставляли много хлопотъ механикамъ, много скверныхъ часовъ на долю командировъ и офицеровъ, плававшихъ съ ними на Амуръ и обратно. Все это совершенно справедливо и между-тѣмъ ни сколько не-

(1) Машина въ 800 силъ фрегата Олеги, приобретенная съ одного изъ лучшихъ заводовъ Англій (Mudslayand Fild) обошлась правительству 349,358 руб. 97 к. Механизмъ для фрегата Александръ-Невскій въ то же число силъ стоитъ на Ижорскихъ заводахъ 417,728 руб. и одинаковая же сумма (т. е. 417,723 руб.) издержана на машину въ 800 же силъ фрегата Дмитрій-Донской, заказанную на заводѣ Берда въ С. Петербургѣ.

мѣшаетъ надеждѣ на лучшее, тѣмъ болѣе, что принимая въ расчетъ при какихъ обстоятельствахъ исполнялись заказы, помня хорошо съ какимъ пренятствіемъ, предубѣжденіями и недостатками приходилось бороться, мы видимъ послѣдніе образчики русскаго механическаго производства, такіе напримѣръ какъ машины фрегатовъ Ослябя и Пересвѣтъ, машины въ 800 силъ фрегатовъ Дмитрій-Донской и Александръ-Невскій, воплѣтъ оправдывающіе наше мнѣніе и свѣдѣтельствующіе, что хотя русскимъ заводчикамъ не хватаетъ еще кое-чего въ исполненіи контрактовъ на срокъ; хотя заказы, дѣлаемые имъ, стоятъ дороже чѣмъ въ Англіи, но что при всемъ этомъ, относительно тщательности и чистоты отдѣлки успѣхъ близокъ къ переходу изъ надежды въ дѣйствительность. Обращаясь къ постройкѣ судовъ, выводы, представляемые на судъ читателей, походя въ началѣ на то что сказано о русскомъ машинномъ производствѣ, даютъ результаты еще утѣшительнѣе и на основаніи ихъ и общаго правила, построеннаго на аксіомѣ: *что всякое дѣло, какъ-бы оно сначала ни казалось труднымъ, при сознаніи его необходимости, настойчивостію и энергіею доводится до совершенства*, — мы твердо вѣримъ, что еслибы примѣръ другихъ государствъ заставилъ Россію приступить къ перестройкѣ флота изъ деревяннаго въ желѣзный, то при изобиліи матерьяловъ для такой перестройки, русскіе корабельные инженеры и заводы дадутъ намъ возможность не отстать и на этомъ пока еще совершенно новомъ поприщѣ; теперь же перейдемъ къ настоящему. Суда наши строились и строятся съ подряда и казенными средствами и какъ тѣмъ такъ и другимъ образомъ постройка ихъ еще не очень давно производилась до того неудовлетворительно, что не проходило ни одного дальнаго, даже самаго обыкновеннаго плаванія безъ захода въ доки, безъ исправленій въ заграничныхъ портахъ, не только дорого стоившихъ, но и выставившихъ на показъ спеціалистамъ и морякамъ другихъ странъ младенческое и жалкое состояніе русской корабельной архитектуры! Подобное положеніе дѣлѣ не могло долго длиться и благодаря гласности, мало того, что дозволенной, но даже поощряемой, во флотѣ неудачи сдѣлались публичными, стали обсуживаться въ Морскомъ Сборникѣ. Въ офіціальномъ отдѣлѣ этого журнала появились рапорты командировъ, прямо и рѣзко говорившихъ о недостаткахъ своихъ судовъ, о необходимости, о средствахъ къ ихъ устраненію; на нашихъ веряхъ закипѣла много рода дѣятельность; корабельные инженеры, получивъ извѣстный процентъ со стоимости судна, болѣе обезпеченные чѣмъ прежде въ матерьяльномъ отношеніи, являясь посреди собою суда, построенныя по лучшимъ образцамъ въ Соединенныхъ-штатахъ, во Франціи и въ Англіи, проникнутые наконецъ духомъ времени и тяжестью от-

вѣтственности, вышедшей изъ тѣсныхъ предѣловъ департаментовъ, корабельные инженеры стали строить такіе суда, съ которыми намъ морякамъ не совѣстно показаться на какомъ бы то ни было иностранномъ рейдѣ. Таковы большіе фрегаты Олень, Дмитрій-Донской, Александръ-Невскій, таковы въ особенности новые клиперы Алмазь Жемчугъ и другіе. Частныя верфи Финляндіи служили и еслибы оказалось нужнымъ продолжать деревянныя постройки, то еще и послужать большой подмогой казеннымъ адмиралтействамъ. Суда ими созданныя нисколько не уступаютъ англійскимъ, и клиперъ Абрекъ, одинъ изъ нихъ, находящійся теперь на станціи у береговъ Китая, составляетъ предметъ восхищенія моряковъ китайскаго моря и Восточнаго Океана... (1) Подобные результаты конечно весьма удовлетворительны и могли бы быть достаточными, еслибы морское искусство двигалось впередъ медленнѣе чѣмъ оно движется, или если бы вопросъ о будущности флота не былъ въ совершенной зависимости отъ исхода опытовъ надъ броней и надъ паръными орудіями. Морскіе офицеры и инженеры, пользующіеся авторитетомъ и уваженіемъ, посланы правительствомъ для того чтобы слѣдить на мѣстѣ за рѣшеніемъ вопроса и какъ слышно, они въ скоромъ времени познакомятъ публику съ результатомъ своихъ наблюденій; теперь же высказавъ личное мнѣніе по этому предмету мы доказали, что за элементами нужными для флота въ Россіи недостатка не будетъ. Что касается до послѣдняго изъ нихъ т. е. до машиннаго производства, мы имѣемъ всѣ причины думать, что призванное играть такую важную роль въ недалекомъ будущемъ, оно обращаетъ все вниманіе морской администраціи и какъ ни пріятно въ мирное время имѣть исправныя суда, прекрасныя могущественныя паровыя машины, непроницаемыя блиндированныя батареи и канонерскія лодки, но еще пріятнѣе и главнее еще важнѣе неочутиться въ невозможности строить ихъ у себя дома въ военное время когда обращаться за помощью къ сосѣдямъ будетъ не всегда удобно! Безъ сомнѣнія при начальныхъ опытахъ съ желѣзными судами намъ нельзя обойтись безъ заграничныхъ заказовъ, всегда разорительныхъ, безъ сомнѣнія Италия, Испанія, Давія и другія государства приобѣгаютъ къ нимъ, но какъ бы дорого намъ ни стала наука, мы должны усвоить се и наше сравненіе чѣмъ были наши военныя суда 5 лѣтъ назадъ и что они теперь, другія условія, обладаемыя Россіей для со-

(1) Абрекъ обогналъ недавно на нѣсколько часовъ при входѣ въ Шинхай англійскій пароходъ Лаймунъ, знаменитый своимъ ходомъ и построенный извѣстнымъ коммерческимъ домомъ Dent and Co для того чтобы онъ могъ обгонять всѣ англійскіе почтовые пароходы.

держанія флота, все это взятое вмѣстѣ съ военной и политической необходимостью развитія морскихъ силъ обѣщаетъ успѣхъ, если и не чрезвычайно быстрый, то тѣмъ не менѣе дѣйствительный!..

Ну чтоже, хоть бы и такъ, скажутъ читатели, хоть бы доводы ваши о русскомъ флотѣ и не лишены были основанія, все же что значить то что мы можемъ выставить на морѣ въ сравненіи съ тѣмъ что могутъ выставить англичане; какую пользу принесетъ Россіи ея незначительный флотъ, чѣмъ оправдываются пожертвованія на его содержаніе, какое вліяніе возможно для него въ политическомъ отношеніи, какое значеніе въ военномъ? Отвѣчать на такія возраженія мы беремъ тѣмъ съ большей охотой, что между нападками на флотъ ихъ не рѣдко приходилось слышать, и на первый планъ почти всегда выдвигается ничтожность нашихъ силъ сравнительно съ Англіей. Отвѣтъ мы и начнемъ съ того, что скажемъ: «Да, дѣйствительно, число нашихъ судовъ незначительно, но нынче уже доказано, что сила флота измѣряется не количествомъ, а качествомъ, и если намъ удастся достигнуть, чтобы строя не много, мы строили дѣйствительно хорошо; если каждое изъ русскихъ военныхъ судовъ выйдя изъ порта готово будетъ по первому приказанію яти немедленно въ какую бы часть свѣта его ни послали; если мы достигнемъ, чтобы суда наши относительно крѣпости постройки, удобства внутренняго расположенія, вооруженія артиллеріей и развитія морскихъ качествъ экипажа не только бы не уступали англійскимъ судамъ, но были бы совершенствомъ своего рода, тогда (сейчасъ докажемъ справедливость всего здѣсь сказаннаго фактами), восемь или десять большихъ фрегатовъ, столько же корветовъ, дюжина холоковъ клиперовъ, нѣсколько броненосныхъ батарей и возможно большое число броненосныхъ канонерскихъ лодокъ, тогда этотъ совершенно вѣроятный и пропорціональный средствамъ государства составъ флота, обезпечивая наши берега и политическое значеніе, доставитъ почетное мѣсто Россіи между морскими державами и заставитъ уважать нашъ флагъ. Конечно такой составъ будетъ полезнѣе, несравненно полезнѣе тѣхъ десятковъ сто-пушечныхъ и осьмидесяти-пушечныхъ кораблей, которые вытлуптые въ струнку отъ Толбухина маяка и до передовыхъ батарей Кропштадта, конечно тѣшили на смотрахъ наше самолюбіе многочисленностью и красивымъ наружнымъ видомъ, но построенные на старыхъ началахъ, изъ дряблага сосноваго лѣса, съ командами, бывшими въ морѣ два много три мѣсяца, были все-таки дрянными судами: численность ихъ ровно ничего незначила и не смотря на все желаніе адмираловъ и офицеровъ, не смотря на природныя добрыя качества матросъ, ложная система, ложныя начала, на которыхъ она была создана, взяли

свое, тѣмъ болѣе что къ невзгодамъ тогдашняго положенія, присоединилось повсемѣстное введеніе паровыхъ судовъ и именно въ то время, когда довольствуясь нѣсколькими колесными пароходами, мы торопились настроить какъ можно болѣе парусныхъ. Подоспѣла война, англичане и французы запрудили Балтику могучими винтовыми кораблями; нашимъ паруснымъ оставалось лишь убраться подъ прикрытіе береговыхъ батарей и вотъ тутъ-то и закричали всѣ, что флотъ бесполезенъ, тутъ-то и нужно искать начало того мнѣнія, что мы безсильны противъ англичанъ, здѣсь зародышъ недовѣрія и нерасположенія ко всему морскому въ Россіи!.. Теперь дѣло иначе складывается и не говоря уже, что окончательное введеніе пара даетъ новымъ судамъ болѣе подвижности, усовершенствованное парѣзное орудіе и возможный результатъ опытовъ надъ броней положительно измѣняютъ всѣ условія обороны и не только лишаютъ надежды укрыть наши корабли, наши фрегаты за фортами Кронштадта, но еще напротивъ, ставятъ эти нѣкогда столь грозные форты въ прямую зависимость отъ развитія нашихъ морскихъ силъ... Трудна, и щекотлива такая роль, но на основаніи науки и новѣйшихъ открытій она выпала на долю флота и онъ изъ покровительстваемаго обращается волей неволей въ покровителя! Вопросъ такъ важенъ, Кронштадтъ такъ близокъ къ Петербургу, что дѣло о его оборонѣ заслуживаетъ болѣе подробнаго разбора, приступаю къ которому, мы прежде всего спросимъ читателей, къ чему послужатъ сотни орудій, покрывающія укрѣпленія, еще такъ недавно бывшія въ состояніи обезпечить столицу, къ чему послужатъ форты, стоившіе миліоны, если англичанамъ вздумается прислать эскадру батарей вродѣ изобрѣтенныхъ капитаномъ Кользомъ и дюжины двѣ-три броненосныхъ канонерскихъ лодокъ?... Въ началѣ статьи, говоря о извѣстныхъ пока результатахъ шебуринскихъ опытовъ, мы усомнились въ томъ, чтобы Англія могла выстроить суда дѣйствительно непроницаемыя, способныя идти за океаны, но дѣлалъ подобныя выводы, мы тамъ же сказали, что нисколько не сомнѣваемся, что постепеннымъ утолщеніемъ брони можно наконецъ достигнуть непроницаемости судовъ, предназначенныхъ къ недалекимъ плаваніямъ, а Кронштадтъ не далеко отъ Портсмута и если неуклюжія наполеонскія батареи добрались до Кинбурна, то усовершенствованнымъ батареямъ и лодкамъ англичанъ безъ особеннаго труда (въ особенности же въ лѣтніе мѣсяцы) можно будетъ дойти до Кронштадта... Подойдя къ укрѣпленіямъ и не встрѣтивъ батарей и лодокъ, которыя были бы въ состояніи остановить ихъ движеніе, англійскіе моряки, неуязвимые (или по крайней мѣрѣ трудно уязвимые) за своими желѣзными стѣнами, дѣйствуя колоссальными орудіями пробивающими даже пяти-

дюймовыя желѣзныя плиты, легко справятся съ кронштадскими фортами (1) (даже можетъ-быть не обратятъ на нихъ вниманія и пройдутъ мимо), а тогда гдѣ же преграда на пути къ Петербургу? Какъ и чѣмъ защитить столицу государства, какъ не видѣть безвыходнаго положенія, выпадающаго намъ на долю, и какимы образомъ несогласиться въ настоятельной необходимости наибольшаго развитія нашихъ морскихъ силъ? Да, — по вѣдь какъ ни увеличивайте вы ваши силы, приходить въ голову очевидное возраженіе: англичане всегда могутъ прислать къ Кронштадту болѣе чѣмъ Россія въ состояніи выставить для его обороны и мы опять таки будемъ не въ состояніи остановить ихъ! Не отрицая подобной случайности, замѣтимъ: что во первыхъ, фарватеры, ведущіе къ Кронштадту, узки, большія эскадры развернуть на нихъ трудно, мимо однихъ фортовъ непріятель могъ бы пройти, но если между послѣдними помѣстятся нѣсколько блиндированныхъ фрегатевъ и 7 или 8 непроницаемыхъ батарей, способныхъ благодаря пару перемѣнять мѣсто, если фланги такой эскадры будутъ прикрыты однимъ или другимъ десяткомъ канонерскихъ лодокъ, съ помощью того же пара быстро переносащихся отъ одного угрожаемаго пункта атаки къ другому, то не дѣйствительна ли будетъ тугъ помощь, приносимая флотомъ и не совершенно ли измѣняетъ она условія обороны? *Вотъ* такой же отрядъ лодокъ (понятно, что чѣмъ больше тѣмъ лучше), расположенный въ шхерахъ, командуемый офицерами, заранѣе подготовленными къ назначенію, хорошо знакомыми съ мѣстностью, всегда принесетъ существенную пользу какъ потому, что не дастъ непріятелю безнаказанно хозяйничать на нашихъ берегахъ (какъ онъ хозяйничалъ въ послѣднюю войну), такъ и потому что привлекая на себя часть непріятельскихъ силъ, будетъ угрожать отдѣльнымъ судамъ и отрядамъ. *Въ третьихъ* немногочисленный даже, но хорошо содержимый флотъ, разумно соображаемый съ пуждами страны, во всякомъ случаѣ принесетъ хотя ту относительную выгоду, что зная о его существованіи, для нападенія на Россію нужно будетъ употребить больше силъ, больше денегъ и тамъ, гдѣ еслибы флота небыло или еслибы онъ былъ плохъ и ничтоженъ, успѣхъ обезпечивался съ 15 и 20 судами различныхъ формъ и величины, тамъ понадобится ихъ цѣлая сотня а слѣдовательно понадобятся такіа средства, употребить которыя можетъ заставить уже не одна политическая прихоть, раздраженное (часто неумѣренное) чувство національнаго самолюбія какъ у англичанъ или

(1) Предположивъ даже, что изобрѣтутъ такіа орудія которыя пробьютъ всякую броню, страшная цѣнность этихъ орудій лишаетъ насъ надежды въ скоромъ времени вооружить или форты всѣхъ нашихъ приморскихъ крѣпостей.

славолюбія какъ у французовъ, понадобятся средства, требующія напряженія всѣхъ силъ государства, а потому нападеніе на насъ можетъ послѣдовать лишь въ крайнемъ случаѣ дѣйствительной необходимости. Теперь, чтобы уничтожить послѣдніе доводы, которые намъ могутъ выставить, надобно опровергнуть еще одно мнѣніе, нерѣдко слышанное въ кружкахъ, серьезно интересующихся вопросомъ; мнѣніе это основано на возможности затопить старыя суда на всѣхъ фарватерахъ, велущихъ къ Петербургу и тѣмъ сдѣлать его положительно недоступнымъ англійскимъ эскадрамъ, какъ бы они грозны и многочисленныя ни были. Дѣйствительно, на первый взглядъ кажется нѣтъ ничего легче, но подумавъ немного о послѣдствіяхъ, врядъ ли не придется отказаться отъ подобной мѣры, отказаться *вопервыхъ* отъ того, что затопленіе фарватеровъ окончательно и безвозвратно дѣлаетъ непріятельскій флотъ полновластнымъ господиномъ нашихъ береговъ, *во вторыхъ*, зная о существованіи эскадры, состоящей изъ такихъ судовъ, какъ мы говорили выше, т.-е. лучшихъ образчиковъ своего рода, эскадры немногочисленной, по которой, пользуясь парами и туманомъ, всегда готова вылетѣть въ море, англичане должны будутъ держаться соединенно: для блокады или угрозы Петербургу имъ понадобится собрать всѣ свои силы и такимъ образомъ они уже не будутъ въ состояніи по первому неудовольствію, по первой исторіи, вродѣ скандальной исторіи Паспико въ Греціи, отрядить десятокъ кораблей и фрегатовъ и съ ними (оставляя даже въ сторонѣ намѣреніе брать Кронштадтъ, жечь Петербургъ), дѣлать все что имъ угодно: захватывать купеческіе суда, угрожая бомбардированіемъ налагать контрибуціи на приморскіе города, прекращать нашу торговлю, однимъ словомъ поступать такъ, какъ имъ заблагоразсудится. Къ чему тутъ послужить прекрасная многочисленная армія? къ чему тогда всѣ эти гранитныя крѣпости?.. Покройте берега отъ Выборга и до Нарвы тремя-четырьмястами тысячъ солдатъ, наставьте сколько хотите орудій, что вы сдѣлаете съ ними этому десятку судовъ? Будете ли вы въ состояніи взять, уничтожить ихъ? Съ практической эскадрой, содержимой постоянно въ каналѣ, не прибѣгая ни къ какимъ расходамъ, ни къ какимъ особеннымъ мѣрамъ, не затрачивая лишней копѣйки, Англія посмѣется надо всѣми нашими успіями. Участь великаго народа отдается на жертву краснорѣчія какого-нибудь джентльмена, представляющаго въ парламентъ интересы Гулля или Ливерпуля, участь государства съ семидесятью миллионами жителей останется во всегдашней зависимости отъ интересовъ эгонстической политики страны, жертвующей всѣмъ коммерческимъ выгодамъ и не только этой страны, но Франціи, Соединенныхъ-штатовъ, Испаніи, Италіи, Пруссіи, Шве-

ции, Дании, всѣхъ тѣхъ, которыя владѣютъ флотомъ, *всѣхъ тѣхъ однимъ словомъ, которыя, понимая современное значеніе морскихъ силъ, стараются ихъ развить и усовершенствовать!*.. Можно затопить фарватеры, говорить намъ: — но вѣдь подобное средство защиты столицы не составляетъ ли уже само по себѣ высочайшую степень самоуниженія? Да и есть ли наконецъ дѣйствительная возможность затопить фарватеры такъ, чтобы не оставалось нигдѣ лазейки для канонирскихъ лодокъ, сидящихъ въ водѣ 7 или 8 футовъ какъ тѣ, что теперь составляютъ флотилію англійскихъ мелкихъ судовъ, или сидящихъ въ водѣ 6, 5 и даже 4 фута, какъ тѣ, какіе можно выстроить и какіе безъ сомнѣнія будутъ построены? Затопить фарватеры, ведущіе къ Кронштадту и Петербургу, да это значитъ своими руками уничтожить ихъ коммерческое значеніе въ будущемъ, и если въ пять лѣтъ времени послѣ восточной войны невольнѣ могли очистить входъ въ севастиопольскую бухту, то сколько понадобится времени, успѣій, средствъ, чтобы очистить фарватеры Кронштадта, въ особенности фарватеръ Невы, подверженный песчанымъ наносамъ съ верховьевъ? Что будетъ дѣлать въ такомъ случаѣ наша морская торговля? какъ обойтись безъ нея? и наконецъ, повторяемъ еще разъ, затопленіе фарватеровъ не всегда вѣрное средство спасенія. Морское искусство, артиллерія, машинное производство, съ каждымъ годомъ, съ каждымъ днемъ плутъ огромными шагами къ совершенству. Знаменитый англійскій морякъ графъ Дондональдъ семь лѣтъ тому назадъ мечталъ же о плотяхъ, сидящихъ нѣсколько дюймовъ въ водѣ и вооруженныхъ каждый однимъ орудіемъ большаго калибра; такіе плоты предполагалось разобрать по частямъ, перевести на транспортахъ въ Балтику, собрать ихъ снова на мѣстѣ дѣйствія и потомъ подъ покровительствомъ эскадры мелко-сидящихъ лодокъ везти на кронштадскіе форты. Чтоже будетъ, если суда, углубленныя въ водѣ хотя и нѣсколько болѣе, да удастся покрыть непроницаемой броней? Какъ и чѣмъ, кромѣ флота, уберечь отъ нихъ Петербургъ? Какимъ образомъ, видя до какихъ необыкновенныхъ результатовъ достигли нынѣ военные изобрѣтенія, можно положительно утверждать, что идея Дондональда суждено навсегда оставаться мечтою? Наука еще не сказала своего послѣдняго слова, а на основаніи того что она намъ пока выяснила, государствамъ, примыкающимъ къ морямъ, необходимо позаботиться о морскихъ силахъ; *необходимость эта стоитъ на ряду съ политической самостоятельностью* и теперь, представивъ то чѣмъ русскій флотъ можетъ быть для защиты важнѣйшаго приморскаго пункта Россіи, указавъ оборонительное значеніе нашихъ морскихъ силъ, стараемся объяснить все что возможно для нихъ въ наступатель-

номъ ⁽¹⁾, для чего попросимъ обратить вниманіе на ту дюжину клиперовъ, о которой уже упоминалось при перечисленіи возможнаго состава русскаго флота. Клипера-то эти и есть наше наступательное оружіе, и для читателей не специалистовъ прежде всего скажемъ нѣсколько словъ о томъ что такое подобныя суда? Военный паровой клиперъ (какъ тѣ, что нынѣшней осенью ушли въ Восточный океанъ и въ Соединенные-штаты) прежде всего строится съ цѣлью быть въ военное время полезнымъ крейсеромъ, для чего первое условіе наибольшей ходъ подъ парами; если же при незначительномъ числѣ команды клиперъ беретъ на продолжительное время провизіи и угля, вооружонъ орудіями огромныхъ калибровъ, отличается хорошими морскими качествами, то соединеніе всѣхъ этихъ условій, да еще въ искусныхъ рукахъ, дѣлаетъ его (т.-е. клиперъ) неоцѣненнымъ орудіемъ, способнымъ нанести государству, имѣющему большой коммерческой флотъ, много вреда, а десятокъ подобныхъ клиперовъ безъ всякаго сомнѣнія заставятъ призадуматься Англію несравненно болѣе чѣмъ стотысячная армія!.. ⁽²⁾ Какъ ни кажется невѣроятнымъ такое мнѣніе, основательность его подтверждаютъ многочисленныя факты, какъ изъ прошедшаго, такъ и изъ того что дѣлается въ настоящее время; такъ откидывая въ сторону хлопчато-бумажный вопросъ (какъ ни трудно, но обходятся же теперь англійскія фабрики безъ американскаго хлопка), спрашивается, гдѣ причина необыкновенной уклончивости, снисходительности и даже уступчивости англійской политики въ отношеніи къ американцамъ? отчего такое страшное волненіе по всей Англіи при первой возможности разрыва по дѣлу командора Вилькса? отчего теперь, подвергая всѣмъ ужасамъ голода сотни тысячъ рабочихъ своихъ фабричныхъ городовъ, министерство Пальмерстона и Джонъ-Росселя не смѣетъ признать Южныхъ штатовъ? Отвѣтъ простой: англичане боятся американскихъ крейсеровъ, именно крейсеровъ, а не флота, весьма и весьма незначительнаго; англичане хорошо помнятъ какой вредъ, какіе убытки уже понесли они въ прошлой вой-

(1) Наступательное значеніе русскаго флота мы конечно показывали *только имѣя въ виду, что возможность наступленія увеличиваетъ силу обороны.*

(2) Клипера наши, построенные въ послѣднее время и тѣ, которые еще оканчиваются, представляются именно такими судами. Выстроенные съ особенною тщательностью изъ превосходнаго дуба, съ могучими машинами, дающими имъ 13 узловъ хода, вооруженныя тремя большими поворотными орудіями самыхъ большихъ калибровъ и четырьмя наръзными, имѣя немного команды, большой запасъ провизіи и угля на двѣнадцать дней, суда эти составляютъ надежду всѣхъ вѣрующихъ въ возможность и пользу крейсерства въ военное время и мы не сомнѣваемся, что въ случаѣ нужды, надеждѣ суждено осуществиться.

нѣ отъ американскихъ каперовъ. Морякамъ понеобходимости и по призванію, имъ лучше чѣмъ кому-нибудь другому извѣстно, что если по открытіи военныхъ дѣйствій англійскому флоту не составить особеннаго труда справиться съ пятнадцатью или двадцатью американскими фрегатами и корветами, то съ отдѣльными крейсерами будетъ справиться гораздо труднѣе, да и врядъ ли возможно! За примѣрами недалеко ходить, стоитъ лишь вспомнить 1812 годъ: славное крейсерство капитана Портера на фрегатѣ *Essex* еще у многихъ въ памяти. Впродолженіи трехъ лѣтъ безчисленныя эскадры Англій ловили американскаго моряка-героя: онъ взялъ нѣсколько десятковъ купеческихъ судовъ, нанесъ убытковъ англійской торговлѣ на 13 миліоновъ франковъ, и еслибы примѣръ приведенный здѣсь показался несвоевременнымъ, на томъ основаніи, что тогдашнія суда были еще парусными, то совершенно свѣжія похождения парохода Южныхъ-штатовъ *Sumter'a*, показываютъ, что введеніе пара нисколько не измѣнило вопроса. Кто изъ нашихъ читателей не слышалъ имя *Sumter'a*, кто не читалъ про молодецкія штуки, выкидываемыя имъ съ военными судами Сѣверныхъ-штатовъ; кто не видалъ портрета его во всевозможныхъ иллюстраціяхъ, а въ самомъ дѣлѣ что такое *Sumter*?.. Дрянной купеческій пароходъ, имѣющій полсотни команды, одну пушку на поворотной платформѣ, нѣсколько орудій по бортамъ, незамѣчательный ни крѣпостью постройки, ни даже особенно-скорымъ ходомъ. Казалось бы чего легче, какъ взять и уничтожить его, а между тѣмъ посмотрите сколько времени, усилій, средствъ сѣверо-американцы употребляли для этого; посмотрите какъ *Sumter* выхватываетъ и сжигаетъ десятокъ купеческихъ судовъ Явкѣ, полюбуйтесь какіе лихіе подвиги выкидываетъ онъ, какъ отъ береговъ Америки перелетаетъ къ берегамъ Бразиліи, какъ сегодня въ Мартиникѣ, онъ черезъ мѣсяць смотришь появляется на Средиземномъ морѣ и жгетъ богатаго купца въ виду Гибралтара (!)! Нѣтъ, хорошій крейсеръ, ловко управляемый, можетъ налѣзать безду хлопотъ государству съ всемірной морской торговлей; трудно, чрезвычайно трудно поймать его на широкомъ раздольѣ морей и океановъ, и если «*Essex*» могъ нанести столько убытковъ, если дрянной купеческій пароходъ какъ «*Sumter*» прогремѣлъ на весь свѣтъ, то что же въ состояніи сдѣлать десятокъ клиперовъ вродѣ описанныхъ нами? не пригодятся ли они намъ, и не будутъ ли они единственнымъ наступательнымъ оружіемъ при

(1) Последніе журналы рассказываютъ чудеса про новый каперъ южныхъ штатовъ, пароходъ *Alabama*, взявшій и истребившій до сихъ поръ 22 купеческихъ судна сѣверо-американцевъ.

необходимости войны съ морской державой вродѣ Англіи?.. Тутъ мы очень хорошо знаемъ, что возраженія посыпятся градомъ; намъ навѣрное укажутъ на то что мы сами же говорили о 600 вымпелахъ въ распоряженіи англійскаго адмиралтейства; заранѣе уже слышимъ упреки въ излишней самонадѣянности и сколько разъ, даже въ морскихъ кружкахъ, приходилось оспаривать мнѣніе о томъ, что при своихъ громадныхъ средствахъ англичане не позволяютъ ни одному изъ русскихъ судовъ высунуться изъ порта!.. Что же, и мы повторимъ вмѣстѣ со всѣми: да, англичане имѣютъ колоссальный флотъ! да, неисчерпаемы и безчисленны средства Англіи, но зато безчисленны и нужды, *поле же дѣйствій — весь земной шаръ!*.. На этомъ основаніи, предполагая самое худшее и почти невозможное, предполагая, что забывъ тяжкіе уроны прошедшей войны, откинувъ въ сторону основныя условія здравой политики, мы вслѣдствіе какой-нибудь непредвидимой необходимости, вынуждены будемъ имѣть войну съ Англіей одни, необезпечивъ себя союзомъ съ другими морскими державами, должны будемъ положиться только на то что сами имѣемъ, — и что же? Даже въ этой печальной обстановкѣ, клипера, или говоря вообще наши крейсера слѣдаютъ свое дѣло, а чтобы предупредить сомнѣнія стоитъ только вспомнить какъ придется англичанамъ разбросать свой флотъ. Зная, что морскія силы Россіи въ хорошемъ состояніи, имъ необходимо будетъ сосредоточить большую эскадру въ Балтикѣ, эскадру для блокады береговъ Чернаго моря; понадобится поддерживать значительный флотъ въ Средиземномъ морѣ и въ Англійскомъ каналѣ, усилить морскія станціи у береговъ Соединенныхъ-штатовъ (всегда ненадежныхъ чуть затемняется политическій горизонтъ Англіи), у береговъ Бразиліи, востъ-и ость-Индіи, у мыса Доброй-Надежды. Поморье наше Восточнаго океана при своемъ большомъ протяженіи потребуетъ строгой блокады, потребуетъ слѣдовательно удвоить и утроить число англійскихъ судовъ китайской эскадры; остается потомъ Новая Голандія, берега западной Америки съ портами, удобными для сбыта призовъ, безчисленные острова Тихаго Океана, этотъ лабиринтъ, представляющій такое множество источниковъ для крейсерства; остается конвоированіе и покровительство вѣсколькихъ тысячъ купеческихъ судовъ, которымъ изъ опасенія возможности наткнуться на непріятеля, придется собираться по вѣскольку вмѣстѣ и требовать (какъ они въ прежнія войны и дѣлавали) прикрытія военнаго флага; остается еще наконецъ защита десятковъ колоніальныхъ портовъ и торговыхъ пунктовъ, огромное число которыхъ не допускаетъ и мысли объ обезпечиваніи ихъ обороны

надежными крѣпостями, а сообразивъ все это, нельзя не согласиться, что въ англійскомъ морскомъ всемогуществѣ есть своя слабая сторона, есть своего рода ахилесова пятка!.. На станціи у береговъ Амура мы всегда имѣемъ шесть-семь испорченныхъ военныхъ судовъ, три или четыре судна составляютъ эскадру Средиземнаго моря, вотъ уже десять судовъ, а какъ война никогда не объявляется вдругъ, то слѣдовательно число это можно всегда удвоить; можно будетъ наконецъ его усилить исподволь подлѣ какимъ-нибудь предлогомъ и необращая ни чѣго вниманія. Электрической телеграфъ изъ Петербурга доведенъ до Омска; отъ устья Амура уже ведутъ его до Хобаровки на устьѣ рѣки Уссуріи⁽¹⁾; линія отъ Хобаровки до Омска не представляетъ особенныхъ затрудненій и мы имѣемъ полное право надѣяться, что черезъ три-четыре года депеша, посланная изъ Петербурга, можетъ быть получена черезъ два, много три дня начальникомъ русской эскадры Восточнаго океана. Вотъ и средство принять мѣры заранѣе, вотъ и возможность крейсерамъ выдти въ морѣ, а разѣ на свободѣ, чтобы поймать десятокъ клиперовъ, приспособленныхъ для ихъ назначенія, понадобятся сотни англійскихъ судовъ, понадобятся мѣсяцы, а можетъ-быть и годы времени. Приведенный выше примѣръ американскаго фрегата «Essex» показываетъ, что предположенія наши основаны на исторіи морскихъ войскъ, а «Essex» еще былъ одинъ, на немъ было много команды, которую въ подобныхъ обстоятельствахъ трудно продовольствовать; онъ сидѣлъ глубоко въ водѣ и главное не имѣлъ паровъ, дающихъ средства во всякое время, при всякой погодѣ вскочить въ какой бы то ни было портъ, подойти къ какому бы то ни было подвѣтренному берегу! Возьмемъ теперь собраніе случайностей еще болѣе невыгодныхъ, предположимъ, что вмѣсто десяти клиперовъ, или вмѣсто тѣхъ двадцати судовъ, которыя можно будетъ выслать въ море подготовившись, не торопясь, война застанетъ насъ такъ неожиданно, что англичане успеютъ покрыть блокадными эскадрами всѣ берега Россіи, то все же таки мы имѣемъ суда на заграничныхъ станціяхъ, имѣемъ политическихъ агентовъ, слѣдящихъ за положеніемъ дѣлъ. Командиры нашихъ судовъ читаютъ газеты, слѣдовательно всегда могутъ приготовиться, могутъ заблаговременно выбраться на просторъ; потомъ блокада въ настоящее время не въ состояніи дать такихъ результатовъ какъ въ прежніе годы, когда не было пара; берега русскихъ владѣній,

(1) Мы въ особенности обращаемъ вниманіе читателей на выгоду, доставляемую Россіи этимъ телеграфомъ.

въ особенности берега Амура и Манджуріи негостеприимны, плохо описаны, туманны; хорошій ходокъ, выбравъ моментъ, непременно успѣетъ выбѣжать въ море, а разъ на свободѣ онъ уже пойдетъ гулять по своему усмотрѣнію: начнетъ положимъ глѣ-нибудь у береговъ Китая, зашумятъ объ немъ, увидитъ что пришло время убираться, отправится въ Индію; тамъ не ладно — бросится къ берегамъ Новой Голандіи; круто прилетса и здѣсь—предъ нимъ архипелагъ острововъ, откуда, если понадобится серьезныя исправленія, легко взбратъ время и вскочить въ одинъ изъ нейтральныхъ дружественныхъ портовъ, какъ напримѣръ Батавія или св. Франциско въ Калифорніи; въдъ не выставитъ же Англія по броненосному фрегату къ каждой изъ своихъ колоній, къ каждому изъ завоулковъ, куда проникаетъ ея купеческій флагъ, и допуская даже, что проблема недроницаемыхъ броненосцевъ, способныхъ къ дальнимъ плаваніямъ, будетъ рѣшена удовлетворительно, все же на совершенную замѣну ими деревянныхъ судовъ понадобится столько времени, что въ продолженіи его и мы успѣемъ выстроить то небольшое число судовъ, какое необходимо намъ для единственнаго возможнаго для Россіи наступательнаго образа дѣйствій на морѣ, и *если наука и опыты покажутъ, что такія суда могутъ быть покрыты броней, безъ сомнѣнія и у насъ ихъ покроютъ ею*; въ ожиданіи же наши морскія силы не останутся безподезными и въ настоящемъ составѣ! Скажемъ болѣе, предположимъ худшее изъ самого худого, допустимъ, что тотъ десятокъ клиперовъ, который на основаніи нашихъ надеждъ долженъ выйти попытать счастья въ морѣ, окончатъ свое крейсерство самымъ неудачнымъ образомъ; предположимъ, что чрезъ годъ или два военныхъ дѣйствій его возьмутъ, потопятъ, сожгутъ, уничтожатъ, то все же (говоримъ это съ полнымъ убѣжденіемъ) такая потеря для русскаго флота, государства, издержки на постройку и содержаніе клиперовъ окупятся въ десять, въ сто разъ и вредъ, нанесенный англійской торговлѣ, безпокойства въ ея колоніяхъ, вздорожаніе и ненадежность фрахтовъ, паденіе фондовъ на биржахъ, наконецъ моральное вліяніе подобнаго крейсерства будетъ столь велико, что мы не сомнѣваемся — самые невѣрующіе въ необходимость флота для Россіи признаются, что онъ дѣйствительно нуженъ, поймутъ и оцѣнятъ его значеніе!.. Англичанамъ уже и теперь не нравится самое незначительное развитіе нашихъ морскихъ силъ на Восточномъ океанѣ; послѣдняя война еще у нихъ не вышла изъ памяти; они помнятъ какъ въ Гонгъ-Конгѣ, въ Шанхаѣ, въ Новой Голандіи суетились какъ негодяи, какъ тор- мощные просьбами адмираловъ, командовавшихъ ставціями, объ

усиливаніи мѣръ предосторожности; какъ въ ожиданіи появленія нашей небольшой эскадры, купцы, прикащики, чиновники разныхъ гражданскихъ управленій образовывали роты волонтеровъ и намъ самимъ удавалось слышать отъ сэръ Джонъ Боуринга, тогдашняго представителя королевы въ Китаѣ и губернатора Говъ-Конга, комическіе рассказы о томъ какъ его соотечественникамъ вездѣ мерещились старыя фрегаты Палада и Аврора, фрегатъ Діана и корветъ Оливуда, постоянно окруженные и преслѣдуемые многочисленными эскадрами, но все же не доставшіеся въ руки союзниковъ и спасеніемъ своимъ служящіе новымъ фактомъ, подтверждающимъ возможность и пользу крейсерства!..

Политическое значеніе хорошаго современнаго флота важно не менѣ значенія военнаго. Государство наше послѣ неудачной войны, при огромныхъ внутреннихъ преобразованіяхъ, совершающихся въ немъ, при неустоявшемся положеніи финансовъ, пуждается безъ сомнѣнія въ спокойствіи, но бываютъ случаи, и теперь какъ нарочю они повторяются все чаще и чаще, когда несмотря ни на какое миролюбіе, честь націи, положеніе Россіи въ семьѣ другихъ народовъ и неумолимое влеченіе обстоятельствъ вынуждаютъ сказать рѣшительное, сильное слово, и тутъ-то эскадра изъ четырехъ надежныхъ фрегатовъ и нѣсколькихъ корветовъ является какъ нельзя болѣе кстати для приданія слову необходимаго значенія. Исторія послѣднихъ лѣтъ представляетъ множество доказательствъ какъ часто самыя краснорѣчивыя и убѣдительныя поты оставались напрасными и къ несчастію, что бы ни говорили о современномъ прогресѣ, печальныя примѣры дѣйствительности, заставляли разочаровываться даже тѣхъ истинно-доброжелательныхъ людей, которые не теряли надежды международныя недоразумѣнія рѣшать силою разума! Сколько разъ мы были свидѣтелями какъ одна или другая сотня орудій, при помощи пара и электричества отлаиваемая въ распорядженіе посланника вслѣдъ за какимъ-нибудь событіемъ, мѣняла совершенно ходъ дѣла и ставила въ невыгодное положеніе государства, не располагающія достаточными средствами, чтобы подкрѣпить слова своихъ агентовъ такой несовременной, но увы... пока еще неопровержимой логикой!.. Прежде чѣмъ начать рѣшительную войну и обратиться къ напряженію силъ цѣлаго народа, въ послѣдніе годы ввелось въ обыкновеніе тотчасъ же при извѣстии о какомъ-нибудь важномъ политическомъ переворотѣ отправлять къ мѣсту дѣйствія нѣсколько военныхъ судовъ; такая посылка представляетъ значеніе дипломатическому представителю государства, даетъ ему возможность въ случаяхъ крайней необходимости распо-

рядиться немедленно и между-тѣмъ не заставляеть правительства, у которыхъ флотъ въ порядкѣ, прибѣгать къ сотой долѣ расходовъ, вынуждаемыхъ постановкой на военную ногу арміи или даже простого отдѣльнаго корпуса. Такимъ образомъ мы видѣли, что при первомъ извѣстїи о предпрїятїи Гарібальди англійскїя военныя суда явились на водахъ Сициліи; при первомъ извѣстїи о событіяхъ въ Сирїи, эскадры всѣхъ морскихъ державъ понеслись къ берегамъ ея; теперь лишь только получена депеша о возстанїи въ Греціи, вслѣдъ за нею вы читаете, что Англія послала въ Ширей столько-то линейныхъ кораблей и фрегативъ, Франція готовитъ отправить туда свой средиземноморскїй флотъ; Австрія и та послѣдовала общему-примѣру и телеграфъ принесъ извѣстїе, что фрегатъ, корветъ и двѣ канонирскїя лодки уже спѣшатъ въ распоряженіе австрійскаго посольства; что касается до русскаго флота, то запертой болѣе полугода льдомъ въ Кронштадтѣ, онъ не можетъ свободно располагать своими дѣйствїями, но гуть-то и оказывается дѣйствительная польза и *совершенная для насъ необходимость* содержать постоянную эскадру въ Средиземномъ морѣ... Неоцѣненная уже, потому что служить хорошей практической школой, эскадра даетъ случай нашимъ офицерамъ ознакомиться съ образцовыми судами лучшихъ морскихъ державъ, находящихся на этой станціи, доводить морское усовершенствованіе матросъ (черезъ постоянное соревнованіе съ матросами другихъ націи) до высшей степени и главное вѣсколько разъ уже пригожалась и можетъ еще пригодиться правительству при неожиданномъ возбужденїи важнаго политическаго вопроса! Сначала, когда народная жизнь идетъ своимъ чередомъ, политическїй горизонтъ ясенъ, кругомъ все спокойно и тихо, начинается обыкновенно подыматься мнѣніе, что средиземноморское плаваніе только прогулка, что не стоитъ посылать суда на такіа спокойныя и вмѣстѣ съ тѣмъ дорогїя станціи, что ужъ если нужно практиковаться, пусть ихъ себѣ идуть на Амуръ: тамъ покрайней мѣрѣ хорошенько покачаетъ, и многое другое въ такомъ же родѣ. Но вотъ грянулъ громъ надъ бывшимъ неаполитанскимъ королевствомъ, — посланникъ требуетъ фрегата къ Неаполю; Сицилія въ возстанїи, всѣ морскїя державы посылають туда свои суда, повалился фрегатъ въ Палермо; друзья принялись рѣзать маронитовъ — давайте поскорѣй эскадру въ Сирїю: тамъ льется кровь единовѣрцевъ — и хорошо еще что подоспѣли-то вовремя, такъ вовремя, что появленіе русскаго фрегата Илья-Муромецъ, пришедшаго изъ первыхъ на мѣсто дѣйствїя, спасаетъ Бейрутъ отъ побоища и поднимаетъ до нельзя упавшїй духъ христіанъ вездѣ по сосѣдству. Те-

перъ возьмемъ послѣднія произшествія. Греція въ возстаніи, у Австріи даже нашлись интересы, потребовавшіе немедленнаго присутствія морской силы; неужели интересы Россіи менѣе значительны. Вотъ когда бы Россіи пригодился сильный флотъ, вотъ въ какихъ обстоятельствахъ окупаются расходы на его содержаніе, вотъ какимъ образомъ, не вовлекая государство въ войну и явсь немедленно въ Пирей, постоянно содержащая эскадра Средиземнаго моря заставила бы подумать нашихъ враговъ и дѣйствительно бы пригодилась союзникамъ!.. Старинная пѣсня, что англичане нашьютъ столько судовъ, что мы не посидѣмъ и пикнуть, послѣ всего сказаннаго выше, не думаемъ, чтобы заслуживала здѣсь серьезнаго опроверженія... Развѣ англичане одни, развѣ телеграфъ не провозгласилъ уже, что за англійской эскадрой пойдетъ французская и кто же повѣритъ въ возобновленіе сердечнаго согласія двухъ враговъ—недрузговъ, при положеніи, занятомъ ими въ восточномъ вопросѣ?.. Оставляя политическія событія въ Греціи идти своимъ чередомъ, перенесемъ наше вниманіе нѣсколько далѣе, посмотримъ что дѣлается на берегахъ Малой Азіи и вообще въ Турціи и увидимъ что, народное броженіе повсемѣстно, вездѣ христіанское народонаселеніе, утомленное долгимъ игомъ, подымаетъ голову, ежечастно и ежеминутно возможно повтореніе исторіи съ фрегатомъ Илья-Муромецъ, вездѣ и повсюду не будетъ лишнимъ присутствіе небольшого, но исправнаго отряда военныхъ судовъ!.. Уменьшивъ свой флотъ на Черномъ морѣ неужели мы добровольно потеряемъ вліяніе въ Балтикѣ по преувеличенному понятію о своей несостоятельности, *по недоверію къ тому что мы дѣйствительно можемъ?* Швеція, Данія, Пруссія увеличиваютъ морскія вооруженія, — положеніе Россіи на Балтійскомъ морѣ таково, что намъ волей-неволей необходимо идти въ уровень съ ними, и даже стараться превзойти ихъ!.. Русскія владѣнія по берегамъ Сибири и Манчуріи почти граничатъ съ англійскими въ Китаѣ; самые южные изъ нашихъ портовъ (портъ Посыетъ, Новгородская гавань, Владивостокъ и другіе) отстоятъ на нѣсколько дней пути отъ Шанхая; близко, очень близко (всего 600 миль) отъ нихъ и до Япоіи, гдѣ англійская торговля развивается не по днямъ, а по часамъ; важны они въ настоящемъ, но еще важнѣе въ будущемъ, и что же? Неужели же возможно обойтись безъ эскадры на Восточномъ океанѣ? не пригодится ли такая эскадра Россіи и помимо практической пользы для нашихъ моряковъ, не менѣе ли серьезно ея присутствіе на отдаленномъ востокѣ въ часто политическомъ смыслѣ?

Необходимый для обезпечиванія военнаго положенія страны, не менѣе необходимый для приданія вѣса и самостоятельности нашей политики, флотъ, что касается до русской торговли, конечно не имѣетъ того значенія, какое имѣетъ флотъ Франціи, Англіи и Соединенныхъ-штатовъ относительно торговли этихъ государствъ. Можно ли однакоже утверждать, чтобы нашъ флотъ не пользовался вовсе никакимъ значеніемъ, — это другой вопросъ, и если русская морская торговля не производится въ большихъ размѣрахъ, если купеческія суда наши мы до-сихъ-поръ еще не считаемъ тысячами, то все же они есть: русскій купеческій флагъ довольно часто появляется въ Балтикѣ, въ Черномъ и Средиземномъ моряхъ, въ Каспій, Бѣломъ морѣ и даже на берегахъ Китая и Японіи. Въ заграничныхъ плаваніяхъ купеческія суда всегда могутъ встрѣтить нужду въ пособіи, защитѣ и покровительствѣ, въ особенности же находясь въ портахъ народовъ полуобразованныхъ, не уважающихъ международныхъ законовъ мореплаванія, и преклоняющихся только предъ появленіемъ силы. Немного лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ наши купцы начали снаряжаться за море, а уже можно указать на вѣсколько случаевъ дѣйствительной помощи, полученной ими отъ судовъ военныхъ; такъ напримѣръ пароходъ амурской компаніи, Феодосій, едва не былъ конфискованъ мандариномъ-губернаторомъ Шанхая, на основаніи лишь дикаго китайскаго произвола. Присутствіе корвета Калевалы, подоспѣвшаго весьма кстати, спасло Феодосій и не случись корвета — не помогли бы самыя краснорѣчивыя ноты нашего шанхайскаго консула!.. Содержаніе морскихъ силъ, способныхъ внушить уваженіе, полезно для коммерческаго флота и потому еще, что удерживая неумѣренные порывы эгоизма, самолюбія и торговой жадности другихъ морскихъ державъ, избавляетъ купеческія суда отъ угрозъ конфискаціи и блокады, такъ часто парализующихъ коммерческую дѣятельность народовъ слабыхъ и невладѣющихъ морскими силами для своей защиты!.. Для такихъ народовъ—Франціи, Англіи (мы выше достаточно выяснили справедливость подобнаго мнѣнія), стоитъ лишь погрозить прислать практическія эскадры; для нихъ, они могутъ привести угрозу въ исполненіе каждую минуту, неиздержавъ лишняго шидинга, а коммерція между тѣмъ въ смущеніи: являются сомнѣнія, останавливаются торговые предпріятія. Зная же, что интересы страны покровительствуются сильнымъ флотомъ, угрозы становятся шекотливыми: чтобы грозить необходимы значительные расходы, а чтобы дѣйствительно разразиться — не обойтись безъ содѣйствія цѣлаго народа, сколько извѣстно далеко не всегда сочувствующаго правитель-

ствамъ въ подобныхъ случайностяхъ! Потомъ для русскаго купеческаго мореходства военный флотъ можетъ быть полезнымъ еще въ одномъ совершенно исключительномъ случаѣ: матросы нашихъ военныхъ судовъ, срокъ службы которыхъ уменьшенъ до четырнадцати лѣтъ (въ особенности же если его уменьшать еще на пять), выходя въ отставку въ хорошей порѣ и неутративши силъ, могутъ (и это мы сейчасъ подтвердимъ примѣромъ), ваниматься на купеческія суда. Такъ по возвращеніи изъ кругосвѣтнаго похода фрегата Аврора, болѣе сорока человекъ матросъ поступили съ него на суда російско-американской компаніи, на пароходы сѣвернаго общества, и нѣкоторыхъ другихъ волжскихъ обществъ. Развивая и поощряя подобное начало можно дойти до видныхъ результатовъ. Русскій человекъ, часто рабъ привычки, проведя всю службу на морѣ, зная что по выходѣ въ отставку онъ можетъ быть сытъ, одѣтъ и получать отъ пяти до десяти рублей въ мѣсяцъ жалованья, пользуясь другими недорогими стоющими привилегіями, учрежденными отъ правительства, матросъ нашъ способенъ обратиться въ хорошаго купеческаго матроса *и вполне чувствуя, что такой составъ купеческихъ экипажей будетъ не нормаленъ*, мы думаемъ, что пока жители береговъ русскихъ морей достаточно уразумѣютъ свои интересы и привьютъ къ себѣ охоту морской службы, пока слѣдовательно русскія купеческія суда будутъ по примѣру другихъ націй служить источникомъ пополненія нашихъ военныхъ экипажей, отчего же морскимъ офицерамъ и не постараться развить въ своихъ матросахъ желаніе продолжать по выходѣ въ отставку морское поприще, полезное и прибыльное, вмѣсто обращенія къ сохѣ и плугу, десять или пятнадцать лѣтъ забытымъ? Отчего не подѣлаться своими трудами съ купеческимъ флотомъ, будущность котораго во многомъ тождественна съ будущностью флота военнаго? Высказывая такое мнѣніе, намъ нисколько не хотѣлось бы выводить изъ него, чтобъ всѣ надежды русскаго купеческаго мореходства могли бы лишь основываться на военныхъ морскихъ силахъ; напротивъ, мы хорошо понимаемъ, что развитіе послѣднихъ во многомъ зависитъ оттого что успѣютъ сдѣлать для развитія морской торговли; — все это такъ, *но вѣдь все это въ будущемъ*, а рѣчь идетъ о томъ что есть теперь и потому повторяемъ, отчего же не постараться извлечь всевозможной пользы изъ настоящаго? Наконецъ не лишне еще упомянуть объ одномъ весьма важномъ для коммерческаго флота условіи, обезпечиваемомъ ему въ Россіи содѣйствіемъ флота военнаго; условіе это — морская опись, составленіе хорошихъ и вѣрныхъ картъ, однимъ словомъ гидрографія, и въ отношеніи къ ней трудно сказать чтобы ничего не

было сдѣлано. Наши первые кругосвѣтные плаватели обошли свѣтъ не даромъ: труды ихъ пользовались и пользуются уваженіемъ въ морскомъ и ученомъ мірѣ. Опись Балтійскаго моря и Финскаго залива, несмотря на многочисленныя природныя препятствія, произведена и до-сихъ-поръ ежегодно пополняется съ большою добросовѣстностью; тоже самое можно сказать о моряхъ Бѣломъ, Черномъ и въ особенности Каспійскомъ, и хотя безъ сомнѣнія впереди много работы, русскіе берега Восточнаго океана плохо изслѣдованы, но по тому что уже выполнено, гидрографическіе труды русскаго военнаго флота заслуживаютъ нѣкотораго сочувствія и не боясь упрековъ въ самообольщеніи, мы на основаніи вышеказаннаго надѣемся, что значеніе флота для Россіи въ коммерческомъ отношеніи тоже не лишено основанія!..

Указавъ на возможность и средства, обладаемыя Россіей для сохраненія морскихъ силъ, соотвѣтствующихъ достоинству государства, представивъ всѣ причины необходимости ихъ развитія въ военномъ, политическомъ и коммерческомъ отношеніяхъ, мы теперь сдѣлаемъ краткій очеркъ настоящаго состоянія русскаго флота и потомъ скажемъ еще нѣсколько словъ о извѣстныхъ намъ надеждахъ и желаніяхъ большинства морскаго сословія, желаніяхъ, болѣе нежели скромныхъ, въ чемъ не сомнѣваемся согласятся всѣ наши читатели. Общій составъ русскаго флота слѣдующій: 9 линейныхъ кораблей, изъ которыхъ два 130 пушечные (Синопъ и Цесаревичъ) и одинъ 111 пушечный (Императоръ-Николай), 9 винтовыхъ фрегативъ, 8 пароходо-фрегативъ (колесныхъ) 21 корветъ, 11 клиперовъ, 75 винтовыхъ канонерскихъ лодокъ, сверхъ того строятся два большихъ фрегата въ 300 футъ длины, и въ 5274 тонъ водоизмѣщенія каждый (Петропавловскъ и Севастополь); машины на нихъ заказаны въ Россіи, и теперь они оба предназначены къ покрытію броней; одинъ корветъ (Аскольдъ), двѣ броненосныя батареи (одна въ Англіи, и одна въ Петербургѣ), и двѣ большія канонерскія лодки для амурской флотиліи. Наконецъ въ списокъ судовъ флота состоитъ еще нѣсколько императорскихъ яхтъ, транспортовъ, множество разсыльныхъ пароходовъ морскихъ и рѣчныхъ, всего же на-всего въ настоящее время паровой флотъ заключаетъ въ себѣ 63 колесныхъ и 185 винтовыхъ судовъ, вооруженныхъ 2367 орудіями и имѣющихъ 37,700 силъ, цифры безъ сомнѣнія бросающіяся въ глаза. Но для того, чтобы неизмѣнить основному

правилу нашей статьи т. е. добросовѣстности, мы считаемъ своею обязанностию повторить здѣсь еще разъ, что *цифры для измѣренія силы флота значатъ еще меньше чѣмъ для измѣренія силы арміи и что дѣло опять-таки не въ количествѣ, а въ качествѣ*. Что касается до послѣдняго, то всѣмъ намъ, искренно сочувствующимъ успѣху морского дѣла въ Россіи, остается желать многого! Правда, оставляя всторонѣ линейные корабли (ихъ больше уже нигдѣ не строятъ), число фрегатоваго, корветоваго, клипероваго и канонерскихъ лодокъ, близко подходитъ къ числу, соответствующему потребностямъ и средствамъ Россіи, но многіе изъ этихъ судовъ, созданные почти подъ выстрѣлами непріятеля, вслѣдствіе крайнихъ военныхъ надобностей, или же будучи первыми образчиками паровыхъ судовъ русской постройки, не оправдываютъ современныхъ требованій морского искусства; такимъ образомъ 14 корветовъ, 4 старыхъ клипера (два погибли) и всѣ канонерскія лодки⁽¹⁾, хотя еще служатъ и будутъ служить въ некоторое время съ пользою, но по матерьяламъ, употребленнымъ на постройку, по качествамъ механизмовъ, въ особенности же по тому шагу впередъ, который сдѣлали за послѣднія шесть лѣтъ корабельная архитектура и артилерія, роль этихъ 93 судовъ въ будущемъ нашего флота становится уже совершенно второстепенною; присоединяя же къ нимъ колесные пароходо-фрегаты, транспорты, императорскія яхты, множество разсыльныхъ пароходовъ морскихъ и рѣчныхъ, *остатокъ никого не поразитъ многочисленностью*, но за то каждое изъ судовъ его составляющихъ представляетъ силу дѣйствительную и такіе фрегаты какъ Генералъ-Адмиралъ, Дмитрій-Довской, или Александръ-Невскій, такіе корветы какъ Богатырь, Варягъ, Витязь, такіе клипера каковы Алмазь, Жемчугъ, Яхонтъ и Изумрудъ⁽²⁾, составили бы украшеніе всякаго флота! Построенное изъ превосходнаго дубоваго дѣса, по лучшимъ современнымъ образцамъ, вооруженное грозной артилеріей, съ прекрасной машиной, дающей возможно большой ходъ подъ парами, каждое изъ поминovanýchъ судовъ способно по первому требованію идти въ какую бы то ни было часть свѣта, готово вести самую трудную и разнообразную службу!.. Горячо желая прѣусушванія русскому флоту, мы быть-можетъ были слишкомъ строги въ классификаціи наличнаго состава нашихъ морскихъ силъ, но кромѣ общаго

(1) За исключеніемъ одной броненосной лодки Опытъ.

(2) Боясь утомить вниманіе нашихъ читателей неспециалистовъ, мы не перечисляемъ всѣхъ судовъ, которыми русскій флотъ можетъ гордиться; читателямъ же морякамъ они хорошо извѣстны.

правила, что лучше и полезнѣе рассчитывать вѣрно на меньшее, чтобы потомъ когда понадобится не ошибиться въ большомъ, намъ еще служить утѣшеніемъ то обстоятельство, что придерживаясь системы считать лишь совершенные образчики морского искусства, страшная цифра 600 вымпеловъ англійскаго флота уменьшается чуть ли не въ 5 или 6 разъ и тоже самое можно сказать о флотахъ французскомъ, и всѣхъ другихъ морскихъ государствъ!.. Затрачивая миліоны на опыты и на новыя суда покрытыя броней, Англія и Франція конечно хорошо видятъ недостатокъ своихъ прежнихъ винтовыхъ кораблей, своихъ первыхъ судовъ, созданныхъ при общей перестройкѣ флотовъ изъ парусныхъ въ паровые; между тѣмъ подобное сознаніе нисколько не мѣшаетъ какъ французамъ, такъ и англичанамъ извлекать всяческую пользу изъ того что у нихъ пока есть подъ руками. Англійскія практическія эскадры въ каваль и въ Средиземномъ морѣ и французская эволюціонная эскадра состоятъ изъ линейныхъ кораблей, изъ которыхъ многіе имѣютъ машины лишь вспомогательныя, въ 400 или 500 силъ, и по постройкѣ и всему остальному мало чѣмъ лучше нашихъ старыхъ винтовыхъ кораблей, и уже нисколько не лучше трехъ ступенчатыхъ послѣднихъ обрашниковъ судовъ этого рода, построенныхъ на русскихъ верфяхъ; повторяемъ—англичане и французы спѣшатъ созданіемъ новаго современнаго флота. Мы отстали отъ нихъ на этомъ поприщѣ (въслѣствіе крайней ограниченности средствъ, находящихся въ распоряженіи морского министерства), но *потерянное можетъ быть вознаграждено*, а въ ожиданіи, имѣя дѣйствительную силу въ прекрасныхъ фрегатахъ, корветахъ и клиперахъ, можно извлечь и безъ сомнѣнія извлечется не мало пользы изъ всѣхъ остальныхъ судовъ нашего флота, при всемъ несовершенствѣ которыхъ, нигдѣ и ничего не было сказано объ ихъ совершенной негодности! Такъ линейные корабли способны образовать хорошую практическую эскадру, способны вмѣстѣ съ колесными пароходо-фрегатами въ короткое время и безъ большихъ хлопотъ перевести нѣскольکو тысячъ десанта; винтовыя канонерскія лодки въ два послѣдніе года плавали въ финляндскихъ шхерахъ большими отрядами, дали средства офицерамъ хорошо ознакомиться съ однимъ изъ важнѣйшихъ базисовъ нашей будущей морской обороны и если нельзя не желать постройки новыхъ судовъ этого рода, покрытыхъ броней, то естественность и основательность подобнаго желанія не должны разочаровать въ томъ что мы имѣемъ и созданіе чего стоило, не говоря уже о матеріальныхъ пожертвованіяхъ, много усилій, много эвергій!.. Конечно нелегко, отодвигая на второй планъ результаты тру-

довъ цѣлыхъ шести лѣтъ, съ тою же настойчивостью приняться за сложную перестройку флота (или покрайней-мѣрѣ значительной его части), изъ деревяннаго въ желѣзный, но какъ подобная перестройка не есть дѣло прихоти или личнаго произвола, а *важная государственная необходимость*, то мы нисколько не сомнѣваемся, что черезъ три-четыре года русскій флотъ будетъ достоинъ русскаго народа, *въ особенноти же если дальнѣйшее его развитіе встрѣтитъ сочувствіе общественнаго мнѣнія!*..

Послѣ бѣлаго очерка матерьяльной части наличнаго состава нашихъ морскихъ силъ, мы попросимъ читателей обратить вниманіе на то что составляетъ душу всякаго флота, а именно на составъ экипажей русскихъ судовъ и здѣсь самое лучшее и короткое средство начать прямо съ цифры. Въ шесть лѣтъ времени, считая съ 1856 года, перебивали въ дальнихъ и заграничныхъ плаваніяхъ 572 офицера и 10,570 нижнихъ чиновъ. О способности русскаго человѣка сдѣлаться хорошимъ матросомъ было уже сказано выше, равно какъ и о томъ, что для развитія подобной способности офицерамъ понадобилось много трудовъ и невозможно было обойтись безъ познаній; теперь, взявъ самую скромную пропорцію и предположивъ, что изъ тѣхъ 572 офицеровъ, которые назначеніемъ на суда плававшіе постоянно въ морѣ, получили всѣ средства *практическаго* образованія, положимъ, что половина не оправдала общихъ вѣдѣй и ровно ничего не дѣлала (конечно такое предположеніе болѣе чѣмъ проблематическое), то все же остается около 300 человѣкъ способныхъ людей, прошедшихъ большею частью сквозь суровую школу кругосвѣтныхъ походовъ, и составляющіе надежное ядро для будущаго. Справедливость и безпристрастіе такого мнѣнія вполне подтверждаются послѣдними дѣйствительно блестящими плаваніями нашихъ дальноважныхъ судовъ, блестящими не только по скорости перехода, но еще главное — по утѣшительнымъ результатамъ, представляемымъ въ сбереженіи здоровья, благосостояніи и образованіи экипажей; такъ наприимѣръ фрегатъ Свѣтлана сдѣлалъ переходъ изъ Тулона въ Вусунгъ въ Китаѣ менѣе чѣмъ въ четыре мѣсяца безъ всякихъ поврежденій и достигнувъ китайскаго моря, обойдя полсвѣта, выдержавъ жесточайшія штормы, испытавъ самыя рѣзкія перемены климатовъ, имѣлъ число больныхъ на фрегатѣ непревышающее числа больныхъ перваго батальона Преображенскаго полка, стоящаго въ великолѣпныхъ казармахъ въ Петербургѣ и пользующагося всѣми удобствами солдатской жизни (1). Такъ тѣлесныя на-

(1) Фрегатъ Свѣтлана кромѣ того протащилъ на буксирѣ болѣе 1000 миль

казанія, несмотря на суровую дисциплину, вынуждаемую потребностями морской службы, почти выводятся въ русскомъ флотѣ и выводятся сознательно; такъ распространеніе грамотности, матросскія библіотеки, матросское образованіе вообще илеть впередъ, не останавливаясь, не завися отъ колебаній моды и другихъ причинъ, охладившихъ повсемѣстный энтузіазмъ къ воскреснымъ школамъ!.. Прочтите «Морской Сборникъ» за послѣдніе годы, посмотрите какъ серьезны и разнообразны вопросы, разрабатываемые въ немъ, вспомнивъ кто первый поднялъ вопросъ о воспитаніи, о гласномъ судопроизводствѣ и если сообразить все это, то трудно будетъ не признать общаго движенія впередъ цѣлаго сословія, въ особенности же если мы имѣемъ право сказать, что вопросы, выступившіе на сцену въ «Морскомъ Сборникѣ» вслѣдствіе инициативы морской администраціи, далеко не остались безотвѣтными или только теоретически рѣшоннымъ, какъ многіе изъ тѣхъ безчисленныхъ вопросовъ русской народной жизни, пользовавшихся мимолетнымъ сочувствіемъ публики въ послѣдніе 5, 6 лѣтъ!.. Такъ напримѣръ былъ поднятъ вопросъ о здоровьи нижнихъ чиновъ и вотъ какимъ образомъ онъ рѣшонъ практически.

Въ 1853 году число умершихъ относилось къ общей численности командъ какъ 1 : 28,73.

Въ 1861 году отношеніе это какъ 1 : 68,47.

Заговорили о безпомощности отставныхъ офицеровъ, о совершенномъ недостаткѣ пенсіи даже для пропитанія, и вотъ въ морскомъ министерствѣ образовывается эмеритальная касса, капиталъ ея растетъ и составляетъ теперь 3,901,053 рублей серебромъ. Поднялся вопросъ о непомерно-обширномъ составѣ чиновъ морского министерства, о томъ, что суммы, затрачиваемыя на управленіе флотомъ непропорціональны суммамъ, издерживаемымъ собственно на флотъ и кому неизвѣстно до какихъ размѣровъ доводится совершенная реорганизація морского управленія (!); наконецъ важнѣйшій изъ всѣхъ вопросовъ, вопросъ будущности, вопросъ о воспитаніи, такъ долго, съ такимъ трудомъ и постоянствомъ выработываемый, приволится теперь въ исполненіе на самыхъ широкихъ, на самымъ современныхъ началахъ; учреждена морская ака-

корветъ и клиперъ, спѣшившіе по тому же назначенію. Фрегатъ находился въ это время подъ командой капитана 2-го ранга Н. М. Чихачева.

(!) Въ «Морскомъ Сборникѣ» за сентябрь 1862 г. появился краткій очеркъ распоряженій по морскому вѣдомству за послѣдніе 7 лѣтъ, на который мы и обращаемъ вниманіе читателей желающихъ покороче познакомиться съ этими интересными предметами.

демія, младшіе курсы морского корпуса и штурманскаго училища отдѣлены въ особенно-устроенныя гимназіи, гардемарины посланы въ Атлантическій океанъ на одномъ изъ лучшихъ судовъ флота, фрегатѣ Дмитрій-Донской, и если хотя главная часть предположений о морскомъ воспитаніи будетъ добросовѣстно выполнена, мы несомнѣваемся, что молодое поколѣніе русскаго флота, поступивъ на службу по охотѣ и вполне сознательно, проводя всю молодость въ морѣ подъ руководствомъ офицеровъ серьезно подготовленныхъ, находясь постоянно въ соприкосновеніи съ флотами лучшихъ морскихъ державъ, мы несомнѣваемся, что молодое поколѣніе наше, имѣя столь много данныхъ, подаритъ флоту и Россіи такихъ офицеровъ, которые поставивъ высоко имя русскаго моряка въ общественномъ мнѣніи, далеко оставятъ за собою насъ, опредѣленныхъ по большей части въ морской корпусъ еще неразумными дѣтьми по волѣ, или по несостоятельности родителей, испытывавшихъ на себѣ всю тяжесть ложно направленаго воспитанія, насъ, начавшихъ морское поприще на кадетскихъ фрегатахъ, плававшихъ въ виду Петергофа и способныхъ внушить отвращеніе, а не приохотить къ службѣ, насъ, переживающихъ теперь трудное переходное состояніе флота, усиленнаго сперва непропорціонально со средствами государства и преобразовываемаго, во флотъ, который (въслѣдствіе финансоваго положенія страны) уменьшается на время (т. е. опять таки на наше время) до крайнихъ предѣловъ возможности!.. Въ какой мѣрѣ морская молодежь оправдаетъ столь искреннія и задушевные вѣрованія, рѣшатъ послѣдствія, но позволяемъ себѣ сказать здѣсь съ глубокимъ убѣжденіемъ, что вѣрованія эти не только искренни, но даже законны, и если въ тѣсной средѣ прошлаго могли выработаться личности вроде всѣми почитаемыхъ покойныхъ Михаила Петровича Лазарева и Алексѣя Самуиловича Грейга, ежели флотъ прежнихъ временъ могъ сформировать такихъ офицеровъ какъ Корниловъ, Нахимовъ, Головинъ, Белинсаузенъ, и еще многихъ другихъ съ именами менѣе извѣстными публикѣ, но уже успѣвшими заслужить справедливое уваженіе сослуживцевъ, то не вполне ли законны надежды на лучшее, высказываемое относительно молодого поколѣнія, выступающаго на наше трудное поприще уже не ощупью какъ прежде, но прямой широкой дорогой, прекрасно обработанной трудами цѣлаго сословія и нѣсколькихъ авторитетовъ въ дѣлѣ воспитанія, такихъ какъ Пироговъ, Бемъ и другіе!..

Оканчивая нашъ трудъ, необходимъ краткій выводъ изъ всего представленнаго нами на судъ читателей. Для рѣшенія вопроса ну-женъ ли военный флотъ Россіи или нѣтъ, мы прежде всего стара-

лись уяснить историческое значеніе морскихъ силъ, какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ государствахъ; потомъ, показавъ современное состояніе вопроса морской обороны въ странахъ, наиболѣе интересующихся ею, мы перечислили всѣ данныя, имѣемые Россіей для содержанія флота, соотвѣтствующаго ея дѣйствительнымъ потребностямъ. Говоря о русскомъ флотѣ, постояннымъ нашимъ желаніемъ было соблюдать тонъ умѣренности и безпристрастія. Указывая на недостатки прошлаго, на всѣ тяжести настоящей переходной системы, мы въ тоже время твердо помнили современное положеніе Россіи, совершенную необходимость экономіи и общую потребность возможно мирнаго и спокойнаго развитія. На этихъ-то основаніяхъ, не позволяя себѣ никакихъ разсужденій о немедленномъ увеличеніи морского бюджета, мы старались только доказать на сколько могли и умѣли, что суммы, отпускаемыя для содержанія флота не пропадаютъ даромъ и что такъ какъ хорошее состояніе морскихъ силъ необходимо, настоятельно необходимо для политической самостоятельности государства, то и нужно стараться, чтобы онѣ соотвѣтствовали перевороту, производящемуся теперь въ искусствѣ морской обороны. Понятно, что важно, очень важно равновѣсіе бюджета, еще важнѣе уменьшеніе тяжести несомыхъ пародомъ повинностей, но если кругомъ все и всѣ усиленно вооружаются, ежели на горизонтѣ европейской политики одинъ трудный вопросъ смѣняется другимъ труднѣйшимъ и впереди ихъ видимо не видимо, ежели надежды сороковыхъ годовъ о вѣроятномъ рѣшеніи политическихъ недоразумѣній путемъ международнаго посредничества разлетаются прахомъ, то трудно вѣти наперекоръ потоку и хорошо еще, когда стараешься не отстать отъ другихъ, возможно будетъ удержаться въ предѣлахъ умѣренности, а главное *хорошо бы было, еслибы зная объ этой умѣренности, то немного, что позволять затрачивать на флотъ финансы государства, не будетъ оспариваться общественнымъ мнѣніемъ!* Имѣя въ виду читателей неспеціалистовъ, мы прошли молчаніемъ или упомянули лишь въ кратцѣ нѣкоторыя частности, которыя сильно интересуютъ наше морское сословіе; такимъ образомъ, говоря о природной способности русскаго человѣка къ морю, сказано всего лишь нѣсколько словъ о возможности пополненія экипажей военныхъ судовъ другимъ болѣе нормальнымъ способомъ, основаннымъ на развитіи купеческаго флота; такъ о бронѣ и новыхъ орудіяхъ помѣщены лишь свѣдѣнія самыя необходимыя; о колонизаціи Амура и устройствѣ портовъ Восточнаго океана почти ничего не сказано. Такіе пропуски конечно весьма значительны, но не говоря уже о тѣсныхъ рамкахъ жур-

нальной статьи, въ вопросахъ, требующихъ особенныхъ спеціальныхъ свѣдѣній, мы не распространялись и потому что они уже дали temu многимъ серьезнымъ статьямъ «Морского Сборника» и служатъ еще и до сихъ поръ предметомъ изученія для людей, посвятившихъ разработкѣ ихъ все свое время. Что же касается до желаній на будущее, часть которыхъ предполагалось высказать въ заключеніи нашего труда, то окончательно мы пришли къ тому мнѣнію, что лучше умолчать объ нихъ. Желанія человѣческія такъ разнообразны и многочисленны, въ Россіи для нихъ теперь такое широкое поле, что мы въ правѣ думать, что нашъ голосъ скромный и невѣстный утонетъ въ общемъ хорѣ. Есть впрочемъ желаніе и оно такъ законно, такъ горячо раздѣляется всѣмъ сословіемъ, что умолчать объ немъ мы не считаемъ себя въ правѣ; это — *желаніе возможно большаго сочувствія къ флоту и ко всему морскому въ нашей публикѣ, желаніе сдѣлать трудное, суровое ремесло моряка болѣе популярнымъ, болѣе народнымъ.*

БѢГЛЫЕ ВОРОТИЛИСЬ

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I

НОВЫЙ ПОВѢГЪ ИЛЬИ ТАНЦУРА

Илья Танцуръ дѣйствительно убѣжалъ снова. Какъ же это случилось?

— «Все теперь пропало, все! шепталъ онъ, покидая садъ, куда на голосъ Романа кинулись было караульные: — Настя съ отцомъ схвачены по доносу отца; а тутъ того и гляди схватятъ и меня по подозрѣнію въ воровствѣ!»

Будь теперь въ рукахъ его ружье, онъ кажется воротился бы и убилъ бы отца. Илья перескочилъ черезъ канаву изъ сада на Окнину. Въ ухахъ его звенѣло, грудь тяжело дышала, руки дрожали. Онъ отперъ хату, куда полагалъ вскорѣ ввести Настю; вздулъ было огонь, засвѣтилъ плошку, постоялъ безъ цѣли передъ столомъ, сѣлъ и опять погасилъ свѣтъ. Наскоро схватилъ онъ тогда одежду, связалъ въ потемкахъ въ узелъ бѣлье, досталъ изъ-за печки въ тряпичѣ нѣсколько денегъ и вышелъ изъ хаты, не затворивши даже дверей. Онъ постоялъ еще нѣсколько вдали отъ двора, на бугрѣ, прислушиваясь и присматриваясь къ деревнѣ. Кругомъ было тихо и пасмурно. Барскій садъ въ сумеркахъ ночи чернѣлъ безлиственными кущами деревъ. Холмы вблизи бѣлѣли еще не растаявшими снѣжными наметами. По селу кое-гдѣ мигали огоньки. Собаки звонко перекликались въ Есауловкѣ и въ Кон-

скомь-Сыртѣ за рѣкою. Гдѣ-то разлавался не то смѣхъ парней и дѣвокъ, не то чей-то окликъ по улицѣ.

— «Настя съ отцомъ схвачены, думалъ онъ: — ихъ теперь вѣдутъ вѣрно сюда по пересылкѣ; пересылочный путь я знаю. Поиду имъ навстрѣчу. Гдѣ завидю ихъ, переговорю тайкомъ отъ конвойныхъ солдатъ, подкуплю караулъ, либо подговорю за мотырьчъ по дорогѣ народъ, прохожихъ, и отобью ихъ. Что имъ! И взаправду воли не дождешься! когда она еще будетъ! Убѣжимъ въ Молдавію, гдѣ и былъ Талавѣрка; и мнѣ тутъ не житье, да и Настю теперь сялой отладутъ за другого, а имущество свое отецъ ея и заочно продастъ!»

Илья перекинулъ узелъ за плечо и съ палкой пошелъ полемъ за Авдулины-горбы. Рано на зарѣ онъ вошелъ въ крохотный хуторокъ мелкопомѣстной и страшно-обѣднѣвшей барыни, гдѣ въ одной изъ трехъ покачнувшихся на-бокъ избышекъ пропавшаго въ глухой долинкѣ хутора помѣстился семидесятилѣтній сапожникъ Гриценко, который какъ извѣстно также счелъ долгомъ воротиться къ бывшей своей барынѣ изъ тридцати-трехлѣтнихъ бѣговъ. Онъ жилъ теперь у своего внука, тощаго и блѣднаго батрака, отупѣлаго отъ горя и бѣдности и ни на волосъ не вѣрившаго дѣду Гриценкѣ, пророчившему съ печки чудеса новой ожидаемой воли. Когда Илья вошелъ въ ихъ избышку, бѣлый какъ лунь дѣлъ, свѣся съ печки ноги и размахивая худыми и точно пѣгами отъ годовъ руками, шепелявя и плямкая выкрикивалъ:

— «Не вѣришь, Терѣшко? Вотъ увидишь: всѣмъ будутъ даромъ и новыя хаты, и воли отъ казны, и земля отъ помѣщичковъ!»

Увидя входившаго Илью, онъ оторопѣлъ отъ изумленія.

— Что? воля? вскрикнулъ Гриценко, задыхаясь и блѣднѣя отъ радости и волненія: — мужикъ дороже сталь, Илюша? а? Что Богъ тебя сюда занесъ?

Илья бросилъ на лавку одежду, сѣлъ и отвѣтилъ:

— Далеко еще, дѣдушка, до воли! Скажите лучше гдѣ живегъ теперь, знаете, тотъ добрый человекъ что у меня коня укралъ?

— А! Одесскій квасникъ? Карпо Шумѣнко?

— Да... надо съ нимъ за коня посчитаться, деньги до зарѣзу пужны теперь...

— Деньги? Такъ воли еще не сказано?.. Ахъ ты, бѣднякъ, бѣднякъ, а еще сынъ прикащика! Деньги нужны! Ну... Пройдешь Авдуловку, тоже тебѣ верстахъ въ трехъ подь лѣскомъ будетъ хуторъ. Тамъ помѣщикъ убоговъкій живетъ, какъ и наша барыня. Наша все молится; часа по три съ утра торчитъ передь образами, и опять къ ночи; а тотъ съ бѣдности, братъ, все цыплянское дуешь, да боится нашей волы: совсѣмъ тогда пропадетъ... Ейбогу! Наша барыня утромъ это встанетъ, сейчасъ подставитъ къ образамъ скамеечку, взберется и чистенькимъ полотенцемъ всѣ иконы оботрегъ отъ пыли и перецѣлуетъ. Эго она говоритъ: умываться иконамъ даю и здороваюсь съ ними. Оботрегъ съ образовъ пыль и молится, все молится, стоя да пошатывалась. Самъ я, братецъ, Илюша видѣлъ въ окошко однажды; когда возлѣ домика ея обметалъ крыльцо да дорожки чистилъ...

Старикъ засмѣялся, зѣвнулъ и почесалъ грудь себѣ. Илья сидѣлъ молча.

— Ъсть не хочешь ли, Илюша?

— Не хочу ѣсть. Дайте воды напиться... Спасибо, что сказали гдѣ живетъ Шуменко... Прощайте...

— Прощай, Илюша, да смотри, сейчасъ дай знать, какъ о волѣ что будетъ слышно. Придешь? Скажешь, какъ мужикъ вздорожаетъ?

— Хорошо, скажу... только можетъ-быть не скоро...

Илья напился воды и поплелся за Авдуловку. Онъ скоро нашолъ названный ему хуторъ, но Шуменка дома не было; онъ у своего барина на дворѣ плугъ сирավлялъ. Илья нашолъ его подь сарайчикомъ. Старикъ вяло и разсѣянно стукалъ топоромъ, сидя на бревнѣ, и сразу не узналъ Илья, который къ нему подошолъ, пугливо оглядываясь по сторонамъ.

— Что? воля? спросилъ и этотъ, замигаши сѣдлыми бровями, когда узналъ наконецъ подошедшаго.

— Нѣтъ еще. Давай деньги за лѣшалъ; нужно.

— Деньги?.. Денегъ нѣту, хлопчикъ. Гдѣ ихъ взять—то мнѣ теперь? Притомъ же будетъ скоро читано... Съ чѣмъ взяться за хозяйство? Все ждемъ еще, понимаешь!..

— Нужно! рѣзко перебилъ Илья, не поднимая глазъ: — овать иду въ бродяги! Не дашь, кату твою сожгу! Ну, вставай! Да ну же, говорю, ну...

Старикъ всталъ.

— Зачѣмъ тебѣ деньги, Илья? Не подождешь ли пока волю скажутъ?

— Жди ее теперь... Неволю развѣ скажутъ намъ еще худшую, а воли знать вѣчно не будетъ. Послѣ все скажу... Давай! Опять бѣгу, говорятъ тебѣ...

Старикъ оставилъ топоръ и, также оглядываясь по сторонамъ, пошолъ въ свою хатенку за дворомъ. Дорогой онъ вслѣчески хотѣлъ самъ подобраться къ Ильѣ, заигрывалъ съ нимъ.

— Значить: день одинъ да мой? Такъ ли? Значить: опять на волюшку? Эхъ—ма, и я бы... отъ жены—то своей, старухи... Васька Комаръ тоже свою скучаетъ... Что ждать—то! Кажись и взаправду ничего этого не будетъ? А? Не будетъ? Не бросить ли опять и мнѣ домъ? Что толку—то въ голой землѣ на старости лѣтъ?

— Нѣтъ, вы, дѣдушко, оставайтесь. То вы, а это я. Мнѣ очень нужно... Невѣсту мою мучать, терзаютъ...

— Невѣсту?.. Что ты! Сколько же тебѣ денегъ—то за копя отдать? Говори теперь...

— Отдавайте всѣ.

— Не могу.

Илья мрачно покосился на старика.

— Не можешь?

— Не могу... какъ же это такъ... всѣ? Всѣхъ нельзя сразу... Ты еще смотри, барину нашему не сунься жаловаться...

— Я жаловаться? Нѣтъ! Давайте, говорю, деньги; а не то, повторяю сожгу весь вашъ хуторъ... а васъ — берегитесь... не нужны были деньги, не требовалъ; а нужны — давайте сразу...

— Убьешь чай за пустякъ—то? У, душегубъ!

Илья ничего не отвѣтилъ. Но по лицу его было видно, что онъ пришолъ не шутить.

— Бери, бери, горячка! Узнали мы тебя еще дорогою! замѣтилъ старикъ, для виду посмѣиваясь, а между тѣмъ безмысленно хватаясь за полы, за шапку и тычась по хатѣ во всѣ стороны, какъ угорѣлый: бери, всѣ отдамъ! всѣ! Что мнѣ, на старости—то... Я вѣдь пошутилъ... Ты только гляди, Илья, воротись къ намъ: миръ нашъ тебя очень уже полюбилъ! Недавно опять про тебя на сходкѣ тутъ неподалеку всѣ хутора шептались:

на тебя только тутъ у всѣхъ пась темныхъ и слѣпыхъ и надежда. Пойдемъ на чердакъ.

Квасникъ вывелъ Илью въ сѣни, заперъ дверь наружу, взлѣзъ съ нимъ на чердакъ избы и тамъ изъ соломы въ крышѣ досталъ и отдалъ ему сполна всѣ деньги, вырученныя за коня, именно тридцать-пять цѣлковыхъ.

— Теперь ѣсть давай, глухо сказалъ Илья, быстро слѣзая съ чердака.

— Ёсть?.. Откуда же ты?.. Изволь, поищемъ...

— Я съ обѣда вчера ничего въ ротъ не бралъ, а прошолъ за ночь, самъ ты знаешь, безъ малаго тридцать верстъ.

— Куда же ты идешь? Не можетъ быть, чтобъ по поводу невѣсты... Есть другое видно дѣло... Смотри такъ сгоряча по многу не ходи: сразу подобьешься; притомъ видишь, какое тепло настаеъ, половодье; вездѣ рѣки ломать начнетъ, въ оврагахъ вода поднимется. Еще не утонуть бы гдѣ... не горлячись, Илюша!

— Ёсть давай скорѣе.

— Изволь, да не нужно ли тебѣ еще денегъ? брякнулъ вдругъ Шумевко.

— А дашь, давай еще!

Квасникъ накормилъ гостя, далъ ему на дорогу сухарей, соли и сала, сходилъ куда-то въ другую хату къ сосѣду и принесъ оттуда еще затасканную бумажку въ три цѣлковыхъ.

— Это тебѣ взаймы отъ нашего хутора... Видно не за невѣстою идешь... что намъ бабы! дрянъ, плевое дѣло. Не за вольными ли листьями?

Илья вздохнулъ.

— Нѣтъ еще!

— Отъ тебя не допытаться заранѣе. Ну, молчи, молчи! Иди съ Богомъ. Пусть будетъ невѣста, ладно.

— Купите, дѣдушка, и мою одежду въ придачу.

— Дорого?

— За все, за тулупъ, за сапоги другіе и за шапку зимнюю десять цѣлковыхъ. Видите, дубленка какая... новая! Все продаю!

Старикъ, жаловавшійся на бѣдность, досталъ снова денегъ откуда-то и купилъ одежду Илья, даже не торгуясь съ нимъ. — «Иди, голубчикъ, иди! Богъ съ тобою! Вотъ и не грѣхъ, что

я коня твоего тогда стащилъ: деньги тебѣ и пригодились. Правда? Не сердись теперь на меня?»

— «Я не сержусь! Прощайте, дѣдушка, кланяйтесь всѣмъ нашимъ, а особенно сосѣду вашему, тому Васькѣ-то Комару... Я у вашего міра въ долгу, ворочусь, такъ отблагодарю за все!»

Илья вышелъ, свернулъ опять мимо Авдулиныхъ-горбовъ внизъ по побережьямъ Волги, и подъ вечеръ, взойдя на высоты, съ которыхъ влѣво мелькнула было опять Есауловка, злобно отвернулся отъ родного села, плотнѣе перетянулъ старенькую свитку ремнемъ, нащупалъ въ сапогѣ деньги и пошелъ снова къ югу. Въ сумеркахъ съ косогора онъ разглядѣлъ верховаго, ѣхавшаго вскачь ему наперерѣзъ. Ближе — Власикъ. «Куда ты?» «А! это вы, дядя! Васъ спохватились. Я ѣздивъ отъ попа къ Перебоченской: попалъ еще хуже. Попъ просилъ лекарства, барыня отказала...» — «А развѣ она теперь злѣсь?» — «Тутъ на хуторѣ... и знаете? батько вашъ смашилъ Фросю, къ Рубашкину самъ ее привезъ, и она у него уже чай распиваетъ разряжонная... вотъ тебѣ и Кирюшка! Прощайте, дядя Илья.» — «Прощай..» Власикъ поскакалъ...

Илья остановился, долго думалъ, глядя на крыши хутора Перебоченской, что-то нащупалъ въ жилеткѣ и залегъ въ оврагѣ. — Ночью усадьба Перебоченской вспыхнула съ двухъ концовъ и долго горѣла... Въ сосѣднихъ селахъ раздавался набатъ... Илья пошелъ далѣе, переночевалъ въ сторонѣ отъ дороги, въ пустомъ еще куренѣ волжскихъ рыбаковъ, въ глухой долинкѣ между двумя лѣсками, верстахъ въ девяти отъ загорѣвшей усадьбы Перебоченской, проспалъ долго и крѣпко, вскочилъ утромъ и сразу въ тяжоломъ чадѣ волненія долго не понималъ гдѣ онъ и зачѣмъ тутъ. Перекуся сухарями квасника, онъ напился изъ каменистой ямки снѣговой воды, перекрестился, еще разъ оглянулся назадъ на родныя высоты, и быстро пошелъ далѣе, забирая въ степи вправо, къ сторонѣ Дона, которымъ онъ полагалъ спуститься въ низовья приазовскія мѣста. Перевалившись черезъ послѣдніе приволжскіе холмы, все рѣже и рѣже начинавшіе пересѣкать гладкія порубежныя съ Дономъ степи, Илья вздохнулъ свободнѣе, пошелъ тише и сталъ ночевать уже на постоянныхъ дворахъ и у мужичковъ по рѣдкимъ встрѣчнымъ хуторамъ.

— «Господи, матеръ божія! Несите, мои ноги! шепталъ Илья Танцуръ, идя впередъ: — дайте мнѣ встрѣтить Настю, дай те угово-

рять добрыхъ людей отбить ее изъ неволи и убѣжать мнѣ съ нею!» — Онъ останавливался у этапныхъ зданій, у сельскихъ острожныхъ избъ, гдѣ ночуютъ колодники, съ оглядкой распрашивалъ кого можно, не провели ли такого-то каретника съ Дона? Бое-гдѣ онъ подавалъ партіямъ колодниковъ милостыню, говорилъ съ ними, дарилъ и конвойныхъ солдатъ, особенно шедшихъ съ юга. Но еще никто не могъ ему отвѣтить о Талавѣркѣ и о его дочери.

Замелькала снова знакомая даль и широкая, удалая воля, тѣ южные рѣки и доли, и тѣ тихіе пустынные холмы и степи, которые сѣвернымъ и срединнымъ русскимъ людемъ еще съ сказочныхъ временъ постоянно мерещатся въ горькихъ думахъ о домашнихъ невзгодахъ кисельными берегами и молочными и медвяными рѣками, гдѣ бабы на живыхъ осетрахъ будто бы бѣлье моютъ, а на мѣсяцъ да на звѣзды, вмѣсто гвоздей, его сушить вѣшаютъ.

Эти таинственные, непочатыя, низовыя мѣста слишкомъ заманчивы русскому человѣку, если еще на нашикъ дняхъ сюда, по пути къ юго-востоку, несуществующими льготами и земскимъ раздольемъ, зашевелились, встали и пошли обитатели почти двадцати русскихъ губерній. Ихъ гнала вазаль полиція, уговаривали мѣстные жители, на нихъ выводили даже войско. Народъ возвращался, но не вѣрилъ, чтобы его обманули его же ходоки и разумные посланцы отъ міра, ходившіе вранѣе сюда впередъ для развѣдки. Тихо пришли обратно домой тысячи грустно обманутыхъ семей и донинѣ по бѣднымъ селамъ еще вспоминаютъ тѣ уютныя починки у бьющихъ ключами овраговъ, и тѣ зеленыя займки у одинокихъ черноземныхъ логовъ и бугровъ, гдѣ переселенцы думали сѣсть и гдѣ они тучныя степи звали сожителями, а многоводныя, голубыя, богатыя рыбами, птицами, травами и камышомъ, пустынные рѣки соедѣлками.

Съ грустью поглядывалъ Илья Танцуръ на видимое еще, сивѣвшее ему издали побережье Волги. Но вотъ онъ пробрался уже въ степь къ Дону. Тутъ изетари переволакивался русскій бѣглый сѣворъ въ родство и въ гости къ украинскому бѣглому югу. Много и теперь вовадалось Ильѣ по пути къ Дону разнаго сброда и торговыхъ переходчиковъ. А по степямъ вѣрѣдка вправо и влѣво шли земляныя насыпи, указывая дорогу старыхъ козениковъ и тропинки, протоптанныя вѣками. Прощай Волга!

Можетъ быть теперь уже на вѣки. Прощай бурлацкое раздолье, Синее-Морце, владычица-рѣка, съ твоими низовыми лугами, нагорными скалами и буграми. По каменистому правому берегу, вдоль всего твоего теченія, отъ истоковъ до устья, на сотни на тысячи верстъ, тянется темная, перебѣгающая съ холма на холмъ тропинка, горемычная лямочная дорожка, выбитая въ камняхъ, въ гивѣ, въ мѣлу, въ слюдахъ и въ известнякахъ лаптишками и босыми мозолистыми пятами бурлаковъ, сотни лѣтъ тутъ тянувшихъ канатами барки, бѣляны, расшивы и всякія суда. Теперь по этой лямочной тропинкѣ рѣдко-рѣдко увидишь знакомый строй русыхъ головъ, мѣрно взмахивающихъ шапками и вапѣвающихъ улымыя, душу гнетущія поволжскія пѣсни. Эта тропинка день ото дня пустѣетъ. А мимо нея, съ недавнихъ поръ, несутся гремящія, дышущіе дымомъ и пламенемъ пароходы. Эти новые гости Волги даютъ и губягъ промыслы тихихъ расшивъ и барокъ. До пятисотъ пароходовъ снуютъ теперь по исполинской, шумно-оживающей рѣкѣ. Лоцмана ихъ, какъ на морѣ, въ широкихъ раздольяхъ водъ, разливающихся на десятки верстъ направо и налево, не слишкомъ и промѣры дѣлаютъ. Есть гдѣ разминуться и пристать. А бѣдовая рѣка въ иное половодье разбурлится и налетитъ со степей и съ холмовъ такъ, что подмываетъ нагорныя подошвы береговъ, и цѣлыя деревни съ овинами и банями съѣзжаютъ съ холмовъ къ водѣ. Бойко и дерзко выплываютъ на эту водную гладь огромные пароходы: Русь, Воля, Украина, Бурлакъ, Надежда, Земщина. По цѣлымъ часамъ стоитъ тутъ у побережья иной мужичокъ, наткнувшись на невиданное диво, какъ лѣкій пароходъ Пушкинъ, взявши на буксиръ не одну, а разомъ двѣ громадныя барки съ кладью, да не на хвостъ, а прямо съ боковъ, подъ-мышки, летитъ себѣ сверху съ сѣвера, погромыхиваетъ въ желѣзные красныя трубы, и не думаетъ осторожиѣе своротить въ сторону убавивши ходу при встрѣчѣ съ другимъ пароходомъ. А другой пароходъ Гетманъ, несется снизу съ такими же двумя барками подъ-мышкой, и обѣ эти небывалыя тройки минуютъ другъ друга на полныхъ парахъ, какъ въ морѣ-океанѣ. Есть гдѣ пройти и дать другъ другу дорогу, въ длину, въ ширину и въ глубину. Прощай же Волга, прощай и послѣдній прибрежный крайній городокъ, возлѣ котораго по народному преданію, бурлацкій кормилецъ, Стенька Разинъ на войлокѣ чудомъ плавалъ по водѣ,

гдѣ самозванцы перевѣшали столько всякаго народа и въ окрестностяхъ котораго тучами налетавшіе сюда калмыки выжгли столько почивковъ, заимокъ и хуторовъ.

Илья Тѣнцуръ наскоро прошолъ нѣсколько нѣмецкихъ поволжскихъ колоній, съ черными деревянными кровлями и легкими шпицами красивыхъ церквей, съ чистыми домиками, опрятными улицами и гумнами, полными хлѣбныхъ скирдъ и сѣна, въ затишьѣ глубокихъ логовъ и подъ прикрытіемъ холмовъ, поросшихъ еще незелеѣющими лѣсками. Илья хоть и выдавалъ себя дорогою за плотника, но избѣгалъ застаиваться въ падкихъ ко всякому порядку колоніяхъ свѣтловолосыхъ и длинноногихъ нѣмцевъ, и спѣшилъ далѣе, чтобъ его не задержали, хотя румяные хозяева, покурявая трубки у воротъ, въ виду свергавшихся съ холмовъ весеннихъ водопадовъ, и приглашали его закусить или наняться поработать. Илья кланялся и изо всѣхъ силъ ковылялъ далѣе по лужамъ быстрыми памокшими ногами.

Онъ свернулъ, какъ сказано выше, въ степи къ Дону. Дорогу еще пересѣкали ручьи, впадавшіе въ Волгу. Тутъ еще при его появленіи взлетали съ водныхъ заливовъ и озерковъ черные бакланы и бабы-птицы, тяжело шлепая крыльями и уносясь но къ западу, на Донъ, а къ востоку, къ недалекой Волгѣ. Изъ-подъ ногъ Илья вспархивали кулики, и поднимаясь исполинскими стадами, помрачали небо разнородныя утки, мартыши и бѣлокрылые, важныя, тихіе лебеди. Пройдены небольшіе пески и разметанные по тучнымъ супескамъ знаменитые арбузами хутора. Тутъ Илья наткнулся на кочевавшихъ въ ближніе заливные луга калмыковъ. Они накормили его вдоволь бараниной и дали ему въ путь свѣжихъ сухарей. Они не спросили его откуда онъ и куда, медленно проводили его узкими глазами, и вставая отъ ѣды, за которою Илья ихъ засталъ, начали творить на востокъ свой вѣчный намазъ. Въ одномъ селѣ поздно вечеромъ онъ завидѣлъ лацканъ и фуражку инвалиднаго солдата, сидѣвшаго съ ружьемъ подъ хатою; двое другихъ инвалидовъ стояли у воротъ.

— Что здѣсь? спросилъ Илья у мужика.

— Арестантовъ ведутъ.

— Откуда?

— Съ Дона.

— Есть между ними бабы или старики?

— Есть старикъ и съ нимъ молодица.

Сердце у Ильи замерло. Онъ всю ночь бродилъ возлѣ двора той хаты, заходилъ въ сосѣдній дворъ, заглядывалъ съ улицы въ темныя окна хаты, даже зачѣмъ-то на крышу ея взлазилъ. Сосѣдская собака чуть ему не отгрызла ногъ. На зарѣ кѣнзой съ арестантами двинулся далѣе. Илья забѣжалъ впередъ: по старикъ съ молодницею были другіе незнакомые люди. Илья перекрестился и пошелъ далѣе къ Дону.

Поднявшись на небольшой кряжъ, съ котораго ручьи текли уже гладкою, синѣющею отъ снѣговыхъ озеръ степью не въ Волгу, а въ Донъ, Илья завидѣлъ рядъ куреней, въ какихъ временно живутъ артели землекопцовъ. Курени шли по чертѣ ровной насыпи, прямою стрѣлкой, пересѣкавшей въ этомъ мѣстѣ степь отъ одного края небосклона до другого. — «А! подумалъ Илья: это вѣдутъ линію чугунокъ изъ Калача въ Царицынъ.» Рабочіе копошились по всему протяженію линіи, насыпая полотно, возводя мосты и временныя зданія для станцій. Склады камней, песку и бревенъ, оттаявшіе отъ снѣговъ, виднѣлись вблизи насыпей. Дымилась вездѣ костры. Между куренями прохаживались съ палочками артельщики. Кое-гдѣ, вмѣсто насыпей, торчали пока одни колышки значковъ, направляясь то на несрубленную еще рощу дубковъ и тополей, то на несвеженный со степи стогъ сѣна, то на рѣку, синюю подковой пересѣкающую черту обозначенной желѣзной дороги. По протяженію послѣдней, когда на нее наткнулся подвѣчеръ Илья, въ разныхъ мѣстахъ снова слышалась на далекое пространство, у забиваемыхъ свай и перевозимыхъ бревенъ и камней, завѣтная пѣсня рабочаго поволжскаго и донскаго люда: «Охъ, дубинушка, охъ-ни! охъ, зеленая, охъ-ни!» — Илья вѣшался въ кучи рабочихъ. Иные недавно пришли съ юга, были и въ Ростовѣ.

— Что, братцы, не слышать, въ Ростовѣ не ловили въ послѣднее время бурлаковъ, бродягъ, не посадили въ острогъ тамъ одного каретника?

— Бродягъ ловили, а про каретника мы не слышали.

Вотъ послѣднія поляны переволочной степи. Дулъ порывистый вѣтеръ. Срывались поминутно особыя рѣзкіе вихри, которые постоянно носятся между двумя громадными рѣками, отъ вѣтровъ, дующихъ тутъ, какъ въ настѣжъ растворенныя двери.

Еще верстъ пять-шесть, еще мелкіе лѣски, песчаные бугры,

новья сѣтговья озера и ручьи. Вотъ и Донъ, старій батюшка Донъ Иванычъ, кормилецъ восточнаго казачества. «Гдѣ же мои-то пташки? думалъ Илья: — закованы ли они въ цѣпи, или еще на волѣ въ Ростовѣ? Когда-бъ еще захватить ихъ... Все бы расказалъ. Надо уйти за тридцать земель».

Въ Калачѣ Илья остановился, чтобъ отдохнуть, высмотрѣть лучше путь, просушить намокшее отъ дороги бѣлье и спѣшить снова далѣе. Терпѣніе его исчезало. Ноги сильно подбились. Чтобъ встрѣтить Талавѣрку съ дочкой, еслибы ихъ вели уже изъ Ростова, ему нужно было идти пѣшкомъ далѣе на югъ по берегу Дона. Но силы оставляли Илью. Ѣхать сухопутьемъ было дорого. Онъ рѣшился спуститься въ Ростовъ на пароходѣ и положилъ пойти узнать въ Калачѣ о цѣнахъ и о томъ, началось ли снова пароходство. Тутъ у построекъ главной пристани, съ невиданною по величинѣ насыпью черезъ осушенную лопию, прямо отъ полотна дороги къ обрывистому берегу Дона, толпилось множество всякаго народа. Илья не узналъ мѣста, гдѣ онъ былъ еще годъ назадъ, возвращаясь изъ бѣговъ домой, попросился на постой на краю станицы-городка къ раскольницъ-казачкѣ, назвалъ ей плотникомъ съ Волги и пошелъ по улицамъ, будто бы искать у артельщиковъ работы, а по настоящему разузнать, какъ ему спуститься дешевле Дономъ внизъ.

Въ нѣсколько мѣсяцевъ бѣдная, глухая и заброшенная казацкая прибрежная слободка Калачъ превратилась въ оживленный и веселый городокъ. Съ дорожной насыпи, пересѣкшей ложбину, въ которой недавно еще торчалъ всего десятокъ другой избышекъ, теперь какъ съ горы видѣлось черезъ рѣку правое прибрежье Дона. Тѣже голубые холмы и полосатые отъ водомошъ и лѣсковъ горбы, какъ и на Волгѣ; тѣже воды, пески, луга, барки и затоны. Но все это въ меньшемъ видѣ противъ Волги, точно снимки съ ея величавой дали, съ ея горъ и водъ.

Каменный уголь большими запасами лежалъ по берегу. У пристани смолились и конопатились опрокинутые на-бокъ пароходы, а другіе пароходы были уже спущены на воду. Рельсы, гвозди, бревна, доски и каменный щебень безпрестанно попадались подъ ноги Ильи тамъ, гдѣ годъ назадъ, въ вѣтеръ и въ зной, среди глухихъ улицъ крутился одинъ песокъ, да бѣгали голодные собаки и голые ребятишки. Швейцарскіе домики правленія дороги, съ крышечками и рѣзными фронто-

нами, подымались тамъ и сямъ. Были вездѣ уже разбиты и насажены молодые садики. Десятки потонувшихъ въ дыму и въ чадѣ кузницъ, стуча молотами и сверкая искрами у наковаленъ, протянулись по берегу. Тутъ же шумѣли пародомъ какъ изъ земли выросшія всякія харчевни, распивочныя, погреба и мелочныя лавки. Въ сторонѣ воздвигалось громадное кирпичное зданіе будущаго воксала и колодезь съ паровикомъ для накачиванія воды. Перегачивался сбоку пространный, дикій и тихій затонъ Дона. По новымъ зданіямъ, выкрашеннымъ свѣжею, веселою краской, падаъ тонкими переплетами большихъ, ясныхъ оконъ, чернѣли въ воздухѣ новенькія толевыя крыши. На столбахъ у главнаго дома управленія развѣвался флагъ. Гдѣ-то изъ крохотнаго игрушечнаго домика, возникшаго среди неупомянутыхъ еще сорныхъ прошлогоднихъ травъ, неслись звуки рояля и пѣль пѣвничій, женскій голосъ. Окно, съ цѣлю захватить запаса перваго, весенняго воздуха и тепла, было раскрыто. Машиновая занавѣсочка колыхалась надъ горшками расцвѣтшихъ гіацинтовъ и примуловъ. На подоконникѣ лежала кияжка. Голосъ выпѣвалъ трели модной итальянской ариі. А за игрушечнымъ, будто на одинъ мѣсяць сколоченнымъ домикомъ, также слышала въ воздухѣ весну и любовь, надсѣдались отъ криковъ два пѣтуха и стаи воробьевъ, отцы которыхъ еще годъ назадъ видѣли съ этого мѣста одни голубые молчаливые холмы по тотъ бокъ Дона, да слышали свистъ вихрей съ обгорѣлой въ зноѣ степи между Волгою и Дономъ.

Молоденькій офицерикъ изъ мѣстныхъ инженеровъ съ отрядомъ команды разбивалъ по площадкамъ, между уцѣлѣвшихъ избушекъ, плацъ улицъ и зданій будущаго городка.

На работу его смотрѣлъ заѣзжіи изъ столицы ревизоръ общества строителей дороги. Бабы-казачки, подперши щеки руками, ходили за офицерикомъ и выли, причитывая: «Что намъ и деньги твои, когда хочешь, батюшка, наши хаты ломать, гдѣ наши дѣды и прадѣды жили!» Илья рѣшился стороною подойти и послушать чего бабы воютъ. Онъ вмѣшался въ кучку рабочихъ, хотившихъ также за офицерикомъ.

— Вотъ! говорилъ инженеръ, посмѣиваясь и указывая ревизору на воющихъ бабъ: — вотъ и толкуйте съ ними-съ... Имъ за каждое бревно даютъ вдесятеро; каждая цыпленка и каждый кувшинъ молока черезъ насъ теперь у нихъ покупаютъ

въ двадцать разъ дорожѣ, а они воютъ-съ... Не хотятъ вѣрить ихъ мужья, не скупаютъ тутъ пустыхъ еще мѣстъ по будущимъ улицамъ, а по ночамъ только мои колышки крадутъ и переставляютъ на сосѣдскіе участки, полагая, что колья разбиваютъ безъ плановъ. Дичь, глушь... А промышленный народъ изъ другихъ мѣстъ уже пронюхалъ лакомые углы; вѣрите ли? На той главной улицѣ, гдѣ уже строиться можно, не успѣвалъ я-съ, говоря иносказательно, колышковъ разбивать, какъ за моею спиной уже выросли дома-съ... Смѣтеть? Ей-богу такъ-съ! Вотъ гдѣ страна съ кисельными-то берегами, да съ молочными рѣками, о которыхъ вралъ въ сказкахъ нашъ народъ. Вотъ куда онъ хлынетъ вскорѣ. Вы тамъ надъ бумагами сидите, а тутъ въ очію-съ, заново такъ-сказать строится востокъ Россіи-съ... Слышали вы, въ Ростовѣ на Дону, въ нашемъ-съ южномъ Ливерпулѣ, шестьсотъ капиталовъ купеческихъ, газету свою тамъ думаютъ издавать, театръ строятъ, пристани для пароходовъ создаютъ, о газѣ помышляютъ... А казачки наши! въ кринолинахъ всѣ уже ходятъ, всѣ... вотъ какъ-съ... Сама съ ведрами за водой идетъ, а кринолинъ изъ обруча болтается по ногамъ, такъ-то-съ, прогрессъ! Бабы! вы будете тоже въ кринолинахъ ходить? отнесся къ кучѣ хныкавшихъ бабъ веселый офицерикъ.

Сумрачный ревизоръ, питерскій чиновникъ до мозга костей, облумывалъ рапортъ на сѣверъ о чудесахъ, которые дѣйствительно онъ засталъ здѣсь. Бабы не отвѣчали и попрежнему плакали.

— Одна бѣда! продолжалъ инженеръ, оправляя фуражку, съхавшую ему на разгорѣвшійся отъ работы и сильно вспотѣвшій затылокъ: — въ нашемъ Ливерпулѣ, въ Ростовѣ, стали снова тѣснить бѣглыхъ... На дняхъ опять поймали тамъ этого полезнаго народа сотни двѣ. Острогъ отъ нихъ того и гляди развалится, какъ черезъ мѣру набитый мѣшокъ. Былъ бы я правителемъ, не то, что тѣснить, я бы имъ преміи давалъ за бѣгство сюда. Рукъ у насъ вовсе нѣтъ, а работы гибель... Поймали тамъ тоже одного разбогатѣвшаго бѣглаго каретника... Онъ перемѣнилъ имя, назвался молдаваниномъ. Шумная вышла исторія...

Илья вздрогнулъ и сталъ пристально слушать; но инженеръ свернулъ вдругъ, болтая и весело посмѣиваясь, роковую черту

колышковъ на чей-то огородъ; бабы бѣять взвыли, какъ оглашонныя, и дальнѣйшихъ словъ офицера Илья не слышалъ. Боже, чего бы не далъ Илья за то, чтобъ дослушать до конца исторію офицера о каретникѣ. Привела же его судьба на этотъ расказъ! Онъ думалъ было даже прямо къ нему идти, упасть ему въ ноги, умолять его сказать ему что же случилось съ тѣмъ каретникомъ, гдѣ онъ, что онъ? Думаютъ ли его воротить къ его барынѣ, можетъ ли онъ откупиться имуществомъ своимъ? Но какъ пойти ему, безпачпортному, бѣглому?.. А Настя-то, Настя! Что съ нею бѣдною, гдѣ она?

— Давай мою котомку, бабуса! сказалъ Илья, поспѣшно войдя въ избу своей хозяйки.

— Развѣ не нашолъ себѣ работы?

— Не нашолъ. Пойду дальше.

— Куда же?

— Въ степь, на полотно дороги, въ землекопы.

— Да ты оттуда пришолъ? подозрительно замѣтила казачка.

— Ничего, опять туда. Тутъ невыгодно! Сколько тебѣ, тетка, за ѣду, да за постой? торопливо спросилъ Илья, взявъ слегка подсохшее бѣлье и пошолъ къ пристани. Тамъ грузился рабочими первый буксирный пароходикъ, сооруженный для пробы, съ назначеніемъ спуститься немедленно за какими-то припасами внизъ по Дону. Илья назвался обитателемъ одной изъ донскихъ низовыхъ станицъ, заплатилъ за себя деньги и пристроился въ самомъ глухомъ углу на палубѣ парохода, между всякою клажею и рухлядью, у кормы. Сердце его сильно билось. Онъ такъ бы и полетѣлъ, развернувши крылья надъ водою, въ обгоику баклановъ, куликовъ и утокъ, ставшихъ вылетать изъ-подъ носа пароходика, когда тотъ вскорѣ подвялъ якорь и, взявши на буксиръ барку съ мукой, плавно пошолъ внизъ по теченію Дона.

Илья вздохнулъ еще отрадите, когда пароходъ миновалъ главные, опасные лѣтомъ и осенью песчаные перекаты, родъ плоскихъ пороговъ на Дону.

— «Если Талавѣрка еще на свободѣ, буду его молить убѣжать; не согласится, упрошу Настю, переодѣнемся нищими и пѣшкомъ уйдемъ въ Молдавію; я ходы знаю. Миѣ уже не возвращаться домой... А если ихъ уже арестовали? Ну, до Ростова на пароходѣ буксиромъ больше пяти-шести сутокъ теперъ въ

половодье не проѣдешь. Я ихъ должно быть захвачу еще на мѣстѣ. Дешёвку взбунтую, освобожу ихъ. Что теперь толки о волѣ! Не будетъ ея болѣе, навѣрно. Народъ теперь меня послушается; стану всѣхъ угощать, развѣ денегъ не станетъ... И точно, маловато остается... А отецъ—то мой, отецъ! Я ли не спѣшилъ къ нему, я ли не любилъ его? Съ кѣмъ дружбу водить! Людей морить, невѣсту сына погубилъ, у бѣдняка Кирюхи Фросю отбилъ... А я—то ее тогда изъ голубятни вызволил!»

На пароходѣ былъ разнородный людъ: казаки и ярославскіе плотники, караванъ татаръ, ѣхавшихъ въ Ростовъ, а оттуда черезъ Стамбуль, на богомолье въ Мекку, и нѣмцы—колонисты, затѣявшіе усладиться побывкой на родинѣ, черезъ тотъ же Ростовъ, Одессу и Дунай. Жидъ—фокусникъ сталъ тутъ же показывать фокусы; италянецъ—скульпторъ, жившій въ Астрахани, перевалившись сюда съ Волги, разложилъ кучу разныхъ фигурокъ и предлагалъ ихъ желающимъ купить. Какая-то казачка помѣщица, счастливая маменька взрослого сына, жаловалась вслухъ, сидя на чемоданѣ и кушая съ сыномъ булочку, что еще донинѣ некончены и неоткрыты тутъ ни желѣзная дорога на Волгу, ни обѣщанное вскорѣ пассажирное пароходство на Дону.

— «Ѣдешь съ этимъ сѣрымъ мужичьемъ! толковала вслухъ цыганка казачка помѣщица сосѣдкѣ, попадѣ изъ Цымлянскій станицы: — ѣдешь, а она жрутъ тухлую рыбу. Сынъ у меня рисуетъ... портретики красками и карандашомъ пишетъ! Достань мнѣ, Коля, твою работу изъ моего мѣшочка, и скажи, сколько тебѣ въ Новочеркасскѣ за такія картинки другіе гимназисты денегъ предлагали?»

Вислоухій, десятилѣтній Коля полѣвъ въ маминъ мѣшокъ, пока мамаша продолжала ѣсть булочку, досталъ оттуда картинки и сталъ ихъ показывать попадѣ и мужикамъ, шепелявя в картахъ немилосердно.

— Мнѣ за тѣ картиночки предлагали, мамасица, по цветелтаку!

— А вы знаете, душечка! продолжала помѣщица попадѣ: — что у моего сына и хозяйство свое есть. Что я ему ни дамъ на пряники, онъ сейчасъ на хозяйство. Коля, есть у тебя орѣшка?

— Есть, мамаса, овецка!

— А лошадка есть живая?

— Есть и зивая лосадоцка, мамаса!

— А отчего старый холостякъ твой дядя, вмѣсто того, чтобы тебѣ все свое наслѣдство оставить, женился на молодой на той, знаешь, на Стоценковой дѣвушкѣ?

— Потому, мамасица, что у этой дѣвуски свое состоянїе до есть; ему и захотѣлось имѣть еще свою халосую кобылку съ зелябятоцкамн на заводѣ!

Попадья надсѣдалась отъ невинныхъ выходовъ вислоухаго сынка помѣщицы. Смѣялись добродушно и мужики, и оттого, что казачкѣ-барынѣ не правилось ихъ сосѣдство съ проявленою рыбкою на запасъ, и оттого, въ какихъ видахъ женился старый холостякъ, дядя ея сынка. Всѣ смѣялись: татары, жида, нѣмцы и итальянецъ. Одинъ Илья не смѣялся. Что онъ думалъ? Куда смотрѣли его усталые, темные и измученные безсонницей глаза?

А пароходъ плылъ и плылъ далѣе, ночуя у одинокихъ войсковыхъ станицъ или у рыбацкихъ пристаней и перевозовъ. Одни изъ странниковъ оставались на сушѣ, другіе снова всходили на пароходъ и плыли далѣе, усердно въ трудные часы помогая шестами и канатами лопманамъ при переходѣ перекаатовъ, древесныхъ корчей и крутыхъ поворотовъ Дона. Едва пароходикъ останавливался, грузись каменнымъ углемъ, путники выходили на берегъ, собирали сучья, сухія травы и камыши, раскладывали на совершенно-дикомъ и необитаемомъ прибрежьи костры, ловили удочками и черпаками рыбу, стрѣляли изъ ружей дичь, ставили дорожные самоварчики, стряпали себѣ ѣсть, бродили по окрестнымъ песчанымъ кучугурамъ или по безлистымъ еще лѣскамъ, и пѣли отъ зари до зари. Впередъ, впередъ...

Шли опять, обрываемые мутными водами, желтые песчаные берега. Затопленные по маковки столѣтнихъ вербъ и дубовъ луга смѣняли ихъ. Крутобережья опять прерывались туманными, залитыми долинами. Рыбачьи землянки, курени перевозчиковъ, стада овецъ, выгнанныхъ на тощія первыя травы, взлетающіе тамъ и здѣсь гуси, лебеди, миллионы утокъ и куликовъ, среди водныхъ разливовъ и на песчаныхъ косахъ встрѣчныя барки, лодочки и паромы на веслахъ, все это смѣ-

нало одно другое. А тамъ далѣе, по береговой возвышенной полосѣ справа, являлись картины нивы. Верболозы и камыши, окружавшіе плоскія кровли казачьихъ неводскихъ хатъ и куреней, стали смѣняться обширными бревенчатыми станицами, съ высокими церквами, лавками и торговыми площадями. Замелькали синіе чекмени, красные лампасы шараваръ и сабли казаковъ; кое-гдѣ у станицъ, вздымая первую пыль, бродили по мѣловымъ и глинянымъ холмамъ стада курдючныхъ овецъ. Стали попадаться отвѣсныя каменистыя горы, жарко отражавшія съ весны солнечныя лучи, а по нимъ мелькали уже рядами жерди и колья, въ ожиданіи близкой выемки на воздухъ виноградныхъ лозъ. По кругымъ тропкамъ, съ коромыслами на плечахъ, шли за водою въ красныхъ и черныхъ шапочкахъ казачки...

II

ВОЛЯ СКАЗАНА И ДѢДЪ ЗИНЕЦЪ

У какой-то станицы, съ войсковымъ окружнымъ правленіемъ в школоу на берегу, пароходикъ поддало теченіемъ къ камнямъ. Пока народъ на немъ суетился, то выскакивая на берегъ, то бродя въ водѣ по поясъ и отталкиваясь шестами, помѣщица-казачка стала опять бесѣдовать съ попадьёю.

— Смотрите, матушка, вотъ это школа противъ насъ, видите; а вотъ это крыльцо, какъ-разъ надъ нашею головою, и открытыя окна. Видите что дѣлаютъ за класомъ ученики? Не видите? Присмотритесь... Ахъ, негоди! Вонъ, кладутъ въ ротъ бумагу, жуютъ и плевками кидаютъ ея въ потолокъ. Видите? Весь уже потолокъ залѣпленъ жованою бумагой...

— А гдѣ вашъ сынъ? нежданно спохватилась попадьё.

Кинулись искать Колю; нѣтъ его. Уже пароходикъ отчалили отъ камней, уже лопманъ давно сердился и кричалъ, что уѣдетъ. Помѣщица ломала руки, пищала и вопила на разные лады: — «Ахъ, мой Количка! Утонулъ, утонулъ; вы миѣ потопили моего Количку, моего сына!» — «Было бы на другихъ не заглядываться, да не пересуживать гимназистовъ!» шептали мужики.

Кто-то молча тронулъ барыню за плечо, когда пароходъ наконецъ уже начиналъ плыть далѣе по теченію. Она оглянулась:

Илья Ташцуръ рукою указывалъ ей далеко на берегу ея сына, бѣжавшаго что было силъ съ узломъ какихъ-то припасовъ, переулкомъ съ базара. Путники сжалились надъ барыней, упростили лодмана остановиться, спустили лодку и взяли сорванца-мальчишку опять на пароходъ. Мать такъ сразу и накинута на сына съ кулаками. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но разревѣлся, забился за барочную кладь и только къ вечеру того дня на новомъ привалѣ рѣшился сойти опять въ общій кругъ на берегъ. Это уже былъ четвертый день страствія парохода.

— Чтожъ ты, мерзавецъ, отнеслась мать къ сыну: — прорвался одинъ на берегъ, накупилъ себѣ кренделей, а не скажешь покрайней-мѣрѣ что видѣлъ и что слышалъ тамъ въ этой станицѣ?

Спутники обступили счастливую чету, на коврикѣ у прибрежья, съ попадѣй и еще двумя старушками, самоварничавшую на всемъ привольи свѣжаго весенняго вечера. Мальчикъ все еще дулся.

— Какъ бы я, сударь, не указалъ вастъ въ переулкѣ на берегу матери вашей, остались бы вы тамъ! добавилъ Илья, старавшійся вообще, чѣмъ далѣе къ югу, сохранять наружное спокойствіе.

— Э! возразилъ мальчикъ: — тамъ чудеса происходили...

— Это еще что? злобно спросила маменька, наливая себѣ и пріятельницамъ по новой чашкѣ.

— А вотъ почему, мамасицка; тамъ въ целквяхъ манифестъ пло волю читали, какъ я бѣгалъ на базалъ...

— Прѣ волю? пронесся гулъ въ толпѣ, и слушатели тѣснѣе сгустились вокругъ мальчика.

— Кто тебѣ навралъ объ этомъ? Ахъ ты, негодяй, негодяй! Вотъ уши опять нарву! кричала маменька, и въ вольной донской казаччинѣ умудрившаяся обзавестись хуторомъ съ крѣпостными людьми.

— Ну лвите, я замолцу; а все-таки манифестъ пло волю читали, и всѣ купцы въ соболѣ побѣзали слусать; одинъ толговки остались на базалъ...

Еще сильнѣе откликнулась эта вѣсть въ сердцахъ слушателей. Илья... надо было взглянуть на него!.. Илья замеръ и едва переводилъ дыханіе. Измученные каріе глаза его такъ и пожарили исковерканнаго всякимъ баловствомъ барчонка.

— «Боже, Боже! думалъ онъ: — гдѣ и черезъ какого вѣстника пришлось услышать мнѣ и остальнымъ тутъ людямъ давно желанную вѣсть! Хоть бы скорѣе въ Цымлу, или въ Аксай приѣхать. Тутъ опять пойдутъ глухія деревеньки; все-равно въ нихъ не добьешься ни о чемъ толку!»

— «Недаромъ нашъ парходъ къ камнямъ тамъ прибило! толковали другіе путники изъ озадаченныхъ, пораженныхъ доверья и радостно-потрясенныхъ помѣщичьихъ крестьянъ: — это Господь насъ причалилъ туда, чтобы мы вѣсть эту услышали дорогой; недаромъ мы провозились у берега, намокли въ волѣ и назяблись. Все главный лоцманъ виноватъ; виноватъ Лобко.»

Напустились на Лобко. Перебирали десятки мѣнѣй и предположеній, но ничего изъ этого не выходило. Мальчикъ ковырялъ въ носу и шепелявя и плямкая твердилъ одно и тоже: читался манифестъ о волѣ, и баста, безъ поясненій. — Такъ путники двинулись далѣе, съ замирающимъ сердцемъ высматривая съ барки: скоро ли мелькнетъ еще какая-нибудь большая прибрежная станица... Душа Ильи разрывалась отъ двухъ тревожныхъ мыслей: что случилось съ Талавѣркой и съ его дочкой, и въ чемъ состоятъ огненные, небесныя слова этого манифеста о волѣ? Илья ушелъ на свое мѣстечко на парходѣ, упалъ на колѣни и сталъ молиться. Его примѣру послѣдовали другіе. День былъ ясный, тихій. Солнце ярко катилось по небу. Парходъ, пыхтя, плылъ вдоль пустынныхъ береговъ...

А благовѣстное слово о волѣ наконецъ дѣйствительно прилетѣло и на югъ, и громко раздавалось тутъ въ то время, какъ первый парходъ изъ Калача плылъ внизъ по Дону съ Ильей Танцуромъ и съ другими его спутниками. Эта вѣсть открыто и урывками, верхомъ на казацкихъ скакунахъ и въ почтовыхъ конвертахъ и сумкахъ, подвигалась впередъ, далѣе, въ города, войсковыя станицы, казачьи и помѣщичьи села и въ одинокіе хутора и деревушки. Вѣсть эту несла людямъ южная весна, на обтаявшія горы, на воскресшія синѣющія долины, черезъ затопленныя еще въ половодья степи и вдоль шумныхъ, мутныхъ и рокочущихъ рѣкъ. вмѣстѣ съ этою вѣстью ломавшихъ льды, мосты, плотины и всякія гати и затворы.

— Скоро ли Цымла?

— Скоро ли Аксай?

— Скоро ли Ростовъ? допрашивали стараго лощмана, хмураго Лобка, нетерпѣливые путники, томясь на парходѣ.

— Скоро; не высохнете еще, не убудеть васъ! отвѣчалъ Лобко: — потерпите....

Выплыла, вся въ знаменитыхъ виноградныхъ садахъ по скалистымъ ребрамъ окрестныхъ горъ, веселая Цымлянская станица. Народъ празднично двигался по берегу и издали махалъ парходу платками... Подплыли; громкое ура! и незнакомые люди бросились другъ къ другу, поздравляя всѣхъ съ дѣйствительно-прочитанною волею.

— «Неужели жъ теперь все-таки Талавѣрку будутъ тягать? размышлялъ Илья: — нѣтъ! вѣрно опъ отнынѣ вполнѣ на свободѣ! Коли воля, такъ воля всѣмъ. Ну, а если его все-таки возьмутъ?.. Тогда надо освободить его. Послѣднія деньги отдамъ, еще достану, сторожей упрошу, умолю, а ужъ ихъ вызволю, да и убѣжимъ. Домъ его нажитой заочно послѣ продадимъ... Что жить-то здѣсь?»

Народъ на парходѣ шумѣлъ, ликовалъ.

— «И чего они радуются? злобно шептала помѣщица-казачка попадѣ: — здѣсь вино дешево; еще перепыются и потопятъ насъ дорогою!»

— Оттого ладуются, перебилъ Коля мать: — цго и имъ каз-дому хочется имѣть свою кобылицку съ зелебяточками...»

Народъ однако не перепился, парходикъ благополучно двинулся далѣе. Узнанныя болѣе подробно вѣсти передавались въ отдѣльныхъ кружкахъ на палубѣ. Илья слушалъ, спрашивалъ, но не радовался.

— «Эхъ, я все свое, что-то съ Талавѣркой, съ Настей? думалъ онъ: — можетъ быть эта воля сказана терпѣвшимъ, покорнымъ; а мы вѣдь бѣглецы, бродяги... мы сами раньше срока взять себѣ захотѣли эту волю... Помилуютъ ли насъ, мучениковъ?»

На утренней зарѣ одного изъ слѣдующихъ дней на парходѣ крикнули: «Ростовъ, Ростовъ...»

Илья всталъ, съ грустью взглянулъ на свою затасканную одежду, наставилъ ладонь къ глазамъ, узналъ Нахичевань, а версты черезъ три далѣе въ туманѣ Ростовъ, вздохнулъ и перекрестился.

— «Воля! подумалъ онъ: — всѣмъ воля! А Талавѣркѣ съ

Настей? Гдѣ-то они, радуются ли этой волѣ, ждутъ ли меня у себя въ домѣ, или горькая недоля ихъ разбила?»

Вскорѣ путники сошли на берегъ и простились другъ съ другомъ и съ хмурымъ лодманомъ Лобкомъ.

— Куда-то теперь идти, кого о нихъ спрашивать? подумалъ Илья; сходя на берегъ.

Мѣстность была хорошо знакома Ильѣ. Многіе его здѣсь знали, и онъ пошелъ глухими переулками въ городъ, кое-какъ оправивши свою затасканную одѣжу и обувь. Не такимъ блѣднымъ, исхудалымъ, небритымъ, невымытымъ и нечесаннымъ онъ покидалъ годъ назадъ этотъ самый берегъ и эти оживленные площади торговаго донскаго городка.

— «Коли они еще живутъ у себя въ домѣ, думалъ Илья: я не сразу явлюсь, а вызову этакъ подлѣ вечеръ черезъ кого-нибудь изъ подмастерьевъ Настю. Ну, а если ихъ уже вывели? Кого спросить? Да! Коли не померъ дѣдъ Зинецъ, что огородъ съ ними рядомъ держалъ и намъ первый про волю настоящее всегда сказывалъ, пойду къ нему. Онъ ихъ сосѣдъ и вѣрно все про нихъ знаетъ...»

Илья Танпуръ шолъ быстро и незамѣтно очутился на углу той улицы, гдѣ жилъ годъ назадъ каретникъ Талавѣрка. Съ завирающимъ сердцемъ онъ остановился у перекрестка, откуда былъ уже видѣнъ домъ Талавѣрки. Улица была попрежнему пустыня и тиха. Кое-гдѣ только и прежде бывало пройти по ней горничная съ узломъ, маклеръ торопливо шмыгнуть съ бумагами обратно изъ магазиновъ, да собачка выскочить изъ чьихъ-нибудь воротъ, полагаетъ, повертится и опять убѣжитъ. Илья затаилъ дыханье, пересилилъ себя, прошелъ мимо знакомаго дома и ужаснулся его тишинѣ и запустѣнію. Онъ все еще надѣялся... Чтобъ взглянуть на этотъ домъ яснѣе, онъ зашелъ издали съ другого конца улицы; потомъ обошелъ сосѣдними кварталами въ улицу, гдѣ дворъ Талавѣрки выходилъ заднею стороною въ подгородные обширные огороды. Илья направился въ огородъ, который снималъ дѣдъ Зинецъ, оброчный обыватель одной глухой азовской деревушки, принадлежащей помѣщику Колыбелкину. О, какъ знали въ кругу бѣглаго люда въ Новороссіи этихъ счастливыхъ оброчниковъ Колыбелкина! Состояніе свое этотъ господинъ нажилъ такъ. Явится бывало прежде въ Ростовъ или въ Мариуполь бродяга, мужичокъ изъ не очень бойкихъ, начнетъ ра-

ботать у купцовъ, разумѣется за пустяки, а самъ все боится попасться съ фальшивымъ, грубо-состряпаннымъ пачпортомъ изъ донскихъ гирль. Ему и скажутъ знакомые люди: «Видимъ, что ты трусовать, а парень хорошій; такъ и такъ; ступай туда-то вотъ къ Колыбелкину: онъ теба устроитъ». Мужичокъ явится въ назначенную деревню, поработаетъ Колыбелкину нѣсколько мѣсяцевъ даромъ; хозяинъ и работникъ другъ-друга узнаютъ. Тутъ Колыбелкинъ и пуститъ въ ходъ дѣльцо. — Онъ когда-то купилъ въ Россіи полтора ста душъ крестьянъ, вывозъ ихъ въ степь, а они, какъ это тутъ не новость, мало-помалу всѣ вяли да и перемерли. Сначала умирающіе у него отмѣчались по церковнымъ спискамъ, а потомъ вдругъ перестали... Явится чело- вѣкъ со стороны, его и помѣстятъ въ пустую избу, подъ именемъ кого-нибудь изъ убылыхъ. Такъ и составила за-ново вымершая деревенька Колыбелкина. Изъ новыхъ поселенцовъ стали опять люди умирать. Колыбелкинъ и этихъ пересталъ за малыми исключеніями показывать въ спискахъ умершихъ, принимая на мѣсто ихъ новыхъ поселенцевъ. Такимъ образомъ, въ мѣстной статистикѣ, его имѣніе ознаменовалось неимовѣрнымъ здравіемъ и долголѣтіемъ своихъ жителей. Новыхъ названныхъ крестьянъ своихъ Колыбелкинъ отнюдь не стѣснялъ. Зная, что имъ повюшки табаку стоило снова навѣки проститься съ нимъ, онъ обязывалъ ихъ только самыми ничтожными поборами: приказывалъ имъ вносить за настоящихъ своихъ давно-умершихъ двойниковъ казенныя подати, оплачивать расходы по доставленію имъ изъ казначейства законныхъ пачпортовъ и сверхъ-того лѣтомъ каждый рабочій и работница обязаны были даромъ, съ полученіемъ только порціи водки и хорошихъ харчей, проработать у него въ самую горячую полевую пору при уборкѣ сѣна и хлѣба по мѣсяцу въ году. И Колыбелкину было хорошо, и внимымъ его крестьянамъ не дурно, сравнительно съ другими. Эти-то крестьяне слыли въ окрестностяхъ подъ именемъ колыбелкинскихъ оброчныхъ. Земскій судъ раза два было стремился подковаться подъ тайны деревушки Колыбелкина, заброшенной въ глуши окрестныхъ степей, между оврагами и болотами, куда и дороги никакой никогда не было, и ничего не могъ сдѣлать. Мѣстный становой разумѣется получалъ отъ ловкаго владѣльца деревушки калымъ и молчалъ. Къ такому-то оброчнику Колыбелкина зашолъ на

огородъ потерянный бѣднякъ Илья Танцуръ, самъ не помня себя отъ горя и отчаянія и съ ужасомъ замѣчая какъ опустѣлъ недавно еще кипѣвшій жизнью ломъ каретника Талавѣрки.

Дѣдъ Зинецъ лѣтъ подь семьдесятъ, худой, длинный, сгорбленный и съ бѣлыми какъ пухъ волосами и бородой, сидѣлъ въ это время на рогожкѣ передъ куренемъ и дрожащими, пожелтѣлыми руками разбиралъ бобы и другія сѣмена для посѣва. Солоненный курень его стоялъ подъ навѣсомъ акацій и только-что окинувшихъ свѣтами черемухъ. Кругомъ шли свѣжія, недавно вскопанные гряды огорода. На куренѣ была раскинута рыбачья сѣть, которую Зинецъ отъ скуки взялся кому-то оснастить. На дворѣ было тепло и тихо. Южное солнце грѣло отрадно старыя кости. Худыя руки и впалая изможденная годами грудь дѣда были точно бронзовыя отъ несходившаго съ нихъ загара. Отъ бѣлой чистой рубахи и какой-то важной, точно апостольской, кудрявой головы его, съ сѣдыми нависшими бровями и широкой бородой, эти бронзовыя руки и грудь казались еще болѣе темными и худыми. Илья, живя годъ назадъ у Талавѣрки, не разъ видѣлъ Зинца и говорилъ съ нимъ о своей судьбѣ. Зинецъ всегда былъ мраченъ, нахмуренъ, какъ-будто не узнавалъ и не помнилъ людей, съ которыми встрѣчался, не любилъ шутокъ, не любилъ много разговаривать и, несмотря на старость, отлично велъ свое дѣло. Исчезая неизвѣстно куда съ осени, онъ являлся рано весной, снималъ опять это мѣсто, занималъ поденщиновъ, обрабатывалъ его, берегъ его цѣлое лѣто отъ большаго и малыхъ воровъ, продавалъ выгодно сборъ, чуть передвигая ноги, относилъ къ мнимому помѣщику своему Колыбелинну оброкъ, получалъ отъ него начпортъ и на зиму до новой весны скрывался опять. Одни говорили, что онъ зимуетъ тутъ же въ городѣ у своей кумы, горемычной и убогой солдатки; другіе, что зимой онъ постоянно хвораетъ и живетъ у какихъ-то раскольничьихъ-рыболововъ. Никто не зналъ, откуда Зинецъ родомъ и также для кого собиралъ онъ остатки отъ огорода и вообще отъ своихъ заработковъ. Знали только, что онъ съ невыразимымъ нетерпѣніемъ и болѣе всѣхъ жадно ожидалъ объявленія правительства о волѣ, о которой тогда начинали всѣ говорить. — Сидя у куреня, Зинецъ видѣлъ, какъ въ огородъ вошелъ Илья, какъ онъ, шатаясь и дико озираясь, прошелъ между пустыми грядками, склонился черезъ заборъ и сталъ разсматривать опустѣлый дворъ Та-

лавѣрки. Дѣдъ наставилъ къ глазамъ ладонь, бросилъ сѣмена и началъ размышлять, кого бы это судьба завесла сюда? — «Ни души! думалъ между-тѣмъ Илья: вонъ кузницы, гдѣ ковали оса и шины, вонъ столярня, вонъ крыльцо и галерея дома... Туда входила Настя... Вонъ уголь амбара; тамъ въ осенніе длинные вечера часто сидѣли мы съ нею, окутавшись одною шубой... Вонъ окно ея комиатки... Пусто; ни души... Гдѣ же они? Что случилось съ ними? Неужели?..» — Илья оглянулся, оправился и тихо подошелъ къ Зинцу. Дѣдъ узналъ тутъ его сразу, но продолжалъ перебирать бобы, будто не видя его.

— Здравствуйте, дѣдушка.

— Здравствуй. Что тебѣ?

— Узнали вы меня?

— Что-то не помню. Чего пришло, а? Дай на тебя прежде посмотрю...

Илья поклонился.

— Дѣдушка Зинець! Будьте милостивы. Скажите, куда дѣвали вашего сосѣда?

Голосъ Илья дрожалъ.

— Запрятали къ бѣсу. Въ острогѣ сидитъ... вотъ что!

— Въ острогѣ? Быть не можетъ... Господи!

— Сидитъ съ нимъ въ острогѣ и дочка его, прибавилъ дѣдъ, поглядывая ласково на парня.

Илья помертвѣлъ и зашатался.

— А тебѣ-то они на что? спросилъ Зинець.

— Настя моя невѣста... будто вы меня не узнали? Я Илья Тавпуръ... Помните?

— Невѣста? Такъ это ты, Илюша? спросилъ Зинець, грустно шурясь на Илью и осматривая его обрюзгое, заросшее волосами лицо, подбитые сапоги и порванную одежду: — такъ это ты опять воротился изъ своихъ мѣстъ?

— Воротился... Ахъ, дѣдушка, дѣдушка! Скажите на милость, когда и какъ схватили каретника?

Зинець покачалъ головой. Глаза его стали влажные, руки упали на колѣни.

— Слушай, да помни что я скажу тебѣ... Какъ тебя не помнить? Помню! Каретника выдали, выдалъ свой же братъ землякъ, какой-то христопродавецъ... Онъ зналъ какъ добить его, и добилъ ловко, очень, Илюша, ловко... нечего ска-

зять. Много лѣтъ я тутъ сажу на огородѣ; много годовъ зналъ я Талавѣрку... Спокойно жилъ онъ тутъ, какъ пришолъ съ дочкой изъ Молдавіи. Всѣ считали его молдаваняномъ и я самъ ничего этого не зналъ. Вдругъ получили тутъ въ полиціи бумагу изъ его настоящихъ мѣстъ... Нашлась, видишь ли, братъ, его барыня... Кому-то захотѣлось крови его выпить. Ну, и выпилъ! По той бумагѣ сейчасъ наскочила на него полиція, хватъ за его пачпортъ, а онъ поддѣланный. Изъ Букареста отписали, что никакого Масанешти тамъ и въ заводѣ не было... Пошла допросы... Многого не могли узнать. Въ кандалы его и въ острогъ... Да не долго онъ и просидѣлъ тамъ, тутъ же отъ горя и заболѣлъ въ острогѣ... Горячка чтоли съ нимъ сдѣлалась. Настя за нимъ убивалась, ходила, оберегала его. Въ бреду-то онъ и сталъ кричать, да и выкричалъ всю правду: назвалъ и барыню эту свою, и уѣздъ и село, откуда онъ и почему бѣжалъ... Тутъ, какъ выздоровѣлъ онъ, по оговоркамъ этихъ его и уличили. Недавно, сказываютъ, онъ во всемъ сознался суду, куда его водили; имущество его положили продать, а деньги и его самого съ дочкой переслать по этапу къ его барынѣ.

— Какъ, къ барынѣ переслать? Къ этой Перебоченской, по этапу?

— Да, къ ней именно! Сказываютъ, что кончаютъ теперь послѣднія бумаги, его домъ торгуетъ тутъ одинъ купецъ, все остальное уже распродано и скоро его поведутъ въ ваши мѣста. Да что! Почитай, что онъ рехнулся, уже не поправится; совсѣмъ какъ дитя сталъ, все плачетъ, качаетъ головой, смотри на дочку, и пищи почти не беретъ. Вѣдь ты тоже изъ его мѣстъ? Ты знаешь его барыню, Илюша?

Зинецъ съ той же грустью посмотрѣлъ на Илью, ноги котораго подкашивались.

— Дѣдушка! Все я вамъ скажу... не мучьте, не рѣжьте меня вашими словами? Скажите еще, можно видѣть его, Талавѣрку-то... въ острогѣ? Я молить его буду... Я столько верстъ прошолъ пѣшкомъ, проѣхалъ, чтобъ только увидѣть ихъ, бросилъ отца... Можно его видѣть?

— Что ты, что ты! Теперь уже тебя туда не пустятъ. Онъ въ секретной.

Илья упалъ въ ноги Зинцу.

— Дѣдушка, лѣдушка! вопилъ онъ рыдая: — развѣ вы не знаете? Я все вамъ скажу, все... Каретника я выдалъ, я, хриstopродавецъ, душегубъ, Иуда каторжный! Я, женихъ его дочки Настя...

— Ты? спросилъ Зинецъ, будто теперь догадавшись, кто былъ невольной причиной гибели каретника, и заморгалъ кустоватыми бровями.

— Именно я... Только не такъ, какъ вы можете подумать. Не по волѣ душегубъ я и Иуда! Самъ Талавѣрка, самъ онъ послалъ меня домой, чтобъ я землю себѣ выхлопоталъ, дворъ себѣ устроилъ. Я воротился домой къ отцу родному... Ну, воротился. А отецъ у нашего князя прикащикомъ сдѣлался. Съ першаго дня у насъ съ нимъ пошла споры. Онъ тянулъ меня въ контору, въ дворовые, а я къ міру просился, къ обществу нашему. О Талавѣркѣ и о его дочкѣ я проговорился сгоряча матери моей. Я не зналъ того, что чуть разбогатѣла и стала прикащицей, она пить начала, да... извините... въ пьяномъ видѣ должно быть и сказала про все отцу... Тутъ у насъ по сосѣдству вышло дѣло тоже. Выѣхали чиновники къ этой самой барынкѣ, къ Перебоченской. Я попалъ случайно въ понятые. Ну, господамъ поблажки я не далъ... Что мнѣ дѣлать теперь, дѣдушка? Куда идти, кого просить, какъ спасти Талавѣрку? спрашивалъ Илья, ломая себѣ руки и въ безнадежномъ отчаяніи смотря на стараго огородника: — я и денегъ достану! Подкупить нельзя ли сторожей въ острогѣ, чтобъ дать имъ бѣжать? Отбить нельзя ли ихъ въ дорогѣ, когда ихъ поведутъ инвалиды по этапу? Я на Дешовку пойду! Подговорю отчаявшихся людей...

Улица, гдѣ былъ огородъ, выходила за городъ. Кругомъ было тихо, грядки еще пусты. Мышь явой разъ шелестѣла въ сухой травѣ. Ни одинъ звукъ не доносился черезъ ограду къ куреню, у котораго сидѣлъ костлявый и рослый дѣдъ, а передъ нимъ, съ воспаленными, заплаканными глазами, измученный, исхудалый, позеленѣвшій отъ тоски и горя, бился о землю и вопилъ Илья Танцуръ.

— Что тебѣ дѣлать? Нельзя ли ихъ отбить? спрашиваешь ты. Нельзя ли ихъ освободить? говорилъ какъ бы самъ съ собою Зинецъ, смотря въ землю и почесывая широкую бѣлую бороду и изсохшую впалую грудь: — слушай! никому я этого не говорилъ, а тебѣ скажу. Дѣло твое пропало на вѣки! Да, пропало.

Слушай. Жалко мнѣ этого сосѣда-каретника... Плакалъ я, видя сквозь заборъ какъ пришла полиція, какъ стали шумѣть въ его домѣ, вывели его связаннаго изъ дому и на веревочкѣ повели въ острогъ съ дочкой... На немъ былъ еще синій хорошій кафтанъ, часы и палеовые шаровары; а Настя въ хорошемъ платьѣ и такая красивая. Не знали они что будетъ вскорѣ; шли еще спокойные, съ знакомыми, съ мастеровыми прощались, поручали досмотрѣть домъ и прочее... А я-то зналъ что изъ этого будетъ! Точно кто меня самого ограбилъ, какъ увидѣлъ я послѣ опись и продажу его вещей, сундуковъ, готовыхъ экипажей, инструментовъ, всего... даже дома... Ты удивишься! Да, даже домъ его продалъ... Жалко мнѣ было его; но еще жалче теперь тебя... Прощало навѣки и твое счастье... Но ты спрашиваешь что тебѣ теперь дѣлать? Вотъ я и отвѣчу... Слушай! Всѣ мы несчастны, да не всѣ одинаково злую долю казимъ. Никто про меня не знаетъ... Охъ... Мало уже мнѣ жить на свѣтѣ осталось... Забудь что я тебѣ и скажу... Много лѣтъ назадъ и я былъ крѣпакомъ, значить, подвластнымъ панскимъ холопомъ... Бѣжалъ и я, какъ ты, не даромъ. Мнѣ было тогда тридцать лѣтъ, и вотъ я почти сорокъ лѣтъ въ бѣгахъ. Ты тутъ жишь въ Ростовѣ, такъ знаешь, я думаю, кто такіе мы всѣ колыбелкинскіе оброчники и какой онъ намъ помѣщикъ. Эготъ панъ — тотъ же Фомка, что въ гирзахъ донскихъ пачпорты поддѣлываетъ; только онъ намъ выдаетъ пачпорты законные, за печатами, изъ казначейства. У Фомки пачпортъ купишь за полтину, а мы Колыбелкину вносимъ въ годъ по десять цѣлковыхъ на подати и прочее, да молодые ему еще лѣтомъ и работаютъ по мѣсяцу даромъ... Такъ постоитъ же... О чемъ я сталъ тебѣ рассказывать? Да! мнѣ было тридцать лѣтъ, Илюша, какъ я убѣжалъ изъ своихъ мѣстъ... Отецъ мой кучеромъ нанимался; ну, и меня тоже кучеромъ положили сдѣлать. Отецъ мой у отца нашего барина не долго служилъ. Баринъ у него, долго не думая, отбилъ жену, выходитъ мою мать, да и увезъ ее въ другое имѣніе, значить въ валожицы взялъ. Отецъ терпѣлъ-терпѣлъ, да разъ вышилъ, охмѣлѣлъ, пошолъ и закололъ ножомъ при всѣхъ своего хозяина. Упалъ баринъ подъ ножомъ хмѣльнаго батьки, упалъ и духъ вонъ... Всполохнулся народъ; село все сбѣжалось... Я былъ еще маленькій. Помню, какъ блѣднаго отца моего сперва связали, а потомъ заковали и за большимъ конвоемъ въ городъ повезли.

Да онъ и не противился : самъ сдался и во всемъ признался . Я жилъ тогда во дворѣ на кухнѣ , у булочницы... Тутъ погода и мать мою покойницу изъ другого имѣнія привезли... тоже закованную... Ну, отца наказалъ палачъ... Смутно я помню выѣздъ суда въ наше село : отца наказывали среди улицы ! Сослали его потомъ въ Сибирь ; съ той поры навѣки и слухъ о немъ пропасть . Я тѣмъ временемъ выросъ ; меня часто брали въ комнаты съ сыномъ покойнаго барина играть . Росъ я и ничего не понималъ ; а тамъ и я кучеромъ къ нему нанялся . Молодой барчонокъ нашъ затѣялъ жениться . Я его любилъ и на сватбѣ его былъ главнымъ кучеромъ . Родились у барина молодого двое дѣтей , сперва дочка , потомъ сынокъ... Жена его была писанная красавица... Тутъ и я въ скорости посватался на нашемъ селѣ за одну дѣвушку... Охъ , Илюша... Помнишь ? Я сказалъ , что пошолъ въ бродяги-то... на тридцатомъ году . Именно на тридцатомъ я и посватался... Любилъ я свою невѣсту , Илюша . . любилъ ее крѣпко , безъ памяти... вотъ такъ , какъ ты свою... Баринъ сталъ часто ѣздить въ отлучки , въ городѣ по выборамъ опредѣлился , а тамъ началъ и меня посылать въ разныя послылки , да все съ долгими порученіями : на недѣлю , на двѣ... Никакъ не успѣю все сватбы моей сыграть... Ну... пришла осень... Родные моей невѣсты корятъ меня . Разъ возвращаюсь я изъ барыниной деревни , говорятъ , что невѣсту мою баринъ перевезъ въ другое имѣніе и случайно ли , нарочно ли , только именно въ то самое , куда и его отецъ увозилъ мою мать... Я сталъ людей спрашивать : тѣ смѣются , шушукуютъ . А поваръ Тришка и говорить мнѣ , что баринъ давно съ барыней не ладятъ , что изъ-за того вѣрно и мою невѣсту онъ отличилъ , послалъ въ булочницы учиться въ другую вотчину и самъ туда слѣдомъ поспѣшилъ , какъ-будто по дѣламъ . Я къ барынѣ за объясненіями . Та съ перепугу затряслась — боялась очень тоже своего мужа — говорить , что ничего не знаетъ ; она въ дѣтской стояла , а няньки укладывали спать барчонокъ и маленькую барышню... одному было три года , а дочка по четвертому годочку , и такія оба красавчики , херувимчики . Ихъ всегда послѣ обѣда спать клали , барыня тутъ уходила по хозяйству , а нянька обѣдать , оставляя у дверей въ коридоръ одну комнатную дѣвочку . Я поговорилъ съ барыней и ушелъ . Ничего — она впрочемъ со мной ласкова была... Вышелъ я... Тутъ и помутился умъ мой ; заняла душа моя...

Мыслимъ такъ и представляется все молодой баринъ съ моею невѣстою... Кинулся я въ садъ, два раза за пожъ хватался, хотѣлъ зарѣзаться. Смотрю, барыня подъ вуалькою гуляетъ, примѣтила меня и говорить: «Зинецъ, голубчикъ, притвори въ дѣтской ставни, очень свѣтъ бьетъ въ комнаты, дѣти не заснутъ; да присмотри за котломъ, что мнѣ воду грѣютъ на ванну; дѣвушки всѣ ушли обѣдать — чтобъ пожару не надѣлали...» Слушаю! отвѣтилъ я, а у самого душа не на мѣстѣ — въ глазахъ жаръ, руки похолодѣли, зубы стучать... И что со мною случилось, я уже не помню... Только послѣ я все сообразилъ... Барыня повернулась и пошла въ темную дорожку; вся тоненькая, нѣжная; бѣлая вуалька развѣвается; спинка, какъ былиночка гнется, слегка сгорбленная, нѣжная такая; шолковое платье шелестить... Я за ней кинулся, схватилъ ее сзади одной рукой, а другой ротъ ей замылъ; она и крикнуть не успѣла, только страшно такъ взглянула на меня, думая, что я убить ее хочу... Я не убилъ ее, нѣтъ; коса ея русая развязалась и упала мнѣ на грудь; отъ волосъ духами пахло; я понесъ ее блѣдную, испуганную, легонькую и только все твердилъ помню: «баринъ... баринъ... ляходѣй онъ... мою невѣсту взялъ...» Бросилъ я ее черезъ канаву. Выскокнлъ я изъ деревьевъ: солнце свѣтитъ ярко, не по осеннему; въ саду и на дворѣ ни души. Сердце колотится; духъ замеръ. «А, вспомнилъ я: она просила ставни закрыть, котель посмотриѣть.» Подошолъ я къ окну въ дѣтскую, — погода была еще теплая; окно раскрылъ, смотрю, дѣтки спать, какъ ангельчики, у самого окна, подъ стѣной въ колыбеляхъ и подъ кисейными пологами... Обернулся я; вижу, за кустами дымится костеръ и котель воды на ванну барынѣ кипить ключомъ. Воротился я къ котлу, хожу кругомъ него, взялъ огня, влѣзъ на чердакъ, зажогъ солому... И все это я дѣлалъ тихо, покойно. Вошолъ я тогда въ конюшню, сѣлъ, братецъ ты мой, на лучшаго барскаго жеребца и ускакалъ изъ того села въ поле... Долго я скакалъ; въ глазахъ мелькали стога, пахоти, дорога и все мерещились мнѣ мокрые, обкаченныые квплаткомъ кисейные положки барченковъ да густой паръ, шибнувшій съ нихъ подъ потолокъ... Скакалъ я, не помня ничего, и погонялъ коня до тѣхъ поръ, пока онъ зашатался, сразмаху гдѣ-то въ долинкѣ упалъ со всѣхъ ногъ и тутъ же вздохъ... Была ночь. Я пошолъ въ лѣсъ... Ну, пошолъ... Изъ того лѣса въ другой, тамъ на Волгу, тамъ на Донъ, внизъ спустился... Да

съ той поры почти сорокъ лѣтъ и состою въ бродягахъ ; а лѣтъ двадцать уже барину, этому Колыбелкину...»

Илья молчалъ.

— Къ чему же это вы все мнѣ говорили, дѣдушка? спросилъ онъ Зинца.

— Къ чему? Такъ ты и не догадался? Къ тому, что слѣлай и ты тоже самое. Годъ-назадъ всѣ вы, даже тѣ старики, сапожникъ и квасникъ, затѣяли идти обратно къ господамъ ; одинъ я остался. Не вѣрилъ я тогда этой волѣ, не вѣрю и теперь. Да что! На моемъ вѣку это уже въ пятый разъ суетятся. Вотъ-вотъ скажутъ волю; ждешь, кинешься спрашивать: одинъ выдумки. Воля та, когда самъ ее взялъ. Горько, тяжело было мнѣ сначала въ бродягахъ. Грѣхъ мой спать мнѣ не давали. Ходилъ я по монастырямъ, на церкви работалъ, каялся. И точно, все ничего: зачѣмъ только я младенцевъ невинныхъ загубилъ? Ну, да такъ тому и быть. Знать не за одну мою невѣсту, и за ихъ мать кто подтолкнулъ меня. Отдамъ отвѣтъ Богу: Но на свѣтѣ всѣ одни. Многихъ я господъ и хозяевъ перемѣнилъ: всѣ одни; вездѣ тебя прижмутъ, вездѣ обидятъ... Только, братъ, все-таки на душѣ легче, какъ ходишь по волѣ: одинъ обидѣлъ, къ другому перейдешь, а тѣмъ часомъ и настоящей воли всѣмъ ожидаешь. Да не дадутъ ее.

— Какъ не дадутъ, когда дали?

Зинецъ горько покачалъ головой.

— Дали? ты ее видѣлъ?

— Сказываютъ.

— Золотая? На золотой бумагѣ?

— Нѣтъ, говорятъ, на простой.

— Ну, такъ не вѣрьте. Можетъ дали и золотую, да пань съ попами спрятали, а теперь даютъ намъ подложную.

— Что же дѣлать?

— Что? Ты много счастья дома нашолъ? А? Отецъ продался господамъ и все село продалъ. Сосѣдъ твой, какъ ты сказалъ, приятеля твоего музыканта можетъ нарочно засадилъ въ тюрьму, а его сужоную совратилъ къ генералу. Талавѣрку съ дочкой барыня разорила и разорить еще болѣе. Чтоже ты дома-то нашолъ, говори, спрашиваю тебя? Къ чему ты сунулся туда? Не я ли тебя останавливалъ, не я ли говорилъ и Талавѣркѣ: охъ, братцы, не бывать намъ вольными во вѣки вѣковъ, ни дѣтямъ,

ни внукамъ нашимъ. Жить въ бродягахъ, звѣрми жить, вотъ ваша доля... увидишь, всё опять уйдутъ, что воротились домой.

— «Такъ, такъ! шепталъ Илья: — Господи! зачѣмъ же ты понесъ меня туда? Зачѣмъ я надѣялся, жить на своей землѣ хотѣлъ, про Окнину думалъ?.. А если и взаправду эта воля, что теперь народъ радуется, не настоящая, если намъ земли даромъ не дадутъ, Талавѣрку силой къ барынѣ пошлютъ, что тогда намъ дѣлать, дѣдушка? Что?»

Дѣдъ опять покрутилъ головою.

— Что дѣлать? Тогда, сынку, одно: либо покорись и нищимъ заживи дома съ Настею и съ ея отцомъ, забудь ихъ бывшее состояніе; либо ножъ въ руки также, да ведра два добраго кипятку изъ котла...

Илья съ холоднымъ ужасомъ взглянулъ на Зипца. Дѣдъ сидѣлъ, добродушно поглаживая бороду. Послѣдняя надежда на спасеніе Талавѣрки исчезала въ Илья. Онъ впервые почувствовалъ приливъ неугасимой мести этой злобы къ губителямъ своимъ, Перебоченской и отцу.

— Я уже съ барыней Талавѣрки на пути посчитался кое-чѣмъ! сказалъ Илья.

— Поджогъ ее?

— Да, поджогъ ея хуторъ... Не знаю что было дальше.

— Жги, Илюша, и бей ихъ. Не найдемъ мы спасенія нигдѣ. Послѣдніе годы свѣтъ и земля доживаютъ. Невѣста твоя въ острогѣ, Талавѣрка чуть ли не рехнулся. Толку уже отъ него не жди. А тутъ волю настоящую скрываютъ... А? Ну, чего смотрѣть-то теперь и ждать?

— Нельзя ли, дѣдушка, достать тутъ вольныхъ листовъ этихъ, или книгу, что выдаютъ за царскую?

— Не стоитъ и не хлопочи. Дворяне и въ ней вырвали тѣ листы, что противъ нихъ тамъ написаны. Одинъ тоже нашъ тутъ землячокъ видѣлъ такую книгу: она не прошнурована, безъ царскихъ печатей и даже несшитая; бери каждый листъ прочь, коли не по сердцу...

Илья молчалъ, становился покойнѣе.

— Въ острогъ не пустятъ, а я шоль столько верстѣ, почитай двѣ недѣли шоль. Что же теперь дѣлать? Гдѣ наняться, чѣмъ денегъ заработать? А Настя-то, Настя...

Илья упалъ опять на землю и зарыдалъ.

— Бѣдный, бѣдный ты Илюша! Такъ, такъ! шепталъ Зишець. Это такъ и со мною было. Ну, ступай же, Илья, съ горы поброди возлѣ острога, да не попадись тутъ и у меня полиціи. И тебя свяжутъ. Приходи завтра въ эту пору; со мной же не оставайся.

Илья всталъ, утерся, полошолъ еще разъ къ сторонѣ бывшего двора Талавѣрки.

— Можно, дѣдушка, туда перелѣзть и посмотрѣть дворъ?

— Можно. Домъ пустъ. А ворота заперты. Новый хозяинъ еще не перешолъ туда: какой-то чиновникъ его съ торговь купилъ, сказываютъ; а деньги всѣ къ барыня высыпаютъ...

Илья перелѣзъ черезъ заборъ и очутился въ знакомомъ дворѣ. Онъ обошолъ всѣ углы, заглянулъ въ столярню, въ кухню, въ сарай, въ пустыя комнаты дома. Дѣдъ Зишець у куреня между тѣмъ опять принялся перебирать бобы на рогожкѣ, почесывая и поглядывая на солнце, которое съ каждымъ днемъ весны грѣло болѣе и болѣе и весело катилось по ясному, тихому и кроткому небу.

— «Коли все для меня пропало, подумалъ Илья: — такъ не пропадетъ для другихъ. Талавѣркина барыня заплатилась и еще заплатится... Теперь, если ворочусь, пойду прямо въ судъ и донесу на отца, что онъ съ нею тутъ асигнаціи фальшивыя покупалъ; укажу и свидѣтелей: Фроську скрутимъ, моя Настя кое-что помнитъ, да и Талавѣрка самъ не откажется подтвердить; чуть ли онъ не знаетъ, гдѣ и книга хранится тутъ въ городѣ съ расписками всѣхъ, кто покупалъ у армянъ эти асигнаціи. А насчетъ воли, прогляжу эту книгу и уже ни слова не утаю отъ нашего міра, коли есть какой на насъ обманъ. Всѣхъ подниму; баста батькѣ барствовать...»

Илья Танцуръ въ тотъ день долго бродилъ по городу, подходилъ къ острогу, толкался у его заборовъ, съ тоской глядѣлъ на его рѣшотчатая окна, заговаривалъ съ часовыми, съ сторожами. Къ ночи сосчиталъ послѣднія свои деньги и пошолъ за Донъ въ кабакъ Дешовку, откуда издали еще слышался гулъ веселья, пѣсенъ и плясокъ, и рѣшился добиться, чего бы то ни стоило, свиданія съ Талавѣркой или съ его дочкой.

III

НА ЧТО РѢШИТЬСЯ?

Въ первые дни по приходѣ въ Ростовъ, Илья ничего не добился о каретникѣ. Черезъ острожную прачку онъ только узналъ, что Талавѣрка вынесъ горячку и теперь еще не оправился. Илья сталъ шататься по городу, изрѣдка нанимаясь въ поденщики. Бродя по городу, по харчевнямъ и погребкамъ, прислушиваясь къ общимъ толкамъ, Илья избѣгалъ старыхъ знакомцевъ. Въ винныхъ погребкахъ шла гульня, гремѣли бубны, наигрывали скрипки и съ заморскими матросами и шкиперами плясала дѣвѣнца легкаго поведенія. Настя не выходила изъ головы Ильи. Онъ придумывалъ сотни средствъ увидѣться съ нею, увезти ее изъ острога. Съ каждымъ изъ пирующихъ онъ хотѣлъ объ этомъ посоветоваться. А кругомъ не о томъ толковали. Прежніе разговоры о торговлѣ, о морѣ, о приходѣ и отходѣ судовъ, смѣшались съ толками о новомъ законѣ. Передавались тысячи предположеній. Говорили не стѣняясь. Радость черни о волѣ быстро смѣнилась мрачными слухами.

— Насъ надули, обманули! Настоящій законъ спрятанъ! Въ настоящемъ законѣ — земля намъ давалась даромъ и помещиковъ гнали прочь.

Такъ говорилъ между прочимъ въ одномъ погребкѣ безсрочный солдатъ.

Илья, бывший давно подъ хмѣлькомъ, всталъ, приперъ дверь погребка покрѣпче и подошелъ къ солдату.

— Ты, дядя, не врешь?

— Нѣтъ.

— Побожись, а не то кишки выпустимъ!

— Коли вреть, отчего же не выпустить! подхватили другіе.

— Шу, божись!

Выпвшій солдатъ струсиль и побожился.

— Я царскій, стало-быть что мнѣ врать!

— Однако; ребята, штука! сказалъ Илья: — и я тоже слышалъ; надо обороняться! Говори, что еще сказываютъ?

— Говорятъ, чтобъ рукъ не давать ни на что, ни на какія бумаги.

— Отчего же?

— Подведутъ. А за дачу рукъ сказано такое наказаніе: ка-кая деревня дастъ руки на согласіе чиновникамъ или своимъ по-мѣщикамъ, такъ отъ синода будетъ вѣдно семь лѣтъ тамъ не кре-стить, семь лѣтъ не вѣчать и по семи дней не хоронить каждаго мертвого, чтобъ даже издали всѣмъ пахло, какое душегубное село. А кто одинъ изъ села пойдетъ противъ всѣхъ, того возво-лено прямо хотъ изъ ружья застрѣлить, какъ собаку.

— Ну, такъ штука! сказалъ опять Илья: — слышите, бра-цы? Обманъ!

— Какъ же это царя-то обманываютъ? Нешто онъ не знаетъ?

— Знаетъ, да терпитъ, смѣло рѣшилъ солдатъ: — и послалъ онъ повсюду дозорцевъ; на нихъ, говорятъ, и царскіе знаки есть, да какіе — про то я не слышалъ...

— Въ чемъ же ходятъ они?

— Мало ли въ чемъ: вной одѣтъ монахомъ, другой разно-щикомъ, третій ямщикомъ, а четвертый, какъ и я, солдатомъ...

Толпа гудѣла въ погребкѣ, какъ въ ульѣ рой пчолы, при-грѣтый весеннимъ солнцемъ.

Илья расплатился и вышелъ, пошатываясь, въ другой по-гребокъ. Тамъ говорилъ за пустой бутылкой донского какой-то проповѣда-чиновникъ.

— Слышите, ребята, сказалъ Илья входя: — васъ обманы-ваютъ; законъ поддѣльный!

— Ничего не принимать, ни на что не соглашаться, ничего не подписывать — это такъ! подхватилъ и чиновникъ: — кто дастъ еще на бутылку, последнее слово скажу!

— Что же это за слово? спросилъ Илья.

— Собирайтесь въ кучки, толкуйте, высматривайте; а чуть кто васъ обмануль, обухомъ въ голову и баста. Книга новая вся изъ клочковъ, страницы перечислены въ ней разнымъ маломъ, она безъ переплета, съ вырванными листами и безъ царскихъ печатей...

Въ ушахъ Ильи звенѣло. Голова его ходила кругомъ. Дале-ко за полночь онъ ушелъ за Донъ и легъ спать въ овражкѣ, подъ косогоромъ. Солнце уже стало сильно припекаетъ, когда онъ проснулся и зашелъ опять на Дешовку закусить и выпить спозаранку, чего прежде не дѣлалъ. Наканунѣ сторожа въ

острогѣ обѣщали ему доставить свиданіе съ Настей и съ отцомъ ея за десять дѣлковыхъ. Переговоры шли черезъ острожную прачку, жившую въ слободкѣ подь городомъ. За двадцать дѣлковыхъ ему обѣщали даже отпустить Настю на нѣсколько часовъ ночью изъ острога. Илья сосчиталъ снова деньги: было на лицо всего шесть дѣлковыхъ съ мелочью.

Гдѣ еще достать денегъ?

Илья долго стоялъ у берега подь хлѣбнымъ магазиномъ города и думалъ: «Время уходитъ; денегъ мало; станешь работать, попадешься; а видѣться съ Настей надо...» Знакомъ ему была хорошо этотъ пыльный и оживленный Ростовъ. Онъ взомалъ на крутой берегъ къ источнику, надъ магазинами.

По огромному разливу Дона попрежнему плыли барки и расшивы; сплавлялся плотами дѣсь. Въ гирла къ Азовью и обратнo шли пароходы; клубился дымъ, раздавались голоса лодчановъ: «круль къ берегу» — «молись» и рабочіе, скинувши шапки, вслухъ молились и крестились на востокъ. Влѣво по берегу, по горѣ и внизу, шли ветхія лачужки предмѣстья. Двухколесныя бочки медленно тащились отъ источника съ водою въ городъ. По крутымъ тропинкамъ сбѣгали съ ведрами бабы и дѣвушки. Стадо верблюдовъ, выпряженныхъ изъ подлѣхавшаго татарскаго обоза, въ разброску и кучами, лежало по взгорью, лѣниво слѣдя прохожихъ. Тутъ же въ самомъ низу, по донскому берегу, лежалъ наваленный чугуны изъ Севастополя: огромныя якоря, ядра, осколки бомбъ, картечи и осадныя пушки. Вороны и воробьи прыгали по этому чугуну... Вправо начинался городъ, улицы и по узенькой набережной бульварчикъ; кирпичныя, нещекатуренныя, красныя дома шли дадѣе, запыленные, какъ лица кузнецовъ и трубочистовъ. По улицамъ двигался озабоченный, будто бѣгущій куда-то народъ. Турецкимъ душистымъ табакомъ пахло вездѣ. У источника городъ еще былъ тихъ. А туда далѣе къ площадямъ, прохожій поминутно слышалъ говоръ разныхъ языковъ, слова итальянскія, греческія, французскія, татарскія и украинскія. Вдали зарѣкой, на томъ боку, на цизменной сторонѣ сверкалъ громадный заливъ Дона и видѣлись въ туманѣ отдаленныя слободы и станицы. Тамъ были чисто-стениныя картины: безпрѣдѣльность гладкихъ луговъ и полей, которыхъ зелень и ясность переходили мало-помалу въ голубыя краски и сливались на-

конецъ съ туманомъ небосклона. По зелени первыхъ луговыхъ травъ тянулись, пересѣкаясь, обозы чумаковъ съ солью, съ хлѣбомъ и съ лѣсомъ, и подгородныя фуры съ сѣномъ. Внизу правѣ были оптовые магазины съ сибирскимъ желѣзомъ, а тамъ опять хлѣбныя греческія и итальянскія магазины. Работа съ весной въ послѣднихъ шла самая спѣшная. У крылецъ на шестирахъ были растянуты, въ видѣ исполинскихъ навѣсовъ, полотняныя пелены. Подъ ними кишмя кишѣлъ наемный людъ поденниковъ; хлѣбъ «перелопачивался», разсыпался по другимъ пеленамъ, сушился, очищался на грохота и подситки, насыпался въ мѣшки и тутъ же грузился внизу на барки. Работники носили хлѣбъ, бабы и дѣвки зашивали мѣшки, отгребали пыль и соръ. Вездѣ раздавались веселыя шутки, смѣхъ и пѣсни. Заработная цѣна платилась по количеству работы, а не поденно.

— Да что же я стою? подумалъ Илья: надо работать! надо достать двадцать цѣлковыхъ и поскорѣе. — Онъ пошелъ въ городъ

По мосту черезъ Донъ валилъ народъ; рыбаки съ моста черпаками ловили рыбу. Изъ города по крутому спуску къ мосту ѣхали верхомъ ногойцы; пастухи гнали стадо овецъ. Въ толпѣ опять шагаль двугорбый верблюды, пріютившіи на спянкѣ старика татарина; ѣздокъ вяло и сонно поглядывалъ кругомъ, и болтая ногами, въ ожиданіи выѣзда за городъ, набивалъ себѣ трубку. Строились огромные дома, новые ряды лавокъ. Каравкались по пыльнымъ стѣнамъ новыя раззолоченыя вывѣски. Какъ въ жаркой Бессарабіи и въ Крыму, по былому здѣсь на всѣхъ окнахъ покачивались сквозныя, зеленыя, пластинчатая ставни, пропускающія воздухъ и не пропускающія лучей солнца.

У греческой кофейни толкотня: маклера стоятъ на улицѣ и шепчутся о цѣнахъ, о корабляхъ, объ Италіи. Издали развѣвается флагъ надъ домомъ какого-то консульства. Мальчишки, играя по немощеннымъ еще улицамъ, за немѣнѣемъ камней для швырнѣя, захватываютъ па лопатки пыль, обильно лежаную вездѣ на землѣ, по дворамъ и по тротуарамъ, и кидаютъ ея въ воздухъ, на зло веселымъ зеркальнымъ окнамъ, раскрытымъ въ домахъ, уставленнымъ цвѣтами и обвѣшаннымъ штофными и тюлевыми занавѣсками, и на зло щеголихамъ-барышнямъ,

гуляющимъ по тротуарамъ. Напрасно гремятъ изъ оконъ рояли. Напрасно мелькаютъ только-что съ корабля соломенные шляпы, ленты, цвѣты и платья. Напрасно звучитъ итальянская или французская рѣчь. Отъ пыли нѣтъ силъ дышать, нѣтъ силъ пройти и щегольнуть собою.

Дѣдъ Зинець посовѣтовалъ Ильѣ навѣяться къ греку Андрокки пересыпать пшеницу, а ночи спать для предосторожности за городомъ. Такъ Илья и сдѣлалъ. Прошло болѣе недѣли. Работая изъ всѣхъ силъ, Илья рассчиталъ и сообразилъ, что завтра въ его кармапѣ будетъ двадцать цѣлковыхъ. Всячески угождая товарищамъ, чтобъ его не выдали, онъ каждый день удѣлялъ часть денегъ на выпивку. Накапуиъ расчета съ хозяйскимъ прикащикомъ, онъ опять пошелъ въ кабакъ за Донъ. Дешовка на этотъ разъ особенно была шумна и полна народомъ. Сотни голосовъ у прилавка кричали: «водки!» Сотни рукъ тянулись къ шинкарю-разнощику съ пустыми штофами. Одни ѣли, другіе пили и плясали. Тутъ были бабы и дѣвки, писаря и дьячки, матросы и лоцмана, чумаки и солдаты. Много честнаго народа, пропивавшаго послѣднюю копѣйку, и не мало воровъ и развратниковъ, способныхъ на все изъ одного желанія покутить и закрутить буйную голову. Полиція сюда близко не заглядывала, благодаря приношеніямъ откупа. Все здѣсь гуляло и веселилось на распашку.

— Танцуръ! Танцуръ! Илюша! меня угости! крикнулъ отставной старичекъ аудиторъ изъ кантонистовъ, слышій въ числѣ постоянныхъ посѣтителей Дешовки за благороднаго: — гдѣ работаешь? Поди сюда; что, братъ? Каретника твоего доѣхали?.. Къ барынѣ на земельку посылаютъ? Отбей невѣсту и такъ живи съ ней безъ вѣнца! Что твоя и вѣнчанная, какъ по доброму согласію, хоть и въ грѣхѣ!

Аудиторъ, въ качествѣ чиновника, былъ въ зеленомъ шелковомъ на ватѣ архалукѣ, въ военной фуражкѣ и подпоясанный красивымъ клѣтчатымъ платкомъ. Онъ сидѣлъ на крылечкѣ харчевни, между столбовъ, подпиравшихъ навѣсъ, и свѣся ноги съ крыльца, на разостланномъ носовомъ платкѣ ѣлъ вареныхъ раковъ, печонку и соленые огурцы.

— Здравствуйте, ваше благородіе! сказалъ Илья, не безъ удовольствія и самъ принимаясь закусывать.

— Угости, душка; всю правду скажу...

— Какую правду?

— Про твоего каретника.

Духъ у Ильи замеръ.

— Не вѣрь ему, парень: все вретъ, мы его давно знаемъ! отозвались другіе: — такъ, совсѣмъ пропаціей человѣкъ, бредухъ!

Илья однако угостилъ аудитора.

— Ну, что ты тамъ знаешь?

— Видѣлъ каретника твоего въ острогѣ. Все плачетъ, рветъ на себѣ волосы, кричитъ, что его разорили, убили; дочку жалѣеть; вѣсти къ барынѣ своей не хочетъ.

— Когда же ихъ погонять домой?

— Коли хочешь повидаться, спѣши; поведутъ черезъ два дня.

— А какъ поведутъ?

— На Черкасскъ.

Илья рѣшился утромъ выпросить у грека расчетъ и отнести деньги черезъ прачку сторожамъ.

— Да ты не хочешь ли новый законъ о волѣ прочитать? спросилъ аудиторъ.

— А у тебя есть? Дашь?

— Есть, дамъ за три цѣлковыхъ прочитать. Приходи вечеромъ ко мнѣ. Только читай его тайно, чтобъ никто не видѣлъ.

Илья далъ аудитору изъ прежнихъ денегъ три цѣлковыхъ, получилъ отъ него передъ вечеромъ книгу положеній о волѣ и рѣшился прочесть ее въ ту же ночь, въ ожиданіи расчета съ грекомъ. Для этого онъ положилъ уйти за городъ въ глухую лощинку на Мертвомъ Донѣ, гдѣ онъ зналъ когда-то мельника, жившаго тамъ отдѣльнымъ хуторомъ. Уже ходилъ слухъ, что чтецовъ новаго закона преслѣдуютъ въ иныхъ случаяхъ, и книгу положеній о волѣ грамотѣи изъ черни читали тайкомъ.

Солнце еще было высоко, когда онъ большимъ мостомъ перешолъ черезъ Донъ и отправился за рѣчку Темерникъ. По взгорью здѣсь было раскинуто село, по народному прозвищу Безсовѣстная-слободка. Домики и хатки ея, точно куча камешковъ, кинутыхъ изъ горсти какъ попало, торчали тутъ безъ всякаго порядка, лѣпясь по обрывамъ, сползая къ рѣкѣ или взбираясь на маковку взгорья. Слободка эта селилась сама собою подъ городомъ, когда еще мало обращали вниманія на то, кто сюда приходилъ и селился. Она селилась безъ всякихъ спра-

векъ и разрѣшеній. Духъ смѣлости и донынѣ тутъ царилъ на всей свободѣ. Всѣ продѣлки противъ полицейскихъ уставовъ въ городѣ начинались отсюда. Тутъ жилъ аудиторъ, давшій Ильѣ книгу о волѣ. Здѣсь же была избушка и той прачки, черезъ которую Илья надѣялся увидаться съ каретникомъ и съ Настей. Аудиторъ промышлялъ уже нѣсколько недѣль новою книгой, раздавая ее нѣтъ-подъ полы на прочтеніе за деньги. Илья спряталъ книгу подъ свитку и шолъ безъ оглядки, поспѣвая къ ночи въ лѣсокъ знакомаго хутора, гдѣ не разъ прятался отъ ростовскихъ облавъ на бѣглыхъ.

Скоро онъ спустился въ долину Мертваго Донца и завидѣлъ издали кучу вербъ, садикъ и знакомый домъ рыбакова. Спустился по каменистой обрывистой тропинкѣ въ долину, Илья слышалъ шумъ воды, сбѣгавшей изъ ключевого пруда къ колесамъ углой водяной мельнички, и пошолъ къ ней, спрятанной за вербами. Хатка рыбака была построена на выдавшемся каменномъ ребрѣ утеса, изъ котораго било множество свѣтлыхъ и студенистыхъ ключей. Она какъ бы висѣла на воздухѣ, отдѣляясь кустами терна и дикихъ вишенъ отъ пруда. Когда лучи солнца въ упоръ освѣщали съ юга это ущелье, прудъ и вербы, между которыми съ тихимъ и вѣчнымъ шушуканьемъ сбѣгала къ мельницѣ въ провалѣ лишняя вода, въ прозрачныхъ струяхъ пруда отсвѣчивались напущенные туда пестрые, съ голубыми спинами осетры, серебряныя востропосыя стерляди, бѣломраморныя тупорылые сазаны и вертливая тарань. Сюда порою набѣжали изъ города охотиться въ камышахъ долины на лисницъ и поѣсть свѣжей икры и уши богатые купцы. Тогда хозяинъ сажалки подходилъ къ пруду, закидывалъ веревочную пеглю, или прямо на желѣзный крюкъ подхватывалъ изъ воды осетра или стерлядь; кровь била изъ свѣжей раны на крюкъ, рыба распластывалась, изъ теплыхъ внутренностей ея вынималась икра, протиралась сквозь рѣшето съ солью и тутъ же, еще теплая, присыпанная перцемъ, съѣдалась за бутылками цымлянскаго. Сюда же въ ближній лѣсокъ на долинѣ собирався и простой людъ изъ города потолковать въ зелени деревьевъ о своихъ дѣлахъ и выпить дешовой водки. Хозяинъ сажалки съ весны рѣдко былъ дома, ловя по окрестнымъ затонамъ рыбу. Илья спустился въ лощину, пробрался въ лозы, забился въ такое укромное мѣсто, откуда никто не могъ видѣть ночью огня, разложилъ въ оврагѣ

подъ крутизной костерокъ, сѣлъ у огня и развернулъ книгу. Онъ перекрестился и поцѣловалъ давно избитую и зачитанную книгу.

— Господи-боже, благослови намъ всю правду узвать! сказалъ Илья, и началъ читать.

Губы его слипались, во рту сохло, глаза горѣли, дрожащія руки несмѣло переворачивали листы. Долго онъ читалъ. Языкъ законоположеній и въ особенности его великорусскія выраженія были не подъ силу его пониманію. И потому ли, что самъ Илья вообще туго понималъ смыслъ читаемаго, или такъ уже онъ былъ настроенъ общими толками тѣхъ мѣстъ и лицъ, съ которыми его теперь сталкивала судьба, только въ строкахъ книги безъ всякаго умысла и съ полнымъ чистосердечіемъ онъ находилъ вовсе не то что въ ней дѣйствительно было. Ничто не мѣшало чтенію. Старый холостякъ, хозяинъ сажалки, дома не былъ. Тихо прошла темная весенняя ночь. Чтенію книги вторили сотни соловьевъ. Какія-то другія птицы швыряли кругомъ въ камышахъ и въ лозахъ, поминутно перепархивая и пугливо вылетая изъ темноты на огонь. За Донцомъ всю ночь раздавалось порывистое, горячее ржаніе лошади; точно жеребецъ пасся тамъ съ косякомъ кобылъ, грызя ихъ и загоняя то въ камыши, то въ лозы. Гдѣ-то въ темной вышинѣ прозвенѣли золотыми трубами, несясь вереницею, журавли. У пустой хатки рыбака, возлѣ сажалки, пропѣлъ нѣсколько разъ горластый пѣтухъ. Лягушки неугомоннымъ хоромъ стонали вдали въ какомъ-то укромномъ болотѣ. Начинало свѣтать. За Мертвымъ Донцомъ явственно заблѣбла полоса зари. Всталъ туманъ. Подуло во верхушкамъ лозъ. Вѣтви вербъ заколыхались. Кто-то ѣхалъ вдали въ лодкѣ по Донцу, вѣроятно съ ночного лова рыбы, сперва затянулъ пѣсню, а потомъ крикнулъ: «Стецькó!» — «Че-е-го?» отозвалось ему еще дальше, и эхо разнесло откликъ въ разныя стороны. «Кончай! пора!» — «Чую!» откликнулся голосъ. И все опять стихло.

— Кончилъ и я! сказалъ самъ себѣ Илья, дочитавши послѣднюю страницу книги положеній о волѣ.

IV

ВЪСТИ ИЗЪ ОСТРОГА И ИЗЪ ДОМУ

Илья всталъ, хотѣлъ помолиться и не могъ. Странный рой мыслей всталъ въ его головѣ: приказъ отбивать барщину, то-есть, какъ онъ понялъ, отбиваться отъ барщины, свое мірское управленіе и рядомъ съ этимъ соображеніе, что въ книгѣ листы вырваны и что она вообще подложная.

— Пospѣшить развѣ опять домой? подумалъ онъ: — я далъ слово міру все открыть, не утаить ничего! Они ждутъ меня, на-дѣются. А Настя?

Что-то затрещало невдалекѣ за лозами. Стали слышны чьи-то шаги. Илья оглянулся, къ нему пробиралась осторожная прачка. Онъ пошелъ къ ней.

— Что ты, тетка, какъ попала сюда?

— Охъ, бѣднякъ ты, бѣднякъ. Спозаранку кипулась слѣдомъ за тобой, видѣла, какъ ты вчера съ вечера заковылялъ сюда; ну, да и аудитора про тебя распросила... Охъ, бѣда, бѣда новая стряслась надъ тобою.

— Что? узнали, ищутъ меня?

— Хуже... Охъ, уморилась; знала, что утромъ ты пойдешь къ греку за деньгами, чтобъ уладить, повидаться тебѣ съ суженой-то твоей. Ну... а Талавѣрка-то горемычный не вытерпѣлъ всѣхъ горестей, всего разоренія...

— Ну?

— Въ эту ночь въ острогѣ на вьюшкѣ повѣсился. Сегодня и похоронять его. Сама видѣла.

Илья какъ стоялъ передъ прачкой, такъ и упалъ лицомъ въ камышъ.

— Ахъ ты, бѣдный мой, бѣдный, что съ тобою дѣлать! взвыла прачка.

Черезъ два часа Илья и прачка подошли къ подгородной ростовской слободкѣ. Найдя аудитора, Илья отдалъ ему книгу и сказалъ:

— Черезъ два дня жди меня въ кабацѣ на черкасской дорогѣ; здорово угощу.

Прачка сказала Ильѣ:

— Иди же къ греку, бери деньги и приходи вечеромъ къ острогу; не увидѣшь каретника, такъ хоть дочку теперь его увидишь. Ручаюсь тебѣ, паренекъ.

Илья пошолъ изъ слободки къ Дону и оттуда въ Ростовъ. Онъ былъ самъ на себя не похожъ: точно всталъ въ тотъ день изъ гроба. Не доходя къ Дону онъ остановился. Трубы города издали дымились. Изъ-за Дона несясь веселый колокольный звонъ. Былъ какой-то праздникъ. «И на похоронахъ-то его не ладутъ быть, нельзя! подумалъ Илья: — зарокъ его какъ колодника, да и мнѣ какъ идти? еще узнаютъ, тоже свяжутъ...» Получа деньги съ грека, Илья цѣлый тотъ день тоскливо толкался по базару, по погребкамъ и по харчевнямъ. Нѣсколько разъ онъ подходилъ къ стѣнамъ острога, заглядывалъ въ желѣзныя рѣшотки оконъ, заговаривалъ какъ бы мимоходомъ съ часовыми, но ничего не могъ онъ узнать про Настю и нигдѣ въ окрѣ не мелькнули ея бѣлое лицо и русыя косы. Онъ даже невольно прислонился къ острожному забору, какъ бы пробуя его крѣпость. «Настя, Настя! повторялъ онъ про себя: — гдѣ-то мы увидимся и какъ теперь увидимся! Я погубилъ тебя, я... Боже-господи! а Талавѣрка! повѣсился!» Народъ весело толпился по улицѣ возлѣ острога. Всѣ гуляли, празднуй весну и не зная того что было въ душѣ бѣднаго Ильи. Сторожа-инвалиды у воротъ курили трубочки и тоже весело поглядывали на гуляющихъ.

Степнѣло. Прачка сдержала слово: взяла у Ильи деньги, отвела его къ обрыву надъ Дономъ, подъ стѣнами острога, велѣла ему тамъ дожидаться и ушла.

— Я несу съ дочкой бѣлье въ острогъ, и коли все удастся, дочку оставлю на время тамъ, а къ тебѣ сюда приведу Настю.

Илья сѣлъ въ потьмахъ на камни между хлѣбными магазинами. Городъ стихалъ. Въ острогѣ огни погасли. Зарю давно пробилъ.

— Шѣтъ, не пропустятъ теперь никого изъ острога, рѣшилъ Илья и замеръ.

Въ потьмахъ раздалися шаги.

— Настенька!

— Илюша!

Только и могли проговорить Танцуръ и дочь каретника. Они отошли къ сторонѣ. Прачка, утираясь передникомъ, тихо всхлипывала, поглядывая на нихъ.

— Скорѣе, скорѣе! шептала она: — не погубите меня, коли пропало ваше счастье.

— Уйди, тетка, не стой! сказалъ Илья.

Прачка ушла за магазины.

— Настя! уйдемъ! что ждать долѣе?

— Нѣтъ, Илюша, не погуби бабы этой; мы уйдемъ — она пропадетъ, засудятъ ее.

— Когда васъ ведутъ подъ конвоемъ? говори, я отобью тебя.

— Послѣ завтра. Охъ, страшно: вѣдь насъ солдаты съ ружьями будутъ провожать; не осилишь, убьютъ тебя — стрѣлять будутъ по тебѣ и по твоимъ товарищамъ.

— Была не была; что мы теперь тутъ стоимъ, ни поговорить, ничего. Хоть два дня, да мои будутъ. Отниму тебя; меня не знаютъ въ глаза конвойные, а начальство здѣшнее не догадается кто отбилъ.

Настя стояла молча, обняла голову Илья и горячо его поцѣлювала.

— Илюша, не затѣвай этого, приходи лучше и ты домой, тамъ повѣщаемся, станемъ жить хоть въ бѣдности, да вмѣстѣ.

— Нѣтъ; коли ворочусь домой теперь, такъ не для того. Настя! отецъ твой меня считалъ виной всей вашей гибели... Изъ-за меня онъ... душу отдалъ бѣсу...

Настя молча рыдала. Илья рассказалъ ей исторію измѣны его отца.

— Неужели простить ее или батька моего за то, что они крови вашей напились, что отецъ твой безъ покаянія повѣсился изъ-за нихъ, а ты отъ богатства нищею и голою пойдешь теперь по пересылкѣ съ колодниками?

Настя ухватила Илью за руку и прижалась къ нему.

— Смерть имъ, а коли не смерть, такъ таже каторга! сказалъ Илья. — Донесу на нихъ; такъ именно... ворочусь... пойду противъ нихъ въ свидѣтели... противъ отца родного. Воротимся вмѣстѣ; не допущу, чтобъ ты шла подъ конвоемъ: вольные воротимся. Всѣмъ дана воля, а ее только отъ насъ прячутъ.

— Илюша, да лучше подожди, воротись, и я скоро буду дома. П, види, попроси меня у барыни, посватай сироту.

— Чтобъ я просилъ тебя у этой барыни? ни въ жизнь. Мы вольные теперь.

Прачка кинулась изъ-за магазина со словами:

— Прочь, долой, идуть!

Илья побѣжалъ въ сторону.

— Прощай, Илюша! шепнула Настя.

— Жди меня за Черкасскомъ.

Прачка увела Настю обратно въ острогъ, а Илья пошелъ къ Зинцу. Дѣдъ спалъ въ куренѣ, Илья его разбудилъ.

— Вставай, дѣдъ, да раскошеливайся, давай денегъ.

Зинецъ глянулъ съ просонковъ. Кругомъ огорода было тихо. Голосъ Илья звучалъ непривычною грубостью и злостью. Въ рукахъ его была большая палка. Зинецъ струсилъ. Мѣсто было совершенно глухое.

— Что ты, что ты, парень? съ ума сошелъ, какія у меня деньги!

Илья покачалъ палкой.

— Слушай, дѣдъ, разбойникомъ я не былъ, воровать тоже не воровалъ. Ну, а вотъ вамъ Богъ свидѣтель... не дашь денегъ — отниму; станешь кричать — убью!.. что мнѣ! Да что и тебѣ: жить-то не долго осталось.

Дѣдъ, ворча и охая, всталъ и началъ возиться, будто отыскивая что, поровнялся съ Илей и вдругъ кинулся на него, стараясь сбить его съ ногъ, и закричалъ: «караулъ, бьютъ!» Голосъ его странно отозвался въ глухомъ закоулкѣ.

— Шалишь! отвѣтилъ Илья, сгребъ старика, какъ ребенка, связалъ его его же поясомъ и положилъ у куреня.

Дѣдъ замолчалъ. Илья кинулся шарить въ куренѣ.

— Нѣтъ, это видно даромъ! подумалъ Зинецъ, лежа ницъ къ землѣ: — онъ иначе не рѣшился бы такъ со мною поступить.

— Илья, сказалъ онъ вслухъ.

— Что?

— Подъ боченкомъ въ углу, подъ соломой, мѣшокъ съ сухарями лежитъ, — нашолъ?

— Нашолъ.

— Развяжи: на днѣ деньги лежатъ.

Илья досталъ деньги, сказалъ Зинцу:

— Не прогнѣвайся, дѣдъ! какъ разбогатѣю, отдамъ! развязалъ его и ушелъ.

Черезъ два дня, рано утромъ изъ городского острога подъ конвоемъ пѣшихъ и конныхъ инвалидовъ двинулся по пути къ сѣверу длинный строй колодниковъ, скеванныхъ попарно. Гремѣлъ барабанъ. Этапъ вышелъ за городъ и двинулся степью къ Новочеркасску, чтобы сдѣлавши тамъ привалъ въ крѣпкомъ казацкомъ острогѣ, направиться далѣе по довскимъ ставицамъ. Тутъ было немало бѣглыхъ, которые было нагрѣли себѣ въ Ростовѣ такое теплое и уютное мѣсто.

— Вотъ она воля—то! сказалъ Илья, провожая съ другими колодниковъ.

— А что? спросили его изъ толпы.

— Да ничего! Я говорю только: вотъ она прочтенная—то намъ воля!

— Обожди, паренекъ, отозвался какой—то купчикъ: — долѣ ждали; все объяснится.

— Жди, свать, пока живого съѣдятъ! а мы ждали—ждали, да и жданки поѣли! сказалъ Илья, нырнулъ въ улицы и скрылся.

Передъ грустнымъ отрядомъ колодниковъ замелькали каменистые бугры Дона, курганы, стада курдючныхъ овецъ, каплички у ключей въ оврагахъ и скачущіе вдали табунщики. Вонъ въ сторонѣ извивъ голубого Аксая, а вотъ на голой и лысой горѣ, обдуваемый со всѣхъ сторонъ вѣтромъ Новочеркасскъ, домики съ воздушными крыльцами и съ рѣзными галерейками вокругъ стѣнъ; чистые, пустые и сонные дворики, цвѣты на окнахъ, шапочки на головахъ женщинъ, страшная пыль, безлюдные тротуары, громадный начатый соборъ среди главной площади, чиновный людъ при сабляхъ, въ шпорахъ и въ синихъ сюртукахъ: учителя музыки и словесности при сабляхъ и шпорахъ, мирные секретари правленій также.

Илья зналъ когда поведутъ колодниковъ. Наканунѣ онъ особенно кутилъ въ кабацѣ за Дономъ, угощая кучку самыхъ отчаянныхъ головорѣзовъ и буйновъ. На другой день у нихъ было положено собраться тайно въ полѣ, въ оврагѣ за Нахичеваномъ. Боясь, чтобы дѣдъ Зипецъ не одумался и не рѣшился его отыскивать, онъ прятался и не входилъ въ городъ. Но онъ случайно забрелъ къ одной пристани, гдѣ готовился отойти въ Таганрогъ и далѣе пароходъ. Ожидая рокового отхода колодни-

ковъ, Илья въ послѣдній разъ присматривался къ суетѣ шумнаго городка.

У пристани онъ замѣтилъ кучку людей, игравшихъ на берегу въ орлянку, въ ожиданіи отчаливанія парохода. Онъ подошелъ къ этой кучкѣ, сталъ самъ глядѣть на игру и вдругъ остолбенѣлъ. Передъ нимъ стоялъ одѣтый матросомъ недавній знакомецъ его по Есауловкѣ, венеціянецъ Васыка Комаръ. Комаръ также узналъ Илью. Они улыбнулись другъ другу, отошли къ сторонѣ и тамъ крѣпко обнялись.

— Какими судьбами? спросилъ Илья.

— Волю прочитали и у насъ...

— Ну?

— Ничего съ той воли не вышло, я и рѣшилъ опять дать тягу.

— Куда же ты?

— Опять въ Италію, братъ!

— А жена твоя, съ которой ты девять лѣтъ не жила?

— Отъ нея-то я больше и бѣгу опять. Ей-богу! Дрянь! Мужичка, баба! Въ Венеціи не такія красотки. Я изъ-за нихъ такъ и истаскался въ здоровьи, какъ видишь. Что дѣлать! Люблю! А свою я еще поколотилъ на прощаньи, зачѣмъ безъ меня замужъ за другого не вышла. Мужъ семь лѣтъ пропадалъ безъ вѣсти, могла бы выйти за другого...

— Кой же чортъ носилъ тебя домой?

— А! Это другая статья. Мой дѣдъ когда-то былъ богачомъ, имѣлъ деньги, прикащикомъ состоялъ у своихъ господъ и купилъ возлѣ насъ себѣ землю на имя своего барина. Этою землею и отецъ мой владѣлъ. Вѣдь девяносто десятина. Земля нынче вздорожала. Ну, я и воротился, думалъ либо тутъ остаться, либо землю продать, да и уѣхать. Кстати же тутъ въ Ростовѣ у меня братъ по оброку въ силъбѣнахъ у купца живетъ; ну, и къ нему можно было завернуть, денегать перехватить...

— Что же?

— Ни земля сразу не даютъ, ни оставаться не хочу. Скука. Въ Венеціи не въ примѣръ лучше. Привыкъ. Тула это опять я и удираю. Жду парохода. Черезъ часъ — прощай, addio значить Илюша, такъ-то-съ!

— Какъ же ты это дѣлаешь?

— Э, какъ! Были еще деньги, ну все и сварганилъ. Въ ма-

тросы взяли, а въ Одесѣ перееду въ громъ какого-нибудь англичанина, да и дальше, въ Турцію; ну, а тамъ уже и эта Италия. А что твоя невѣста. Настенька, отъ которой я тебѣ отсюда письма преставлялъ? Жива, здорова? Что каретникъ, отецъ ея?

Илья все рассказалъ. Комаръ покачалъ головой, сходилъ на пароходъ, который уже пыхтѣлъ и разводилъ пары.

— Ну, Илья Романычъ, пароходъ уйлетъ еще черезъ часъ; мы успѣемъ выпить и побесѣдовать на прощаньи. Пойдемъ въ кабачокъ. Андiamo—съ! Тебѣ горе, мнѣ горе, выпьемъ!

Знакомцы пошли опять за мостъ.

— Что дома у насъ? Что новаго? Говори.

Комаръ ударилъ себя по лбу.

— Ахъ, я дуракъ, простота! И забылъ! Тебѣ много новаго, съ этого надо было бы начать.

— Ну, говори, говори скорѣе.

— Малый, вища! — Слушай. Впервыхъ, какъ только прочитали намъ эту волю, народъ сильно запечалился! Ждутъ тебя, вотъ какъ. Прошли слухи, что воля не та. Учителя Саддукѣва помнишь?

— Какъ же не помнить: къ нему я на счетъ жены отца Смарагда ѣздилъ. Ну?

— Выгнали его изъ гимназiи. Я заходилъ въ городъ и слышалъ это. Въ день отставки, съ гори ли или такъ, онъ заснулъ, забывши въ спальнѣ погасить свѣчку. Загорѣлась сперва видно занавѣска на окнѣ, а потомъ весь домъ. Онъ съ дѣтьми и прислугой едва выскочилъ, въ чемъ былъ. Весь дворъ сгорѣлъ. А это только и было его имущество.

— Бѣдный, бѣдный. Экъ у насъ пожаровъ—то! Гдѣ же онъ теперь?

— Рубашкинъ принялъ его къ себѣ въ управляющіе. Только слышно, прижимаетъ въ жалованьи Саддукѣва, хоть тотъ ему и самый—то Сыртъ предоставилъ. На счетъ пожаровъ тоже, Переченской хуторъ сгорѣлъ; да что, она живучая: опять строится. А про жену попа Смарагда слышалъ?

— Что?

— Померла вскорѣ послѣ твоего побѣга.

Илья перекрестился.

— Господи! Ахъ, бѣднякъ! Вотъ все какія несчастія! Жаль, жаль его...

— Что жалѣть! Онъ теперь счастливѣе тебя со мною.

— Какъ такъ?

— Видно при женѣ только и крѣпился отецъ Смарагдъ. Чуть умерла, онъ куда-то сказываютъ написалъ; за нимъ явилась тройка, онъ забралъ дѣтей, что осталось утвари отъ леченія жены, да и уѣхалъ безъ вѣсти. Иные толкуютъ, что гдѣ-то наверху за Волгой, въ вятскихъ лѣсахъ, онъ въ раскольничьи попы перешелся, рясу нашу скинулъ, надѣлъ простой зипунъ, да такъ имъ и служить по ихнему; а другіе, что его схватили и онъ въ Соловки угодилъ, сосланъ...

Илья вскочилъ.

— Вотъ не ожидалъ я этого! Въ какой-нибудь мѣсяцъ... Что же его взманило, не понимаю?

— Какъ что? Жениться въ другой разъ бы ему у насъ не позволили, а тамъ у нихъ женись хоть разомъ на пятерыхъ; ну, да и о жалованьи, говорятъ, рассчиталъ. У насъ, съ доходами-то отъ мужиковъ, онъ получалъ всего цѣлковыхъ полтора ста въ годъ; а тамъ посадили его сразу, говорятъ, на три тысячи цѣлковыхъ.

— Отъ кого это ты знаешь?

— Вашъ дьячокъ сказывалъ. Теперь у васъ на обѣ церкви одинъ попъ отецъ Иванъ старій. Тарханларовъ, коли помнишь, совѣтникъ, вице-губернаторомъ у насъ слѣланъ. Тебя долго подозрѣвали въ подлогѣ Перебоченской, да послѣ одумались: батько твой доказалъ, что тебѣ не съ чего, и своротили на старую печь въ поварской. Батько-то тебя жалѣеть кажись!

— Ну, а что нашъ міръ? Что наши православные?

— Тебя, Илюша, ждуть и невѣсть какъ. Или скорѣе туда, не мучь ихъ. Прочитай имъ все по совѣсти. Тебѣ вѣрять.

— Вѣрять? по правдѣ?

— Ей-богу.

— Ну, такъ я же имъ теперь все прочту и объясню. Многое я тутъ узналъ изъ того что прежде и не снилось.

Илья допилъ вино и ударилъ стаканомъ по столу. Въ это время раздался звонокъ на пароходѣ Васька Комаръ выскочилъ изъ кабака.

— Прощай, Илюша! Когда-то опять увидимся!

— Прощай. Должно быть на томъ свѣтѣ. Жаль что ты спѣшишь, отъ міра, отъ общества вашего уходишь. Жаль и отца

Смарагда : онъ насъ любилъ и мы его любили. Жаль , что и онъ отъ насъ далъ тягу... да и мы попустому, брать , возвращались изъ бѣговъ...

— А что музыканты ? Я и не спросилъ ! сказалъ Илья : — въ острогѣ еще сидятъ ?

— Выпустили. Всего одинъ изъ нихъ цострадалъ : самъ капельмейстеръ венгерецъ ; признался , что въ покражѣ дома онъ былъ съ пьяну зачинщикъ. Онъ все принялъ на себя , а когда ихъ выпустили, его отослали на родину.

Илья шолъ возлѣ Комара.

— Ну, а что мой отецъ , прикащикъ ? не слышалъ ты чего и про него ? спросилъ Илья.

— Что ему ! Живется отлично. Вашъ баринъ-князь изъ чужихъ краевъ воротился тоже. Рубашкинъ твоему отцу счеты сводить теперь помогаетъ. Матупка твоя съ твоего побѣга пить перестала. Я какъ чувствовалъ , что тебя тутъ встрѣчу, и все разузналъ. Дьячокъ вашъ въ наше село ходилъ часто. Да что отъ тебя скрываться-то ? Самъ приѣдешь — узнаешь : къ моей женѣ, брать , вашъ дьячокъ-то повадился ходить съ успѣхомъ. Да ! Еще забылъ : передъ твоимъ побѣгомъ, отецъ твой было подалъ о тебѣ явку въ судъ, обвинилъ и тебя въ покражѣ. Да теперь уже это лишнее. Венгерецъ всѣхъ выгородилъ...

Раздался второй звонокъ на пароходѣ.

— Ну, прощай же, Илюша ! Дай-богъ тебѣ счастья.

— Возвращайся скорѣе къ намъ. Скоро другія времена станутъ.

— Жди, брать , ихъ ! Какъ бы вы всѣ, что воротились нынче изъ бѣговъ, не разбѣжались снова. А я знаю одно : приѣду къ моей Анжелиночкѣ въ Венецію, тамъ цвѣточница такая есть, скажу ей здравствуй, Анжелиночка ! Она крикнетъ : ахъ, русскъ ! Да такъ-то меня обниметъ и поцѣлуетъ какъ здѣшнимъ бабамъ и въ голову не придетъ ! Прощай. Узнаешь что-нибудь о томъ какъ дѣловскую землю мнѣ воротить , отпиши. Вашему дьячку я свою бабу уступилъ, ему же и адресъ свой далъ. Мы разстались по душѣ, друзьями. Моя баба даже плакала, какъ провожала меня ночью и стояла съ дьячкомъ за околицей.

Илья обнялся съ Комаромъ и поцѣловался. Тусклые глаза Васьки были еще тусклѣе, а прыщеватое зелено-блѣдное лицо было полно грусти.

— Да, шепайуль уже съ лѣстницы парохода Комаръ: — ещѣ одно забылъ: тебя вѣрно схватитѣ какъ воротишься домой!..

Ударилъ третій звонокъ. Комаръ взомолъ на борту; колеса зашумѣли и пароходъ пошолъ книзу въ гирла.

Черезъ день Ростовъ взволновался. Прошла вѣсть, что близъ Черкаска въ степи, подъ вечеръ, на этапѣ съ колодниками было сдѣлано нападеніе шайки бродягъ; солдатъ осмалли, отъободили всѣхъ арестантовъ, расковали, и тѣ разбѣжались безъ вѣсти. Въ числѣ убѣжавшихъ была и Настя Тазавѣрка.

Илья съ Настей, скрываясь въ овратахъ и лѣсахъ, дошолъ до Калача; тамъ ночью переправился черезъ Донъ на рыбацкѣй лодкѣ и пошолъ къ Волгѣ, по пути къ родному околотку. Но войти въ Есауловку онъ не посмѣлъ.

— Ну, люди добрые! сказалъ Илья, взоидя на бугры, съ которыхъ была видна Есауловка: — вы ждали меня; теперь я пришолъ. Пришолъ на счастье свое и ваше, или на погибель вамъ и себѣ. Долго мы ждали воли и дождались! — Въ сумерки онъ вошолъ въ хуторъ Терновку, гдѣ жилъ знакомый ему старикъ-сапожникъ и тамъ рѣшился устроить себѣ временной прывалъ.

— «Мужикъ вздорожалъ! Настоящая воля пришла!» сказалъ онъ входя къ старику съ Настей.

V

СЕЛЬСКИЙ АГИТАТОРЪ

— Агитаторъ, агитаторъ! Въ нашей губерніи новый Стевка Разинъ явился, новый Пугачовъ, Заметаевъ. Вѣдь это ихъ гнѣздо было. Тутъ они дѣйствовали и сѣмена бросили послѣ себя!

— Неужели? Гдѣ? Какъ? когда?

— На дняхъ явился на Волгѣ, въ заброшенномъ и глухомъ закоулкѣ; онъ изъ Есауловки, дворовый человекъ князя Мангушки, а избралъ себѣ притономъ сосѣдній хуторъ Терновку.

— Чтоже онъ пока дѣлаетъ, чѣмъ себя заявилъ?

— «Его народъ давно уже наивѣтилъ; онъ два раза былъ въ бѣгахъ. Малый смысленный, грамотный и воротился теперь опять изъ бродягъ, чтобъ какъ говоритъ добиться чистой воли.

Въ Терновку и въ сосѣдніе съ ней округа съ мая мѣсяца теперь сходятся толпы черпи. Этого парня уже молва провозгласила пророкомъ. У него же завелась и своя пророчица, тоже бѣглая дѣвка тамошней помѣщицы, которую онъ добылъ гдѣ-то этою весной. Ихъ не вѣнчаютъ и они живутъ такъ себѣ открыто, какъ мужъ и жена.

— Что же народъ?

— Парень этотъ мѣдомъ овладѣлъ всѣми, отнимаетъ вездѣ барщину, собираетъ поборы на расходы для мірскихъ дѣл, розсылаетъ по окрестностямъ возмутительныя письма. Къ нему верхами и на тройкахъ съѣзжаются совѣщаться изъ другихъ уѣздовъ и даже изъ губерній такіе же вожаки. И долго этого никто не подозрѣвалъ, ходъ всѣхъ чувствовалъ какое-то сильное вліяніе на умы крестьянъ въ томъ околоткѣ. Даже отецъ этого парня, есауловскій прикащикъ, живя отъ него въ десяти или пятнадцати верстахъ, цѣлый мѣсяцъ ничего не зналъ о новомъ приходѣ сына и о его укрывательствѣ въ Терновкѣ...»

Да сперва и трудно было замѣтить вліяніе отдѣльныхъ лицъ. Всѣ были взволнованы, всѣ потерялись, и крестьяне и дворяне.

Весна кончилась.

Вѣсть о волѣ пронеслась во всѣ концы, сорвало старыя плотины и мосты, и все унеслося на вѣки съ шумными волнами могучаго половодья. Поля окинулись зеленью. На Волгѣ опять замелькали сотни пароходовъ. Народъ задвигался у ея береговъ. Дѣса и байраки зазвучали птичьими голосами. Холмы и бугры подернулись голубыми туманами. Орлы зарѣли надъ долинами, заклектали на столѣтнихъ дубахъ. Дятловые—лишники стали опять перекликаться съ Кукушкиными—кучугурами, а Соловьиные—раkitники съ Журавлиными и Лебязьими—озерами. Освобожденный пахарь повелъ первую вольную борозду. Первое дуновеніе воли по селамъ и хуторамъ принесло осязательныя льготы переходной поры: безусловное увольненіе отъ барщинныхъ повинностей стариковъ, дѣвушекъ и мальчишковъ—подростковъ, увольненіе дворовыхъ, которые по ревизіи, иногда случайно, числились въ крестьянахъ; свободный бракъ, отмену ночныхъ карауловъ, уничтоженіе добавочныхъ сборовъ съ крестьянъ и первые намеки на жалованіе дворовымъ. Не всѣ добровольно рѣшились сразу дать эти льготы. Освобожденные мальчуганы увидѣвъ мѣржеество лукавыхъ демонстрацій и въ раннюю пору не-

долгой весны не шли на работу за самую выгодную цѣну. За ними явились демонстраціи горничныхъ и должностныхъ лицъ изъ крестьянъ. Мгновенно опустѣли цѣлые дома и усадьбы. Умирные смирились, зная, что ловкій кормчій на практикѣ можетъ обойти всякіе подводные камни. Радикалы стараго закала подняли крики и вопли.

— Слышали вы? кричали одни: — многіе помѣщики ѣздятъ уже сами кучерами, а помѣщицы страпаютъ себѣ обѣдъ?

— Нѣтъ, не слышали. Кто же это?

— Михаилъ Павлычъ, Федоръ Ильичъ, жена Ивана Юрьича! А у другихъ инья дѣла происходятъ. Въ Есауловкѣ у князя Мангушки мужики самовольно, чуть прочли имъ манифестъ, запустили свой скотъ въ барскіе луга по Лихому и выбили ихъ въ нѣскольکو ночей такъ, какъ вотъ эта ладонь.

— Ахъ, мерзавцы.

— Въ Конскомъ Сыртѣ у генерала Рубашкина сосѣдніе мужики въ саду срубили ночью пять лучшихъ берестовъ и липу на боковой алеѣ... Слушайте дальше! Вездѣ только и слышно: мужики рубятъ лѣса, выбиваютъ овцами и скотомъ поля и луга, вытравляютъ даже яровые и озимые всхолы хлѣбовъ. У губернскаго предводителя на крышѣ дома въ деревнѣ поймали трехъ мальчишекъ. Они вѣрно пробирались въ трубу, чтобы обокрасть ломъ, какъ то случилось въ Есауловкѣ прежде; а становой подлецъ рѣшилъ, что они лазили за воробыными гнѣздами. Но печальнѣе всего исторія съ тѣмъ же Рубашкинымъ. Онъ въ первый день велѣлъ наемному кучеру запретъ лошадей къ церкви, а кучеръ напился пьянъ; генералъ вышелъ въ дворъ — ни души: всѣ батраки до обѣда засѣли въ есауловскомъ кабакѣ. Онъ за ворота — а за воротами бродятъ безъ пастуха его шанскія овцы и всѣ переменялись, бараны съ матками и съ ягнятами. Чгоже бы вы думали? А? отвѣчайте!

— Самъ запрегъ бѣговые дрожки и поѣхалъ за кучера?

— Угадали, именно! а овецъ поручилъ пасти горничной дѣвухѣ, живущей у него за экономку; и тутъ бѣда! та сильно разобидѣлась и затѣяла отойти отъ него.

Бывшій тутъ юноша, изъ либераловъ, разсмѣялся.

— Такъ повашему это вздоръ? вздоръ? закричалъ раскшикъ.

— Разумѣтся плевое дѣло! Эка мученики! замѣтилъ либе-

ралъ: — разъ въ жизни самому въ деревнѣ запречь лошадь и дать любовницѣ на свѣжемъ воздухѣ порѣзвиться у двора съ ягнятами! Подумаешь: развѣнчаные Наполеоны на островѣ святой Елены! Людовики шестнадцатые въ цѣпяхъ!

— Я продолжаю! яростно продолжалъ раскащикъ: — я продолжаю о Перебоченской.

— А! крикнулъ либералъ и захохоталъ: — о Перебоченской, о сеѣй человѣколюбивой волчицѣ, съ надпиленными нынѣ когтями? продолжайте, намъ пріятно!

Раскащикъ, въ которомъ читатель вѣроятно узналъ смѣшного нѣкогда предводителя, защитника Перебоченской, оторопѣлъ отъ злобы и негодованія; но чувствуя, что и у него шальное время пообточило зубы и надрѣзало когти, смолчалъ, набилъ себѣ трубку папой-кріономъ, затянулся до тошноты, улыбнулся, в пуская клубами ртомъ и носомъ ѣдкій дымъ, продолжалъ мрачнымъ и сдержаннымъ басомъ:

— Господа, наше сословіе распадается, гибнетъ! Но что случилось съ этою бѣдной Перебоченской? До чего ее унизили, разорили! Я не узналъ ее, воротившись изъ высылки въ другое мое мѣстѣе.

— Какъ такъ? спросили слушатели.

— Вы знаете, я всегда къ ней былъ особенно расположенъ, хоть и толкуютъ, что она мнѣ давала денегъ взаймы. Изгнанная изъ Сырта, она продала домъ въ городѣ и переѣхала было къ себѣ на хуторъ, думая извернуться, прикупить еще земельки и повести хозяйство. Размѣстила людей по избамъ; однихъ изъ нихъ поставила въ батраки, другихъ — въ должности къ дому. Тутъ еще воротили ей изъ бѣговъ нѣсколько человѣкъ ея бродягъ, какихъ-то двухъ бабъ изъ Астрахани, парня-кузнеца изъ Москвы. Дѣло наше по доносамъ Тарханларова затихло по случаю манифеста о волѣ. Чтоже бы вы думали? Тутъ явился этотъ нашъ доморощенный агитаторъ, зашелъ изъ Терновки къ ней на хуторъ, и какъ вы, господа, полагаете? объяснилъ всѣмъ людямъ ея разныя статьи положенія посвоему. Тѣ сговорились, да на дняхъ бросили ея дворъ и ушли всѣ до одного въ свои батрацкія избы, требуя земли, воловъ, и вмѣсто дворовой службы трехъ-дневной барщины мущинамъ, а двухъ-дневной — бабамъ, такъ какъ они числятся крестьянами!

— Что же! Это по закону! сказалъ либераль: — а вы думаете какъ?

— Но посудите о Пелагеѣ Андреевнѣ, о ней посудите! кричалъ бывшій предводитель, будто не разслыша послѣднихъ словъ: — плотники бросили ея столярню, гдѣ ей кресло дѣлали; кузнецъ-парнишка бросилъ кузницу и также требуетъ поставить его на хлѣбопашество; тоже самое и съ бабами: и тѣ бунтъ затѣяли. А о дѣвкахъ нечего и говорить...

— Что же красныя дѣвушки? отозвался либераль, хихикая: ихъ бы эдакъ розочками посѣчь, рѣпяшками, и дѣло въ шляпѣ, усмирились бы.

— Представьте, продолжалъ расказчикъ еще мрачнѣе: — всѣ дѣвки Перебоченской сговорились и вдругъ... бросили ее въ одну ночь. Однѣ бѣжали къ отцамъ, другія къ женихамъ, въ тѣ же ея батрачкія хаты и въ сосѣднія имѣнія; ушли всѣ служанки, швей, кухарки, прачки и кружевницы. Даже представьте — вѣрная Палажка и та бросила Перебоченскую и ушла въ городъ, повязавшись съ какимъ-то солдатюгой.

— Ай, батюшки! Что же она не требуетъ дѣвокъ? спросилъ либераль: — вѣрно онѣ тоже изъ крестьянъ, и она не имѣла права ихъ держать при себѣ?

— Бѣдная Пелагея Андреевна изъ силъ выбилась. Звала всѣхъ обратно, становому жаловалась, новому предводителю. Ничто не взяло. Не тѣ люди теперь стали... да-съ! И представьте... сама теперь ѣсть себѣ варить, кухню перевела въ домъ къ себѣ, сама стряпаетъ и горькими слезами обливается. Два раза даже посуду сама мыла и воду, сказываютъ, черпала изъ колодца въ дворѣ. Просто Содомъ и Гоморра!..

— Странно! отозвался либераль: — отчего же эта барыня не прибѣгнетъ къ найму постороннихъ людей?

Отставной предводитель остановился среди комнаты и съ грустною улыбкою посмотрѣлъ на всѣхъ слушателей.

— Слышите? Ну, не чудакъ ли! Да это кремень-женщина, съ характеромъ древнихъ героевъ. Она скорѣе погибнетъ отъ великихъ огорченій и обидъ, какъ Леонидъ-съ при Термопилахъ, чѣмъ уступитъ хоть крупницу своего достоинства! Она честь и украшеніе своего сословія. А считать легко въ чужихъ карманахъ. Отчего не панимаегъ? А зачѣмъ вся эта перемѣна? Намъ служили и работали даромъ... Поневоля потеряешься... "Вонъ

патріархъ нашъ, Борисъ Николаичъ! Вѣдь не выдѣсь. Шестидесять лѣтъ хозяйничалъ; сидя въ креслѣ приказанія раздавалъ и не вѣрять толкамъ о волѣ. А приѣхалъ становой съ манифестомъ, онъ какъ всталъ съ кресла, зашатался, грохнулся объ полъ и духъ воцѣ. И такихъ жертвъ у насъ не мало-съ...

Либеральъ подошелъ посвистывая къ окну. Хоть санкюоты въ душѣ, но въ тоже время самъ богатѣйшій человекъ, онъ позволялъ себѣ вообще быть снокойнымъ и не стѣснялся. Его ненавидѣли, но боялись его и даже порою заискивали его расположенія.

— А Палажка, Палажка! возглашала раскатица: — эта вѣрная, преданная служанка!

— Ну? отозвались нѣкоторые.

— Представьте. Какъ ушла съ солдатомъ въ городъ, да и не возвращалась долго. Объ ея измѣнѣ въ особенности скорбѣла Перебоченская. И что же бы вы полагали? На днѣхъ къ крыльцу ея на хуторѣ подкатилъ съ бубенчиками тройкой тарантасъ. Кучерь съ павлинымъ перомъ. На гривахъ лошадей ленты. Изъ тарантаса вышли молодые разодѣтые: дѣвка и солдатъ, прямо изъ-подъ вѣнца. Это и была-съ... была сама Палажка, съ своимъ сужонымъ! А кто вѣнчалъ? Ну, ну? Угадайте... Вѣдь отца Смарагда, какъ вы знаете! Ну-съ? Вѣнчалъ есауловскій старый попъ, отецъ Иванъ! А? И это былъ другъ ея! И отомстилъ же онъ... Она ему чего-то не доплатила за требы, уѣзжая изъ Сырта, и когда Палажка затѣяла вѣнчаться, отецъ Иванъ не только не отговорилъ ее отъ этого, но перевѣнчалъ и еще далъ этой Палажкѣ своихъ лошадей, кучера и тарантасъ, и настроилъ ее и мужа ея поѣхать съ визитомъ къ бывшей ея барынѣ. Чуть Палажка съ мужемъ вошла въ домъ къ ней, солдатюга и брякнулъ: сударыня, позвольте у васъ взять сундукъ съ вещами и съ платьемъ моей жены. — Какой сундукъ? спросила Перебоченская: — у нея ничего этого и въ заводѣ не было! «Какъ можно, сударыня! обзвалась Палажка: — я новому предводителю-съ стану жаловаться! Мало вы надъ нами издѣвались! Голодомъ насъ морили, безъ бѣлья цѣлые годы водили! Я у васъ два года на свои деньги обувалась. Я ли вамъ еще не служила?» Перебоченская на это вскрикнула, зашаталась и упала въ обморокъ.. Вотъ до чего мы дожили.. Скоро, чернь, заберетъ страшную силу, благодаря своимъ коцоведамъ...

— Не вѣрю!

— Не вѣрите? Такъ знайте же, что мы зато вѣримъ и всѣ понемногу обзавоимся оружіемъ, револьверами и прочимъ.

— И этому не вѣрю!

— А это что? спросилъ ораторъ, вынимая изъ кармана револьверъ.

Хозяинъ дома, гдѣ шолъ этотъ разговоръ, вынулъ тоже пару какихъ-то, еще дѣловскихъ пистолей, притомъ заряженныхъ. «Такъ и сплю теперь! нельзя!» прибавилъ онъ, отошолъ къ двери и еще тамъ показалъ въ углу палку, съ потайнымъ стилетомъ въ поларшина.

Въ другихъ мѣстахъ толковали нѣсколько иначе. Въ уѣздномъ городѣ, въ домѣ исправника, удаленнаго было отъ мѣста вскорѣ послѣ исторіи Тарханларова съ Перебоченской, но потомъ оправданнаго и вновь допущеннаго къ должности, собирались всѣ недовольные изъ уѣздной старой партіи. Тутъ между прочимъ велась большая карточная игра.

— Слышали? спросилъ какъ-то у себя на вечерѣ исправникъ за штосомъ: — слышали про Рубашкина? Вотъ вамъ и современный человѣкъ! Было изъ-за чего рваться сюда и выгнать изъ Сырта Перебоченскую...

— Дама бубень. — Пліе! — Шестерка! — Атанде! — Уби-та! возглашали играющіе: — чтоже онъ тамъ дѣлаеть?

— Поззеей вздумалъ тутъ заниматься, пастушкомъ ходить, охотиться въ лаковыхъ сапожкахъ и въ соломенной шляпѣ, идеальничать; а въ душѣ тотъ же плантаторъ. Злитса теперь на все въ мірѣ, ко мнѣ постоянно записки пришеть, чтобъ разыскать съ его вольныхъ рабочихъ, обзываетъ ихъ ворами, подлецами.

— Вѣрно прочелъ въ газетахъ, сказалъ одинъ отъ картъ: — что кто-нибудь изъ сверстниковъ къ пасхѣ въ тайные произведенъ, ну — жолчь и расхолилась!

— А сколько надеждъ генеральчикъ подавалъ! Какъ мечталъ о принесеніи себя въ жертву полезному дѣлу въ провинціи!

— Считаю себя тоже лучшею живою кровью въ Россіи...

— Кой-чортъ лучшая кровь! перебилъ исправникъ, ставя осмерку на весь банкъ противника: — стойте; убью, тогда раскажу штуку! Убила! Пожалуйте денежки! Теперь слушайте. Ёду я недавно-съ мимо Сырта къ Волгѣ, поравнялся съ дворомъ

генерала; былъ вечеръ. Смотрю: за дворомъ кучка людей обжигаетъ убитаго кабана у костра соломы; всё хохочутъ, а какая-то баба рева реветъ. Что это? спрашиваю я изъ тарантаса. Ну, меня сейчасъ узнали. — «Это, отвѣчаютъ мнѣ, генералъ застрѣлилъ кабана вонъ той бабы. Генералъ развелъ на дворѣ цвѣтникъ, а пастуха намъ негдѣ взять, свиньи стали ходить въ дворъ, портить грядки, ѣсть луковицы. Сперва генералъ изъ окна убилъ у насъ пару поросятъ, а теперь каждый день бьетъ свиней...» — Вотъ вамъ, господа, и передовые люди, и либералы! Шуты гороховые, пустозвоны, карбонаришки! Свиней мужицкихъ изъ оконъ бьютъ!

Игра продолжалась.

— А что, господа, слышно про есауловскаго Пугачева? спросилъ кто-то: — говорятъ, скверныя вещи въ уѣздѣ у насъ происходятъ!

Исправникъ оставилъ карты.

— Да, именно скверныя. Я уже десять рапортовъ послалъ губернатору. Но вѣдь вы знаете теперешнее время. Я ему пишу, а онъ мнѣ указываетъ на Пустошнева.

— Чтоже онъ?

— Да на него кто-то доносъ губернатору написалъ. Доносъ грязный; я по немъ дѣлалъ слѣдствіе... Ну, и не все оказалось правдою... Онъ точно человѣкъ кутящій, слегка даже въ безуміе иногда впадаетъ, и время теперь опасное; ну, а все-таки не надо дѣла преувеличивать.

— Раскажите же въ чемъ доносъ былъ?

— Воротился къ нему недавно послѣ пасхи на хуторишко старый-престарый бродяга, изъ кучеровъ еще былого прежняго владѣльца того имѣнія. Старикъ этотъ былъ въ бѣгахъ что-то около сорока лѣтъ и еле-еле приплелся, оборванный, слабый, и дуракъ былъ, что воротился... Гдѣ-то по пути отъ Ростова его ограбили какіе-то солдаты-дезертиры. Притащился онъ въ дворъ къ Пустошневу; едва узналъ то мѣсто, гдѣ была прежняя усадьба его старыхъ господъ и село. Ну, а Пустошнева вы знаете. Докладываютъ ему, а онъ уже былъ сильно выпивши. Кто-то и припомнилъ ему, что этотъ старикъ бѣжалъ когда-то, обидѣвъ барипа въ припадкѣ ревности. — «А! закричалъ Пустошневъ: — я самъ съ нимъ расправлюсь! сюда его!» Привели старика. — «Такъ ты разбойничалъ тутъ, да за землей

принимать теперь! Стой же, голубчикъ. Воды горячей, бритву! Я тебя самъ превращу въ арестанта.» — Своими руками намылалъ ему лицо, выбрилъ полбороды, полголовы и одинъ усъ. Потомъ ошалѣлаго отъ перепуга старика повелъ въ амбаръ; бѣды дачеръ. Онъ его вѣрно думалъ спяну цапугать только; привязалъ ему на шею веревку и прикрутилъ ее къ потолочной балкѣ. — «Стой всю ночь! Спать не будешь!» Заперъ его и ушелъ. А на утро киулись — старикъ не выстоялъ ночи, ноги вѣрцо подкосились, и чуть не удавился... Утромъ докладываютъ шадъному Пустошину, что такъ и такъ. Чтоже бы выдумали? Въѣстро, докаянія, взбѣсился еще болѣе; взбѣжалъ съ пистолетомъ въ учебную, гдѣ сынъ съ учителемъ сидѣлъ надъ книжкой, закричалъ: «а! такъ и ты готовишься къ либералы!» прицѣлился и выстрѣлилъ въ сына картечью изъ пистолета.

— Убилъ?

— Промахнулся... Его схватили и насилу урезали. Надо полагать сочтутъ его сумасшедшимъ. Теперь уже его увезли послѣ слѣдствія въ городъ. А губернаторъ все-таки на крестьянскіе безпорядки не обращаетъ вниманія...

— Кто же, кто коноводъ безпорядковъ въ нашемъ уѣздѣ? добились вы толку?

— «Долго и не понималъ въ чемъ дѣло. Тархандаровъ меня преслѣдовалъ прежде; однакоже теперь, какъ его сдѣлали у насъ вице-губернаторомъ, самъ указалъ, что ясныхъ уликъ противъ меня нѣтъ и самъ же опять пособилъ мнѣ стать тутъ исправникомъ. Верхоглядствомъ мало возьмешь; на однихъ бѣдоручкахъ не выйдешь. Ну, я и сталъ присматриваться... Въ окрестностяхъ Есауловин, какъ по чьему-то таинственному мановенію, весь народъ окрысился, какъ одинъ человекъ... Подожженіе толкуютъ посвоему; отказываются отъ добровольныхъ слѣлокъ съ владѣльцами. И бы нашолъ этого коновода; онъ между чернью у насъ есть навѣрное! Здѣсь сегодня обидѣли барыню; смотришь, за сорокъ версгъ въ тотъ же день выругали барина, а за пятьдесятъ исколотили, чуть не до смерти прикащика! — Коноводъ есть, господа, да крылья намъ подрѣзаны, завелись мировые посредники; я пишу губернатору, а онъ говоритъ: пусть прежде посредникъ похлопочетъ. Да-съ... Вотъ когда что посерьезнѣе случится тогда и всѣ другіе запоютъ...»

Прошли слухи, что вслѣдъ за возвращеніемъ изъ Италіи,

владѣлецъ Есауловки князь Мангушко испытать какое-то сильное оскорбленіе отъ своихъ былыхъ подчиненныхъ, что тутъ замѣшанъ и его сосѣдь, генераль Рубашкинъ, что дѣло это разбиралъ уже мѣстный посредникъ, но что на сходкѣ и того сильно оскорбили крестьяне. Дѣло стало разъясняться. Произнеслось наконецъ имя Ильи Танцура, — сына есауловскаго прикащика. Молва разнеслась, что генераль Рубашкинъ сошелся съ княземъ Мангушко, ночевалъ какъ-то у него, и на нихъ ночью было сдѣлано что-то вродѣ покушенія на убійство. Именно: будто бы есауловскій прикащикъ, обходя ночью дворъ и садъ, поймалъ надъ балкономъ второго яруса, на водосточной трубѣ, сына своего Илью и одного изъ музыкантовъ, судившихся въ городѣ передъ тѣмъ, Кирилу Безуглаго, которые будтобы пробирались въ окно княжеской спальни, гдѣ на ночь князь и генераль заперлись съ какими-то красавицами. Молва добавляла, что Илья и Кирило, пользуясь темнотой, при крикахъ прикащика, убѣжали и скрылись въ окрестностяхъ.

Губернскій городъ узналъ о событіяхъ того уѣзда вскорѣ также въ подробностяхъ. Илью Танцура уже прямо называли коноводомъ всѣхъ своеволій крестьянъ.

— «Новый Стенька Разинъ! Стенька Разинъ появился у насъ!» передавали съ ужасомъ другъ другу обитатели губернскаго города, гдѣ какъ водится жизнь своихъ же уѣздовъ понимали менѣе жизни иного города Ботофогна Рио-де-Жанейро: — «И въ тѣхъ самыхъ поволжскихъ мѣстахъ, гдѣ дѣйствовали Пугачевъ и Разинъ! добавляли другіе: — Есауловка ихъ гнѣздо! Да тутъ еще, кромѣ воскресающей пугачевщины и разинщины, поднимаются и растутъ два старыхъ нашихъ вопроса, казачество и расколъ... Въдъ Малаканецъ по сосѣдству. Какъ тутъ не возродиться Стенькѣ Разину!»

— Чтоже слышно о немъ? Каковъ онъ и какъ зовутъ этого агитатора? допытывались дамы.

— Илья Танцуръ; онъ сынъ прикащика въ Есауловкѣ. Князь едва воротился изъ чужихъ краевъ и тутъ же наткнулся на этого изверга. Говорятъ, что онъ въ косовую сажень ростомъ, еѣддаетъ по цѣлому барану и выпиваетъ чуть не по ведру

водки. А наружностью, такъ кланутся, что это сущій Пугачевъ; окладистая черная борода, ястребинный взоръ и ожесточенъ, какъ самъ Емелька. Наконецъ, правдали, ибѣтъ ли, а увѣряють, что скрываясь въ хуторахъ за Авдулиными буграми, научая всѣхъ и принимая депутации, онъ объявилъ себя пророкомъ...»

— Быть не можетъ! Пророкомъ? Какъ Магометъ? спрашивали, замирая отъ страху, дамы.

— Именно, какъ Магометъ! Народъ къ нему идетъ на поклоненіе, онъ сидитъ за столомъ передъ книгой о волѣ, всѣхъ допускаетъ къ рукѣ, красная лента у него черезъ плечо. По ночамъ онъ развратничаетъ, а днемъ рѣшаетъ сомнѣнія всѣхъ, кто къ нему приходитъ. Говорить, что отцы ведутъ къ нему дочерей, мужья жонъ, а братья сестеръ...

Дамы съ ужасомъ затыкали уши и поднимали глаза къ небу.

— «Вся подкладка его характера! пугливо ораторствовалъ какой-то приѣзжій, даже въ кабинетѣ губернатора: — вся личность этого Ильи Танцура — двойникъ Разина. Это тотъ же мечъ божій! Какъ онъ нагло оскорбилъ посредника и какъ хладнокровно закололъ станowego! Чужія страданія его забавляютъ; великодушіе ему незнакомо ..

— Ну, перебилъ губернаторъ: — становой живъ, это вамъ напрасно сказали...

— Пусть живъ. А посредникъ?

— Отъ посредника я еще ничего не получалъ: видно надѣется такъ успокоить околотовъ; а мѣшательствъ пока не позволяютъ инструкціи...

— Все такъ, все такъ. Но этотъ коноволь зло опаснѣйшее... Это извергъ въ полномъ смыслѣ слова! Онъ уже устроилъ прамыя и непрерывныя сношенія съ окрестными губерніями; сорокъ—пять уѣздовъ уже въ его рукахъ. Ему несутъ хлѣбъ—солъ, сборы денегъ... А князь, этотъ бѣдный князь...

— Чтоже князь? спросилъ губернаторъ.

— Да князь съ Рубашкинымъ въ осаду уже цѣлую недѣлю. Спаслись, говорятъ, въ ночь покушенія на нихъ, только крѣпостью ставень, но съ тѣхъ поръ живутъ во второмъ этажѣ и уже припасовъ слышно у нихъ становится мало...

Губернаторъ всталъ. Онъ давно былъ встревоженъ и раздраженъ, давно хотѣлъ принять какія-то мѣры, но чѣмъ-то все стѣснялся, чего-то боялся, ждалъ. Въ послѣднее время онъ

сильно присмирѣлъ, часто сидѣлъ надъ бумагами, мягче встрѣчалъ посѣтителей, заботливо совѣтовался о разныхъ намѣреніяхъ съ людьми опытными, съ людьми стараго порядка, съ мѣстными практиками, и преклонялся передъ временемъ, хотъ ворчалъ на Петербургъ. — «Э... въ видѣ нищихъ — сюда никто не приходилъ; а объ есауловскихъ дѣлахъ однако надо подумать серьезно.» Онъ позвонилъ, позвалъ своего секретаря.

Вошелъ румяный и щегольски одѣтый молодой человекъ въ очкахъ, изъ правобѣдовъ. Въ рукахъ его была пачка газетъ.

— Насчетъ Есауловки отъ посредника еще ничего нѣтъ?

— Ничего—съ...

— Странно!

Губернаторъ сталъ медленно ходить по кабинету.

— А вы какъ полагаете? Продѣлки этого, какъ его, Ильи Таишура, пустяки, что о нихъ посредникъ умалчиваетъ и не сдаетъ все еще дѣла мѣстной полиціи? Согласитесь сами: влѣзть на балконъ, на трубу; не можетъ же быть, чтобъ прикащикъ это сочинилъ! Потомъ жить по сосѣдству, въ Есауловку не возвращаться, волновать умы; или его посредникъ испытываетъ? Что?

— Осмѣлюсь доложить вашему превосходительству, началъ молодой человекъ, поправляя очки, выпрямляясь и стараясь придать себѣ какъ можно болѣе достоинства, спокойствія и благородной смѣлости и откровенности: — до меня дошли еще другіе, болѣе важные слухи... Извѣстный—съ итальянскій агитаторъ Гарибальди черезъ своихъ эмиссаровъ давно уже старается взволновать Венгрію, Грецію и славянскія земли въ Турціи... Ну—съ, по секрету объявляютъ, что его портреты съ недавняго времени въ громадномъ количествѣ провезены, какъ слышно, черезъ азіатскую Россію, на Кавказъ, а оттуда въ Крымъ, на Донъ и сюда въ низовыя губерніи...

— Такъ вы полагаете, спросилъ губернаторъ, разсѣянно поглядывавшій до того времени на пучъ газетъ въ рукахъ чиновника, гдѣ онъ недавно за какой—то ретроградный поступокъ сильно былъ отдѣланъ: — такъ вы полагаете, что между Гарибальди и нашими мѣстными мятежниками есть солидарность? Это забавно!

— Имѣю ясныя подозрѣнія, продолжалъ совершенно сно-

койно-секретарь: — въ томъ, что всякія продѣлицы въ Есауловкѣ находятя въ связи съ эмиссарами Гарибальди...

— О, это уже кажется слишкомъ! перебилъ губернаторъ.

Секретарь улыбнулся.

— Очень радъ, ваше превосходительство, что на сомнѣніи ваше могу отвѣчать фактомъ. Вездѣ по Дону и здѣсь внизу по Волгѣ, съ весны еще народъ ожидаетъ со дня на день прибытія нѣкоего гетмана Загребайлы... Понимаете-съ? Загребайлы... Это и есть Гарибальди! Этотъ гетманъ Загребайло, по толкамъ народа, теперь за моремъ пока освобождаетъ дескаты итальянцевъ, потомъ побѣгъ нѣмцевъ и турковъ, освободить славянъ... Не вѣрите? Хоть это слухи, но слухи вѣрные...

Губернаторъ остолебенѣлъ.

— Надо принять строгія мѣры съ этимъ Танцуромъ! сказалъ гость-помѣщикъ: — иначе послѣ не расплатитесь...

— Вотъ вамъ и должность наша! рѣшилъ губернаторъ, разставя руки: — тутъ готовится суматоха, а газеты насъ казнятъ за строгости. Что новаго въ газетахъ?

— Вездѣ толкують о крестьянскихъ мятежахъ, о насиліяхъ, упорствѣ!..

Губернаторъ позвонилъ. Вошелъ жандармъ.

— Поѣзжай, попроси г. Тарханларова ко мнѣ. Надо дѣйствовать! сказалъ губернаторъ уходящему гостю: — что дѣлать, не мы виноваты.

Не успѣлъ губернаторъ успокоиться, какъ къ вечеру къ его квартирѣ подѣхали разомъ два нарочныхъ верховыхъ, съ пакетами отъ становаго и отъ посредника. Въ обоихъ пакетахъ доносилось о новыхъ безпорядкахъ въ Есауловкѣ и въ окрестностяхъ и испрашивалась присылка войскъ.

VI

КНЯЗЬ МАНГУШКО ТАКЖЕ НАКОНЕЦЪ ВОРОТИЛСЯ

Чтоже въ это время стало съ Ильей Танцуромъ?

Въ Есауловку весной, съ первою навигаціей, черезъ Триестъ, Дунай и Одесу воротился наконецъ старый князь Бѣлокомъ Мангушко. Живя зиму въ Италіи, на берегу моря въ Генуѣ,

князь занявшись живописью, ходилъ въ кофейни читать газеты и болтать о политикѣ, волочился за шляпницами и цвѣточницами, носилъ костюмъ двадцатилѣтняго юноши и нѣсколько лѣтъ сряду копировалъ масляными красками дюжинный ландшафтъ какого-то туземнаго артиста изъ новыхъ римлянъ и ждалъ только новыхъ денегъ изъ Россіи, чтобы переѣхать въ Сиену, гдѣ по слухамъ жилъ другой артистъ, бывшій въ модѣ по случаю рисованія въ новомъ видѣ обнаженныхъ женщинъ. Ни изъ кievскихъ имѣній, ни изъ Есауловки денегъ не приходило. Князь какъ-то зашелъ въ мастерскую своего учителя-живописца и вдругъ услышалъ отъ него такую новость: «Tiens, quel changement! Вы читали лия телеграмму изъ Россіи?..» — «Какую?» — «Наши serfs, ваши рабы освобождены наконецъ однимъ почеркомъ пера... Вашъ императоръ издалъ третьяго дня въ Петербургѣ великую хартію свободы двадцати-пяти миліоновъ вашихъ крестьянъ.» Князь кинулся въ кабинетъ для чтенія и въ маленькой мѣстной газеткѣ дѣйствительно прочелъ въ телеграммѣ, переданной изъ Петербурга въ Парижъ, извлечение изъ манифеста о крестьянской волѣ. Читальный залъ бібліотеки былъ полонъ. Болѣе сорока угрюмыхъ лицъ, уткнувшись въ итальянскія и французскія газеты, хранили мрачное и краснорѣчивое молчаніе. «Русскіе!» подумалъ князь и подъ его ложечкой также почувствовалось легкое давленіе. Въ тотъ день онъ не ходилъ гулять въ общій садъ, даже не обѣдалъ и выпилъ множество шипучей воды. На другой день, вмѣсто артистическаго визита въ Сиену, онъ сосчиталъ послѣднія деньги, скромно выѣхалъ въ Триестъ и черезъ двѣ недѣли въ какомъ-то отставномъ мундирѣ, вмѣсто недавней художнической куртки, сурово стоялъ въ Кіевѣ въ соборѣ, попавши туда случайно на одинъ офиціальнйй праздникъ и на молебствіе, причемъ впрочемъ ему дали мѣсто въ кругу губернской знати. Кіевскія имѣнія не улыбнулись князю. Доходы оттуда были давно исчерпаны за годъ впередъ. Онъ поспѣшилъ въ Есауловку, такъ какъ незадолго перелетъ тѣмъ въ ней произошла извѣстная кража въ домѣ и ожидалась большая сумма за продажу партіи пшеницы, скопленной прикащикомъ Романомъ въ нѣсколько дешовыхъ лѣтъ.

Князь явился въ Есауловкѣ, какъ снѣгъ на голову. Домъ найденъ въ порядкѣ, хотя былъ петопленъ. Наскорѣ протопили и освѣтили сперва двѣ-три комнаты. По совѣту Романа къ со-

сѣду въ Конскій-Сыртъ поскакалъ гонецъ, съ записочкой отъ князя, что тотъ просить у Адриана Сергѣича Рубашкина позволенія съ нимъ познакомиться, приѣхать къ нему и на первое время дня четыре или болѣе погостить у него. Рубашкинъ самъ поспѣшилъ къ князю, увидѣлъ передъ собою сморщенного, но розоваго, сладенькаго, изиѣженнаго и веселаго, съ бѣдыми волосами старичка и тотчасъ увезъ его къ себѣ. Старики нашли другъ въ другѣ много общаго и тотчасъ сошлись, даже пустились въ откровенности. Оба оказались одинаково либеральны, одинаково бранили правительство и Петербургъ, считали, что лучшіе изъ дворянъ продали свое сословіе и хихикая рѣшили, что теперь остается имъ только перепрыгивать съ одной лядины на другую, спасаясь въ общемъ наводненіи, каждому сидѣть въ своей норкѣ и только, пока есть огонь въ душѣ, развлекаться насчетъ женщинъ.

— «А, такъ и вы охотникъ?» спросилъ Рубашкинъ, вдругъ набившій уже вкусъ на этотъ счетъ въ деревенской скукѣ.

— «А вы думали нѣтъ?» сказалъ князь и тоже лукаво засмѣялся.

Рубашкинъ его разглядывалъ не безъ сожалѣнія. У князя весьма подозрительно дрожали нѣжныя ручки; голубые, небесные глазки были нѣсколько мутны; во время походки одна нога его будто отставала отъ другой, а голова порою сама собой покачивалась, какъ у алебастроваго котенка.

«Эге, братъ! Да у тебя уже вѣрно былъ первый визитикъ Кондрашки! Хорошо, что и я по совѣту Саддукѣва завелся зельтерской водой! подумалъ Рубашкинъ: — здѣсь какъ разъ нашего брата подшибетъ: ѣшь, спишь, думаешь о поживѣ — только и заботы! То ли дѣло Петербургъ: гранитные тротуары, ходишь безъ калошъ, тьма пріятелей, идеи, новости клокочуть... все дѣльные головы, споры, умственные битвы... А Кононовъ? Вѣдь произведенъ въ тайные!»

Князь улыбался, похаживалъ по домику Рубашкина, самъ помогая хозяину передвигать мебель, звалъ слугу, заходилъ въ лакейскую поболтать съ Романомъ.

— Что вы все съ нимъ говорите? спросилъ Рубашкинъ: еще усѣдете, еще надоѣтъ хозяйничать. О чемъ толковать?

— Какъ о чемъ? Устроить, покончить! отвѣтилъ князь: —

ну, добровольно тамъ... развязаться это съ крестьянами, пустить имѣнне на новый ладъ. Что дѣлать; надо трудиться!

Рубашкинъ однако вышелъ на крыльцо, мигнулъ Роману и спросилъ его, въ чемъ дѣло?

— Насчетъ дѣвочки все! не покайся старый баринъ! отвѣтилъ со вздохомъ Романъ.

«Каковъ! помыслилъ Рубашкинъ: — еще и скрывается!» и самъ разговорился объ этомъ съ княземъ.

— У меня въ ключницахъ премиленькая дѣвочка живетъ, Фрося! сказалъ онъ князю: — вы ее видѣли; скавать ей, она смастерить это дѣло лучше вашего Романа, и главное — безъ огласки!

— А, откуда она у васъ?

— Горничная Перебоченской: я ее отбилъ, представьте, у ея жениха, вашего флейгиста. Безуглаго. Увы, деньги все сдѣлають. Она ко мнѣ пошла, когда онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, а теперь его забыла и любитъ меня, клянусь вамъ, какъ ребенокъ. Что дѣлать, мнѣ самому дико! Но здѣсь въ глуши намъ, чернорабочимъ хозяйства, это одна прихоть.

— «Такъ похлопочите, похлопочите!» сказалъ князь, потирая руки.

Сказано и сдѣлано. Фрося, одурѣвшая отъ шелковыхъ платьевъ, золотыхъ серегъ и бурнуса, вызвалась доставить и князю одну свою пріятельницу. Срокъ назначенъ былъ ею черезъ недѣлю. Она обѣщала привести пріятельницу сперва въ Сыртъ, а потомъ въ сумерки попозднѣе въ Есауловку. Рубашкинъ обѣщался къ тому времени тоже приѣхать къ князю и въ четвертомъ провести время отъ скуки, пока кругомъ въ околоткѣ шла всякая сумятица отъ новой воли.

Князь Мангушко переѣхалъ въ есауловскіи домъ. Явилась наемная прислуга. У конюшни показались молодцоватые конюхи. У кухни задвигалась бочка съ водой, запищали подъ рукою повара невинныя куры, взревѣли телята и овцы. На поварскихъ столахъ бойкую дробь забили надъ котлетами и паштетами вновь отчищенные ножи. Наемный изъ города лакей развѣсилъ возлѣ крыльца платье барина. Прикащица Ивановна ни жива ни мертва суетилась въ буфетѣ. Романъ Танцуръ выбивался изъ всѣхъ силъ, чтобы угодить князю.

Тутъ-то и произошла исторія. Рубашкинъ вечеромъ сидѣлъ

у князя. Они ожидали милыхъ гостей. А тѣмъ временемъ въ саду въ потемкахъ ходили двѣ тихія фигуры : Илья и Кирило. Илья давно добивался случая повидаться съ княземъ, объявить ему обо всемъ что зналъ онъ о своемъ отцѣ; но Романъ его бы не допустилъ. Кирило тоже хотѣлъ проситься на оброкъ, а его заставляли работать съ крестьянами. Пріятеля рѣшились по-позднѣе, когда прикащикъ уйдетъ, явиться къ князю и лично добиться дѣла. Вдругъ они увидѣли впотьмахъ, у рѣшотки дома двухъ дѣвушекъ, подкрались и подслушали ихъ рѣчь. Кирило узналъ Фросю. Та утѣшала и подговаривала другую быть смѣлѣе. Дѣвушки ушли на крыльцо. Дверь за ними щелкнула. Прикащикъ сошелъ въ контору. Огни въ домѣ стали погасать. Свѣтилось только окно въ спальнѣ князя, бмевъ балкона во второмъ ярусѣ дома.

Кирило зашипѣлъ отъ ярости.

— А! Фроська, подлячка! узналъ ты ее?

Въ умѣ Ильи мелькнулъ первый вечеръ его возврата домой, голубятня, стоны и таже Фрося. Пріятеля переждали и рѣшились подсмотреть за дѣвушками; Кирило взлѣзъ на балконъ по трубѣ къ окну спальни, съ цѣлью заглянуть въ окно. Илья ждалъ внизу. Ихъ засталъ тутъ Романъ и крикнулъ на паравульныхъ. Они убѣжали. Романъ будто бы видѣлъ и Илью. Сцена эта сильно напугала и князя и Рубашкина. «Вѣдь они могли насъ убить!» рѣшили они и дали знать наконецъ о дерзости Ильи посреднику.

Черезъ два дня изъ-за Авдулиныхъ бугровъ явился босомогій чужой мальчишка и принесть въ контору записку, карапашомъ, отъ посредника такого содержания :

«Прикащику села Есауловки. Прошу созвать къ барскому двору все общество бывшихъ крестьянъ помѣщика князя Мангушко на завтрашній день съ утра. Мировой посредникъ Раловъ».

Мальчишка ткнулъ записку въ руки Романа и исчезъ, пока тотъ успѣлъ прочесть ее и собраться съ мыслями. Романъ былъ пораженъ. Прочтя записку, онъ кинулся наверхъ къ князю. Черезъ пять минутъ въ Сыртъ опять поскакалъ верховой и Рубашкинъ явился снова.

— А, каково? шевталъ князь, давая ему записку посредника; — прошу вмѣсто приказываю, и кому же, мужику? И

потомъ какъ ядовито : бывшихъ крестьянъ князя? Какой-то Раловъ! Да это забавно! Записка по такому важному дѣлу на клочкѣ дрянной бумажки и карандашомъ. Да это терроръ!

— И фамилія какая скверная! Раловъ! перебилъ генераль : — какой-нибудь нищій ; купилъ себѣ это мѣсто за наши же деньги!

Рубашкинъ прочелъ записку и плюнулъ.

— Ему жалуются на разбой, негодали лѣзутъ въ окна, а онъ пишеть въ контору! Нѣтъ, это безчестно, подло! Я къ министру буду писать. Я съ нимъ знакомъ... да что? Я самъ два года назадъ правилъ департаментомъ и скажу вамъ никогда бы не допустилъ такого безобразія. Это поведеть къ страшной путаницѣ, къ анархіи!

— Раловъ, Раловъ! шепталъ князь : — это наши преемники, мѣстная власть! Тьфу!

Князь, сидя на штофной софѣ передъ окномъ, изъ котораго былъ видъ на шоволжье и на всѣ есауловскія владѣнія, не вытерпѣлъ и также плюнулъ.

— Нѣтъ! сказалъ опять Рубашкинъ : — я не думаю, чтобъ этотъ Раловъ рѣшился сыграть съ вами ту же штуку, какую онъ исполнилъ въ другихъ имѣніяхъ. Его вызовутъ по дѣлу объ обидахъ отъ крестьянъ, а онъ вмѣсто барскаго дома подѣдетъ нѣ амбару или къ конюшнѣ, не входя въ домъ, совѣтетъ крестьянъ, да тамъ и разбираетъ дѣло, какбы считая насъ за отъявленныхъ враговъ правды. Вѣроятно этотъ юноша Раловъ — онъ говорятъ изъ студентовъ и ходитъ съ огромной бородой — не захочетъ обидѣть ваше сіятельство. Я полагаю, что завтра, узнавши о томъ, что вы дома, онъ прямо подѣдетъ къ крыльцу, доложитъ о себѣ вамъ и тогда уже съ позволенія вашего откроветь для суда надъ буянами волостной сходы. Я буду къ этому времени у васъ непремѣнно.

— О, пожалуста, ваше превосходительство!

Рубашкинъ съ весны уже не останавливалъ никого, когда его титуловали по генеральски.

Князь велѣлъ прикащику собрать на утро мужиковъ ко двору, какъ желалъ посредникъ.

Рано утромъ Рубашкинъ уже явился къ соедѣлу и засталъ его за стаканомъ кофею еще неумытымъ, въ ермолкѣ и въ халатѣ.

— Вы еще нѣжитесь?

— Да-съ! День будетъ, надо полагати, тяжелый...

— А что? Развѣ этотъ, какъ бишь его, Раловъ скоро будетъ?

— О, нѣтъ еще! Куда имъ, этимъ молокососамъ. Я думаю еще спать. Только для форсу съ утра требовалъ сбора людей. Развѣ къ вечеру будетъ. Не хотите ли чаю или закусить?

Князь потянулся, позвонилъ. Вбѣжалъ Власикъ и не своимъ голосомъ крикнулъ: «посредникъ ѣдетъ!»

— Вотъ те я на!

Пріятели бросились къ окну, изъ котораго видно было, какъ толпа мужиковъ у воротъ задвигалась. Издали, версты за двѣ, по кособору спускалась коляска четверней.

— Однако коляска! сказалъ князь: — такъ они у васъ въ коляскахъ ѣздятъ!

Крестьяне заранѣе одинъ за другимъ сняли шапки. По зеленой луговинѣ отъ двора навстрѣчу посреднику поскакалъ прикащикъ Романъ.

— Это зачѣмъ? спросилъ Рубашкинъ: — а, понимаю! вѣрно пригласить его прямо къ вамъ.

Князь кинулся одѣваться. Рубашкинъ, оставшись одинъ, спустился въ залъ и сталъ передъ зеркаломъ, принимая разныя внушающія положенія. Въ это время за воротами раздался стукъ колесъ, но коляска къ крыльцу не подъѣзжала. Рубашкинъ пошелъ сперва въ переднюю, потомъ въ кабинетъ. Тамъ стоялъ уже князь. Князь глянулъ на Рубашкина: на генералѣ явилась звѣзда и фракъ. Рубашкинъ глянулъ на князя: на князѣ звѣзды не было, но онъ также облекся во фракъ и въ бѣлый галстукъ и нацѣпилъ на себя заграничный орденъ не то какого-то овна, не то дѣвы, полученный имъ за жертвы въ пользу какихъ-то иностранныхъ богадѣленъ. Пріятели были въ сильномъ волненіи и даже попросту трухнули. Въ окно было видно, какъ посредникъ у воротъ вышелъ изъ коляски съ письмоводителемъ, какъ крестьяне скромно отвѣтили на его привѣтствіе, и тотчасъ сталъ опрашивать крестьянъ. На немъ были бѣловатое драповое пальто и старенькая, помятая фуражка. Письмоводитель былъ тоже въ старой шинелькѣ.

— Что же это? спросилъ князь: — они кажется точно идутъ подъ амбаръ?

Въ комнаты стремглавъ вбѣжалъ прикащикъ, крича лакею :

— Столъ посреднику, стулъ и чернильницу !

— Ты-то чего мечешься ? шепнулъ ему сердито Рубашкинъ : что онъ тебѣ за цаца ? Отчего къ князю неидеть ?

— Не можемъ знать-съ ; говорить : я не въ гости къ князю приѣхалъ, а по дѣлу ; кланяйся имъ и скажи, что я прошу ихъ прийти и при обществѣ объявить все, чтобъ крестьяне знали, что я посредникъ, а не гость князя.

— И это онъ сказалъ при всѣхъ ?

— При всѣхъ.

Князь и генераль переглянулись.

— Вы пойдете туда ? спросилъ Рубашкинъ.

— А вы ?

— Нѣтъ, вы скажите.

— Нѣтъ вы...

Словомъ пріатели остались, угрюмо усѣлись во фракахъ у окна и не пошли на слѣдствіе посредника о безпорядкахъ въ Есауловкѣ. Изъ окна видна была у амбара куча народа и столъ, за столомъ передъ бумагами на стулѣ посредникъ. Онъ говорилъ, вставалъ, садился. Слышенъ былъ отвѣтный гулъ голо-совъ. Изъ дверей конюшни, изъ оконъ и изъ-за угловъ кухни и другихъ зданій вездѣ торчали взволнованныя лица любопытныхъ слушателей. Тутъ были и выпущенные изъ острога музыканты и нѣсколько призванныхъ нарочно въ свидѣтели жителей сосѣднихъ имѣній. Власикъ, вопреки приказу Романа, взобрался на крышу амбара и оттуда съ другими ребятишками слушалъ также что говорилось на той небывалой сходкѣ. Илья Танцуръ и Кирило стояли въ толпѣ крестьянъ. Романъ стоялъ съ писмоводителемъ за столомъ посредника. По приказанію князя верховой поѣхалъ въ Сыртъ за Саддукъевымъ. Посредникъ не въ первый разъ уже являлся убѣждать есауловцевъ покориться новому положенію. Потравы луговъ, рубка лѣса и всякія ослушанія продолжались. Посягательство Ильи и Кирилы на спокойствіе князя въ ночь, когда ихъ застали у балкона, клало мѣру терпѣнія посредника. Долго онъ высчитывалъ вины общества, долго горячился, кричалъ, даже охрипъ и грозилъ все дѣло передать земской полиціи.

— Это ты всему зачинщикъ ! сказалъ онъ наконецъ Илья и

прибавилъ: — соцкіе! взять его и отправить въ станъ. Пусть съ нимъ съ первымъ вѣдается полиція!..

Илья выступилъ.

— Коли отецъ мой и тутъ гонять меня, сказалъ онъ: — такъ я молчать не буду. Онъ погубилъ отца моей невѣсты, доносилъ на меня, что я съ ворами лазилъ въ домъ барина, теперь донесъ, что видѣлъ меня опять ночью у балкона, выставяеть, что я людей смущаю, не такъ законы имъ читаю. Православные, полно батькѣ моему надъ нами властвовать, кровь нашу пить! сѣчь людей черезъ станovýchъ, да на васъ жаловаться. Ваше высокоблагородіе! я ребенкомъ бѣгалъ отъ изверга иѣмца, а нынче весной уходилъ отъ отца родного. Воротился я всю правду про него сказать. Былъ въ судѣ дорогою, просьбы моей не привяли, не такъ написана; былъ у станового, и тотъ не принялъ. Знайте же вы, я про отца своего теперь при людяхъ говорю: онъ съ помѣщицей Перебоченскою фальшивымъ асигнаціямъ въ Нахичевани покупалъ, да послѣ распродалъ; тѣмъ они и обогатились. А доказать мои слова могутъ: помѣщикъ Хутченко въ острогѣ, горничная Перебоченской Фрося, что у генерала Рубашкина въ ключницахъ нанимается, и одинъ армянинъ въ Ростовѣ, Халатовъ. Этотъ знаетъ и книгу ту, гдѣ барыня эта съ отцомъ моимъ расписывалась въ получкѣ тѣхъ асигнацій.

— Ваше высокоблагородіе! велите ему замолчать! вскрикнулъ Романъ, чуть помня себя отъ злости и испуга.

— Это ко мнѣ не относится, сказалъ разсѣянно Раловъ: — а впрочемъ, г. письмоводитель, запишите все это.

Письмоводитель кинулся писать.

Толпа молчала.

— Это все ты скажешь передъ судомъ, обратился опять посредникъ къ Ильѣ: — а теперь за то, что черезъ тебя вся деревня волнуется, иди подъ арестъ. Соцкіе, взять его!

Илья осунулся назадъ.

— Не трогайте его, загудѣла толпа. Онъ правду говоритъ; мы всѣ за него.

Посредникъ глянулъ: всѣ лица были блѣдны, глаза опущены къ землѣ.

— «Эге-ге! подумалъ посредникъ. Да какой же я былъ болванъ, что до-сихъ-поръ съ нимъ вѣжничалъ, потерялъ столько

времени, когда всё прямо его считают коневодомъ...» Онъ началъ—было опять кричать, грозить. Письмоводитель выручилъ его. «Видите, какое здѣсь село; наприсно вы тутъ скремничаете! шепнулъ онъ ему: — эта деревня глухая, была заброшена. Народъ тутъ незабывтый, смѣлый; такъ вотъ всё и стоять щетной, букой. Посмотрите на ихъ морды: волки, звѣри! Тутъ безъ становаго вамъ не обойтись. Совѣтую приказать послать за нимъ нарочно...»

Посредникъ услышалъ кругомъ себя ропотъ толпы, крикнулъ ей: «молчать» — и когда крестьяне черезъ выборныхъ отказались даже подписать протоколъ сходки, повторяя, что пока князь не смѣнитъ прикащика Романа, до тѣхъ поръ они не пойдутъ на работу, онъ прибавилъ:

— Г. письмоводитель! Пишите повѣстку къ становому. Пусть онъ заставитъ ихъ опомниться. Я не выѣду отсюда до тѣхъ поръ, пока васъ силой не заставятъ слушаться меня и выдать Илью.

Въ это время тихо подошелъ къ толпѣ подѣхавшій на бѣговыхъ дрожкахъ и запыленный Саддукѣвъ. Подойдя къ посреднику, онъ поклонился ему, распросилъ его, сначала не взявъ въ толкъ въ чемъ дѣло, но потомъ отозвалъ его въ сторону.

— Извините меня! сказалъ онъ: — вы не выдержали. Одумайтесь, будьте хладнокровнѣе. Смотрите сами на эти лица: какіе же они звѣри? Васъ сбиль письмоводитель. Переждите, не дайте вмѣшаться въ это дѣло полиціи. У васъ немалыя силы въ рукахъ. А иначе вы надѣлаете такого, что и сами не будете рады.

Посредникъ обидѣлся и отвѣтилъ:

— Я знаю что я дѣлаю! Терпѣнье мое лопнуло. И то мнѣ совѣстно передъ губернаторомъ и передъ всѣмъ этимъ околоткомъ.

Черезъ четверть часа одинъ изъ еопквхъ побѣхалъ въ станъ съ повѣсткой. Посредникъ, забывши роль, сидѣлъ у князя и всѣ ругали на—повалъ крестьянъ.

— Оставайтесь, господа, почевать у меня! сказалъ князь гостямъ: — мнѣ скучно, да теперь и не совѣмъ безопасно, а становой будетъ только завтра.

Весь вечеръ хозяинъ и гости то подходили къ окнамъ, то выходили на крыльцо, прислушиваясь и приглядываясь къ тому, что дѣлается въ селѣ. Власику валила растопить камни въ пор-

третьей галереѣ и тамъ сѣли ужинать. Есауловка заволновалась. Въ сумерки среди ея показалось много постороннихъ лицъ изъ другихъ слободъ. Они явились узнать новости о заѣздѣ посредника. Всѣ тихо шушукались, глядѣли на барскій домъ. Кабакъ, сверхъ ожиданія, былъ пустъ. Тревожныя кучки народу ходили по улицѣ, садились подъ хатами, у воротъ, у церкви, и къ ночи всѣ столпились у двора Ильи. Илья свечера воротился въ свою хату на Окнинь. Всякого новаго, подходившаго къ его двору, окликали словами: кто идетъ? — Казакъ! отвѣчали подходившіе. Бабы и дѣти заперлись по своимъ хатамъ. Въ избѣ Ильи свѣтился огонь.

— Что тамъ дѣлается у него? спрашивали тѣ, кто стоялъ за тѣсною на дворѣ.

— Царское положеніе читаетъ со стариками народу про посредниковъ и про станovýchъ.

— Да намъ же читалъ посредникъ.

— То подложное. Тамъ главныя страницы вырваны. А на самомъ посредникѣ царскихъ знаковъ нѣтъ; онъ только кричитъ, ничего не поймешь, да бородой ковыляеть.

На дворѣ зашумѣли.

— Идетъ, идетъ съ книжкой.

— Кто?

— Самъ Илья Романычъ.

Илья вышелъ изъ хаты. Сзади его держали фонарь.

— Православные! сказалъ онъ, кланяясь на всѣ стороны: — старики согласились и положили не сдаваться. Миѣ что! отстоите меня, свасибо; пѣть, голову за васъ положу.

— Нѣтъ, будь спокоенъ, не выладимъ тебя. Какъ можно! Всѣхъ пусть берутъ! загудѣлъ народъ.

Илья поклонился опять.

— А сѣчь насъ не полагается. Приѣдетъ становой, просите; не послушается, не славайтесь. Силой станетъ брать, гоните понятыхъ его. Что намъ теперь? Мы вольные... А чтобъ лучше столкнуться, пойдемъ за слободу въ поле.

— Пойдемъ, пойдемъ! заговорили есауловцы, а съ ними авдуинцы, чередеевцы, савинскіе и прочіе поселане и посланцы отъ разныхъ селъ и хуторовъ, между которыми находились и старые знакомцы Ильи, савожникъ и квасникъ. Они особенно

благоговѣнно слушали его, съ трепетомъ въ толпѣ произносил его имя и восторженно выхваляя его народу.

Огромная толпа двинулась впотымахъ къ Кукушкинымъ-кучугурамъ. Есауловка вдругъ стихла. Кое-гдѣ только отзывались собаки, жалобно въ потемки лая въ ту сторону, куда пошелъ народъ.

— Ну, слава-богу, затихли! сказали про себя князь, гости и прикащикъ, засыпая въ разныхъ мѣстахъ: — завтра будетъ становой; онъ ихъ уйметъ сразу и окончательно. Еще бесѣловать думаютъ съ мужичьемъ, кротостью брать! Держи карманъ!

Заря застала Есауловку такую же тихую. Всѣ мирно свали. Спалъ въ своей хатѣ и Илья Танцуръ, крѣпко обнявши напуганную Настю, которая одна въ цѣломъ селѣ не спала, прислушиваясь къ дыханію Ильи, приглядываясь къ его усталому, блѣдному и изнуренному лицу, и при занимающемся разсвѣтѣ думала многое-многое, повторяя про себя: «Ахъ ты, бѣдный, бѣдный! Завязалъ ты себѣ глаза, свѣтъ-божій. Пропали наши головушки; пропала и моя доля на-вѣки. Не видѣла я счастья: не видючи и въ гробъ лягу!» Но кромѣ Насти не спалъ еще одинъ человекъ въ Есауловкѣ, именно флейтистъ Кирило Безуглый. Какъ друга Ильи, его всѣ теперь уважали, заискивали въ немъ. Онъ лежалъ на нарахъ въ общей квартирѣ музыкантовъ и думалъ: «Ишь ты, какъ Илья-то силы забралъ. Князь тутъ, ждутъ станowego, а онъ съ Настей перешолъ-себѣ въ свою хату, да и баста. Сила-человѣкъ. Попрошу его Фроську отнять у Рубашкина; и ужъ коли захвачу пропашую дѣвку, забью до смерти. Пусть знаетъ какъ я люблю ее и какъ измѣнять мнѣ!»

VII

ВЪЛАЯ АРАШІЯ

На другой день есауловскіе крестьяне на работу не вышли. Десятскій ходилъ по селу нахмуренный и для виду усовѣщевалъ всѣхъ. Онъ зналъ о вочномъ сборищѣ крестьянъ слободой и донесъ обо всемъ Роману, а тотъ князю. Князь и Рубашкинъ еще болѣе перепугались; посредникъ тоже погрузился въ мрачное раздумье. Рубашкинъ утромъ потребовалъ себѣ бриться въ пор-

третью, гдѣ всѣ наканунѣ у растопленного камина ужинали, глянулъ на рядъ портретовъ и обомлѣлъ. Бритва выпала изъ его рукъ: глаза всѣхъ портретовъ были выжжены. Поднялась въ домѣ кутерьма. Прибѣжалъ посредникъ, слуги, Романъ, его жена, даже повара и прачки. — «Это Власть! больше никому! рѣшилъ Романъ, глянувши на портреты: — онъ вчера бѣсенокъ послѣ ужина закрывалъ здѣсь трубу и вѣроятно кочергой отъ шалости выжегъ всѣмъ портретамъ глаза.» Доложили князю. Пораженный князь тутъ впервые окончательно растерялся, руки и голова его задвигались съ необычайнымъ усердіемъ, и въ невообразимой тревогѣ, бросивши русскую рѣчь, онъ сталъ съ гостями говорить пофранцузски и ожидать самыхъ мрачныхъ ударовъ судьбы. Власика однако отыскали тутъ же на чердакѣ. Напроказивши, самъ не помня какъ, онъ увидѣлъ суматоху въ домѣ, понялъ, что возьмутся прежде всего за него и рѣшился бѣжать изъ Есауловки, а до вечера скрыться на чердакѣ. Его привели къ князю. Старый Мангушко однако же не имѣлъ духа его допрашивать. Онъ сидѣлъ на софѣ, какъ приговоренный къ казни, укутавшись весь отъ лихорадочнаго озноба пледомъ и халатомъ, шурилъ затуманенные голубые глаза и мрачно поглядывалъ на маленькаго преступника и на всѣхъ. Послѣ долгихъ криковъ и угрозъ Рубашкина, Власикъ сталъ говорить.

— Да чтоже вы кричите? Ну? Я не виноватъ. Ну! Я кончилъ растапливать каминъ — и сижу себѣ съ кочергой. Топлю, и посмотрѣлъ вверхъ... Смотрю: а они-то, картины эти всѣ со стѣны такъ и оставили на меня глаза. Я влѣво, и они влѣво смотрятъ; я вправо, и они вправо. Я за ширму спрятался, а они и за ширму смотреть. Страшно мнѣ стало. Всѣ уже заснули въ домѣ... Каминъ еще горѣлъ — кочерга была въ каминѣ и вся красная... Ну, я и давай ею въ глаза имъ тыкать!

Власика связали и посадили подъ арестъ въ пустую кладовую. Рубашкинъ полетѣлъ къ себѣ въ усадьбу. Садуковъ съ плотниками разбивалъ планъ новаго строенія, возился весь красный и въ поту, растыкивалъ колышки, суетился и радостно встрѣтилъ генерала.

— Что, затихла Есауловка? вонъ и дѣти мнѣ помогаютъ! сказалъ онъ, утирая лобъ и указывая на своихъ оборванныхъ дикаренковъ, также бѣгавшихъ тутъ съ колышками.

Рубашкинъ ни съ того, ни съ сего вдругъ надулся, молча и

строго глянулъ на Саддукѣва, вошелъ въ домъ, съ нахмуренными бровями прошолся по всѣмъ комнатамъ, сѣлъ у письменнаго стола, повертѣлъ въ рукахъ какую-то бумажку, вышелъ снова, увидѣлъ у крыльца Саддукѣва и грозно сказалъ ему:

— Смотрите же однако, чтобъ у васъ все было! Понимаете, какія времена? сѣлъ въ дрожки, крикнулъ кучеру: — пошолъ, да скорѣе! и уѣхалъ.

— «Что за чудеса! подумалъ Саддукѣвъ, сядясь за дворомъ на бревнѣ: ошалѣли всѣ! Нѣтъ, чортъ возьми! горе бѣдняку! эка невидаль! Да я плевать хотѣлъ и на тебя-то, и на твое жалованье! Уйду, непременно уйду; дай мѣсто другое найти! Куда сто лѣтъ! Двѣсти, триста лѣтъ надо прожить, чтобъ дожидаться лучшихъ временъ. За сто лѣтъ-то не успѣютъ перемереть одни подлецы, народившіеся въ этотъ положимъ одинъ годъ. А я-то болванъ мечталъ, надрывался, ему же помогать... Ну, какой ты обновитель! вонючій ликаръ съ Сандвичевыхъ острововъ, королева Помаре безобразная! Тьфу... Заботятся о спокойствіи своего благоутробія, вездѣ бунты видятъ, мятежниковъ. Что, Андрей? Есауловцы съ сосѣдями бунтуютъ? Какъ ты думаешь? спросилъ Саддукѣвъ одного изъ наемныхъ плотниковъ: — ты тутъ цѣлую зиму прожилъ, народъ узналъ; скажи, это бунтъ за рѣкой или не бунтъ? и чѣмъ его укротить?

Андрей снялъ шапку и подошелъ къ Саддукѣву.

— Оно точно-съ, больно народъ не взлюбилъ этого прикащика Романа; его смѣнить бы. Ну, да и торопятся больно съ новымъ закономъ; люди не приобыкли. Сѣчь тоже напрасно затѣваютъ. Вольнаго-то, по наговору прикащика, сѣчь бы не приходилось.

Въ есауловскомъ домѣ всѣ были въ потьмахъ и поминутно съ вышки бельведера наводили во всѣ стороны подзорную трубу.

Становой въ тотъ день не приѣхалъ, а явился на слѣдующее утро, въ праздникъ. Народъ смутно прохаживался послѣ обѣдни по улицѣ. Не слышно было ни громкихъ разговоровъ, ни пѣсенъ. Даже дѣти не играли подъ хатами. Становой былъ тотъ самый юноша, который когда-то приѣзжалъ въ Конскій-Сыртъ. Недавно молва рѣшила почему его тогда пощадилъ Тарханларовъ. Говорили, будто этотъ розовый юноша былъ братомъ одной молоденькой фаворитки губернатора изъ чиновничьихъ дочерей. Совѣтникъ зналъ къ нему вниманіе губернскаго правленія,

обошелся съ нимъ тогда мягко, а теперь въ качествѣ вице-губернатора даже отзывался о немъ какъ о лучшемъ изъ становыхъ въ губерніи. Трусилъ за него только самъ губернаторъ, но смѣнять не смѣнялъ. Какъ у всякаго другого станового, и у этого противъ новыхъ мировыхъ учрежденій въ душѣ было уже предубѣжденіе. Рубашкинъ его сразу не узналъ. Онъ пополу-нѣлъ, былъ смѣлѣе, ходилъ переваливаясь. Представившись князю, онъ сказалъ, что всѣ эти волненія чепуха и что въ его станѣ никогда не было да и не будетъ болѣе такихъ выходовъ со стороны черни. Выразился, что если г. посредникъ уже вспомнилъ его, то онъ сразу уйметъ толпу негодяевъ, опросилъ со-званныхъ соцкихъ, узналъ, что понятые изъ окрестностей еще съ вечера готовы, и добродушно покурявая трубочку, велѣлъ нарѣзать добрые пучки розогъ и привести ко двору Илью Тан-цура, а съ нимъ и Кирилу Безуглаго, по указанію прикащика, главныхъ коноводовъ затѣяннаго движенія. «Кстати же Илью еще подозрѣваютъ въ поджогѣ хутора Перебоченской и въ раз-битіи съ товарищами этапа подъ Ростовомъ, откуда онъ вѣроятно самъ увелъ и дочку покойнаго каретника Перебоченской. Я таки его возьму, отправлю въ острогъ, а для внушенія другимъ, еще выскку при всѣхъ!»

Соцкіе кинулись исполнять приказанія станового. Князь, Ру-башкинъ и самъ посредникъ вздохнули свободнѣе.

— Не лучше ли эту грустную экзекуцію произвести вамъ въ другомъ мѣстѣ, а не во дворѣ князя? сказалъ Рубашкинъ стано-вому: -- знаете ли, какъ-то неловко; это напомнить болѣе... теперь не такая пора... надо оставлять исподволь старыя при-вычки... притомъ же праздникъ, народъ раздражонъ...

— Извольте-съ! весело отвѣтилъ на все готовый юноша, и по совѣщанію съ Романомъ, приказалъ собрать виновныхъ на барскомъ хлѣбномъ току. Рубашкинъ еще до приѣзда станового послалъ къ Саддукѣву записку такого содержанія: «Приѣз-жайте скорѣе, прошу васъ, къ князю; останетесь можетъ-быть и ночевать у него; да захватите кстати мое ружье и пистолеты.» Романъ въ новомъ сюртукѣ внесъ на подносахъ съ лакеемъ за-куску становому. Въ домѣ настала тишина.

— Не отложить ли лучше до завтра? спросилъ князь Рубаш-кина: — народъ, черни, эти негры, можетъ-быть перепились, набуяняютъ ваво, одѣлають насиле, сюда кинутся...

— О! помилюйте! перебилъ становой, услыхавъ слова князя и осушая третью рюмку водки: — вотъ какъ я выплюю главнымъ буяншъ повашему, знаете-съ, по бывому розогъ этакъ по триста, да иного при этомъ раза по два водой отолюю, такъ вздоръ-то у нихъ изъ головы и выйдетъ...

— По триста! Mon Dieu! шепталъ въ ужасѣ пофранцузски князь, не покидая софы и грѣясь подъ кучею мягкихъ клѣтчатыхъ пледовъ.

— Имъ не впервые. Это не Италия-съ, гдѣ Венеры купидоновъ на картинахъ алыми цвѣточками сѣкутъ. Не бойтесь... прибавилъ становой и громко разсмѣялся.

— Люди готовы-съ! сказалъ Романъ, показываясь въ дверяхъ.

— Идемъ! рѣшилъ становой, и проходя мимо Рубашкина, шепнулъ ему: Князь меня видитъ въ первый разъ; если все къ вечеру будетъ какъ рукой снято, потрудитесь насчетъ благодарности!

— О, будьте спокойны!

Становой ушолъ.

Въ домѣ и въ дворѣ стало еще тише. Князь, не измѣняя положенія, мрачно посматривалъ по залѣ. Въ головѣ его невольно мерещилась кроткая Генуя, ляннобородый его учитель живописи, сборы въ Сиенну и непобѣжденная копія ландшафта. Рубашкинъ подошелъ къ окну, въ которое было видно какъ по улицѣ къ току бѣжали вѣроятно послѣдніе изъ запоздалыхъ любопытныхъ видѣть раздѣлку станового съ ослушниками воли посредника. Даже наемный лакей не шолъ принимать со стола закуски, а стоялъ у крыльца и также напряженно посматривалъ за ворота.

— Я схожу взглянуть съ бельведера въ трубу! сказалъ Рубашкинъ князю: — не видно ли этой картины оттуда? Только странно, что Садлукѣвъ до сихъ поръ не является. Не пройдетъ ли онъ прямо на токъ?

Рубашкинъ пошелъ на верхъ. Но какъ онъ ни наводилъ трубу съ бельведера, тока не было видно: онъ былъ скрытъ за церковью. Рубашкинъ спустился во второй ярусъ дома и сталъ ходить по комнатамъ, выбирая окно, изъ котораго бы можно было видѣть токъ. Но отсюда токъ былъ еще менѣе видѣнъ за верхушками деревьевъ. Адрианъ Сергѣичъ снова спустился въ каби-

нетъ, собиравсь распечь князя за то, что главное мѣсто сельскихъ работъ у него не было видно изъ дому. На порогѣ кабинета явилась блѣдная и растерянная фигура: то былъ Саддукѣевъ. За нимъ обрисовался на порогѣ Романъ: на прикащикѣ также лица не было...

— Что вы надѣлали? сказалъ Саддукѣевъ, бросая шапку на столъ и забывши даже поклониться князю: ахъ, что вы надѣлали!

— А что? спросилъ Рубашкинъ.

Саддукѣевъ сталъ обтирать лицо.

— Я къ вамъ бѣжалъ цѣлую версту. Вы меня вызвали и не написали зачѣмъ; я увидѣлъ сборище людей на току и прямо туда подлѣхалъ. Спасибо вамъ; ужь и удружили.

— Чтоже тамъ? Пожалуста безъ обвиняковъ! перебилъ его Рубашкинъ.

— Что тамъ? очень просто: бунтъ, да уже теперь, поздравляю васъ, настоящій!

Саддукѣевъ перевелъ духъ и глянулъ на стариковъ: князь и генералъ стали блѣдны, какъ мѣлъ.

— Я подошлѣлъ туда, но верхомъ; становой кончилъ уже угрозы и брань. Народъ стоялъ между скирдами; понятые по бокамъ. Главные виновники впереди, то—есть Илья, Кирило и Власикъ. «Ну—съ, а теперь розогъ!» крикнулъ становой. Понятые зашевелились. Положили прежде Власика и стали его сѣчь. Мальчишка молчалъ. Народъ тоже молчалъ. Но когда становой приказалъ раздѣвать Илью Танцура, нѣсколько голосовъ отозвалось: «да за чтоже это? коли его сѣчь, такъ сѣкните и всѣхъ насъ!» Становой разгорячился, перваго попавшагося сѣздалъ въ зубы, крикнулъ понятымъ: «взять Илью, положить и сѣчь!» Тѣ было двинулись, а есауловцы на нихъ. «Нѣтъ, стой, ребята! Тронете его, такъ и свои бока берегите!» Произошла свалка. Сперва народъ напиралъ на понятыхъ, потомъ соцкихъ стали нажимать. Я все порывался было впередъ, думая образумить станового: куда! Тотъ весь красный махалъ руками, ругался, наконецъ схватилъ за грудь Илью, крича: «Ты разбойникъ, поджигатель, бунтовщикъ! въ кандалы его!» Толпа ожесточилась. «Всѣхъ насъ бейте! всѣхъ насъ рѣжьте! всѣ въ Сибирь готовы идти, а Илья не выдадимъ! Что мы за бунтовщики. Не тронь его, а не то и тебѣ не слобровать!» Становой остановился. «Что

стоишь, мерзавецъ?» спросилъ онъ Илья: «попался? теперь не уйдешь! Понятые не возьмутъ тебя, я возьму; меня не тронешь, я царскій!» — «Не смѣешь ваше благородіе: не за что! вѣдь и я царскій!» отвѣтилъ Илья. «Въ зубы его, сударь, въ зубы!» кричалъ сзади становой Романъ: «своими руками я бы его придушилъ!» Илья оглянулся на отца и громко сказалъ: «Батько, берегись! ты воръ; царя обворовалъ. Православные! али выдадите?» Становой обратился къ понятымъ и соцкимъ: «Если вы его сейчасъ не возьмете, вотъ вамъ Богъ — всѣ въ Сибири будете!» Но тутъ въ толпѣ кто-то крикнулъ не своимъ голосомъ: «Не тронь его! Ребята! бей! на осину его, въ колодезь! огня къ барскимъ хоромамъ!» Что дальше было, я не могу уже себѣ дать отчета...

— Упаси насъ Господи и помилуй! простонала у дверей прикащикъ, утирая расшибленный високъ: — конецъ свѣту пришло!

— Произошла невѣроятная свалка! продолжалъ Саддукъевъ: — все перемѣшалось, и виновные, и понятые, и все село. Я отшатнулся съ конемъ на поводу въ сторону. Вдругъ слышу, возлѣ меня баба оретъ: батюшки, станowego бьютъ! Я бросилъ и копя, кинулся впередъ, силясь всей грудью протѣсниться... Толпа разступалась... Изъ середины ея выскочилъ въ разорванномъ сюртукѣ и безъ галстука становой. Я не безъ страха подошелъ къ нему. Прошло одно мгновеніе. «Спасите меня!» шепнулъ онъ, ища фуражку: тутъ надобно войско...» И указалъ ему мою лошадь. Онъ быстро вспрыгнулъ на нее, толпа не успѣла опомниться и онъ ускакалъ, куда? я и самъ не знаю; вѣроятно въ станъ, съ цѣлью извѣстить обо всемъ губернатора...»

Князь вскочилъ съ софы. Шеды разлетѣлись по коври.

— Это ужасъ, ужасъ! На станowego подняли руки! Мы пропали! Пропали! О Боже, Боже, что намъ дѣлать? Посмотрите, не идутъ ли они сюда? Люди, Романъ, смотрите въ окна, закройте двери, ворота, ставни...

— Оружіе мое привезли? спросилъ Саддукъева Рубашкинъ.

— Извините, не взялъ; я не ожидалъ такого исхода дѣла. А впрочемъ, располагайте мною; я готовъ идти уговаривать народъ. Но извините меня господа, болѣе вы сами виноваты. Г. посредникъ обидѣлся упорствомъ сходи, не выждалъ, по-

слагъ за полиціей; вы сами, князь, не пошли на сходку, гдѣ одно присутствіе ваше...

— Ну, ужъ извините. Благодарю васъ за совѣтъ. Жизнь мнѣ дороже и я предпочитаю на нашъ либерализмъ смотрѣть издали...

— А я съ г. Саддукѣвымъ совершенно согласенъ! сказалъ со вздохомъ посредникъ: — я сдѣлалъ ошибку и кажется неисправимую. Нечего дѣлать: надо требовать войско. Становой тоже вѣроятно напишетъ объ этомъ. Пожалуйста бумаги.

— Войска? спросилъ Саддукѣвъ: — да пустите меня къ народу; дайте имъ успокоиться сегодня, а завтра я готовъ съ ними говорить.

— Э, милый мой, сказалъ Рубашкинъ: дѣлайте свое дѣло въ Сыртѣ и не мѣшайтесь здѣсь.

Саддукѣвъ всмылилъ, говорилъ еще долго, наконецъ покачавъ головою сказалъ посреднику:

— Вы-то, вы! Новая власть, новая сила, и такъ легко сдаетесь? стыдитесь! и вышель.

— Что это за крикунъ такой? брюзгливо спросилъ озадаченный князь, указывая вслѣдъ Саддукѣву.

— Подлецъ! голякъ! вотъ что! рѣзко отвѣтилъ Рубашкинъ и зашагалъ по комнатѣ: — онъ мнѣ давно уже съ своими бреднями сидитъ вотъ тутъ! Санкюлотиска, оттого и гуманичаешь, а какъ придетъ плохо, другое запоетъ!

Посредникъ задумался, взялъ перо и долго не рѣшался писать къ губернатору.

— Если вы не напишете, мы напишемъ! сказалъ ему сухо Рубашкинъ, и онъ сталъ писать.

Въ ночь съ пакетомъ посредника въ губернской городъ поѣхалъ самъ Романъ Танцуръ.

— Мнѣ больше нечего тутъ дѣлать пока! сказалъ посредникъ, и печально раскланявшись, также уѣхалъ.

Рубашкинъ остался снова ночевать у князя, а Роману поособѣвалъ заѣхать къ Перебоченской и также ее пригласить къ князю, какъ ближайшую сосѣдку, раздѣлить въ дружеской компаніи общую участь.

Губернаторъ, получивъ пакеты отъ становаго и посредника, обратился за совѣтами къ Тарханларову. Бывшій совѣтникъ, а теперь вице-губернаторъ, Тарханларовъ, прочолъ рапортъ становаго со словами: «мнѣ сдѣлали насиліе, изорвали на мнѣ

шундирный скюртукъ, даже нанесли мнѣ побой и я едва ускакалаъ верхомъ на лошади управляющаго Сырта», вспомнилъ и свой подбитый когда-то високъ и запорошенные глаза, отдалъ обрат-но губернатору бумаги и сказалъ:

— Да! этотъ царень Илья Тапцуръ былъ когда-то наде-женъ... а теперь... теперь точно, ваше превосходительство, надо послать туда военную экзекуцію. Волненіе растетъ!

Въ Есауловку назначенъ былъ къ выступленію эскадронъ драгуновъ, квартировавшій въ сорока верстахъ оттуда.

— А если и это не поможетъ, я самъ туда поѣду! сказалъ губернаторъ: — и впередъ пошлю артилерію.

Прикащикъ Романъ съ словеснымъ отвѣтомъ губернатора поспѣшилъ черезъ двое сутокъ пути домой. Къ разсвѣту третья-го дня онъ заѣхалъ на хуторъ къ Перебоченской передать ей по дорогѣ приглашеніе генерала и князя.

— Что, душечка, что новаго? спросила Целагея Андреевна, зная уже въ подробностяхъ обо всемъ что случилось въ Есауловкѣ, и о томъ, зачѣмъ Ромапъ ѣздилъ въ городъ.

— Войска будутъ крестьянъ усмирять...

— Такъ имъ подлецамъ и надо! Когда бы и ко мнѣ войска на хуторъ привели! Съ проклятой коровницей Матреной и съ Сав-кой плотникомъ никакъ не управлюсь; грубать, да и только...

Разговорились о томъ, о семъ. Ромапъ переминался.

— Бѣда, сказала барыня: — всѣ дѣвки отъ меня ушли въ вольную Подаржиновку. Палажка, какъ ты знаешь, вышла за солдата. Другіе тоже у жениховъ пока живутъ. Я ихъ издали и вижу черезъ рѣчку, какъ въ Подаржиновкѣ онѣ по улицамъ лу-кавыя ходять, точно дразнить меня. Я давеча было вышла на крылечко постоять и такъ мнѣ это, душечка, скучно сдѣлалось, такъ скучно. Я въ слезы и все смотрю черезъ рѣчку, все смот-рю; воробьи въ Подаржиновку, мотыльки изъ моего сада пере-летаютъ... Въ Подаржиновкѣ пѣсни, веселье. А ко мнѣ обидчи-цы и не возвращаются. Охъ, Господи! Чтоже это съ нами бу-детъ?

Романъ не поднималъ глазъ.

— Сударыня, когда же деньги?

Перебоченская вскочила.

— Такъ ты все для того и ѣдишь? Вонъ, подлець, вонъ изъ моего дома!

— Поздно, матушка, поздно. Илья при всемъ народѣ сдѣлалъ уже доносъ на меня и на васъ про асигнаціи, а посредникъ все записалъ. Приѣдутъ войска, онъ еще пуще объявить. Мы пропали; такъ давайте же подѣлимся, чтобы я хоть увидѣлъ въ рукахъ у себя свои денежки...

Перебоченская упала въ кресла. Потомъ она молилась, перебирала въ сундукахъ съ Романомъ, дала ему часть денегъ, и одѣвшись во все черное, вслѣдъ за нимъ поѣхала къ князю.

Событія между-тѣмъ быстро шли своимъ чередомъ.

Прошло три дня послѣ отъѣзда стáнового и посредника.

На тройкѣ обывательскихъ прискакали въ Есауловку исправникъ, призвалъ стариковъ, выборныхъ и сотскихъ, и сказалъ: «Наконецъ-то я до васъ опять добрался! согласна ли деревня выдать зачинщиковъ?» и получивъ отрицательный отвѣтъ, прибавилъ: «такъ не прогибайте же! завтра будетъ войско! я вамъ припомню и понятыхъ у Перебоченской и все старое!» и опять ускакалъ.

Народъ началъ тревожиться, сходиться кучками. Въ окрестныя села и обратно скакали дощинами и окольными проселками за буграми верховые. Въ Авдуловкѣ, въ Карабиновкѣ и въ двухъ особенно-забористыхъ хуторахъ, гдѣ проживали старые бродяги Гриценко и Шуменко, происходили шумныя сходки. Содержатели одинокихъ постоялыхъ дворовъ на большой дорогѣ въ городъ стали задумываться о безопасности своихъ бочекъ. Крупныя побранки и смутный говоръ жалобъ и всякихъ похвалокъ слышались въ шинкахъ, на перекресткахъ и на базарахъ.

Вслѣдъ за Романомъ, который привезъ князю утѣшительцыя вѣсти изъ города, въ княжескій домъ явилась въ траурѣ Перебоченская. Князь ее давно не видѣлъ и сразу не узналъ. Рубашкинъ, гордясь дружбою князя, по случаю нездоровья его сіятельства, взялся хозяйничать въ есауловскомъ домѣ и угощать ту самую барыню, которая годъ назадъ чуть его собственоручно не поколотила на первомъ его знакомствѣ съ провинціей. Домъ князя принималъ все болѣе и болѣе торжественный видъ. Перебоченская войдя объявила, что въ ея хуторѣ обокраденъ кабакъ.

Есауловцы между-тѣмъ смѣнили выбранныхъ весною своихъ старшинъ и поставили головою Илью, а его помощникомъ Кирилу Безуглаго. Вечерами они и многіе изъ окрестныхъ селъ сходились къ Ильѣ на совѣты.

— Что намъ дѣлать? спрашивали они.

— Будетъ чистая воля, а это все обманъ. Батько мой денегъ надѣлалъ, такъ и скрылъ съ княземъ настоящія бумаги.

— А войска? Слышно, на насъ идетъ и конница и пѣхота?

— Исправникъ только такъ грозитъ. Не за что насъ бить.

— То-то, ты ужь, Илья Романычъ, того, подумай, какъ намъ себя спасти!

Снова прошолъ день. Любопытство съ обѣихъ сторонъ напряглось еще сильнѣе. Князь опять сидѣлъ, укутанный пледомъ, и молча посматривалъ на голубой штофъ залы, на амуровъ и музъ на потолкахъ, на раззолоченную мебель и на разноцвѣтныя стекла оконъ.

— Въ Италію бы опять, въ Италію, думалъ онъ: — да дѣла надо уладить съ этими скотами; денегъ мало будетъ!

Перебоченская охала и все шепталась съ Рубашкинымъ, поглядывая въ окна, не идутъ ли на нихъ крестьяне.

По условію, передъ вечеромъ слѣдующаго дня, изъ-за Малаго-Малаканца снова прискакали въ Есауловку исправникъ съ разсыльными и писмоводителемъ. Уѣздъ и прежде прославлялъ его за умѣніе подавлять вспышки черни безъ дальнихъ проволочекъ. Бдучи по Есауловкѣ, онъ всталъ въ тарантасъ, завидѣвъ толпу парней, почтительно скинувшихъ передъ нимъ шапки, вытянулся и грозя кулакомъ, весь въ дорожной пыли, крикнулъ, бдучи:

— Всѣхъ васъ подлецовъ въ Сибирь! всѣхъ запорю!..

Есауловцы пуще прежняго бросались совѣтоваться съ Ильей. Дворъ его окружили правильною стражей. Романъ на каурой кобылкѣ метался между барской усадьбой и Сыртомъ.

Хата на Окиниѣ, мечта и счастье Ильи Танцура, стала шумнымъ притономъ нѣсколькихъ сотъ разгорачонныхъ и отуманенныхъ страхомъ, незнаніемъ дѣла и негодованіемъ головъ. Съ бельведера дома находчивый Рубашкинъ, князь, барыня и гости стали на нее наводить подзорную трубу, восклицая:

— Видите, видите? Опять къ нему идетъ толпа; съ фонарями ходятъ. Вонъ, это кажется онъ вышелъ. Что-то опять говорить, всѣ слушаютъ...

Степнѣло. Село затихло. По улицамъ точно кто метлой смелъ обычныхъ гуляющихъ по вечерамъ. Даже собаки не лаяли. Огни въ окнахъ свѣтились только кое-гдѣ. Опустѣла и хата на Окни-нѣ. У двора Ильи, боясь его ареста, смѣнялись только сторо-жа. Илья Тавцуръ остался въ хатѣ съ Настей.

— Прощай, Настенька! сказалъ онъ: — Богъ не далъ счаст-ливо съ тобой пожить. Погубила насъ доля, да отецъ мой. Вой-ско слышно идетъ... Куда-то меня дѣнуть? Напрасно я шолъ такъ далеко за тобою, отбилъ тебя отъ конвоя. Коли узнаютъ оттуда какъ-нибудь, что это я все сдѣлалъ, погорячился, такъ мнѣ еще хуже будетъ; вѣры ни въ чемъ не дадутъ. Вонъ надо на бумагѣ про все написать, какъ отецъ съ Перебоченской аси-гнаціями фальшивыми разбогатѣли. Поджогу я Перебоченскую, уцѣлѣла треклятая; ушлють меня за народъ, такъ хоть чѣмъ-нибудь доѣду ее и батька.

Настя тихо плакала, силя на лавкѣ.

— Илюша... оставь эти дѣла... И такъ мы въ грѣхѣ жи-вемъ... бросимъ Есауловку... сейчасъ же уйдемъ на-вѣки, съ глазъ отсюда долой! Илюша! Ты же хотѣлъ въ Молдавію, къ тому трактирщику, помнишь?

— Поздно, Настя. Теперь за мѣръ надо постоять. Отца-то моего, отца изверга, да и барыню эту подѣ отвѣтъ бы подвести. Они изверги, а я неповиненъ ни передъ кѣмъ. Одно только: у того дѣда Зинца я силой взялъ денегъ, какъ отбивать тебя шолъ. Ну, да я ему ворочу вдвое; у меня вонъ такой же старикъ было ковя украсть, а отдалъ. Кончимъ тутъ дѣла съ міромъ, уйдемъ... Богъ съ ними съ этими мѣстами; тогда съ Зинцемъ расплатимся. А теперь давай перо, бумагу; напишу еще самъ про отца и про Перебоченскую; меня возьмутъ, ты отнеси письмо мое къ самому губернатору. Слова мои докажутъ еще тотъ баринъ Хутченко, Фроська и Палажка; грекъ все разы-щеть. Лишь бы не отперлись.

Илья сѣлъ писать. Настя сидѣла сбоку и смотрѣла на него. Голова у ней часто кружилась, въ груди сосало. За день передъ тѣмъ она сказала Ильѣ, что чувствуетъ себя беременной.

— Постой, кончимъ все, добьемся правды; пойдемъ къ отцу Смарагду. Онъ тутъ за сто верстъ опять на приходѣ и вовсе къ раскольникамъ не передавался; мѣсто лучшее нашолъ. Онъ насъ отмолитъ у Бога и перевѣнчаетъ.

Илья кончилъ письмо и отдалъ его Настѣ.

— Спрячь за пазуху.

Настя опять кинулась ему на шею.

— Илюша, голубчикъ! Убьютъ тебя, коли въ Сибирь не сошлютъ... На кого ты меня бросаешь? Илюша! Не прожили мы съ тобою! А годъ-то назадъ, въ Ростовѣ? Ночи, Илюша? Нашъ дворъ? Улица? Прогулки наши, какъ я тебѣ стишки читала? Илюша, оставь эти дѣла; убѣжимъ; насъ скроютъ.

Настя билась на груди Ильи и страстно, судорожно его обнимала. Плоская въ хатѣ чуть теплилась. Валетка во время второго побѣга Ильи пропадала безъ вѣсти, а тутъ опять явилась. Сверчокъ гдѣ-то трещалъ подъ лавкою.

— Какъ тебѣ, Настя, сказать. Мнѣ что-то вовсе не страшно, какъ подумаю! Что я сдѣлалъ, чѣмъ повиненъ? Меня становому сѣчь не дали. Да вѣдь такъ теперь и сказано. Не можетъ быть, чтобъ за правду истязали насъ, ссылали. Что въ самомъ дѣлѣ куражится исправникъ? И на него есть управа. Да хоть бы и войска. Врядъ ли еще ихъ и пошлетъ губернаторъ. Насъ только страшатъ. А меня знаютъ, Настя, и въ губерніи. Тотъ чиновникъ-грекъ, какъ заѣзжалъ сюда, хвалилъ меня при всѣхъ. Я за правду стоялъ тогда на слѣдствіи; меня подкупали и отецъ и барыня отказаться отъ моей подписи на бумагахъ; я не послушался. Чѣмъ же я еще провинился. Народъ смущаю? Да вѣдь меня выбрали; ну, міръ приказываетъ, я и говорю. Не будетъ войска: душа моя чувствуетъ, что не будетъ.

Съ надворья кто-то съ силой стукнулъ въ окно. Настя вскочила. Вошелъ Кирило съ Фросей.

— Какъ, и ты Фроська?

— Одумалась, бросила генерала; я и не билъ ее.

— Илья, пропали мы! сказалъ, входя вслѣдъ за тѣмъ десятскій.

— Что такое?

— Войска вступаютъ въ Есауловку; сабли за околицей звенятъ, кони въ потемкахъ храпятъ; самъ я у винокуреннаго завода слышалъ и побѣжалъ къ тебѣ сюда. Народъ опять собирается.

— Да это я впрямь по насъ стрѣлять будутъ? спросилъ Кирило.

Илья, Настя, Кирило, Фрося и десятскій опять поспѣшно вышли на улицу.

На дворѣ не было зги видно. Мертвая тишина кругомъ. Вдали за Лихимъ со стороны Конскаго—Сырта отдавался переливистый лай собакъ: войска вступали въ потьмахъ черезъ мостъ оттуда.

Послышались шаги на улицѣ. Кто-то быстро бѣжалъ и сразу намаху наткнулся на десятскаго.

— Тише, разобьешь!

— Нешто стеклянный сталь? Довольно побарствоваешь; служи теперь и намъ.

— Кто идетъ? спросилъ Илья.

— Илья Романычъ, идите за околицу войско встрѣчать; миръ зоветъ васъ и помощника. Все уже готово; столъ и хлѣбъ.

— Кирюша, пойдемъ! сказалъ Илья: — ты вѣдь мой помощникъ.

— А бабъ куда дѣвать?

— Настя, воротись въ хату и возьми къ себѣ Фросю. Эхъ, Фрося, Фрося! продала было ты насъ, да хорошо, что одумалась. Не такая ты была прежде: помнишь голубятню?

— Илья Романычъ, голая я ходила у барыни; опять же Кирюшу въ острогъ сажали. А я вамъ по гробъ жизни благодарна, и теперь уже моего душевненьку Кирюшу ни на кого не промѣняю.

— Ну, или же съ ней, Настя; знакомьтесь!

Фрося и Настя пошли переулкомъ опять на Окнину.

Два эскадрона драгунъ, сдѣлавши на рысяхъ нѣсколько переходовъ форсированнымъ маршемъ, подошли въ Есауловку къ сроку, назначенному губернаторомъ и Тарханларовымъ. Въ княжескомъ домѣ не успѣли узнать о приближеніи команды, какъ переднія шеренги драгунъ уже показались въ околицѣ Есауловки.

Старшій дивизионеръ, полный и добродушный майоръ Шварцъ, бывавшій прежде не разъ по сосѣдству съ Есауловкой на охотѣ въ самой Есауловкѣ, на охотничьемъ перевалѣ у отца Смарагда, ѣхалъ впередъ. На улицѣ въ потьмахъ передъ нимъ неожиданно обрисовалась густая толпа народа и что-то бѣлое среди ея.

— Что это? спросилъ озадаченный Шварцъ, останавливая коня.

— Святая икона и хлѣбъ—соль вамъ отцы родные, слуги царскіе! отвѣтило нѣсколько голосовъ впереди крестьянъ, въ

томъ числѣ и Илья Тапцуръ. Среди улицы стоялъ на-скоро открытій скатертью столъ, на немъ иконы. Старики поднесли дивизионеру хлѣбъ-соль. Онъ оглянулся: солдаты, сзади связавши кинера, крестились. Перекрестился и онъ.

— Спасибо вамъ, братцы! сказалъ весело Шварцъ: — встрѣча ваша христіанская; только и вы похристіански поступайте. Идите по домамъ и ждите приказаній начальства. Исправникъ тутъ?

— Тутъ. Слушаемъ батюшка! Слушаемъ, ваше высокоблагородіе! Мы васъ знаемъ; не разъ видали. Не обильте насъ.

Эскадроны тихимъ шагомъ стали вступать въ Есауловку. — «Что за странность? подумалъ Шварцъ, пріятно предвидя близкій отдыхъ отъ ускореннаго непріятнаго пути: — извѣщаютъ о бунтѣ, а крестьяне встрѣчаютъ насъ такіе покорные». Конь подъ майоромъ отрадно храпѣлъ и фыркалъ, чувствуя скорую дачу овса. Шварцу также рисовался въ умѣ вкусный ужинъ у князя. Съ другого конца села влетѣлъ съ колоколами въ тоже время становой. Онъ вѣрно рассчиталъ срокъ прихода войска и фхалъ теперь спокойно. Въ окнахъ княжескаго дома замелькали огни. Въ пространныя вышнія горницы вступило еще нѣсколько помощниковъ Шварца, все молоденькихъ офицеровъ. Тутъ же откуда-то вынырнулъ и французикъ Пардонна съ краснымъ носикомъ, сахароваръ князя. Компанія составила большая. Подали закуску передъ ужиномъ.

Исправникъ и становой узнали между тѣмъ отъ молодыхъ офицеровъ о встрѣчѣ крестьянами войска съ хлѣбомъ и солью и вспыхнули.

— А вамъ таки наше мужичье и демонстрацію сдѣлало? спросилъ исправникъ флегматическаго дивизионера.

— Какую?

— Будто не понимаете? Жаль, что меня тамъ не было!

— Соцкихъ! крикнулъ нарочно во все горло исправникъ, выйдя съ становымъ на крыльцо.

Соцкіе, стоявшіе тутъ же, подошли.

— Теперь уже розогъ! Да побольше! возгласилъ съ крыльца еще громче исправникъ: — сейчасъ отправится въ сосѣдніе багряни и привезти оттуда покрайней-мѣрѣ три воза розогъ, да самыхъ добрыхъ! Слышите?

— Слушаемъ.

Въ полночь по Есауловкѣ проѣхали къ барскому двору три воза розогъ. Мужики всю ночь на-пролетъ не спали и видѣли это. Зато мирно заснули усталые солдаты, господа офицеры, полиція и князь съ гостями. Перебоченская избрала себѣ для ночлега бельведеръ.

Давно разсвѣло. Въ гостиной еще спали въ повалку всѣ гости. Вошелъ прикащикъ Романъ и тихо тронулъ за плечо генерала.

— Что тебѣ? спросилъ изъ-подъ одѣяла Рубашкинъ.

— Вся деревня-съ, всѣ мужики, забрали до зари бабъ, дѣтей и стариковъ, и съ возами, имуществомъ и скотомъ выступили въ поле. Таборъ протянулся большущій. Отецъ Иванъ ихъ уговаривалъ; не послушались. Былъ бы отецъ Смарагдъ, навѣрное уговорилъ бы. А мы съ конюхами съ колокольни на все смотрѣли въ поле.

— Куда же это они выступили?

— Самъ не знаю-съ. Посылалъ я это вскорѣ послѣ верхомъ лазутчика вѣрнаго по кабакамъ тутъ поблизи узнать. Такъ онъ догналъ ихъ уже за Авдулиными буграми. Они стали тамъ, между Емелькиными-ушами и Горбами-Стенькиными, въ долину лагеремъ и говорятъ, что пусть ихъ перебьютъ, а они въ Есауловку болѣе не воротятся, Илюшки не выдадутъ, бумагъ никакихъ не подпишутъ и уйдутъ за Волгу, въ Киргизскую орду, на вольныя степи. Окружились возами, ходятъ съ косами, съ топорами; бабы, дѣти и все добро ихъ внутри табора; а у иныхъ и ружья въ рукахъ. Къ нимъ присталъ уже кое-кто изъ авдулинцевъ, хуторскіе разныя. И коноводъ надъ всѣми родово отродье, мой Илюшка. Ходятъ въ красной рубашкѣ промежъ возовъ и всѣмъ заправляетъ. Къ вечеру ждутъ еще подмоги изъ Карабиновки, хотягъ опять сняться и переправиться за Волгу противъ Емелькиныхъ-ушей. Карабиновскій помѣщикъ уже въ городъ уѣхалъ съ дѣтьми.

— Слышите? вскрикнулъ Рубашкинъ и вскочилъ.

Всѣ спавшіе также проснулись. Нежданныя вѣсти о выступѣ есауловцевъ изумили всѣхъ. Поднялись десятки предположеній. А на бельведерѣ гости нашли Перебоченскую уже у подзорной трубы. Она указывала костлявыми пальцами вдаль и предлагала всѣмъ смотрѣть въ трубу, въ которую дѣйствительно ясно былъ видѣнъ вдали верстъ за десять, между зеленыхъ холмовъ, въ до-

лишь лагерь крестьянъ, уставленный возами. Среди его дымились костры. Кое-гдѣ въ полѣ мелькали отдѣльные пѣшеходы.

VIII

РАЗВЯЗКА

Исправникъ сказалъ: «Надо, господа, дѣйствовать, а иначе завтра уже будетъ поздно. Другія слободы могутъ соединиться съ есауловцами; можетъ-быть у нихъ заранѣе припасено и оружіе, тогда наши два эскадрона съ ними не справятся. По рапорту становаго, губернаторъ мнѣ далъ самыя строгія предписанія. Время смутное. Прикажете, майоръ, сѣдлатъ лошадей, пока мы еще потолкуемъ.»

Поглаживая черные громадные бакены, Шварцъ поклонился, вышелъ и сдѣлалъ нужныя распоряженія. Перебоченская покинула бельведеръ, распустила розовый зонтикъ, взяла палочку и пошла на улицу.

— Смотрите же, голубчики, солдатики, эскадровчики, не выдайте насъ! лепетала она, обходя кучки солдатъ: — ужь коли велѣтъ покорять бунтовщиковъ, такъ покоряйте какъ слѣдуетъ.

Вахмистръ отдалъ приказаніе майора. Солдаты стали выводить и сѣдлатъ лошадей. Возлѣ церкви, у воротъ священника, у значка ходилъ часовой. Тамъ и здѣсь стояли сложенные въ козлы ружья. Вышли на улицу изъ княжескихъ воротъ, въ бѣлыхъ чистенькихъ кителяхъ, въ повѣнькихъ фуражкахъ и съ новыми часовыми цѣпочками на груди молодые офицеры. Заложа руки въ карманы брюкъ и изрѣдка раздавая приказанія отъ себя, они стали тихо прохаживаться вдоль улицы, разсматривая церковь, опустѣлыя хаты и дворы. Отецъ Иванъ, позванный къ князю, сумрачно съ дьячкомъ прошолъ въ домъ. Исправникъ съ сигаркой вышелъ къ офицерамъ, поболталъ съ ними и опять озабоченно ушелъ въ домъ, прибавя шопотомъ: «Однако же, господа, вы примите мѣры, чтобъ у всѣхъ солдатъ ружья были заряжены, какъ слѣдуетъ. Можетъ-быть придется... вѣдь дѣло нешуточное... пять селъ взбунтовалось... Я не шучу!»

Офицеры взялись подъ козырьки и проводили исправника,

• съ которымъ всѣ были знакомы и не разъ играли съ нимъ въ карты, словами: «Слушаемъ-съ! Только насчетъ грознаго боя напрасно пугаете. Все кончится пустяками; этого Илью вамъ выдадутъ головой; ему и его пріятелямъ вы пропишите къ вечеру ижицу, есауловцы вернутся домой, князь на радости задастъ имъ пиръ, а вы должны намъ устроить здѣсь завтра же охоту на лисицъ и волковъ: говорятъ въ байракахъ здѣсь тьма.» «Шутите, шутите. Вы еще не знаете русскаго мужика. Это тотъ же звѣрь лѣсной. Не побьешь, онъ тебя побьетъ!»

Офицеры стали опять прогуливаться, мелькая бѣлыми кителями и фуражками на солнцѣ.

— Хочешь, Пасмуринъ, папирску? спросилъ одинъ.

— Давай. Да кажется тутъ въ деревняхъ запрещено курить. Соловьевъ, можно?

— Вотъ еще; точно это зала кадетскаго корпуса!

Папирски закурены.

— А любопытный случай! сказалъ Пасмуринъ: — Чѣмъ все это кончится? Вотъ мы давно ли были за кадетскою лавкой... и вдругъ: бунтъ! И гдѣ же? На Волгѣ! Вотъ Берга нѣтъ, писателя; онъ подъ пулями Севастополь описывалъ. Его бы сюда!

— Чго, Бережновъ, ты не помнишь изъ исторіи: Разинъ тутъ сражался съ войсками... кого бишь? Екатерины второй или Екатерины первой? Какой именно? Да говори же!

— Она! Разумѣется первой; при второй былъ самозванецъ Пугачевъ... Его тутъ, говорятъ, недалеко и поймали.

— Историческія мѣста! Да! сказалъ со вздохомъ Пасмуринъ.

— Старинной какой-то вѣтъ. Волга, бугры, провалья, камыши, дикія скалы и лѣса. И гдѣ таборъ крестьянъ сталъ: между буграми Стеньки и Пугачева.

Юноши остановились и стали смотрѣть отъ церкви кругомъ. Солнце ярко блестѣло: картины во всѣ стороны открывались великолѣпныя.

— Вотъ бы оперу написать про этотъ край! замѣтилъ Бережновъ: — какая бы тоже картина чудная вышла! Тутъ торчатъ эти бугры, тутъ разливъ Волги, станъ бунтовщиковъ, костры, возы, мужики съ косами, Илья въ красной рубашкѣ съ топоромъ, и нашъ отрядъ верхами вскачь на нихъ, съ шапками на-голо... Это прямо на сцену просится. Что въ самомъ дѣлѣ у насъ въ

модѣ все итальянцы да французы, эта опера на непонятномъ языкѣ!

— А что, господа, Тамберликъ этою зимой пѣлъ въ Отелло? спросилъ Пасмуринъ.

— Пѣлъ! Мнѣ онъ впрочемъ не нравится! отвѣтилъ Бережновъ и сильно покраснѣлъ, сообразивши, что выразу въ жизни въ оперѣ не былъ.

— Отчего же тебѣ онъ не нравится? Онъ уже признанъ...

— Такъ! Голосъ совсѣмъ истаскался!

— Соловьевъ! Стихійная сила! дѣвочекъ тутъ вчера ты разглядѣлъ? спросилъ Пасмуринъ.

— Шабашъ! отвѣтилъ Соловьевъ, юнѣйшій изъ всѣхъ офицеровъ, любившій фразу «мы стихійная сила», и въ жизни не прикасавшійся ни къ одной еще женщинѣ: — надоѣли мнѣ всѣ онѣ; я порѣшилъ кончить съ нимъ... Разочаровался.

Всѣ поболтали еще, побродили мимо солдатъ, сурово и важно кончавшихъ сдѣланіе коней, и пошли доложить майору, что все готово.

— Смотрите же, ребята, того—въ самомъ дѣлѣ, чтобъ у васъ все было исправно! сказалъ Соловьевъ старѣйшему изъ унтеръ-офицеровъ, не оборачиваясь къ нему и стараясь придать голосу своему какъ можно болѣе густоты и грубости.

Другіе также не смотрѣли на солдатъ.

Исправникъ, при первой вѣсти о самовольномъ уходѣ есауловцевъ изъ села, осмотрѣлъ избу Ильи на Окницѣ и послалъ новый рапортъ губернатору съ своимъ разсылнымъ казакомъ. Въ рапортѣ онъ говорилъ, что вѣроятно для спокойствія вѣреннаго ему уѣзда придется прибѣгнуть къ оружію, но что онъ постарается еще разъ лично отнестись къ крестьянамъ и уговорить ихъ воротиться по домамъ и прибавилъ: «Буштовщики стали таборомъ въ Терновой долинѣ. Ихъ шайка увеличивается изъ окрестныхъ деревень. Я сдѣлалъ обыскъ въ избѣ Ильи Танцура и полагаю, что этотъ бунтъ имѣетъ основою и воспоминація о Стенькѣ Разинѣ, котораго разбитые отряды когда-то населили эти мѣста. При осмотрѣ избы Ильи мною найдено въ ней изображеніе масляными красками портрета казака, какъ полагаю, либо Стеньки Разина, либо Пугачева. Въ народѣ по Волгѣ давно ходитъ преданіе, что Разинъ живъ и бродитъ тутъ. Притомъ же ходятъ въ народѣ еще слухи о вѣкомъ гетманѣ Загребайлѣ, въ

имени котораго нельзя не угадать происковъ Гарибальди. Для блага уѣзда и края, я полагаю и надѣюсь взять сегодня же изъ толпы этой Илью Танцура силою и препроводить его на судъ къ вашему превосходительству. Духъ солдатовъ самый лучшій. Они рвутся исполнить долгъ чести. Заболѣвшихъ во вѣрнопомъ мнѣ отрядѣ не имѣется. Исправникъ Тебеньковъ.»

Князь Мангушко съ утра, отъ поваго волненія, озябъ и, сѣвши на софу, окутался, да такъ и не вставалъ. Кругомъ его говорили, ходили, спорили, курили. Онъ молча то поднималъ, то опускалъ бѣлыя пушистыя бровки, жался болѣе и болѣе въ глубь софы, въ мягкія гарусныя подушки и повторялъ про себя: Толи дѣло Италія, Генуя, Сиенна! Море, живопись, цвѣты!» Рубашкинъ также какъ-то осунулся и обрюзгъ. Перебоченская шушукалась съ отцомъ Иваномъ. Французикъ Пардоннѣ не присутствовалъ. Съ утра онъ вдругъ почувствовалъ расслабленіе въ желудкѣ, и забравшись въ контору къ Роману, улегся на его постели, а Ивановна, охая о сынѣ и опять сильно выпивши, ставила ему на животъ припарки.

Молодые офицеры, застегнутые на всѣ пуговицы, сидѣли молча и напряженно по стульямъ. Одинъ ливизіонеръ, флегматическій и толстый майоръ Шварцъ, добродушно смотрѣлъ на все происходящее и отъ нечего дѣлать то расчесывалъ гребешкомъ громадные черныя бакены свои, то раскачивался на стулѣ и думалъ: «Дкіе шуты гороховые! И изъ-за чего они въ набатъ бьютъ, создаютъ невѣдомые страхи. Отъ нашихъ мужиковъ ждутъ теперь разиновщины! Дурачье! Я убѣжденъ, стоятъ только выдвинуться, построиться, скомандовать «заряжай» и всѣ кинутся въ разсыпную...

— Вы, кажется, майоръ, не раздѣляете моихъ убѣжденій? спросилъ его исправникъ.

— У васъ инструкціи; мы же должны исполнять волю начальства и не разсуждать.

Положили сперва попробовать послѣднюю тихую мѣру: отрядить къ бутовщикамъ парламентеровъ.

— Какая досада, сказалъ Рубашкинъ: — мой Саддукѣевъ богъ-вѣсть изъ-за чего, съ вечера вчера ускакалъ въ городъ; даже безъ спроса лошадей моихъ и тарантасъ взялъ. Или онъ письмо какое получилъ, или такъ. Вотъ былъ бы парламентаръ: онъ мастеръ говорить съ народомъ и его любятъ.

— Не по хорошу милъ, а по милу хорошъ! перебить его исправникъ.

Парламентеры однако поѣхали за Авдулины-бугры. Это были: исправникъ, Рубашкинъ, отецъ Иванъ и два офицера: Соловьевъ и Пасмурнинъ. Священникъ поѣхалъ на бѣговыхъ дрожкахъ; остальные верхами. Генераль и исправникъ взяли въ карманы по револьверу. Когда ихъ кавалькада скрылась за селомъ, Перебоченская подошла къ Шварцу.

— Извините, майоръ! сказала она: — я вѣрю въ мужество и храбрость вашего отряда. Но помните: въ одной Есауловкѣ сколько бунтовщиковъ, а съ сосѣдними, которые могутъ къ нимъ пристать, наберется ихъ за десять тысячъ. Жаль, что исправникъ не вызвалъ еще хоть бы одной батарейки артилеріи. Даже безъ зарядовъ, одними орудіями она произвела бы хорошее впечатлѣніе. Ахъ, что за жизнь, что за жизнь среди этого мужичья!

— О, безъ сомнѣнія, сударыня! отвѣтилъ Шварцъ: — только про это вы говорите съ самимъ исправникомъ. Тутъ не мое дѣло разсуждать.

Эскадроны стали строиться у церкви. Перебоченская объявила, что теперь не слѣзетъ съ бельведера и будетъ слѣдить за всѣмъ въ трубу. Романъ опять сѣлъ на каурюю кобылку, опять заматался по селу, ускакалъ въ поле, взѣхалъ на бугоръ и сталъ смотрѣть.

Парламентеры ѣхали скоро мимо зеленыхъ луговъ и холмовъ. Дичь и глушь въ эту сторону были особенно суровы и пустынны. Офицеръ Соловьевъ, разсматривая окрестности, думалъ: «Вотъ тотъ забубенный, стойкій и отчаянный край, откуда являлись наши русскіе Тамерланы. Но возможны ли они теперь? Неужели Разины возможны теперь? Но если бы мы не явились сюда, что вышло бы безъ насъ? Да, вышло бы плохо! Именно, мы стихійная сила... Илья Танпуръ поднялъ бы цѣлую губернію, все поволажье, соединилъ бы еще съ двумя-тремя такими же Тамерланами, какъ самъ; катнулъ бы на Европу. Прощай просвѣщеніе! Что имъ дикарямъ! Они сожгли бы Римъ, британскій музей, порвали бы картоны Рафаэля, а нѣмецкихъ философовъ Бюхнера и Штрауса взяли бы въ свои казакъ!»

Впрочемъ Соловьевъ навѣрное не зналъ, живы ли Бюхнеръ и Штраусъ, или они уже умерли давно.

Перевалились черезъ первый кряжъ холмовъ. Въ десяти верстахъ отъ Есауловки, въ Терновой долинь, обставленной со всѣхъ сторонъ новыми, высокими буграми, на площадкѣ обривался лагерь есауловцевъ. Парламентеры остановились на окраинѣ послѣдняго отвѣснаго холма, шагахъ въ пяти стахъ отъ бунтовщиковъ, бывшихъ подъ ихъ ногами въ долинь.

— Да! сказалъ Рубашкинъ, вынимая карманный бинокль: — подлецы ловко стали! Изъ возовъ устроили правильное каре. Скотъ, имущество и дѣти внутри, а они на часахъ по краямъ... Смотрите, дѣйствительно косы, топоры, дымъ; костры разложили, ѣсть варять!..

— Проголодались, бестіи! прибавилъ исправникъ! эхъ, кабы артилерія! Вотъ картечью-то брызнуть бы въ мерзавцевъ. Знали бы какъ бунтовать; какъ овцы кинулись бы въ разсыпную.

— Вонъ должно быть самъ Илья Таицуръ! сказалъ Пасмуринъ, взявши бинокль у генерала: — я догадываюсь, что это вѣрно онъ; только вовсе не въ красной разбойничьей рубахѣ, а въ зеленой жилеткѣ и въ картузѣ; вонъ посреди лагера стоитъ, будто распоряжается; рослый такой, окружонъ всѣми...

— Ахъ ты варваръ, шельмецъ! крикнулъ Рубашкинъ: — и въ самомъ дѣлѣ онъ, узнаю его; онъ въ Сыртѣ мнѣ еще помогъ. Какъ люди-то мѣняются!

Въ лагерьѣ между тѣмъ тотчасъ замѣтили появленіе господъ на окраинѣ холма. За полчаса передъ тѣмъ только кончилось укрѣпленіе перваго становища табора. Въ числѣ нѣсколькихъ сотъ взрослыхъ тутъ было человекъ восемь съ охотничьими и солдатскими ружьями. Старики Гриценко и Шуменко привели къ табору своихъ хуторянъ и стали одними изъ главныхъ помощниковъ Ильи.

— Да, теперь мужикъ не дешево сталъ, теперь вздорожаетъ! говорилъ Гриценко, несмотря на свои годы, хлопоча у постановки лагерьа. Онъ зналъ какъ здѣсь жители нѣкогда отбивались отъ татаръ, и взялся руководить устройствомъ перваго стана. Съ шутками и со смѣхомъ всѣ принялись уставлять по его указаніямъ кругомъ себя возы. То тамъ, то здѣсь раздавался плачь дѣтей, вой и причитыванье бабъ. Но мужчины храбрились:

— Дишь бы намъ за Емелькины Уши пробраться, да на перевозѣ за Волгу уѣхать. А тамъ уже степями уйдемъ. Отчего не уйти? Кто остановитъ? Тутъ сейчасъ пойдутъ царскія земли, а не пустять туда, даѣе уйдемъ.

— Куда же вы уйдете, безпутные? причитывала кашляя одна старуха: — ой, переловятъ васъ всѣхъ, перевяжутъ и пересѣкутъ.

— Въ Бѣлую Арапію, тетка, уйдемъ, коли такъ!

— Да вы слайтесь, безпутные! голосила старуха, сидя на опрокинутомъ боченкѣ: — ну ихъ! жили, жили, а теперь броди по свѣту нищими. Ну, куда вы затѣяли, въ какую такую это Бѣлую Арапію? Гдѣ она?

— На вольныхъ земляхъ за Астраханью, гдѣ рай житье, на рѣкѣ Бѣлорыбицѣ.

— Да вы меня послушайте, ребята! Мужъ покойничекъ-то мнѣ на эту Сырь-Дарью ходилъ. Ну... Тьма тьмущая народу тогда тоже было поднялась. Ну... не доходя этой Сырь-Дарьи ихъ и переловили, воротили, да и дали каждому на дорогѣ по сто розогъ, а придя домой опять по сту, да еще въ оба раза и обобрали. Такъ-то и съ этой съ Бѣлой Арапіей вамъ на сидѣньяхъ будетъ. Покоритесь, охъ, воротимся; вопъ скотинка цѣлый день не ѣвши стоитъ, дѣтямъ побѣгать, побаловать негдѣ. Куда вы, пащи старыя кости волочите? Не дожидаться вамъ той воли во вѣки вѣковъ.

Поднялись было крики другихъ бабъ:

— Чѣмъ вамъ отбиваться, безумные? Ихъ сила, а вы? Куда вамъ противъ господъ идти?

— Мы вольные теперь! отозвался Кирило: — идемъ куда хотимъ, коли тутъ тѣснятъ, истязаютъ, вотъ что...

— Бабамъ глотки заткнуть! крикнулъ Гривченко: — а не то Волга не далеко, придемъ-перетонимъ всѣхъ, кто труситъ.

— Идти назадъ! закричали одни.

— Идти впередъ, сниматься! Сниматься опять, въ походъ! закричали другіе: — Илья, приказывай!

— Какъ міръ скажетъ, такъ тому и быть! отозвался Илья: а я вамъ, православные, не сказъ!

— Да пѣтъ... да ты, Илюша, ты, Илья Романычъ, самъ скажи, какъ думаешь? Самъ, ничего; вона еще ихъ слушать! заговорили десятки голосовъ: — оно конечно, міръ главное... Кто противъ міра? Однакоже, скажи и ты.

— Что, православные! Надо отбиваться и идти впередъ. Тутъ милости теперъ не жди; какъ мухъ насъ теперъ передушатъ дома.

— А идти, такъ и идти! Поднимайтесь, братцы, запрягай возы, выѣзжай. Гайда впередъ! Эка невидаль!

— Какіе войска! заговорилъ кто-то: — то не войска, ребята, то обманъ опять! Выжига исправникъ савинскихъ поятыхъ переодѣлъ, а городскіе чиновники офицерами переодѣлись. Ей-богу такъ! Эка, пугать...

Толпа загудѣла и раздѣлилась на двѣ стороны. Одни настаивали идти впередъ, другіе воротиться.

— Да вы слушайте. Переберемся черезъ Волгу, къ намъ пристапутъ другіе села. Вонъ асѣвцы, зеленевцы, атамановцы, головиновцы присылали спрашивать, приставать ли къ намъ?

— Нѣтъ, ребята! перебилъ Гриценко: — даромъ мы на старости лѣтъ воротились изъ бѣговъ. Мы воли чаяли. А гдѣ она! Аль опять намъ въ бродяги идти, разбѣжаться по волчьимъ билетамъ съ холоду, да съ голоду?

— Ой, воротитесь безумные, да безпутные! голосила баба на боченкѣ: — не сносить вамъ головушекъ! Эки прыткіе какіе, въ Бѣлую Арапію! А гдѣ она, вольная-то Арапія? На томъ свѣтѣ только и будетъ намъ волюшка, братцы, въ могилѣ, вотъ что!

— Ой, не голоси, тетка, кишки выпустимъ!

— Впередъ!

— Назадъ!

— Гдѣ капиталы у насъ? Съ чѣмъ идти?

— Богъ поможетъ!

Илья вскочилъ на возъ, замахалъ шапкой и сталъ клаваться. Всѣ затихли.

— Братцы, православные! Назадъ намъ не идти болѣе. Что Богъ дастъ, пойдемте далѣе. Войска тронуть — отбиваться до послѣдней капли крови.

— Отбиваться, отбиваться! закричали всѣ.

— Всѣ теперъ согласны?

— Всѣ, всѣ!

— Выходите же опять далѣе, запрягайте возы, а стрѣлкамъ идти по бокамъ!

Гуль и шумъ усилились. Всѣ кинулись снова запрягать возы.

Небо передъ тѣмъ нахмурилось. Стали сбѣгать тучки. Вѣтеръ подулъ. Дождь было закапалъ и пересталъ.

Тутъ на обрывѣ косогора появились надъ долиной господа парламентары. Въ лагерѣ ихъ сразу замѣтили, озадачились, стихли мигомъ и стали переглядываться. Исправникъ что-то сказалъ отцу Ивану. Священникъ замахалъ съ обрыва платкомъ.

— Пытайте, пытайте! загудѣла толпа въ лагерѣ: — попь о чемъ-то сказать хочеть.

— Что вамъ, батюшка? спросилъ изъ толпы Илья.

— Васъ надули, ребята, образумьтесь! началъ отецъ Иванъ съ обрыва: — воротитесь, только съ уговоромъ: выдайте зачинщиковъ исправнику, Илью, Кирилу и десятекаго.

— У насъ нѣтъ зачинщиковъ, мы все зачинщики! Коли брать силой насъ, берите всѣхъ!

— Илью Танцура съ товарищами выдайте!

— Не выдадимъ, не выдадимъ! Мы все зачинщики! ревъла визву толпа.

— Бога вы не боитесь, образумьтесь! По васъ стрѣлять будутъ!

— Не выдадимъ, не выдадимъ!

Священникъ вынулъ крестъ изъ-подъ рясы и, поднявши его надъ головой, пошелъ по откосу обрыва къ лагерю.

— Не идите, батюшка! крикнулъ вдругъ Илья: — не идите, сами не продавайте Бога!

— Выдайте его, ребята! сказалъ опять священникъ, не переставая идти съ крестомъ надъ головой.

Въ лагерѣ настала мертвая тишина.

— Убью, батюшка! крикнулъ Илья и поднялъ ружье.

Исправникъ кинулся къ священнику и остановилъ его.

— Не идите, отецъ Иванъ, довольно. Тутъ надежды все потеряны.

— Да ихъ бы такъ вустить идти! сказалъ офицеръ Пасмурнинъ: — пусть бы себѣ шли, вѣдь далеко не уйдутъ! А пылъ остынетъ.

Исправникъ съ злобной ироніей взглянулъ на Пасмурнина.

— Какіе вы, господа, я вижу, еще дѣти. Стыдились бы говорить! Не ведите вы какіе это звѣри? Смотрите, ну, смотрите!

Пасмурнинъ покраснѣлъ, замолчалъ, взявъ у Соловьева би-

покуда я сталъ опять разглядывать лагерь. Исправникъ выступилъ впередъ, покричалъ, погорячился, погромилъ и наконецъ объявилъ, что коли бунтовщики сейчасъ же не выйдутъ Ильи, Кирилы и десятскаго, онъ уѣзжаетъ, явится съ войскомъ и тогда уже имъ пашады не будетъ.

«Эхъ, нѣтъ Салдукѣва! съ досадою подумалъ Рубашкинъ: — и зачѣмъ онъ уѣхалъ въ городъ? Онъ бы кажется тутъ помогъ!»

Въ это время сзади его на холму раздался скачекъ лошадей. Парламентеры оклянули: ѣхалъ на каурой кобылкѣ прикащикъ Романъ. Не долѣжая шаговъ за десять до исправника и другихъ господъ, онъ остановился. Кафтаны на немъ были растегнуть, сѣдые волосы развѣвались отъ вѣтра, лицо было въ поту. Разгоряченная скачетъ лошадь не стояла на мѣстѣ подъ нимъ.

— Такъ вы не сдаетесь? закричалъ Романъ бунтовщикамъ, кружась на лошади и стараясь подогнать ее къ окраинѣ обрыва: — такъ вы все слушаетесь этого подлеца, Илюшки? Илюшка, будь ты проклятъ за всѣ твои дѣла! Слышишь? Поморись, собака! Не обижай господъ, не муди людей. Идите всѣ вы, сорванцы, къ князю и просите прощенья! А ты, собака Илья, будь проклятъ!

— Коли такъ, батюго, коли ты гибели, моей кровью закотѣлъ, такъ знайте меня! Православные! болѣе не сдаваться! Пусть насъ бьютъ, рѣжутъ, сѣкутъ саблями! Мы свое дѣло отстаиваемъ! Всѣмъ джемъ, а не сдадимся. Но съ тобой, батюго, у меня другіе счеты...

— Какіе счеты, подлець?

— Ты нажился фальшивыми бумажками, царя обокралъ съ той барыней, людей своихъ истязалъ, погубилъ отца моей невѣсты, скрылъ волю отъ всего села, князя подговорилъ землю намъ не давать и вызвалъ судъ и войско на насъ. Богъ меца съ тобою разсудитъ за твою клятву, а я тебѣ копецъ положу своими руками. Я тебѣ не сынъ, а ты, хриstopродавецъ, мнѣ не батько!

Съ этими словами Илья схватилъ ружье, приложился изъ лагера въ отца и выстрѣлъ грамуль.

Исправникъ, Рубашкинъ, священникъ и офицеры съ ужасомъ отшатнулись. Дымъ разсѣялся. Романъ скакалъ обратно въ Иса-

уловку. Илья по немъ промахнулся. Парламентеры вскочили на лошадей и поскакали также обратно. Черезъ часъ бунтовщики двинулись далѣе. А въ Терновую долину изъ-за Авдулиныхъ-бугровъ стали вытыкаться первыя шеренги идущихъ изъ Есауловки драгуновъ. Офицеръ Соловьевъ ѣхалъ впереди взвода и думалъ: «Какое дѣло! Илья Танцуръ — это Иоанна Д'Аркъ на Волгѣ! Что-то скажетъ о немъ и о насъ петерія?»

— Залпъ по нимъ, залпъ безъ разсужденій! шепталъ между тѣмъ Рубашкинъ майору Шварцу, ѣдучи возлѣ него также верхомъ. А Шварцъ, поглаживая громадные черные бакены, лѣниво и стройно покачивался на молодцоватомъ, бѣшеномъ и раскормленномъ вороньимъ конѣ.

Но вернемся еще разъ въ губернской городъ, куда уѣхалъ неожиданно Саддукъевъ.

Слухи о происшествіяхъ въ Есауловкѣ и вообще о томъ уѣздѣ сильно одолевали губернатора. Съ утра онъ велѣлъ никого не принимать, полагая заняться вплоть до обѣда петербургской перепиской. Въ тотъ день отходила почта. Суета затихла. Кого-то лакея и дежурный чиновникъ съ усѣхомъ выпроводили. Было часовъ восемь утра. Окно кабинета было въ нижнемъ ярусѣ дома. Подъ окномъ слышались шаги и сердитый голосъ: «Тьфу, ты Поливезія проклятая! Да тутъ не сто лѣтъ, не тысячу, а двѣ тысячи надо прожить, чтобъ добиться толку въ любезномъ отечествѣ!» — Губернаторъ кинулся къ окну и изъ-за шторы узналъ взъерошенную и разобиженную фигуру Саддукъева. Губернаторъ вспомнилъ, что этотъ оригиналъ по выходѣ изъ гимназіи былъ управителемъ у Рубашкина, значить сосѣдомъ князя Мангушки во Есауловкѣ, куда пошли войска, и что-то сказало ему, что не даромъ чужакъ къ нему ломился и спорилъ съ лакеями. Губернаторъ быстро отперъ окно, перевѣлся на улицу, завидѣвъ Саддукъева уже вдали и подозвалъ его.

— Что вамъ угодно, г. Саддукъевъ? Вы были у меня? Извините, я занятъ...

— Ахъ, боже мой!.. Но вы принять меня должны, должны, ваше превосходительство, если не желаете сдѣлаться... притчею

во языцѣхъ! Извините, ради Бога, за выраженіе. Я виѣ себя... Полиція, исправникъ готовы сдѣлать въ Есауловкѣ ничѣмъ непоправимое преступленіе...

Губернаторъ иронически улыбнулся.

— Ну-съ? Что же тамъ за чудеса готова сдѣлать моя полиція?

— Минуту времени!

— Пожалуйте, войдите ко мнѣ.

Саддукѣевъ опять ввалился въ сѣни и въ пріемную, смянулъ пальто, толстые замшевые перчатки, ткнулъ оторопѣвшему чиновнику въ руки дорожный синій зонтикъ, быстро застегнулся и устремился къ кабинету. Губернаторъ самъ отперъ ему дверь въ кабинетъ. — Говорите, не стѣсняйтесь! сказалъ губернаторъ, какъ можно спокойнѣе.

Саддукѣевъ наскоро передалъ губернатору обо всемъ что произошло въ Есауловкѣ, какъ выѣзжалъ посредникъ, потомъ становой и какъ становой самъ былъ причиной нанесенныхъ ему неприятностей. Онъ клялся и божился, что преступники въ Есауловкѣ не крестьяне, а сперва посредникъ, потомъ исправникъ и становой, что они выдумали и раздули ими самими произведенный мятежь народа противъ властей. Тутъ же онъ изобразилъ трусость Мангушки и Рубашкина, которые въ порчѣ глазъ портретамъ наугапаннаго Власика увидѣли что-то чудовищно-грозное и кровавое, и заключилъ словами: «Мнимый этотъ бунтъ — только продолженіе той же исторіи о торговлѣ фальшивыми ассигнаціями Перебоченской и старика Танцура. Илья для нихъ бельмо въ глазу и они его положили извести во чтобы то ни стало; становой и посредникъ затѣяли тревогу по собственной винѣ, а исправникъ по старой мести Ильѣ Танцуру за дѣло выѣзда Тарханларова къ Перебоченской».

Губернаторъ начиналъ блѣднѣть и кусалъ ногти.

— Что же мнѣ повашему надо дѣлать? спросилъ онъ, не поднимая глазъ.

Саддукѣевъ съ шумомъ всталъ. Красное лицо его было въ поту. Большія толстыя губы дрожали. Скулы и широкія уши двигались. Сѣрые выпяченные глаза сверкали лихорадочнымъ огнемъ.

— Ъхать! сію же минуту ѣхать туда вамъ самимъ! сказалъ онъ заикаясь и закидывая назадъ голову.

Губернаторъ позвонилъ.

— А не поздно?

— Не поздно, не поздно еще. Но ради-бога скорѣе! Я поспѣлъ къ вамъ въ одну ночь. А у васъ въ распоряженіи и курьерскія и помѣщичьи лошади.

Губернаторъ велѣлъ лакею приготовить все къ выѣзду, и отпуская Саддукѣва, сказалъ:

— Мы ѣдемъ вмѣстѣ?

— Согласенъ-съ...

— Вы я думаю замѣтили, что я во многомъ измѣнился? спросилъ губернаторъ.

— Да-съ...

— Вы честный человѣкъ, г. Саддукѣвъ, и я вами совершенно доволенъ...

— Ну, а я вами не совсѣмъ! перебилъ Саддукѣвъ, не перестававшій еще пѣтушиться и пыхтѣть.

Губернаторъ подвинулъ брови.

— Отчего?

— Вы всѣхъ и все подозреваете въ пошлостяхъ и въ подлостяхъ. Не подозреваете, извините, одного: что вокругъ васъ, по этимъ темнымъ и грязнымъ домикамъ и по широкимъ улицамъ гораздо болѣе людей, понимающихъ дѣло, любящихъ народъ, чѣмъ въ тѣхъ щоголяхъ-съ, извините, которыхъ вы изволили себѣ набрать и которые пустили тутъ сказку о Загребайлѣ и о мнимомъ бунтѣ Ильи Танцура...

— Вы студентъ? рѣзко спросилъ губернаторъ, опять не смотря въ лицо Саддукѣву.

— Бурсакъ! съ досадою отвѣтилъ Саддукѣвъ и скривился: — только я къ вамъ не пойду служить, ваше превосходительство, хоть и пригласите когда-нибудь. Фрака не умѣю носить и бѣлыхъ перчатокъ отролясь не надѣвалъ. Вошь у меня лапища-съ. Теперь землешапцемъ я сталъ!

Губернаторъ принужденно усмѣхнулся. Былъ позванъ Тарханларовъ и Лазарь Лазарычъ Ангелъ.

— Войска черезъ васъ я такъ поспѣшно послалъ! сказалъ губернаторъ Тарханларову: — боюсь, не вышло бы чепухи!

Грека онъ взялъ съ собою, пригласилъ его и Саддукѣва закусить. Коляску подали. Губернаторъ, грекъ и Саддукѣвъ сѣли и покатили, провожаемые съ крыльца злыми и завистливыми

глазками щеголя-секретаря, пустившаго утку о гетманѣ Загребайлѣ и бывшаго издателемъ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей. Лошади были запряжены курьерскими. Впередъ, для заготовки новыхъ смѣнъ обывательскихъ лошадей, поскакалъ на другой тройкѣ жандармъ.

Ямщикъ гикалъ, охалъ, свисталъ. Четверня неслась въ полную скачь. Пыль густыми клубами далеко оставалась позади коляски. Было часовъ десять утра.

— Успѣемъ ли мы однако захватить команду до ея дѣйствій? спросилъ губернаторъ, не имѣя силъ отбиться отъ разныхъ тревожныхъ мыслей.

— Шѣхоту вѣроятнo предупредили бы. Ну, а насчетъ драгуновъ, вѣроятіа мало захватить ихъ до начала дѣйствій. Еще съ вечера они должны быть въ Есауловкѣ. А сегодня исправникъ и прочіе имѣли уже довольно времени, чтобъ снова насочинять себѣ страховъ и рѣшиться на крайнія мѣры!

Два раза уже коляска останавливалась: вмѣсто курьерскихъ лошадей ворягались, при помощи разныхъ веревокъ и ремешковъ, обывательскія, и цѣлыя деревни крестьянъ съ блѣдыми лицами хлопотали и возились тутъ, снаряжая далѣе на грустное дѣло губернатора. Ямщики изъ поселянъ несмѣло вспрыгивали на козлы и въ сѣдло, суетливо помахивали кнутами, коляска выбиралась опять на зеленые бугры и неслась далѣе и далѣе.

Грекъ, страдавшій въ послѣднее время печенью и желтый оттого какъ лимонъ, уставя вдаль красивые, грустные и пасмурные глаза, думалъ: «Не послутились меня, выпустили изъ рукъ Перебоченскую, не арестовали прикащика Танцура, допустили опять въ исправники Тебенъкова — вотъ и хлопочите: а дѣло объ ассигнаціяхъ я бы раскрылъ. Да и трехъ живодеровъ тѣхъ, Кебабчи, Хугченка и Рахилевича, предлагаетъ выпустить теперь на поруки Тарханларовъ; благо самъ добился хорошаго мѣста!»

Коляска шумно подлетѣла къ дому князя Мангушки. Садлуковѣвъ побѣжалъ въ домъ, гдѣ въ залѣ наткнулся на Перебоченскую, приготовлявшую на тарелкѣ горчичники.

— Губернаторъ приѣхалъ! Гдѣ князь? гдѣ исправникъ, офицеры, войско?

Тарелка выпала изъ рукъ Перебоченской.

— Князь сильно заболѣлъ, за докторомъ поѣхали.

— А офицеры, вояки?

Перебоченская оправила чепецъ, переложила заново крестъ-накрестъ платокъ на груди, и поклонилась входящему губернатору, сказала:

— Бунтовщики бросили Терновую долину и пошли далѣе. Илья Танцуръ, во время увѣщаній исправника, выстрѣлилъ въ своего отца. Теперь исправникъ повелъ въ догонку имъ драгуновъ.

— Можно видѣть князя? спросилъ губернаторъ.

— Онъ сильно заболѣлъ.

— Велите скорѣе перепречь лошадей, поѣдемъ! сказалъ губернаторъ Саддукѣеву.

— Да, ваше превосходительство, заговорила Перебоченская: — теперь только на васъ и надежда. Не оставьте насъ, не дайте погибнуть отъ этихъ звѣрей мужиковъ.

Колеска снова выѣхала за околицу.

Лежа во весь опоръ за Терновую долину, губернаторъ впервые въ жизни почувствовалъ все значеніе мгновеній, которыя онъ теперь переживалъ. Стоя въ коляскѣ и съ тоскливыми волненіями смотря въ синюющую даль прибрежныхъ поволжскихъ холмовъ и долинъ, онъ невольно покрикивалъ кучеру князя: «Сморъе, братецъ, скорѣе.»

Мелькали кусты и камни, кочоторы, ручьи и овраги. Вотъ Авдулины-бугры, вотъ за ними новая черта туманнаго небосклона. Тучки на небѣ, справа Волга, слѣва сплошной лѣсъ на мѣсгорѣ, прямо склонъ къ ровной карабиновской степи. Слухъ и зрѣніе губернатора напрягались. Ему чудились выстрѣлы; вдали какъ-будто бы мелькала дымъ. Колеска легла и легла. Въ ней стояли, замирая отъ волненія, и Саддукѣевъ и грекъ.

— Боже! вы кажется спасены! вскрикнулъ пофранцузски губернаторъ: — вонъ возвращаются драгуны; вонъ станъ ослупниковъ. А вотъ завидѣли насъ и ѣдутъ къ намъ Рубашкинъ и исправникъ. Ну, погоди же ты, погоди Тебенковъ! увернулся изъ дома Перебоченской, а тутъ уже я тебѣ не прощу и поблагодарю за тебя Тарханларова.»

На душѣ губернатора отлегло. Онъ даже вынулъ лорнетъ и осматривалъ имъ носъ, готовясь встрѣтить синѣвшихъ къ нему на дрожжахъ Рубашкина и Тебенкова.

Дрожки подъѣхали. Издали таялись шеренги драгунъ.

Офицеры не отдалялись от своих мѣстъ, не скакали на встрѣчу губернатору.

— Ну, что? спросилъ губернаторъ.

— Все кончено—съ! отвѣтилъ Тебеньковъ, вскакивая съ генеральскихъ дрожекъ.

Губернаторъ взглянулъ. Рубашкинъ сурово поклонился; глаза его были красны; самъ онъ былъ не похожъ на себя.

— Какъ кончено? Стрѣляли? спросилъ, задыхаясь, губернаторъ.

— Стрѣляли! отвѣтилъ исправникъ: — иначе нельзя—съ было поступить. Дали всего одинъ залпъ и бунтовщики покорились.

— Есть убитые?

— Восемь человекъ убитыхъ и около двадцати раненыхъ.

— Кто же убитъ? спросилъ Саддукъевъ,

— Бывшіе впереди! Вы ихъ всѣхъ лично знаете! подсказалъ, качая головой, Рубашкинъ: убиты — Илья Тамцуръ и его вѣста Настя, флейтистъ Кирило Безуглый, десятскій, два старика изъ сосѣднихъ хуторянъ, бывшіе прежде въ бѣгахъ съ Ильей, горничная Перебоченской Палажка и еще какой-то царень, также изъ бродягъ, вернувшихся въ послѣднее время...

Губернаторъ молчалъ.

— Теперь и дѣло Перебоченской и трехъ ея друзей кончится иначе! шепнулъ грекъ Саддукъеву: — пропадутъ и мои поиски насчетъ ассигнацій! А я было такъ подогналъ уже это дѣло.

— Чтожъ, господа? сказалъ губернаторъ: я полагаю, что иначе нельзя было и поступить. Вѣдь этотъ бунтъ могъ принять вешуточные размѣры!

— Позвольте, ваше превосходительство, осмотрѣть убитыхъ? спросилъ грекъ.

— Я уже осматривалъ и ничего не нашолъ! перебилъ исправникъ.

Коляска и дрожки поѣхали обратно въ Есауловку. Раненымъ мятежникамъ тотчасъ были оказаны всѣ нужныя пособія. Убитыхъ похоронили на другой день. А вечеромъ того дня, какъ пріѣхалъ губернаторъ, въ княжескій дворъ созваны были усмиривные бунтовщики и губернаторъ долго ихъ усовѣщевалъ, стыдилъ, грозилъ имъ судомъ, общалъ за полное раскаяніе и прошенія имъ помилованія и уѣхалъ, самъ растроганный до слезъ.

Исправникъ за дорогую цѣну продалъ Перебоченской довошь Ильи, надежный на убитой Настѣ. Перебоченская вздохнула свободнѣе и на радостяхъ щедро расплатилась съ Романомъ Танцуромъ, хоть при этомъ все-таки его прижала.

Стали лезть пріятныя надежды о близкой свободѣ и сидѣвшіе въ острогѣ Хутченко, Кебабчи и Рахилевичъ. Романъ Танцуръ вырвался себѣ у князя раньше срока вольную, приписался въ губернскомъ городѣ въ мѣщане, перевелъ туда и жену и сейчасъ же занялся огромнымъ подрядомъ хлѣба и дровъ на войска. Рубашкинъ сталъ рѣже ѣздить къ Мангушкѣ, затосковалъ еще сильнѣе по милому стѣверу и съ началомъ осени уѣхалъ снова въ Петербургъ. Саддукъевъ остался управлять Сыртомъ, дѣтей пристроилъ въ гимназію, сталъ ѣздить къ князю въ Есауловку поиграть въ карты и поболтать отъ скуки. Поговорку о ста годахъ онъ началъ рѣже употреблять, потомучто какъ-то присутствуя на полевыхъ работахъ осенью простудился, схватилъ горячку и чуть не умеръ.

Губернатора къ зимѣ неожиданно отставили. На мѣсто же его назначили совершенно новое лицо изъ университетскаго поколѣнія времяя конца тридцатыхъ годовъ. Онъ пріѣхалъ скромно, тихо, объявилъ, что всѣ чиновники могутъ оставаться на своихъ мѣстахъ, лишь бы хорошо и честно служили, заперся въ кабинетъ, сталъ читать всѣ дѣла до послѣдней страницы, и губернія, ждавшая во былымъ временамъ баловъ и всякаго блеска и шума, сильно огорчилась. Новый губернаторъ только сдѣлалъ пока два видныхъ дѣла: устроилъ такъ, что Тарханларова отъ него перевели въ другую губернію, а дѣло Перебоченской и трехъ ея пріятелей получило новый и, говорятъ, грозный для негодеевъ ходъ.

— Наконецъ-то хоть вы распутаете и кончите это вопіющее дѣло! говорили ему горожане изъ прогресистовъ, встрѣчаясь съ нимъ въ клубѣ, куда онъ изрѣдка запросто пріѣзжалъ пообщаться, поиграть на бильярдѣ и посмотреть людей.

Саддукъеву вдругъ и совершенно нежданно откликнулся изъ какой-то отдаленной губерніи отецъ Смарагдъ. Онъ извѣщаль пріятеля, что получилъ приходъ въ имѣніи одного старика журналиста, гдѣ устроена отличная школа, съ огромной библіотеккой, больница и богадѣльня. Слухъ о переходѣ его въ расколъ оказался ложнымъ.

«Дѣти мои подрастутъ, писалъ отецъ Смарагдъ; — и также»

будутъ учиться въ этой школѣ, которой я посвящаю все мои силы, любовь и надежды. Какъ жаль, подумаешь, что судьба раньше меня не бросила сюда: Пашенька моя можетъ—быть не умерла бы такъ скоро. Здѣсь отличная больница и деревню два раза въ недѣлю навѣщаетъ докторъ, нанятый компаніей нѣсколькихъ окрестныхъ помѣщиковъ.»

— «А что наши бѣглецы, которые при мнѣ были вернулись?» спросилъ въ концѣ письма отецъ Смарагдъ.

«Многое съ ними случилось, о чемъ и рассказывать не хочется. Большая же часть изъ нихъ, несмотря на новую волю, проживя въ родныхъ деревняхъ, въ одно прекрасное утро свиваются и опять пропадаютъ безъ вѣсти: въ слухахъ врутъ, какъ говорить народъ, и дутъ опять въ бѣглецы.»

Въ доволненіе къ разсказу о бунтѣ въ Есауловкѣ, Саддукъ въ приложилъ въ письмѣ къ отцу Смарагду вырѣзку изъ публикціи объ этомъ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей. Въ публикціи говорилось: «Въ губерніи были небольшія вспышки и даже попытки къ настоящему мятежу со стороны крестьянъ, что впрочемъ, усиленіемъ властей, скорѣ прекратилось. Такъ въ имѣніе князя Мангушки, Есауловку, была введена военная команда. Крестьяне оказали сильное сопротивленіе и не выдали зачинщиковъ. Къ сожалѣнію, войска принуждены были даже стрѣлять, носѣ того, какъ бунтующіе крестьяне, догнанные ими, не захотѣли покориться, разойтись, и первые сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ въ войско. Зачинщикъ бунта, дворовый человекъ Есауловки, Илья Танцуръ, съ главными сообщниками, убитъ. Спокойствіе въ уѣздѣ и въ губерніи водворилось окончательное.»

А. СКАВРОНСКІЙ

ДО СВАДЬБЫ

ИЗЪ ДНЕВНИКА ОДНОЙ ДѢВУШКИ

Апрѣля 20.

Все одно и тоже — какая тоска! Сегодня я цѣлый день одна дома: мать и вотчимъ уѣхали куда-то за городъ на цѣлый день; съ ними пріятель вотчима Оглоблинъ, молодой офицеръ, и еще нѣсколь-ко молодыхъ людей. Мать звала меня и осталась очень недовольна моимъ отказомъ. Это понятно: вслѣдствіе его она должна была одна ѣхать съ молодежью, тогда какъ всѣхъ увѣряеть, что выѣзжаетъ только для меня. Положеніе неловкое. Кромѣ того ей не понравилось, что я слишкомъ ясно выразила свое желаніе быть одной. Незнаю какъ это высказалась я такъ неосторожно. Со мной это бываетъ и никогда не проходитъ даромъ: слѣдствіемъ всегда являются неудовольствія. Теперь мать особенно расположена обижаться; вчера она говорила со мной о хозяйственныхъ дѣлахъ, жаловалась на расходы; когда я предложила ей сократить ихъ, она нашла это невозможнымъ и сказала, что я ничего не понимаю. По соображеніямъ матери оказывается, что я (всегда я) причиной этой невозможности, мои наряды, выѣзды и проч. Для чего они мнѣ? Для чего вся эта жалкая пародія на свѣтскій тонъ, на который идетъ столько хлопотъ и денегъ и такъ мало удовольствія? Правда, смыслъ этой добровольной тираніи понятенъ, но вѣдь я его не раздѣляю: ясно какъ день, что нужно понравиться во что бы то ни стало. Всѣ эти выѣзды, наряды, вся мука пансіонской дресировки, которой я подвергалась въ продолженіи пяти лѣтъ, имѣютъ своей цѣлью этотъ рѣшительный моментъ; но я далека отъ него, и это огорчаетъ мать. Какъ же это, въ то время когда мои сверстницы пленяютъ своими талантами, влюбляются и выходятъ замужъ, дѣ-

лая изъ этого прекраснаго обычая болѣе или менѣе выгодныя спекуляціи, я ни на шагъ не двигаюсь къ цѣли. Но мать не совѣмъ еще отчаялась: она наряжаетъ меня и ждетъ судьбы. На дняхъ она подарила мнѣ прекрасное платье и браслетъ. Сколько разъ просила я ее не покупать мнѣ дорогихъ вещей, увѣряла, что я могу обойтись безъ нихъ, — она обижается. Въ этомъ желаніи не быть въ тягость семейству, мать видитъ намекъ на ея безразсудное замужство за человѣка, который такъ безпощадно проматываетъ наше состояніе. Увѣрить ее, что ничего подобнаго никогда не было у меня въ мысляхъ, нѣтъ возможности. Но довольно объ этомъ. Скучно.

Апрѣля 29.

Мать не вдухъ и вотъ уже нѣсколько дней почти не выходитъ изъ своей комнаты; вотчима, по обыкновенію, нѣтъ дома. Вчера вечеромъ были гости: нѣсколько молодыхъ людей, очень мнѣ не симпатичныхъ, и я одна должна была ихъ принимать. Весь вечеръ почти говорили о новой актрисѣ, о ея талантѣ, наружности, характерѣ и даже привычкахъ. Я удивлялась откуда они все это знаютъ, но какъ не знать! — на томъ стоятъ. Было однакожъ вѣсѣмъ скучно, только подъ конецъ вечера гости мои немного оживились: пришолъ Оглоблинъ; онъ рассказывалъ разные анекдоты изъ военнаго быта дотога неостроумные и нелѣпыя, что мнѣ было гадко слышать. Всѣ хохотали. Я едва удерживалась отъ рѣзкихъ выраженій. Вотъ какъ я еще безразсудна. Ну къ чему бы это повело.

Сегодня была у меня Маргарита Сосновская съ своимъ дядей Верейновымъ. Эти не такіе. Я имъ очень обрадовалась, но и она. Верейновъ молодой человѣкъ тридцати-двухъ лѣтъ, очень образованный и съ такими благородными стремленіями; но иногда онъ дотога мелочень, что досадно смотрѣть. Сегодня я спросила Верейнова отчего онъ такъ давно не былъ у насъ; онъ началъ извиняться и увѣрять, что очень желалъ меня видѣть, но служба, дѣла. Для чего все это говорить? Онъ съ большимъ участіемъ распрашивалъ меня что я дѣлаю, гдѣ бываю и весела ли. Я отвѣчала коротко; мнѣ большихъ усилій стоило казаться равнодушной.

Они приѣзжали проститься передъ отъѣздомъ на дачу. Маргарита очень просила приѣхать къ нимъ гостить на все лѣто.

Мая 12.

Весна во всемъ блескѣ. Какое прекрасное время! Странное впечатлѣніе производитъ на меня весна: по временамъ я чувствую

припадки какой-то бессознательной радости и столько энергии, что тайная мысль повернуть жизнь посвоему и начать ее снова; трезвую, разумную жизнь, представляется возможною. Не самообольщение ли это?.. Но какъ же ему не быть! Мнѣ только двадцать лѣтъ, я не жила еще, а кругомъ въ жизни, въ природѣ, готовящейся разцвѣсть, столько неотразимаго очарованія. Сколько свѣта кругомъ, теплаго, радостнаго свѣта, такъ что больно глазамъ, да и не однимъ глазамъ. Какъ любила я бывало это время! Какимъ восторгомъ наполняло все существо мое сознание возрождающейся жизни, когда еще ребенкомъ бѣгала я въ эту пору въ нашемъ деревенскомъ саду. Какъ трудно было моей старушкѣ-нянѣ залучить меня домой; она ворчала и сердилась, а на душѣ у меня былъ такой свѣтлый праздникъ, такъ хотѣлось играть, смѣяться, прыгать. Я бросалась на шею моей старой воркуньи и горячо цѣловала ее. Добрая старушка! какъ бывало мучила я ее въ жаркіе лѣтніе дни во время нашихъ прогулокъ, нарочно прячась въ кусты, чтобы имѣть наслажденіе съ сильнымъ замираніемъ сердца слѣдить, какъ она кряхтя и вздыхая переваливается съ боку на бокъ ходя за мною. Вотъ она прошла мимо не замѣтивъ меня, я вскакиваю и съ радостнымъ крикомъ бросаюсь за нею. Я очень любила мою няню. Большая роль выпала ей на долю въ моемъ развитіи. Сколько разъ я отказывалась ѣхать въ гости, чтобы только остаться съ ней и слушать ея чудныя сказки. Что за дѣло, что папенька хмурился, а маменька бранилась и называла меня мужичкой; это не огорчало меня. Такъ сильна была моя бессознательная привязанность.

Въ отношеніи религіи и нравственности няня одна была моимъ авторитетомъ, и я добровольно постилась и молилась вмѣстѣ съ нею. Но моя религіозность не походила на ея. Я не читала заученныхъ молитвъ и не клала земныхъ поклоновъ; когда ночью мы приходили съ ней на церковную паперть, я становилась на колѣни подлѣ старушки, но глаза мои не искали подъ сводами паперти темной иконы. Я смотрѣла на сіяющій звѣздами небесный сводъ, на сверкающую вдали рѣку, на густыя группы деревьевъ, на все въ чемъ сказывалась жизнь, и оставалась неподвижной. Мои сомкнутыя губы не разжимались для молитвы, — ею было переполнено мое сердце. То не была молитва смиренной грѣшницы, униженно-склонившей голову; я не просила у Бога ни счастья, ни отпущенія грѣховъ; моя молитва была — удивленіе, восторгъ. Дѣтство мое прошло тихо, однообразно, но полно внутренней жизни. Вотъ и теперь, вспоминая прош-

лое, я останавливаюсь на его подробностях и какъ будто оживаю: все что было и есть въ жизни горькаго исчезаетъ, уступая мѣсто безотчетно-радостному чувству: прежнія дѣтскія симпатіи выступаютъ съ поразительной ясностью. Я чувствую какъ тоска замираетъ на сердцѣ, — въ немъ не остается ни ропота, ни жолчной печали. Съ какой радостью бросилась бы я въ эту минуту на шею моей дорогой нянь, и забыла бы все, все, но нѣтъ моей доброй старушки: давно лежатъ въ землѣ ея старыя кости и не слышатъ она свое милое, неразумное дитя.

Мая 20.

Всѣ наши знакомые разъѣхались по дачамъ, а мы это дѣло остаемся въ городѣ. Я думала много читать, но вотъ уже недѣли двѣ я совершенно одна и ничего не дѣлаю; такая апатія, что нехочется даже думать. Да и о чемъ думать? У меня нѣтъ ни опредѣленнаго будущаго, ни прошедшаго; все дѣлается случайно въ моей жизни; я ничего не желаю, ничего не жду. Скука, одна скука и больше ничего. Такъ ли я думала жить! Но кто въ этомъ виноватъ? У меня были всѣ задатки для лучшей жизни; условія моего первоначальнаго развитія были довольно выгодны: я росла помимо всякаго вліянія старшихъ. Папенька, отставной офицеръ, видный мужчина лѣтъ шестидесяти, былъ занятъ хозяйствомъ; лѣтомъ онъ большую часть времени былъ на стѣнокѣ, или въ полѣ; зимой ѣздилъ по ярманкамъ. Маменька не любила хозяйства: ей негдѣ было ему научиться. Она была дочерью бѣдной гувернантки; отецъ женился на ней за красоту и скромность. Маменька очень любила вышивать по канвѣ, но въ угоду отцу варила варенья, солила и мочила ягоды и грибы и прочія произведенія природы, служащія къ убогаторенію желудка. Кромѣ этого нодъ ея вѣдѣніемъ находились многія другія отрасли хозяйства: птичій и скотный дворъ, огородъ. Несмотря на постоянное упражненіе въ хозяйственныхъ занятіяхъ мать не могла примириться съ ихъ грубостью, не могла побѣдить отвращенія къ глупымъ деревенскимъ бабамъ, съ которыми постоянно имѣла сношенія, и потому, по смерти отца, случившейся внезапно послѣ очень вкуснаго обѣда, рѣшилась ѣхать на житье въ Петербургъ, къ совершенному удовольствію моего опекуна Владиміра Ивановича Зыбова, теперь ея мужа. Петербургская жизнь произвела во мнѣ большой переворотъ. Тогда мнѣ только-что исполнилось одиннадцать лѣтъ; голова моя кружилась подъ вліяніемъ новыхъ разнообразныхъ впечатлѣній. Не знаю что было бы со мной,

что вышло изъ меня, если бы учитель мой Даровъ не помогъ мнѣ стать на прежнюю естественную дорогу.

Въ то время мать была еще молода и очень любила веселиться; кажется успѣхи въ обществѣ занимали ее несравненно болѣе нежели моя личность; впрочемъ она не давала мнѣ этого замѣтить. По мнѣнію многихъ, мать любила меня страстно. Она неслишкомъ занималась моимъ воспитаніемъ, но баловала меня до крайности. И могло ли быть иначе: я была красивая, рѣзвая дѣвочка, гувернантка прославляла мои рѣдкія способности и мать была въ восторгѣ, не подозрѣвая въ этихъ похвалахъ задней мысли. Сама она рѣдко заглядывала въ мою дѣтскую комнату и никогда не присутствовала при урокахъ. Меня наряжали и выводили на показъ гостямъ, какъ рѣдкаго звѣря, и это нисколько не смущало меня. Я не подозрѣвала, что для маменьки я была чѣмъ-то вродѣ ручной обезьяны и своей особой доверяла коллекцію животныхъ, которыхъ у насъ было множество. Маменька была до нихъ страстная охотница; чего-чего у насъ не было: кошки, собаки, бѣлки и птицы всѣхъ сортовъ и породъ. Танцую равныя характерныя танцы и читая наизусть стихи, я нисколько не подозрѣвала, что уподобляюсь маленькой собачкѣ Биби, которая такъ хорошо умѣла служить и подавать ланку. Я росла, росли и потребности маменьки относительно меня, но въ сущности они были тѣ же. Занимаясь музыкой, по желанію маменьки, вопреки собственной склонности къ рисованью, я была для нея такой же игрушкой, какъ назавтра тому нѣсколько лѣтъ, когда надѣвала разные фантастическіе костюмы въ чайниі походить на амурчика. Какъ бы ни было, но я была довольна и счастлива. Посреди улыбающихся мнѣ лицъ какъ-то угловато выдавалась фигура Дарова. Это былъ молодой человекъ, только-что кончившій курсъ въ университетѣ. Онъ одинъ не хвалилъ и не ласкалъ меня. Я инстинктивно поняла честность и деликатность этой натуры, и привязалась къ нему всѣмъ сердцемъ. Сначала мнѣ казалось, что Даровъ вовсе не расположенъ ко мнѣ, а я очень дорожила его мнѣніемъ и его пріязнью, и при всякомъ удобномъ случаѣ старалась доказать ему, что я не такая глупая дѣвочка какъ онъ думаетъ, что я очень стою того вниманія и довѣрія, которое онъ мнѣ оказывалъ. Онъ, и только одинъ онъ изъ всѣхъ окружающихъ, не читалъ мнѣ морали какъ должна себя вести благовоспитанная дѣвица и не выказывалъ своего превосходства, давая большой просторъ моимъ мыслямъ. Я воспользовалась этимъ довѣріемъ; старалась понять сама какъ нужно дѣй-

ствовать. Учене не тяготило меня. Напротивъ я съ большимъ удовольствіемъ дожидалась класа. Правда, я немного училась, немного знала, но зато выучилась понимать что учила. Много времени проходило въ класѣ между уроками, потомучто Даровъ старался все объяснять, старался каждому предмету придать интересъ и дѣлалъ такъ, что принимаясь за урокъ я знала что онъ мнѣ дастъ и какъ этимъ нужно воспользоваться. Начиная свои разсужденія съ самыхъ простыхъ наглядныхъ истинъ, онъ постепенно переходилъ отъ предмета къ предмету, и такъ заинтересовывалъ меня, что я не давала ему договорить, дѣлая сама общій выводъ. Чего я не могла понять и объяснить, оставалось до времени въ сторонѣ; такимъ образомъ занятія мои шли вмѣстѣ съ развитіемъ. Къ сожалѣнію мнѣ недолго пришлось пользоваться уроками Дарова. Мать моя вслѣдствіе непонятныхъ, одной ей извѣстныхъ соображеній, вздумала выйти замужъ за моего опекуна, Зыбова, очень ловкаго и красиваго молодого человека и отдать меня въ пансіонъ. Это случилось внезапно. Не успѣла я опомниться, какъ очутилась въ длинной пансіонской залѣ, среди множества дѣтей. Непривычный шумъ отуманилъ мнѣ голову; я чувствовала смущеніе и робость. «Новенькая» слышалось вокругъ меня, и меня обступали и осматривали, тутъ же дѣлая про себя замѣчанія насчетъ моей фizioноміи, манеръ и проч. Это было рекреационное время. Помню какъ теперь эту минуту. Въ класѣ было шумно: кто училъ уроки, кто разговаривалъ, другія вышивали или, прижавшись въ уголь, читали какую-нибудь книгу. Вдругъ дверь быстро отворилась и одна изъ воспитанницъ вбѣжала въ комнату: «инспекторъ, инспекторъ!» проговорила она, и бросилась поскорѣй на мѣсто. Это извѣстіе произвело страшную суматоху. Всѣ встрепенулись: кто спѣшитъ подобрать бумажки, разбросанныя по полу, кто отодвинуть стулъ, или отойти поскорѣй отъ окна и смиренно сѣсть въ уголь; другая мѣталась, чтобъ спрятать куда-нибудь завѣтный романъ, который читала потихоньку, однимъ словомъ, предупрежденіе для водворенія порядка произвело страшный безпорядокъ. Напрасно класная дама шопотомъ, но съ угрозой просила успокоиться; даже я, въ эту минуту всѣми забытая, увлеклась общимъ настроеніемъ, искала что бы мнѣ сдѣлать. Я поправила передникъ, взглянула на свои руки, запачканныя чернилами и пожалѣла, что нельзя ихъ тотчасъ вымыть. Наконецъ инспекторъ вмѣстѣ съ директрисою вошелъ. Это была молодой человекъ лѣтъ двадцати семи, высокій, тонкій, зелено-блѣдный. Всѣ встали съ

своихъ мѣстѣ при его появленіи. Инспекторъ съ нервѣшительнымъ видомъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился среди комнаты, смотря на всѣхъ огромными, неподвижными глазами. Онъ молчалъ и повидимому не зналъ что дѣлать. Въ класѣ была тишина. Инспекторъ лѣниво вынулъ лорнетъ и началъ разсматривать насъ всѣхъ вмѣстѣ и каждую порознь. Потомъ онъ перенесъ свое вниманіе на потолокъ, потянулъ въ себя воздухъ, слегка поморщился, осмотрѣлъ кругомъ всю комнату и указалъ директрисѣ на отклеившіяся въ одномъ мѣстѣ отъ стѣны обои, предложилъ было ихъ приклеить, но оговорился, не будетъ ли это дорого стоить, — это было единственнымъ результатомъ его обзорѣнія. Онъ неожиданно повернулся и вышелъ. Я не могла понять для чего былъ этотъ чловѣкъ. Съ перваго раза я возненавидѣла его, и никогда потомъ никакія выходки класныхъ дамъ не сердили меня столько, какъ одинъ видъ этой апатичной фигуры, смотрящей на насъ съ выраженіемъ простодушнаго любопытства. По отъѣздѣ начальника все пошло прежнимъ порядкомъ; только нѣсколько взрослыхъ воспитанницъ дѣлились между собой впечатлѣніями насчетъ его манеръ и усовъ, и рѣшили, что инспекторъ душка и онѣ будутъ его обожать; одна тутъ же проколола у себя на рукѣ его вензель. Меня снова окружила толпа дѣтей всѣхъ возрастовъ; со всѣхъ сторонъ слышались вопросы: «кто вашъ пана? Есть ли у васъ братья?» Пансіонерки наперерывъ, но съ достоинствомъ, какое приобретается вслѣдствіе знанія дѣла, посвящали меня въ тайны пансіонской жизни: знакомили съ характерами учителей и класныхъ дамъ; разумѣется это дѣлали только *маленькія*, такъ какъ воспитанницы *m-me* Баркъ раздѣлялись на большихъ и маленькихъ. Первыя пользовались огромными преимуществами и обходились съ маленькими покровительственно, даже съ пренебреженіемъ, которое считалось чѣмъ-то вродѣ хорошаго тона, и рѣдко удостоивали ихъ своей благосклонности. Это не мѣшало маленькимъ стараться заслужить ее постояннымъ обожаніемъ, которое часто подтверждалось переписываньемъ тетрадей и добровольнымъ приношеніемъ воротничковъ и оборочекъ. Обожаніе было развито въ высшей степени, несмотря на различныя, болѣе или менѣе остроумныя способы его преслѣдованія со стороны властей. Всякое естественное проявленіе воли и чувства было здѣсь преслѣдуемо и порицаемо безпощадно, тѣмъ неменѣе оно имѣло исходъ дикій и уродливый. Наши наставницы нисколько не готовили насъ къ дѣйствительной жизни.

Напротивъ все желаніе ихъ сводилось на то, чтобъ затмить всякое представленіе о ней, какъ о чемъ-то грязномъ; главною ихъ задачею было остановить развитіе на степени непониманія самыхъ простыхъ человѣческихъ отношеній и онѣ довольно успѣвали въ этомъ. Въ преподаваніи было полное отсутствіе жизни и смысла; зато сколько фактовъ, собственныхъ именъ и годовъ, и сколько тумана, тумана, такъ что несмотря на всѣ усилія, я никакъ не могла уразумѣть смысла нѣкоторыхъ научныхъ фактовъ и скоро убѣдилась, что гораздо выгоднѣе отказаться отъ этихъ попытокъ и тверже заучивать уроки, но не могла съ собою сладить. Я не переставала искать мысли въ сухихъ фразахъ и доискиваться, чтобъ онѣ мнѣ что-нибудь дали; я думала, что то что ничего не даетъ ненужно мнѣ какъ мертвое живому. Мой прежній учитель Даровъ, съ которымъ мы не переставали видѣться, усердно поддерживалъ во мнѣ это расположеніе. Всѣ праздники я проводила съ Даровымъ и не могла съ нимъ наговориться. Онъ очень любилъ меня и я ему вполне довѣрялась. Пансіонская жизнь, замкнутая и мертвящая, была совершенно противна моему развитію, но какъ бы то ни было, а здѣсь, при столкновеніи съ разными лицами, началъ проявляться и развиваться мой характеръ; мысль моя неусыпно работала надъ всѣмъ что встрѣчалось новаго и независимо отъ посторонняго вліянія строила правила, выводила заключенія. Необходимость доискиваться до всего самой, помимо посторонней помощи, спасла меня отъ страдательной участи личностей, безусловно принимающихъ готовые правила.

Въ одно время со мной поступила въ нашъ пансіонъ другая дѣвочка, дочь старинной знакомой моей матери, Маргарита Сосновская. Мы были одинаковыхъ лѣтъ и роста; класная дама рѣшила, что мы должны ходить въ парѣ. Одинаковый ростъ — обстоятельство не важное, однако оно имѣло большія послѣдствія, потому что оно одно почти было причиной моей дружбы съ Маргаритой. Въ характерахъ нашихъ было много общаго; прежде между нами не было симпатіи, но при частыхъ столкновеніяхъ мы короче узнали другъ друга и подружались. По своему характеру Маргарита была довольно интересная личность: эгоизмъ и тщеславіе были ея отличительными чертами. Для исполненія своихъ желаній Маргарита не останавливалась ни передъ какими средствами: все что могло служить ей для нихъ, она находила справедливымъ и законнымъ. Я жестоко возставала противъ многихъ дѣйствій Маргариты; она се-

глашалась, но поступала посвоему. Добрые инстинкты пробуждались въ ней безсознательными порывами и тогда она являлась великодушной. Если въ чемъ спрашивали ея мнѣнія, она высказывалась прямо и смѣло, часто въ ущербъ собственнымъ интересамъ; если ее опровергали, она твердо настаивала на своемъ. «Я не знаю почему, говорила она въ подобныхъ случаяхъ: — но чувствую, что это должно быть такъ!» Она любила меня сильно, но эта любовь была проникнута тираніей и эгоизмомъ; всѣ свои мысли и желанія, всѣ радости и горести она дѣлила со мной, зато я замѣняла ей все и всѣхъ; далѣе меня она не шла и того же самого требовала отъ меня. Она готова была на уступки, лишь бы у насъ было все общее, всѣ стремленія и желанія, всѣ симпатіи и антипатіи. Къ счастью моя нравственная жизнь не уложилась въ этой узкой рамкѣ. Маргарита не хотѣла ничего знать: она требовала безусловной привязанности и думала пользоваться ей одна исключительно. Часто по поводу одного моего разговора съ какой-нибудь изъ воспитанницъ, у насъ съ Маргаритою являлись серьезныя распри. Она давала почувствовать свое неудовольствіе тѣмъ, что переставала ходить со мной въ паркъ. Я обыкновенно просила объясненія, но она не хотѣла ничего слышать, не хотѣла говорить и на всѣ мои вопросы отвѣчала упреками. Она была мстительна, и насмѣшки избирала орудіемъ своей мести; когда дѣло доходило до мести, Маргарита являлась необыкновенно изобрѣтательна: она одушевлялась, рѣчь ея шла ровно и гладко, выраженія были мѣткіи и жесткіи, она не палила словъ. Я отвѣчала молчаніемъ на всѣ ея оскорбительныя выходки. Но ссоры наши никогда не продолжались долго: удовлетворивъ досадъ и гнѣву, Маргарита начинала хандрить, посылая мнѣ письма съ предложеніями мира и приносила полное раскаяніе. Я принимала предложенія мира, но не забывала съ кѣмъ имѣю дѣло и глубоко скрывала отъ Маргариты все что было въ душѣ моей дорогого. Зато, когда со мной случалась какая-нибудь неприятность, Маргарита была сама не своя и дѣлала все, чтобъ помочь мнѣ. Разъ какъ-то, когда мы были съ ней въ ссорѣ, класная дама въ наказаніе за что-то не пустила меня на праздникъ домой. Маргарита стала просить за меня и когда просьбу ея не исполнили, наговорила класной дамѣ дерзостей. Та разсердилась и оставила ее безъ объѣда. Узнавъ о ходатайствѣ за меня Маргариты и его несчастномъ послѣдствіи, я сказала ей, что она напрасно дѣлаетъ мнѣ жертвы. Маргарита вспыхнула.

— Мнѣ никто не запретить поступать по справедливости! сказала она рѣзко.

Случилось еще, что я сдѣлалась больна; эта болѣзнь застала меня врасплохъ: меня не успѣли взять домой изъ пансіона. Я была въ горячкѣ, никому изъ дѣтей не позволено было приходить въ комнату, гдѣ я лежала, чтобъ не пристава болѣзнь. Маргарита приходила ко мнѣ украдкой; она дѣлала самыя мрачныя предположенія съ исходѣ моей болѣзни, все толковала въ дурную сторону и плакала обо мнѣ, какъ объ умершей. Нѣсколько разъ ее заставляли у меня, но ни выговоры, ни наказанія, ни страхъ заболѣть самой, ничто ее не удерживало. Цѣлые дни Маргарита была въ волненіи, ничего не дѣлала, не знала уроковъ и не ѣздила на праздники домой. Радость ея при моемъ выздоровленіи не имѣла границъ. Помню какъ теперь, когда я въ первый разъ могла встать съ постели; Маргарита предложила мнѣ пройтись по комнатѣ и опираясь на ея руку я прошла. Эта прогулка очень скоро утомила меня; Маргарита плакала и смѣялась, — такъ велика была ея радость; съ моей болѣзни до этой минуты она не могла вообразить, что я буду ходить какъ прежде. Во время моего выздоравливанія Маргарита сидѣла со мной по цѣлымъ часамъ, болтала безъ умолку и рассказывала всѣ приключенія, какія были безъ меня въ классѣ.

Я быстро оправлялась отъ болѣзни. Никогда еще не испытывала я такого пріятнаго чувства, какъ во время выздоровленія. Это чувство — любовь къ жизни и какое-то ожиданіе. Тогда мнѣ только исполнилось пятнадцать лѣтъ. Я чувствовала въ себѣ перемѣну: во мнѣ происходила внутренняя работа, родились новыя мысли, новыя желанія; я чувствовала, что я не та и не могу, не должна быть той, какъ прежде. Я поняла, что дѣтство кончилось и эта увѣренность меня радовала и смущала. Съ этого времени я еще болѣе чувствовала себя одинокою. На все окружающее я смотрѣла издали, какъ будто оно меня не касалось; все что проходило передъ моими глазами занимало меня настолько, насколько оно могло дать нищи моей душѣ. Часто, когда всѣ гуляли въ саду, дѣти учились и болтали, мы съ Маргаритою садились на скамейку подальше отъ другихъ, съ тетрадками въ рукахъ, облитыя горячими лучами заходящаго солнца, которое пробираясь между кустами сирени свѣтлыми пятнами ложилось на страницы. Я бессознательно опускала голову на плечо Маргариты, глаза мои останавливались на одномъ предметѣ, въ груди становилось тѣсно отъ непонятнаго восторга.

— Отчего ты покраснѣла, — Аля? спрашивала меня Маргарита.

— Какъ покраснѣла? И не думала! отвѣчала я запинаясь.

— Отчегожъ перестала читать?

— Такъ, ничего!

И я снова бралась за тетрадку. Послѣ чтенія мы начинали ходить и разговаривать. Маргарита предавалась своимъ любимымъ мечтамъ: какъ наконецъ она оставитъ этотъ противный пансіонъ и будетъ жить дома съ мамашей, побѣдетъ въ собраніе, на балы, и она особенно одушевлялась, когда говорила о томъ какъ будетъ разыгрывать *grande-dame*, и вскружитъ головы моднымъ львамъ. Разъ какъ-то я спросила Маргариту что значитъ левъ. Мое невѣжество ее поразило. Она начала мнѣ объяснять значеніе льва въ обществѣ помимо смысла естественной исторіи и для большей ясности привела въ примѣръ нашего учителя французской словесности, который по ея мнѣнію корчитъ изъ себя льва, но гдѣжъ ему, какойнибудь учитель гимназіи. И Маргарита рассказала мнѣ о настоящихъ львахъ, о которыхъ въ свою очередь слыхала отъ кузины. Я слушала ее и думала о другомъ.

Наступила зима. Огромныя пансіонскія залы точно сѣузились и смотрѣли неприязненно. Рѣже раздавался звонкій смѣхъ въ ихъ стѣнахъ, рѣже посѣщало меня чувство безотчетнаго наслажденія, мысль была глубже, сосредоточеннѣе и на все требовала отвѣта и объясненія. Мы учились съ большимъ прилежаніемъ, особенно Маргарита; она во время пансіонской жизни хлопотала быть первой ученицей и не достигла цѣли, несмотря на всѣ старанія; она училась хорошо, но никакъ не могла отвѣчать не запинаясь: рѣчь ея была отрывиста и говоря Маргарита искала словъ. Кромѣ того ея поведеніе не удовлетворяло требованіямъ пансіонскихъ правилъ: Маргарита то не вовремя вскакивала съ мѣста, то вступала въ разсужденія съ учителями по поводу уроковъ, когда они казались ей непонятны, то уходя изъ одной комнаты въ другую, забывала спросить на это позволенія класной дамы, но что всего хуже — высказывала сомнѣніе относительно смысла этихъ порядковъ. За все это въ журналѣ о поведеніи ставились класными дамами дурныя отмѣтки.

Съ какимъ вниманіемъ слушала я, когда учитель исторіи рас-

казывалъ новый урокъ ; я сидѣла какъ вкопанная, не сводя съ него глазъ, а мысль моя уносилась за его разговоромъ въ дивный міръ Греціи и Рима, который давалъ такую богатую пищу жадному воображенію. Личности героевъ античнаго міра приводили меня въ восторгъ. Какъ ничтожна и пуста казалась мнѣ передъ ихъ громадными подвигами жизнь окружающихъ. Я смотрѣла на нее съ непообъдимымъ отвращеніемъ, и сколько разъ наединѣ сама съ собой торжественно отрекалась отъ всякаго участія въ ней. Чего именно мнѣ хотѣлось, я сама не знала; но остаться безучастной къ народнымъ движеніямъ, не имѣть значительной роли въ обществѣ казалось мнѣ нестерпимо обиднымъ. Въ головѣ моей поднялось много вопросовъ по этому поводу и требовало немедленнаго разрѣшенія. Разъ какъ-то я заговорила по поводу этихъ мыслей съ Даровымъ. Не помню, въ какихъ словахъ высказала я ему то, въ чемъ недоумѣвала, но кажется это очень удивило и тронуло его : онъ съ непритворнымъ чувствомъ сжалъ мою руку и долго говорилъ о жизни, обществѣ, о назначеніи человѣка. Онъ говорилъ какъ умной женщины тяжело и скучно жить на свѣтѣ, что я достойна лучшей участи и убѣждалъ меня заниматься серьезнымъ чтеніемъ. Я никогда не видала Дарова такимъ оживленнымъ, какъ въ этотъ разъ : глаза его блистали страстнымъ олушевленіемъ, слова лились быстро и стройно, его доводы были такъ полны силы внутренняго убѣжденія. Впрочемъ я многого не поняла изъ сказаннаго Даровымъ, но видѣла, что въ немъ происходитъ что-то необыкновенное, что это пророческія слова, и сердце мое переполнилось отъ непонятнаго восторга и скорби. Когда Даровъ ушелъ, я отправилась въ спальню подъ предлогомъ головной боли и долго оставалась одна, раздумывая и силясь уяснить себѣ все сказанное имъ, но работа была не по силамъ : отрывочныя фразы изъ его разговора вертѣлись у меня въ головѣ въ страшномъ безпорядкѣ. Подавленная силой необъяснимыхъ впечатлѣній, я бросилась на постель и долго плакала, сама не зная о чемъ. Даровъ говорилъ, что люди большею частію не угадываютъ своего назначенія, и оттого жизнь ихъ не имѣетъ смысла и теряетъ равновѣсіе въ жизни цѣлыхъ обществъ ; что нужно стараться такъ или иначе выразить свою личность ; что лучше дурная цѣль, чѣмъ никакая. Я горячо привязалась къ этой мысли и съ тѣхъ поръ она не покидала меня. Какъ часто ночью, когда всѣ засыпали, я тихонько вставала, садилась на постели и сложивъ руки на колѣняхъ, думала... и мало-помалу мысли мои складывались въ

опредѣленную форму. Голова моя горѣла, сердце морывисто билось, я заходила далеко... и вдругъ сомнѣнія набѣгали черной тучей и застилали любимыя образы мысли; все что я создавала воображеніемъ падало и исчезало передъ строгой критикой здраваго смысла, основанной на дѣйствительности. Я хваталась за голову и падала на подушку. Въ умѣ моемъ все путалось и мѣшалось, я сама пугалась своихъ фантазій и гнала ихъ прочь, желая уснуть и успокоиться, но онѣ кружились въ головѣ, упрекая меня въ слабости и трусости. Сонъ мало успокоивалъ меня: тѣже мысли и сомнѣнія, что волновали встревоженный умъ, являлись въ опредѣленныхъ образахъ; я часто просыпалась и снова засыпала съ тою же напряженною работою мысли. На утро я вставала блѣдная и усталая, брала книгу, чтобъ учить урокъ, но и тутъ мучительные вопросы не покидали меня. Въ головѣ шумѣло, что-то кипѣло въ груди, я пробовала читать, но видѣла только темныя движущіяся полосы на бумагѣ и ничего болѣе; до смысла было далеко добираться. Я опускала голову на руку и оставалась въ какомъ-то забытомъ до самаго класа. Я ничего не слышала что говорилъ учитель, какъ отвѣчали воспитанницы свои уроки. Но вотъ учитель вызываетъ меня, я поспѣшно вѣтавала, но ничего не понимала изъ его вопросовъ; онъ смотрѣлъ на меня съ изумленіемъ и не рѣшался поставить ноль, такъ какъ я была большая. Классная дама хмурила брови, взгляды всѣхъ воспитанницъ обращались на меня: однихъ съ состраданіемъ, другихъ съ насмѣшкой; со всѣхъ сторонъ слышалось оханье и шопотъ, — одна я оставалась равнодушной. Когда учитель уходилъ, классная дама подходила ко мнѣ и начинала читать нотацию вслухъ, въ назиданіе всего класа за то, что я своимъ нерадѣніемъ компрометирую все заведеніе и меня принуждены наказать безъ послѣдняго блюда, какъ маленькую. Слушая длинную, торжественную рѣчь на эту тѣму, я не могла удержаться отъ улыбки, которая особенно бѣсила класную даму; щоки ея покрывались багровыми пятнами, упрёки переходили въ брань, она грозила надѣть на меня дурацкій колпакъ и во время обѣда посадить за черный столъ. Я слушаю молча, поднявъ голову и смотря ей прямо въ глаза смѣлымъ, спокойнымъ взглядомъ; я жестоко презирала ее въ эту минуту. Бѣдная, я не понимала, что самое комическое лицо въ этой картинѣ все-таки я.

Такія явленія начали повторяться довольно часто и наконецъ дошли до свидѣнія ~~м-ше~~ Баркъ; она сдѣлала мнѣ приличное внуше-

ніе, но и это неподѣйствовало. Къ довершенію удовольствія мнѣ пришлось остаться на святки въ пансіонѣ: меня не взяли по какимъ-то семейнымъ обстоятельствамъ; это было самое скучное время моей пансіонской жизни. Насъ оставалось двѣицъ десять или двѣнадцать; мы вставали позднѣе обыкновеннаго и никто ничего не дѣлалъ, вслѣдствіе установившейся привычки считать всякое бездѣйствіе отдыхомъ и пользоваться при всякомъ удобномъ случаѣ, ни мало не подозревая, что это бездѣйствіе часто утомляетъ всего болѣе. Цѣлый день двѣицы сидѣли и ходили по заламъ, изрѣдка вполголоса перекидывая между собою словами. Лишь только слышался стукъ подъѣзжающаго къ дому экипажа гостей *m-me Баркъ*, всѣ бросались къ окну, къ величайшему неудовольствію класной дамы, которая въ этотъ день особенно была раздражительна, вѣроятно потому что ей пришлось дежурить въ такой праздникъ. Изрѣдка монотонная бесѣда въ класѣ прерывалась появленіемъ какой-нибудь изъ воспитанницъ, которая приѣзжала съ своей матерью съ визитомъ къ *m-me Баркъ* и заходила къ намъ. Приѣзжихъ встрѣчали съ восторгомъ, бросались имъ на шею, цѣловали ихъ и закидывали распросами; нѣсколько времени слышались восклицанія: «Ахъ душка Жени, какъ ты мила, что зашла къ намъ! Еслибъ ты знала какая скука! Какой ты ангелъ!» Затѣмъ снова слышались поцѣлуи. «Воображаю какая здѣсь тоска, щебетала приѣзжая:—я едва могла уллучить минуту чтобъ заѣхать къ *m-me Баркъ*, да ужъ и васъ кстати провѣдать. Вы неповѣрите *mesdames*, совсѣмъ нѣтъ времени, каждый день съ утра до вечера я въ разъѣздахъ. Вчера была на елкѣ у кухни, сегодня ѣзжу съ визитами, а вечеромъ опять нужно переодѣваться и ѣхать въ театръ.»

—Ахъ душка, какая ты счастливая!

Потомъ всѣ осматривали ея нарядъ, нѣкоторыя высказывали свое мнѣніе и подавали совѣты, другія насмѣшливо перешоптывались и перемигивались между собою. Приѣзжая начинала рассказывать въ какомъ нарядѣ она будетъ сегодня, въ какомъ завтра; потомъ она рассказывала про своей интимности съ какимъ-нибудь *cousin* или товарищемъ брата, по обыкновенію увлекалась собственнымъ рассказомъ, и едва забывала, что ее ждетъ мамаша. Пансіонерки провожали гостью до передней, цѣлуя ее и желая какъ можно болѣе побѣль.

Я сидѣла обыкновенно поодаль отъ другихъ, около окна, непри-

нимая участія въ общемъ разговорѣ, и смотрѣла на улицу, разсѣянно слѣдя за щегольскими экипажами, которые съ живостью снова вѣздъ и впередъ и думала. Безполезно было прожито лучшее время, и я сознавала это ясно. Отчего-жъ когда явилась моя мать и послѣ обычнаго привѣтствія повела бесѣду о томъ, что она платила за мое ученье очень много денегъ, и все не видитъ въ томъ прока, что мои манеры, разговоръ неоправдываютъ ея справедливыхъ ожиданій, чтоже касается наукъ то они ненужны, слава-богу не въ гувернантки идти, а и безъ ученья много расхода: дѣвушка на возрастъ, слѣдовательно нужно выѣзжать, готовить приданое, — отчего мнѣ стало грустно и чего-то жаль? Всѣ эти сцены, въ которыхъ прошло столько лѣтъ, этотъ шумъ, эти ворчливыя класныя дамы, были такъ милы мнѣ въ эту минуту и эта длинная пустая зала, гдѣ по утрамъ мы съ Маргаритою учили уроки, и шентали... Слезы просились мнѣ на глаза, но я слѣлала большое усиліе, чтобъ удержать ихъ: мнѣ была такъ дорога моя печаль, я боялась чтобъ ее какъ-нибудь не оскорбили. Молча, съ опущенной головою и волненіемъ въ груди, стояла я передъ матерью. «Собирайся» сказала она мнѣ и отправилась къ директрисѣ. Я машинально пошла въ класъ. Маргарита замѣтила, что я разстроена. Я сказала ей причину. Она взглянула на меня, но не сказала ни слова, отвернулась, взяла ноты и вышла. Вѣсть о моемъ удаленіи изъ пансіона быстро разнеслась по всему класу; дѣвицы окружили меня со всѣхъ сторонъ, на всѣхъ лицахъ было одно выраженіе участія и сожалѣнія. Всѣ тѣ, съ которыми у меня не было ничего общаго, съ которыми я ни разу почти не говорила, были друзья мнѣ въ эту минуту, —такова сила привычки. Сцена прощанья вышла очень трогательная, я чувствовала что не вынесу ее равнодушно и легко. Я стала искать Маргариту. Когда я вошла въ музыкальную комнату, Маргарита стояла поодаль отъ фортепіанъ и облокотясь на спинку стула, задумчиво смотрѣла въ окно. Я подошла ближе; она не перемѣнила позы и съ тѣмъ же выраженіемъ задумчивости смотрѣла на улицу; но вдругъ глаза наши встрѣтились, мы обнялись и заплакали... Мы плакали долго и молча. Въ этихъ слезахъ было все, грусть настоящаго, благодарность за прошлое, сомнѣніе за будущее. Въ вѣкъ не забуду этой минуты! Мы были такъ молоды, такъ искренни и плакали такими горячими слезами. Куда же все это прошло? Отчего мы стали теперь такими разряженными куклами, такими милыми барышнями, изучившими всѣ приличія свѣта и способными занимать гостей? Гдѣже прежнія

силы, прежнія стремленія, гдѣ теперь эта жажда истины и добра, неужели имъ нѣтъ возврата?

Модя 3.

Вотъ уже почти мѣсяцъ какъ у насъ никто не бываетъ: все разъѣхались по лачамъ. Цѣлое утро я одна и почти ничего не дѣлаю; иногда правда читаю газеты или журналы, но чаще хожу изъ угла въ уголъ въ своей комнатѣ и ни о чемъ не думаю. Въ такомъ положеніи застала меня сегодня мать. Она явилась неожиданно. На ней было какое-то свѣтлое легкое платье и черная шолковая мантилья; волосы были пышно взбиты и покрыты кружевной косынкой; этотъ нарядъ дѣлалъ ее молодежкою. Удивительная способность одѣваться къ лицу!

— Что дѣлаешь? спросила меня мать, усаживаясь на диванъ и оправляя пышные кисейные рукава, въ которыхъ тонули маленькія ручки, унизанныя кольцами.

— Читала, сказала я, показывая на какую-то книгу.

Мать сдѣлала серьезную мину и посмотрѣла на заглавіе.

— Это хорошая книга, сказала она. — Откуда ты достала ее?

— Даровъ мнѣ принесъ.

Мать поморщилась.

— Даровъ, сказала она небрежно, перебирая листы книги. — Тебѣ нравится этотъ человѣкъ.

— Да.

Мать бросила на меня быстрый взглядъ и положила книгу.

— Чудакъ, сказала она съ притворной разсѣянностью: — не знаю что ты въ немъ находишь. Впрочемъ какъ знаешь.

— Онъ очень уменъ, сказала я, нѣсколько смущенная ея послѣдними словами.

— Какъ знаешь, повторила мать: — я тебя не стѣсняю.

Мнѣ стало досадно. Мать этого не замѣтила и заговорила о другомъ.

— Какая ты блѣдная, сказала она: — блѣдность тебѣ совсѣмъ не къ лицу; ты хоть бы гуляла чаще, чтобъ отъ нея избавиться. Маргарита Сосновская какая свѣжая. Кстати о Маргаритѣ, она что-то давно у насъ не была. Пишетъ она тебѣ?

— Да.

— На дняхъ я ихъ видѣла въ Павловскѣ: они все тамъ были и съ гувернанткой. Какъ ее, эту гувернантку, Варвара Сидоровна чтоли?

— Вѣра Семеновна.

— Ну все равно, Вѣра Семеновна. Смѣшная такая. Что за странныя манеры. Корчитъ изъ себя образованную, чуть ли не ученую и какъ это неловко, неграціозно выходитъ; важничаетъ своимъ умомъ и воображаетъ, что она интересна, воображаетъ, что Вереймовъ къ ней неравнодушенъ!

Я молчала.

— Онъ разспрашивалъ меня о тебѣ, сказала мать послѣ короткаго молчанія, и смотря на меня испытующимъ взглядомъ, отъ котораго я невольно покраснѣла. — Какъ ты-его находишь? спросила она.

— Онъ мнѣ не нравится, отвѣчала я.

— Капризъ, сказала мать съ своей обыкновенной притворной безопасностью, которую я такъ хорошо изучила: — чѣмъ онъ можетъ не нравиться?

— Слишкомъ мягко стелеть.

— Ты думаешь... Не знаю. Я очень люблю это семейство, особенно сестру его Софью Николавну. Эта примѣрная женщина, очень умная и милая. Сколько она добра сдѣлала людямъ. И мать начала рассказывать давно извѣстную мнѣ исторію, о томъ какъ Софья Николавна Сосновская, прежде очень бѣдная дѣвушка, своимъ замужествомъ составила себѣ такую блестящую партію, что не всякой барышнѣ съ состояніемъ удастся; какъ она была губернаторшей, и можно сказать сама управляла губерніей, потому что мужъ былъ колапакъ, въ дѣлахъ ничего не смыслилъ; какъ была знакома съ разными государственными сановниками, которые разумѣется были отъ нея безъ ума, и какъ чрезъ это знакомство ловкая женщина, вывела въ люди своихъ родственниковъ. Мать увѣряла, что кромѣ этого Софья Николавна отличная хозяйка и прекрасно воспитываетъ своихъ дѣтей, что они безъ сомнѣнія выйдутъ отличными людьми, чему доказательство воспитанный ею братъ, который при растроенномъ состояніи одинъ своимъ трудомъ помогаетъ Софѣ Николавнѣ содержать такое большое семейство. Въ заключеніе мать сокрушалась, что молодое поколѣніе женщинъ не походитъ на Софью Николавну. По ея мнѣнію современныя женщины никуда не годятся, сами не знаютъ чего хотятъ, изъ чего волнуются. Я неспорила.

Юня 6.

Нѣтъ, я не могу долѣе оставаться одна: скука одолеваетъ меня.

Сегодня я получила письмо отъ Маргариты. Она проситъ меня приѣхать къ нимъ, и я завтра же отправляюсь.

Юня 14.

Вотъ уже цѣлую недѣлю я у Сосновскихъ. Меня встрѣтили очень радушно. Все семейство было на терасѣ за чайнымъ столомъ. Когда я вошла, Маргарита разливала чай; подлѣ нея сидѣлъ Верейновъ и разговаривалъ съ гувернанткою. Софья Николавна читала строгую мораль младшему сыну, который стоялъ передъ ней на колѣняхъ и разливался горькими слезами. Подъ вліяніемъ этой назидательной сцены другія дѣти сидѣли очень чинно. При моемъ появленіи всѣ оживились. Маргарита бросилась ко мнѣ навстрѣчу, мы горячо обнялись, дѣти тоже чему-то обрадовались. Софья Николавна привѣтствовала меня съ особеннымъ радушіемъ. Послѣдній подошелъ ко мнѣ Верейновъ; онъ съ радостнымъ лицомъ протянулъ мнѣ руку и заговорилъ такъ дружески, такъ симпатично, что я смутилась, но скоро однакожь опомнилась: щоки мои вспыхнули и я сдѣлала большое усиліе чтобъ спокойно отвѣчать на его вопросы. Впродолженіе этого времени какъ я у Сосновскихъ, Верейновъ употребляетъ всѣ усилія чтобъ сдѣлать мнѣ пріятное. Подумаешь какъ дешево у иныхъ людей расположеніе, какъ они любятъ его расточать. Эти непрощенныя ласки возмущаютъ меня; хорошо что я знаю имъ настоящую цѣну; зачѣмъ же являлись они тогда, когда сердце мое было такъ чисто и не знало еще всѣхъ этихъ тонкостей; зачѣмъ очаровывая и привлекая, ставили въ глупое положеніе, — но ктоже зналъ, что я такъ мало подготовлена, да и кому какое до этого дѣло.

Юня 22.

Еще прошла недѣля какъ я у Сосновскихъ. Время идетъ ни скучно ни весело; по утрамъ мы съ Маргаритою однѣ до самаго обѣда; я рисую, Маргарита играетъ на фортепіанахъ, иногда мы вмѣстѣ читаемъ. Въ это время Верейновъ въ городѣ, на службѣ, гувернантка занимается съ дѣтьми. Софья Николавна хлопочетъ по хозяйству. Въ свободное время она является къ намъ и разсуждаетъ о своихъ многотрудныхъ обязанностяхъ матери и хозяйки дома. Я не знаю ничего антипатичнѣе этой женщины; ея лицемѣріе, приторная любезность мнѣ ненавистны. Я нахожу оттѣнки этихъ качествъ въ Маргаритѣ. Жаль, я очень люблю ее. Можетъ-быть только привычка, воспоминаніе прежнихъ лѣтъ поддерживаетъ во мнѣ эту привязанность? — какъ бы то ни было, а жаль.

Юня 25.

Вчера случилась странная исторія. Маргарита заговорила со мной о своемъ дядѣ, и вдругъ спросила меня какъ онъ мнѣ нравится. Этотъ вопросъ смутилъ меня, я затруднилась отвѣтомъ.

— Я знаю, что прежде онъ тебѣ нравился, сказала Маргарита: — а теперь кажется нѣтъ: это замѣтно: ты очень измѣнилась къ нему.

— Можетъ-быть, сказала я.

Маргарита посмотрѣла на меня пристально.

— Онъ хорошій человекъ, сказала она.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь.

— Отчего-жъ ты холодна съ нимъ?

— Я...

— Да ты. Чтожъ ты покраснѣла?

— Ничего, сказала я, избѣгая ея взгляда.

— Ты не будь съ нимъ такой Аля, а то онъ подумаетъ, что ты недовольна, и это будетъ его мучить.

— Ты думаешь?

— Еще бы. Онъ самъ не свой, оттого что ты какъ-будто съ умысломъ не обращаешь вниманія на всѣ его старанія тебѣ угодить. Это странно даже, другой подумалъ бы что это кокетство.

— Кокетство! сказала я вспыхнувъ. — Это кокетство?

Маргарита посмотрѣла на меня съ изумленіемъ.

— Аля, сказала она: — я надѣюсь, что ты не сердишься?

— О нѣтъ! отвѣчала я почти испугавшись, но голосъ мой дрожалъ, въ душѣ поднялось какое-то горькое и обидное чувство.

— Что съ тобой Аля? Я не узнаю тебя, сказала Маргарита. — Неужели мнѣ увѣрять, что я не хотѣла тебя обидѣть!

— Да что ты! Я ничего.

— Полно пожалуста, развѣ я не вижу! сказала Маргарита горячо. — Какъ же это... Между нами. Да что это будетъ.

Она была взволнована и огорчена.

— Маргарита, это не то, сказала я, стараясь ее успокоить и непонимая сама что говорю. — Я ничего не думаю. Мнѣ показалось, что я въ самомъ дѣлѣ неправа.

Маргарита встрепенулась и бросила на меня быстрый, безпокойный взглядъ.

— Что за споръ? сказалъ входящій въ это время Вереиновъ.

Мы объ молчали.

— О чемъ вы говорили? спросилъ онъ меня.

— Такъ, пустяки.

— Нѣтъ, видно не пустяки. Вы что-то спорили. Отчего вы не хотите мнѣ сказать? спросилъ онъ ласковымъ и вкрадчивымъ голосомъ. — Неужели я не имѣю никакого права на вашу довѣренность.

— Оставь насъ дядя, сказала Маргарита: — тебѣ-то мы не можемъ этого сказать.

— Вотъ какъ! Значить это касается меня? Это очень любопытно. Нельзя ли узнать?

— Я сказала, что нельзя.

— Такъ это тайна? сказалъ онъ смѣясь. — Извините, не зналъ. Но я надѣюсь, что Александра Ивановна добрее, авось скажете. Александра Ивановна, скажете?

— Если это васъ такъ интересуеть — извольте, сказала я спокойно и холодно.

Вереиновъ покраснѣлъ отъ досады.

— Я этого не скажу, проговорилъ онъ сухо.

— Для чего-жь вы спрашиваете? сказала я и чувствовала, что щоки мои горѣли и голосъ дрожалъ.

— Я хотѣлъ испытать васъ, сказалъ онъ прежнимъ шутивнымъ тономъ.

Я только взглянула на него, но не сказала ни слова. Онъ смѣшался и вскорѣ ушелъ отъ насъ. Черезъ нѣсколько времени мы встрѣтились за чайнымъ столомъ. Онъ заговорилъ съ гувернанткою по поводу какой-то неизвѣстной мнѣ книги. Софьи Николаевны не было дома; Маргарита хлопотала около самовара; я оставалась одна. Мнѣ, неизвѣстно отчего, стало грустно; я отошла въ сторону и задумалась. Мысли мои были какъ-то неопредѣленны, но кровь стучала въ вискахъ и сердце билось часто и сильно. Чтожь это? Неужели? Да это такъ. Такъ вотъ чего я дождалась, и это все, все какаютронія. Какъ мучительно и горько сознание этого чувства. Но боже-мой, вѣдь я же не виновата.

Юля 23.

Я уже съ мѣсяцъ не бралась за эту тетрадку: нечего было писать. Все постарому дѣлать нечего, думать не о чемъ. Вотъ жизнь-

то! Никогда еще сознание пустоты и безсилія не было у меня такъ сильно. Но чегоже нужно? Сколько есть людей, которые живутъ какъ я и не жалуется, не тоскуютъ. Неужели-жъ мнѣ нужно больше всѣхъ. Нѣтъ, я несправедлива, я слишкомъ эгоистка. Кчему все эти напрасныя, несбыточныя желанія? не лучше ли пользоваться тѣмъ, что даетъ жизнь и больше не требовать, не ждать; ужиться какъ-нибудь въ тѣсномъ кругу, заняться работой, какая только найдется и исполнять ее съ любовью и сознаниемъ долга. Но примириться со всѣми дразгами, довольствоваться малымъ, когда чувствуешь въ душѣ столько силы совершить великій подвигъ.

Маргарита тоже начинаетъ сильно задумываться и грустить въ послѣднее время; это насъ сближаетъ. Вчера вечеромъ послѣ длиннаго и серьезнаго разговора, мы съ Маргаритою сидѣли задумавшись въ саду, когда мимо насъ проходилъ Вереиновъ съ гувернанткою. Они о чемъ-то спорили съ большимъ жаромъ, такъ что не замѣтили насъ. Я никогда не видала Вѣры Семеновны такой оживленной: щоки ея горѣли яркимъ румянцемъ, глаза блестя.

— Нѣтъ, что хотите, говорила она, а своего счастья ни въ какомъ случаѣ нельзя уступать.

— Вы стали бы пользоваться счастьемъ насчетъ другихъ? спросилъ ее Вереиновъ.

— Я никому не желаю зла, но кто станетъ на моей дорогѣ, церемониться не стану.

Я не слышала что отвѣчалъ на это Вереиновъ. Маргарита смотрѣла вслѣдъ уходившимъ съ насмѣшливой миной.

— Вотъ гдѣ жизнь—то! сказала она, кивая на нихъ головой. — Замѣчаешь?

— Да, это жизнь, сказала я съ невольной грустью.

Маргарита продолжала слѣдить за молодыми людьми.

— Смѣшные какіе, сказала она.

— Чтожъ тутъ смѣшнаго? возразила я.

— Ты защищаешь такой способъ развлечения?

— Почему ты не допускаешь здѣсь серьезнаго чувства?

— Допускаю, но вѣдь изъ этого серьезнаго чувства ничего не выйдетъ.

— Какъ ничего не выйдетъ?

— Такъ, онъ не можетъ жениться.

— Почему?

— Потому что наши семейныя дѣла не таковы. Ты знаешь мамашу, она низачто не захочетъ раздѣлить свою власть въ домѣ съ кѣмъ бы то ни было.

— Но вѣдь это его домъ.

— Чтожъ изъ этого? сказала Маргарита вспыхнувъ. — Мы не виноваты, что онъ у насъ одинъ; будь у мамы хорошее состояніе, тогда-бъ мы его не стѣсняли, но при теперешнихъ обстоятельствахъ, когда самимъ намъ едва достаеетъ средствъ жить порядочно, смѣшно было бы ему думать о женитьбѣ.

Меня удивила такая оригинальная логика, но всматриваясь пристальнѣе въ жизнь и взаимныя отношенія этого семейства, я убѣждаюсь, что все и всѣ проникнуты ею.

Юля 29.

Вчера Вѣра Семеновна совѣмъ уѣхала отъ Сосновскихъ; она сама отказалась отъ должности, но я подозреваю, что это случилось не просто: въ послѣднее время Софья Николавна сильно къ ней придиралась. Съ недѣлю назадъ у Софьи Николавны былъ довольно крупный разговоръ съ братомъ относительно Вѣры Семеновны. Началось съ того, что Софья Николавна непріязненно отозвалась о своей гувернанткѣ, нападая на разные ея недостатки. Вереиновъ не спорилъ; но когда она сказала, что хочетъ отказать Вѣрѣ Семеновнѣ и взять на ея мѣсто одну свою знакомую, какую-то m-lle Б., Константинъ Николаичъ вступился и началъ доказывать, что m-lle Б., жившая до сихъ поръ въ компаніонкахъ у какой-то графини, рѣшительно не годится въ гувернантки, и что Вѣра Семеновна во всякомъ случаѣ ея лучше. Софья Николавна отстаивала свою пріятельницу сколько могла, но не убѣдила брата.

— Эта женщина мой единственный другъ, сказала она наконецъ. — Конечно ты можешь ее не любить, хотя бы она не сдѣлала тебѣ никакого зла, это твое дѣло, но я, я должна быть справедлива. Можетъ-быть я виновата, что осмѣлилась найти ее полезной для моихъ дѣтей; я не думала, что это тебя обидитъ; я думала, что мнѣ можно имѣть свое мнѣніе.

— Что такое говоришь ты, сестра? сказалъ встревоженный Константинъ Николаичъ. За что ты сердишься?

— Ахъ боже-мой! когда-жъ я сержусь? Какое я имѣю право. Я кажется порядочно понимаю свое положеніе и свои обязанности.

— Софи, ради-бога не говори такъ! сказалъ Константинъ Николаичъ, почти умоляя: — дѣлай какъ хочешь.

— Мнѣ не нужны жертвы. Если присутствіе м-ше Б. тебѣ въ тягость и ты находишь, что въ твои дѣла полезнѣе общество молодыхъ дѣвицъ, такъ пусть будетъ такъ.

Константинъ Николаичъ сильно покраснѣлъ.

— Здѣсь не обо мнѣ рѣчь, сказалъ онъ.

— Такъ о комъ же? О Вѣрѣ Семеновнѣ?

Несмотря на всѣ уступки Вереинова, споръ пошелъ далеко и кончился истерикой Софьи Александровны, надѣлавшей суматохи во всемъ домѣ; прислуга суетилась, дѣти плакали, Константинъ Николаичъ казался до нельзя сконфуженнымъ. Вѣра Семеновна должно быть догадалась въ чемъ дѣло.

Вчера за нѣсколько часовъ до своего отъѣзда Вѣра Семеновна вошла въ залу, гдѣ я играла на фортепьянахъ, и спросила не видала-ль я Вереинова. Въ это самое время Константинъ Николаичъ вошелъ въ комнату.

— Я ищу васъ, сказала Вѣра Семеновна, идя къ нему навстрѣчу съ ласковой и грустной улыбкой. — Хочу съ вами проститься.

И она протянула ему обѣ руки. Въ это время я опять заиграла; они какъ-будто не замѣчали меня. Отрывочныя фразы изъ ихъ разговора доходили до моего слуха.

— Будете ли вы меня помнить? говорила Вѣра Семеновна.

— Можете ли вы въ этомъ сомнѣваться! сказалъ онъ, цѣлуя ея руки.

Мнѣ казалось неловко долѣе тутъ оставаться, и я вышла. Вскорѣ послѣ этого Вѣра Семеновна уѣхала. Константинъ Николаичъ куда-то исчезъ и не являлся цѣлый день.

Августа 5.

Вотъ ужъ недѣля прошла съ отъѣзда Вѣры Семеновны; мѣсто ея еще не занято: въ домѣ все идетъ прежнимъ порядкомъ. Софья Николаевна понемногу оправляется, теряетъ печальный и покорный видъ и входитъ въ свою прежнюю колею полноправной хозяйки дома. Константинъ Николаичъ очень занятъ, такъ что даже чай пьетъ въ своемъ кабинетѣ. Сегодня утромъ я встрѣтила его въ саду; мы разговорились. Незнаю какъ это вышло, только мы говорили очень дружески. Вереиновъ никогда не былъ со мной такъ откровененъ. Онъ рассказывалъ мнѣ о самомъ себѣ, объ ошибкахъ и увлеченіяхъ первой молодости; я слушала съ большимъ участіемъ. Между-про-

чимъ Вереиновъ вспоминалъ Вѣру Семеновну, говорилъ какъ много она для него значила, и вообще отзывался о ней съ большимъ уваженіемъ. Изъ этого разговора уяснилось для меня многое, о чемъ прежде я недоумѣвала. Вереиновъ представился мнѣ нѣсколько въ другомъ свѣтѣ; я многого не знала и судила ошибочно. Къ концу прогулки намъ встрѣтилась Софья Николаевна; она посмотрѣла на насъ какъ-то странно, такъ что я покраснѣла.

Августа 8.

Сегодня опять я долго разговаривала съ Вереиновымъ. Софья Николаевна не было дома, у Маргариты болѣла голова, и она цѣлый день не выходила изъ своей комнаты. Вереиновъ опять заговорилъ о Вѣрѣ Семеновнѣ, хвалилъ ее и жалѣлъ, что я съ ней не познакомилась хорошенько; онъ сказалъ, что ей очень хотѣлось этого, но видя мое нерасположеніе, она не искала моей дружбы.

— Вы знаете, какъ съ вами трудно сойтись, сказалъ онъ, смотря на меня пристально.

Я молчала.

— Скажите, продолжалъ онъ, какъ объяснить эту замкнутость, эту холодность, съ какой вы встрѣчаете всякую попытку къ сближенію съ вами. Тутъ что-нибудь есть. Зачѣмъ вы отвѣчаете сарказмами на участіе, будто у васъ ничего не найдется для тѣхъ, кто вамъ искренно преданъ. Трудно предположить, чтобъ это было просто.

— Я не напрашиваюсь ни на чье участіе, сказала я.

— Вотъ куда вы пошли. Какая безумная гордость! Что за предубѣжденіе! Полноте, Александра Ивановна, будьте проще, вы несправедливы къ самой себѣ. Можетъ-быть вы нашли бы такое сердце, какое вамъ нужно; вмѣстѣ какъ-то легче жить, говорятъ: съ людьми смерть красна, но вы не даете простора своимъ мыслямъ и чувствамъ, когда они требуютъ выраженія и сочувствія.

— Кого они могутъ интересовать, сказала я съ невольной грустью.

Вереиновъ молча и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня.

— Вы слишкомъ самолюбивы, сказалъ онъ.

Нѣсколько времени мы молчали.

— Милая Александра Ивановна, сказалъ онъ послѣ долгаго раздумья: — не мучьте себя напрасно, не ищите зла тамъ гдѣ его нѣтъ. Повѣрьте мнѣ, что не все дурно на свѣтѣ; смотрите довѣрчивѣе, и вы будете счастливы.

Онъ много еще говорилъ въ этомъ родѣ и странно подѣйствовали на меня его слова; мнѣ было такъ отрадно, такъ хорошо. Вздолбанная и растроганная, я сидѣла не поднимая глазъ и чувствовала его ласкающій, симпатичный взглядъ.

— Скажите мнѣ, началъ онъ, послѣ довольно продолжительнаго молчанія: — можетъ-быть вамъ покажется страннымъ такой вопросъ, но мнѣ кажется я имѣю нѣкоторое право, — скажите, вы ничего не имѣете противъ меня?

Этотъ вопросъ удивилъ и смутилъ меня; я отвѣчала отрицательно.

— Какъ я радъ, сказалъ онъ, взявъ меня за руку: — значить можно надѣяться съ вами сблизиться, неправда ли? Да, вы мнѣ не откажете въ вашей дружбѣ? Еслибъ вы знали, продолжалъ онъ съ чувствомъ: — какъ она мнѣ необходима. Въ васъ столько прекраснаго; вѣдь вы себѣ цѣны не знаете. Меня такъ влечетъ къ вамъ, что я даже боялся... Ахъ, Александра Ивановна, вы ничего не знаете.

Онъ былъ взволнованъ и горячо сжалъ мою руку.

— Согласитесь! заговорилъ Вереиновъ послѣ короткаго молчанія: — нѣкоторые ваши поступки относительно меня были странны; трудно предположить, чтобы это было просто. И знаете, мнѣ показалось, но можетъ-быть вы найдете смѣшнымъ, я подумалъ, не я ли виноватъ, что въ послѣднее время вы были такъ грустны.

Онъ такъ просто это сказалъ. Я взглянула на него: его лицо было спокойно. Мнѣ стало грустно.

— Да! сказала я съ какимъ-то отчаяніемъ, опустивъ голову: — Вы.

— Въ самомъ дѣлѣ? Какъ же это? скажите ради-бога, я ничего не понимаю.

Онъ въ самомъ дѣлѣ не понималъ.

— Что съ вами? спросилъ Вереиновъ: — я огорчилъ или обидѣлъ васъ? скажите же, не мучьте меня.

Въ это время меня позвали къ Маргаритѣ. Я хотѣла идти, но Вереиновъ удержалъ меня.

— Послушайте, сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ: — меня такъ интересуешь этотъ разговоръ; кончимте его когда-нибудь. Завтра утромъ, продолжалъ онъ поспѣшно: — я буду ждать васъ въ саду. Только ради-бога общайте мнѣ полную откровенность.

Я наклонила голову въ знакъ согласія и поспѣшно ушла отъ него. Итакъ завтра; что-то оно мнѣ скажетъ.

Августа 12.

Я дома. Моему внезапному отъезду отъ Сосновскихъ предшествовала цѣлая исторія. Буду писать по порядку. Въ часъ, назначенный для свиданія съ Вереиновымъ, я пошла въ садъ. Константина Николаича тамъ не было, но онъ не заставилъ долго ждать себя. Я издали увидала его и пошла къ нему навстрѣчу. Мнѣ показалось, что онъ смущенъ и взволнованъ.

— Какъ вы хорошо сдѣлали, что пришли, заговорилъ онъ: — а я признаться не ожидалъ; я конечно неловко сдѣлалъ, прося васъ придти сюда, но я догадался объ этомъ поздно. Я увѣренъ, что вы извините меня.

Я посмотрѣла на него съ недоумѣнiемъ. Мы сѣли на скамейку и нѣсколько времени молчали; онъ повидимому не зналъ что говорить.

— Я только теперь начинаю немного понимать васъ, заговорилъ онъ наконецъ. Сколько великодушiя въ одномъ этомъ поступкѣ, что вы пришли сюда. Повѣрьте, я умѣю это цѣнить. Я вамъ завидую; въ васъ столько таится неоцѣненныхъ сокровищъ, столько добра можете вы сдѣлать иному человѣку своимъ участiемъ, дружбой! Онъ много еще говорилъ на эту тему и говорилъ съ увлеченiемъ. Я слушала съ удивленiемъ; мнѣ очень хотѣлось спросить для чего все это онъ говоритъ, но я не прерывала его.

— Чтожъ вы ничего мнѣ не скажите? спросилъ онъ наконецъ.

Въ эту минуту передъ нами вовсе неожиданно явилась Софья Николаевна; она смотрѣла на насъ съ выраженiемъ крайняго изумленiя и негодованiя.

— Извините! сказала она язвительно: — можетъ-быть я помѣшала.

Моя печаль была такъ велика въ эту минуту, что слова Софьи Николаевны не прибавили къ ней ни горечи, ни злобы.

Софья Николаевна быстро удалилась. Константинъ Николаичъ продолжалъ за нею въ сильномъ безпокойствѣ. Я осталась одна. Долго сидѣла я на одномъ мѣстѣ неподвижно какъ очарованная, непонимая и нечувствуя ничего кромѣ безконечной печали. Весь этотъ день Маргарита была въ дурномъ расположенiи духа; она говорила о ложныхъ друзьяхъ, о коварствѣ и двуличности нѣкоторыхъ особъ, ея

намекн не допускали подойти прямо къ дѣду, и язвили довольно мѣтко. Софью Николавну я видѣла только за чаемъ и обѣдомъ; она была печальна, очень часто вздыхала и постоянно кричала на дѣтей. Константинъ Николаичъ былъ смущенъ, дѣти боялись пошевелиться: всѣмъ было неловко. Но это не все. Вечеромъ, сидя одна на терасѣ, я услышала изъ оконъ залы очень интересный споръ между Софьей Николавной и ея братомъ; Вереиновъ въ чемъ-то оправдывался, Софья Николавна возражала; я услышала мое имя и стала вслушиваться.

— Увѣряю тебя, что это не то что ты думаешь, горячо сказалъ Вереиновъ.

Софья Николавна безнадежно махнула рукой и не отвѣчала ни слова.

— За что же ты сердишься, заговорилъ онъ снова.

— Кто вамъ сказалъ, что я сержусь. Вы хоть бы ужъ не клеветали, сказала Софья Николавна обиженнымъ тономъ.

— Да вѣдь это замѣтно... Прости же меня, ну я виновата. Онъ поцѣловалъ ея руку. Софья Николавна стояла неподвижно, какъ статуя, лицо ея имѣло какое-то неопредѣленное выраженіе, такъ что трудно было угадать чѣмъ кончится вся эта сцена.

— Ну такъ что же, ты прощаешь? сказалъ Константинъ Николаичъ, смотря ей въ глаза: — милая моя, вѣдь ты добрая. И онъ снова поцѣловалъ ея руку.

— Константинъ, сказала Софья Николавна торжественно: — ты знаешь меня, я умѣю терпѣть; покорность — общій удѣлъ женщинъ, но есть же мѣра. Я не ангелъ. Произнеся эту великую истину, она устремила на брата строгій, карающій взглядъ. Тотъ печально опустилъ голову.

— Софи, сказалъ Вереиновъ: — не суди ты этого дѣла слишкомъ строго, не смотри на него такъ серьезно. Положимъ, я сдѣлалъ глупость и огорчилъ всѣхъ васъ; я поступилъ какъ эгоистъ, а она... бѣдная, чѣмъ же она виновата. Ради-бога ты ее не трогай, это я все надѣлалъ, и пусть я одинъ за всѣхъ отвѣчаю.

Софья Николавна нѣсколько времени молчала.

— Константинъ, сказала она наконецъ нѣжнымъ и растроганнымъ голосомъ: — я очень огорчена; мнѣ больно, что ты, моя радость, моя подпора, попадаешься въ сѣти интриганки. Не могу же я запретить страдать моему сердцу. Константинъ, вѣдь я тебя воспитала, я не могу смотрѣть на тебя иначе какъ на сына.

— Знаю милая, сказалъ онъ : — но вѣдь я же тебѣ сказалъ, что тутъ ничего нѣтъ. Аля не такая дѣвушка, я больше тебя ее знаю.

— Другъ мой, ты слишкомъ довѣрчивъ ; я больше тебя жила на свѣтѣ и изучила людей : мы женщины провицательны.

Константинъ Николаичъ вздохнулъ.

— Да, я виноватъ, сказалъ онъ послѣ короткаго раздумья : — много виноватъ. Прости же меня ; забудемъ это. Софья Николаевна еще колебалась.

— Забудемъ, сказала она наконецъ : — что прошло, того нельзя воротить ; я надѣюсь, что раскаяніе твое искренне и впредь ты будешь остороженъ, но сердце человѣческое — бездна ; я не могу вѣрить безусловно.

— Чего же тебѣ нужно ? какихъ ты требуешь доказательствъ ?

— Константинъ, если ты хочешь меня успокоить, клянись, что ты ее больше не увидишь.

— Я неслыхала что отвѣчалъ Вереиновъ, кровь бросилась мнѣ въ лицо, чувство негодованія и злобы охватило душу. Въ тотъ же вечеръ я сказала Софѣ Николаевнѣ, что скоро отправляюсь домой. Тонкая особа выразила удивленіе, но ни она, ни Маргарита меня не удерживали.

Не хочу вспоминать о томъ какъ я уѣзжала отъ Сосновскихъ, какъ прощалась : мнѣ было гадко, гадко. Только оставшись одна на пароходѣ я нѣсколько успокоилась. Въ послѣдній разъ взглянула я на этотъ домъ, куда прежде входила съ радостнымъ чувствомъ, гдѣ погибло для меня все что было въ жизни дорогого, и сердце мое разрывалось ; мнѣ было невыносимо тяжело. Я отвернулась къ борту парохода, чтобъ скрыть свою тоску отъ постороннихъ, и наклонясь надъ водой нѣсколько времени сидѣла уничтоженная, подавленная горемъ... Мало-помалу всѣ мои грустные мысли успокоились. Я подняла голову. На сердцѣ у меня была тишина ; я чувствовала довольно силы, чтобъ забыть всѣ огорченія ; предчувствіе чего-то лучшаго охватило мою душу. Я смотрѣла вдаль съ какимъ-то суевѣрнымъ ожиданіемъ, нечувствуя прежней гнетущей печали ; въ душѣ у меня былъ вопросъ, котораго разрѣшенія я ждала съ тревожной душой, но ничего мнѣ не отвѣтила мутная волнующаяся даль.

Августа 15.

Нехорошо, все нехорошо. Мать ужасно разстроена, отчимъ едва показывается дома. Даровъ сказалъ мнѣ, что Владиміръ Ива-

нычь очень задолжалъ Оглоблину, съ которымъ они вмѣстѣ кутили, и будто Оглоблинъ грозитъ отчиму долговымъ отблєніемъ. У матери видно совсѣмъ опустили руки отъ такого горя. Да неужели-жъ нельзя помочь! Нѣсколько разъ пыталась я заговаривать съ матерью объ этомъ дѣлѣ съ цѣлью ободрить, посоветовать предпринять что-нибудь. Она разсердилась, что я вмѣшиваюсь и не хотѣла говорить. Отчего-жъ она не говоритъ со мной? Развѣ я этого не стою? Развѣ я не могу принять участіе въ семейномъ горѣ или я такъ слаба, что не вынесу? Но лучше ли мнѣ теперь? Я просто сама не своя и не знаю что дѣлать.

Сентября 12.

Давно я небралась за эту тетрадку, а между тѣмъ сколько событий; да не до того мнѣ было. Вотъ уже двѣ недѣли какъ я невѣста. Это случилось внезапно и помимо моего желанія; мое участіе здѣсь, какъ во всемъ что около меня происходитъ, было пассивно. Разъ какъ-то вечеромъ Владиміръ Иванычъ пришолъ въ мою комнату и просилъ меня къ чаю. Онъ былъ веселъ и любезно шутилъ со мною, совѣтовалъ поправить туалетъ, говоря, что есть очень интересный гость, котораго имя однако-жъ не сказалъ. Гость этотъ былъ его пріятель Оглоблинъ; онъ сидѣлъ за чайнымъ столомъ подлѣ матери и очень интимно съ ней разговаривалъ. При моемъ приходѣ Оглоблинъ засуетился, отыскивая для меня стулъ и вообще выказалъ такъ много вниманія ко мнѣ, что это меня удивило. Послѣ чая я хотѣла идти въ свою комнату, но отчимъ удержалъ меня; онъ съ упрекомъ замѣтилъ, что я такъ часто удаляюсь ихъ общества, какъ-будто не считаю ихъ хорошими родными, которые желаютъ мнѣ всего лучшаго. Я осталась. Оглоблинъ былъ необыкновенно любезенъ со мною и какъ-то особенно взглядывалъ на меня; на губахъ его, когда онъ ко мнѣ обращался, являлась лукавая и вмѣстѣ снисходительная улыбка. Мать была ласкова съ Оглоблинымъ и очень терпѣливо выслушивала его плоскія шутки. Владиміръ Иванычъ посмѣивался и самодовольно поглядывалъ на всѣхъ. Гость скоро однако-жъ уѣхалъ; Владиміръ Иванычъ отправился его провожать. Я только-что пришла въ свою комнату, какъ ко мнѣ явилась мать и сказала, что желаетъ говорить со мной объ очень серьезномъ дѣлѣ.

— Оглоблинъ поручилъ мнѣ передать тебѣ, что онъ проситъ твоей руки, сказала она, смотря на меня испытующимъ взглядомъ.

Это извѣстіе подѣйствовало на меня неприятно, хотя я почти ожидала его.

— Объ этомъ нечего говорить, сказала я едва сдерживая досаду. Вы знаете что это за человекъ и какое мое мнѣніе о немъ.

— Знаю, сказала мать : — я этого ожидала, но Оглобинъ меня просилъ и я должна была передать тебѣ. Кромѣ того, я какъ мать, обязана позаботиться, и потому рѣшилась совѣтовать тебѣ посерьознѣе обдумать это предложеніе. Конечно, ты можешь поступать по своему усмотрѣнію, но размыслить хорошенько не мѣшаетъ; въ такихъ дѣлахъ нужно спокойствіе и разсудительность, нужно отбросить нѣкоторыя идеи и уступить обстоятельствамъ. Это дѣло цѣлой жизни, а она тяжела, Аля. И мать съ непритворнымъ чувствомъ вздохнула.

— Теперь пока мы съ Владиміромъ Ивановичемъ живы, продолжала мать : — ты молода, хороша собой, образована, въ обществѣ встрѣчаешь честь, заботъ никакихъ не знаешь, естественно, что такая жизнь тебѣ приятна; ты не желашь перемѣны; въ жизни замужней женщины много скучнаго, прозаическаго. Но не всегда ты будешь жить такъ какъ теперь; вдругъ случится какое-нибудь несчастіе: умру я или Владиміръ Ивановичъ, близкихъ родственниковъ у насъ нѣтъ, что съ тобой будетъ? куда ты пойдешь? Подумала ли ты объ этомъ?

— Что бы ни было, но я не могу поступать противъ совѣсти.

— Противъ совѣсти, повторила мать вспыхнувъ : — кчему эти фразы въ серьезныхъ дѣлахъ? Ты судишь какъ ребенокъ. Можно ли быть такъ непрактичной!

— Я не завидую вашей практичности, сказала я съ увлеченіемъ.

Мать долго молчала, она была въ большомъ затрудненіи и не знала что дѣлать, какъ говорить.

— Аля, сказала она наконецъ : — вѣдь тебѣ все равно, ты никого не любишь. Отчего тебѣ не выйти за Оглобина? Онъ добръ, богатъ и вѣрно будетъ любить тебя; ты будешь независима. Сдѣлай же это для меня; вѣдь я желаю тебѣ добра, какъ никто; я мать тебѣ. Подумай, какихъ ты стоила заботъ, страданій.

По мѣрѣ того какъ она это говорила, глаза ея разгорались, щѣки краснѣли, досада и жолчь сказывались въ каждомъ словѣ, въ звукѣ голоса; горькія слова лились быстро, неожиданно: видно было, что она отдалась потоку накопившихъ мыслей безсознательно. Слова ея больно отзывались въ моемъ сердцѣ, но я не колебалась отказомъ.

— Я не могу! сказала я: — и прошу васъ никогда не говорить мнѣ объ этомъ.

— Это твое послѣднее слово, Аля?

— Послѣднее.

— А еслибъ отъ этого зависѣло счастье всей моей жизни, состояніе, честь, ты и тогда не согласилась бы?

Меня охватило холодомъ отъ этихъ словъ.

— Такъ знай же, что это такъ! сказала мать: — мы лишились послѣднихъ средствъ и если ты не выйдешь за Оглобина, мы — нищіе.

Меня точно что-то ударило по головѣ; мысли мои помутились.

— Ну что, говори, продолжала мать шопотомъ, съ сверкающими глазами: — ты и теперь не соглашаешься быть женой Оглобина.

— Нѣтъ! сказала я твердо.

Мать была поражена этимъ отвѣтомъ. Она все еще сидѣла уставивъ на меня неподвижный взглядъ, будто не сознавая слышаннаго; наконецъ ея покраснѣвшія щоки покрылись страшной блѣдностью, жилки въ вискахъ перестали биться такъ сильно.

— Поди отсюда вонъ! сказала она громко и внятно: — ты не дочь моя.

Я стояла какъ вкопанная, не сводя съ нея глазъ.

— Ты слышала, повторила мать гнѣвно: — поди вонъ изъ моего дома.

Ужась овладѣлъ мною при этихъ словахъ, но я рѣшилась не поддаваться, и послѣдствія этой страшной рѣшимости во всей своей потрясающей правдѣ представились моему воображенію; я вздрогнула, но не колебалась и твердо вышла изъ комнаты. Я тотчасъ отправилась къ Дарову и рассказала ему все. Даровъ былъ пораженъ. Онъ долго ходилъ по комнатѣ, обдумывая что дѣлать; должно быть не веселыя мысли проходили въ его головѣ.

— Аля, сказалъ онъ наконецъ: — вы слишкомъ погорячились и поступили необдуманно.

Я вспыхнула и даже повернулась на мѣстѣ, но не сказала ни слова и продолжала пристально смотрѣть на Дарова.

— Наталья Яковлевна погорячилась. Неужели вы думаете, что она въ состояніи исполнить свою угрозу; вѣдь она мать ваша.

— Что вы хотите этимъ сказать? спросила я.

— То, что она не может желать вамъ худого и вы напрасно ее обвиняете, не разъяснивъ дѣла; тутъ есть какое-нибудь недоразумѣніе. Наталья Яковлевна, я увѣренъ, хлопочетъ для вашего же счастья, но она ошибается, потому что мало васъ знаетъ, и вы сами въ этомъ виноваты: вы никогда не хотѣли съ ней сблизиться.

— Боже мой, Боже мой, что онъ говоритъ! вырвалось у меня.

— Вы должны во что бы то ни стало помириться съ матерью, продолжалъ Даровъ не слушая меня: — вы обязаны помириться, это единственный исходъ. К чему вызываться на скандалъ? не лучше ли потерпѣть, подождать, уступить сколько можно, чѣмъ распинаться.

— И вы... вы это говорите? сказала я не въ силахъ болѣе скрывать негодованія и печали.

— Я увѣренъ, продолжалъ Даровъ: — что мать ваша одумается и раскается; она будетъ рада помириться съ вами; вы не знаете какъ она васъ любитъ. Пожалуйте ее. Если вы первая не протянете ей руки, она не сдѣлаетъ этого, но разрывъ съ вами убьетъ ее.

Онъ долго еще убѣждалъ меня. Я слушала опустивъ глаза и склонивъ голову; слезы медленно катились у меня изъ глазъ.

— Довольно, сказала я наконецъ. Подите, скажите матери, что я на все согласна.

Даровъ остолбенѣлъ.

— Зачѣмъ же крайности, сказалъ онъ: — неужели нѣтъ другого исхода.

Я ничего не сказала на это.

— А если нѣтъ, сказалъ онъ послѣ короткаго молчанія: — такъ ужъ лучше бросить все и уйти куда-нибудь.

— Я прошу васъ идти къ матери и передать ей мое рѣшеніе, сказала я настойчиво.

— Аля, какъ же это. Неужели вы рѣшаетесь? Я не могу этого допустить.

Я невольно улыбнулась.

— Подите, сказала я.

Онъ пошолъ. Я осталась одна. Я долго думала, силясь уяснить себѣ происшедшее: все что случилось со мной въ этотъ день, было такъ неожиданно, такъ невѣроятно; я думала не больна ли я, не помѣшалась ли. Но дѣйствительность была такъ осязательно ясна; я услышала голоса матери и Дарова около дверей комнаты, въ которой сидѣла, и почувствовала какъ щоки мои вспыхнули и брови

судорожно сдвинулись. Я закрыла лицо руками, чтоб скрыться от ужасной мысли, но она стояла въ головѣ; чувство негодованія и стыда душили меня. Миръ между мной и матерью былъ заключонъ, положено было на другой же день сдѣлать парадный сговоръ. Я дурно спала эту ночь, и еще хуже почувствовала себя, когда на другой день сознательно и обдуманно взглянула на случившееся. Я много плакала въ этотъ день и не знала какъ пережить его. Бѣдная, я не думала какъ много горькаго впереди.

А. С ВА

ПОСЛАНІЕ КЪ ОСНОВЬЯНЕНКЪ

(изъ Шевченко)

Бьютъ пороги; мѣсяцъ всходитъ —
Всходитъ, какъ бывало...
Нѣту Сѣчи, нѣтъ гетмановъ —
Все на вѣкъ пропало!
Нѣту Сѣчи! Днѣпръ широкій
Камыши пытаются:
«Гдѣ-то, гдѣ-то наши дѣти?
«Гдѣ они гуляютъ?»
Стонетъ чайка, словно дѣтокъ
Ищетъ, призываетъ;
Солнце свѣтитъ; вольной стенью
Вѣтеръ пробѣгаетъ.
А въ той степи длиннымъ рядомъ
Высятся могилы,
И пытаются буйный вѣтеръ,
Тихи и увывы:
«Гдѣ-то наши, гдѣ гуляютъ?
«Время воротиться!
«Воротитесь! поглядите,
«Жито колосится,
«Гдѣ паслися ваши кони,
«Гдѣ трава шумѣла
«И гдѣ моремъ разливаннымъ
«Вражья кровь алѣла...
«Воротитесь!..»
Врагъ смѣется:
Лишь ему забава...
Смѣйся! пусть погибла воля —
Не погибаетъ слава!

Не погибнетъ, а раскажетъ
 Чтò творилось въ свѣтѣ,
 Чья тутъ правда, чья неправда,
 Скажетъ чья мы дѣти.
 Наша дума, наша пѣсня
 Не умретъ случайно...
 Вотъ гдѣ, люди, ваша слава,
 Слава всей Украйны!
 Нѣтъ въ ней золота, каменьевъ,
 Ничего такого,
 А громкò, святò, правдива,
 Какъ господне слово.
 Такъ ли, другъ ты мой желанный?
 Правду ль говорю я?
 Эхъ, когда бѣ!.. да голосъ рвется...
 Да и что скажу я?..
 Все кругомъ чужіе люди,
 Не спѣшать съ привѣтомъ...
 «Не кручинься!» можетъ скажешь,
 Да что проку въ эгомъ?
 Осмѣютъ псаломъ тотъ люди,
 Вылитый слезами,
 Осмѣютъ. Орелъ мой сизый,
 Тяжко жить съ врагами!
 Поборолся бы я съ ними,
 Лишь была бы сила,
 И запѣлъ бы — былъ и голосъ —
 Да судьба сломила.
 Вотъ въ чемъ горе, другъ мой милый!..
 И бреду я снова
 По сугробамъ, ла мурлычу:
 «Не шуми дуброва».
 Вотъ и все тутъ. У тебя же
 Голосъ, полонъ силы,
 Всѣ тебя и чтуть и любятъ:
 Пой имъ про могилы,
 Про казацкія могилы:
 Какъ ихъ насыпали,
 И давно ли, и кого въ нихъ
 Хоронили — клали.
 Пой про старь, про то что было —
 Было, миновало...

Пой, орелъ мой, чтобъ на свѣтъ
Все живое знало,
Цѣлый свѣтъ, за что Украина
Много такъ терпѣла;
Отчего казачья слава
Свѣтъ весь облетѣла.
Пой, орелъ мой! пусть западу,
Не скоронишь тайну:
Пусть хоть разъ еще увижу
Я свою Украину,
Пусть хоть разъ еще услышу,
Какъ играетъ море,
Какъ поетъ душа-дѣвица
Про свое про горе;
Пусть хоть разъ еще забьется,
Сердце сердцу скажетъ,
И тогда въ чужую землю
Пусть навѣки ляжетъ,

И. ГЕРВЕЛЬ

4 марта 1863 г.

ВЕЩЕСТВО

ПО УЧЕНІЮ МАТЕРІАЛИСТОВЪ

Das Dunkelste aller Dinge, ja das Dunkel selbst nach Einigen, ist die Materie.

SCHELLING.

I

Нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ признаніе какихъ-нибудь мнѣній, какого-нибудь сужденія, даже цѣлаго ученія — нелѣпостью. Обвиненія въ нелѣпости разсыпаются щедро и безъ, особенныхъ затрудненій. На первый взглядъ тутъ нѣтъ ничего особеннаго; мы всѣ стремимся къ истинѣ, любимъ одну чистую, голую истину, слѣдовательно всякое отступленіе отъ нея необходимо считасмъ и называсмъ нелѣпостію. Но въ чемъ состоитъ истина? Вопросъ, какъ извѣстно, старинный и трудный. Легко замѣтить, что указаніе нелѣпостей, хотя составляетъ одинъ изъ простѣйшихъ и употребительнѣйшихъ пріемовъ ума, почти никогда не удерживается въ надлежащихъ границахъ; чаще же всего представляетъ явленіе ненормальное, уродливое. На самомъ дѣлѣ, какъ бы важенъ ни былъ обсуждаемый предметъ, какъ бы велико ни было имя дѣятеля или мыслителя, какое бы огромное историческое значеніе ни принадлежало явленію, есть умы, которые съ величайшею легкостію готовы объявить все это нелѣпостію. Изобиліе нелѣпостей въ мірѣ, въ которомъ мы живемъ, стало даже ходячею истинною, ежедневною поговоркою. Человѣку свойственно ошибаться; человѣческій умъ сперва надѣлаетъ тысячу ошибокъ и только потомъ попадетъ на вѣрную дорогу, и т. д. Вотъ обыкновенныя рѣчи. На нихъ основанъ тотъ легкомысленный скептицизмъ, то равнодушіе къ явленіямъ умственного міра, которое такъ часто встрѣчается между

образованными людьми. Попытки ума кажутся имъ рядомъ ошибокъ и заблужденій, и желая обладать только *чистою* истинною, они готовы отказаться отъ всякихъ усилий, отъ всякой умственной дѣятельности.

Тотъ же взглядъ, то же расположеніе ума нерѣдко господствуетъ и въ горячей борьбѣ, которую иногда ведутъ люди, проникнутые какими-нибудь убѣжденіями; они бьютъ направо и налево; всюду видятъ противорѣчіе, неослѣдовательность, самыя грубыя уклоненія отъ очевиднѣйшей логики. Такое настроеніе мыслей доходитъ иногда до чудовищныхъ размѣровъ; при восприимчивости и подвижности ума случается, что чего бы онъ ни коснулся, все такъ и закишитъ нелѣпостями. Нерѣдко подобное занятіе дѣлается постояннымъ вкусомъ и люди находятъ удовольствіе въ томъ, чтобы всюду отыскивать нелѣпости и самыя простыя и ясныя вещи подводить подъ форму противорѣчій и несообразностей.

Исторія наукъ также обильна примѣрами неправильныхъ обвиненій въ нелѣпостяхъ. Нерѣдко наука презрительно смотритъ на все свое прошедшее; она судитъ его на основаніи своихъ настоящихъ познаній, своихъ настоящихъ пріемовъ и результатовъ и потому находитъ въ немъ безчисленные поводы къ осужденію и очень рѣдкіе къ похвалѣ. Многие чрезвычайно простодушно довѣряютъ въ этомъ случаѣ такому пониманію истины; они считаютъ за вѣрную только послѣднюю книгу, послѣдній трактатъ науки; старая книга считается негодною, бесполезною, наполненною устарѣлыми и ошибочными понятіями. При этомъ они забываютъ, что чѣмъ тверже они держатся *новѣйшаго*, тѣмъ дальше они отъ прочнаго, дѣйствительнаго познанія, потому что тѣмъ скорѣе ихъ познанія сами переходятъ въ область устарѣлыхъ, неточныхъ и невѣрныхъ.

Любопытный случай недовѣрія къ человѣческому уму представился у насъ лѣтъ десять тому назадъ. Графъ С. С. Уваровъ написалъ небольшое сочиненіе подъ заглавіемъ: *Достовѣрны ли становится исторія?* Его мысль была та, что едва ли съ теченіемъ времени исторія не потеряетъ своей достовѣрности. Исходя изъ того убѣжденія, что исторія и въ настоящее время представляетъ множество нерѣшенныхъ вопросовъ, неточныхъ и ложныхъ показаній, авторъ указывалъ, что разнообразіе партій, ихъ горячая борьба въ печати и тому подобныя обстоятельства увеличиваютъ до безконечности разнорѣчіе и фальшивость свидѣтельствъ и спрашивалъ, какимъ образомъ историкъ можетъ выпутаться изъ этого хаоса и достигнуть истины?

Очевидно къ подобному вопросу могла привести только увѣренность, что ошибка и заблужденіе — постоянный удѣлъ историка, и

что следовательно, чѣмъ больше и чѣмъ сложнѣе его матерьялъ, тѣмъ больше онъ надѣлаетъ невѣрностей. Но предположите только, что историкъ прежде всего есть существо, способное открывать истину, что онъ имѣетъ силу извлекать ее изъ даннаго ему матерьяла, и умѣетъ цѣнить самый матерьялъ, какъ болѣе или менѣе ясное проявленіе истины. Тогда очевидно на оборотъ, чѣмъ обильнѣе эпоха проявленіями всякаго рода, тѣмъ точнѣе и отчетливѣе можетъ быть взглядъ историка.

Вообще можно замѣтить, что подобный скептицизмъ, увѣренность въ силѣ лжи и неслѣпости грѣшать противъ надлежащаго взгляда на міръ, на нашу человѣческую жизнь. На самомъ дѣлѣ, что такое неслѣпость? Это понятіе всего опредѣленнѣе формулируется и поясняется примѣрами въ математикѣ, гдѣ оно дѣйствительно сохраняетъ свое надлежащее значеніе. Нелѣпость — есть явное противорѣчіе; утверженіе напримѣръ, что одна величина въ то же время и меньше и больше другой. Нелѣпость — есть бессмыслица, мысль, которую невозможно мыслить. Если же такъ, то давать нелѣпостямъ значеніе въ умственной дѣятельности человѣка значить унижать умъ. Предполагать всюду несообразности и противорѣчія значить представлять себѣ міръ хаосомъ, гдѣ ни въ чемъ нельзя найти никакого смысла. Подобное воззрѣніе противно самой сущности ума, потому что онъ ищетъ смысла и значенія въ явленіяхъ, а не бессмыслицы. Если хотите, нелѣпостей множество въ мірѣ, но онѣ не имѣютъ никакой важности, ничего интереснаго, ничего глубокаго для нашего ума. Такъ математика не занимается отысканіемъ нелѣпостей, не опредѣляетъ и не изучаетъ ихъ; она есть свѣтлая область, и указывая на границу нелѣпостей, она никогда не переходитъ за нее. Если нашъ міръ, исторія человѣчества, исторія наукъ заслуживаютъ изученія, то и они также должны лежать въ границахъ свѣтлаго пространства. Тѣ, которыхъ умъ, прикасаясь къ предметамъ, распространяетъ на нихъ мракъ, ничего этимъ не выигрываютъ, потому что во тьмѣ имъ нельзя ничего видѣть. Тьма дѣлаетъ все предметы равно ничтожными, равно безцвѣтными и незначительными. Если же они однакоже различаютъ формы и цвѣта, если судятъ о величинѣ и объ отношеніи предметовъ, то это значить, что есть свѣтъ, есть смыслъ въ этихъ явленіяхъ и зрители напрасно утверждаютъ, что ихъ тусклое зрѣніе находить всюду одну тьму.

Чѣмъ уже, чѣмъ одностороннѣе чьи-нибудь убѣжденія, тѣмъ больше нелѣпостей онъ находитъ въ мірѣ; немногія мысли, немногія книги, согласныя съ ними, онъ считаетъ единственнымъ свѣтомъ истины и все другое признаетъ вздоромъ, такъ что большею

частью, укоряя въ нелѣпости другихъ, онъ самъ совершаетъ нелѣпость.

Припомню здѣсь удивительныя слова Лейбница, которыя такъ характеризуютъ его и вмѣстѣ должны быть правиломъ для каждаго мыслителя. «Я нашолъ,» говоритъ онъ, «что большая часть учевій почти всегда справедливы въ томъ что они утверждаютъ, и ошибаются въ томъ что отрицаютъ,» т.-е. въ томъ что признаютъ нелѣпымъ. Въ этихъ словахъ ясно выражается то всеобъемлющее глубокомысліе, которымъ отличается Лейбницъ. Обыкновенно судятъ на оборотъ; умными признаются люди, которымъ нравится отрицаніе, а не утвержденіе, которые во всемъ сумѣютъ найти нелѣпую сторону, которые очень многое бранятъ и ничего не хвалятъ.

Предыдущія замѣчанія могутъ отчасти уяснить приемы настоящей статьи. Предметъ ея есть ученіе матеріалистовъ о веществѣ и цѣль — опроверженіе нѣкоторыхъ матеріалистическихъ взглядовъ.

Что нынѣ много матеріалистовъ, что матеріализмъ приобрѣлъ въ настоящее время большую силу, это всѣмъ извѣстно. Слѣдовательно предметъ интересный, и если можно опровергать матеріализмъ, то-есть если онъ на самомъ дѣлѣ есть взглядъ невѣрный, если само въ себѣ это ученіе ошибочно, то и *должно* его опровергать. Но подъ *опроверженіемъ* разумѣютъ обыкновенно совсѣмъ не то что имѣетъ въ виду настоящая статья. Опровергать обыкновенно значитъ привести къ нелѣпостямъ, указать несообразности и противорѣчія, выставить противниковъ въ самомъ темномъ цвѣтѣ, какой только возможенъ. Между-тѣмъ такого рода опроверженіе очевидно не можетъ имѣть большой силы и большого значенія. Матеріализмъ конечно представляетъ множество нелѣпостей, но подбирать ихъ и настаивать на нихъ есть дѣло не стоящее труда, потому что очевидно онъ не на нихъ держится, не ими питается; сила его должна заключаться въ чемъ-нибудь разумномъ, въ какихъ-нибудь правильныхъ требованіяхъ ума и слѣдовательно на эти основанія, на глубочайшіе его корни должно обратить все вниманіе. Итакъ прежде всего нужно признать, что матеріализмъ не есть нелѣпость; нужно постараться понять въ чемъ заключается его дѣйствительная сила и только потомъ можно будетъ сдѣлать надлежащую его оцѣнку. Наилучшее опроверженіе всегда то, при которомъ противнику отдается наибольшая справедливость.

Нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ уклоненіе отъ такихъ правилъ. Въ полемикѣ дѣло чаще всего состоитъ не въ томъ, чтобы понять противника, но въ томъ, чтобы *исказать* его. Повинать вообще стараются очень мало; въ этомъ отношеніи матеріалисты ви-

новаты больше, чѣмъ кто-нибудь другой. Философскихъ выводовъ они не только не стараются понять, но даже отвергаютъ ихъ на томъ самомъ основаніи, что ихъ непонимаютъ; просто говорятъ: «это все вздоръ, туманная философія, гегельщина!» и тѣмъ дѣло и кончается.

Матеріалисты должны знать, что обратно философія не признаетъ матеріализма вздоромъ и что слѣдовательно, если она отвергаетъ его, то ея отверженіе имѣетъ полную силу, непрерываемое значеніе. Философія знаетъ матеріализмъ, матеріалисты же не знаютъ философіи; слѣдовательно философія можетъ судить о матеріализмѣ, а матеріалисты не имѣютъ права говорить о предметѣ для нихъ незнакомомъ.

Даже для того, чтобы понять матеріализмъ во всей его силѣ и глубинѣ, необходима помощь философіи. Матеріализмъ, какъ легко замѣтить, отличается отъ настоящихъ философскихъ системъ своею *безсознательностію*. Онъ не отдаетъ самъ себѣ отчета въ своихъ основаніяхъ и приемахъ, онъ зараждается въ умахъ нѣкотораго рода произвольнымъ зарожденіемъ и представляетъ массу мнѣній, которыхъ внутренняя связь не извѣстна самимъ обладателямъ ихъ. Поэтому существуетъ безчисленное множество матеріалистовъ, но великихъ матеріалистовъ нѣтъ; опровергая матеріализмъ, нельзя ни на кого сослаться, какъ на полнаго представителя системы.

Такимъ образомъ систему матеріализма приходится строить самимъ философамъ; они должны отыскать его исходную точку, должны прослѣдить всѣ выводы изъ главнаго начала и должны опредѣлить что послѣдовательно въ утвержденіяхъ матеріалистовъ и въ какихъ случаяхъ они впадаютъ въ непослѣдовательность.

Для того, чтобы убѣдить заранѣе въ необходимости такихъ приемовъ, я приведу здѣсь примѣръ Бюхнера, на котораго вообще буду обращать особенное вниманіе, какъ на одну изъ великихъ знаменитостей въ своей школѣ, хотя подобная знаменитость какъ нарочно не служить школѣ особенною честью.

Извѣстно, что послѣдовательный матеріализмъ приводитъ къ атомистической теоріи вещества; мы постараемся показать это дальше, и дѣйствительно большая часть матеріалистовъ — атомисты. Между тѣмъ Бюхнеръ повидимому не держится атомизма. Онъ говоритъ: (*Kraft und Stoff*, S. 19) «слово атомъ есть только выраженіе для неизбѣжнаго для насъ представленія, которое мы сами налагаемъ на вещество.» Итакъ атомы суть наше представленіе и слѣдовательно въ дѣйствительности, на самомъ дѣлѣ не существуютъ. Поэтому можно бы подумать, что мы имѣемъ дѣло съ

матеріалістомъ, который сознательно пошолъ дальше атомистической теоріи и понимаетъ вещество не въ видѣ атомовъ, а какъ-нибудь иначе. Между-тѣмъ ни чуть не бывало; эта фраза, повидному столь важная, очевидно попала въ книгу случайно и навѣяна была спорами объ атомизмѣ, о которыхъ не могъ же Бюхнеръ не знать совершенно.

На самомъ дѣлѣ тамъ же, на той же страницѣ и даже тотчасъ за приведенною фразою, объ атомахъ говорится, какъ о чемъ-то дѣйствительно существующемъ. «Мы не имѣемъ,» говоритъ Бюхнеръ, «никакого дѣйствительнаго понятія о той вещи, которую называемъ атомомъ; мы ничего не знаемъ о его величинѣ, формѣ, составѣ и проч.»

Чрезвычайно странно, что Бюхнеръ задумывается надъ *составомъ* (Zusammensetzung) атомовъ. Все состоитъ изъ атомовъ, но атомы по самому ихъ понятію не могутъ быть чѣмъ-то составнымъ. Но если онъ ѣ не знаетъ какую величину и какую форму имѣютъ атомы, то все-таки онъ вмѣстѣ съ этимъ признаетъ, что эти вещи имѣютъ *нѣкоторую* величину и *нѣкоторую* форму и слѣдовательно признаетъ, что атомы существуютъ.

Дѣйствительно вся его книга написана атомистическимъ языкомъ. Такъ, говоря о неуничтожаемости вещества (стр. 11), Бюхнеръ объясняетъ, что въ тѣлѣ человѣка «атомы смѣняются, и только ихъ сложеніе остается то же. Самые же атомы неизмѣнны, неразрушимы: нынче въ этомъ, завтра въ другомъ соединеніи, они различнымъ своимъ расположеніемъ образуютъ безчисленныя формы.»

Какой смыслъ можетъ имѣть это мѣсто, если атомы признаются несуществующими? Если атомовъ нѣтъ, то нѣтъ никакого *мемънаго* вещества; если атомовъ нѣтъ, то что же значить ихъ *различное расположеніе*? Между-тѣмъ Бюхнеръ нѣсколько разъ повторяетъ, что матерія бесконечно дѣльна и даже впадаетъ по этому случаю въ совершенно неправильныя толкованія о микроскопическихъ организамахъ. Противу самыхъ твердыхъ убѣжденій натуралистовъ, онъ утверждаетъ, что микроскопическія животныя имѣютъ сложную и тонкую организацію, что у нихъ такія же отправления, какъ и у высшихъ животныхъ; что вообще они *живутъ, какъ и всѣ другія животныя* (стр. 17 и 18).

Непоследовательность Бюхнера идетъ въ другомъ случаѣ еще дальше. Матеріалізмъ, непризнающій атомовъ, повидному еще дѣло возможное; но что вы скажете о матеріалізмѣ, отвергающемъ существованіе *матеріи* и *силъ*? А это именно дѣлаетъ Бюхнеръ. На первой же страницѣ своего сочиненія онъ приводитъ, какъ не осно-

рину ю истину, какъ священнѣйшій текстъ, слова великаго физиолога нашего времени, Дюбуа-Реймона. Вотъ эти слова: «Если идти до конца, то легко убѣдиться, что ни вещество, ни силы не существуютъ. И то и другое суть отвлеченія, взятые съ разныхъ точекъ зрѣнiя отъ вещей, какъ они суть на самомъ дѣлѣ.»

Бюхнеръ очевидно признаетъ справедливость этихъ словъ; онъ даже пробуетъ потомъ собственными выраженiями изъяснить тоже положенiе. Но если такъ, если сила и вещество суть отвлеченiя, если они на самомъ дѣлѣ не существуютъ, то что же дѣйствительно существуетъ? Отвѣта на этотъ правильный вопросъ нельзя найти въ цѣлой книгѣ Бюхнера. На первый разъ нельзя не удивляться странному материализму, который отвергаетъ и атомы и силы и самое вещество. Но при некоторомъ вниманiи дѣло легко объясняется. Бюхнеръ, несмотря на всѣ декламации противъ авторитетовъ и слѣпой вѣры, очевидно очень подчиняется авторитетамъ; сослаться на такого ученаго, какъ Дюбуа-Реймонъ, было и очень лестно и почти необходимо, и Бюхнеръ, не попявъ хорошенько его словъ, вообразилъ, что можетъ привести ихъ въ свою пользу. На самомъ же дѣлѣ цѣлая книга наполнена выраженiями, по которымъ ясно, что и силы и вещество признаются Бюхнеромъ дѣйствительно существующими. Такъ въ самой попыткѣ объяснить слова Дюбуа-Реймона, онъ говоритъ, что *тѣло, безъ силъ, безъ притяженiя между частицами распалось бы въ безформенное ничто*. Ничто! какая странная неточность! Совершенно ясно, что хотя бы частицы составили и нѣчто безформенное, неосознаемое, неуловимое, все-таки это будетъ *нѣчто*, а не *ничто*. Все-таки это будетъ вещество и очевидно Бюхнеръ неумѣетъ отдѣлаться отъ него, не въ силахъ представить его несуществующимъ.

Въ этихъ ошибкахъ Бюхнера, касающихся самыхъ существенныхъ точекъ материализма, нельзя не видѣть крайней непоследовательности. Очевидно Бюхнеру не хотѣлось отстать отъ значительныхъ людей, которые въ томъ или другомъ отношенiи уже замѣтили несостоятельность материализма и онъ пустился вслѣдъ за ними, не замѣчая самъ куда это приведетъ его.

Итакъ Бюхнеру невозможно довѣряться при изложенiи ученiя материалистовъ. Мы потеряли бы напрасно время, еслибы стали заниматься всѣми несообразностями, которыя попадаютъ въ его книгу, или которыя можно бы было найти въ книгахъ другихъ материалистовъ. Они рѣдко отличаются систематическою строгостiю, рѣдко выражаютъ свои мнѣнiя съ надлежащею точностiю, и даже часто укрываются отъ возраженiй въ темноту и неопредѣленность собственныхъ мыслей. Иной материалистъ въ свое *вещество* вла-

гастъ такія принадлежности и такія движенія, что намощь его шещство больше похоже на духъ, чѣмъ на шещство.

Между тѣмъ принимаясь сами строить матеріализмъ, стараюсь найти самый глубокой его корень, самую дальнюю исходную точку, мы очевидно придадимъ ему всю ту силу, какую онъ можетъ имѣть. Если онъ дѣйствительно имѣеть глубокое основаніе, то онъ долженъ обнаружиться въ явленіяхъ болѣе обширныхъ и болѣе значительныхъ, чѣмъ на примѣръ книга Бюхнера, или другая подобная. Нашедши это основаніе, мы въ состояніи будемъ слѣдовать за его проявленіями тамъ, гдѣ можетъ-быть его не предпологали, и сумѣемъ также отличить то что не принадлежитъ ему у писателей явно матеріалистическихъ.

Разсматривая матеріализмъ такимъ образомъ, мы убѣдимся на примѣръ, что главные его зачатки едвали не должны быть приписаны родоначальнику новой философіи, Декарту, бывшему вѣдетѣ великимъ натуралистомъ и математикомъ⁽¹⁾. Потомъ матеріалистическое направленіе можно будетъ указать въ цѣломъ ряду великихъ ученыхъ и гениевъ до послѣднихъ временъ. Такъ на примѣръ Ньютонъ, столь извѣстный своимъ благочестіемъ, во складу своего ума принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ явленіямъ матеріалистическаго мышленія.

II

Для того, чтобы найти исходную точку матеріализма, можно сослаться на обыкновенное мнѣніе, что матеріализмъ опирается на результаты естественныхъ наукъ, и на тотъ дѣйствительный фактъ, что изученіе этихъ наукъ располагаетъ къ принатію матеріалистическихъ убѣжденій. Самая книжка Бюхнера все свое значеніе получаетъ отъ того, что представляетъ не болѣе, какъ *изложеніе результатовъ естественныхъ наукъ въ матеріалистическомъ смыслѣ*.

Что касается до мнѣнія, будто бы матеріализмъ есть прямое и необходимое слѣдствіе изслѣдованій натуралистовъ, то безъ всякаго сомнѣнія оно несправедливо. Для этого достаточно указать на многихъ великихъ натуралистовъ, которые не были матеріалистами. Декартъ, Ньютонъ, Кювье могутъ служить примѣромъ. Но, что го-

(1) На это жаловался уже Вольтеръ. «Я зналъ, говорятъ онъ, многихъ, которые были приведены картезіанизмомъ къ отричанію всякаго божества, кромѣ безконечной совокупности вещей; напротивъ нѣтъ ньютоніанца, который бы не былъ строгимъ теистомъ». *Elem. de Philos.* 1 Part. Chap. 1.

раздо важнѣе, въ этомъ мѣнѣи очевидно неправильно понимается отношеніе наукъ къ философіи. Никакая частная наука не можетъ дать въ результатѣ общаго взгляда на міръ, общей системы существующаго хотя никакая наука въ глубокихъ своихъ основаніяхъ не можетъ противорѣчить истинному міросозерданію.

Наука — дѣло святое, одна изъ величайшихъ святынь нашего времени. Не даромъ имя ея такъ часто употребляется всуе. Но если мы дѣйствительно признаемъ ея святость, то должны помнить, что стремленіе и развитіе каждой науки есть нѣчто глубокое и непроницаемое. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить тѣ страшныя усилія ума, которыхъ требуетъ каждая наука въ надлежащемъ своемъ смыслѣ. Мы называемъ геніями, посланниками свыше тѣхъ, кто успѣетъ подвинуть ее впередъ. И въ самомъ дѣлѣ — какъ узнаютъ они эти таинственные пути, эти свободныя пространства, недоступныя обыкновенному взору? Большею частію ученые стоятъ ниже современнаго имъ состоянія своей науки и новый духъ въ ней вѣетъ *тамъ, гдѣ хочетъ*. Науки суть самостоятельныя организмы, полныя глубокаго внутренняго могущества; дѣятельность человѣческаго ума въ каждой изъ нихъ ничѣмъ не стѣсняется и неограничивается и вмѣстѣ проистекаетъ изъ самой глубины ума.

Но поэтому самому жестоко ошибутся тѣ, которые вообразятъ науку оконченною, которые вздумаютъ искать въ ней готовыхъ, определенныхъ результатовъ, разрѣшающихъ общіе вопросы, какіе имъ вздумается предложить. Пока наука еще не готова во всей ея цѣлости, пока она еще растетъ и развивается, до тѣхъ поръ она не имѣетъ права и отказывается давать отвѣты на такіе вопросы; то что многіе выдаютъ за ея результаты суть только неправильныя обобщенія, въ которыя легко впадетъ мысль. Что удивительнаго, что многіе натуралисты суть матеріалисты? Вѣдь вещество есть нѣчто дѣйствительное; его процессы и явленія существуютъ на самомъ дѣлѣ; слѣдовательно если науки о природѣ до сихъ поръ еще не вышли изъ сферы вещества и его явленій, не поднялись выше этой сферы, то есть возможность, что люди имъ преданные будутъ вѣрять въ существованіе только этой одной сферы. Сами же эти науки очевидно стремятся обнять не одну только вещественную жизнь природы, но и жизнь органическую, жизнь животную и даже человѣческую; слѣдовательно сами эти науки не заражены матеріализмомъ и при первомъ значительномъ шагѣ впередъ онъ исчезнетъ и у ихъ почитателей и у разработывателей.

Такъ химикъ разсматриваетъ составныя части человѣческаго тѣла, физикъ физическіе процессы, которые въ немъ совершаются,

механикъ его механическое устройство и законы его движенія. Всѣ эти изслѣдованія совершенно правильны и истинны; но не справедливо было бы думать, что по ученію химіи весь человѣкъ вся человѣческая жизнь сводится на взаимодѣйствіе химическихъ элементовъ, по ученію физики на игру физическихъ процессовъ и что по ученію механики человѣкъ не больше какъ машина. Ни одна изъ этихъ наукъ не имѣетъ притязанія разрѣшать загадку человѣческаго бытія, но вмѣстѣ ни одна и не можетъ противорѣчить этой загадкѣ и рано или поздно должна будетъ привести къ ней свои изслѣдованія. А между тѣмъ легко можетъ случиться, что напримѣръ химикъ вообразитъ, что самая сущность человѣка заключается въ томъ что подлежитъ изученію химіи.

Такимъ образомъ вообще естественныя науки располагаютъ, то-есть даютъ поводъ къ принятію матеріализма, но эта система не есть ихъ слѣдствіе, она является при ихъ изученіи вѣдствіе того философскаго стремленія къ обобщенію, которое вообще создаетъ системы и которое, дѣйствуя безсознательно и ограничиваясь ближайшими предметами и наиболѣе знакомыми приемами мышленія, возводитъ ихъ на степень единой и абсолютной истины.

Поэтому въ естественныхъ наукахъ и можно искать той исходной точки, о которой мы говорили; они могутъ намъ указать то настроеніе ума, то его особенное, частное стремленіе, на удовлетвореніе котораго держится матеріализмъ. Чтобы избѣгнуть заранѣе упрековъ въ противорѣчій, замѣтимъ, что частныя стремленія ума вообще законны и нисколько не противорѣчатъ общимъ стремленіямъ, но что ошибка является въ томъ случаѣ, когда частныя стремленія признаются за общія, верховныя и единственныя.

Въ такомъ смыслѣ можно сказать вообще, что умъ человѣческой обманчивъ по самой своей внутренней природѣ. На самомъ дѣлѣ, существенное свойство ума есть его всеобщность, то-есть его ничѣмъ невозмущаемое тожество съ самимъ собою всегда и вездѣ. Въ чемъ мы несомпѣнно убѣждены, то мы считаемъ истиною для ума вообще, слѣдовательно для всякаго другого ума, гдѣ бы и когда бы онъ ни существовалъ. Поэтому каковъ бы ни былъ частный умъ, онъ всегда *самодоволенъ*, всегда признаетъ за собою возможность и право непрерывнаго судить о предметахъ.

Признавая за собою непреложность дѣйствій, умъ стремится вмѣстѣ стать достойнымъ такой вѣры въ самого себя, то есть онъ старается быть вполне самостоятельнымъ, ищетъ совершеннаго самообладанія, полной свободы и самосознательности дѣйствій. Между тѣмъ, какъ всякому извѣстно, несмотря на эти старанія, умъ болышею частію зависитъ отъ множества вліяній. Онъ имѣетъ свое

воспитаніе, свои заслѣдственные свойства, свои привычки, свои страсти и свои болѣзни. Въ частныхъ умахъ вообще можно встрѣтить тысячи особенностей. Понятно, что если умъ, сильно подчинившійся этимъ влияніямъ и особенностямъ, будетъ однакоже признавать себя за общій умъ, то отсюда произтекутъ самыя разнообразныя заблужденія.

Какое умъ, таковы его и требованія. То есть смотря по своимъ особенностямъ онъ будетъ однимъ удовлетворяться, одно признавать яснымъ, понятнымъ, истиннымъ, а другое отвергать. Извѣстныя занятія извѣстную умственную дѣятельность, частный умъ будетъ находить пріятною, дѣльною, существенно-важною, а на другія смотреть съ презрѣніемъ.

Поэтому то что удовлетворяетъ умъ, не всегда есть истина, даже болѣею частію не есть истина. Петрушка Чичикова, какъ намъ извѣстно, занимаясь чтеніемъ, находилъ удовольствіе въ томъ, что «изъ буквъ вѣчно выходитъ какое-нибудь слово, которое иной разъ чортъ знаетъ что и значить.» И тутъ, какъ видите, было своего рода умственное удовлетвореніе, притомъ законное и правильное, хотя до какой-нибудь истины отсюда еще очень далеко. Конечно и человекъ, умѣющій только находить связь между словами, по мирный читатель, равнодушно поглощающій изложеніе разнообразнѣйшихъ мнѣній, тысячи извѣстій и событій, или утѣшающій свою жизнь безконечною вереницею романовъ, также не можетъ быть названъ ни любителемъ и искателемъ истины, ни любителемъ изящнаго.

Между тѣмъ какъ часто самая ничтожная дѣятельность ума считается совершенно достаточною, какъ-будто тотъ, кто ей предается, уже черпаетъ изъ самаго источника правды. На этомъ основанъ даже тотъ преувеличенный авторитетъ, который нерѣдко придаютъ ученымъ вообще. У ученаго обыкновенно подозреваютъ особенную мудрость, какую-то глубину и остроту ума, тогда какъ нерѣдко ученый цѣлую свою жизнь только повторяетъ какой-нибудь простѣйшій умственный приѣмъ, на примѣръ опредѣляетъ насѣкомыхъ или грамматическія формы словъ въ греческихъ книгахъ. Хорошо, если ученые сами видятъ цѣль и значеніе своихъ умственныхъ занятій, но случается и противное. Такъ иной физикъ или фвіологъ цѣлую жизнь дѣлаетъ наблюденія и цѣлую жизнь заботится объ ихъ точности и восхищается ихъ точностью, не замѣчая, что у него большая часть наблюденій, какъ слова у Петрушки Чичикова, чортъ знаетъ что значить. Вообще специалисты находятъ полное удовлетвореніе ума пногла въ вещахъ самыхъ незначительныхъ. Извѣстные научные приемы и формы дѣлаются для ученаго сто-

приятными, что онъ, повторяя ихъ безпрестанно, совершенно доволенъ и забываетъ, а иногда и презираетъ все остальное.

Въ этомъ отношеніи издавна и съ большимъ соблазномъ прославились математики. Извѣстно, что математика собственно говоря ничему не научаетъ; она есть наука формальная, то-есть она не заключаетъ въ себѣ никакихъ познаній о чемъ-нибудь дѣйствительно существующемъ, не даетъ ни малѣйшей точки опоры для сужденія о дѣйствительности. Между тѣмъ математики до того влюбляются въ свои строгія выкладки, въ свои наглядныя построения, въ точныя, отчетливыя и тонкія соображенія, что начинаютъ высокомерно смотрѣть на всѣ другія науки. Все кажется имъ шаткимъ, неточнымъ, неопредѣленнымъ. «Говоря строго — пишетъ Лапласъ, — всѣ наши познанія только *вѣроятны*; съ достовѣрностью намъ извѣстно немного, именно то что содержатъ науки математическія...» (1) Если только вспомнимъ, что науки математическія не содержатъ ровно ничего, никакого реального познанія, то намъ будетъ понятно, почему математики должны приходиться къ скептицизму, къ невѣрію во всякое познаніе. Дѣйствительно какъ натуралисты часто бываютъ матеріалистами, такъ точно математики дѣлаются скептиками; скептицизмъ замѣтно парализуетъ ихъ умственную дѣятельность во всей остальной области познаній, а иногда уступаетъ мѣсто непростительному суевѣрію, въ которомъ умъ ихъ ищетъ пищи, неважливой въ пустынь математическихъ соображеній. Паскаль и Ньютонъ не единственные примѣры такого повидному страннаго поворота. Въ прошломъ вѣкѣ Даламберъ находилъ нужнымъ защищать математиковъ противъ упрековъ въ сухости и безплодіи ихъ ума. (2) Разумѣется ему и въ мысль не приходило, чтобы эти упреки были справедливы и онъ полагаетъ даже, что математика есть лучшее приготовленіе къ философіи. Вообще сказать этого никакъ нельзя, потому что и самый скептицизмъ математиковъ не есть настоящій философскій скептицизмъ, но является *безсознательно*, какъ матеріализмъ натуралистовъ.

Очевидно, что при частныхъ занятіяхъ умственная дѣятельность совершается однакоже правильно, что она требуетъ даже особеннаго напряженія, имѣетъ важное и ничѣмъ не замѣнимое значеніе, и что только неправильное значеніе, которое придаетъ ей умъ, ведетъ къ заблужденію. Если мы теперь изслѣдуемъ, какая частная дѣятельность ума требуется науками естественными, то въ

(1) Essai philos. sur les probab. p. 1.

(2) Enciclop. mathem. art. «Geometre».

этой дѣятельности и найдемъ источникъ матеріализма. Какъ скоро эта дѣятельность идетъ правильно и сообразуется гармонически съ другими требованіями мышленія, ошибка не будетъ; какъ скоро она считается абсолютною единою, является матеріализмъ.

III

Естественныя науки занимаются внѣшнимъ міромъ или природою. Природою въ этомъ смыслѣ называется именно все то, что находится *внѣ* духа, следовательно познается какъ внѣшнее или вообще можетъ быть познаваемо какъ внѣшнее.

Что значитъ здѣсь *внѣ*, можно объяснить себѣ такимъ образомъ. Духъ или мышленіе при такихъ выраженіяхъ представляется какъ точка, какъ нѣкоторый центръ, изъ котораго разсматривается существующее. То что полагается несосредоточеннымъ и по своей сущности находящимся только на окружности, называется поэтому внѣшнимъ. Дѣятельность, которую обнаруживаетъ умъ, обращаясь къ внѣшнимъ предметамъ, называется *представленіемъ*. Поэтому всѣ естественныя науки постоянно занимаются *представленіемъ*, все равно будетъ ли это представленіе дѣйствительныхъ предметовъ, или только предполагаемыхъ, напримѣръ эфиръ, атомы и т. п. Матеріализмъ есть именно система, основанная на дѣятельности представленія, ограничивающая всѣ познанія этою дѣятельностью и потому отвергающая всякое другое *пониманіе* вещей.

На самомъ дѣлѣ понятно, что если я что-нибудь ясно *представляю* себѣ, то имѣю нѣкоторое познаніе объ этомъ предметѣ; вообразите систему только такихъ познаній, которыя *представляемы*, — это будетъ матеріализмъ.

Представленіе въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы здѣсь употребляемъ это слово, легко отличается отъ всякаго другого мышленія или пониманія. Именно оно имѣетъ двѣ опредѣленныя формы, *пространство* и *время*; оно обнаруживается только въ этихъ формахъ и притомъ непремѣнно въ той и другой вѣстѣ. Представлять или воображать себѣ что-нибудь, значитъ мысленно влѣсть это въ пространство и время. Весь внѣшній міръ или природу мы мыслимъ не иначе, какъ въ пространствѣ и времени. Въ этихъ формахъ мы представляемъ все что воспринимаемъ какъ внѣшнее, и также все что только мыслимъ какъ внѣшнее; такъ напримѣръ, хотя мы не замѣчаемъ, какъ земля вращается около своей оси, но мы легко можемъ себѣ это представить, такъ какъ это есть явленіе пространственное и временное.

Высочайшее чувство для воспріятія внѣшняго міра есть зрѣніе; поэтому у философовъ представленіе называется особеннымъ терминомъ, именно *воззрѣніемъ* (*Anschauung*). Натуралисты дѣйствительно больше всего употребляютъ зрѣніе; это ихъ главное чувство, *міровое чувство*, какъ называетъ Фрискъ.

Представленіе въ извѣстномъ смыслѣ есть простѣйшее и первоначальнѣйшее дѣйствіе мышленія; оно столь обыкновенно и столь ясно, что чаще всего его не замѣчаютъ, какъ особенное дѣйствіе, не считаютъ его въ числѣ другихъ проявленій ума. Поэтому одна изъ величайшихъ заслугъ одного изъ величайшихъ философовъ, именно Канта, состоитъ въ анализѣ представленія.

Чтобы убѣдиться въ особенностяхъ представленія, въ его отлѣльности отъ остальной области мышленія, нужно углубиться въ значеніе его формъ, *пространства и времени*. Эти два слова обозначаютъ намъ предметы до того ясные, до того опредѣленные и отличные отъ всѣхъ другихъ, что мысль, разъ остановившись на нихъ, не можетъ не подозрѣвать ихъ настоящаго значенія.

Мы можемъ представлять себѣ, что не существуетъ какой угодно предметъ, даже что весь міръ не существуетъ; но мы *не можемъ представить, что не существуетъ пространство и время*. Что же это значитъ? Только то, что, не представляя пространства и времени, нельзя ничего представлять, что безъ нихъ самое представленіе невозможно.

Пока намъ не нужно здѣсь изслѣдовать сущность представленія, опредѣлять, въ чемъ состоитъ эта дѣятельность; мы стараемся только найти, чѣмъ оно отличается, сумѣть отличить его отъ другихъ умственныхъ дѣятельностей. Поэтому для насъ довольно знать, что представленіе совершается не иначе, какъ подъ условіемъ пространства и времени; то-есть какъ скоро мы начинаемъ представлять, то необходимо представляемъ пространство и время, и какъ-будто уже потомъ, уже на готовомъ фонѣ рисуемъ какія намъ угодно фигуры.

Мы не будемъ здѣсь рѣшать вопроса о томъ, что такое пространство и время? но очевидно вопросъ этотъ самъ собою является на этомъ мѣстѣ. Такъ какъ мы назвали представленіе умственною дѣятельностью, то рѣшеніе это должно бы имѣть слѣдующій видъ. Мы должны бы были показать, что представленіе есть одна изъ необходимыхъ дѣятельностей мышленія, то-есть, что по самой сущности мышленія одно изъ его проявленій должно быть представленіе. Далѣе нужно было бы вывести, что представленіе необходимо должно имѣть двѣ формы, что этихъ формъ можетъ

быть только двѣ и что они должны быть именно такія, какъ вопер-
выхъ — пространство, и вовторыхъ — время.

Въ настоящемъ случаѣ для насъ важнѣе всего то, что самый
вопросъ существуетъ, что онъ требуетъ рѣшенія и что рѣшеніе
это возможно. Вопросъ, *что такое пространство и время?* явился
у насъ потому, что мы обратили вниманіе на самую дѣятельность
представленія, стали *мыслить о представленіи*. Но тотъ, кто не
мыслить, а только представляетъ, очевидно, что бы и сколько бы ни
представлялъ, не можетъ встрѣтить подобнаго вопроса.

Въ самомъ дѣлѣ представимъ себѣ, что чья-нибудь умственная
дѣятельность ограничивается только представленіемъ. Очевидно
онъ можетъ предложить вопросъ такого рода: что такое китъ?
Этотъ вопросъ требуетъ *представленія* кита, то-есть отвѣтъ дол-
женъ состоять изъ описанія формы, устройства, движеній и пр.
названнаго животнаго, такъ чтобы спрашивающій могъ его себѣ
представить. Пространство и время здѣсь какъ бы уже готовое по-
лотно и нужно только на нихъ рисовать.

Но отвѣтъ становится невозможнымъ, какъ скоро это полотно
отнимается и слѣдовательно рисовать не на чемъ. Когда спраши-
вается, что такое пространство и время, то я уже не могу отвѣчать
какими-нибудь пространственными или временными объясненіями:
я долженъ отвѣчать чѣмъ-нибудь такимъ, куда бы уже не входило
пространство и время; слѣдовательно если у меня есть только один
представленія, то я не могу отвѣчать, потому что для представленія
уже необходимо нужны пространство и время.

Если же такъ, то здѣсь мы можемъ повѣрить, справедливо ли
наше опредѣленіе матеріализма. Если матеріализмъ дѣйствительно
состоитъ изъ однихъ представленій, то въ немъ не должно быть
отвѣта на этотъ вопросъ, и даже самый вопросъ долженъ казаться
чѣмъ-то темнымъ, непроницаемымъ для мысли.

Дѣйствительно это такъ. Какъ одну изъ самыхъ глубокихъ от-
личительныхъ чертъ матеріализма можно привести то, что ма-
теріализмъ не знаетъ, что такое пространство и время, и даже не
знаетъ, что объ этомъ можно спрашивать и слѣдовательно мы-
слить, и слѣдовательно отвѣчать на вопросъ.

Тоже самое должно сказать и о всей области естественныхъ
наукъ. О пространствѣ и времени, какъ о чемъ-то особенномъ,
они знаютъ только изъ языка. Языкъ, живая человѣческая рѣчь,
строится внутреннею силою народнаго смысла; въ немъ дѣйствуютъ
глубокія философскія начала. Поэтому въ языкѣ существуютъ такія
отвлеченія, какъ *пространство и время*. По духу языка возможенъ
вопросъ, *что такое пространство и время?* Но матеріалисты и на-

турадисты невольно задавая себѣ такой возможный вопросъ, останавливаются перелъ нимъ, какъ-будто онъ былъ какимъ-то случайнымъ сочетаніемъ словъ, несодержащимъ никакого смысла.

Математики, астрономы, натуралисты всякаго рода — безпреставно встрѣчаются съ этими таинственными предметами, *пространствомъ и временемъ*, безпреставно замѣчаютъ это чистое полатво, на которомъ они стараются изобразить себѣ ту или другую часть великаго мірозданія. Нерѣдко они и говорятъ о пространствѣ и времени, но легко убѣдиться, что натуралисты никогда не дѣлали никакого, даже самаго малаго успѣха въ пониманіи или разрѣшеніи этого недоступнаго для нихъ вопроса. Очень нерѣдко у нихъ попадается выраженіе — *всякому извѣстно, что такое пространство и время*. Такъ Ньютонъ въ своей безсмертной книгѣ: «Principia mathematica philosophiae naturalis», говоритъ: *не определяю что такое время и пространство, такъ какъ это всемъ совершенно извѣстно*. Но очевидно, вопросъ здѣсь такого рода, что на него совершенно умѣстно было бы дать извѣстный отвѣтъ: пока меня не спрашиваютъ что такое пространство и время, мнѣ кажется, что я знаю ихъ; а какъ спросили, оказывается, что незнаю. И дѣйствительно — все знаютъ пространство и время — это значить только, что все ихъ представляютъ; вопросъ же требуетъ не того, чтобы мы ихъ представляли (что и легко и неизбѣжно), а чтобы мы объ нихъ мыслили, чтобы составили о нихъ понятіе.

Такимъ образомъ изъ всего предыдущаго ясно, что *возможно мышленіе безъ представленія*; ибо иначе мы должны отказаться отъ всякихъ вопросовъ о пространствѣ и времени. Но мы знаемъ, что мысль не терпитъ принужденія; ей все позволено; для нея не существуетъ дерзости или нескромности. Слѣдовательно мы волей-неволей должны признать за нею право дѣйствовать не стѣсняясь представленіями.

Матеріалисты, если хотятъ быть послѣдовательными, не должны вовсе предлагать себѣ вопросовъ о пространствѣ и времени. Такъ они и дѣлаютъ; такъ дѣлаетъ и Бюхнеръ. Только въ одномъ мѣстѣ, но зато совершенно неожиданно, отрывочно и ни съ чѣмъ не сообразно у него является слѣдующая фраза: *къ веществу не применимы понятія о пространствѣ и времени, извнѣ привнесшіяся нашему конечному духу* (стр. 17).

Къ сожалѣнію эта фраза принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя могутъ невозвратно погубить автора въ глазахъ читателя; еслибы тысячекратная молва не повторяла имени Бюхнера, то конечно не стоило бы и останавливаться на такихъ страшиностяхъ. Можно сильно ошибаться въ убѣжденіяхъ, можно душно и неточно выражаться;

но не позволительно рѣдиться въ навливыи перья, не позволительно усильно давать своимъ выраженіямъ философскій оттѣнокъ и набрать наконецъ столько чужихъ, дурно-понимаемыхъ словъ, что вышла дикая нелалица и противорѣчіе съ самимъ собою.

Мысль, которую хочетъ сказать Бюхнеръ, чрезвычайно проста; приведенная фраза служить у него выводомъ изъ того, что намъ трудно представить, что вещество не имѣетъ конца въ пространствѣ и времени и что оно также дѣлимо до безконечности. Тутъ безконечность представляетъ трудность для представленія. Но съ чего Бюхнеръ взялъ, что это зависитъ отъ *нашихъ* понятій о пространствѣ и времени, совершенно непонятно. На самомъ дѣлѣ, если что всего легче представить себѣ безконечнымъ и безконечно-дѣлимымъ, такъ именно пространство и время.

Какія это *наши* понятія о пространствѣ? Какія есть другія извѣстныя Бюхнеру? Этого онъ не объясняетъ, нигдѣ и не касается этого вопроса.

Что значить *извѣстныя*? Развѣ есть внутреннія, апіорическія? Но Бюхнеръ потомъ всѣми силами доказываетъ, что существуютъ только одни извѣстныя понятія.

Наконецъ что значить *нашъ конечный духъ*? Слѣдовательно есть духъ безконечный? И онъ имѣетъ другія понятія? Не извѣстныя?

Куда это наконецъ мы уходимъ отъ чистаго, голаго матеріализма, отъ точныхъ результатовъ естественныхъ наукъ?

Къ сожалѣнію вся книга Бюхнера отличается такого рода напыщенностью, доходящею почти до недобросовѣстности. Чтобы говорить извѣстнымъ языкомъ, нужно понимать этотъ языкъ; чтобы приводить мѣста изъ писателей, нужно понимать этихъ писателей. Бюхнеру хотѣлось сдѣлать свою книгу философскою и вотъ онъ подбираетъ тѣ выраженія и цитаты изъ философовъ, которыя кажутся ему понятными; отъ этого книга получаетъ фальшивый блескъ, но въ глазахъ знающихъ тѣмъ ниже падаетъ.

Итакъ мы можемъ, несмотря на случайную фразу Бюхнера, принять, что матеріалисты не составляютъ понятій о пространствѣ и времени, такъ, что самая возможность этихъ понятій уже подрываетъ основанія матеріализма.

Если въ этомъ случаѣ рѣшать вопросъ, что такое пространство и время, кажется труднымъ, слѣдовательно трудно *мыслить безъ представленій*, трудно понимать что-нибудь безъ помощи пространства и времени, то въ другихъ случаяхъ мышленіе безъ представленій бываетъ гораздо легче. Замѣтимъ поэтому, что вообще такое мышленіе есть дѣло очень обыкновенное, ежедневное, свойственное

каждому. У насъ есть цѣлый разрядъ явленій, которыя являюгся намъ только во времени, но не въ пространствѣ, слѣдовательно никакъ не могутъ быть вполнѣ представляемы. Сюда принадлежатъ напимѣръ страсти, чувства, желанія и пр. вообще всѣ душевныя явленія. Говоря о нихъ, мы совершенно ясно знаемъ о чемъ говоримъ; такъ какъ это наши собственные состоянія, то мы знаемъ ихъ даже лучше, чѣмъ явленія намъ чуждыя, виѣшнія для насъ. Представить ихъ въ пространствѣ мы однакоже никакъ не можемъ.

При всемъ томъ мышленіе представляющее для насъ несравненно легче и съ него первоначально начинается процессъ самого мышленія. Мы легче анализируемъ, легче обнимаемъ не самую страсть, а ея выраженіе въ видѣ явленій представляемыхъ, напимѣръ въ чертахъ лица, въ взглядахъ, въ движеніяхъ и проч. Между тѣмъ центръ и смыслъ всего этого заключается внутри, въ явленіи не представляемомъ.

Такъ какъ мышленіе начинается представленіями, то отъ этого произошло, что языкъ, который является уже при первыхъ явленіяхъ мышленія, имѣетъ описательный характеръ, то-есть характеръ представленій. Языкъ преисполненъ образцовъ и самая отвлеченныя слова по своему значенію имѣютъ смыслъ представительный. *Совершенство* происходитъ отъ *верхъ*, *понятіе* отъ *понимать*, т.-е. обнимать, схватывать и т. д. Мы говоримъ — теченіе мыслей, волненіе души, и пр. Намъ невозможно избѣгать этихъ выраженій; потому и философскія книги, въ которыхъ идетъ дѣло о мышленіи предметовъ, а не объ ихъ представленіи, и они пишутся языкомъ представленій. Въ этомъ заключается одна изъ главныхъ трудностей ихъ пониманія; въ нихъ языкъ представленій долженъ выражать непредставляемые предметы. Совершенно обратную трудность представляютъ книги по математическимъ и физическимъ наукамъ. Здѣсь темнота является какъ слѣдствіе сложности самыхъ представленій, вслѣдствіе того, что кромѣ представленій ничего нѣтъ. Мы легче понимаемъ исторію или романъ, потому что тутъ смѣшиваются и представленія и понятія непредставляемыя.

Послѣ этого понятно, что ученые, постоянно занятые представленіями, обращенные всѣмъ своимъ вниманіемъ ко виѣшнему міру, должны развивать въ себѣ въ сильной степени представительное мышленіе, тогда какъ способность мыслить безъ образцовъ остается неразвитою и темною. Имъ остается неслымымъ, спутаннымъ все, чего нельзя представить и дѣло часто кончается совершеннымъ отверженіемъ всего что непредставляемо. При этомъ никто не издумаетъ подумать, что онъ не вполнѣ развила свою способность мыслить; учиться мышленію никто не хочетъ; какъ извѣстно въ этомъ

отношеніи всѣмъ болѣе склонны учить, чѣмъ учиться. И вотъ является крайній, сильнѣйшій аргументъ матеріалистовъ: помилуйте, говорятъ, а этого *не понимаю* (слѣдовательно это нелѣпость); а этого *никакъ не могу себя представить* (слѣдовательно это не существуетъ).

Такъ какъ матеріализмъ отрицаетъ всю область мышленія кромѣ представленія, то отсюда необходимо является его существенная черта — отрицаніе множества явленій. Убѣжденія матеріалистовъ по преимуществу состоятъ въ томъ, что они отвергаютъ и то, и другое, и третье. Припомните слова Лейбница — *системы большею частію ошибаются, когда отрицаютъ*. И дѣйствительно матеріализмъ есть одна изъ самыхъ ошибочныхъ системъ.

IV

Подойдемъ теперь ближе и посмотримъ что же признаютъ матеріалисты.

Для нихъ, какъ основа всему сущему, существуетъ пространство и время; и то и другое признаются не являющимися никакой основы, необходимо существующими, потому что ихъ невозможно не мыслить, т.-е. невозможно не представлять. Другими словами матеріализмъ представляетъ себѣ пространство и время и далѣе не идетъ.

Вотъ первоизданная стихія матеріализма. Безконечное пустое пространство, безконечное пустое время — вотъ условіе всѣхъ вещей, вотъ ихъ главный корень, вотъ то что содержитъ въ себѣ все существующее и безъ чего ничто не могло бы быть.

Вѣрный своему началу, матеріализмъ не сомнѣвается въ бытіи этого безконечнаго пустого пространства и безконечнаго пустого времени; онъ ихъ представляетъ, онъ не можетъ ихъ не представлять, слѣдовательно они существуютъ, они суть вѣчто сущее.

Въ такомъ убѣжденіи матеріализмъ естественно впадаетъ въ падѣреніе описать то, что онъ знаетъ. Дѣйствительно математики и физики нерѣдко описываютъ пространство и время. Они говорятъ наприимѣръ:

Пространство не имѣетъ границъ; части его ничѣмъ не отличаются одна отъ другой; оно неподвижно; оно повсюду пронизуемо.

Всматриваясь въ это описаніе, легко замѣтить здѣсь что-то несообразное. Прежде всего ясно, что всѣ признаки приписываемые пространству, чисто отрицательные. Очевидно описаніе пространства составлено по образцу описанія *физическаго тѣла*; всякое тѣло непрозрачно, подвижно, имѣетъ границы, и части его отличаются

по своему положенію; пространство не имѣетъ этихъ опредѣленій. Слѣдовательно пространство противопоставляется тѣлу, такъ что тѣло и пространство здѣсь ставятся на одномъ ряду и ихъ существенныя свойства суть имѣть ихъ существеннымъ различіемъ.

Нельзя не почувствовать, что такое сопоставленіе не естъ правильно; и въ самомъ дѣлѣ гдѣ основаніе для того, чтобы сравнивать пространство именно съ тѣломъ, а не съ чѣмъ-нибудь другимъ, напримѣръ хотя бы съ *временемъ*? Признаки пространства у физиковъ выходятъ действительно странные, какъ и должно быть когда сравниваются два неоднородные предмета. Нельзя напримѣръ рѣшать, какъ зашѣтилъ Нагасонъ, дважды-два больше или меньше стеариновой свѣчи, или какъ у Пушкина, что лучше — хорошій завтракъ или дурная погода?

Пространство не имѣетъ границъ. Но развѣ понятіе границы приложимо къ пространству? Граница есть предѣлъ между одною и другою частью пространства; слѣдовательно можно говорить только о границахъ *въ пространствѣ*, а не о границахъ пространства. Сказать — пространство не имѣетъ границъ значитъ тоже, что сказать: *пространство занимаетъ собою все пространство.*

Части пространства ни чѣмъ не отличаются одна отъ другой. Очевидно однакоже, что само по себѣ пространство и не можетъ имѣть никакихъ частей. Мы можемъ различать части только въ томъ что существуетъ въ пространствѣ; найдя опредѣленную часть, мы можемъ и сравнивать ихъ между собою и рѣшать одинаковы ли они или нѣтъ. Сказать же о пространствѣ, что оно вездѣ себѣ подобно, значитъ сказать только, что *въ каждомъ мѣстѣ пространства существуетъ одинаковое пространство.*

Пространство неподвижно. Опять къ пространству прилагаются понятія, которыя къ нему не могутъ быть прилагаемы. Движеніе возможно только въ пространствѣ; нельзя воображать, что пространство само заключено въ какомъ-то другомъ пространствѣ и предлагать себѣ вопросъ — движется ли оно въ немъ, или нѣтъ? Нельзя также сказать: каждая часть пространства постоянно остается въ той же части пространства.

Пространство всюду пронизуемо. Здѣсь отъ пространства отрицается положительный признакъ сопротивленія какому-нибудь движенію. Но что такое движеніе? Перемѣна мѣста, переходъ изъ одной части пространства въ другую. Слѣдовательно движеніе возможно только при существованіи пространства. И обратно — пространство кромѣ возможности движенія, ничего въ себѣ не заключаетъ, т.-е. оно не только не сопротивляется движенію, но и не ускоряетъ его, и не измѣняетъ его направленія и вообще не уна-

явленія: или, иначе говоря, образомъ. Сказать, что пространство пропущаемо — значитъ сказать очень мало; лучше вообще сказать, что пространство само въ себѣ не заключаетъ никакихъ силъ, производящихъ явленія и никакихъ законовъ, по которымъ, эти явленія происходятъ. Словомъ, что въ пространствѣ всюду находится только пространство и ничего болѣе.

Не менѣе странныя бывають и описанія времени. Напримѣръ великій Ньютонъ выражается такъ, что время *течетъ равномерно* (*aequaliter fluit*). Но чтоже это значитъ? Не болѣе, какъ то, что въ равныя времена проходитъ равныя времена. Или также Ньютонъ очень замысловато замѣчаетъ, что *порядокъ* частей времени и пространства неизмѣнимъ. Если выразимъ точнѣе ту же мысль, то мы должны будемъ сказать напримѣръ, что нельзя взять часть времени изъ одной части времени и перенести ее въ другую.

Вообще при всѣхъ подобныхъ описаніяхъ является немыслимое раздвоеніе пространства и времени, т.-е. само пространство воображается помѣщеннымъ еще въ другомъ пространствѣ, и время продолжающимъ еще въ другомъ времени.

Чтоже мы выведемъ изъ этого разбора? Во первыхъ то, что натуралисты не имѣютъ никакой возможности сказать что бы то ни было о пространствѣ и времени. Если они начинаютъ говорить объ этомъ, то слова ихъ ничего не выражаютъ. Потомъ, изъ предыдущаго разбора видно, почему натуралисты ошибаются, воображая, что могутъ описывать пространство и время. Они полагають, что это какъ бы дѣйствительные предметы, какъ бы дѣйствительная основа и нѣдро міроздавія; и между-тѣмъ, когда вздумаютъ ноставить эту основу въ существенное отношеніе, въ настоящую связь съ предметами существующими, то оказывается, что пространство и время ничего не опредѣляютъ, какъ ничему и не мѣшаютъ, что въ нихъ въ полномъ смыслѣ слова нѣтъ ничего. У нихъ нѣтъ никакихъ свойствъ и потому ничто не можетъ зависѣть отъ ихъ свойствъ; ихъ ни съ чѣмъ нельзя сравнивать и ни отъ чего отличать. Съ другой стороны пространство и время вовсе не являются намъ чѣмъ-то таинственнымъ, въ чемъ бы можно было искать болѣе глубокой сущности. Нельзя сказать — пусть эти свойства негодятся; поищемъ другихъ, болѣе дѣйствительныхъ. Напротивъ мы совершенно хорошо знаемъ пространство и время, мы такъ-сказать видимъ ихъ насквозь и рассуждаемъ о нихъ, какъ бы онирались на пониманіе самой ихъ сущности.

Итакъ мы знаемъ пространство и время, и однакоже въ этомъ отношеніи не содержится никакого дѣйствительнаго познанія. Это зна-

нѣ похоже на формулу $A \equiv A$, которая конечно совершенно логична, но зато и совершенно ничего не содержитъ.

Отсюда очевидно, что мы имѣемъ дѣло не съ действительными предметами, а съ отвлеченіями; съ созданіями нашего собственнаго мышленія, которыя потому-то и ясны, что цѣлкомъ созданы нами же самими, потому и не даютъ намъ никакого понятія о действительности, что совершенно отъ насъ оторваны.

На самомъ дѣлѣ легко показать, что убѣжденіе натуралистовъ въ дѣйствительномъ существованіи пустого или чистаго пространства и пустого или чистаго времени есть слѣдствіе вѣкотораго рода оптическаго обмана, который заставляетъ ихъ невольно раздвоить все воспринимаемое изъ вѣшняго міра, такъ-что они всюду видятъ или представляютъ во первыхъ пустоту, а во вторыхъ то что наполняетъ эту пустоту.

Дѣйствительно, обратимся къ опыту, къ непосредственному наблюденію. Кто, гдѣ и когда видѣлъ пустое, всюду себѣ подобное пространство, или время? По самой сущности дѣла пустого пространства или времени и воспринимать нельзя. Для воспріятія необходимо, чтобы что-нибудь было въ пространствѣ и времени, т. е. необходимо, чтобы пространство не было вездѣ одинаково и время не представляло какого-то однороднаго теченія. Сущность міра заключается именно въ томъ, что время и пространство наполнены, а не пусты. Само собою понятно, что до-тѣхъ-поръ, какъ мы умышленно будемъ представлять ихъ себѣ совершенно пустыми, до-тѣхъ-поръ мы не будемъ имѣть возможности поставить ихъ въ связь съ дѣйствительнымъ бытіемъ, до-тѣхъ-поръ пространство, и время будутъ для насъ самымъ мертвымъ, самымъ ничтожнымъ, самымъ непонятнымъ и ни къ чему не ведущимъ предметомъ.

Математики и астрономы часто говорятъ, что части пространства ничѣмъ не отличаются одна отъ другой. Но если мы возьмемъ дѣйствительное, настоящее пространство, то найдемъ между его частями огромныя различія. Міръ заключается въ пространствѣ и слѣдовательно части пространства отличаются между собою точно также какъ части міра. Въ одной вы находите твердую землю, въ другой подвижное море, втретьей тонкій воздухъ, или наконецъ лучи небесныхъ свѣтилъ, такъ что самое простое и простое наблюденіе, первая черта въ описаніи дѣйствительнаго міра, будетъ состоять въ томъ, что части міроваго пространства не одинаковы, не похожи одна на другую.

Мы выражаемъ это при помощи того различенія, о которомъ сказано выше; мы говоримъ: однородныя части пространства за-

длин или наполнены разнородными предметами. Рассмотрите внимательно такое выражение и вы убедитесь, как оно обманчиво.

Тѣла занимаютъ пространство. Можно подумать, что тѣло и пространство совершенно независимы между собою, что пространство есть ящикъ, въ который можно положить что угодно и которому все равно что въ немъ лежитъ. Между-тѣмъ тѣла *необходимо* занимаютъ пространство, потому что протяженность есть ихъ существенное свойство. Пространство не только *содержитъ* въ себѣ тѣла, оно *содержится* въ самихъ тѣлахъ; не оно даетъ мѣсто тѣламъ, но сами тѣла по своей сущности обладаютъ своимъ протяженіемъ.

Для насъ не мало обратное предложеніе, именно, что *пространство необходимо должно представлять въ себѣ тѣла*. Но понятно, что это и есть то самое предложеніе, которое мы должны стремиться доказать, если хотимъ постигнуть міръ. Разнообразіе пространства вѣрнее есть, какъ мы сказали, первый фактъ, первое простѣйшее и самое общее явленіе. Найти его причины — значить не что иное, какъ показать необходимость происхожденія этого факта, его неизбежное явленіе изъ самой сущности вещей.

То, что сказано о пространствѣ, можно вполне примѣнить и ко времени; не только міровыя явленія совершаются *во* времени, но они по самой сущности своей *временныя*; не только время ихъ содержитъ въ себѣ, но они сами неизбежно содержатъ въ себѣ время. Обратное предложеніе, что время необходимо должно представлять явленія, что части его неизбежно должны различаться по содержанію, — это предложеніе есть цѣль, къ которой мы неизбежно стремимся, есть теорема, которая заранѣе признается человѣчскими умомъ и которой доказательство онъ всячески старается найти.

Что міровое пространство и время не суть тѣ пустыя формы, которыя такъ легко представляются и которыя не имѣютъ никакой связи съ тѣмъ что въ нихъ содержится, въ этомъ можно убедиться множествомъ соображеній. Говорятъ наприимѣръ, что пространство *проницаемо*, что оно безразлично къ движенію и мѣсту тѣлъ. Между-тѣмъ математики потому приходятъ въ сильное затрудненіе, когда оказывается, что тѣла обнаруживаютъ *сопротивленіе*, когда что-нибудь измѣняетъ ихъ положеніе или движеніе въ пространствѣ. Это сопротивленіе они называютъ *силою инерціи*, и это одно изъ самыхъ темныхъ понятій механики.

Но если тѣла какимъ-то образомъ связаны со своими мѣстами, то очевидно и наоборотъ мѣста тѣлъ, пространства, ими занимаемыя или проходимыя, также связаны съ тѣлами. Одного безъ другого полагать нельзя. Слѣдовательно тѣла *зависятъ* отъ простран-

ства. Помнить даже, что такая зависимость совершенно необходима. Еслибы пространство ничего не значило для тѣла, еслибы оно повсюду было совершенно доступно для каждаго тѣла и каждаго движенія, то міръ не представлялъ бы никакого порядка и правильности. Этотъ порядокъ, это отсутствіе хаоса возможно только потому, что каждое тѣло занимаетъ свое мѣсто и каждое движеніе совершается по своему пути и слѣдовательно мировое пространство, содержащее эти мѣста и эти пути, вмѣстѣ съ тѣмъ такъ-сказать держитъ на себѣ мировой порядокъ.

Вообще пространство и время, если ихъ принимать за пустыя формы, суть вещи ничтожныя, несущественныя, бесславыя, какъ иногда выражаются натуралисты. Между-тѣмъ мы ежедневно убеждаемся, что тысячи вещей зависятъ отъ пространства и времени. Иногда говорятъ: *разница пустая; она состоитъ только изъ пространства и времени!* Но не трудно убѣдиться, что часто это огромная разница!

Предыдущія соображенія кажется совершенно достаточно для нашей цѣли. Именно мы хотѣли доказать, что натуралисты не просто наблюдаютъ природу или списываютъ ее, но что они въшиваютъ въ нее построенія своего ума. Мы хотѣли подсмотреть тотъ умственный процессъ, которымъ они раздвоили міръ на его форму — пространство и время, и на его содержаніе — вещество и его явленія. Раздвоеніе это совершенно правильно, но дастъ намъ истинное познаніе только тогда, когда мы будемъ понимать, что форма не существуетъ безъ содержанія и содержаніе существенно опредѣляется формою.

Натуралисты же *не мыслятъ* объ этой зависимости; объ этомъ единствѣ, но *представляютъ* себѣ отдѣльно форму и отдѣльно содержаніе; и то и другое для нихъ одинаково существуетъ.

Мы старались показать, что ихъ форма — чистое пространство и время, по самой сущности своей — пуста и прозрачна, что она есть чистое отвлеченіе. Такъ это слѣдуетъ изъ словъ самихъ натуралистовъ. Хотя они и представляютъ себѣ пространство и время, но за представленіями скрывается движеніе болѣе глубокаго мышленія; поэтому они безознательно начинаютъ смотрѣть на свое пространство и время, какъ на совершенное *ничто*; сущности же *и бытія* начинаютъ искать въ томъ что содержится въ пространствѣ и времени.

Мы последуемъ за ними въ этихъ исканіяхъ. Натуралисты не замѣчаютъ, что если пространство и время стали для нихъ *отвлеченіемъ*, то в то что осталось, то что содержится въ пространствѣ и времени, будутъ также отвлеченіемъ. Міръ есть прекрасная гар-

математическая сфера; наука его, натуралисты нашли, что онъ, какъ будто въ оболочкѣ, заключенъ въ пространство и времени; они сняли эту оболочку и отбросили ее, какъ пустую шелуху. Точно также они потомъ снимаютъ и отбрасываютъ слой за слоемъ, воображая, что такимъ образомъ могутъ добраться до глубокаго таинственнаго зерна. По окончаніи работы чтоже оказывается? Зерна видѣть нѣтъ и весь міръ разрушенъ въ безобразные обломки.

V

Тѣ явленія, которыя мы можемъ представлять, следовательно явленія, происходящія внѣтъ и въ пространство и во времени, мы называемъ *существовыми* явленіями. Вся жизнь природы, все ее безконечное разнообразіе и безчисленные превращенія поддаются подлѣ это опредѣленіе.

Не глубокому и существенному движенію ума мы не оставаемся на простомъ созерцаніи этихъ явленій, но начинаемъ искать ихъ *сущности*, то-есть мы разлагаемъ явленія на самыя явленія, которыя разсматриваемъ уже какъ *смыслы*, и на то что въ нихъ является, что служить основою имъ, на *сущность*. Сущность вещественныхъ явленій есть *существо*.

Мы вовсе не имѣемъ здѣсь въ виду объяснять, въ чемъ состоитъ это движеніе ума, различающее сущность отъ явленій; мы просто указываемъ на такое различіе, какъ на фактъ. Между явленіемъ и его сущностію существуетъ противоположеніе, которое каждому болѣе или менѣе знакомо. Напримеръ сущность есть причина явленій, а явленія вполне зависятъ отъ сущности. Всякая перемѣна, которая произошла бы въ сущности, была бы уже явленіемъ; поэтому сущность полагается неизмѣнною, всегда одинаковою, тогда какъ явленія могутъ волчески измѣняться. Точно также всякое разнообразіе сущностей есть уже нѣкоторое явленіе; поэтому сущность полагается однообразною, *вездѣ* одинаковою.

Вотъ та норма, по которой натуралисты строятъ свое понятіе о *веществѣ*, то-есть о сущности вещественныхъ явленій. Но у нихъ, какъ мы знаемъ, есть особый пріемъ мышленія, который входитъ во всѣхъ построенія, именно представленіе. Они не только просто мыслятъ вещество какъ сущность, имъ нужно представить эту сущность, нужно видѣть ее въ образахъ; такимъ образомъ получается *существо натуралиста*.

Въ природѣ, во внѣшнемъ мірѣ, собственно говоря, мы находимъ только одно пространство, различное въ своихъ частяхъ и

потому различнымъ образомъ дѣйствующее на насъ, какъ-будто посылающее изъ разныхъ мѣстъ разные лучи къ нашей центральной точкѣ зрѣнія, къ тому началу координатъ, отъ котораго мы мѣряемъ весь міръ.

Но какъ скоро представленіе уже отличило пустое пространство отъ того что въ немъ содержится, то оно полагаетъ, что это содержимое, эта сущность *не занимаетъ всего пространства*, следовательно ограничено, раздѣлено пустыми промежутками, разбито на отдѣльныя части.

Въ самомъ дѣлѣ очень легко представлять себѣ, что вещество занимаетъ все пространство, но также легко представить, что оно занимаетъ только часть его; наконецъ можно представлять, что его и вовсе не существуетъ. Слѣдовательно въ представленіи нѣтъ причины отвергать ограниченность вещества. Между-тѣмъ утверждать, что все пространство наполнено веществомъ, невозможно, потому что тогда пришлось бы доказывать, что пространство *необходимо* заключаетъ въ себѣ вещество, что гдѣ пространство, тамъ и вещество и что слѣдовательно нѣтъ *пустого пространства*.

Вотъ причина, по которой никакъ не могло удержаться въ силѣ ученіе о совершенной полнотѣ пространства. Это ученіе какъ извѣстно принадлежало Декарту. Нѣкогда оно было предметомъ многихъ споровъ между картезианцами и послѣдователями Ньютона. Этотъ взглядъ Декарта на пространство и вещество принадлежитъ къ числу гениальнѣйшихъ его мыслей. Въ самомъ дѣлѣ здѣсь полагается необходимое отношеніе между пространствомъ и веществомъ, и кромѣ того сохраняется цѣлость міра, хотя цѣлость чисто механическая. Если пространство полно, то всѣ части міра взаимно связаны, могутъ имѣть взаимное вліяніе.

При обыкновенномъ же взглядѣ натуралистовъ этого нѣтъ. У нихъ вещество является отдѣльными массами, ничѣмъ не связанными, потому что пустое пространство не можетъ служить никакою связью. Далѣе мы увидимъ какъ натуралисты избѣгаютъ этой трудности.

Теперь же замѣтимъ, что вообразивши себѣ вещество отдѣльнымъ, отличнымъ отъ пространства и занимающимъ только нѣкоторыя его части, они стараются потомъ придать ему вѣсѣ свойства сущности. Сущность должна быть неизмѣнна. Какимъ образомъ можно *представить* себѣ неизмѣнную сущность? Нужно представить себѣ нѣчто протяженное, что бы было неизмѣнно въ самомъ своемъ протяженіи, пужно создать абсолютно *твердую* частицу. Поэтому вещество необходимо полагается абсолютно-твердымъ. Эта твердость несправедливо иногда называется *непрони-*

невозможна; потому что она состоитъ не только въ томъ, что частица не можетъ занять меньшаго пространства, не можетъ уступить своего протѣженія другой частицѣ, но также въ томъ, что никакая частица вещества не можетъ занять большаго пространства, не можетъ расширяться, хотя бы пространство въ кругъ нея было и совершенно пусто.

Абсолютно-твердое вещество дѣйствительно есть настоящее вещество натуралистовъ. Таково вещество у самого Декарта, таково оно у Ньютона и у всѣхъ физиковъ. Напрасно иногда говорятъ, что такое понятіе о веществѣ сообщается намъ осязаніемъ; осязаніе никогда не можетъ ручаться за абсолютную твердость, для него существуетъ множество вещей мягкихъ и жидкихъ, существуютъ всевозможныя *степени* сопротивленія, обнаруживаемаго веществомъ. Для него, какъ и для другихъ чувствъ, вещество измѣнчиво и разнообразно; только передъ теоріею, передъ умственнымъ взглядомъ вещество каменѣетъ въ неподвижныя и повсюду одинаковыя формы.

Отсюда одинъ шагъ до атомовъ, до частицъ недѣлимыхъ и ни въ какомъ смыслѣ не измѣняемыхъ, до частицъ, всюду одинаковыхъ, вездѣ между собою равныхъ (¹). Атомизмъ есть единственная, совершенно правильная, неизбѣжная форма, въ которой можно *представлять* себѣ вещество. Господство атомизма въ нынѣшнихъ естественныхъ наукахъ не есть прихоть или увлеченіе: онъ строго вытекаетъ изъ началъ, на которыхъ развиваются эти науки.

Часто конечно случается, что натуралисты и даже матеріалисты полагаютъ вещество до безконечности дѣлимымъ. Но въ такомъ случаѣ *неизмѣнную* сущность ума нельзя просто представлять: ее нужно какъ-нибудь иначе *мыслить*, а если только допустить раздѣляющее начало мышленія въ эту область, то едва ли что-нибудь сохранитъ въ ней свой прежній видъ.

Итакъ частицы неизмѣнно-твердыя, непроницаемыя и неразширяемыя — вотъ вещество натуралистовъ, вотъ сущность, которая лежитъ въ основѣ всѣхъ вещественныхъ явленій. Многіе натуралисты очень ясно видѣли, что таково именно вещество, которое она разумѣютъ подъ этимъ словомъ. Такъ Пулье говоритъ: «Несправедливо говорить, что вещество имѣетъ два существенныхъ свойства: *протѣженіе* и *непроницаемость*; это не свойства, а опре-

(¹) О мнимой непроницаемости веществъ и о смыслѣ атомовъ можно найти разсужденія въ статьѣ «Объ атомист. теоріи вещества», «Русск. Вѣсти.» 1860. Май.

лъженіе. Предоставляютъ себѣ (on sevoit) нѣчто непроницаемое и называютъ это веществомъ, вотъ и все.»⁽¹⁾

Точно такъ Эйлеръ въ своихъ кнѣскахъ къ философской прѣдсѣдъ (2) утверждаетъ, что сущность тѣла имѣетъ совершенно невѣдства и что она состоитъ въ *протласности, непроницаемости и инерціи*. Замѣтимъ, что инерцію натуралисты обыкновенно не считаютъ принадлежностію сущности. Эйлеръ доказываетъ, что она принадлежитъ необходимо всѣмъ тѣламъ, но этого доказательства обыкновенно не принимаютъ; да и ясно, что инерція есть нѣчто мыслимое, а не представляемое.

Какъ бы то ни было, Эйлеръ рассуждаетъ слѣдующимъ образомъ: «Самые осторожные умы не могутъ не признать, что эти три качества необходимы для того, чтобы составить тѣло. Но они сомнѣваются въ томъ, достаточны ли эти три признака. Быть можетъ, говорятъ они, есть еще многія другія свойства, которымъ также необходимы для сущности тѣла.»

«Но я спрошу ихъ: еслибы Богъ создалъ существо, лишенное этихъ неизвѣстныхъ свойствъ и обладающее только указанными тремя свойствами, ужели они усомнились бы назвать это существо тѣломъ? Безъ сомнѣнія нѣтъ.»

То-есть, хотя бы вещество было совсѣмъ не таково, какъ мы его представляемъ, но наше представленіе о немъ ясно и отчетливо, и Богъ, какъ существо всемогущее, могъ бы создать вещество по этому образцу.

На такомъ опредѣленномъ пониманіи вещества остановиться однакоже очень трудно; на самомъ дѣлѣ — чтоже есть въ этомъ веществѣ? Какимъ образомъ оно можетъ быть корнемъ всѣхъ явленій природы? Очевидно представленіе, доведя вещество до окончательной формы, въ тоже время совершенно убило въ немъ всякую возможность проявленія, слѣдало его пустымъ, ничего не содержащимъ, ничтожнымъ. Неизмѣнныя, непроницаемыя частицы, эта вторая стихія матеріализма, точно также не обьявляютъ намъ міра, какъ и матеріалистическое пространство и время.

Вотъ почему матеріалисты обыкновенно уклоняются отъ опредѣленія вещества; они любятъ говорить о томъ, что вещество есть корень вещей, основа всего существующаго, а между-тѣмъ не могутъ указать на точное понятіе вещества, хотя это точное понятіе совершенно одинаковымъ образомъ обнаруживается въ каждомъ курсѣ механики, физики или химіи. Матеріалисты любятъ пред-

(1) Elements de Physique. T. I, p. 4.

(2) Lettres à une Princesse d'Allemagne. Deuxième partie, lettres LIII et LIV.

считать вещество какъ что-то глубокое, неизслѣдимое; они часто говорятъ, что *сущность его неизвѣстна*.

Подъ этими рѣчицами скрывается просто отвращеніе мысли отъ того пустого фантома, который создаетъ представленіе; но материалисты будутъ непосѣдонательны, если они вложатъ въ вещество или даже только будутъ подозрѣвать въ немъ какія-нибудь формы начала, неприимѣръ жизненную силу или что-нибудь подобное. Всякое подобное предположеніе будетъ произвольнымъ мечтаниемъ и не удержится передъ правдивымъ развитіемъ матеріалистическаго взгляда.

« Бюхнеръ, какъ и другіе, не опредѣляетъ вещества и вообще ничего не опредѣляетъ. Легко понять, какъ мало твердости въ убѣжденіяхъ, у которыхъ всегда остается задняя лазейка и которыя въ случаѣ опасности тотчасъ превращаются въ скептицизмъ. Трудно опровергать матеріалиста, если на вопросъ что такое вещество, онъ отвѣчаетъ: не знаю.

Впрочемъ у матеріалистовъ есть одно доказательство, которое повидному совершенно оправдываетъ ихъ понятіе о веществѣ, какъ о сущности. Съ большимъ увлеченіемъ они ссылаются на результаты естественныхъ наукъ, по которымъ *вещество не исчезаетъ и не создается вновь*, слѣдонательно вполне представляетъ неизмѣнность сущности. Молешиотъ, а за нимъ и Бюхнеръ напыщенно называютъ это *бессмертіемъ* вещества, забывая, что смерть и бессмертіе могутъ относиться только къ живому.

Предметъ этотъ весьма важенъ и гораздо сложнѣе, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. Натуралисты тысячу и тысячу разъ повторяютъ: при всевозможныхъ переираваніяхъ, при всѣхъ химическихъ разложеніяхъ и соединеніяхъ *количество вещества остается одно и тоже*. Но спросите ихъ что они называютъ *количествомъ* вещества, какимъ образомъ они *мѣряютъ* эту сущность, и вы убѣдитесь, что они вовсе не добрались до этой сущности, какъ можно бы подумать сначала.

Очень часто простодушные физики и химики отвѣчали на этотъ вопросъ такъ: что количество вещества есть *число атомовъ* и что это количество не измѣняется, потому что ни одинъ атомъ не происходитъ и не исчезаетъ.

Отвѣтъ конечно былъ бы вполне удовлетворителенъ, еслибы можно было убѣдиться въ его справедливости, то-есть еслибы дѣйствительно можно было пересчитывать атомы. Но такъ какъ атомы никто не видалъ и считать ихъ нельзя, то очевидно они только мысленно подставляются туда, гдѣ слѣдуетъ быть неизмѣнной сущности. Другими словами — *правые фактъ, правыя наблю-*

ленія представляютъ *мазмьичное* вещество; если мы будемъ прямо мѣрять его количество, то окажется, что это количество неизмѣняется. Чтобы избѣжать этого, мы рассматриваемъ наблюдаемыя переменныя величины только какъ явленіе, какъ функцію постоянныхъ величинъ, то-есть атомовъ, и атомы принимаемъ за мѣру.

Можно было бы на примѣръ мѣрять вещество объемами, но объемы тѣлъ измѣняются: таже масса воздуха можетъ занять объемъ въ десять, двадцать разъ болѣе и во столько же разъ менѣе. Поэтому и говорятъ, что хотя объемъ измѣняется отъ разныхъ причинъ, но число атомовъ при этомъ остается одно и то же.

Между-тѣмъ очевидно, что объемы самая приличная мѣра для вещества; протяженность есть существенное его свойство; неизмѣнное вещество есть вмѣстѣ вещество неизмѣнно-протяженное, абсолютно-твердое; слѣдовательно его неизмѣнный объемъ долженъ служить ему настоящею мѣрою. Извѣстно однакоже, что физики давно уже отказались отъ надежды измѣрять этотъ дѣйствительный объемъ вещества; наблюдаемыя ими тѣла всѣ измѣняютъ свой объемъ, и границы этому измѣненію никакой вѣтъ.

Итакъ чѣмъ же измѣряется количество вещества? *Вѣсомъ*. Вѣсъ — вотъ то неизмѣнное, то неизбѣжно-постоянное, что натуралисты нашли въ природѣ, среди ея безчисленныхъ переменъ и превращеній.

Возьмите кусокъ льда и взвѣсьте его; потомъ растопите его, хоть тутъ же на вѣсахъ. Ледъ превратится въ воду, но вода будетъ вѣсить столько же, сколько вѣсилъ ледъ. Вотъ фактъ. Можно ли однакоже изъ него прямо заключать, что количество вещества при такомъ превращеніи осталось то же самое?

Никакимъ образомъ. Для доказательства приведу, что великій Лавуазье, тотъ самый, который научилъ химиковъ употреблять вѣсы, полагалъ, что при этомъ количество вещества измѣняется. Самое превращеніе онъ объяснялъ тѣмъ, что со льдомъ соединяется особенное невѣсомое вещество, теплородъ, что это вещество входитъ въ промежутокъ атомовъ льда и что такимъ образомъ изъ него происходитъ вода.

Предположеніе Лавуазье конечно есть чистая гипотеза; но точно такую же гипотезу представляетъ и то предположеніе, что количество вещества въ приведенномъ опытѣ несколько не измѣнилось.

Съ другой стороны мы знаемъ случаи, когда вѣсъ тѣлъ измѣняется. Извѣстно, что на экваторѣ то же тѣло вѣситъ менѣе, чѣмъ въ на-

шихъ широтахъ. Вообще вѣсъ тѣлъ измѣняется смотря по разстоянію ихъ отъ центра земли. При этомъ мы однакоже никакъ не полагаемъ, что число атомовъ въ нихъ уменьшается или увеличивается, или вообще, что количество вещества въ нихъ претерпѣваетъ какую-нибудь перемѣну. Следовательно вѣсъ не есть что-либо неизмѣнно-связанное съ этимъ количествомъ, не есть его абсолютная мѣра. Такъ это и здѣсь, какъ при атомахъ, мы только предполагаемъ вѣсъ неизмѣнное, но не находимъ его въ прямомъ опытѣ.

Въ природѣ ничто не исчезаетъ и ничто не можетъ произойти изъ ничего; это безъ сомнѣнія справедливо и было извѣстно не только вынѣшнимъ натуралистамъ, но и древнимъ греческимъ и восточнымъ мудрецамъ. Но о чемъ здѣсь рѣчь, что именно не исчезаетъ, въ этомъ весь вопросъ. Не исчезаетъ *сущность*, потому что невозможность исчезанія лежитъ въ самомъ понятіи сущности. Но все дѣло въ томъ, какъ мы понимаемъ эту сущность. Если я скажу — міръ есть проявленіе Вѣчнаго Разума, то этимъ самымъ я признаю Вѣчный Разумъ стою же неизмѣнною сущностью, какъ матеріалисты признаютъ свое вещество. Ошибка матеріалистовъ состоитъ не въ исканіи сущности, а въ томъ, что они торопятся облечь ее въ образы, что они понимаютъ ее въ видѣ того абсолютно-твердаго вещества, котораго нѣтъ въ природѣ, до котораго нельзя добраться никакимъ образомъ. Посмотрите, какъ Бюхнеръ описываетъ то что неизмѣнно въ природѣ:

«Атомъ кислорода, азота или желѣза вездѣ и при всѣхъ обстоятельствахъ есть одна и таже вещь, имѣетъ тѣже *имманентныя* свойства⁽¹⁾, и никогда, втеченіе цѣлой вѣчности не можетъ стать чѣмъ-нибудь инымъ. Гдѣ бы онъ ни былъ, онъ вездѣ будетъ тѣмъ же самымъ существомъ; изъ самаго разнороднаго соединенія при распаденіи онъ выйдетъ снова тѣмъ же самымъ атомомъ, какимъ вступилъ въ него. Но никакъ и никогда атомъ не можетъ произойти вновь, или исчезнуть изъ бытія: онъ можетъ только перемѣнить свои соединенія. Вотъ тѣ основанія, по которымъ вещество *безсмертно*...»

Какъ нельзя лучше видно изъ этого мѣста, что Бюхнеръ есть совершенный атомистъ. Если же такъ понимать сущность вещества, то справедливо можно сказать матеріалистамъ: вашей сущности, вашего вещества нѣтъ въ природѣ; вы сами его выдумали, сами создали и потомъ подставляете его вездѣ, постоянно предполагая, что намѣненія до него не касаются.

(1) Бюхнеръ, какъ я уже говорилъ, любитъ употреблять *трансцендентныя* слова.

Возвратимся теперь снова на точку зрѣнія матеріализма. Мы имѣемъ пустое пространство и время; въ этой пустотѣ заключаются частицы вещества, протяжанныя, абсолютно-твердыя и вѣчно-неизмѣнныя. Достаточно ли этого для того, чтобы построить міръ?

Извѣстно, что были ученія, которыя старались довольствоваться этими двумя стихіями — пустотою и веществомъ. Таково было ученіе древнихъ греческихъ атомистовъ. Всѣ вещи, всѣ существа природы у нихъ происходили отъ случайнаго столкновенія атомовъ.

Подобнымъ образомъ старался построить природу и Декартъ. Дайте мнѣ — говорилъ онъ — вещество и движеніе и я создамъ вамъ міръ. Движеніе по его ученію дано веществу исконно, и, никогда не уменьшаясь, только передается и видоизмѣняется.

Эйлеръ, который во многихъ отношеніяхъ приближается къ Декарту, также думалъ, что для объясненія физическаго міра достаточно того вещества, котораго сущность состоитъ въ протяженности, непроницаемости и инерціи. «Непроницаемость — говоритъ онъ — заключаетъ въ себѣ источникъ тѣхъ силъ, которыя непрерывно измѣняютъ состояніе тѣлъ въ мірѣ; вотъ истинное рѣшеніе великой загадки, которая столько мучила философовъ» (1).

Такимъ образомъ были попытки объяснить міръ посредствомъ чистаго механизма, то-есть такого, при которомъ сущность явлений полагалась вполне заключенною въ пространствѣ, времени и веществѣ. Очевидно однакоже, что здѣсь является уже новый элементъ, новая стихія — *движеніе*. На первый взглядъ можно подумать, что это не есть что-либо существенное, что перемѣна, называемая движеніемъ, висколько не касается сущности движущагося; такъ и старались понимать это чистые механики. Но легко убедиться въ противномъ.

Въ самомъ дѣлѣ вещество безъ движенія не образуетъ міра. Міръ, какъ я уже сказалъ, представляетъ разнообразіе въ пространствѣ и времени. Это-то разнообразіе и требуется объяснить, и если мы вообразимъ только всюду одинаковое и неизмѣнное вещество, то получимъ прямо противоположное, то-есть разрушимъ, а не создадимъ міръ. Натуралисты, создавая свое вещество и олицетворяя въ немъ сущность міра, забыли, что этой сущности нужно придать дѣй-

(1) Lettres à une Princesse d'Allem. 2-me partie. L. IX.

ствующее, заключающее начало, те начало, изъ котораго могло бы протечь все разнообразіе явленій.

Такое начало составляетъ для нихъ *движеніе*. Движеніе они принимаютъ за единственное возможное измѣненіе въ мірѣ. Это несомнѣтельно вытекаетъ изъ ихъ точки зрѣнія, потому что дѣйствительно движеніе есть единственная *представляемая* *перемѣна*. Всякую другую перемѣну нельзя представлять, нужно мыслить; одну движеніе, какъ явленіе пространственное и временное доступно представленію. Притомъ всякая другая перемѣна повидимому касается самой сущности измѣняющагося предмета; движеніе же не вынѣляетъ сущности, потому что время и пространство, которые при этомъ измѣняются, полагаются ничтожными, неизмѣнными существа снпнаго отношенія къ предмету.

Вотъ почему матеріалисты все объясняютъ однимъ движеніемъ. Но откуда же является движеніе, отъ чего оно зависитъ? Самый простой отвѣтъ на этотъ вопросъ конечно былъ бы тотъ, что движеніе необходимо принадлежитъ веществу, что оно вытекаетъ изъ самой его сущности. Дѣйствительно такое мнѣніе было излагаемо защищено въ знаменитой матеріалистической книгѣ прошлаго столѣтія — «*Système de la Nature*». Но по началамъ матеріализма оно являть не можетъ быть оправдано. Мы можемъ представить себѣ тѣло въ покоѣ; представленіе тѣла ни мало не требуетъ представленія движенія; следовательно никакъ нельзя доказать, что движеніе есть необходимая принадлежность тѣла.

Вотъ почему Декартъ и Эйлеръ, которые въ этомъ отношеніи мысляли матеріалистически, должны были для того чтобы объяснить мировое движеніе, прибѣгать къ прямому дѣйствию высочайшаго существа. Такое особенное, отдѣльное происхожденіе движенія само свидѣтельствуетъ о томъ, что въ представленіи никакъ нельзя необходимо связать его съ веществомъ.

Разсмотрите пристальнѣе движеніе и вы убѣдитесь, что оно есть предметъ очень сложный и что вмѣстѣ въ немъ содержится главная сущность мировыхъ явленій. Движеніе есть нечто измѣнчивое и неопредѣленное. Пространство только одно, и можетъ быть только одного рода; вещество также только одно, и по самой сущности своей не можетъ быть разнаго рода. Движеніе же можетъ быть до *бесконечности* разнообразно. Если вы скажете: частицы вещества имѣютъ *такое-то* движеніе, *и другое* движеніе, то изъ этого еще невозможно построить міръ, потому что воображая себѣ, что *если* движенія возможны, мы будемъ представлять себѣ только хаосъ.

Вообще нельзя сказать, что вещество имѣетъ возможность вся-

чески двигаться, потому что всё наши усилия направлены къ тому, чтобы объяснить дѣйствительныя движенія вещества, слѣдовательно къ тому, чтобы показать, что эти движенія необходимы, и потому никакія другія движенія невозможны.

Для этого очевидно необходимо допустить, что вещество, по самой сущности міра, имѣетъ *опредѣленные, правильныя движенія*, то-есть что оно *необходимо* имѣетъ такія движенія, въ силу которыхъ образуется явленія, находимыя нами въ мірѣ. Но движенія *опредѣленные* значить движенія, происходящія по *опредѣленному математическому закону*; такъ что движеніе приводитъ насъ къ существованію *законовъ*, или правилъ. Эти законы, какъ ясно изъ предъидущаго, вѣсколько не связаны съ сущностью вещества, потому что не входятъ въ представленіе этой сущности. Что же они такое? То-есть мы опять ищемъ ихъ сущности, опять желаемъ *представить* себѣ ихъ существованіе. Но здѣсь кончается всякая возможность представлять. Самое образное, самое живое, что могли здѣсь придумать натуралисты, есть понятіе силы; они говорятъ, что законы движенія зависятъ отъ существованія силъ, извѣстнымъ образомъ производящихъ эти движенія. «Довольно странно, пишетъ Дюбуа-Реймонъ, что для нашего стремленія къ отысканію причинъ есть какое-то удовлетвореніе въ невольнорисующемся передъ нами образѣ руки, подвигающей самонедѣтельное вещество, или незримыхъ шароуальцевъ, которыми частицы вещества обхватываютъ другъ друга, тащутъ къ себѣ другъ друга, чтобы наконецъ слиться въ одинъ комочекъ».

Такимъ образомъ представленіе, желая оживить міръ, невольно приближаетъ къ знакомымъ явленіямъ животной жизни, то-есть въ области высокой и явной дѣятельности. Но все-таки сила, какъ я уже сказалъ, не есть что-либо представляемое и потому остается для натуралистовъ чѣмъ-то непроницаемо-темнымъ.

Какъ бы то ни было, но призывая силы, они очевидно въ нихъ признаютъ истинно-создающее начало міра; уже не пространство и время, не вещество, но силы суть дѣйствительный источникъ всего порядка, всѣхъ явленій. Теперь міръ готовъ, потому что дѣйствующее начало найдено и слѣдовательно можно наполнить пространство и время всевозможнымъ разнообразіемъ. Міръ материалистовъ есть міръ *представляемый*, то-есть существующій въ пространствѣ и времени; какъ скоро дана сущность — вещество, и ея переиѣна — движеніе, то уже ничего больше не требуется для полного созерцанія.

Мы видѣли какъ этотъ міръ слагается изъ его отдѣльныхъ ступеней. Пространство и время воображается пустотою; въ нее влагает-

ся вещество. Вещество представляется неизмѣннымъ и неизмѣющимся въ себѣ никакого закона перемѣнъ; ему придаются силы.

Очевидно представленіе дѣйствуетъ разъединяющимъ, раздробляющимъ образомъ; оно разбиваетъ міръ на отдѣльныя несвязныя стихіи.

Я старался показать, что пространство и время необходимо связаны съ веществомъ, что вещество не есть что-либо неизмѣнное; теперь нужно показать, что силы не суть что-то особое отъ вещества, только данное ему, но что они вытекаютъ изъ его сущности.

Отношеніе между силою и веществомъ уясняется очень хорошо, если мы возьмемъ самое общее понятіе вещества. Подъ веществомъ или матеріею мы прежде всего разумѣемъ такъ-сказать *матеріалъ*, изъ котораго состоитъ вещь. Такъ мы спрашиваемъ: изъ какого вещества сдѣлана эта ложка? Изъ чего состоитъ гора? Въ такомъ смыслѣ вещество необходимо противопоставляется *формѣ* и всѣмъ другимъ пространственнымъ отношеніямъ. Самому веществу мы не приписываемъ никакой существенной формы, считаемъ его безформеннымъ; форму же полагаемъ приданною веществу, слѣдовательно зависящую отъ чего-то другого, вѣщаго. Точно такъ вещество не имѣетъ и движенія; движеніе дается ему извнѣ. Еще общѣе — вещество противопоставляется каждому дѣйствию или явленію. Такъ мы спрашиваемъ — какое вещество даетъ такой вкусъ? какое даетъ такой цвѣтъ? Вкусъ и цвѣтъ мы противопоставляемъ *тому, что* производитъ этотъ вкусъ и этотъ цвѣтъ. *Силою* въ самомъ общемъ смыслѣ этого слова мы называемъ способность дѣйствовать такъ или иначе; такъ что для каждаго явленія необходимо не только, чтобы было вѣчто, производящее явленіе, но кромѣ того, чтобы это вѣчто имѣло силу производить это самое явленіе. Вслѣдствіе такого умственного процесса вещество необходимо считается чѣмъ-то бездѣйственнымъ; оно не есть вещь или явленіе, а только то, изъ чего состоитъ вещь и что производитъ явленіе; сила же есть то что изъ вещества составляетъ вещь и что въ немъ производитъ явленіе.

Совершенно ясно, что въ дѣйствительности мы находимъ только вещи и явленія, и что слѣдовательно какъ вещество, такъ и сила суть созданія нашего собственнаго ума. Притомъ эти понятія являются неизмѣнно разомъ; они тѣсно связаны между собою; полагая, что вещество не дѣятельно, мы тѣмъ самымъ приписываемъ дѣятельность чему-то другому, именно силѣ. Такимъ образомъ, если мы только будемъ помнить смыслъ нашихъ словъ, то для насъ не можетъ быть сомнѣнія, что *вещество не можетъ быть безъ силы, и сила безъ вещества*. Это аксіома, истина, очевидная безъ

всякихъ опытовъ и наблюденій. Такъ попялъ это и Дюбуа-Реймонъ, но не такъ понимаетъ это Бюхнеръ, хотя этимъ самымъ положеніемъ онъ начинаетъ свою книгу. Для него это есть выводъ изъ опытовъ и наблюденій; «мы незнаемъ, говоритъ онъ, примѣра, чтобы хоть одна частица вещества не была одарена силами.» Правда онъ пытается, говоря его слогомъ, доказать *идеально*, что вещество не можетъ быть безъ силы; но такъ какъ онъ имѣетъ *методу* не давать никакъ опредѣленій, то совершенно неизвѣстно что онъ называетъ веществомъ и что силою и потому разумѣется никакъ невозможно *идеально* убѣдиться, почему его вещество не можетъ быть безъ его силы, и наоборотъ.

Еслибы Бюхнеръ понималъ дѣйствительное отношеніе силы и вещества, то безъ сомнѣнія онъ, какъ Дюбуа-Реймонъ понималъ бы и то, что слѣдовательно *изъ сущности нѣтъ ни вещества, ни силъ*. Для матеріализма, по самой сущности дѣла, такое признаніе невозможно; не только признаніе существованія вещества, но и признаніе *особенной сущности силъ* есть существенная черта матеріализма.

Для большей убѣдительности замѣчу, что Дюбуа-Реймонъ не смотря на свое отрицаніе вещества, остался однакоже матеріалистомъ; но это не прошло ему даромъ: внутреннее противорѣчіе привело его въ отчаяніе. Вотъ что онъ пишетъ.

«Еслиже спросить, чтоже наконецъ остается, если ни силы, ни вещество не имѣютъ дѣйствительнаго существованія, — то тѣ, которые въ этомъ согласны со мною, будутъ отвѣчать слѣдующимъ образомъ. Въ этихъ вещахъ человѣческому духу не суждено выпутаться изъ окончательнаго противорѣчія. Поэтому, вмѣсто того, чтобы кружиться въ бесплодныхъ умозрѣніяхъ или разсѣкать узлы мечемъ самообольщенія, мы предпочитаемъ держаться созерцанія вещей, какъ онѣ есть, довольствоваться, по словамъ поэта, *«чудесами существующаго»* (Wunder dessen, was da ist). Потому что мы никакъ не можемъ рѣшиться, не находя правильнаго объясненія на одной дорогѣ, закрыть глаза для недостатковъ другой только потому, что нѣтъ третьей; и мы имѣемъ достаточно самоотрѣченія, чтобы освоиться съ представленіемъ, что можетъ-быть всякая наука имѣетъ своею послѣднею цѣлью не пониманіе сущности вещей, а только пониманіе того, что эта сущность непонятна. Такъ напримѣръ задачей математики стала наконецъ не квадратура круга, но доказательство, что эта квадратура невозможна; задачей механики стало не изысканіе вѣчнаго движенія (perpetuum mobile), но доказательство, что оно невозможно» (1).

(1) Untersuchungen über thierische Electricität. 1 Bd. Vorrede.

Отчаяніе — есть дѣло очень обыкновенное въ естественныхъ наукахъ, но рѣдко оно выражается столь систематически и рѣзко. Источникъ его въ настоящемъ случаѣ совершенно ясенъ. Дюбуа-Реймонъ переступилъ заповѣдную грань; вмѣсто того, чтобы представлять и представлять, онъ началъ мыслить, онъ сдѣлалъ дерзкій шагъ въ новую, незнакомую ему область. Тогда прежній его міръ, яркій міръ представленій вдругъ исчезъ передъ его глазами, и такъ какъ онъ не умѣетъ видѣть, не умѣетъ идти впередъ въ новомъ мірѣ, въ мірѣ мысли, то ему показалось, что его обхватилъ непроницаемый иракъ.

Ссылки на математику и механику очень неудачны; математика не потеряла ничего, когда дошла до невозможности найти квадратуру круга; невозможность вѣчнаго движенія опирается только на лучшее пониманіи дѣйствительно возможныхъ движеній; но сказать, что наука о природѣ ведетъ прямо къ непониманію природы, что окончательный результатъ ея есть чистое противорѣчіе, значить ни больше ни меньше какъ признать невозможность всей науки.

Бюхнеръ, не понимая отношенія силы и вещества, разумѣется не могъ понять и отчаянія Дюбуа-Реймона. Говоря языкомъ Дюбуа-Реймона, Бюхнеръ *разсыкъ этотъ узелъ мечомъ самообольщенія*, то-есть въ сущности онъ принялъ особенное существованіе силъ и вещества. Силу, говоритъ онъ, нельзя представлять безъ вещества и обратно вещество безъ силы; но для него это служитъ только доказательствомъ, что и сила существуетъ, и вещество существуетъ, и что притомъ они существуютъ нераздѣльно. Ничего темнаго онъ здѣсь не находитъ; это для него *простѣйшая истина*.

Если мы откажемся отъ олицетвореній матеріализма, если будемъ держаться самого общаго смысла вещества и силы, то, собственно говоря, неразрывность ихъ сводится на то положеніе, что *вещество есть нѣчто дѣйствующее*, т.-е. что съ нимъ происходятъ перемѣны, совершаются явленія и что причина и основаніе этихъ явленій и перемѣнъ есть само вещество. Признать неразрывность силы и вещества, значить просто признать *самодѣтельность вещества*.

Чтобы видѣть важность такого признанія замѣтимъ, что нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ принятіе вещества за простой матеріалъ, за неизмѣнную и недѣятельную массу, которая необходима для явленій, но сама произвести ихъ не можетъ. Такъ понимаетъ его и матеріализмъ. *Бытіе и дѣятельность* суть общія понятія, подъ которыя мы подводимъ все существующее; но умъ человѣчскій съ особеннымъ упорствомъ останавливается на понятіи *бытія*

и на всемъ что подходитъ подь это понятіе. Явленіями этого постоянного упорства наполнены всѣ лѣтописи наукъ, вся исторія мышленія. Такое направленіе ума вытекаетъ изъ самой его природы; онъ стремится подь явленіями найти сущность, среди переменъ открыть неизмѣнное, среди безконечнаго міра отыскать тотъ центръ, который самъ остается нераздѣльнымъ и неподвижнымъ, и изъ котораго выходитъ всякая раздѣльность и всякое движеніе. Такъ какъ въ этомъ состоитъ самое существенное стремленіе ума, то въ ошибкахъ, идущихъ по этому направленію, состоятъ и существенныя заблужденія ума. Такъ неизмѣнность сущности обыкновенно полагается въ ея *самодеятельномъ бытіи*.

Между-тѣмъ такого бытія нѣтъ; все что существуетъ, существуетъ настолько, насколько дѣйствуетъ, — самая сущность вещей состоитъ въ дѣятельности. Такъ точно и сущность вещества состоитъ въ его дѣятельности.

Дѣятельность есть понятіе болѣе трудное, чѣмъ *бытіе*. Бытіе такъ или иначе мы можемъ представлять; дѣятельности же вообще нельзя представлять. Мы видѣли, что натуралисты принуждены были прибѣгнуть къ сравненію, чтобы обозначить дѣятельность вещества. *Сила* всегда будетъ не что иное, какъ отвлеченіе отъ *силы животнаго*.

Поэтому, ограничиваясь однимъ представленіемъ, матеріалисты и натуралисты никакъ не могутъ понять самодеятельности вещества. Въ самомъ дѣлѣ, имъ нужно представить себѣ такую сущность вещества, чтобы изъ нея необходимо вытекала его дѣятельность; обратно имъ нужно представить такую дѣятельность, чтобы она заключала въ себѣ и сущность вещества, чтобы отъ нея зависѣла и самая протяженность вещества и все разнообразіе пространства и времени.

Извѣстно, что динамическая теорія вещества считаетъ сущностию не вещество, а силы; вещество по этой теоріи само происходитъ отъ взаимодѣйствія двухъ силъ, притягательной и отталкивательной. Но этого мало. Нужно найти силу въ полномъ смыслѣ *жизнью*, т.-е. внутреннюю, немеханическую; нужно открыть ея законъ, не математическій, но служащій основою всѣмъ математическимъ законамъ. Чтобы понять жизнь вещества, нужно проникнуть въ эти внутреннія біенія его пульса, нужно мысленно постигнуть глубокія движенія его сущности. Только тогда можно будетъ разсматривать міръ какъ одно цѣлое, какъ гармоническую сферу.

VII

Предметъ, о которомъ мы говорили выше, т.-е. отношеніе между пространствомъ, временемъ и веществомъ, и между веществомъ и движеніемъ, или силою, можетъ быть обработанъ съ большою полнотою и съ большою отчетливостію; предыдущія разсужденія способны принять характеръ опредѣленности и строгости, ни чѣмъ не уступающей строгости математическихъ выводовъ. Настоящая статья необходимо ограничивается только бѣглымъ очеркомъ всего вопроса.

Въ заключеніе я приведу, какъ одинъ изъ поразительныхъ примѣровъ, отношеніе матеріалистическаго мышленія къ понятію о Богѣ. Понятіе о Богѣ есть *понятіе по преимуществу*, т. е. менѣе чѣмъ что-либо другое доступно представленію. По самому обыкновенному пониманію отъ Бога все зависитъ, все отъ него происходитъ, онъ есть начало и смыслъ всего существующаго. Слѣдовательно для мышленія онъ представляетъ глубочайшую глубину, крайнюю точку, до которой оно можетъ достигнуть.

Матеріалистическое мышленіе, слѣдуя своему обыкновенному ходу, стремится *представить* себѣ Бога, и потому впадаетъ въ неисчислимыя затрудненія. Представлять что-нибудь значить по самой сущности этого дѣйствія ума отдѣлять этотъ предметъ отъ другихъ, ставить его особо, независимо. Поэтому даже отвергая челоукоподобное пониманіе Бога, признавая его духомъ, вездѣ-сущимъ и проч., матеріалистическое мышленіе все-таки никакъ не можетъ постигнуть его существенной черты. Оно все-таки воображаетъ Бога какимъ-то тонкимъ-воздушнымъ существомъ на ряду со всѣми другими существами, слѣдовательно безъ существеннаго отношенія къ нимъ. Неудивительно поэтому, что такое воображеніе не представляетъ ничего понятнаго и ни мало не служитъ къ пониманію міра.

Между явленіями матеріалистическаго мышленія въ этомъ отношеніи встрѣчаются очень поразительныя. Мы видѣли, что развиваясь строго-последовательно, оно находитъ въ основѣ всего существующаго — *пространство, время, вещество и силы*. Только эти сущности оно можетъ себѣ *представлять* и потому только они и признаются существующими. Все остальное нельзя представлять, слѣдовательно вообще нельзя познавать, слѣдовательно и нельзя полагать существующимъ.

Поэтому, встрѣчаясь съ понятіемъ о Богѣ и не находя его въ

своимъ собственномъ развитіи, матеріалистическое мышленіе, нерѣдко старается поставить это понятіе въ связь со своими сущностями. Такимъ образомъ оно то находитъ какое-то средство Бога съ пространствомъ, то готово признать Богомъ самое вещество, то наконецъ сравниваетъ Бога съ силою.

Исторія мышленія полна примѣровъ этого рода. Вольтеръ, постоянно боровшійся противъ матеріализма, а между-тѣмъ самъ дошедшій до послѣднихъ крайностей матеріалистическаго мышленія, пишетъ слѣдующее :

«*Ньютона* разсматриваетъ пространство и время какъ два существа, которыхъ существованіе необходимо слѣдуетъ изъ самого Бога; ибо безконечное существо существуетъ въ каждомъ мѣстѣ, слѣдовательно каждое мѣсто существуетъ; безконечное существо существуетъ безконечное время, слѣдовательно безконечное время есть нѣчто существующее.»

Замѣтимъ, что все это разсужденіе цѣликомъ принадлежитъ Вольтеру. Ньютонъ никогда не доходитъ до такой смѣлости и опредѣленности; напротивъ онъ нигдѣ не называетъ пространство и время *сущностями*. Въ этомъ случаѣ Вольтеръ обращается съ Ньютономъ, какъ нерѣдко обращаются съ великими авторитетами, т.-е. взводитъ на него собственные мысли, чтобы придать имъ больше твердости. Вольтеръ и самъ почти признается въ этомъ, потому что вслѣдъ за приведенными словами говоритъ :

«У Ньютона, въ концѣ его вопросовъ оптики, вырвались слѣдующія слова : *эти дѣленія природы не показываютъ ли, что есть существо безтѣлесное, живое, разумное, вездѣ присущее, существо, которое въ безконечномъ пространствѣ, какъ въ своемъ чувствилищѣ (Sensorium) все видитъ, различаетъ и понимаетъ самымъ близкимъ и совершеннымъ образомъ?*» (1).

Дѣйствительно таковъ смыслъ словъ Ньютона, подавшихъ поводъ къ разсужденіямъ Вольтера, но эти слова передѣланы Вольтеромъ. Мы приведемъ подлинныя выраженія Ньютона, такъ какъ въ нихъ содержится больше, чѣмъ въ этой передѣлкѣ.

«Первоначальное устройство такихъ чрезвычайно искусныхъ частей животныхъ, какъ глаза, уши, мозгъ, мускулы, сердце и пр., также инстинктъ звѣрей и насекомыхъ, все это не можетъ быть произведеніемъ чего-нибудь другого, кромѣ мудрости и искусства могущественнаго, вѣчно живого Дѣателя, который, будучи во всѣхъ мѣстахъ, можетъ двигать тѣлами, заключенными въ его безграничномъ и однообразномъ чувствилищѣ, и такимъ образомъ

(1) Elements de Philos. de Newton. Ch. II.

образовывать и преобразовывать части міра гораздо легче, чѣмъ мы можемъ двигать по нашей волѣ частями нашего тѣла. Мы не смотримъ однакоже на міръ, какъ на тѣло Бога и на части міра, какъ на части Бога. Богъ есть однообразное существо, лишонное органовъ, членовъ или частей, и они суть его созданія, подчиненныя ему и служащія его волѣ».

«Органы чувствъ не служатъ для того, чтобы ощущать образы вещей, а только для того, чтобы доводить эти образы до чувствлища; Богъ же не имѣетъ нужды въ такихъ органахъ, такъ какъ онъ повсюду присущъ самымъ вещамъ».

Вотъ замѣчательныя слова, выражающія одну изъ величайшихъ крайностей матеріалистическаго мышленія. Вольтеръ очевидно мнѣе поглощенъ представленіями, нежели Ньютонъ; у Вольтера есть три особыя существа — Богъ, пространство и время, и Богъ только наполняетъ собою пространство и время. У Ньютона же между Богомъ и пространствомъ являются самыя тѣсныя отношенія: пространство есть чувствлище божіе; если міръ не можетъ быть тѣломъ Бога, потомучто Богъ есть *существо однообразное, однородное*, то пространство, будучи само однообразнымъ, очевидно можетъ быть тѣломъ и чувствлищемъ Бога; самая дѣятельность божія, образованіе и преобразованіе міра у Ньютона тѣсно связаны съ этимъ воплощеніемъ Бога въ пространство.

Изъ другихъ мѣстъ ньютонovýchъ сочиненій можно заключить, что онъ дѣйствительно такъ *представлялъ* себѣ Бога; такъ напримѣръ самыя явленія тяготѣнія, которыя онъ открылъ, онъ готовъ былъ приписать непосредственному дѣйствию божію.

Понятно, почему Лейбницъ вооружился противъ такихъ мнѣній, почему онъ говорилъ, что въ Англіи кажется *падаетъ и естественная религія*. Англичане очень обидѣлись такимъ упрекомъ и изъ этого возникла полемика, давшая поводъ Лейбницу высказать многія замѣчательныя соображенія. Впослѣдствіи Вольтеръ объявилъ себя на сторонѣ англичанъ.

Такъ какъ явленія мышленія совершаются по строгимъ законамъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что въ наше время встрѣчаются повторенія мнѣній и разногласій, подобныхъ тѣмъ, которыя мы привели. Вообще новый нѣмецкій матеріализмъ, надѣлавшій столько шуму, въ сущности не представляетъ ничего новаго, такъ что любители *новой истины*, проявляющейся въ мірѣ, напрасно думаютъ, что нашли ее въ матеріализмѣ.

Бюхверъ въ первыхъ же главахъ говоритъ о Богѣ. Онъ думаетъ, что нераздѣльность силы и вещества и безсмертіе вещества прямо опровергаютъ существованіе Бога. Такъ какъ онъ по

обычаю даже и не пробуетъ объяснить что онъ разумѣетъ подъ понятіемъ Бога, то разумѣется его заключенія не имѣютъ ни малѣйшей силы. Отрицать существованіе чего бы то ни было, можно только выходя изъ точнаго понятія отрицаемаго предмета; но зная самъ что отвергаешь, нельзя ничего отвергнуть.

Поэтому намъ любопытно здѣсь не рѣшеніе самого вопроса о бытіи божіемъ, а только то, какъ Бюхнеръ понимаетъ бытіе Бога. Какъ онъ его понимаетъ, такъ и отвергаетъ.

Чтоже оказывается? Бюхнеръ представляетъ Бога въ видѣ силы; правда онъ называетъ его *творческою силою*, онъ приписываетъ этой силѣ *произволъ и намъренія*; но все-таки считаетъ эту силу такою же, какъ вещественныя силы, о которыхъ говорилъ выше. Понятіе о Богѣ, по его мнѣнію, есть понятіе о силѣ, *отдѣльной* отъ вещества, и вотъ онъ отвергаетъ существованіе Бога, основываясь на томъ, что *нѣтъ силы безъ вещества и нѣтъ вещества безъ силы*.

«Движеніе вещества — говоритъ Бюхнеръ — слѣдуетъ только законамъ, которые дѣйствуютъ въ немъ самомъ; различныя явленія вещей суть не что иное, какъ продукты различныхъ и многообразныхъ, случайныхъ или необходимыхъ комбинацій вещественныхъ движеній. Нигдѣ и никогда, ни въ какую эпоху, ни въ какихъ отдаленнѣйшихъ пространствахъ, куда только проникаютъ наши телескопы, не было найдено факта, который бы служилъ исключеніемъ изъ этого правила и который бы привелъ къ необходимости признать самостоятельную силу, дѣйствующую непосредственно и въ вещей.»

Понятно, что разсуждая подобнымъ образомъ, нельзя ничего доказать; откуда Бюхнеръ взялъ, что Богъ есть сила, подобная вещественнымъ силамъ? Не все ли это равно, какъ доказывать, что телескопы находятъ въ небесахъ только различныя небесныя тѣла, и что до сихъ поръ въ телескопъ нельзя было усмотрѣть ни Бога въ его *молниецѣтной ризѣ*, ни ангеловъ съ пламенными мечами?

Далѣе у Бюхнера есть выраженіе, поразительное своею несообразностью.

«Представлять себѣ — говоритъ онъ — эту силу погруженною въ вѣчный, самодовольный покой или внутреннее самозерцаніе — будетъ также пустое и произвольное отвлеченіе, неимѣющее эмпирическихъ основаній.»

Очевидно представлять себѣ вещественную силу *въ покоѣ, самодовольною, самозерцающею* — есть невообразимая нелѣпость, нестерпимая чепуха; а Бюхнеръ думаетъ, что это только *произволь-*

кое отвлеченіе, что оно не можетъ быть принято только за недостаткомъ эмпирическихъ основаній.

Отсюда видно между-прочимъ какъ дурно понимаетъ Бюхнеръ самое значеніе силы; еслибы онъ точнѣе понималъ его, онъ не сталъ бы сравнивать Бога съ вещественною силою, не сталъ бы говорить о произволѣ силы, о намъреніяхъ силы, и т. п. Совершенно ясно, что Бюхнеръ склоненъ къ олицетворенію силы, то-есть готовъ понимать ее какъ силу животнаго, какъ что-то живое, связанное съ мертвымъ веществомъ.

Его разсужденія о Богѣ, взятая во всей ихъ совокупности, не имѣютъ ни малѣйшей твердости. Что бы онъ ни говорилъ о веществѣ и силѣ, какъ бы онъ ни понималъ то и другое, все-таки по коренному смыслу самаго понятія о Богѣ, и вещество и силы и всѣ ихъ свойства и дѣйствія полагаются вполнѣ зависящими отъ Бога. Доказать что бы то ни было относительно Бога матеріализмъ не можетъ, потому что онъ не можетъ схватить самое это понятіе, не можетъ мыслить, а только представляеть. Поэтому правильнѣйшій матеріалистическій атеизмъ долженъ опраться на самой этой невозможности. Онъ долженъ разсуждать такъ: когда я представляю себѣ вещество и силы, то представляю ихъ самостоятельными, ни отъ чего независимыми, слѣдовательно я не могу считать ихъ зависящими отъ чего бы то ни было; самой зависимости я не могу представить, слѣдовательно ея нѣтъ, нѣтъ ничего, отъ чего бы зависѣла сущность вещества и силъ.

Такимъ образомъ и матеріализмъ съ своей стороны держится знаменитаго начала тождества бытія и мышленія; что для него не мыслимо, то онъ считаетъ несуществующимъ; существующимъ же и дѣйствительнымъ онъ признаеть только то, что онъ мыслить, и только такъ, какъ онъ его мыслить.

Мы видѣли, что коренное начало матеріалистическаго мышленія есть представленіе; въ представленіи вся его сила и матеріализмъ рушится, какъ скоро мысль освобождается отъ такой односторонности и начинаетъ дѣйствовать съ бѣльшимъ самообладаніемъ.

Такое освобожденіе есть важнѣйшій шагъ въ умственной жизни, потому что сила представленій чрезвычайно велика. Чистая мысль эфирна, по выраженію Гегеля, то-есть она легка, прозрачна и подвижна; она знаетъ сама себя, свободно управляетъ сама собою; въ ней нѣтъ никакого принужденія, потому что дѣятельность разума основана на полномъ самоопредѣленіи.

Мы не жалуемся на то, что принуждены мыслить извѣстнымъ образомъ, какъ скоро сознаемъ полную разумность этого мышленія;

точно также мы не жалуемся на то, что насъ мучить потребность мыслить, какъ скоро наше мышленіе удовлетворяетъ этой потребности.

Другое дѣло представленія; въ области ума они составляютъ нѣчто темное, тяжелое, и неподвижное. Они не сами себя опредѣляютъ, но какъ-будто принуждены извнѣ принять извѣстныя формы. Мы чувствуемъ, что они не пскорны власти ума, непроицаемы для его взгляда. Они не удовлетворяютъ насъ, являясь какими-то загадками и преслѣдуютъ насъ, какъ призраки или видѣнія, отъ которыхъ невозможно отдѣлаться. Какъ тотъ, кто долго игралъ въ карты, видитъ ихъ потомъ цѣлую ночь и вспоминаетъ ихъ утромъ, такъ и тотъ, кто долго игралъ *атомами*, или силами и пустымъ пространствомъ, не можетъ забыть ихъ, не можетъ перейти отъ нихъ къ другимъ понятіямъ. Приведу по этому случаю наивное признаніе Берцеліуса. «Велѣдствіе своихъ занятій философіею, говоритъ онъ, многіе натуралисты заравѣе предубѣждены въ безконечной дѣлимости вещества и потому даже безъ изслѣдованія отвергаютъ атомы какъ нелѣпность; но это затрудненіе только временное, потому что возраженія, основанныя на привычкѣ къ извѣстнымъ философскимъ убѣжденіямъ, теряютъ свою силу по мѣрѣ того, какъ съ ними борется опытъ» (1). Зная настоящій смыслъ атомовъ, мы должны это понять такъ, что философскія убѣжденія постепенно теряютъ свою силу, по мѣрѣ того какъ съ ними борется представленія.

Если же такъ, если дѣло идетъ о борьбѣ *привычекъ*, о перевѣсѣ той или другой стороны дѣятельности ума, то ясно, что мышленіе дѣйствуетъ не всецѣло, не со всею своею общностію и свободою. Между-тѣмъ мы хотимъ мыслить такъ, какъ вообще должно мыслить; мы не хотимъ подчиняться какимъ-нибудь особенностямъ, причудамъ или увлеченіямъ мышленія. Чтобы достичь истины, мы желаемъ приобрести мышленіе чистое, нормальное, всюду и для всѣхъ одинаковое, неизмѣнное и единственное.

Слѣдовательно нужно учиться мыслить.

Н. СТРАХОВЪ

(1) Théorie des proport. chim. p. 22.

БУТУЗКА

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Было уже часовъ девять утра, когда Алексѣй Наумычъ почувствовалъ, что его кто-то осторожно будить. Онъ открылъ глаза и каково же было его удивленіе, когда онъ увидалъ передъ собою Аксиною Максимовну, одѣтую по праздничному, въ полковой мантиль и чепецъ. Минуты двѣ смотрѣлъ онъ по крайней мѣрѣ на тетку и не вѣрилъ глазамъ своимъ. Онъ даже думалъ сначала не во снѣ ли видитъ Аксиною Максимовну; но потомъ убѣдявшись, что это былъ не сонъ, привсталъ съ подушки.

— Тетенька, вы ли это? проговорилъ онъ.

— Какъ видишь, мой другъ, отвѣчала она, нѣжно и съ любовью улыбаясь. — А что, развѣ я перемѣнилась? Ужь не помолодѣла ли?

— Нѣтъ-съ не то... Но я никакъ не ожидалъ.

— Отчего же? Будто я въ первый разъ прихожу къ тебѣ въ комнату?.. Ну, здравствуй, здравствуй!.. Ну что, хорошо ли почивалъ? Впрочемъ я думаю ты и выспаться-то не успѣлъ.

— Отчего же тетенька?

— Какъ отчего? Чай помнишь что ночью-то было... Ахъ, какъ я перепугалась, ахъ, какъ перепугалась, ты себя представить не можешь.. Такъ перепугалась, что насилу опомнилась. Охъ, люди, люди! Вѣдь родятся же такіе люди!.. Ничуть-то

не боятся они Бога, — удивление да и только!.. Точно какъ имъ и умирать никогда не придется, точно какъ ихъ не ожидаетъ страшный судъ. Я просто понять этого не могу. Ну какъ даже и страха божьяго не имѣть! Охъ, господи, господи!.. Ну, да господь съ ними... не наше дѣло судить... А я, знаешь, пришла тебя провѣдать, да крѣпѣ того пришла и разбудить тебя. Сейчасъ ударять къ обѣднѣ, такъ не хочешь ли сходить въ церковь?

— Да развѣ сегодня праздникъ какой?

— Воскресенье, мой дружокъ.

— Неужели?

Аксинья Максимовна даже улыбнулась.

— Милый мой! проговорила она, нѣжно обнимая племянника и присѣвъ на стулъ, стоявшій возлѣ его постели. — Вотъ милый-то!.. Онъ и позабылъ, что сегодня воскресенье! Вотъ какъ усталъ ты послѣ своей охоты. Ну, что? расскажи же мнѣ, вѣдь ты ничего еще не рассказывалъ мнѣ про свою охоту. Хорошо ли ты поохотился?

— Ахъ, тетенька, такъ хорошо, что вы себѣ и представить не можете! проговорилъ Алексѣй Наумычъ съ такимъ увлеченіемъ, что Аксинья Максимовна даже улыбнулась. — Такъ хорошо и такъ было мнѣ весело!

— Я такъ и думала, перебила его Аксинья Максимовна. Смотрю, даже и обѣдать нейдетъ, стало-быть весело.

— Да, тетушка, ужъ извините меня.

— Въ чемъ это?

— А что я къ обѣду не пришолъ.

— Что ты, что ты, Алеша, не грѣшно ли тебѣ!.. Напротивъ, я очень рада. Вѣдь мнѣ и остается только одно утѣшеніе: это видѣть тебя веселымъ и здоровымъ.

— Тетушка, добрая тетушка! вскрикнулъ Алексѣй Наумычъ, и забывъ все вчерашнее, принялся цѣловать руки Аксиньи Максимовны.

— Охъ, ты, мое сокровище! Охъ, ты, мое дитятко!.. шептала между-тѣмъ Аксинья Максимовна, прижимая къ своей груди Алексѣя Наумыча. Не забывай ты только меня старуху, а ужъ я никогда не забуду тебя. Чтожъ, Алеша, ты самъ знаешь, вѣдь у меня никого нѣтъ кромѣ тебя... А вѣдь мнѣ ужъ не богъ-знаетъ сколько остается жить!..

— Ахъ, что это вы, что это вы, тетенька!

— Да чтожъ мой другъ, развѣ неправда? Дай-богъ только умереть какъ подобаетъ умереть христіанкѣ.

— Нѣтъ, тетенька, я не переживу этого. Неужели же мнѣ опять придется быть одинокому? Нѣтъ, тетенька, Богъ этого не сдѣлаетъ... и вы лучше не говорите мнѣ объ этомъ...

— Такъ ты любишь меня, Алеша?

— И вы спрашиваете меня объ этомъ! Да кого же мнѣ любить-то, кромѣ васъ? Вѣдь у меня рѣшительно никого нѣтъ. Я вѣдь и жить-то началъ только съ того времени, какъ живу у васъ... не потому началъ жить, что имѣю кусокъ хлѣба, а потому что нашолъ наконецъ человѣка, котораго люблю, и который тоже меня любить. Ахъ, тетенька! вы себѣ представить не можете что за ужасная вещь одиночество!.. Какъ ужасно жить и видѣть, что нѣтъ ни одного существа дорогого сердцу!.. Знаете ли, тетенька, такъ мнѣ было горько жить, что мнѣ неразъ приходило бывало въ голову: Господи, боже-мой! Къ чему ты лишь мою жизнь и чѣмъ отнимать ее у тѣхъ, которымъ она дорога, отчего ты не отнимешь ее у меня?.. Мнѣ хотѣлось умереть, тетенька. Только съ одной смертью я надѣялся, что одиночество мое прекратится. Я бы соединился тогда съ моею бѣдною матерью, которая тоже вѣроятно терпитъ тамъ сиротство. Нѣтъ, тетушка, надо испытать это одиночество, чтобы знать насколько оно тяжело...

— Охъ, мой другъ Алеша! Говори кому-нибудь другому, а я сама знаю что такое сиротство. Чтоже была моя за жизнь до твоего приѣзда!.. Вѣдь только и была у меня одна Бутузка... Вѣдь вотъ отчего я и люблю-то ее... А они хотѣли у меня ее убить!.. Ну, да что! не будемъ говорить объ этомъ...

— Да, тетенька, не легко говорить объ этомъ! И лучше поблагодарить Бога, что все это кончилось... вотъ какъ, тетенька!.. Если вы не забудете меня, такъ я и недавно не забуду васъ... Повѣрьте, тетенька, тѣ слезы, которыя видѣлъ я на вашихъ глазахъ во время моего приѣзда, и тѣ объятія, которыми вы встрѣтили меня, конечно никогда не изгладятся изъ моей памяти, и конечно мать моя благословляетъ васъ и за эти слезы, и за эти объятія. Я не стою ихъ, тетенька, это правда; но зато я сумѣю оцѣнить ихъ...

— Другъ мой, другъ мой! шептала между-тѣмъ Аксинья

Максимовна, рыдая какъ ребенокъ. Люби меня, люби меня... Охъ, горько, горько прожила свою жизнь... Такъ дай мнѣ хоть на старости лѣтъ узнать что такое спокойствіе...

И проговоривъ это, она еще разъ крѣпко обняла Алексѣя Наумыча и отерѣвъ слезы, нѣжно взглянула ему въ лицо.

— Милый ты мой! проговорила она.

— Добрая тетюшка!

— А знаешь ли что, проговорила она немного погодя и все еще не спуская глазъ съ своего племянника.

— Что такое-съ?

— Ты что-то сегодня блѣдень... Ужь не болѣвъ ли ты?

— Кто? Я то-съ?

— Да.

— Что вы, тетенька... Да могу ли я захворать теперь...

— Такъ отчего же ты блѣдень?

— Я не знаю.

— Головка у тебя не болитъ?

— Нисколько, тетенька.

— А покажи-ка мнѣ языкъ.

Алексѣй Наумычъ показалъ.

— Нѣтъ, языкъ ничего, хорошій. Ты вѣрно усталъ или не выспался?

— Вотъ это можетъ-быть.

— Такъ ужъ ты лучше Алеша не ходи сегодня къ обѣднѣ... лучше поспи, отдохни. А приду я изъ церкви, чайкомъ напою тебя. Я, знаешь ли, во всю свою жизнь никогда съ докторами не зналась. Чго они? Живодееры, больше ничего. Я всегда бывало лечилась сномъ да чаемъ, и вотъ слава-богу сколько лѣтъ живу!.. Такъ-то вотъ и ты сплай!..

— Да я совсѣмъ здоровъ, тетенька, такъ къ чему же я буду лежать? Да и кромѣ того мнѣ хочется сходить къ обѣднѣ... Знаете ли и воскресенье точно не воскресенье, когда не побываешь у обѣдни.

— Ну, какъ хочешь... Такъ до свиданья.

— До свиданья, тетенька.

И Аксинья Максимовна еще разъ поцѣловала Алексѣя Наумыча.

— А знаешь ли что со мною сегодня было? вдругъ проговорила она, торопливо вспомнивъ что-то.

— Что такое?

— Вообрази, только что я проснулась, полхожу къ окну, — а я спала съ раствореннымъ окномъ, — вдругъ вижу сидить на окнѣ маленькій воробушекъ, да какой хорошенькій и такъ скупожился, что просто чудо. И можешь себѣ представить, когда я подошла къ нему, онъ хотъ бы пошевелинулся, а когда я взяла его въ руки, онъ такъ ласково взглянулъ на меня, что я просто пришла въ восхищеніе.

— Ну что же вы съ нимъ сдѣлали?

— Опять выпустила. Сначала хотѣла было посадить его въ клѣтку, да потомъ подумала, к чему же лишать его свободы? Да я какое имѣю я на это право? Свобода дорога всякому, и клѣтка, какъ ни будь она хороша — все-таки клѣтка... За то когда я снова принесла воробушка къ окну и раскрыла руку, ты посмотрилъ бы какъ весело выпорхнулъ онъ изъ окна и какъ весело потомъ, прыгая съ вѣтки на вѣтку, защебеталъ, отряхивая перушки.

— И прекрасно сдѣлали, тетушка, что выпустили птичку.

— Да, твоя правда. Говорятъ: грѣхъ заключать птичекъ въ клѣтку. Мнѣ говорилъ это отецъ Герасимъ, іеромонахъ, человекъ святой жизни и большого ума. Вотъ онъ скоро долженъ быть ко мнѣ. Онъ поѣхалъ по сборамъ, но срокъ ужъ кончился и онъ вѣроятно на возвратномъ пути въ монастырь завернетъ ко мнѣ. Ужъ онъ никогда мимо меня не проѣзжаетъ. Такъ вотъ это онъ говорилъ мнѣ. А вѣдь у насъ богъ-знаетъ что дѣлаютъ съ этими птицами! Въ особенности мальчишки и гнѣзда-то раззоряютъ, и крылья-то имъ обрѣзываютъ... Намедни вижу вдругъ за кухней цѣлую кучу перьевъ и пуху; спрашиваю что такое это значить! и чтоже ты думаешь? Ларивошка, сынъ кучера, поймалъ галку, живую оциналъ ее, да потомъ и пустил... Какъ тебѣ это нравится?..

— Чтожъ вы сдѣлали съ Ларивошкой?

— Разумѣется, велѣла выстѣчь.

— И прекрасно сдѣлали, потомучто...

— Чтоже послѣ этого надо дѣлать съ тѣми, перебила его Аксиья Максимовна: — которые такъ-то вотъ оципываютъ людей!.. Да вотъ, хотъ бы мой сосѣдъ Хмуровъ... Ну ужъ человекъ, нечего-сказать!.. Мальчишки хотъ птички гнѣзда раззоряютъ, а тотъ такъ человекъ... то-есть повѣришь ли, Алеша,

на его крестьянъ безъ жалости смотрѣть нельзя... Всѣ нищіе, всѣ по-міру ходятъ. Да вотъ вчерашняя мерзавка-старушонка... ужь я увѣрена, что она хмуровская... Да вотъ хоть спроси самъ изъ любопытства... А сколько у него этихъ бѣглыхъ, такъ ты себѣ и представить не можешь!.. Да оно и неудивительно, потому что жить нѣтъ никакой возможности... А ужь какой онъ безбожникъ!.. Много, много раза три или четыре бываетъ въ церкви въ продолженіи цѣлаго года... Да чего! говорятъ идолу золотому поклоняется! Миѣ какъ порасказалъ о немъ отецъ Герасимъ, такъ я даже въ ужасъ пришла... Можешь себѣ представить, хотѣлъ отбить у меня Фролово...

— Какъ такъ?

— Да ужь я и не знаю какъ. Миѣ это рассказалъ все отецъ Герасимъ. Онъ какъ-то разъ, по невѣдѣнію, заѣхалъ къ нему; думалъ — не пожертвуетъ ли что на монастырь; такъ насилу, говоритъ, я ноги отъ него утащилъ... Какъ пошолъ, говоритъ, ругать всѣхъ сплеча — и сосѣдей, и начальство, и нашу, говорить, братью монашествующихъ, такъ я, говоритъ, даже въ ужасъ пришолъ. Вотъ каковъ человѣчекъ! Ужь это хуже еще Ларивошки, который галку живую оципалъ... И дивлюсь я. Алеша, какъ это земля носить еще подобныхъ людей, не поглотить подобно Содому и Гоморрѣ.

Въ это самое время раздался благовѣстъ. Аксиныя Максимовна закрестилась, засуетилась и вышла вонъ изъ комнаты, бормоча:

— Батюшки, ударили!.. Не опоздать бы... заговорила съ всѣмъ... Такъ ты придешь Алеша!

Но когда Алексѣй Наумычъ проговорилъ въ отвѣтъ:

— Какже, непременно приду, тетенька. — Аксиныя Максимовна была давно уже за дверью.

II

Никогда еще Алексѣй Наумычъ не пробуждался такъ весело и такъ отраднo, какъ пробудился онъ въ описанное утро. Едва только вышла Аксиныя Максимовна изъ комнаты, онъ въ ту же минуту сбросилъ съ себя одѣяло и ставъ на полъ, такъ припрыгнувъ весело, какъ могъ только припрыгнуть развѣ школьникъ,

вспомнившій при пробужденіи о счастливомъ окончаніи тяжелыхъ экзаменовъ. Онъ такъ былъ радъ видѣть Аксинью Максимовну и веселой и доброй, что даже позабылъ о своихъ недавнихъ размышленіяхъ. Онъ такъ былъ счастливъ, что вчерашнія тяжелыя впечатлѣнія прекратились, что вѣроятно бы запѣлъ даже, еслибы не собирался только къ обѣднѣ. А когда подошелъ къ окну, то и вовсе повеселѣлъ: такъ все было кругомъ и тихо и покойно. Поваръ рубилъ дрова и о чемъ-то смѣялся съ кучеромъ. Агафья Филатьевна, разряжонная впухъ, гордо шла къ обѣднѣ и съ какой-то особенно довольной улыбкой кивала головой всѣмъ кланявшимся ей. Фома Зотычъ стоялъ на крылечкѣ подбоченясь и кричалъ какой-то проходившей бабѣ:

— Что, тетка, къ обѣднѣ?

— Ништо, къ обѣднѣ, батюшка, Фома Зотычъ.

— Ну, ступай, ступай — я тебѣ не мѣшаю. А что телку-то продала?

— Нѣтъ еще, Фома Зотычъ.

— Что такъ?

— Да больно дешево даютъ, батюшка, Фома Зотычъ.

— То-то и есть... говорю, продай инѣ.

— Да я бы съ моимъ великимъ удовольствіемъ, да только оченно дешево жалуете.

— О, дура-баба!

И засмѣявшись, Фома Зотычъ ушелъ къ себѣ.

Длячокъ между-тѣмъ такъ весело трезвонилъ и такъ весело перебиралъ маленькими колоколами, что даже трезвонъ его становился непозволителенъ. Разряжонные дѣвки и парни весело перекидывались словами и шли, чуть не обнявшись; ребятишки кричали, бѣгая по двору; птицы оглашали садъ веселымъ пѣніемъ; даже буфетчикъ Акимъ и тотъ принялъ какой-то воскресный видъ, словомъ все было вокругъ такъ весело, какъ будто во Фроловѣ и не произошло ничего особеннаго. И глядя на все это, Алексій Наумычъ еще больше повеселѣлъ духомъ. Даже въ его посиѣшномъ, торопливомъ одѣваньи было что-то веселое; когда же онъ сталъ повязывать галстукъ, то подумалъ: «Какой же я однако дуракъ. Богъ-знаетъ что вообразилъ себѣ вчера! Такую ахиною придумалъ, что теперь смѣшно вспомнить. А дѣло между-тѣмъ кончилось очень просто. Вѣроятно и Ивана, и Арину, и пищу давно уже выпустили и вѣроятно давно уже

они летаютъ по волѣ какъ тотъ воробей, котораго сегодня выпустила тетенька. А я-то слугу началъ разсуждать и о счастьи и о назначеніи жизни... и богъ-знаетъ чего не придумалъ. Само собой разумѣется, что мы никогда и въ глаза не увидимъ счастья, если будемъ омрачать его своими глупыми и ни къ чему не ведущими разсужденіями. Нѣтъ, глупъ еще я, вотъ и все... неблагодарное животное — вотъ я кто... А вотъ лучше сложу-на къ обѣднѣ, а потомъ залюсь тутъ же опять на охоту...»

И при этой мысли Алексѣй Наумычъ снова припрыгнулъ.

— Какъ ты думаешь, вдругъ раздастся со двора голосъ повара: — можетъ покорить насъ Французъ?

— Никомъ образомъ не можетъ, раздастся голосъ кучера.

— По какой причинѣ?

— Потому мы шапками забросаемъ.

— Ну вотъ дуракъ и вышелъ!

— А потвоему какъ же?

— Помоему оттого, что у насъ есть царь-шумка. Коли изъ нея грохнутъ, такъ не токма что Французъ тонконогій, а даже и самъ турокъ не устоитъ.

— Да развѣ Французъ тонконогій? раздастся голосъ буфетчика.

— Извѣстно, тонконогій.

— Нѣтъ, ты лучше расскажи мнѣ, раздастся снова голосъ буфетчика Акима: — какихъ камней больше въ пруду?

— Какихъ?

— Ну, скажи, коли ты умный человѣкъ.

— Да я почему знаю.

— Мокрыхъ.

— Эхъ ты, сволючь, раздастся опять голосъ повара и всѣ трое залились такимъ веселымъ смѣхомъ, что даже самъ Алексѣй Наумычъ, успѣвшій уже надѣть сюртукъ и фуражку, и тотъ расхохотался на весь домъ, такъ-что Бутузка залаяла внизу.

— И я еще сомнѣвался въ существованіи счастья, снова подумалъ Алексѣй Наумычъ, и весело отправился къ обѣднѣ.

III

Какъ ни одѣвался поспѣшно Алексѣй Наумычъ, а къ обѣднѣ пришолъ онъ уже во время евангелія. Не желая нарушить ти-

шину, царствовавшую въ церкви, Алексѣй Наумычъ простоялъ у двери вплоть до окончанія евангелія и тогда только рѣшился ити на клиросъ къ своимъ пѣвчимъ. Народу въ церкви было много. Фома Зотычъ стоялъ на лѣвомъ клиросѣ, Агафія Филатьевна неподалеку отъ свѣчнаго ящика. Она была въ особенноти величественна въ то воскресенье. *Шалевый* платокъ, накинутый на плечи и застегнутый на груди какою-то особенно яркой булавкой и шелковый синій платокъ на головѣ, съ кончиками, торчавшими въ видѣ заячьихъ ушей, придавали ей какой-то особенно торжественный характеръ, такъ что весь народъ, помѣщавшійся возлѣ нея, невольно сторонился, боясь вѣроятно толкнуть экономку. За то Акинья Максимовна, стоявшая на колѣняхъ, такъ скромно и такъ набожно молилась, что нельзя было смотрѣть на нее безъ особеннаго умиленія. Можно было смѣло поручиться, что она не видала никого и ничего, и что она вся была погружена въ одну молитву. Глаза ея, полные слезъ, невольно какъ-то обращались кверху, между тѣмъ какъ сухія костлявыя руни слагались крестомъ на впалой груди. И надо сознаться, что въ эту минуту она казалась совершенно святой женщиной. Мать у гроба сына не могла бы молиться съ большимъ усердіемъ, съ большею вѣрою, съ какою молилась Акинья Максимовна; на лицѣ ея было столько упованія, столько спокойствія, столько сознанія собственной немощи и всемогущества Бога, что право, стоило бы молиться на самую Акинью Максимовну. Видно было по всему, что всѣ свои печали, всѣ свои скорби она повергала къ животворящему кресту и твердо уповала въ распятаго на немъ. А между тѣмъ церковь, эта темная, старинная церковь, оглашалась пѣніемъ, и было что-то высокаторжественное въ этомъ. Иконостасъ съ темными старинными образами и потускиѣвшимъ уже отъ времени золотомъ, какъ-будто тонулъ въ дымѣ ладона. За то облаченія священника и діакона, богатыя парчевыя облаченія, пожертвованныя Акиньей Максимовной, такъ и горѣли, такъ и сіяли. Новые и тяжелыя, онѣ казалось были выкованы изъ цѣлаго золота. Вся эта обстановка до того вдохновила Алексѣя Наумыча, что онъ какъ-то особенно хорошо управлялъ хоромъ. Но несмотря однако на это, часто во время пѣнія онъ оборачивался и смѣтрѣлъ на Акинью Максимовну, а всякій разъ при взглядѣ на нее, лицо его прояснялось и принимало какой-то особенный видъ.

— И я предполагалъ, думалъ онъ въ ту минуту, что эта набожная и добродѣтельная женщина способна сдѣлать что-нибудь дурное, способна сдѣлать несчастнымъ кого бы то ни было!.. Разумѣется въ ней есть странности, но эти странности не отъ злого сердца, а просто отъ вспыльчиваго характера. Я даже увѣренъ, что сегодня поутру она просила прощенія и у повара, и у Агафьи Филатьевны и у всѣхъ остальныхъ.

И взглянувъ на Агафью Филатьевну, которая стояла съ тѣмъ же важнымъ спокойствіемъ и довольнымъ лицомъ, онъ окончательно убѣдился въ своихъ предположеніяхъ.

Часу въ двѣнадцатомъ обѣдня кончилась.

— Алеша, ты со мной вмѣстѣ пойдешь? проговорила Аксинья Максимовна, приложившись къ кресту и обращаясь къ Алексѣю Наумычу.

— Съ вами, тетушка, разумѣется.

— Ну, благодарю... а я тебя за это покормлю пирогомъ. У насъ пирогъ сегодня.

— Благодарю васъ, тетушка, но только вы позвольте мнѣ лучше взять пирогъ съ собой. Я, тетенька, хочу сейчасъ идти на охоту.

— Не грѣхъ ли только сегодня, Алеша... Вѣдь сегодня воскресенье!..

— Нѣтъ, какой же тутъ грѣхъ.

— Ну, какъ знаешь, мой другъ. Ступай, ступай, позабавься! Ну, такъ пойдешь же... Только постой, вотъ я разломаю просвиру и раздамъ кусочки.

Проговоривъ это, Аксинья Максимовна принялась ломать просвиру. Какъ только начала она дѣлать это, Агафья Филатьевна и Фома Зотычъ тронулись съ своихъ мѣстъ и подошли къ барынѣ.

— Ну, поздравляю васъ съ праздникомъ, сказала она, обращаясь къ нимъ и надѣлая ихъ просвирой.

— И васъ также, матушка, въ одинъ голосъ проговорили и Фома Зотычъ и Агафья Филатьевна и поцѣловали у Аксиньи Максимовны руки. Покорнѣйше благодаримъ, матушка.

— На здоровье, на здоровье.

Потомъ, раздавъ остальные кусочки мальчикамъ, Аксинья Максимовна, въ сопровожденіи Алексѣя Наумыча, Фомы Зотыча и Агафьи Филатьевны, вышла на паперть.

— Матушка! пожалуйста что-нибудь бѣдному, безпогому старыку, помогите, Христа-ради!.. раздался чей-то дряблый голосъ, и Аксинья Максимовна увидѣла передъ собою лежащаго на землѣ старика.

— Боже мой, какой несчастный! проговорила она. Откуда ты, голубчикъ.

— Изъ Голубина, матушка.

— Давно у тебя отнялись ноги?

— Что? не слышу, промычалъ старикъ.

— Давно отнялись у тебя ноги?

— Давно... отморозилъ.

— Какъ же это?

— Чево?

— Какъ же это ты отморозилъ?

— Съ обозомъ ѣздилъ.

— Какой несчастный! снова проговорила Аксинья Максимовна и подала старыку гривенникъ.

Старикъ началъ креститься и кланяться, а Аксинья Максимовна въ сопровожденіи той же свиты пошла домой.

— Я всегда подаю нищимъ, говорила Аксинья Максимовна, и тебѣ совѣтую, Алеша, подавать имъ. Охъ, великая это вещь, мой другъ, право великая, и господь не оставитъ тебя за это. А ужь убогимъ и калѣкамъ и полавно. Убогому и калѣкому взять негдѣ. Вотъ еще у насъ смѣются все надъ юродивыми... Великій это грѣхъ, и не смѣяться надо надъ ними, а благоговѣть. Божьи люди они, Алешинька, и никогда ты не смѣйся надъ ними. Посмотри-ка какъ другіе босикомъ зимой ходятъ въ одиѣхъ рубашкахъ, такъ стало-быть тѣлеса ихъ святы, коли не зябнуть. А у насъ смѣются надъ ними!.. вотъ до чего мы скверны-то. Охъ, да мало ли какихъ людей нѣтъ на свѣтѣ! Другой надъ всѣмъ смѣется... и надъ старостью, и надъ благочестіемъ, и надъ постами, и надъ святыней... И всѣмъ имъ нипочемъ, тогда какъ люди набожные во всемъ видятъ волю божью...

Такъ говорила Аксинья Максимовна, между тѣмъ какъ народъ расходился изъ церкви. На паперти показалась цѣлая толпа разряженныхъ крестьянъ. Мальчишки принялись прыгать съ паперти, а глядя на нихъ и дѣвчонки. Полѣзли и старушки бочкомъ по приступочкамъ, крестясь и потряхивая головами. И вся эта толпа побрела по домамъ, почтительно кланяясь Аксиньѣ

Максимовнѣ, когда приходилось имъ обгонять ее. Парни въ зеленыхъ и синихъ халатахъ шли широко шагая и переваживаясь съ боку на бокъ и лукаво поглядывали на молодыхъ бабъ и дѣвокъ. Дьячокъ все еще трезвонилъ и такъ весело съ колокольни кивалъ головою своему пріятелю повару, что тотъ невольно кричалъ: «Молодецъ, молодецъ! вотъ такъ ловко!..» А яркое солнце, сыпавшее лучи свои, еще болѣе придавало картинѣ веселый видъ. Наконецъ дьячокъ какъ-то особенно приударилъ въ колокола и скрылся съ колокольни. Въ это время и Аксинья Максимовна вошла въ свой домъ, въ которомъ встрѣтила ее Бутузка, съ визгомъ бросаая на свою покровительницу.

IV

Прошло дня три, а Алексѣй Наумычъ все еще не возвращался. Въ другое время Аксинья Максимовна, имѣ кажется, захворала бы отъ безпокойства, но теперь она даже какъ-будто забыла про своего Алешу. И въ самомъ дѣлѣ во Фроловѣ происходило что-то странное.

Какъ только Алексѣй Наумычъ, перебросивъ за спину ружье, скрылся за березовой рощей, такъ въ тоже время буфетчикъ Акимъ торопливо вышелъ изъ дома и побѣжалъ по направленію къ конторѣ, изъ которой минуты черезъ три снова возвращался въ домъ, но только уже не одинъ, а въ сопровожденіи прикащика Фомы Зотыча. Лица обоихъ были страшно озабочены и Фома Зотычъ не разъ наклонялся къ Акиму и на ухо о чемъ-то спрашивалъ его. Въ то время, когда подходили они къ дому, въ одномъ изъ оконъ показалась Аксинья Максимовна. Она махала рукой и видимо гнѣвалась, что Фома Зотычъ, вслѣдствіе тучности своего тѣла, двигался какъ черепаха. Съ полчаса пробылъ Фома Зотычъ въ комнатахъ своей барыни, наконецъ вышелъ. На крыльцѣ встрѣтилъ его Акимъ, возвращавшійся изъ кухни съ кипюю тарелокъ. Онъ хотѣлъ было о чемъ-то спросить прикащика, но взглянувъ на вытянутое его лицо, только и могъ проговорить.

— Ну что, въ Сибирь?

— Въ Сибирь, проговорилъ прикащикъ и оба разошлись.

Не прошло и часу, какъ во дворѣ произошло какое-то смя-

теніе. Слово Сибирь повторалось почти всеми, оно шепталось и за амбаромъ, и за сараемъ, и за конюшней, но произносилось съ такимъ страхомъ и съ такой осторожностью, какъ-будто повсюду парилъ невидимо чья-то грозныя уши и какъ-будто смотрѣли повсюду чьи-то еще болѣе грозныя глаза. Шопотъ слышался повсюду. Поварь, помѣшивая варишііся въ кострюль горошекъ, о чемъ-то шепталъ дьячку, который тоже въ свою очередь шепталъ повару.

— Дѣло влохо.

— Дрянъ дѣло, отвѣчалъ поварь.

— Ужь не сходить ли мнѣ полно къ Хмурову.

— Да что толку-то?

— Какъ что, можетъ и выйдетъ толкъ какой-нибудь. Хмуровъ баринъ добрый; опять же онъ и знаетъ Ивана. Вѣдь Иванъ-то покаместъ въ бѣгахъ-то былъ, вишь все время жилъ у Хмурова. Онъ мнѣ самъ вчера признавался. Хмуровъ ему и жалованье платилъ и какъ вишь полюбилъ его. Можетъ онъ и выкувитъ Ивана, когда я пораскажу ему исторію-то.

— Такъ вотъ тебѣ сейчасъ и согласится наша-то...

— А почему знать. Чего, братъ, не знаешь, такъ отгадать трудно.

— Ну чтожъ, смахай.

— Ейбогу смахаю. Выпью для храбрости полштифеля да и смахаю.

— Такъ унь мы значигъ выпьемъ вмѣстѣ; я тебя и провожу до околицы, а то деревней собаки загрызуть.

— Ну чтожъ, проводи. Только надо напередъ обо всемъ этомъ съ Иваномъ переговорить. Что онъ то-есть скажетъ.

— Извѣстно, переговорить надо.

— Надо, надо.

И они снова начали шептаться, причемъ дьячокъ запустилъ въ кострюльку руку, и вытащивъ щепотку сладкаго горошка, началъ жевать его.

Агафья Филатьевна тоже была какъ-будто не своя. Встрѣтась возлѣ вышекъ съ прикащицей, она, покаместъ отпирала замокъ, успѣла спросить ее:

— Слышали?

— И не говорите, отвѣчала прикащица, махнувъ рукой. — Все слышала.

— Вашему супругу въ городъ приказано ѣхать!

— Да, въ городъ.

— Вотъ мы до какихъ временъ дожили.

— Да, дожили, проговорила прикащица и отошла отъ вышки, въ которую скрылась Агафья Филатьевна.

Изъ конюшни кучерь выводилъ толстую бурюю лошадь.

— Ну ты, иди чтоль, ворчалъ онъ, немилосердно дергая лошадь: — ну, иди, каторжная.

— Кому это ты лошадь-то закладываешь? спросалъ кучера ткачъ, проходившій мимо съ ведрами.

— Вашему сіятельству, грубо отвѣтилъ разсерженный кучерь.

— Покорно благодаримъ, ваше превосходительство, проговорилъ ткачъ и пошелъ было дальше, но увидавъ показавшагося на крыльцѣ конторы Фому Зотыча, снова остановился. Его какъ видно удивило озабоченное лицо прикащика и дорожный костюмъ его.

— Скоро чтоль? кричалъ Фома Зотычъ кучеру, который впаивалъ уже лошадь въ растопыренные оглобли небольшой тележки.

— Въ одну минуту. Стриженная дѣвка не успѣетъ косы заплести, какъ лошадь будетъ уже запряжена, отвѣчалъ кучерь.

Шутка эта какъ видно разсердила Фому Зотыча, которому совсѣмъ было не до смѣху.

— А вотъ какъ я выдеру тебя хорошенько, такъ ты у меня и перестанешь зубы-то скалить, прокричалъ прикащикъ, и плюнувъ, скрылся въ контору.

— Вотъ что дѣло, то дѣло, Фома Зотычъ; замѣчаніе дураку завсегда слѣдуетъ сдѣлать, проговорилъ обиженный кучеромъ ткачъ и пошелъ къ колодцу, возлѣ котораго барахтались въ грязи двѣ дѣвчонки и пестрый селезень.

V

А народъ тѣмъ временемъ все больше и больше начиналъ двигаться. Здѣсь и тамъ показывались кружки, но собирались эти кружки всегда такъ, чтобы ихъ не могла увидеть Аксинья Максимовна. Либо сойдутся за амбаромъ, либо за кухней, либо

за садомъ. Сойдутся и начнутъ шептаться и махать руками. Но зато все это дѣлалось такъ осторожно, такъ боязно, что стоило только каркнуть воронѣ, какъ всѣ кружки разбѣжались бы какъ жетса въ одну минуту и попрятались бы по разнымъ угламъ.

Минуть черезъ двадцать запряженная телѣжка стояла уже у крылечка конторы. Усаживавшійся въ нее правитель Фролова казался былъ не въ духѣ, потому что никакъ не могъ покойно усѣсться. То ворчалъ онъ на подушку, то на коверъ, то на кучера, который не сидѣлъ, а спалъ на козлахъ, и конечно бы не скоро еще усѣлся Фома Зотычъ, еслибы въ одномъ изъ оконъ дома не показалась тощая фигурка Аксиньи Максимовны.

— Ты все еще не уѣхалъ, кричала она.

— Отправляюсь сію минуту-съ, отозвался Фома Зотычъ и поспѣшно смялъ фуражку.

— Да что это ты такъ копался-то. Ужь давно бы поспѣлъ до города доѣхать.

— Больно прытко скачешь, проворчалъ про себя кучеръ и самъ испугался своей смѣлости.

— Трогай! крикнулъ Фома Зотычъ.

И телѣжка покатила, между тѣмъ какъ Аксинья Максимовна кричала вслѣдъ уѣзжающимъ:

— Смотри же привези непременно писаря, да хорошаго, чтобы всѣ законы зналъ. Слышишь?

— Слушаю-съ, крикнулъ прикащикъ, и поднявъ облако пыли, скрылся за густыми акаціями сада.

Но чтоже такое произошло въ самомъ дѣлѣ во Фроловѣ? Отчего эти сходки, эта суета, эти озабоченныя лица, этотъ шопоть? К чему эта таинственность?.. Ужели все это происходитъ во Фроловѣ, такъ скромно прижавшемся подъ тѣнь кулрявой березовой рощи? Ужели это та самая Аксинья Максимовна, которую мы привыкли видѣть всегда спокойно сидящею возлѣ раствореннаго окна въ сообществѣ своей Бутузки — своего единственнаго утѣшенія. Отчего же она теперь не сидитъ, а ходитъ такъ торопливо изъ одной комнаты въ другую, что-то нащупывая и какъ-будто сердясь на все и всѣхъ? Чтоже такое происходитъ во Фроловѣ?

Однако солнце успѣло уже опуститься за горизонтъ. День прошолъ. Палящій зной до сихъ поръ какъ-будто цѣпенѣвшій въ воздухѣ, началъ мало-помалу смѣняться прохладой, и при-

рода, эта живописная Фроловская природа, оживилась и встрепенулась. Запахъ цвѣтовъ и роши разлился по воздуху и какъ-то особенно легко дышалось имъ. Легкія облачка, облигья розовымъ свѣтомъ зари, уходили все выше и выше и незамѣтно расплывались потомъ въ воздушномъ пространствѣ. То-то, я думаю, блаженствуетъ теперь Алексѣй Наумычъ. Съ какимъ терпѣніемъ, я думаю, ждалъ онъ благодатнаго вечера; скрываясь отъ палищаго зноя подъ тѣнью какого-нибудь дерева! То-то теперь охотится онъ, и лазя по болотамъ, отдыхаетъ отъ испытанныхъ имъ тревогъ. Да и врядъ ли онъ думаетъ теперь объ этихъ тревогахъ. Въ веселую и отрадную минуту невольно какъ-то забываются минуты грусти и тяжелой тоски. И слава-богу!

Но вотъ показалось и стадо. Съ ревомъ и топотомъ разсыпалось оно по Фролову и какъ-то нехотя, понуря голову, идетъ въ душевные дворы. Овцы, поднявъ цѣлую тучу пыли, отлаиваютъ окрестность дрожащимъ блѣніемъ. Босые мальчишки и дѣвчонки съ длинными хворостинами бѣгаютъ за ними, и только еще больше кажется распугиваютъ стадо. У колодцевъ цѣлыя толпы бабъ, оцѣпы скрипятъ, крику и говору конца нѣтъ.

— Что старику-то вашему не полегче, Агафья? спрашиваетъ старуха молодую бабенку.

— Нѣтъ, баушка, все въ одномъ положеніи.

— Помретъ должно быть?

— Должно быть, что помретъ.

— Вы бы его подъ образа положили, все бы ему отходить-то полегче было.

— Да ужъ мы и такъ положили его.

— Возвращается и пахарь, бочкомъ сидя на лошади.

— Здорово, свать, кричитъ онъ мужичку, сидящему на заваленкѣ. — Что, али дѣлать-то нечего, что сидишь почесываясь. Э! да ты братъ никакъ выпимши?

— Выпимши, отвѣчалъ мужичокъ.

— Съ какой радости?

— Да такая вышла линія. Пришолъ къ обѣднѣ—все отѣли, пришолъ къ обѣду — все отѣли, пришолъ въ кабакъ — только-что такъ.

— Ну, вотъ и ладно. Ай да свать.

И веселый хохотъ мужичка зазвенѣлъ въ воздухѣ.

Черезъ полчаса все уже было тихо, слышался только глухой говоръ ужинавшихъ мужиковъ, да и то слышался онъ тогда только, когда очень близко подходишь ко дворамъ. Все утихало. Кончился день съ своими работами, кончилось и движеніе. Усталые члены просятъ отдыха, усталые глаза закрываются и какою-то роскошью кажется тогда это мягкое душистое сѣно и этотъ таинственный полумракъ сѣноваловъ, въ которыхъ такъ и дышетъ все нѣгою и отдыхомъ.

VI

Но между-тѣмъ какъ на селѣ все засыпало, на барскомъ дворѣ никто еще и не думалъ спать. Ночная тѣнь, таинственный свѣтъ луны, тихій плескъ воды кажется еще болѣе оживляли дворню Аксиини Максимовны, но на этотъ разъ весь народъ собрался кажется только позади кухни, и окружалъ повара и дьячка. Оба они были сильно выпивши, а такъ какъ всему міру извѣстно, что вино заставляетъ говорить даже самого молчаливаго, то и нечего удивляться, что во всей этой толпѣ только и раздавались голоса повара и дьячка. Но что они говорили, разобрать было весьма трудно, потому что они оба говорили въ одно и то же время. Однако дорожный костюмъ дьячка, хотя только ему и предстояло пройти семь верстъ, прямо говорилъ, что намѣреніе его идти къ помѣщику Хмурову было одобрено Иваномъ. Я уже сказалъ, что трудно было бы разобрать что именно говорилъ дьячокъ, разобрать же повара было еще труднѣе, потому что тотъ ужь окончательно былъ пьянъ. Для храбрости, въ которой впрочемъ поваръ ни сколько не нуждался, такъ какъ весь походъ его состоялъ только въ проводахъ дьячка до околицы, онъ хватилъ такую красолю, отъ которой бы конечно сошелъ съ ума всякій нѣмецъ. Поваръ и дьячокъ поминутно обнимались, и обнявшись все тростили о томъ, что надо непременно спасти Ивана, потому что изъ-за чего же долженъ погибнуть человекъ. Дьячокъ же въ это время снималъ свою шляпу и крестясь на церковь, ярко освѣщенную луной, давалъ торжественную клятву, что онъ спасетъ Ивана, потому что онъ очень любитъ его и потому что, тотъ разъ едѣлъ для него сундукъ. При чемъ онъ прибавилъ, что еслибы и поваръ попался, то онъ

опасъ бы и повара , потомучто онъ съ поваромъ пріятель и готовъ за него положить свою душу. Тогда поваръ снималъ жаръ тузъ и начиналъ кланяться дьячку въ ноги и цѣловать его руки, говоря , что онъ вѣкъ не забудетъ его благодарній и деню и жючно будетъ молиться за него Богу. И все это онъ говорилъ рыдая , а черезъ пять минутъ чуть-чуть было не избилъ дьячка за то , что тотъ не хотѣлъ дать ему трубки. Драка бы непремѣнно возникла , но боясь шуму , народъ развялъ и помирилъ ихъ. Я не знаю долго ли бы продолжалась эта сцена , еслибы наконецъ зрители , которымъ уже начинали надоѣдать поваръ и дьячокъ , не напомнили послѣднему , что уже на дворѣ очень поздно и что ему пора идти. Тутъ дьячокъ , а съ нимъ кстати и поваръ перецѣловались со всей дворней и положивъ земной поклонъ на церковь , отправились въ путь.

— Вотъ такъ нализались ! проговорилъ кто-то въ толпѣ.

— А все дьячокъ , возразилъ другой голосъ. Я такъ полагаю , братцы , что изъ этого никакого пути не будетъ , потому дьячокъ пьянъ и навѣрное проваляется всю ночь гдѣ-нибудь въ оврагѣ.

— А то пожалуй въ шинокъ зайдутъ ! возразилъ третій голосъ.

— Нѣтъ , теперь въ шинокъ не пустять , поздно.

— Ихъ-то не пустять ? Во-на ! Ихъ завсегда пустять.

— Ну , что будетъ , то и будетъ , а покаместъ пора на боковую.

VII

Предположенія толпы отчасти сбылись , и хотя поваръ и дьячокъ въ шинокъ не заходили , однако слѣдующее обстоятельство немного позадержало ихъ. Дѣло въ томъ , что они едва успѣли дойти до села , какъ вдругъ что-то черное , выскочившее изъ-подъ плотины остановило ихъ. Они сначала было перепугались , но впоследствии разглядѣвъ , что это черное имѣло подобіе человѣка въ сарафанѣ , они ободрились и пустились за бабой вдогонку. Такъ какъ та нисколько не хотѣла отъ нихъ уйти , а напротивъ еще остановилась , то достигнуть ее и было нетрудно. Оказалось , что баба была солдатка Афимья.

— Ба! почти вскричалъ дьячокъ: — Афимьюшка, свѣтикъ ясный!

— Ба! протянулъ въ свою очередь поваръ: — какими судьбами, и оба принялись тормошить Афимью.

— Тихе, тихе, вы! Вотъ окоянные-то, прости господи, бормотала она, нисколько впрочемъ не желая вырваться изъ рукъ, тискавшихъ ее. Полно вамъ орать-то, народъ перебудите, нешто хорошо. Полно вамъ, грѣховодники.

— Человѣкъ рожденъ во грѣхахъ и со грѣхомъ въ землю отыдетъ.

А между-тѣмъ поваръ тростилъ.

— Послушай, Афимья, послушай, послушай, мы того, къ тебѣ...

— Да, да, мы къ тебѣ, подхватилъ дьячокъ.

— Ты сходи за водкой-то.

— Да, да, сходи, потому миѣ для храбрости нужно.

— И миѣ тоже: я иду провожать его до околицы. Такъ стало-быть можно къ тебѣ, Афимьюшка.

— Я не знаю, шептала та. Какъ бы не увидали.

— Ну вотъ, кто увидить. Всѣ спать.

— Да, спать, а можетъ не спать еще.

— Э! да что толковать-то съ тобой. Ну иди впередъ.

Афимья пошла, а за ней дьячокъ и поваръ. Когда подходили они къ небольшой перекосившейся избушкѣ, въ которой жила въ своемъ одиночествѣ солдатка, поваръ украдкой подбѣжалъ къ Афимѣ и шепнулъ ей на ухо:

— Войдешь въ сѣни, стань въ уголъ, пусть колуханъ-то пройдетъ въ избу. Миѣ нужно поговорить съ тобой.

— Хорошо, проговорила Афимья и легонько, оглядываясь, принялась отворять ворота.

Черезъ минуту дьячокъ былъ уже въ небольшой избѣ, въ которой было такъ темно, что хоть глазъ выколи. Афимья и повара въ избѣ не было.

— Эй, вы! да куда-жъ вы лѣвались, кричалъ дьячокъ. Гдѣ вы? но не получа отвѣта, онъ предположилъ, что вѣрно Афимья пошла за водкой, успокоился и ошупью отыскавъ лавку, заоралъ во все горло: «Спаси Го-осподи лю-ди твоя и благослови достояніе твое...»

— Экъ! онъ какъ оретъ, прошептала въ сѣняхъ Афимья.

— Пускай его! раздался шепотъ повара.

— Вѣдь эдакъ онъ всѣхъ перебудить.

— Нѣтъ. Да что эго у тебя тутъ, кадушка чтоли?

— Кадушка съ квасомъ...

И все затихло въ сѣняхъ, между-тѣмъ какъ дьячокъ все еще распѣвалъ въ набѣ охришимъ голосомъ.

Итакъ пропировали друзья всю ночь и только ужъ на разсвѣтѣ видѣли какъ дойдя до околицы, они принялись прощаться. Прощались они, говорятъ, такъ вѣжно и такъ горько плакали, что можно было бы подумать, что они разставались на вѣкъ.

— Прощай, говорилъ дьячокъ. Жаль мнѣ разставаться съ тобой, но дѣлать нечего: я долженъ спасти человѣка.

— Спаси, спаси, тростилъ поваръ, придерживаясь за плетень, потомучто безъ этого онъ не въ силахъ былъ бы устоять на ногахъ.

— Сказано спасу — значить и толковать нечего.

И еще разъ поцѣловавшись друзья разстались. Дьячокъ вышелъ въ поле, волновавшееся рожью, а поваръ, опустившись на землю, сначала зарыдалъ, а потомъ заснулъ и проспалъ ровно до одиннадцати часовъ дня, послѣ чего, какъ имъ въ чемъ не бывало, принялся въ своей кухнѣ стучать ножами и мѣшать въ кострюляхъ.

VIII

На третій день послѣ описаннаго, часу во второмъ по полудни, верстѣ за восемь отъ Фролова тащился какой-то мужичокъ, возлѣ телѣжки котораго шолъ, едва передвигая ноги, Алексѣй Наумычъ. Онъ наконецъ рѣшился возвратиться домой. Усталый и даже изнуренный отъ двухдневной охоты, онъ не чаялъ какъ добраться до дому и до своей комнаты съ тѣмъ, чтобы тотчасъ броситься на кровать. Какъ однако ни былъ онъ утомленъ, во все же нельзя было не замѣтить въ ясномъ лицѣ его того отраднаго довольства, которымъ дышать развѣ лица очень еще юныхъ людей. Можно было по всему замѣтить, что Алексѣй Наумычъ былъ очень доволенъ своей судьбой. Идя возлѣ телѣжки и весело оглядывая ярко освѣщенныя солнцемъ поля, онъ невольно заглядывалъ во внутрь себя и только благо-

словлялъ судьбу свою. Какъ все легко, какъ все весело и какъ тепло и благотворно было ему среди этого блаженства. Точно онъ попалъ въ оранжерею или теплицу среди зимней стужи, среди общей мертвенности. Куда бы ни падалъ взглядъ его, повсюду смотрѣло привольно. Тамъ среди бархатныхъ луговъ синѣла рѣка, свѣтлая и гладкая какъ сталь, тамъ изъ-за густой ржи видѣлась деревушка, между избами которой задорились ветлы и липы; узенькая дорожка бѣжала къ этой деревушкѣ, то спускаясь въ лощину съ шумящимъ ручьемъ, то взбѣгала на пригорокъ и тонула въ зелени хлѣбовъ. Изрѣдка попадались покачнувшіеся гнилые кресты и тогда Алексѣй Наумычъ обращался къ мужичку и начиналъ распрашивать его что это за крестъ и зачѣмъ онъ стоитъ тамъ. И узнавъ, что подъ крестомъ этимъ лежитъ или мужичокъ, разшибленный громомъ, или бѣдная старушонка, убитая какими-то нищими, лѣтъ двадцать тому назадъ, Алексѣй Наумычъ невольно призадумывался. Ему какъ-то не хотѣлось вѣрить, что среди этого яснаго, свѣтлаго божьяго міра, среди этой ласкающей и любящей природы можетъ зародиться какое-нибудь черное чувство и можетъ совершиться преступленіе. Ему казалось, что здѣсь можетъ быть одна только любовь, одно только согласіе, одна только вѣчная и постоянная дружба. Ему какъ-то не хотѣлось вѣрить, что здѣсь могла гнѣздиться вражда. Все такъ смотрѣло мирно, кротко. Переносился ли онъ мысленно въ избушку мужика и ему представлялась семья, дружно живущая, любящая другъ друга; смотрѣлъ ли онъ на пахаря, взрывающаго подъ жгучими лучами солнца свой гористый загонъ и онъ невольно думалъ: какъ должно-быть спокоенъ этотъ пахарь, какъ благословляетъ онъ судьбу свою, — у него есть земляца, есть лошадь, есть изба, тонувшая въ зелени ветель, и Алексѣю Наумычу даже и въ голову не приходило, что въ семьѣ мужика есть деспотъ-старикъ, угнетающій всю семью свою, что пахарь изнуренъ трудомъ и болѣзнію, и что загонъ его неразъ можетъ-быть орошенъ слезами и кровью. Алексѣй Наумычъ на все смотрѣлъ счастливыми глазами, ко всѣмъ примѣнялъ собственное свое положеніе и ему было весело и все блестяло въ его глазахъ также какъ блестяло солнце, какъ блестяла рѣка, какъ блестяла эта сивья даль, которой и конца не было.

Разговоръ шолъ непрерывно. Алексѣй Наумычъ говорилъ

про все, про луга, про поля, распрашивая мужичка про его жизнь, про его лошаденку, про его семью, рассказывалъ ему про свою охоту и разговорился до того, что даже и не замѣтилъ, какъ очутилась передъ ними въ нѣсколькихъ шагахъ густая и темная липовая роща, кругомъ обнесенная широкой канавой, обсаженной кратегусомъ. Алексѣй Наумычъ никогда не видалъ этой рощи.

— Что это за роща? спросилъ онъ, обращаясь къ мужику.

— Это не роща, а паркъ.

— Какой паркъ?

— А господина Хмурова, Гаврила Васильевича.

— Ахъ, такъ это хмуровское имѣніе! почти вскрикнулъ Алексѣй Наумычъ.

— Оно самое.

— Ахъ, какъ я радъ! мнѣ давно хотѣлось посмотреть на него. Я такъ много слышалъ объ этомъ Хмуровѣ. А что, порядочное имѣніе?

— Какого еще имѣнія, держава, первый сортъ.

— Неужто. За то ужь самъ-то Хмуровъ никуда не годится! даже съ какой-то ненавистью проговорилъ Алексѣй Наумычъ.

— Какъ никуда не годится? спросилъ изумленный мужичокъ.

— Безбожникъ, негодяй, мерзавецъ и мало того еще съ чертами знакомство водить. Вѣдь у него и богатство-то все отъ чорта. Золотому идолу поклоняется, который даетъ ему каждый разъ по мѣшку золота, и все-таки несмотря даже на это, всѣхъ своихъ людей такъ тиранить, что никто ужиться не можетъ и всѣ бѣгутъ отъ него, какъ отъ чумы.

Мужикъ покачалъ головой и проговорилъ довольно скоро:

— Нѣтъ, это напрасно, баришь, напрасно!

— Какъ напрасно? перебилъ его Алексѣй Наумычъ, все болѣе и болѣе разгораясь: — шила въ мѣшкѣ не утаишь. Всѣ нищіе, всѣ бѣглые — все хмуровскіе. Ни въ церковь не ходитъ, ни въ Бога не вѣруетъ, ни постовъ не соблюдаетъ, надъ монашествующими надругается, съ сосѣдями въ ссорѣ...

— Да, это точно, съ сосѣдями онъ мало знается.

— Такъ это развѣ хорошо. Надо жить со всѣми въ дружбѣ, въ согласіи и помнить, что всѣ мы между собою братья.

— Да чтожь станешь съ ними дѣлать, съ сосѣдами, коли они всѣ и вниманья—то не стоятъ.

— Такъ ужь будто и нѣтъ ни одного порядочнаго.

— Врядъ найдешь. Тотъ пьяница, другой нарываетъ какъ бы падутъ сосѣда, какъ бы у него клочокъ земли оттянуть, третій съ позволенія сказать безъ сквернаго слова куска хлѣба въ ротъ не возьметъ. Ну какіе Хмурову—то знакомство водить съ ними. А сверхъ того и зависть много дѣйствуетъ. Извѣстно, всѣмъ завидно, что Хмуровъ богатъ, а гдѣ зависть, тамъ, братецъ, какъ разъ обнесутъ.

— Нѣтъ, это не то! проговорилъ Алексѣй Наумычъ: — а всему виной наша гордость глупая, наша алчность. Я ужь слышалъ кое-что про этого Хмурова и вижу, что это такой человекъ, какихъ не приведи Богъ встрѣчать. Ужь стало-быть хорошъ гусь, коли всѣ бѣгаютъ отъ него, даже крѣпостные его.

— Да ты что, баринъ, знаешь чтоль Хмурова—то? спросилъ мужичокъ, какъ видно разсерженный словами Алексѣя Наумыча.

— Нѣтъ, не знаю.

— Такъ почему-жь ты говоришь—то такъ?

— Потому что слышалъ.

— Вотъ то—то братъ и есть, что ты еще молодъ. Материнское молоко на губахъ не обсохло, а ужь про стариковъ судишь.

Алексѣй Наумычъ вспыхнулъ, но мужичокъ не замѣчая этого продолжалъ.

— Наговорилъ ты мнѣ много, цѣлый коробъ, а правды нѣтъ ни на копѣйку. Ну да извѣстное твое дѣло молодое, глупое, только нехорошо тому, кто постарше тебя, да такія глупыя рѣчи говорить. Ужь сколько лѣтъ я живу здѣсь, а такихъ разговоровъ про Гаврила Васильича никогда не слыхивалъ, да и сами мы его коротко знаемъ, для того, что завсегда у него наймаемся то хлѣбъ убирать, то на фабрику работать, и окромѣ того знакомы съ нимъ. Гаврило Васильичъ такой баринъ, какихъ въ околodкѣ не найти больше, разсудительный, добрый, ласковый и кто къ нему не приди, всѣмъ помощь окажетъ. Вотъ хотъ бы и насъ сколько разъ выручалъ. Въ третьемъ году сгорѣла у меня вся усадьба, весь скотъ, весь хлѣбъ... остался съ семьей въ однихъ рубашкахъ, да съ одними крестами на шеѣ;

что дѣлать? По-міру идти стыдно, потому завсегда жили, благодареніе Господу, хорошо; подумалъ, подумалъ, да и пошолъ къ Гаврилу Васильичу... Пришолъ, упалъ въ ноги, такъ и такъ говорю, батюшка, Гаврило Васильичъ, выручи. Воръ воруетъ — стѣны оставляетъ, а огонь все чисто дѣлаетъ. Погорѣлъ, говорю, выручи... Такъ чтожъ ты, баринъ, думаешь, вѣдь выручилъ, далъ лѣску, далъ деньжонокъ... На, говоритъ, разживайся, только, говоритъ, смотри Иванъ, чтобы мое не пропало: у меня, говоритъ, у самого семья больше твоей, да и нужно-то мнѣ больше твоего. Смотри, говоритъ, отдай... И только взялъ съ меня росписку. Нѣтъ, Гаврило Васильичъ баринъ жалостливый, дай Богъ ему здоровья, баринъ добрый!..

— Можетъ-быть онъ добръ былъ для тебя одного, но это еще ничего не значить, если онъ къ другимъ дурень.

— Ни къ кому не дурень онъ, ни къ кому! возразилъ мужичокъ: — и ни одна душа, сколько ихъ здѣсь ни на есть въ окологдѣ, ни одна душа не скажетъ про него дурного, окромя хорошаго. А тотъ кто тебѣ, баринъ, говорилъ про него дурно, то самъ дурной человекъ и ты скажи ему, что поносить такъ хорошаго человекъ грѣхъ великій. Вотъ что ты скажи этому человеку.

И потомъ, немного помолчавъ, онъ спросилъ скороговоркой:

— Да тебѣ кто говорилъ-то это?

— Слышалъ отъ людей! пробормоталъ Алексѣй Наумычъ.

— Нѣтъ, именно?

— Да не помню отъ кого? снова пробормоталъ Алексѣй Наумычъ, не желая почему-то помянуть имени своей тетки.

— То-то! протянулъ мужичокъ: — а ужъ я думалъ не Фроловская ли барыня тебѣ такъ расписала его.

— А почему-жъ ты думаешь, что это она?

— Да такъ, потому что дуреха она, изъ ума выжила.

Алексѣй Наумычъ даже вздрогнулъ, такъ оскорбили его слова мужика. Онъ даже хотѣлъ было изругать его за дерзость, но остановился, увидавъ его невозмутимое хладнокровіе. Что же это такое? подумалъ онъ, кто же изъ нихъ правъ и кто виновать. Быть не можетъ, чтобы тетюшка могла оклеветать кого бы то ни было, а она прямо говорила мнѣ, что Хмуровъ безбожникъ, что онъ тиранъ и что все его богатство отъ чертей.

Обстоятельство это даже какъ—будто перевернуло Алексѣя Наумыча и онъ боялся уже вступать съ мужикомъ въ споры, чтобы не услышать чего—нибудь еще худшаго. Онъ шолъ молча и не знаю почему—то вспомнилъ оплеухи, которыя далъ онъ повару и Агафѣ Филатьевѣ по настоянію Аксиныи Максимовны. Онъ вспомнилъ даже лицо Аксиныи Максимовны, ту блѣдность, которою оно было покрыто въ ту минуту, тѣ блѣгающіе глазки, и какая—то дрожь пробѣжала по его тѣлу. Но онъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы все это было слѣдствіемъ какой—нибудь основательной причины; онъ не хотѣлъ возмущать собственнаго своего спокойствія. «Нѣтъ, это такъ, думалъ онъ, пустяки; тетушка вспылала, вотъ и все, мало ли вспыльчивыхъ людей...» Но потомъ вдругъ онъ вспомнилъ, что все это произошло отъ Бутузки и невольно осудилъ Аксиныю Максимовну, что она такъ мелководно привязалась къ дрянной собачонкѣ.

IX

Между тѣмъ паркъ сначала сплѣвшій вдали, былъ уже близко и до Алексѣя Наумыча долеталъ уже гулъ вѣтра, качавшаго его старинныя деревья. И что это былъ за превосходный паркъ. Темный, столѣтній съ сплетающимися вѣтвями онъ такъ и царилъ въ окрестности. Подобные парки встрѣчаются въ настоящее расчетливое время довольно рѣдко, потомучто весьма часто обращаются въ деньги и вырубаются до корня. Множество старинныхъ липъ, множество огромныхъ сосенъ нерѣдко соблазняютъ ихъ владѣльцевъ, и они переводятъ эти памятники старинныхъ временъ безъ малѣйшей жалости. Хмуровъ не принадлежалъ къ числу подобныхъ и не только берегъ его, но даже холмъ его со всевозможной любовью и стараніемъ. Какъ человѣкъ понимающій комфортъ и придающій ему вполне должную цѣну, онъ смотрѣлъ на паркъ какъ на необходимость и дорожилъ имъ вполне. И Алексѣй Наумычъ не разъ подходилъ къ самой канавѣ, чтобы поближе полюбоваться всей этой благодатью. Больше же всего понравился ему прудъ, большой и свѣтлый, какъ зеркало, посреди котораго на небольшомъ островку возвышался павильонъ, весь потонувшій въ кустахъ сирени. Возлѣ берега у небольшой пристани стояла красивая лодка. Все

говорило о порядкѣ, который царствовалъ здѣсь, въ этой вѣчной тѣни и вѣчной прохладѣ. Попадавшіяся скамейки были чисты, слишкомъ высокая трава подкошена. Алексѣй Наумычъ, никогда не видавшій такого парка, рѣшительно восхищался имъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и начиналъ чувствовать какую-то робость. Его смущало какъ пройдетъ онъ мимо балкона, на которомъ будетъ быть-можетъ все семейство такого богатаго помещика, и кромѣ того ему какъ-то целовко было проходить мимо дома въ томъ растрепаномъ и выпачканомъ костюмѣ, въ какомъ онъ былъ.

— А дорога-то близко къ дому? спросилъ онъ мужичка.

— Да тутъ же, сейчасъ.

Алексѣй Наумычъ взглянулъ впередъ и вдругъ увидалъ красную крышу дома, выдвигающуюся изъ-за густой листвы. Смущеніе его возрастало съ каждой минутой; онъ началъ огибать свой сюртукъ, но какой-то шумъ, раздававшійся въ паркѣ, заставилъ его оборотиться. Онъ оглянулся и увидалъ фонтанъ. Фонтанъ былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома и былъ въ небольшомъ прудочкѣ, окруженномъ гладкой зеленью. Домъ былъ почти новый и весь тонулъ въ сирени. Широкая покойная лѣстница, уставленная цвѣтами, спускалась въ паркъ. На балконѣ въ живописномъ беспорядкѣ виднѣлись стульчики, скамейки и столики и тутъ же Алексѣй Наумычъ увидалъ какую-то пожилую даму съ работой въ рукахъ.

— Это кто такой? спросилъ онъ мужичка.

— Сама барыня, шепнулъ мужичокъ и снялъ шапку.

Заслышавъ скрипъ телѣги, Хмурова подняла голову.

— Ахъ, Иванъ, это ты, проговорила она дребезжающимъ голосомъ. — Куда это тебя Богъ несетъ?

— Да вотъ, въ Шатиловку, матушка.

— Ну что, ты здоровъ?

— Ничего, благодаримъ покорно-сь.

— Ну, дай-богъ тебѣ.

— Покорно благодаримъ, матушка.

Между тѣмъ смущенный Алексѣй Наумычъ, поспѣшавшій отойти отъ мужика, какъ только съ послѣднимъ заговорила Хмурова, и не замѣтилъ какъ онъ достигъ уже бокового фасада дома, вдоль котораго шла тераса, тоже уставленная цвѣтами и убранная плющемъ, сплошной зеленью покрывавшимъ стѣну

дома... Первое что кинулось въ глаза Алексѣю Наумычу, это небольшой круглый столикъ, возлѣ котораго расположилось довольно большое общество.. Одинъ изъ молодыхъ людей читалъ вслухъ какую-то книгу, между тѣмъ какъ слушавшіе смѣялись самымъ веселымъ и звонкимъ смѣхомъ. Но смѣхъ этотъ мгновенно затихъ, какъ только Алексѣй Наумычъ поровнялся съ террасой. Общество немножко какъ-будто сконфузилось, между тѣмъ какъ Алексѣй Наумычъ дотога растерялся, что рѣшительно не зналъ что ему дѣлать. Къ довершенію же его несчастія съ балкона прыгнула ливретка и съ лаемъ бросилась на него. Онъ перепугался, вертѣлся, цѣплялся за мужичка, успѣвшаго уже догнать его, какъ вдругъ раздался чей-то звонкій голосъ съ террасы и Алексѣй Наумычъ увидалъ у самыхъ перилъ стройную дѣвушку, которая говорила ему:

— Не бойтесь, не бойтесь, она не укуситъ, она такъ только лаетъ. Джипси, Джипси, перестань.

И собака въ одну минуту перестала лаять и начала уже ласкаться къ Алексѣю Наумычу.

— Ну вотъ видите, продолжала между тѣмъ дѣвушка: — она ужъ и ласкается. Вы погладьте ее.

Алексѣй Наумычъ погладилъ.

X

Минуты черезъ двѣ они миновали уже и домъ и надворныя строенія и шли уже плотиною вдоль пруда Алексѣй Наумычъ вдохнулъ свободнѣе и позабывъ уже грустныя мысли, навѣяныя на него мужикомъ, забывъ и Аксинью Максимовну и Бутузку, шолъ уже довольно весело и оглядывалъ все съ такимъ изумленіемъ, какъ-будто не вѣрилъ глазамъ своимъ. Повсюду видѣлъ онъ порядокъ, акуратность и восхищался всеѣмъ этимъ. Плотина была обсажена ветлами, и казалось никакая вода не могла бы промыть ее: такъ была она крѣпко устроена. Мосты, спускъ и мельничный каузь отличались тоже прочностью. Мужичокъ, замѣтившій изумленіе Алексѣя Наумыча, еще болѣе увеличивалъ это изумленіе своими объясненіями и расказами.

— Вотъ это мельница, говорилъ онъ, показывая на красивое бревенчатое зданіе, крытое тесомъ: — а это сукоцная фабрика,

значить тутъ сукна ткуть солдатскія. Фабрика богатѣющая и доходъ большой приноситъ. Вотъ оно что значить хозяйство-то, да порядокъ. У нашего барина отъ суконной фабрики вичего окромѣ убытка, а вотъ здѣсь такъ напротивъ. Здѣсь вотъ она какая, словно игрушечка, а на папу срамъ взглянуть: гнилая, развалиющаяся, крыта соломой... А вонъ энтю, продолжалъ мужичокъ, показывая на дорогое зданіе съ высокой трубой, изъ которой клубами валилъ черный дымъ: — это сукновальня, сукна валяютъ, и машина парами дѣйствуетъ. Куда какъ мудрено устроена. Машина эта привезена лѣтось откуда-то изъ-за моря, и большіе, говорятъ, тысячи заплачено за нее. Вотъ онъ каковъ Хмуровъ-то. А вотъ къ осени сахарный заводъ еще поспѣетъ. Вотъ видите вы энти срубы-то, это заводъ и есть. Какой-то имень строятъ, говорятъ. А ужъ какое количество свекловичны насажено, такъ это страсть. Вотъ когда вы выѣдемъ изъ улицы я вамъ покажу. А вонъ посмотрите-ка какое у мужичковъ строеніе-то. По всей губерніи нѣтъ такого строенія. А ужъ какъ мужички живутъ, такъ это просто благодать господня. Всѣ мужички, которые работаютъ на фабрикѣ, всѣ на жалованья, всѣмъ одѣляетъ, да и не токмо своимъ, даже и стороннимъ насущный хлѣбъ даетъ. Народу здѣсь изъ окрестныхъ деревень видимо-невидимо.

Такъ говорилъ мужичокъ, но врядъ ли Алексѣй Наумычъ слышалъ весь этотъ разговоръ. Онъ дотога былъ пораженъ всѣмъ видѣннымъ, что рѣшительно терялся и вмѣстѣ съ тѣмъ приходилъ въ изумленіе, припоминая отзывы о Хмуровѣ, слышанные имъ отъ Аксиньи Максимовны. Онъ окончательно убѣждался, что они несправедливы и не могъ надивиться тому, какъ могла Аксинья Максимовна такъ очернить Хмурова. Вдругъ вспомнилъ онъ сцену съ собачкой и спросилъ мужичка:

— Что, ты не знаешь кто была эта барышня, которая собачку манила.

— А это большая барышня, старшая значить дочка Хмурова. Барышня добрая, разумная. Ужъ ей лѣтъ семнадцать будетъ.

— Такъ стало-быть ужъ она невѣста?

— Ништо, невѣста, только врядъ ли онъ отдастъ ее за кого-нибудь изъ здѣшнихъ.

— Отчего же?

— Да оттого, что по ней здѣсь жениховъ нѣтъ. Дѣтось нашъ молодой баринъ подѣзжалъ было, да нѣтъ.

— Что, не отдали?

— Извѣстно нѣтъ. А ужь куда было крѣпко подѣзжалъ. Бывало только и жилъ что здѣсь. И обѣдалъ, и завтракалъ, и вечера-то проводилъ здѣсь. И книги возилъ значить, и верхомъ катались, и на фортепьянахъ-то играли, а нѣтъ, ничего не вышло.

— А какъ фамилія твоего барина?

— Шатиловъ, Василій Ивановичъ.

— Стало-быть онъ ей не понравился.

— Да, должно-быть что такъ.

— Странное это дѣло, думалъ между тѣмъ Алексѣй Наумычъ, какъ это знакомятъ съ такими дѣвушками и какъ это они, эти господа, умѣютъ съ ними говорить. Миѣ кажется я бы и слова не выговорилъ. Да вотъ хоть бы сегодня. Другой бы, доккій, будь на моемъ мѣстѣ сейчасъ бы познакомился, сталъ бы задить и любо бы проводилъ время, а я что, покраснѣлъ, сконфузился и даже не поклонился. То-то я думаю за какого чертѣку приняла она меня. Впрочемъ нѣтъ, она такая добрая, она проститъ меня, она я думаю сейчасъ догадалась отчего я не поклонился ей. Да, хорошо родиться тѣмъ, которыхъ ждутъ и учителя, и гувернантки, и довольство, и плохо тому, который прямо изъ колыбели пойдетъ шататься по чужимъ людямъ, да обивать чужіе пороги. Тамъ ударять, въ другомъ мѣстѣ ударять, одинъ день недоѣшь, другой недоѣшь, глядишь и сдѣлаешься робкимъ, забитымъ. Не умѣешь ни сѣсть, ни стать, ни слова выговорить. Другіе все знаютъ, а ты ничего...

И раздумывая такимъ образомъ Алексѣй Наумычъ дотогу разгрустился, что даже слезы навернулись на глазахъ его, но это продолжалось недолго: онъ вспомнилъ про настоящее житье свое и вдругъ ободрился.

— Нѣтъ, я грѣшу, проговорилъ онъ про себя. — Я грѣшу. Чего надо миѣ еще. Развѣ я мыкаюсь теперь по чужимъ угламъ, развѣ я обиваю чужіе пороги. Развѣ я не сытъ, не одѣтъ, не обутъ, не счастливъ, развѣ у меня не достаетъ чего. Развѣ наконецъ у меня нѣтъ тетѣки, которая любитъ меня и которая не разъ говорила миѣ, что она все отдастъ миѣ и что это Фролово будетъ мое. А Фролово развѣ плохое имѣніе. Самъ

Хмуровъ и тотъ завидуетъ Фролову. Оно только въ безпорядкѣ, но когда будетъ мое, я его устрою. Я заведу точно такую же мельницу, фабрику...

XI

А солнце между-тѣмъ золотило окрестность. Во ржахъ трещали кузнечики, изъ сосѣдней рощи слышалось пѣніе птицекъ, повсюду жизнь, бодрость; пробудилась бодрость и въ Алексѣй Наумычѣ. Онъ шолъ твердо, весело и весь предаваясь своимъ мечтамъ, даже и не слушалъ мужика, который показывая ему свекловицу, объяснялъ какъ нужно ее сажать и какъ нужно за ней ухаживать. Казалось Алексѣй Неумычъ былъ въ какомъ-то другомъ и новомъ для него мірѣ. Онъ какъ-будто крѣпкъ съ каждой минутой. Онъ былъ казалось такъ счастливъ, что даже какъ-будто началъ отвергать свою безталанность, о которой такъ недавно еще сокрушался. Куда дѣвалась также и робость его. Онъ весь какъ-будто былъ полонъ мощи и чувствовалъ, что и онъ человѣкъ, какъ другіе, что и онъ, если только захочетъ, не отстанетъ отъ другихъ. И дѣйствительно въ тѣ минуты Алексѣй Наумычъ не отсталъ бы отъ другихъ, еслибы только чья-нибудь рука толкнула его, еслибы Алексѣй Наумычъ былъ вполнѣ свободенъ. Одной только свободы онъ не могъ заручить себѣ. Но свобода его была недалеко, ее ужъ видѣлъ Алексѣй Наумычъ, онъ чуялъ ея приближеніе, ея благотворное дыханіе, и онъ крѣпкъ подъ этимъ дыханіемъ и нравственно и физически. И началъ онъ сознавать тогда, хотя и смутно, но все же сознавать и назначеніе человѣка и назначеніе жизни и тѣ силы, которыя движутъ всѣмъ, и Алексѣю Наумычу было такъ легко.

Такъ прошло часа полтора. Изъ-за бугорка выглянула Фроловская роща и мужичокъ почти вскрикнулъ :

— А вотъ и Фролово.

— Какъ, ужъ дошли?

— Да, дошли, вопъ роща.

— Какъ скоро.

— Какое же скоро. У меня даже ноги устали, да и ты-то тоже усталъ поди, баринъ.

— Нѣтъ, я ничего.

— А я такъ усталъ и присяду на телѣжку: Теперь можно, дорога пойдетъ подъ горку. Да не хочешь ли ты присѣсть.

— Нѣтъ, спасибо, я дойду пѣшкомъ.

— Ну, какъ знаешь.

Фролово открывалось все больше и больше. Показались разваленныя избушки, показался прудъ, показалась церковь, а потомъ и околица, та самая, около которой происходило разставаніе дьячка съ поваромъ.

Но каково же было удивленіе Алексѣя Наумыча, когда онъ, подойдя къ околицѣ, вдругъ увидалъ, что отъ крыльца Анисимы Максимовны отъѣзжалъ какой-то тарантасъ, запряженный тройкою отличныхъ скрыхъ лошадей, разукрашенной мѣдными бляхами и разноцвѣтными ленточками. Въ тарантасѣ сидѣлъ какой-то господинъ въ пальто и соломенномъ картузѣ. Обстоятельство это сильно удивило Алексѣя Наумыча, потому что вотъ сколько уже времени живетъ онъ у своей тетки, а до сихъ поръ не видалъ у нея никого кромѣ монаховъ. На улицѣ тарантаса этотъ встрѣтился Алексѣю Наумычу. Мужичокъ доселѣ свѣжко лежавшій въ телѣгѣ, вдругъ засуетился, и своротивъ лошадь восторону, снялъ шапку.

— Кто это такой? спросилъ его Алексѣй Наумычъ, когда тарантасъ промчался мимо.

— А вотъ и есть тотъ самый господинъ Хмуровъ; мимо дома котораго мы прошли.

Алексѣй Наумычъ чуть не остолбенѣлъ отъ удивленія.

— Да ты не ошибся ли. Точно ли это Хмуровъ? спросилъ онъ.

— Вѣстимо онъ, нешто я не знаю.

— Странно, очень странно!

У мельницы онъ увидалъ мельника и спросилъ его:

— Кто это проѣхалъ?

— Господинъ Хмуровъ, отвѣчалъ мельникъ, снимая шапку.

— Онъ къ тетенькѣ прибѣжалъ?

— Ништо, къ тетенькѣ.

Между тѣмъ мужику надо было своротить направо.

— Ну, прощай, баринъ, проговорилъ онъ. — Миѣ надо направо ѣхать.

— Прощай, братъ, спасибо тебѣ.

— Незачто. Счастливо оставаться.

И мужичокъ сверотилъ направо, а Алексѣй Наумычъ пошелъ по направлению къ домику, и глядя на его ветхость, невольно вспомнилъ домъ Хмурова, его паркъ, его фонтанъ, и вздохъ незамѣтно, невольно вырвался изъ груди его.

XII

Но только-что успѣлъ Алексѣй Наумычъ взойти на крыльцо, какъ въ сѣняхъ встрѣтилъ его Акимъ. Лицо его было мрачно, брови нахмурены.

— Гдѣ тетушка? спросилъ его Алексѣй Наумычъ.

— У себя въ спальней, отвѣтилъ Акимъ.

Алексѣй Наумычъ ухватился за ручку двери, но Акимъ остановилъ его.

— Вы туда не входите, проговорилъ онъ.

Алексѣй Наумычъ взглянулъ на Акіма.

— Отчего же? спросилъ онъ.

— Такъ, не приказано. Тамъ чиновникъ сидитъ, пишутъ бумагу.

— Да неужели же и мнѣ нельзя войти туда...

— Не приказали и васъ пускать.

Алексѣй Наумычъ изумился еще болѣе.

— Да чтоже это значить?

Акимъ только махнулъ рукой.

— Былъ заѣсъ Хмуровъ?

— Только сейчасъ уѣхали, проговорилъ Акимъ и пошелъ въ кухню, а Алексѣй Наумычъ отправился въ свою комнату, и смущенной неожиданной странной вѣстью, усѣлся на кресло. Въ домѣ было все тихо, какъ-будто въ немъ никого и не было, и чѣмъ-то зловѣщимъ отзывалась тишина эта. Чтоже дѣлаетъ тетушка съ этимъ чиновникомъ, думалъ Алексѣй Наумычъ, какую пишутъ они бумагу и зачѣмъ привѣзжалъ сюда Хмуровъ. Последнее обстоятельство сбивало окончательно Алексѣя Наумыча съ толку и онъ рѣшительно не могъ догадаться въ чемъ бы могла состоять вся эта исторія. Онъ хорошо зналъ, что Акинья Максимовна не только въ ссорѣ съ Хмуровымъ, но даже не можетъ хладнокровно слышать о немъ, и вдругъ этотъ же самый Хмуровъ былъ во Фроловѣ. Я не знаю чего бы только не

отдалъ Алексѣй Наумычъ, чтобы быть свидѣтелемъ ихъ свиданія.

Между тѣмъ въ спальнѣ Аксиньи Максимовны дѣйствительно шла усердная работа. Посреди комнаты стоялъ столъ; за которымъ сидѣлъ чиновникъ и писалъ бумагу, а возлѣ него сидѣла и Аксинья Максимовна, слѣдившая за малѣйшимъ движеніемъ пера писавшаго. Она была видимо не въ духѣ. Сухое, сморщенное личико ея было блѣдно, также какъ и тонкія, свавшія губки; глаза бѣгали, голова тряслась какъ-то особенно необыкновенно. Она безпрестанно кашляла, безпрестанно фонила свой платокъ и безпрестанно кричала на Агафью Филатьевну, не безъ робости входившую въ комнату. За стуломъ чиновника стояла босоногая дѣвчонка и березовой вѣткой отмахивала мухъ. Дѣвчонка эта тоже казалось немало сердила добрую Аксинью Максимовну, потому что она безпрестанно кричала ей: «ниже, выше, хорошенько!» и кричала такъ сердито и иногда давала дѣвчонкѣ такіе тычки кулакомъ, что та всякій разъ даже взвизгивала. Глаза дѣвчонки были полны слезъ, но она всячески удерживала ихъ, боясь еще болѣе разгнѣвать барыню. Иногда Аксинья Максимовна вставала съ своего мѣста и принималось ходить по комнатѣ, что-то нашептывая и разводя руками. Она ходила и безпрестанно останавливалась близь чиновника, заглядывая на бумагу.

XIII

Чиновнику было уже лѣтъ пятьдесятъ; это былъ высокій или скорѣе длинный мужчина съ лицомъ синевато-краснымъ, съ посомъ длиннымъ и съ бровями, торчавшими надъ его глазами въ видѣ двухъ пучковъ. Чиновникъ этотъ былъ коллежскій асессоръ Павелъ Ивановъ Андерсонъ. Почему носилъ онъ нѣмецкую фамилію, ужъ это богъ-знаетъ, но только онъ настолько же былъ нѣмецъ, насколько Аксинья Максимовна была альбиноска. Павелъ Ивановъ началъ свою службу съ учителя приходскаго училища въ одномъ уѣздномъ городѣ, потомъ сдѣлался учителемъ исторіи въ уѣздномъ училищѣ. Какъ попалъ онъ въ учителя исторіи, опять-таки богъ-вѣсть, но думаютъ, что это произошло оттого, что онъ самъ безпрестанно попадался въ

исторіяхъ. Вѣрнѣе же всего потому, что былъ женатъ на дочери директора училищъ. Училъ онъ исторіи по книгѣ и когда спрашивалъ ученика заданный имъ урокъ, то не спускалъ глазъ съ книги и если ученикъ говорилъ урокъ не слово въ слово, Павелъ Ивановъ приходилъ въ тупикъ и никакъ не могъ разобрать то ли говорить ученикъ что слѣдуетъ или жѣ нѣтъ.

Такъ училъ онъ исторіи, какъ вдругъ директора смѣнили и реорганизовать училище приѣхалъ уже новый. Онъ началъ свою рѣчь съ учителей. Задавъ какой-то вопросъ изъ исторіи Андерсону и убѣдившись, что тотъ ничего не смыслить, директоръ вспыхнулъ и покраснѣвъ до ушей проговорилъ, обратясь къ нему: «Какъ же ты, осель, лѣзешь въ учителя, когда самъ столько же понимаешь въ исторіи, сколько свинья въ апельсинахъ». Павелъ Ивановъ обидѣлся и вышелъ. Надо замъ сказать, что Павелъ Ивановъ имѣлъ кучу дѣтей, деревянный домъ въ уѣздномъ городѣ и восемнадцать душъ крестьянъ, числившихся имѣніемъ жены его. Какъ ни гордился Андерсонъ званіемъ помѣщика, однако чувствовалъ, что съ этими душами далеко не уйдешь и что не мѣшаетъ поискать мѣстечко, да такое, которое было бы похлѣбнѣе исторіи. Онъ началъ хлопотать и вскорѣ былъ уже помощникомъ окружного начальника въ томъ же самомъ городѣ, гдѣ имѣлъ деревянный домъ и гдѣ разливалъ историческія познанія. Мужики помнятъ еще до сихъ поръ каковъ былъ гусь Павелъ Ивановъ и потому нечего удивляться, что онъ вскорѣ позналъ, что казенные мужики гораздо дѣльнѣе всѣхъ Ромуловъ и Ремовъ, и что съ ними пироги печь очень можно, тѣмъ болѣе, что въ тѣ благодатныя времена можно было дѣлать все окончательно. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, какъ вдругъ жена Андерсона умираетъ и Павелъ Ивановъ остается интереснымъ вдовцомъ, окруженнымъ цѣлой ватагой дѣтей. Потеря жены однако не очень огорчила Павла Иванова: онъ отеръ слезы и въ день похоронъ жены отправился по казеннымъ деревнямъ подѣлаться своимъ горемъ съ мужичками. Какъ дѣлился онъ — именно неизвѣстно, но извѣстно только то, что у Павла Иванова явилась новая енотовая шуба и бриллиантовый перстень. Все шло какъ по маслу, какъ вдругъ старые порядки измѣнились и Павелъ Ивановъ не успѣлъ оглянуться какъ въ губернію нагрянулъ изъ Петербурга ревизоръ и онъ былъ унесенъ подъ судъ вмѣстѣ съ управляющимъ, совѣтниками, окруж-

ными и сояномъ ихъ помощниковъ. Словомъ, почти вся губернія пошла по въ судъ, а съ нею вмѣстѣ и ея представитель. Дѣло было плохо, между тѣмъ дѣти подросли, надо ихъ учить. Павелъ Ивановъ думалъ, думалъ и придумалъ жениться. Какъ на смѣхъ въ это же самое время овдовѣла въ уѣздѣ одна помѣщица. У помѣщицы былъ малолѣтній сынъ, а у сына сто—пятьдесятъ душъ. Чего же лучше. Можно сейчасъ сдѣлаться опекуномъ и дѣла пойдутъ какъ слѣдуетъ. Задумавши это, Павелъ Ивановъ въ ту же минуту побрлся, надѣлъ пестрые панталоны, вынулъ изъ-за галстука воротнички, и напяливъ какое-то строе пальто, полетѣлъ въ уѣздъ. Вдова была очень рада и на четвертой недѣлѣ послѣ смерти мужа обвинчалась съ Андерсономъ. Дѣла поправились дѣйствительно, потому что Андерсонъ началъ читать, а малолѣтній, воспитывавшійся въ дворянскомъ институтѣ, началъ ходить безъ рубашекъ и завелся рубашками тогда только, когда ему прислалъ ихъ двоюродный его дядя, сжалившійся надъ участіемъ сироты. Андерсонъ вздохнулъ свободнѣе, развѣстилъ своихъ дѣтей по разнымъ учебнымъ заведениямъ и принялся хозяйничать въ имѣніи малолѣтняго. Вдругъ у малолѣтняго умираетъ въ Петербургѣ двоюродный дядя и онъ получаетъ наслѣдство, состоящее изъ ста—пятидесяти душъ крестьянъ и тридцати тысячъ денегъ. Едва слышалъ объ этомъ наслѣдствѣ Андерсонъ, какъ воспрянулъ еще пуще. Черезъ полгода малолѣтній былъ учрежденъ въ правахъ наслѣдства и опекуниною надъ имѣніемъ назвачена мать. Она начала съ того, что забрала деньги малолѣтняго и поскакала показывать своему Пашинкѣ Петербургъ. Время проведено было какъ нельзя лучше, послушали оперу, побывали въ маскарадахъ, а весной опять отправились въ губернію. Между тѣмъ родственники малолѣтняго, видя, что сиротское имѣніе расточается матерью и ея супругомъ, обратились къ губернскому предводителю дворянства съ просьбою отдалить мать отъ опекунства и отдать имѣніе въ болѣе вѣрные руки. Предводитель исполнилъ просьбу. Узнавши объ этомъ, мать скачетъ въ городъ, беретъ за шиворотъ сына и заставляетъ его просить гражданскую палату объ отмѣнѣ этого постановленія дворянской опеки и о назначеніи ея опекуншей, а мужа ея попечителемъ. Ребенокъ, не смѣя спорить съ матерью, исполняетъ ея просьбу, а гражданская палата, въ особенности отличающаяся умомъ и

дальновидностию своего предсдателя, во время хмѣльнаго объѣда, даннаго ей Андерсономъ, глядя на малолѣтняго по головкѣ и проговоривъ: «вотъ умница, противъ маменьки дерзостей не дѣлаетъ!» намѣняетъ рѣшеніе опеки и передаетъ опеку матери, дѣлаетъ попечителемъ Павла Иванова, еще не успѣваго вырваться изъ—подъ суда по губернской ревизіи.

Послѣ этой передраги Андерсонъ вздохнулъ свободнѣе, и пославъ мысленно къ чорту родственниковъ малолѣтняго, задумавшихъ было вступить за беззащитнаго, возблагодарилъ создателя за пензрѣчешную милость къ нему. Какъ ни благопріятно кончилась исторія для Андерсоновъ, однако они сдѣлались осторожнѣе.

— Знаешь что, Паша! сказала однажды жена своему мужу.

— Что? спросилъ тотъ и откинулъ какъ-то всторону ногу, что всегда дѣлалъ, когда приходилось ему о чемъ-нибудь думать.

— Надо быть поосторожнѣе, а то, чего добраго, опять какую-нибудь бумагу подадутъ.

— Да ужъ это мы знаемъ! Насъ учить нечего. Я это сообразилъ и для уничтоженія подозрѣній кое-что придумалъ.

— Неужто? Что же?

— Съ этого дня буду заниматься частными дѣлами и если, боже оборони, прижмутъ, буду ссылаться на доходы, которые я буду получать за адвокатство.

— Пашинька! почти вскрикнула Андерсонша отъ радости: — ты у меня просто геній... Поди, поцѣлуй меня.

— А что такое значить геній? спросилъ Павелъ Ивановъ.

Андерсонша немножко подумала и проговорила:

— Умный человекъ.

— То-то! А ужъ я думалъ, что это какое-нибудь ругательное слово! проговорилъ Андерсонъ улыбаясь, и махнувъ еще разъ ногой, причеиъ опрокинулъ и разбилъ столовые часы, принадлежавшіе малолѣтнему, чмокнулъ жену свою прямо въ губы.

XIV

Этотъ-то самый Павелъ Ивановъ сидитъ теперь въ комнатѣ Аксины Максимовны и согнувшись въ три погибели, сочиняетъ

бумагу. Судя по движению губъ и въ особенности носа, которыми водить онъ за малѣйшимъ движениемъ руки, можно судить, что онъ углубился сильно въ свое занятіе. И вдругъ однако онъ хватается сводъ законовъ, и помусливъ пальцы, ворочаетъ листы. Ворочанье это какъ видно очень нравится Аксиныѣ Максимовнѣ, потому что она всякій разъ, какъ только слышитъ шумъ листовъ, поспѣшно подбѣгаетъ къ столу.

— Что, новый законъ подыскиваете? спрашиваетъ она.

— Да, ищу одну статейку.

— Вы бы вотъ такую статейку нашли, продолжаетъ Аксиныя Максимовна: — по которой можно было бы сослать въ Сибирь этого сосѣда-то. Негодяй!

— Какова это?

— Какъ какова, Хмурова.

— Нѣтъ, Аксиныя Максимовна, такой статьи не найдешь.

— А вы поищите, можетъ-быть и найдете. Вѣдь законотворъ, слава Богу, не одна книга. Въ одной нѣтъ; такъ въ другой можно найти. А ужъ подливно оказали бы услугу, не говоря ужъ мнѣ, а всему околodку. Вѣдь вы не знаете что это за человекъ — язва!

— Какъ не знать. Все знаю...

— Ну, а коли знаете, такъ слѣдовательно и должны постараться. Ужъ я не говорю, что онъ безбожникъ, что онъ золотому идолу поклоняется, ужъ это бы такъ и быть, а то вѣдь какой грубіянь.

— И не говорите! подхватилъ Павелъ Ивановъ, снова принимаясь писать: — такихъ грубіяновъ врядъ ли еще по всей губерніи найдешь.

— Ужъ именно что не найдешь. Вы знаете ли что онъ со мною разъ сдѣлалъ?

— Что такое?

— Да ужъ то сдѣлалъ, что ни одинъ порядочный человекъ не сдѣлалъ бы. Какже! Разъ спонадобились мнѣ деньги, и мнѣ пришла глупость обратиться къ нему съ просьбою ссудить мнѣ сто рублей; еще мы тогда знакомы были. Деньги эти мнѣ спонадобились потому, что приѣхалъ ко мнѣ отецъ Герасимъ, которому нужно было дать. Такъ вы бы посмотрѣли что за письмо написалъ мнѣ Хмуровъ.

— А что-съ?

— Впрочемъ отъ атакого невѣжи начега бодѣще и ожидать! Вдругъ пишеть мнѣ, что онъ непремѣнно далъ бы мнѣ требуемую сумму, еслибы сумма эта была нужна лично для меня, но такъ какъ онъ знаетъ, что у меня гостить отецъ Герасимъ и что это вѣроятно для него назначаю я эти деньги, то онъ, изволите ли видѣть, въ видахъ собственнаго моего же интереса денегъ мнѣ не даетъ. Вотъ это что за человѣкъ.

— Тсъ! прощайтъ Павелъ Ивановъ.

— Да что и говорить! это такой ядъ, какого и свѣтъ не произвѣдиль. Впрочемъ стоитъ только посмотрѣть на его рожу, чтобы понять что это за тварь. Вѣдь мать его была холопкъ, судомойка. Вы взгляните на его лицо и сейчасъ увидите, что это хамъ. Такая противная рожа... такъ бы и маплевала въ его хамскіе глаза. И такого человѣка тернить еще общество... А посмотрѣли бы вы что у него за дочки, въ особенности старшая.

— А что-съ?

— Кокетка, да еще мало того — развратница.

— Да, я что-то слышалъ.

— Я знаю про нее такія дѣлишки, что срамъ сказать.

— Неужели?

— Да, да! Вѣдь ужъ отецъ Герасимъ лгать не станетъ, а онъ собственными своими глазами видѣлъ какъ она вечеромъ перебивала съ Шатиловымъ.

— Такъ, такъ! подхватилъ вдругъ Павелъ Ивановъ: — Шатиловъ точно, точно, это ихъ сосѣдъ.

— Ну да еще у него тоже суковная фабрика есть.

— Ну вотъ, вотъ. То-то онъ къ нимъ часто и ѣздилъ. Мнѣ и самому неразъ случалось встрѣчать, еще все въ кабриолетѣ ѣздилъ... Такъ, такъ... Но только тогда, я помню, говорили, что онъ сватался и что ему отказали.

— Полноте, какъ вамъ не стыдно, Павелъ Ивановичъ. Умный вы человѣкъ, а говорите такія вещи. Ну, похоже ли это на дѣло, чтобы Хмуровъ отказалъ Шатилову, такому богатому человѣку.

— Отчего же онъ пересталъ ѣздить-то?

— Да оттого и пересталъ, что достигъ своей цѣли.

— Ну, можетъ-быть, можетъ-быть, не знаю-съ.

И Павелъ Ивановъ снова принялся писать бумагу, а Аксинья

Максимовна снова принялась ходить по комнатѣ. Однако на этотъ разъ ходила она недолго и немного погодя опять подошла къ Павлу Иванову.

— Ну что, подвигается бумага-то?

— Подвигается, подвигается...

— А скоро кончите?

— Скоро.

— Ну, вотъ и прекрасно; только ужъ ради самого создателя утѣшите меня старуху, напишите поядовитѣе.

— Да ужъ насчетъ этого не беспокойтесь. Такъ напишу, что прямо къ чорту на кулички...

— Неужто?

— Ужъ будьте увѣрены.

— Ну, награди васъ за это парца-небесная!.. Да впрочемъ отъ такого умнаго человѣка какже и не ожидать такой бумаги! проговорила Аксинья Максимовна съ сіяющимъ отъ радости лицомъ: — ужъ не даромъ же васъ подъ судъ отдали. Вѣдь у насъ всегда умные люди страдаютъ... А что, небось и до сихъ поръ подъ судомъ?

— Что дѣлать! проговорилъ Павелъ Ивановъ, вздохнувши: — за правду страдаю.

— Да ужъ это такъ, такъ.

И потомъ, немного помолчавъ, Аксинья Максимовна прибавила.

— Такъ нельзя Хмурова-то въ Сибирь?

— Нельзя, Аксинья Максимовна.

— Жалко, а слѣдовало бы... Вотъ бы еще узнать мнѣ кто именно ходилъ къ нему. Ужъ задала бы я звону этому франту. Ужъ такого бы задала звону, что онъ у меня долго бы помнить сталъ какъ переносить вѣсти. А вѣдь ужъ непремѣнно кто-нибудь ходилъ.

— Да ужъ это конечно, подхватилъ Павелъ Ивановъ. — Иначе какъ бы могъ узнать Хмуровъ, что Иванъ пойманъ.

— Конечно, конечно... Но какъ бы узнать... А ужъ я бы ему доказала какъ рассказывать то что я дѣлаю... Да я бы его прямо въ Сибирь... прямо...

Но Аксинья Максимовна не договорила, потому что глухой и продолжительный кашель душилъ ее. Она начала звать Акимѣ, но Акимъ не являлся.

— Чего же ты стоишь, прокричала наконецъ Аक्सинья Максимовна, обращаясь къ дѣвчонкѣ, отмахивавшей мухъ: — развѣ не слышишь, что барыня зоветъ человѣка.

Дѣвчонка выбѣжала и позвала Акима.

— Гдѣ ты пропадаешь, старый дьяволъ? крикнула на него Аक्सинья Максимовна.

— Чего изволите-съ?

— Гдѣ ты пропадаешь? спрашиваю я тебя.

— Не слышу, матушка.

— Тьфу, дьяволъ, снова крикнула Аक्सинья Максимовна.

— Гдѣ ты былъ? спрашиваетъ тебя твоя госпожа, прокричалъ Павелъ Ивановъ почти надъ ухомъ Акима.

— Въ буфетѣ, матушка, былъ я, проговорилъ Акимъ.

— У! мерзавецъ, продолжала между тѣмъ Аक्सинья Максимовна. — Ну, чего стоишь, пошолъ вонъ.

— Чего изволите-съ?

— Пошолъ вонъ, да пошли Агафью.

Акимъ вышелъ.

— Вотъ прошу покорно ужиться съ такимъ безтолковымъ народомъ. Ну, чего стоишь, не отмахиваешь мухъ... заглядѣлась дура.

Между тѣмъ блѣдная и перепуганная Агафья Филатьевна стояла уже у дверей.

— Гдѣ Бутузка? спросила ее Аक्सинья Максимовна.

— Въ дѣвичей, матушка.

— Что она спитъ чтоли?

— А право не умѣю вамъ доложить, матушка, какъ съ заповивали.

— А Алексѣй Наумычъ?

— Они у себя въ комнатѣ.

— Ты скажи ему, чтобы онъ обѣдалъ въ залѣ, а намъ съ Павломъ Ивановичемъ чтобы сюда принесли кушать. Ну, ступай.

Агафья Филатьевна вышла.

— А кто такой этотъ Алексѣй Наумычъ? спросилъ Павелъ Ивановъ, обращаясь къ Аक्सиньѣ Максимовнѣ.

— Мой племянникъ, молодой человѣкъ.

— Такъ онъ у васъ подъ одекой?

— Нѣтъ, гдѣ же, у него ничего нѣтъ, бѣдный человѣкъ... Но зато что за душа, что за сердце... кроткій, тихій...

— Да, ужь такихъ нынче мало-съ.

— Ужь именно, что мало... Ужь такъ я люблю его, такъ люблю... И какъ я рада, что онъ живетъ у меня. Все це такъ скучно... Ну, да я его хорошо награжу за его любовь и почтение.

— Ужь не хотите ли сдѣлать его своимъ наследникомъ.

— А почему же и нѣтъ... Вѣдь у меня нѣтъ никого... Вѣдь я вся тутъ... Имѣніе у меня благоприобрѣтенное, значить кому хочу, тому и отдамъ... А отдать я хочу ему... Я ужь такъ и рѣшила. Пускай его будетъ счастливъ и молится за меня... Онъ достоинъ быть счастливымъ, потомучто чудный мальчикъ.

И Аксинья Максимовна подъ скрипъ андерсоповскаго пера начала расхвалать Алексѣя Наумыча.

Черезъ полчаса бумага была готова. Павелъ Ивановъ прочелъ ее Аксиньѣ Максимовнѣ, и старушка пришла въ такое восхищеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ была тронута участіемъ къ ней Павла Иванова, что тутъ же прослезилась, и осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, проговорила, смотря на образа:

— Пошли вамъ создатель всего лучшаго, и да наградить васъ царица небесная за вашу добрую душу и зато, что заступилась за меня беззащитную старуху.

Послѣ обѣда Павелъ Ивановъ уѣхалъ, а сочиненная имъ бумага поступила для переписки къ Фомѣ Зотычу, который и переписалъ ее на гербовой бумагѣ въ той же комнатѣ, въ которой она сочинялась и подъ диктовку самой Аксиньи Максимовны.

XV

Немного погодя послѣ того, какъ бумага была переписана, въ комнату Алексѣя Наумыча вошелъ Акимъ.

— Что ты, Акимъ? спросилъ его Алексѣй Наумычъ.

Акимъ молчалъ и только отеръ слезу, катившуюся изъ потухавшихъ глазъ его. Бѣдный старикъ плакалъ.

— Что съ тобой, Акимъ? скажи ради-бога, о чемъ ты плачешь?

И Алексѣй Наумычъ почти подбѣжалъ къ Акиму, но тотъ успѣлъ уже оправиться.

— Къ вамъ я, батюшка, проговорилъ онъ.

— Что такое?

Акимъ принялся оглядываться.

— Я къ вамъ отъ Ивана и отъ Арины, прошепталъ Акимъ едва слышно. — Они просили меня переговорить съ вами

— Отъ какого Ивана и отъ какой Арины? спросилъ Алексѣй Наумычъ, совершенно даже и позабывшій о нихъ.

— Да отъ тѣхъ, что въ конторѣ—то сидятъ.

Алексѣй Наумычъ вздрогнулъ.

— Да развѣ они сидятъ еще?

— Сидятъ—съ.

— О чемъ же они просили переговорить со мной?

— Имъ желательно видѣться съ вами.

— Со мной?

— Да, съ вами. Все хотятъ попросить васъ, какъ бы нибудь заступиться за нихъ и попросить тетеньку, чтобы она продала ихъ господину Хмурову. Онъ за этимъ сюда и приѣзжалъ сегодня, да тутъ такая пошла исторія ..

И Акимъ только рукой махнулъ.

Между тѣмъ Алексѣй Наумычъ стоялъ какъ пораженный громомъ. Теперь ужъ для него было все ясно, и онъ тодыко еще болѣе сталъ уважать Хмурова.

— Чтоже, чѣмъ же кончились переговоры Хмурова съ тетушкой? спросилъ Алексѣй Наумычъ.

— Да ужъ извѣстно чѣмъ, батюшка. Вы я думаю сама изволите видѣть какой у тетушки у вашей характеръ. Извѣстно чѣмъ кончалось, тѣмъ, что Аксинья Максимовна разругала въ пухъ господина Хмурова и теперь все вывѣдываетъ, отъ кого могъ узнать Хмуровъ объ Иванѣ, все расирашиваетъ кто ходилъ къ нему.

— А къ нему ходилъ кто—нибудь?

— Дьячокъ ходилъ, его Иванъ просилъ, потомучто Иванъ когда былъ въ бѣгахъ, такъ жилъ у господина Хмурова и Хмуровъ очень полюбилъ его. Да вѣдь и парень—то онъ хорошій, работающій, тихій...

— И зачѣмъ только воротился онъ изъ этихъ бѣговъ. Жилъ бы, да жилъ себѣ у Хмурова, неволью проговорилъ Алексѣй Наумычъ.

— Лукавый попуталъ, батюшка; а житье у Хмурова было

хорошее: жалованье платили ему большое, господа его любили... Разъ какъ-то захворалъ вишь, такъ сейчасъ въ больницу, да мало еще того, старшая барышня навѣщать его ходила. То чаю принесеть, то варенья... Не то, что у насъ батюшка, у насъ и здоровые-то чуть съ голоду не умирають, а ужь больные-то...

И на глазахъ Акима снова навернулись слезы.

— Ужь вы заступитесь, батюшка! снова началъ онъ, между тѣмъ какъ Алексѣй Наумычъ, опустившись на кресло, сидѣлъ съ поникшей головой. — Чтоже! Нешто грѣхъ заступиться. Они за васъ вѣкъ Бога молить будутъ, а мы сударь, конечно хотъ и холопы, хотъ хамы, а все же Богъ не гнушается нашими молитвами.

— Но чтоже я сдѣлаю, Акимъ? Будто ты не знаешь, что я ничего не значу въ домѣ.

Акимъ молчалъ.

— Неужто же ихъ сошлютъ въ самомъ дѣлѣ! проговорилъ въ раздумѣ Акимъ.

Алексѣй Наумычъ даже поблѣднѣлъ.

— Какъ сошлютъ! я тебя не понимаю.

— Да какъ же сударь, вѣдь ихъ ссылають. Вѣдь почти сейчасъ былъ тутъ чиновникъ, такъ такую вишь настрочилъ бумагу...

— Послушай, Акимъ. Тутъ что-нибудь да не такъ. Этого быть не можетъ...

— Нѣтъ-съ, это такъ батюшка, ужь я на старости лѣтъ лгать не буду. Я самъ и бумагу видѣлъ.

— Чтоже тамъ написано?

— Да ужь то написано, чего и не было совсѣмъ, батюшка. Что Иванъ-то, вишь, усадьбу поджечь хотѣлъ; что онъ и ограбить-то хотѣлъ, что и бунтъ-то онъ; прописали также, что онъ и въ бѣгахъ былъ... Ну, а съ нимъ вмѣстѣ и Арину съ пищенкой. Да, не даромъ же цѣлый день пробылъ здѣсь чиновникъ...

— Чтожъ теперь они дѣлають?

— Да что дѣлають? Извѣстно что плачуть.

— Плачуть?

— Да-съ.

И Алексѣй Наумычъ снова опустилъ голову. Чго было у него на умѣ — богъ-знаеть, но только лицо его было блѣдно, глаза

блуждали и сидѣлъ онъ точно какъ приговоренный къ смерти. Такъ прошло минутъ пять; наконецъ онъ всталъ и пройдя раза два по комнатѣ, остановился возлѣ Акима.

— Ну, а если я ничего не успѣю сдѣлать? проговорилъ онъ.
— Тогда что?

Акимъ молчалъ.

— Тогда чтоже будетъ съ ними?

Акимъ развелъ руками и проговорилъ медленно:

— Ну, тогда ужь извѣстно, что не минуютъ ссылки, и у старика градомъ полились слезы. Добрый старикъ, онъ впервые еще плакалъ и плакалъ о горѣ другихъ, тогда какъ о себѣ, какъ ни приходилось подчасъ трудно, онъ никогда ни wrонялъ и слезинки. Но Алексѣю Наумычу становилась тяжела эта сцена и онъ поспѣшилъ окончить ее.

— Послушай, Акимъ, проговорилъ онъ. — Я не пойду въ контору, мнѣ слишкомъ будетъ тяжело видѣть ихъ всѣхъ, да и что я стану тамъ дѣлать! А ты скажи Ивацу, что я буду просить за него, но чтобы онъ не сердился на меня, если я не попрошу прощенія.

XVI

Въ конторѣ происходила чрезвычайно грустная сцена. Тамъ казалось все было проникнуто печалью. Такъ все смотрѣло мрачно. Небольшая комната, освѣщенная салными огаркомъ, воткнутымъ въ бутылку, была почти полна народа. Всѣ хныкали, всѣ охали. Иванъ и Арина со связанными руками сидѣли неподалеку отъ печки. Но кто бы могъ узнать ихъ? Иванъ былъ блѣденъ, убитъ; голова его была опущена и тяжелые вздохи вырывались порою изъ широкой и могучей груди. Онъ сидѣлъ молча и какъ ни старались заговорить съ нимъ, онъ на всѣ вопросы только поднималъ голову, оглядывалъ говорившаго и снова опускалъ ее. Онъ пересталъ говорить съ самаго того времени, какъ уѣхалъ изъ Фролова Хмуровъ. Онъ тотчасъ же узналъ, что Хмуровъ ничего не сдѣлалъ въ пользу его и потому онъ подошелъ къ образу, и попросивъ чтобы ему на минуту развязали руки, перекрестился, и тражды поклонившись образу, проговорилъ: «Ну, видно своей судьбы не миновать, и позна-

гради Господь Хмурова за его добрую душу и за его попеченія обо мнѣ. Пошли ему Господи всякаго благополучія». И перекрестившись еще разъ онъ сказалъ, чтобы ему опять связали руки. Съ тѣхъ поръ онъ какъ-будто пересталъ заботиться о своей участи. Но бывали минуты, и въ особенности тогда, когда въ конторѣ никого не было, что Иванъ вдругъ поднималъ голову, и взглянувъ на блѣдную и измученную Арифу, принимался плакать какъ ребенокъ.

Старуха-нищенка лежала на печи, и прикрывшись огромнымъ овчиннымъ тулупомъ, какъ-будто дѣло было въ глубокую осень, стонала и охала. Она вся скрывалась подъ тулупомъ, даже и головы не было видно. Стоны ея иногда затихали и тогда всѣ обращались къ ней съ распросами.

— Бабушка, а бабушка, говорили ей.

— Чего, родимые? отзывалась старуха.

— Жива еще?

— Охъ, плохо родимые, больно плохо.

— А что ноги-то твои?

— Болятъ, больно болятъ.

— Да и какъ не болѣть, вѣшивался кучеръ. — Вѣдь Бутузка-то почитай что въ ключья икры изорвала. Вѣдь у нея клыки-то не шуточные. Ты бы, бабушка, немощла еще примочкой-то.

— Ну чтожъ, пожалуй.

— Тебѣ помочь, чтоль?

— Помоги, родимый.

И кучеръ, исполнявшій подчасъ должность подлекаря, лѣзъ тогда на печку и начиналъ примачивать ноги нищенки. Но на эти ноги страшно было взглянуть. Онѣ были всѣ искусаы и распухли до такой степени, что при малѣйшемъ движеніи нищенка стонала самымъ неистовымъ образомъ.

Но врядъ ли не была достойна еще большей жалости старушка, сидѣвшая въ углу конторы и хныкавшая въ синюю тряпицу, которую держала у рта. Тонкая и сгорбленная, она была кажется лишена всякихъ силъ. Старушка эта была мать Арины. Бѣдную такъ поравнило горе дочери, что вотъ уже третьи сутки, какъ она не выходила изъ конторы и ничего не ѣвши продолженіи всего этого времени, все сидѣла въ своемъ углу и хныкала. Много перенесла старушка эта горя. Она скоро-

ипла мужа, схоронила трехъ сыновей своихъ, но никогда не убивалась такъ, какъ въ настоящую минуту. Тамъ дорогихъ ея сердцу похищала смерть, призывалъ къ себѣ Господь, какъ выражалась она, и ей хотѣ оставались могилы, надъ которыми ей можно было проливать слезы, но здѣсь, теперь, ей не оставалось даже и этого утѣшенія. Она лишалась послѣдней своей радости, послѣдняго дѣтища, которое бы могло лелѣять ее при жизни, а въ часъ смерти закрыть ей глаза. Лишаясь Арины, она лишалась всего и оставалась совершенно одинокой. Стоило только взглянуть на эту бѣдную старуху, чтобы понять все состояніе истерзанной души ея. Иногда она какъ-будто переставала плакать и задумывалась, но задумывалась такъ продолжительно и такъ тяжело, что всѣ смотрѣвшіе на нее невольно пугались.

— Что съ тобой Агафья?

Но она только поднимала глаза, устремляла ихъ на дочь и снова слезы обильными ручьями катились изъ глазъ ея.

Иногда же старуха, медленно встававъ, подходила къ дочерп, обнимала ее и казалось замирала въ этихъ объятіяхъ.

— Аринушка, Аринушка, шептала она... На кого ты покидаешь меня старуху, кого теперь буду я любить и голубить... Аринушка, дитятко мое...

И тогда Агафья какъ-будто принималась молить Бога, чтобы онъ прекратилъ ея жизнь, чтобы онъ соединилъ ее съ мужемъ и сыновьями, чтобы не оставлялъ ее одну мыкаться по бѣлому свѣту.

Сцены эти были всего тяжелѣе для Ивана. Онъ почиталъ себя виновникомъ всего случившагося и тогда грудь его какъ-будто сжималась, дыханіе прекращалось и только однѣ слезы, казалось, облегчали его. И тогда, обращаясь къ старухѣ, онъ говорилъ.

— Не проклинай меня Агафья. Богъ видитъ, что я не хотѣлъ твоей гибели, что не хотѣлъ также погубить и дочь твою. Но такая ужъ видно судьба моя... Ты думаешь легко мнѣ видѣть слезы Арины и твои. Эхъ, одинъ Богъ только вѣдаетъ какво горе мое.

Но старуха не въ силахъ была ничего провзнести и только плакала.

И дѣйствительно одинъ только Богъ видѣлъ какво было настоящее горе Ивана, хотя и всѣ сожалѣли его, хотя и всѣ себи-

лѣзновили о немъ. Но состраданіе не есть еще горе. Горе Ивана было такъ велико, что онъ не разъ, ночью, когда все вокругъ него засыпали, обводилъ глазами вокругъ себя, и такъ былъ страшенъ этотъ взоръ, что не трудно было догадаться чего искалъ онъ и въ чемъ хотѣлъ найти исходъ своего горя.

Но зато какой всегда страхъ и какой ужасъ находилъ на него послѣ этихъ мпуть. Страшнѣй ознобъ пробѣгалъ по всему тѣлу, онъ весь трясся и молитва испрашивалась тогда на его уста. Онъ начиналъ молиться и молиться съ такою теплотою и съ такимъ усердіемъ, съ какимъ врядъ ли молилась сама набожная Аксинья Максимовна. Правда, не складывалъ онъ на груди крестомъ рукъ своихъ, правда, не поднималъ онъ къ небу взоръ, но тѣмъ не менѣе вѣра его была крѣпка въ заступничество Бога и онъ молясь отдыхалъ и тѣломъ и душою, и безъ ропота уже переносилъ удары судьбы своей. Такъ Богу угодно, шепталъ онъ, и буде его святая воля.

Все это было скрыто отъ людей и они видѣли только одно наружное.

XVII

Однако несмотря на то, контора, какъ я сказалъ уже и выше, была почти всегда полна народомъ; и догадкамъ, и разговорамъ конца не было. Одни увѣряли, что Аксинья Максимовна проститъ ихъ; другіе, сомнительно покачивая головами, говорили, что врядъ ли способна она на подобное дѣло; третьи ждали правосудія отъ суда, хотя и плохо вѣрили въ правосудіе. Но такъ или иначе, а все-таки во всѣхъ толкахъ было видно присутствіе надежды; лучъ ея, хотя и блѣдный, но все-таки озарялъ свѣтомъ темную и мрачную обстановку дѣйствительности. Такъ было и въ описываемую минуту, то-есть въ тотъ вечеръ, когда Акимъ просилъ Алексѣя Наумыча заступиться за Ивана.

— Авось упроситъ, думали и говорили многіе. Авось согласится продать васъ Хмурову.

Казалось все были проникнуты участіемъ, но такъ какъ у насъ на Руси даже и въ самыхъ грустныхъ и тяжелыхъ сценахъ, проявляются вдругъ какія-то смѣшныя сцены, то дѣло и на этотъ разъ не обошлось безъ нихъ. Во время самыхъ печаль-

ныхъ обсужденийъ печальнаго положенія Ивана и Арины, когда у всѣхъ почти на глазахъ дрожали слезы, вдругъ кучеръ, у котораго тоже были заплаканные глаза, проговорилъ, обратясь къ толпѣ.

— А знаете что ребята?

— Что? спросила толпа, и видя энергичное и воспламенившееся лицо кучера, невольно всѣ подумали, что онъ вѣроятно нашолъ какое-нибудь средство спасти Ивана.

— Слѣдуетъ дьячка поколотить.

Всѣ пришли въ тупикъ, но тѣмъ не менѣе все-таки спросили за что находить онъ нужнымъ поколотить его.

— А зато, продолжалъ кучеръ, чтобы онъ впередъ не свался не въ свое дѣло.

— Да чтоже онъ сдѣлалъ?

— А то, что это по милости его сидитъ теперь здѣсь Иванъ.

— Какъ такъ?

— Да какъ же! Нешто вы не помните. Вѣдь кабы не онъ, такъ нищенка-то ушла бы, и вѣдь уцѣпилъ ее за шиворотъ не кто другой, какъ дьячокъ. А зачѣмъ онъ не далъ ей уйти... Что у него по шести пальцевъ на рукѣ, такъ и надо ему всѣхъ папать... Нѣтъ, это не резошъ.

Доводы эти показались толпѣ очень уважительными и она даже съ нѣкоторымъ озлобленіемъ рѣшила, что дѣйствительно во всемъ виноватъ не кто другой какъ дьячокъ, и что такъ какъ онъ составилъ несчастіе столькихъ людей, то его дѣйствительно поколотить слѣдуетъ, а также караульщика, который стоялъ у амбаровъ.

— А меня-то за чтоже? почти простоналъ караульщикъ, бывший на тотъ грѣхъ въ конторѣ.

— Какъ за что! какъ за что! заголосили всѣ, махая руками и злобно посматривая на дрожавшаго всѣмъ тѣломъ караульщика. — Кто просилъ тебя рассказывать, что ты видѣлъ какихъ-то двухъ людей, которые пробирались къ саду... Что, тебя тянули чтоли за языкъ-то?

— Да нешто я зналъ, братцы!

— Ребята! крикнулъ кучеръ. — Что съ нимъ говорить-то. Вязи ему руки!

— Да за чтоже, братцы?

— А зато, чтобы вперёд языкъ держалъ за зубами, когда тебя не спрашиваютъ.

— Да вѣдь вы же сами спрашивали, братцы. Сами же спрашивали, кричалъ караульщикъ, отбиваясь отъ приставшей къ нему толпы. Сами спрашивали.

И богъ-знаетъ чѣмъ бы кончилась эта нелѣпая сцена, если бы въ контору не вошёлъ Фома Зотычъ.

— Ну, ну, закричалъ онъ:—что расшумѣлись, бараны. Чего расшумѣлись? .

Шумъ мгновенно затихъ.

— Ничего, Фома Зотычъ, проговорили нѣкоторые, но уже тихимъ голосомъ. Мы вотъ только его пообуздать хотѣли.

— Пообуздать! продолжалъ между тѣмъ Фома Зотычъ. А вотъ какъ услышитъ барыня шумъ въ конторѣ, да какъ придетъ сюда, вотъ вамъ тогда и задастъ она звону.

— А дьячка не прикажете поколотить, Фома Зотычъ?

— Сказано, смирно. Экій народъ безтолковый... Да что вы, мордва чтоли... Вотъ дураки-то.

Въ это время вошёлъ въ контору Акимъ. Стукъ дверью, который онъ произвелъ, заставилъ Ивана поднять глаза. Увидавъ Акима, онъ какъ-будто хотѣлъ что-то спросить его, но потомъ опять опустилъ голову.

— А я къ тебѣ, братецъ, проговорилъ Акимъ, мелкой рысцой подбѣгая къ Ивану и радостно посматривая на него.

Иванъ поднялъ голову.

— Видѣлъ, братецъ, Алексѣя Наумыча... Онъ даже и не зналъ, что ты все еще въ конторѣ... Даже удивился... Ну, я все ему рассказалъ и онъ даже плакалъ...

Иванъ вздохнулъ, между тѣмъ какъ старушка, мать Арины, успѣла уже подбѣсть поближе...

— Такъ-то плакалъ, продолжалъ Акимъ, что даже я удивился... Я говорилъ ему, что хочешь съ нимъ повидаться...

— Ну чтоже? придетъ онъ? спросила Агафья.

Акимъ обернулся.

— Ба, Агафья Степановна? Вотъ и не чаялъ-то, что ты во-злѣ меня.

— Да гдѣ же мнѣ быть-то... проговорила старушка, всхли-пывая... Вѣдь не чужая поля... родная... кровная... Сама вырос-тила, сама питала.

— Такъ, такъ Агафья Степановна, совершенно справедливо... То-то вотъ и дѣло: говорилъ, не выходи замужъ... Помнишь... не послушалась... Вотъ кабы не выходила, не было бы у тебя Арины, а не было-бъ Арины, не было-бъ и горя... Ну да Богъ милостивъ, прибавилъ Акимъ. Алексѣй Наумычъ общалъ хлопотать... А сюда, Иванушко, онъ не придетъ...

— Отчего же? спросила Агафья.

— Да зачѣмъ ему сюда?

— Какъ зачѣмъ. Все бы посмотрѣлъ, сжалился бы...

— Да ужъ онъ и такъ, говорю, плакалъ...

— Такъ онъ общался просить?

— Общался, Агафья Степановна, общался... Можетъ-быть и упросить. Вѣдь барыня-то любить его.

— Дай-то Господи, дай-то Господи! прошептала старуха и начала креститься. Вѣкъ бы стала за него молиться Богу... Но потомъ, не много погодя, она прибавила: Ну, а если онъ ничего не выпроситъ, тогда что?

Акимъ молчалъ. Раздалось всхлипываніе Арины.

— Что ты? Арина? едва слышно проговорилъ Иванъ.

— Да нешто не жаль мнѣ тебя! проговорила она и зарыдала еще громче. Захныкала и остальная публика. И картина только было оживившаяся приходомъ Акима снова приняла мрачный видъ. Снова послышались стоны нищей, затрещалъ въ углу кузнечикъ и снова Иванъ замолчалъ и свѣсилъ свою голову. Одинъ только Фома Зотычъ ходилъ попрежнему въ конторѣ и покуривая трубку думать: — хоть бы ихъ сослали чтоли поскорѣе, а то право не глядѣлъ бы на свѣтъ божій. И меня-то всего изморили, даже отъ хлѣба отбился. Ужъ сослали бы поскорѣе, все будетъ легче, какъ съ глазъ долой уѣдутъ. Вдругъ вошла Агафья Филатовна.

— Фома Зотычъ, проговорила она торопливо. Пожалуйте къ барыни — зоветь.

— Что тамъ еще такое?

— А почему я знаю — зовегъ васъ.

Толпа перегибнулась, даже Иванъ и тотъ поднялъ голову.

— А что Алексѣй Наумычъ? у барыни? Спросила вдругъ старушка, мать Арины.

— У барыни.

— Ничего не слышали вы что они тамъ говорили?

— Нѣтъ, матушка, не слыхала.

— Да ужь устроить, все устроить, почти вскрикнулъ Акимъ, радостно улыбаясь. Ужь у меня сердце чуетъ, что простятъ васъ всѣхъ... И потомъ вдругъ ударивъ Ивана по плечу, онъ прибавлялъ: Ну ужь тогда, какъ ты братъ ни вертись, а могарычъ мы съ тебя сдеремъ...

— Это совершенно справедливо! раздался вдругъ голосъ дьячка... Что резонъ, то резонъ...

— Ба! пріятель, ты ужь здѣсь?

— И могарычъ долженъ быть добрый.

Между тѣмъ Фома Зотычъ успѣлъ уже поставить свою трубку, и взявъ фуражку, приказывалъ уже народу расходиться по домамъ.

— Ужь поздно, говорилъ онъ. Поди ужь за полночь.

— Намъ бы узнать хотѣлось... раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Завтра, завтра узнаете... и настоявъ, чтобы толпа разбрелась, Фома Зотычъ хотѣлъ было переступить черезъ порогъ, какъ Иванъ кликнулъ его.

— Фома Зотычъ! проговорилъ онъ. Ужь вы замолвьте за насъ словечко и ужь если Алексѣй Наумычъ ничего не выпросить, такъ ужь вы попросите у барыни хоть подводку—то до города. Я о себѣ не говорю, я и пѣшкомъ дойду, но вѣдь Арина и бабушка не дойдутъ. Вы сами видѣли какія ноги у бабушки. Гдѣже дойти ей сердечной. Попросите подводку.

И Иванъ рухнулъ въ ноги прикащику, который не зная что ему дѣлать и общая исполнить его просьбу, поднялъ его съ полу и поспѣшно вышелъ вонъ изъ конторы...

Между тѣмъ поваръ дергалъ дьячка и приговаривалъ.

— Пойдемъ, братъ, пора.

— Пойдемъ.

И оба они вышли.

— Хорошо жить тѣмъ, у кого ноги не связаны, проговорилъ Иванъ и такъ тяжело вздохнулъ, что даже Акимъ, сидѣвшій на лавкѣ съ пошкннувшей головой, невольно вздрогнулъ, и проговорявъ поспѣшно: «ахъ я и забылъ, что мнѣ нужно въ комнаты», схватилъ фуражку и почти бѣгомъ выбѣжалъ вонъ изъ конторы.

Въ это время догорѣвшій огарокъ погасъ, по комнатѣ раз-

лился мракъ и только слышались въ этомъ мракѣ стоны несчастныхъ, да однообразная пѣснь сверчка.

А ночь была на ту пору темная, хоть глазъ выколи. Собиравшіяся еще вечеромъ по окраинамъ неба тучи успѣли уже сплыться надъ Фроловымъ. Закапалъ дождь, а минуту черезъ десять обратился въ такой ливень, что въ одну минуту повсюду зашумѣли ручьи. Поднялся вѣтеръ и загудѣлъ какъ-то особенно неистово въ саду, какъ-будто и вѣтеръ тоже терзался надъ участію арестантовъ.

XVIII

Въ слабо-освѣщенной комнатѣ сидѣла Аксиныя Максимовна на большомъ сафьянномъ креслѣ, и поглаживая лежавшую у нея на колѣняхъ Бутузку, разговаривала о чемъ-то съ Алексѣемъ Наумычемъ. Она повидимому успѣла уже успокоиться. Гнѣвъ ея прошолъ, и она даже съ какой-то ласковой улыбкой обращалась къ своему племяннику, который кажется и не слушалъ тетку, а думалъ совершенно о чемъ-то другомъ. По всему можно было замѣтить, что Алексѣй Наумычъ былъ сильно чѣмъ-то взволнованъ. Хотя и дѣлалъ онъ видъ, что слушаетъ Аксиныю Максимовну, хотя и вставлялъ изрѣдка въ ея разговоръ нѣсколько несвязныхъ словъ, но видно было, что все это было безсознательно. Онъ сидѣлъ въ углу, возлѣ окна и смотрѣлъ въ это темное окно, по стекламъ котораго билъ крупный дождикъ. Изрѣдка набѣгавшіе порывы вѣтра заставляли его вздрагивать, но несмотря и на это, онъ не покидалъ казалось своей думы и только положивъ одну ногу на другую, еще глубже опускался въ кресло. Иногда взоръ его встрѣчался со взоромъ Аксиныи Максимовны и тогда глаза старушки принимали еще болѣе нѣжный видъ и голосъ ея еще мягче начиналъ раздаваться по комнатѣ. Она была такъ покойна, такъ счастлива, что всякій взглянувшій на нее въ этотъ вечеръ позавидовалъ бы и этому счастью и даже той тишинѣ, которая царствовала въ небольшой комнаткѣ. И въ самомъ дѣлѣ въ комнаткѣ было такъ тихо, такъ уютно, что не трудно было бы и позавидовать. Стѣны, увѣшанные картинами изъ священнаго писанія, хоть и старая, но мягкая мебель, горшки гераниума, блѣдный свѣтъ свѣчи, такъ все

и манило къ себѣ, такъ все и располагало къ себѣ. Одинъ только Алексѣй Наумычъ съ озабоченнымъ лицомъ и взъерошенными волосами не гармонировалъ этой покойной картинѣ. Только одинъ его рѣзкія движенія и блуждающіе взоры отравляли эту счастливую тишину. Но и это даже блѣднѣло при видѣ Аксиньи Максимовны: такъ кратко и нѣжно было ея лицо, такъ мягки были всѣ ея движенія, такъ тихъ голосъ.

— Да, мой другъ Алеша, говорила она: — украшать божьи краны вещь великая, и не оставитъ Господь любящихъ благолѣпіе дома его. Конечно у меня нѣтъ такого состоянія, которыми бы я могла достойно украсить какую-нибудь церковь, но все-таки по милости божіей мнѣ удастся приносить маленькія дѣнги. Вотъ и теперь шлютъ мои поддья (такъ Аксинья Максимовна называетъ своихъ дѣвокъ) воздуха для монастыря, славные воздуха, по газету синелью, и завтра, я думаю, они будутъ готовы, но что же это за лепта! Впрочемъ всякое даяніе благо. Вотъ еще, мой другъ, спасительная вещь дѣлать большіе колокола для монастырей... Ухъ, какъ это спасительно!.. Конечно многіе не считаютъ это важнымъ, говорятъ, что дѣло не въ лептѣ, а въ усердіи, но только это они вздоръ говорятъ и ты пожадуста, Алеша, затыкай уши, когда услышишь подобныя слова нечестивыхъ. Нѣтъ, мой другъ, колокола вещь великая, и чѣмъ больше пожертвуешь колоколъ, тѣмъ для тебя спасительнѣе. Да оно и понятно. Представь ты себѣ, что звонятъ въ колоколъ и представь ты себѣ, что звукъ его разносится верстъ на десять. Сколько же народу перекрестится, заслыша звонъ. Слѣдовательно чѣмъ больше колоколъ, тѣмъ больше будетъ крестныхъ знаменій. Все это растолковала мнѣ одна странница. Она же рассказала мнѣ и вотъ какой случай. Былъ въ одномъ городѣ купецъ, — купецъ богатый, имѣвшій двѣ, три фабрики, нѣсколько лавокъ и множество магазиновъ съ хлѣбомъ. Жилъ этотъ купецъ роскошно, дѣлалъ асамблеи, пиры, банкеты, угощалъ въ своемъ домѣ вельможей и домъ имѣлъ на подобіе царскаго дворца. Но какъ роскошно ни жилъ онъ и какъ ни былъ возвеличенъ, но было в у него горе, которое не давало ему спокойствія и грызло его сердце на подобіе змѣи лютой. Горе это состояло въ томъ именно, что единственный сынъ его, единственный наследникъ всего его богатства, постоянно хворалъ и хворалъ до такой степени, что даже не могъ ходить. Нечего говорить разумѣется, что

купецъ не жалѣлъ ничего для его исцѣленія. Доктора лечили его самые лучшіе, сколько денегъ потратилъ онъ на это, но сынъ чахъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Видитъ это отецъ и наконецъ рѣшается везти сына по святымъ мѣстамъ. Задумавъ это, идетъ онъ къ епископу просить благословенія. Епископъ разумѣется благословилъ его, и вотъ купецъ беретъ своего болящаго сына съ одра и ѣдетъ по святымъ мѣстамъ. Ѣздилъ онъ не годъ и не два, а цѣлыхъ пять лѣтъ; побывалъ въ Иерусалимѣ, но возвратясь домой все-таки положилъ своего сына на тотъ же одръ, съ котораго и взялъ его. Сыну не было легче. Вообрази себѣ отчаяніе отца. Плачетъ онъ цѣлый день; плачетъ цѣлую ночь, началъ даже роптать на Бога, какъ вдругъ во время сна видитъ купецъ видѣніе. Видитъ онъ какого-то маститаго старца, въ свѣтломъ сіяніи, который говоритъ ему: «почто плачешь, ты мужъ именитый, надъ одромъ сына своего, когда исцѣленіе его въ твоихъ рукахъ. Слушай! Коль хочешь ты, чтобы сынъ твой былъ здоровъ, то купи ты для такой-то обители колоколъ въ восемьсотъ пудъ и тогда увидишь ты сына своего здоровымъ!» И сказавъ это, видѣніе исчезло. Купецъ проснулся, и возблагодаривъ Бога, въ ту же минуту заказалъ колоколъ. Что же ты думаешь, мой другъ Алеша, съ самаго того времени сталъ сынъ купца поправляться, а когда колоколъ былъ повѣшенъ, онъ былъ уже совсѣмъ здоровъ. Такъ вотъ, мой другъ, какая спасительная вещь колокола.

Въ это самое время вошла Агафья Филатьевна.

— Что ты? спросила ее Аксинья Максимовна.

— Пришла доложить вамъ, отвѣчала она: — что Фома Зотычъ сейчасъ придетъ-съ.

— Хорошо, а покуда прикажи ужинать подавать.

— Слушаю-съ.

И Агафья Филатьевна вышла.

— Еслибы можно было, непременно бы пожертвовала колоколъ въ ту обитель, гдѣ отецъ Герасимъ, но я не могу, потому что... Здѣсь Аксинья Максимовна немного приостановилась и подумавъ проговорила: — а что, Алеша, когда я умру будешь ты обо мнѣ молиться?

— Полноте, тетушка, пробормоталъ Алексѣй Наумычъ. — Зачѣмъ же вамъ умирать?

— Да вѣдь мы всѣ смертны.

— Это такъ, но зачѣмъ же заранѣе...

— А страшно должно-быть умирать, Алеша, охъ страшно!.. заколотятъ гробъ гвоздями, зароютъ въ землю, приползутъ червяки, начнутъ выѣдать глаза, языкъ.

И лицо Аксиньи Максимовны перекошилось. Алексѣй Наумычъ не звалъ что говорить, но къ счастью его пришелъ прикащикъ и разговоръ о смерти прекратился.

— Ну, что скажешь? спросила его Аксинья Максимовна.

— Да къ вашей милости, звать изволили, проговорилъ Фома Зотычъ и сталъ у притолки.

— Зачѣмъ-бишь я позвала тебя! совсѣмъ забыда. Зачѣмъ-бишь, дай-богъ память... Да за тѣмъ, чтобы ты непременно отправилъ завтра въ городъ этихъ мерзавцевъ. Слыщишь?

— Слушаю-съ.

Алексѣй Наумычъ какъ-то особенно подернулся.

— А то они, чего добраго, пожалуй еще все село вбунтуютъ, продолжала Аксинья Максимовна. — Ты ихъ отправь утромъ, а вечеромъ поѣдешь самъ, потому что же тебѣ тащиться за ними. Я тебѣ дамъ письмо къ исправнику. Ты передашь ему письмо и вотъ эту посылочку и попросишь его на словахъ, что я буду ему очень благодарна и кромѣ этого, если онъ въ точности исполнить то что я пишу ему въ письмѣ.

— А вы что пишете ему тетенька? спросилъ Алексѣй Наумычъ, не безъ робости.

— Больше ничего, какъ прошу его, чтобы онъ избавилъ меня отъ этихъ негодяевъ и чтобы успокоилъ мою старость. Неужели же мнѣ и на старости лѣтъ не знать спокойствія.

Водворилось молчаніе.

— Ну, я только за этимъ, проговорила немного погодя Аксинья Максимовна, обращаясь къ прикащику. — Теперь можешь идти. Пожалуста только, чтобы ихъ ужь не было, когда я проснусь.

— Слушаю-съ.

— Ну ступай, чего же стоишь?

— Осмѣлюсь вамъ доложить, сударыня, проговорилъ было Фома Зотычъ, но вдругъ запнулся.

— Что такое?

— Не дойдетъ она пѣшкомъ-то, воля ваша-съ.

- Кто не дойдетъ?
- Да она-то-съ.
- Да кто она, Аришка что ли?
- Нѣтъ не Аришка, а нищенка-съ.
- Это отъ него? Вотъ еще вздоръ какой. Цѣлый свой дѣкъ прошаталась, а тутъ вдругъ тридцати верстъ не пройдетъ.
- Это точно-съ. Но только...
- Ну что еще?
- Несовсѣмъ здорова она, сударыня.
- Чѣмъ это, позволъ тебя спросить?
- Да ногами-съ.
- А что такое съ ея ногами?
- Да признаться больно ихъ Бутузка изгрызла. Даже что называется живого мѣста нѣтъ. Всѣкры искусаны.

Аксинья Максимовна задумалась.

— Ну, дай чтоли! проговорила она наконецъ нехотя, и приказала было выйти прикащику, но потомъ вернула его.

— А не знаешь ты, спросила она: — кто ходилъ къ Хмурову?

— Никто не ходилъ-съ, отвѣчалъ Фома Зотычъ, и собралъ, потомучто онъ зналъ какъ ходилъ дьячокъ.

— Стало-быть Хмуровъ святымъ духомъ узналъ, что Иванъ пойманъ.

— Не могу знать-съ.

— Такъ ли?

— Не могу знать-съ.

— Ну, да это мы еще успѣемъ разобрать, заключила Аксинья Максимовна, и еще разъ повторивъ приказаніе отправить пораньше мошенниковъ, отпустила Фому Зотыча.

Когда прикащикъ вышелъ изъ комнаты, Алексѣй Наумычъ обратился къ теткѣ.

— А я думалъ, тетенька, проговорилъ онъ: — что вы простили ихъ, что освободили ихъ...

— Что ты, что ты, какъ это можно прощать мошенниковъ!

— Воля ваша, тетенька, но я рѣшительно не понимаю за что вы такъ разсердились.

— А за то, что онъ разбойникъ и грубиянъ.

— Да чѣмъ же онъ разбойникъ, тетенька?

— Какъ чѣмъ?.. Что же, развѣ поступокъ его ничего не значитъ?

— Да какой же поступокъ?

— Какъ какой? — дерзость. Развѣ это ничего не значитъ, что онъ вопервыхъ хотѣлъ убить мою Бутузку, восторыхъ — бѣжалъ, пропадалъ цѣлыхъ три года и наконецъ ночью забрался подъ самыя окна моей спальни. Ну хорошо что Бутузка залаяла и перебудила всѣхъ, а что бы было, еслибы онъ пробрался въ мою спальню. Что бы ты сказалъ, я тебя спрашиваю, еслибы у тебя была охотничья собака, къ которой бы ты имѣлъ привязанность и вдругъ въ одно прекрасное утро ты увидалъ бы, что кто-нибудь бьетъ твою собаку дубиной по годовѣ. Что бы ты сказалъ на это?

— Я бы, тетенька, самъ убилъ эту собаку, еслибы я замѣтилъ, что она никому не даетъ покоя.

— Да развѣ Бутузка моя беспокоитъ кого-нибудь?

— Да какъ же, тетенька. Мало ли изъ-за нея было исторій, даже на моихъ глазахъ.

— Какія же это?

— Какъ какія? Тогда на повара разсердились, заставили меня прибить его, а все за что? за то, что онъ сказалъ, что Бутузка съѣла жаркое. Чтожь тутъ мудреннаго, что собака съѣла; это очень можетъ-быть, и скажи онъ, что жаркое съѣла какая-нибудь другая собака, вы бы не разсердились... Нѣтъ, тетенька, моя даша, а вамъ слѣдуетъ простить и Ивана и Арину и всѣхъ,

— Да что ты-то заступаешься за него?

— А за то, тетенька, что онъ невинно страдаетъ.

— Невинно?

— Конечно, тетенька. Разумѣется это не мое дѣло, помещица Фролова вы и люди эти ваши, а не мой, но только я хочу предупредить отъ грѣха. Разберите, за что хотите вы сослать Ивана? за то что онъ по просьбѣ всѣхъ хотѣлъ извѣсти Бутузку. Повѣрьте мнѣ никто бы не тронулъ ее, еслибы она не была дрянной собачонкой.

— Послушай, Алена! перебила его вдругъ Акулина Максимовна, лицо которой вспыхнуло. — Не выводди ты меня изъ терпѣнья. Я знаю что я дѣлаю и учить меня нечего.

— Но вспомните, что вы изъ-за этой собачонки трехъ людей дѣлаете несчастными! Вы, богомольная, набожная старушка,

вы, которая только и говорите о Богѣ, о религіи, объ обязанностяхъ каждаго христіанина, вы, которая не пропускаете ни одного нищаго безъ милостыни, которая такъ еще недавно не хотѣли отнять свободы у воробья, и вы между тѣмъ отнимаете свободу и губите троихъ людей.

— Да чѣмъ же я гублю ихъ?

— Вы даже не хотите обратить вниманія на любовь, которая связываетъ Ивана съ Ариной, и желаніе Ивана повидаться съ Ариной вы оборотили въ желаніе поджечь васъ, ограбить васъ, убить васъ.

— Развѣ это неправда? Я опять-таки повторю, что еслибы не Бутузка, то конечно бы онъ поджогъ меня. Если онъ не хотѣлъ поджигать, то зачѣмъ же были у него спички? Опять отъ человѣка каковъ онъ нельзя развѣ ожидать всего дурного?

— Э, тетенька! что вы говорите!

— Какъ что, все резонныя вещи.

— Я самъ всегда хожу со спичками, такъ значитъ и я тоже поджигатель. Нѣтъ, не маскируйте дѣла тетенька. Не за это вы сердиты на Ивана, а за Бутузку и потому, тетенька, услышите мою просьбу и простите ихъ, а ужъ если вы не хотите простить ихъ, то не мѣшайте имъ хоть откупиться. Сегодня былъ у васъ Хмуровъ и потому вы знаете, что онъ готовъ внести деньги. Но лучше всего простите ихъ. Вспомните, вѣдь вы стары, вѣдь вы хилы, а люди двухъ вѣковъ не живутъ. Вѣдь умираютъ же они. За чтоже ваша могила останется неорошонная благодарными слезами, за чтоже за васъ не будетъ ни одного молящаго. Простите ихъ, тетенька, велите развязать веревки, отдайте имъ ихъ свободу и повѣрьте мнѣ, что поступокъ этотъ принесетъ вамъ вдвое больше пользы, чѣмъ колоколъ въ двѣ тысячи пудовъ. Тетенька, посмотрите: я у ногъ вашихъ.

И Алексѣй Наумычъ, рыдая какъ ребенокъ, упалъ на колѣни, но Аксинья Максимовна вмѣсто отвѣта встала съ кресель и сильно хлопнувъ дверью, вышла вонъ изъ комнаты.

— Ужинать готово-съ! проговорилъ Акимъ, показавшійся изъ двери, но увидѣвъ Алексѣя Наумыча, все еще рыдаващаго, остановился какъ вкопанный.

XIX

На другой день еще путемъ не разсвѣтало, а ужь возлѣ конторы, но только не съ той стороны, которая обращалась къ барскому дому, а съ той, которая давала въ поле, стояло уже десятка два народу. Гроза, продолжавшаяся всю ночь, утихла и громъ гудѣлъ только вдаль, версть за десять отъ Фролова. Надъ тѣмъ мѣстомъ висѣла еще огромная черная туча, и заслоняя совершенно восходившее солнце, набрасывала на все Фролово какую-то самую неприятную тѣнь; густой же туманъ, не позволявшій различать предметовъ, отстоящихъ въ нѣсколькихъ только саженьяхъ, придавалъ Фролову еще болѣе грустный видъ. Все какъ будто хмурилось. Мутвые ручьи бѣжали по всѣмъ направлениямъ; съ соломенныхъ крышъ, мѣстами разметанныхъ вѣтромъ, продолжала еще капать вода. Вымоченная контора была какъ-то совершенно темнаго цвѣта и была окружена грязью. Сырой воздухъ, точно осенью, такъ и пронизывалъ насквозь, поминутно заставляя вздрагивать.

Однако какъ ни было рано, а Фома Зотычъ давно уже проснулся и давно уже стоялъ на крылечкѣ, съ безпокойствомъ посматривая по направленію къ церкви. Онъ стоялъ безъ фуражки, кутаясь въ мерлуцатый халатъ, который безпрестанно распахиваемый вѣтромъ, рѣшительно не давалъ ему покоя. Онъ былъ видимо озабоченъ, потому что то сядилъ на скамейку, то опять вставалъ и продолжая все смотрѣть по направленію къ церкви, безпрестанно вскрикивалъ:

— Вѣдь экій туманъ! за десять шаговъ ничего не видно.

— Туманъ дюждой, проговорили мужики: — и откуда берется, богъ-вѣсть.

— Что, ребята, посмотрите-ка не видать ли его! проговорилъ Фома Зотычъ, обращаясь къ мужикамъ.

— Кажись, никого не видно.

— Да и церкви-то не видно.

— Ништо не видать. Нѣтъ вонъ кончикъ колокольни чуть-чуть проглядываетъ...

— Да что это Гришко-то застрялъ, началъ Фома Зотычъ; —

хоть бы онъ чтоли пришолъ, покрайности все бы сказалъ, скоро ли дьячокъ-то приѣдетъ.

— Извѣстно, тогда бы узнали.

— Ужь не пьянъ ли.

— Кто?

— Да дьячокъ-то.

— Да мотри, что такъ, проговорило нѣсколько мужиковъ. По той причинѣ, что Степка Анохинъ ночесъ ѣхалъ на почтовую, такъ встрѣтилъ его вмѣстѣ съ поваромъ: шли куда-то по улицѣ.

— Ну такъ и есть! И небось къ Афиньѣ солдаткѣ отправлялся.

— Мотри, что такъ, потому къ ея воротамъ подходили,

— Охъ, ужъ эта Фимка! прости-господи, проговорила Фоме Зотычъ... Ну, а если они у нея были, то значить теперь дьячка не скоро добудисься. И вѣдь эдакій безобразный человекъ! знаетъ, что завтра чуть-свѣтъ ѣхать надо, а онъ палаетъ всю ночь. Вѣдь эдакая жадная натура. И во что только лезетъ. Добро бы толстый былъ, а то сухарь сухаромъ. Вотъ цы-дылка-то...

Въ это самое время подошолъ къ конторѣ поваръ.

— Эй, ты, Семевъ! крикнулъ ему Фома Зотычъ и махнулъ рукой.

Поваръ нетвердо подошолъ къ крыльцу, однако вельчески старался держать балансъ. Онъ былъ сильно пьянъ; верхняя губа въ крови, волосы растрепаны.

— Ты это гдѣ ноньче ночью-то шатался?

Поваръ вытаращилъ глаза.

— Ты гдѣ шатался-то? спрашиваю я тебя!..

Онъ еще больше вытаращилъ.

— Пошолъ вонъ отсюда! крикнулъ Фома Зотычъ, замѣтивъ, что съ нимъ нечего говорить.

Поваръ повернулъ и ушолъ.

— Ну вотъ поди ты! Теперь и дожидайся дьячка; барыня то гляди что проснется и тогда я и отвѣчай, отчего такъ долго арестанты не отправлены. Эй, ты, Агашка, крикнулъ Фома Зотычъ, обращаясь къ какой-то дѣвчонкѣ: — сбѣгай-ка въ домъ, да узнай потихоньку не проснулась ли барыня.

Дѣвчонка бросилась по направленію къ дому, а Фома Зотычъ, еще разъ изругавъ дьячка, пошелъ въ контору.

XX

Между тѣмъ народъ все прибывалъ и прибывалъ. То подходилъ мужикъ съ кобой, то баба съ зыбкой, словомъ подходили всѣ идущіе въ ночь на работу. Всѣмъ было любопытно посмотреть на отправленіе Ивана. Дворян давнымъ-давно уже были на ногахъ. Она еще съ вечера узнала, что Алексій Наумычъ ничего не успѣлъ сдѣлать въ пользу Ивана и что напрасно только говорилъ съ теткой. Имъ все это передалъ Акимъ, который кромѣ того, что засталъ развязку разговора, узналъ многое и отъ самого Алексія Наумыча въ то время какъ тотъ раздѣвался. Слова Акина окончательно разсѣяли всякую надежду и потому всякій боялся только одного, какъ бы не проспять и не пропустить отправленія Ивана. Тяжелое чувство овладѣвало всѣми и рѣдкій изъ дворовыхъ уснулъ хоть часъ въ ту ночь; покрайней мѣрѣ движеніе началось даже еще до зари. О дьячкѣ и поварѣ говорить нечего. Они всю ночь напролетъ пили, а когда дьячокъ услышалъ, что нищенку и Арину повезутъ на подводѣ, онъ объявилъ, что никому не дастъ везти ихъ и что повезетъ самъ, такъ какъ онъ былъ съ Иваномъ пріятель и потому желаетъ проводить его. Выходка эта очень понравилась дворнѣ. Всѣ принялись благодарить дьячка, а поварь, такъ тотъ даже бросился обнимать его; причемъ похвастался своимъ умѣньемъ выбирать друзей и кстати ужъ поклялся, что никогда не взмѣнитъ этой дружбѣ. Точно также спала и домашняя прислуга Аксиньи Максимовны. Горничныя лежали въ своихъ постеляхъ тогда только, когда еще Аксинья Максимовна не спала; когда же она заснула, всѣ встали потихоньку съ своихъ мѣстъ и вмѣстѣ съ Агафьей Филатьевной усѣлись за столъ и тамъ за этииъ столомъ не мало потужали объ Аринѣ. Арину любили всѣ. И дѣйствительно она была добрая, честная дѣвушка. Всѣ подруги хорошо знали, что она любитъ Ивана, но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ знали также, что любовь эта была самая чистая и самая святая. Кромѣ того Арину любили также и за то, что она была со всѣми ласкова и со всѣми дружна и даже съ дѣвчонками обходилась

всегда кротко. Вслѣдствіе всего этого Арина пользовалась и всеобщимъ довѣріемъ. Не было горя, котораго бы не знала Арина. Она знала горести всѣхъ своихъ подругъ, точно также какъ и ихъ радости. Какъ только наступалъ бывало вечеръ и какъ только кончалась работа, такъ всѣ бывало собирались вокругъ Арины. Ее любила даже и сама Агафья Филатьевна, которая гордясь званіемъ экономки, постоянно смотрѣла на дѣвокъ свысока и теперь чуть ли не въ первый разъ рѣшилась сидѣть за однимъ столомъ съ горничными. Горе, видно равняетъ всѣхъ. Къ дѣвушкамъ присоединился также и Акимъ. Старикъ, этотъ все время плакалъ и не могъ нахвалиться Алексѣемъ Наумычемъ. Впрочемъ и всѣ были довольны Алексѣемъ Наумычемъ, да и можно ли быть имъ недовольнымъ. Всегда тихій, всегда робкій, онъ только и думалъ объ одномъ — какъ бы угодить всѣмъ. Такъ просидѣли онѣ всю ночь, а какъ только начала заниматься заря, всѣ отправились въ контору.

Фома Зотычъ пробылъ однако въ конторѣ не долго и тутъ же почти воротился снова на крыльцо. Завидѣвъ возвращающуюся изъ дома дѣвчонку, онъ обратился къ ней.

— Ну, что?

— Почиваетъ еще! пропицала та, едва переводя отъ усталости духъ.

— Ну, слава-богу. А дьячка все еще нѣтъ. И вѣдь добро бы его принуждали ѣхать, а то вѣдь самъ вызвался. Не дамъ говорить, никому везти пріятеля, самъ, говорить, хочу...

Но не успѣлъ Фома Зотычъ докончить фразу, какъ показалась телѣжка.

— Вотъ ѣдетъ! крикнули всѣ.

— Да, да.

— Вонъ и Гришка съ нимъ сидятъ.

— Ну, слава-богу.

— Эко, братъ, какъ ты копался, проговорилъ Фома Зотычъ, когда дьячокъ стоялъ уже у крылечка конторы. — Ну, какъ не совѣстно! битыхъ два часа ждемъ тебя и не можемъ дождаться. Право безсовѣстный: знаетъ, что надо ѣхать, а дитъ всю ночь пьетъ...

— Кто пьетъ? съ какимъ-то изумленіемъ проговорилъ дьячокъ.

— Да извѣстно кто, — ты.

— Я?

— Ну да, съ поваромъ.

— Да я повара то не видалъ въ глаза.

— Пуце всего не видали, какъ вы нѣ солдаткѣ шли... Э! да что и говорить съ тобой, и Фома Зотычъ поспѣшно скрылся въ конторѣ.

Туманъ начиналъ проясняться и черная туча все уходила дальше и дальше. Громъ раздавался рѣже и глуше и по всему можно было предполагать, что день прояснится, но не прояснялись лица, окружавшія телѣжку дьячка. Всѣ были пасмурны и всѣ говорили только объ Иванѣ, Аринѣ и нищенкѣ.

— Да, жаль, говорили всѣ. Парень былъ ловкій, работащій.

— Какѡва еще парня! Будь онъ у другого помѣщика, такъ ему бы цѣны не было.

— Какъ можно! какъ можно! возражали другіе. Другой бы господинъ беретъ его какъ око. Да вотъ вамъ Хиуровъ. Вѣдь Иванъ—то вишь все время у него жилъ... Такъ такое, говорятъ, житье было, что и умерать не надо... А у насъ извѣстно...

— Что у насъ! Про насъ и говорить нечего!

— Отчего же нечего? возразилъ вдругъ дьячокъ.

— Да оттого, что никуда не годится наше дѣло.

— Чѣмъ же не годится? продолжалъ дьячокъ. Напротивъ, житье отличное. Чѣмъ хуже хмуровскаго?.. Что тѣ кашу-то, да говядину ѣдятъ, да въ сапогахъ ходятъ, да въ хорошихъ избахъ живутъ, такъ вѣдь и вы въ избахъ живете. Оно конечно плохія, да зато въ лаптяхъ ходите... вишь лапти—то какіе... Всего мѣсяца два поди какъ носишь. А что нѣтъ говядины тоже, не бѣда; хлѣбъ да вода — мужицкая ѣда, говорить пословица.

И дьячокъ засмѣялся, но немного погодя прибавилъ:

— А точно, правду сказать надо, Хиуровъ баринъ добрый.

— Какѡва еще барина.

— И какой ласковый, прибавилъ дьячокъ. Только—что успѣлъ я слова два сказать ему, такъ онъ тутъ же догадался, что я съдохмѣльнъ и сейчасъ же приказалъ мнѣ водки поднести.

Раздался хохотъ.

— Чего смѣетесь? ейбогу! А ужъ какъ жалѣлъ объ Иванѣ, такъ страсть. Просто такъ жалѣлъ, что ужасъ. Ахъ, говорить,

жаль, ах жаль... И тут же приказалъ закладывать лошадей. Поѣду, говоритъ, выручать, но только вѣдь, говоритъ, сварю кашу съ этой стерввой... Такъ и назвалъ, сѣботу... Такой-то, право, ласковый. Да, чего братцы, какъ сѣлъ въ тарантасъ, то и говорить мнѣ. «Эй ты, дьячокъ! Ты вѣдь небось пѣшкомъ пришолъ, садись-ка, говоритъ, я тебя подвезу,» я и сѣлъ. Такъ вплоть до околицы и донезъ.

Вдругъ раздался голосъ десятскаго :

— Пропустите, пропустите, братцы! кричалъ онъ, выходя изъ конторы. Дайте Арииннѣ сундучишко поставить.

— Пропустите, пропустите! заговорили всѣ, и раздвинувшись, дали дорогу двумъ мужикамъ, тащившимъ сундукъ Арины. За сундукомъ шла мать Арины и была во весь голосъ.

— Ставь сюда, на передокъ! крикнулъ дьячокъ, когда сундукъ былъ взваленъ на телѣгу. Ставь сюда.

— Нелучше ли взадъ поставить, Павелъ Егорычъ, проговорили мужики.

— Ставь, говорятъ, на передокъ. Ну куда взадъ-то, гдѣжь они сядутъ-то? Эхъ, вы, мужики!

— Ну, ладно, ставь впередъ.

— Подвигай еще, подвигай, кричалъ дьячокъ. Вотъ такъ, ладно. А еще-то есть тамъ что?

— Есть, есть.

— Ну, тащите скорѣй.

Мужики ушли.

— Батюшки! отцы родные! вопли между тѣмъ старуха, упавъ на телѣгу. — Чтоже это такое! Вѣдь она дочь мнѣ. И за какую же вину отнимають ее у меня. Чтожь она сдѣлала такое? Чтожь она, убила чтоли кого... Вѣдь ничего она не сдѣлала!

— Полно, бабушка, полно, сѣвшили всѣ утѣшать старуху. Божья воля, больше Бога не будешь...

Но какъ ни утѣшали старуху, все было напрасно. Она вопила на весь дворъ, и вопль ея обращался иногда въ какое-то бѣшенство. И тогда она рвала на себѣ волосы и падала на землю, какъ-будто стараясь провалиться сквозь эту землю, на которой пришлось ей испытать такое страшное горе. Зато изъ всей толпы, собравшейся возлѣ телѣги, не было ни одного человѣка, у котораго на глазахъ не блестѣли бы слезы; даже мальчишки

и тѣ хныкали, утирая кулаками глазенки; даже дьячокъ и тотъ, сидя на своей телѣжкѣ, расслабался какъ баба. Всякій чувствовалъ, всякій понималъ всю важность происходившаго. Но между тѣмъ какъ шолъ этотъ вопль и между тѣмъ какъ всѣ окружали бѣдную мать, бившуюся на землѣ, никто и не замѣчалъ Алексѣя Наумыча, неподалеку сидѣвшаго на какомъ-то бревнѣ. Впрочемъ и трудно было бы замѣтить его. Онъ сидѣлъ закрывъ лицо руками и такъ тихо плакалъ, что плачь его не могъ быть слышенъ. Какъ пришолъ онъ, когда пришолъ? Богъ-вѣсть. Онъ сидѣлъ, опутивъ голову, но видно было, что ни одна подробность происходившей возлѣ конторы сцены не ускользала отъ него, и чуть ли не болѣе всѣхъ онъ убивался всѣми этиягъ.

XXI

Въ это самое время, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ конторы, показалась телѣжка, запряженная въ одну лошадь. Въ телѣжкѣ сидѣлъ мужичокъ и какъ видно торопился подѣхать къ конторѣ, потому что безпрестанно хлесталъ свою лошадь. Появленіе этого мужика отвлекло на минуту вниманіе толпы отъ старухи. Всѣ обратились въ ту сторону, въ которой показалась телѣжка, и какъ кажется не мало удивлялись ея появленію.

— Кто бы это могъ быть? говорили всѣ.

— А ѣдетъ прямо сюда.

— Должно-быть какой-нибудь купецъ, замѣтилъ дьячокъ.

— Должно-быть, вишь чепанъ-то какой.

— Да и збруя-то тоже добрая, ремевная.

Между тѣмъ телѣжка все подвигалась и по мѣрѣ ея приближенія увеличивалось и любопытство. Старуха была окончательно забыта, да впрочемъ она и не нуждалась въ участіи. Горе ея превышало всѣ утѣшенія, и ее одно только могло успокоить — это прощеніе ея дочери, возвратъ послѣдняго ея утѣшенія.

Вскорѣ телѣжка подѣехала уже къ толпѣ.

— Здѣсь чтоли у васъ контора-то, ребята? спросилъ подѣхавшій мужичокъ и остановилъ лошадь.

— Здѣсь, здѣсь, раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Такъ стало я потрафилъ, проговорилъ мужичокъ и слѣзъ

съ телѣги. А что, братцы, столяра Ивана еще не отпраздали въ городъ? прибавилъ онъ, подходя къ толпѣ.

— Нѣтъ еще, сейчасъ повезуть. А что, развѣ тебѣ дѣло есть какою до него?

— Нешто, дѣло.

— Ты отклева будешь?

— Отъ господина Хмурова, привезъ вонъ сундукъ ивановъ.

— Такъ давай его сюда, крикнулъ дьячокъ.

И двое мужичковъ пошли доставать сундукъ.

— Мы совсѣмъ и забыли объ сундукѣ, продолжалъ мужичокъ: — да благо сегодня наткнулись на него, ну барищъ и приказалъ поскорѣе отвезти. Я все боялся, что опоздаю, такъ гналъ лошадь, что страсть.

Старуха между тѣмъ все еще была.

— Кто это тамъ воетъ? спросилъ приѣхавшій мужичокъ.

— Да вотъ старушка, мать той дѣвки, которую ссылають съ Иваномъ-то, проговорили изъ толпы.

Мужичокъ только головой покачалъ.

— Видно больно трудно родимой, проговорилъ онъ немного погодя.

— Нешто, дѣтище родимое, своя кровь...

— Ништо, ништо... А что Ивана-то можно мнѣ повидать?..

— Вѣстимо можно... А тебѣ нешто нужно что поговорить съ нимъ...

— Да, нужно кое о чемъ... барищъ приказалъ...

И мужичокъ, попросивъ поглядѣть за лошадыю, ушелъ въ контору. Таинственныя недосказанныя слова не замедлили возбудить въ толпѣ любопытство. Какъ только скрылся мужичокъ, такъ вся толпа сдвинулась въ кучу и начала соображать о чемъ бы могъ говорить мужичокъ съ Иваномъ, да еще по приказанію Хмурова. Даже дьячокъ — и тотъ слѣзъ съ своей телѣги и подошелъ къ кучкѣ. Предположеніямъ и догадкамъ не было конца. Одни говорили, что вѣроятно Хмуровъ прислалъ Ивану денегъ на дорогу, другіе предполагали, что не хочетъ ли ужъ Хмуровъ какъ-нибудь въ городѣ хлопотать объ Иванѣ, но все это были одні догадки и потому рѣшили, чтобы дьячокъ шолъ въ контору и послушалъ бы что будетъ говорить мужичокъ. Дьячокъ отпраздился въ ту же минуту. Не малаго труда стоило

ему протолкаться въ контору, такъ какъ она была биткомъ набита народомъ, но возвратясь изъ конторы, онъ все-таки ничего не могъ сообщить толпѣ, ожидавшей его съ нетерпѣніемъ, потому что мужичокъ, все что ни говорилъ Ивану, говорилъ на ухо, по лицу же столяра ничего нельзя было узнать, потому что въ лицѣ Ивана не было никакой переменны.

— Должно-быть такъ что-нибудь, проговорила толпа.

XXII

Вскорѣ вышелъ и мужикъ. Еще разъ потуживъ о старухѣ, онъ сѣлъ въ телѣжку и, поклонившись толпѣ, поѣхалъ шажкомъ домой. Несмотря однако на то, что толпа рѣшила, что вѣрно мужичокъ приѣзжалъ такъ съ чѣмъ-нибудь, любопытство ея нисколько не уменьшилось и шушуканьямъ вѣроятно бы не было конца, еслибы въ дверяхъ конторы не появился Фома Зотычъ.

— Ну, готово чтоли? спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Готово, готово! раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Ивановъ-то сундукъ поставили?

— Здѣсь, здѣсь, отозвался дьячокъ.

Фома Зотычъ скрылся. Старуха начала стонать; она лежала внизъ лицомъ.

— Братцы! раздался вдругъ чей-то голосъ. Не положить ли старуху-то навзничъ, а то эдакъ-то ей поди трудно лежать. Вишь какъ она охаетъ сердечная.

— Ну, чтожь, обернемъ ее, проговорило нѣсколько голосовъ. Да не лучше ли ее къ сторонкѣ отнести. Можетъ ей лучше будетъ какъ вѣтромъ-то пообдуетъ.

Но только было принялись отгаскивать старуху, какъ на крыльцѣ показались Иванъ и Арина.

Иванъ былъ блѣденъ и не говорилъ ни слова, Арина рыдала. Заслышавъ ея рыданія, мать въ одну минуту вскочила съ земли и повисла на шеѣ дочери.

— Арина! Арина! вопила она.

— Матушка, матушка!.. Прощай родная ты моя, прощай моя кернелица, прощай моя золотая... и почти безъ чувствъ ушла она на руки своихъ подругъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! куда мать. Не отдащу я тебя, не отдащу, не отдамъ въ руки злодѣевъ... Не отнимуть они у меда мое дѣтище... Не отнимуть... Не отдамъ я имъ тебя... И старуха, казалось, замерла въ объятіяхъ дочери.

— Отдѣлите руки-то, кричалъ Фома Зотычъ. — Отнесите домой старуху.

— Какъ же домой, Фома Зотычъ, заговорило вѣсколько голосовъ. — Чтожъ, пушай простится съ дочерью... Человѣкъ она старый, ужъ больше не увидитъ; все одно, что въ землю хоронить...

— Да сй же легче будетъ, когда она ничего не увидитъ, проговорилъ снова Фома Зотычъ.

— Это ваша правда, замѣтилъ дьячокъ.

— Известно легче, подхватилъ Фома Зотычъ и приказалъ отдѣлить старуху, которая точно также какъ и Арина была безъ чувствъ.

Старуху отдѣлили и тихонько отнесли домой. Она, казалось, потеряла всякое сознание и только одно трясеніе обличало въ ней жизнь. Арину положили въ телѣгу, Когда она была уже въ телѣгѣ, всѣ ея подруги разразились страшнымъ воямъ и еще разъ пошли прощаться съ той, которая раздѣляла всѣ ихъ горести и радости. Арина лежала точно въ гробу; блѣдная и со сложеными руками она въ самомъ дѣлѣ походила на мертвую.

За то Иванъ кажется ни на минуту не терялъ разсудка. Какъ только вышелъ онъ на крыльцо, такъ въ ту же минуту снялъ шапку и принялся молиться на церковь. Молился онъ долго и только одна блѣдность покрывала лицо его. Потомъ онъ началъ креститься на всѣ четыре стороны и перекрестившись три раза поклонился въ землю всѣмъ православнымъ.

— Ну, простите меня братцы, говорилъ онъ: — коли я кого обидѣлъ чѣмъ, простите Христа-ради... Обижать я не хотѣлъ никого, но можетъ какъ-нибудь невзначай и досадилъ кому-нибудь... Простите Христа-ради... Не помяните лихомъ...

И проговоривъ это, онъ снова три раза поклонился въ землю, перецѣловался со всѣми и еще разъ помолясь на церковь сѣлъ въ телѣгу.

Всѣмъ затѣмъ вынесли и нищенку, Она стояла, охала и крестилась, а когда положили ее въ телѣгу, я попросила только, чтобы ее съ головой прикрыли тулупомъ.

— Ну, сдѣлать что-ли? спросилъ своего Фома Золычъ.

— Какъ-съ сдѣлать, проговорилъ дялчокъ.

— Ну, трогай, съ Богомъ. Эй вы, караульщики, маршъ за телѣгой.

Но только было тронулась телѣга, какъ вдругъ показался поваръ. Онъ бѣжалъ что есть мочи и кричалъ: — стой! стой!

Телѣга остановилась.

— Ну, братъ, Иванъ... проговорилъ поваръ, подбѣжавъ къ телѣгѣ. Ну, братъ, прощай!

Онъ обнялъ Ивана и крѣпко, крѣпко прижалъ его къ своей груди.

— Прощай... Ну, братъ... Эхъ!.. Ваня!..

И громкія рыданія заглушили голоса повара, и махнувъ рукой, онъ успѣшилъ отойти отъ телѣги, которая въ сопровожденіи всей толпы двинулась къ околицѣ...

XXIII

Немного погоды, возлѣ конторы не было уже никого и все вступило въ пражнюю свою колею. Уснѣвшее уже войти солнышко яркими лучами разогнало вмѣстѣ съ туманомъ и толпу, гонимую объ Иванѣ. Всѣ разошлись по работамъ и принялись за свои обычныя занятія. Принялись воить на гумна хлѣбъ, принялись класть алои и скирды, и объ Иванѣ не было даже и поминки. День былъ чудный, какого никто не ожидалъ. Всю ночь лившій дождикъ освѣжилъ природу и все сметрѣло кругомъ такъ свѣтло, такъ весело! Небо было совершенно голубое, ни одной тучки, ни одного облачка; воздухъ чистый, прохладный... Повсюду блестяи едѣтлыя лужицы и какъ-то особенно ярковы были онѣ среди этой яркой зелени, какъ бархаты, разстланной повсюду. Словомъ все было такъ хорошо, такъ свѣтло, какъ даже Фома Золычъ, подвѣсивъ окно въ своей конторѣ и уснѣвшійся возлѣ него со стаканомъ чая, не могъ не захвалить утра. Онъ былъ въ самомъ хорошемъ расположеніи духа и вразъ проговорилъ самодовольно:

— Ну, слава-богу, слава-богу... Напилу-то сбыви съ руки этакъ досады; теперь и отдохнуть можно...

— Мало ли хлопотъ было, подхватила его супруга, которая напротивъ была въ самомъ сердитомъ настроеніи. Я и то съ ногъ сбилась... Да ужъ нечего сказать — цародецъ... Ты посмотри сколько грязи-то натаскали, полъ-то словно въ хлеву какомъ.

Но Фома Зотычъ былъ такъ доволенъ тѣмъ, что всѣ хлопоты его окончились, что даже и вниманья не обращалъ на грязь своей благовѣрной и продолжалъ себѣ попрежнему пить чай и любоваться утромъ. Снявъ свой галстукъ и даже растегнувъ воротъ рубашки, онъ не безъ удовольствія подставлялъ свою жирную шею подъ утренній прохладный вѣтерокъ и съ какою-то особенно довольною улыбкой смотрѣлъ на свой палисадникъ, засаженный подсолнечниками, въ которомъ копошились крошечные цыплята. Цыплята въ особенности занимали Фому Зотыча и онъ, совершенно позабывши уже Ивана, съ какинъ-то дѣтскимъ удовольствіемъ, принялся бросать имъ хлѣбъ и любоваться какъ кусочки исчезали въ ихъ маленькихъ желудкахъ.

— Ципъ, ципъ, ципинька, говорилъ онъ: — ципулинька, ципулинька, и до того занялся ими, что даже забылъ про свой чай.

Между тѣмъ супруга его успѣла уже сбѣгать въ сѣни и призвавъ двухъ бабъ заставляла ихъ мыть полы. Она такъ сердилась на эту грязь, что даже удивлялась чего только лѣзъ глупый народъ и чего только глазѣлъ на Ивана, хотя сама первая не спускала глазъ во все время съ арестантовъ. Точно тоже происходило и съ Агафѣей Филатьевной. Она какъ только возвратилась съ проводовъ, такъ тутъ же накинулась на дѣвокъ и разругавъ ихъ за то, что онѣ до сихъ поръ не за плящами, отправилась-себѣ пить чай.

Словомъ все пришло въ порядокъ. Удивляться этому нечего. Печаль русскаго простолюдина обыкновенно проходитъ скоро; приѣздомъ этого могутъ служить похороны. Какъ только гробъ уносится изъ избы, такъ вмѣстѣ съ гробомъ уносится изъ избы и вопль. Оставшаяся въ избѣ утираетъ слезы и тутъ же начинаетъ выметать изъ избы соръ, хотя до нея и долетаютъ еще вопли идущихъ за покойникомъ. Пока идетъ отпѣваніе, вопли не прекращаются, но когда гробъ опущенъ уже въ могилу и когда онъ засыпанъ землей, все верстаетъ и у рѣдкаго изъ возвращающихся съ погоста вы увидите на глазахъ слезы. Развѣ хнычетъ какая-нибудь старушка. Божья воля, говорятъ всѣ,

и смиряясь передъ этой волей утирають слезы и садятся за блины.

Разъ увидалъ я мужика строгавашаго доску. Я подошолъ къ нему.

— Что ты дѣлаешь, Степанъ? спросилъ я его.

— Да вотъ доску строгаю.

— Знаю, да зачѣмъ?

— На домовище.

— Какъ, развѣ кто умеръ у тебя?

— Нешто, старякъ-отецъ померъ.

— Когда?

— Да ужь часа два какъ померъ.

Вечеромъ этотъ же самый Степанъ везъ уже гробъ отца на погостъ, и когда я ему замѣтилъ, что не рано ли затѣялъ онъ похороны, Степанъ отвѣчалъ мнѣ:

— Что за рано, батюшка. Больше Бога не будешь, а дни жаркіе, — пожалуй въ избѣ-то портиться начнетъ, духъ пустить.

— Такъ ты бы его положилъ въ часовню.

— Нѣтъ ужь, Христось съ нимъ, ему въ землѣ-то покойнѣе.

Итакъ да не удивляется читатель, что и во Фроловѣ вслѣдъ за отъѣздомъ Ивана все приняло на себя обычный видъ, что даже и въ кухнѣ, въ этомъ центрѣ либеральныхъ плей, все пошло попржнему и что самый поваръ, этотъ высшій либераль между всей Фроловской дворней, надѣвъ куртку и подвязавъ фартукъ, принялся попржнему стучать ножами и мѣшать въ кастрюлькахъ. Недоставало только шестипалаго дьячка, отсутствіе котораго даже больше смущало повара, нежели разлука съ Иваномъ. Онъ больше тужилъ о дьячкѣ нежели объ Иванѣ. Будь возлѣ него дьячокъ, онъ былъ бы совершенно доволенъ, но безъ друга онъ былъ замѣтно скученъ. Чтобы какъ-нибудь разогнать эту скуку, поваръ иногда выходилъ на крыльцо, садился на приступку и закуриль коротенькую трубку, которую онъ называлъ носогрѣйкой, принимался смотрѣть вдаль, взрѣдка поплевывая сквозь зубы. Иногда вступалъ онъ въ разговоръ съ проходившими, но разговоры эти были такъ однообразны, что врядъ ли могли хоть сколько-нибудь развлечь повара. Всѣ они вертѣлись около этого. Проходилъ напримѣръ кучеръ, и поваръ кричалъ ему:

— Эй ты, гужоѣдъ!

— А, чумичка! вскрикивалъ кучерь.

— Куда?

— На село.

— Ну такъ до свиданья.

— Съ пальцемъ девять, съ огурцомъ вятнадцать.

Или кто-нибудь изъ проходившихъ обращался къ повару съ такой фразой:

— Что, братъ, покуриваешь?

Но на подобныя фразы поваръ даже и не отвѣчалъ, а только бывало плюнетъ сквозь зубы, да оботретъ усы рукавомъ рубашки.

XXIV

Зато что происходило съ Алексѣемъ Наумычемъ трудно было бы и опредѣлить. Насколько кругомъ все приняло обычный видъ, настолько Алексѣй Наумычъ казался другимъ. На него было жалко смотрѣть: такъ упалъ онъ духомъ, такъ освѣтъ. Онъ какъ-будто вдругъ распался на части и не имѣя силы собрать эти части, снова сдѣлался нецѣльнымъ человѣкомъ, точно такимъ, какимъ былъ прежде, какимъ выскочилъ изъ рокоженной кибитки. Какъ только тронулась отъ конторы телега, такъ онъ въ ту же минуту всталъ съ своего мѣста и очутился возлѣ калитки сада. Безсознательно отворивъ ее, онъ вошелъ въ садъ, прошолся по заглохшимъ аллеямъ, и дойдя до пруда, опустился изнеможенный на скамейку. Онъ точно похоронилъ самого себя и похоронивши не зналъ что теперь ему дѣлать. Онъ все потерялъ въ одну минуту и снова почувствовалъ себя тѣмъ же забытымъ, какимъ былъ прежде, тѣмъ же одинокимъ, безъ радостей, безъ увлеченій, безъ спокойствія, чужимъ среди людей, лишнимъ на всей землѣ. Всѣ дорогія мечты его, всѣ его надежды найти во Фроловѣ спокойствіе и отдыхъ, которые онъ какъ-будто даже обрекъ во Фроловѣ; всѣ его надежды встрѣтить въ теткѣ вѣчныя материнскія чувства, наконецъ надежда сдѣлаться хоть когда-нибудь человѣкомъ самостоятельнымъ; словомъ всѣ дорогія мечты его, всѣ какъ-будто разрушились, распались и какъ-будто сосланный изъ Фролова былъ не Иванъ,

а онъ самъ, Алексѣй Наумычъ. Онъ сидѣлъ опустя голову, а между тѣмъ этотъ садъ, которымъ онъ прежде такъ восхищался, тихо покачивалъ деревьями и уже утратилъ для него всю свою прелесть. Ему было тяжело смотрѣть на этотъ садъ, говорившій ему такъ много о недавнемъ спокойствіи, и глядя на него, онъ только еще больше грустилъ. Онъ чувствовалъ, что все кончилось, что внутри его какъ-будто что-то оборвалось и что онъ навсегда потерялъ все то что вдыхало въ него, расслабленнаго, нецѣльнаго человѣка и жизнь и бодрость. Онъ изнемогалъ и изнеможонный не зналъ за что ему приняться. Онъ овлакивалъ Ивана, овлакивалъ утраченное свое спокойствіе, но тѣмъ неменѣе Аксинья Максимовна не переставала рисоваться передъ нимъ съ своей доброй улыбкой, съ своимъ ласкающимъ взоромъ, съ своею рѣчью, полной участія и любви къ нему, горемычному сиротѣ. Она какъ-будто обнимала его и обнимая говорила: «не плачь, Алеша, успокойся, о чемъ ты плачешь, вѣдь не тебя сослала я, Ивана, о чемъ же тебѣ сокрушаться? Возьми-ка лучше ружье, да ступай-ка на озеро: въ ту сторону столько пролетѣло утокъ, что ужасъ, я сама видѣла; право сходи-ка поразсѣйся, а потомъ придешь съ Бутузкой поиграть... Вотъ день-то и пройдетъ незамѣтно!» Онъ слышалъ какъ-будто слова эти, но объятья Аксиньи Максимовны словно давили его, озера уже не привлекали его ни зеленію разросшихся вдоль берега камышей, ни зеркаломъ воды, ни стаями перелѣтавшихъ утокъ, а стали для него такъ противны, что онъ не хотѣлъ и вспоминать о нихъ. Онъ забывалъ все утѣшавшее его и только помнилъ ту возмутительную сцену у конторы, которой былъ свидѣтелемъ; онъ видѣлъ передъ собой Аксинью Максимовну, но въ добрыхъ, потухающихъ глазахъ ея читалъ какую-то злобу, и въ любящей улыбкѣ какой-то судорожный, онемѣвшій гнѣвъ. Она слѣдалась для него ненавистной, злой старушонкой, и быть съ ней выѣсть тяготило его. Онъ чувствовалъ, что внутри его кипитъ что-то, но тѣмъ неменѣе все-таки со слезами на глазахъ вспоминалъ прошлое. Для него было горько разочаровываться. Выросшій одиноко, среди чужихъ людей, онъ былъ счастливъ, видя Аксинью Максимовну, такъ нѣжно встрѣтившую его; ему было тепло въ ея объятіяхъ, онъ готовъ былъ слить съ нею все свое существованіе; онъ даже былъ счастливъ тѣмъ, что на-

шолъ старушку, которую могъ называть тетей, и вдругъ онъ узналъ, что тети эта не та, которую такъ жадно искало сердце. Онъ увидалъ передъ собою Аксинью Максимовну, но уже не ту, на груди которой онъ, изувѣченный, такъ часто отдыхалъ и плакалъ отъ счастья, но передъ нимъ была Аксинья Максимовна, въ объятіяхъ которой ему было и холодно и жутко. Онъ потерялъ въ ней человѣка, съ которымъ бы могъ говорить о своемъ горѣ, отъ котораго ждалъ утѣшенія и видѣлъ въ ней старушку злую, ханжу и чуждую посторонняго горя. Даже самое Фролово и то тяготило его; даже тотъ домикъ, въ которомъ ему было такъ покойно и изъ окна котораго открывалась перель нимъ такая чудная панорама, ему казался какой-то тюрьмой, въ которой ему было и тѣсно и душно. Словомъ, все какъ-будто вмгъ разрушилось, и онъ, стоя среди этого всеобщаго разрушенія, изумленно смотрѣлъ вокругъ, восклицая: «гдѣ же все то что такъ меня живило!» не понималъ гдѣ онъ и что съ нимъ... Ему хотѣлось бѣжать изъ этого Фролова, бѣжать опять къ живонисцу, гдѣ онъ все-таки былъ хоть свободенъ, а главное одинъ, но онъ старался подавить этотъ порывъ. Онъ все еще не забылъ обѣщаній Аксиньи Максимовны и одно только это какъ-будто мирило его съ его положеніемъ.

«Поживу, потерплю! говорилъ онъ: — покрайней-мѣрѣ есть цѣль жить. Будетъ Фролово мое и я тогда отдохну.

Такъ сидѣлъ Алексѣй Наумычъ и даже не замѣчалъ какъ солнце поднималось все выше и выше, какъ все пробуждалось вокругъ него, какъ даже въ саду неподалеку отъ него копошился уже садовникъ, что-то поливая на грядкахъ. Такъ сидѣлъ онъ и даже не замѣчалъ, что въ домѣ поднялись уже всѣ сторы и растворились почти всѣ окна, слѣдовательно и Аксинья Максимовна окончила уже свою продолжительную утреннюю молитву и принялась кушать чай. День начался. Къ пруду подѣхалъ водовозъ съ бочкой; изъ кухни вышелъ поваръ съ чашкой и ножомъ и отправился вмѣстѣ съ Агафьей Филатьевной въ кладовую, а Алексѣй Наумычъ смотрѣлъ на все это безсознательно и какъ-будто не понималъ что дѣлается вокругъ него. Вдругъ подошелъ къ нему Акимъ.

— Съ добрымъ утромъ! проговорилъ онъ какъ-то особенно мрачно: — чай кушать пожалуйста!

— Развѣ Аксинья Максимовна встала?

— Встали-съ.

— Что она дѣлаетъ?

Акимъ махнулъ рукой, и не сказавъ ни слова, пошолъ назадъ. Сердце Алексѣя Наумыча облилось кровію и онъ какъ-будто чувствовалъ, что въ домѣ опять его ждетъ какая-нибудь неприятность. Но только-что вошолъ онъ въ домъ, какъ даже остановился отъ изумленія. Тамъ все шло вверхъ дномъ, тамъ былъ хаосъ и такой хаосъ, какого еще никогда и не видывалъ Алексѣй Наумычъ. Акинья Максимовна была чисто въ какомъ-то бѣшенствѣ. Полурастрепанная, полуодѣтая она бѣгала изъ одной комнаты въ другую, топала ногами, колотила дѣвокъ, колотила Агафью Филатьевну, колотила даже Фому Зотыча и кричала на весь домъ, чтобы тотчасъ же привели къ ней мерзавца повара. И опять все это происходило за Бутузку. Весь домъ ревѣлъ и среди всего этого рева сильнѣе всѣхъ раздавался голосъ Акиньи Максимовны. Можно было подумать, что она сошла съ ума, что съ ней сдѣлался припадокъ, но никто изъ живущихъ въ домѣ не думалъ этого. Подобныя сцены были имъ не въ диковину, къ нимъ уже всѣ привыкли, но зато Алексѣю Наумычу ставилось еще тяжелѣе, еще невыносимѣе было въ немъ сердце. Ему было тяжело видѣть Акинью Максимовну, она сдѣлалась какимъ-то злѣйшимъ его врагомъ; онъ стоялъ какъ убитый громомъ, а до ушей его долетали поминутно то пощечины, то брань самая возмутительная, самая грязная. И какъ только ни бранилась она, какихъ только ни произносила словъ! Какихъ только ни выдумывала названій! Ни капли здраваго смысла, ни капли логики, ни малѣйшей послѣдовательности нельзя было отыскать въ ея обвиненіяхъ и они становились тѣмъ болѣе отвратительными. Она все рвала и метала, пришедшему повару и Акиму надавала такихъ пощечинъ, что у тѣхъ пошла даже кровь изъ зубовъ и вслѣдъ за тѣмъ такъ налетѣла на Фому Зотыча, что тотъ принужденъ былъ бѣжать вонъ изъ залы. Всѣ были точно убитые и только съ трепетомъ ожидали конца. Но до конца было еще далеко. Гнѣвъ Акиньи Максимовны не только не утихалъ, но напротивъ съ каждой минутой разгорался все болѣе и болѣе. Она начала придирается ко всему, придиралась къ дѣвкамъ, называла ихъ безпутными и наконецъ принялась доискиваться кто увѣдомилъ Хмурова о поимкѣ Ивана, и такъ какъ никто не хотѣлъ

изоблнчать дьячка, Аксиныя Максимовна бѣсилась еще пуше. Всѣмъ гнѣвомъ своимъ она разразилась на бѣднаго Акима и старику досталось больнѣе всѣхъ... Но этихъ сценъ Алексѣй Наумычъ не вынесъ и почти опрометью бросился снова въ садъ.

XXV

Онъ былъ такъ взволнованъ, что даже и не замѣтилъ какъ очутился возлѣ пруда и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ такъ недавно еще съ такой ребяческой наивностью сидѣлъ съ своими милыми удочками. Тамъ все было тихо, все берегло эту дорогую тишину: прудъ разстился какъ зеркало, развѣсистыя деревья не колыхались ни однимъ листкомъ. На противоположномъ берегу какъ нарочно опять мужичокъ ловилъ свою лошадь, въ водѣ попрежнему плавала рыба, но не такъ уже смѣтрѣлъ на все это Алексѣй Наумычъ. Онъ опустился на траву и, закрывъ лицо руками, принялся плакать. Голова его горѣла какъ въ огнѣ, сердце билось неровно; грудь какъ-будто кто-то давилъ и снова кашель, тотъ сухой, тотъ болѣзненный, которымъ прежде страдалъ Алексѣй Наумычъ, раздался ереди всеобщей тишины. Но Алексѣй Наумычъ не замѣчалъ этого кашля и богъ-знаетъ почему-то вспомнилъ вдругъ мужичка, съ которымъ возвращался вчера съ охоты, вспомнилъ Хмурова и еще болѣе задумался. «Боже-мой, боже-мой, думалъ онъ: — какъ все тамъ хорошо, какъ все тамъ тихо, порядочно! видно, что ведется жизнь разумно, что живутъ умные люди, умѣющіе дорожить жизнью и управляться съ ней. Все дышетъ тамъ довольствомъ, спокойствіемъ, разсудкомъ, тогда какъ здѣсь все глупо, все безтолково, все безчеловѣчно. Сколько горя, сколько слезъ и все это нипочемъ, какъ-будто все такъ и должно быть, какъ-будто все это въ порядкѣ вещей, какъ-будто иначе и не можетъ быть. Каково же жить среди всего этого, жить и только знать что терпѣть, да плакать, да мучиться. И кчему все это? Неужели нельзя обойтись безъ этого, неужели нельзя жить, не возмущая тишины... Что, еслибы была жива у меня мать, еслибы вдругъ она встала изъ гроба и посмотрѣла бы теперь на меня? что бы было съ Аксиной Максимовной, еслибы предстала предъ ней тѣнь моей матери, какими бы глазами взглянула она на нея... Мать

сумѣла бы облегчить мои страданія, сумѣла бы защитить меня.. Не у меня нѣтъ матери и я одинокъ, одинъ на всемъ свѣтѣ, беззащитный и безпріютный, одинъ съ своимъ горемъ и съ своими слезами...

Такъ сидѣлъ Алексѣй Наумычъ и даже не замѣчалъ, какъ неподалеку отъ него сидѣлъ еще кто-то въ нанковомъ сюртукѣ и тоже закрывъ лицо руками, тихо плакалъ. Зеленыя вѣтви склонялись надъ сѣдой головой сидѣвпаго, и склоняясь, тихо покачивались, какъ-будто грустя вмѣстѣ съ старикомъ. Такъ сидѣлъ Алексѣй Наумычъ и даже не замѣчалъ, что плакавшій былъ Акимъ, сѣчь котораго уже надоѣло Аксиинѣ Максимовнѣ..

Вдругъ позади Алексѣя Наумыча затрещали кусты, послышалось какое-то неровное дыханіе, и Алексѣй Наумычъ не успѣлъ обернуться, какъ увидалъ предъ собой Бутузку. Наткнувшись на Алексѣя Наумыча, она бросилась на него съ дикимъ лаемъ и принялась съ такимъ озлобленіемъ кидаться на него, что Алексѣй Наумычъ даже изумился. Онъ принялся ее отгонять, но вдругъ вспомнилъ Ивана, вспомнилъ Арину, вспомнилъ сегодняшнюю исторію и лицо его мгновенно покрылось бѣдностью. Онъ бросился къ Бутузкѣ, схватилъ ее въ охапку, взялъ камень, и сопровождаемый страшнымъ визгомъ подбѣжалъ къ водѣ. Вынуть изъ кармана платокъ, привязать одинъ конецъ къ камню, а другой къ шеѣ Бутузки, было дѣломъ одной минуты; все было уже готово, какъ вдругъ онъ очутился лицомъ къ лицу съ Аксиинѣй Максимовной. Руки его опустились, Бутузка вырвалась на волю, и Алексѣй Наумычъ, пойманный на мѣстѣ преступленія, остановился какъ вкопанный, опустил голову, опустил руки и трясся всѣмъ тѣломъ, ждалъ своего приговора.

И все это произошло на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ такъ недавно еще тотъ же самый Алексѣй Наумычъ переживалъ столько сладкихъ, столько ребячески безпечныхъ минутъ и на которомъ онъ такъ твердо вѣрилъ и въ счастье и въ спокойствіе, во все то что живетъ, что держитъ, что пробуждаетъ человека. На берегу видѣлся еще слѣдъ его сапогъ, видѣлись еще слѣды недавно втыкаемыхъ удилицъ, валялась неуспѣвшая еще засохнуть вѣтка липы, сорванная Алексѣемъ Наумычемъ во время послѣдняго уженья, а отъ прежняго спокойствія

не оставалось даже и слѣда. Оно кончилось безслѣдно и кончилось навсегда. Такъ умирають звуки, такъ падаютъ звѣзды и одно только воспоминаніе слабо возраждаетъ ихъ, навѣки погибшихъ.

Въ тотъ же вечеръ Алексій Наумычъ былъ изгнанъ изъ Фролова.

Такъ кончилось его пребываніе у тетки, и Алексій Наумычъ не успѣлъ путемъ придти въ себя, какъ снова очутился среди неба и земли, безъ пристанища, безъ одежды, безъ пищи, безъ средствъ... Все подаренное Аксиньей Максимовной было взято назадъ и ему даже не было дано подшоды. Онъ шолъ пѣшкомъ, шолъ взваливъ на плечи свою бѣдную котомку, шолъ безъ цѣли, безъ мысли, куда вела дорога, а дорога вилась нескончаемо отъ одной деревни къ другой, отъ одного города къ другому, вилась то по тучнымъ полямъ, покрытымъ хлѣбомъ, то по зеленымъ лугамъ, усыпаннымъ цвѣтами, то по темнымъ лѣсамъ, то поднималась на горы, то спускалась въ долины съ шумно бѣгущими ручьями и повсюду попадался народъ, повсюду встрѣчалась жизнь, всѣ жили, хлопотали, и среди всеобщей этой жизни Алексій Наумычъ, изнуренный долгой ходьбой, а пуще недугами, смотрѣлъ какой-то тѣнью, какимъ-то мертвецомъ безъ гроба, приближающимся къ вырытой ему могилѣ.

Такъ совершилось изгнаніе этого горемычнаго юноши изъ Фролова, гдѣ встрѣтили его такъ радушно, такъ тепло. И недолго сохранилась о немъ память не только въ Аксиньѣ Максимовнѣ, но даже и въ дворнѣ. Дня черезъ два приѣхалъ отецъ Герасимъ и сталъ бесѣдовать съ Аксиньей Максимовной, а дворня, пользуясь этимъ, сошла почти вся возлѣ кухни и веселилась во всю руку. Цоварь сидѣлъ на приступкѣ и брилца на балалайкѣ, пѣлъ весело :

Отдана я понмарю

Обучаться букварю.

Барыня ты моя,

Сударыня ты моя.

Какъ въ началѣ въ первый разъ

Начала я съ буквы азъ.

Барыня ты моя,

Сударыня ты моя.

А дьячокъ, успѣвшій уже воротиться изъ города, плясалъ, махалъ руками и поддѣлвалъ тоненькимъ голоскомъ:

Барыня первернись,
Сударыня первернись.

И потомъ басомъ, словно какъ игралъ на бубнѣ, раздражлся:

Дулась, дулась, первернулась...

И веселье шло такое, что чудо! Тутъ былъ и Фома Зотычъ, и Агафья Филатьевна, снова занявшая свою комнату, всѣ дѣвки и даже старикъ Акимъ. Впрочемъ послѣдній стоялъ немного поодаль и поймавъ кучера отца Герасима о чемъ-то съ нимъ разговаривалъ, но за глѣсными разговоръ слышался отрывисто, и можно было разслышать только слѣдующее:

— Ты откуда? спрашивалъ Акимъ.

— Я монастырскій служитель.

— Чтожь ты по билету?

— Ништо, билетъ есть.

— Танъ. Да ты поужинать не хочешь ли?

— Нѣтъ, спасибо, нехочется.

— Ну вотъ еще! Нѣтъ, ты поужинай, лучше; ночь не встрясется...

XXVI

Прошло съ полгода, и грустную картину представляла собой природа. Все было покрыто сугробами снѣга и куда ни падалъ взоръ, повсюду была передъ нимъ одна мертвенность, одинъ снѣжный океанъ, одинъ бѣлый саванъ. Скучна и тягостна жизнь среди такой скучной и тягостной обстановки. Нестерпимо долгими нажутся короткіе дни и нестерпимо долгими кажутся длинныя ночи. Влетъ ли путникъ по снѣжной равнинѣ на тройкѣ изхудалыхъ почтовыхъ лошадей, тащится ли обозникъ полузамерзшій отъ холода, сидитъ ли семья вокругъ самовара, всѣмъ равно скучно, равно тяжело. Путникъ торопится къ ночлегу: воднимается вѣтеръ и заноситъ дорогу; обозникъ усталъ вытаскивать свой возъ изъ громадныхъ ухабовъ; у многочисленной семьи не клеится разговоръ и въ комнатѣ такая тоска, хоть

ночь бѣги. Вѣтеръ жалобно гудитъ въ трубахъ, хлопаетъ ставнями, какъ безпріютный изгнанникъ, бродитъ вокругъ дома и съ досады закидываетъ его чуть не до крыши сугробами. Свѣчи горятъ тускло и какъ-будто гармонируя этой картинѣ шипитъ самоваръ, нагоняя еще большую тоску на устѣвшихся вокругъ него. Не легче и тѣмъ, у кого нѣтъ самоваровъ, не легче и мужику. Волки цѣлыми стадами бродятъ вокругъ села; далеко по окрестности разноситъ вѣтеръ ихъ жалобный вой и прислушиваясь къ этому вою, мужичокъ трясется за своихъ овецъ, за свою лошаденку. А тамъ вдругъ нагрядетъ исправникъ, становой и глядишь нашла мертвое тѣло: замерзъ мужичокъ, занесенный снѣгомъ и сбившійся съ дороги и замерзъ всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ деревни. Бѣдный, глядишь, вѣдиль въ лѣсъ за дровами, нарубилъ дровъ, а самъ Богу душу отдалъ. Запертая въ душныхъ хлѣвахъ скотина тоже кажется тоскуетъ не менѣе человѣка. Ей хотѣлось бы въ луга на живну, гдѣ было ей такъ привольно, такъ просторно, гдѣ кормъ находила она сочный, душистый, гдѣ пила она рѣчную воду, гдѣ обдувалъ ее свѣжій вѣтерокъ... И куда дѣбалась вдругъ вся прелесть природы! Деревушки, прежде веселыя и тонувшія въ зелени ветель, хмѣля и вишенъ, занесены снѣгомъ и ходятъ въ эти избушки, точно въ норы; отъ хмѣля остались однѣ только тычинки; на обнаженныхъ вѣтвяхъ чернѣютъ покинутыя гнѣзда; ни скворецъ не пропоетъ, ни ласточка не пролетитъ и только однѣ лишь вороны теребятъ мерзлое тряпье. Грустна природа наша въ зимнюю пору и куда ни обращай утомленнаго взора, повсюду одна мертвенность, одинъ снѣжный океанъ, одинъ бѣлый саванъ!..

Не менѣе тяжелую картину представляло собой и веселое Фролово. Зеленая и кудрявая роша была обнажена, рѣка открыта сугробомъ, избы занесены снѣгомъ и только однѣ застрѣли высывались изъ подъ этого снѣга и какъ-будто напоминали о существованіи здѣсь жилищъ. Но тяжелѣе всего было въ селѣмъ домикѣ Аксиньи Максимовны и тяжелѣе потому, что подъ этой покосившейся кровлей, занесенной снѣгомъ, въ этомъ уютномъ прибѣжищѣ, скрывшемся отъ безпокойной людской толпы, погасала жизнь этой старушки. Между тѣмъ какъ въ другихъ помѣщичьихъ усадьбахъ всѣ прятались отъ стужи въ своихъ конурахъ, въ усадьбѣ Аксиньи Максимовны всѣ напротивъ суетились, бѣгали, тормошились; хлопотали и все оттого, что въ од-

ной паре комнатъ домика, погасала жизнь Аксиньи Максимовны и погасала тихо, покойно, даже покойнѣе погасяющей свѣчи. И чтобы могъ узнать Аксинью Максимовну. Казалось это была живая мертвецъ, казалось это былъ одинъ островъ, обтѣнутый желтой кожей. Заостренный и раздвоившійся на концѣ носъ вымалелся какъ-то особенно несоразмѣрно; синія тонкія губы впаде внутрь; полуоткрытые глаза не двигались, не блестящи, а какъ-то туго, безсознательно устремлялись на одинъ предметъ. Она лежала вытянувшись, со сложенными на груди руками и прижатыми черное распятіе, всегда висѣвшее прежде въ ея образышкѣ. Покрытая бѣлымъ одѣяломъ обрисовывавшимъ всѣ нехотдалые члены ея, она казалось лежала уже не въ постелѣ, а въ гробу. Какъ-то особенно тяжело было смотрѣть на нее. Но какъ ни ясно было, что потухавшее солнце уже въ послѣдній разъ свѣтило для Аксиньи Максимовны, а все надежда не оставляла ее. Аксинья Максимовна все еще принимала лекарство и только какъ-то усерднѣе, какъ-то теплѣе крестилась когда Агафья Филатьевна подносила ей ложку тѣ почти уже оконченѣшему ея рту. И всѣмъ казалось не легка была картина погасяющей жизни. Всѣ присутствовашіе, всѣ до единого были грустны, всѣ молчали и молча не сводили глазъ съ умирающей, а умиравшая лежала неподвижно и только однѣ слезы, изрѣдка выкатывавшіяся изъ глазъ ея — обличали жизнь. Слезы эти, самыя ужасныя слезы овлакивавшія конецъ жизни. И глядя на эти наврасныя слезы, у всѣхъ неволью сжималось сердце и всякій неволью рисовалъ себѣ кончину собственной своей жизни, преддверіе своей могилы. Страшная и обидная вещь смерть, неволью думалъ каждый, и еще съ болѣе тяжолымъ чувствомъ обращалъ свой взоръ на Аксинью Максимовну, дожившую до этой обидной минуты и находящуюся уже въ рукахъ смерти. Всякій точно старался прочесть на лицѣ ея состояніе ея духа и съ ужасомъ отворачивался отъ этого лица, завидѣвъ эти безильныя, наврасныя слезы. Всякій почти смлился узнать неужели въ эту страшную минуту, когда жизнь покидаетъ человека, покидаетъ его и надежда и заставляетъ умирающаго сознательно, медленно, шагъ за шагомъ подвигаться къ могилѣ, въ эту вѣчную тьму, въ которую не долетитъ ни вопль блаженныхъ, ни слезы самыхъ дорогихъ для сердца людей.

Въ такомъ или почти такомъ настроеніи были всѣ присутствующіе, которыхъ впрочемъ было очень не много, но между

которыми нельзя было не замѣтить и Хмурова, успѣваго уже сдѣлаться самымъ короткимъ человѣкомъ въ домѣ Аксиньи Максимовны. Дѣло въ томъ, что старушка рѣшилась наконецъ примириться съ нимъ. Причиной этого примиренія былъ отчасти Алексѣй Наумычъ. Какъ ни коротко было пребываніе его во Фроловѣ, однако Аксинья Максимовна успѣла уже отвыкнуть отъ того страшнаго одиночества, въ которомъ она жила до появленія своего племянника. Ей дико казалось оставаться одной, ей было какъ-то неловко одной обѣдать, ее какъ-то страшила уже эта тишина, царствующая вокругъ нея, и она томилась не на шутку. Ей долго еще какъ-будто слышались шаги Алексѣя Наумыча, тѣ шаги надъ ея спальней, къ которымъ она, лежа въ постелѣ, такъ часто бывало прислушивалась и отъ которыхъ она такъ сладко бывало плакала; ей какъ-будто слышался его голосъ: она по привычкѣ все еще смотрѣла на дорогу, по которой возвращался обыкновенно Алексѣй Наумычъ съ охоты, по дороге оставалась пустою и не показывался уже на ней довольный и счастливый юноша, съ перекинутымъ за спину ружьемъ и съ лицомъ радостнымъ и сіяющимъ. И тяжело становилось Аксиньѣ Максимовнѣ и не разъ бывало принималась она плакать, сидя у раствореннаго окошка. Такъ скучала Аксинья Максимовна, какъ вдругъ къ крыльцу ея домика подкатил тарантасъ и въ комнату вошелъ Хмуровъ. Онъ пріѣхалъ къ Аксиньѣ Максимовнѣ съ цѣлью купить у нея лѣсъ и каково же было его изумленіе, когда онъ, вмѣсто ожидаемой холодности и даже пожалуй грубости, вдругъ увидалъ самый радушный, самый дружескій пріемъ со стороны сварливой своей сосѣдки. И въ самомъ дѣлѣ Аксинья Максимовна была такъ довольна пріѣздомъ живого существа, что чуть не бросилась въ объятія къ Хмурову и тутъ же протянула ему руку примиренія. Хмуровъ просидѣлъ цѣлый день у Аксиньи Максимовны, обѣдалъ у нея, а садясь въ тарантасъ кричалъ Аксиньѣ Максимовнѣ:

— Смотрите же, не обманите, я васъ жду завтра къ себѣ.

— Непремѣнно, непременно, кричала Аксинья Максимовна и радостно махала платкомъ.

На другой день утромъ изъ сарая снова вывозилась извѣстная желтая коляска, та самая, въ которой Аксинья Максимовна ѣздила въ городъ за ружьемъ, а часовъ въ двѣнадцать Аксинья Максимовна катила уже въ этой коляскѣ по дорогѣ къ Хмурову

и оглашая молчаливую окрестность трескомъ и громомъ, какъ-то особенно радостно смотрѣла вдаль.

Недѣли черезъ двѣ Аксиныя Максимовна зачѣмъ-то ѣздила вмѣстѣ съ Хмуровымъ въ городъ, прожила тамъ дней пять, и возвратившись была уже такъ спокойна и довольна, что даже и забыла про своего бѣднаго Алешиньку. Снова оживилось Фролово и жизнь пошла какъ по маслу. Хмуровъ и его семейство приѣзжали къ Аксиныѣ Максимовнѣ почти каждый день и старушка до того подлюбила дѣтей Хмурова, что безпрестанно приглашала ихъ къ себѣ обѣдать и на убой кормила ихъ произведеніями своего сада.

— И молодѣю при видѣ дѣтей вашихъ, не разъ говорила Аксиныя Максимовна, смотря на бѣгавшихъ по саду дѣтей Хмурова и слезы навертывались на глазахъ ея.

Не менѣе Аксиныя Максимовны полюбила дѣтей и Бутузка.

— Посмотрите, посмотрите, говорила Аксиныя Максимовна радостно: — какъ Бутузка-то играетъ съ дѣтьми, совсѣмъ забыла меня старуху!

Смотря на все это, дворня только руками разводила. Она какъ-будто не вѣрила глазамъ своимъ и долго думала не во снѣ ли видитъ она и эти экипажи, приѣзжающіе во Фролово, и эти обѣды приборовъ на десять, и эти поѣздки Аксиныи Максимовны.

— Ужь не передъ добромъ, говорили многіе.

И дѣйствительно не передъ добромъ, потомучто вскорѣ Аксиныя Максимовна захворала и слегла въ постель. Какъ только услышалъ Хмуровъ о болѣзни Аксиныи Максимовны, такъ тутъ же прискакалъ во Фролово съ своимъ докторомъ, нѣмцемъ, по нѣмецкѣ, взглянувъ на Аксиныю Максимовну, поначалъ головою и только уже въ залѣ сказалъ Хмурову, что наврядъ Аксиныя Максимовна встанетъ съ постели. Услыхавъ это, Хмуровъ тотчасъ же послалъ въ монастырь за отцомъ Герасимомъ и только тогда, когда тотъ приѣхалъ въ сопровожденіи еще какихъ-то двухъ монаховъ, рѣшился оставить Аксиныю Максимовну и ѣхать къ себѣ домой. Но дома онъ пробылъ не долго и снова приѣхалъ во Фролово.

Однако жизнь Аксиныи Максимовны все угасала и угасала, хотя съ закатомъ солнца ей и сдѣлалось какъ-будто покойнѣе и даже слезы перестали показываться на ея глазахъ. Она лежала

молча и только изрѣдка по движенію губъ можно было замѣтить, что она читала какую-то молитву. Часовъ въ десять вечера она заснула; всѣ удалились въ залу и только одна Агафья Филатьевна осталась возлѣ своей барыни. Она не отходила отъ нея со времени ея болѣзни и даже ночи проводила у постели ея, шоправляла подушки, едѣяло и только бывало къ утру вздремветь немного и те самыя чуткія сномъ. Съ наступленіемъ ночи комната, въ которой умирала Аксиныя Максимовна, едѣялась еще печальнѣе. Освѣщенная одной свѣчкой, заслоненной зеленымъ абажуромъ и заставленная столиками, на которыхъ громоздились пузырки, миски и графины, и пропитанная запахомъ лекарствъ, она глядѣла какой-то тѣсной больницей. Въ одномъ углу стояла кровать съ пологомъ, а въ другомъ образница съ постоянно тешащейся лампадкой. Зеленый свѣтъ, надавшій отъ свѣчки на искудалое лицо Аксиныи Максимовны, томившее въ мягкихъ подушкахъ, придавалъ ему еще болѣе мертвенности. Даже сама Агафья Филатьевна, сидѣвшая у ногъ больной, въ томъ самомъ креслѣ, въ которомъ такъ любила сидѣть Аксиныя Максимовна, имѣла какой-то мертвенный видъ. Аксиныя Максимовна заснула, но сонъ ея былъ самый тревожный: она постоянно металась, постоянно бредила и непрерывно просыпалась. Много разъ приходилось вставать Агафѣ Филатьевнѣ, но все это дѣлала она не только безъ ропота, напротивъ съ явнымъ усердіемъ. Аксиныя Максимовна никогда не говорила про Алексѣя Наумыча, даже сердилась, когда упоминалъ кто-нибудь о немъ, но зато въ бреду она часто поднималась въ постели и смотря на дверь принималась говорить:

— Выведи, выведи его, Агафья.... видишь идетъ...

— Кто идетъ матушка? спрашивала крестясь Агафья Филатьевна.

— Какъ кто, развѣ не видишь Алексѣя Наумыча. Выведи его поскорѣе... Не могу я видѣть его...

— Никого нѣтъ, матушка, шептала Агафья Филатьевна и начинала крестить Аксиною Максимовну.

— А гдѣ Бутузка? спрашивала шопотомъ Аксиныя Максимовна: — подай мнѣ ее сюда.

И погладивъ Бутузку, которую Агафья Филатьевна подносила къ барыни, Аксиныя Максимовна какъ-будто успокоивалась и снова засыпала.

Часовъ въ двѣнадцать Аксинья Максимовна сдѣлалась хуже, и Агафья Филатьевна побѣжала за докторомъ, который вмѣстѣ съ Хмуровымъ и тремя монахами сидѣлъ въ залѣ. Всѣ посѣщали въ спальню.

— Что съ вами? спросилъ ее докторъ.

Но Аксинья Максимовна вмѣсто отвѣта заплакала такъ горько, что не могла произнести слова и только уже черезъ нѣкоторое время прошептала.

— Умру я — не правда ли?

Докторъ молчалъ.

— Чтожъ вы молчите?

— Богъ милосливъ, шепталъ докторъ.

— А гдѣ отецъ Герасимъ?

— Я здѣсь, отозвался онъ.

— Страшно, страшно отецъ Герасимъ... Страшно умирать... Что будетъ — богъ-вѣсть... Молитесь, молитесь за меня ради Бога, молитесь каждый день, молитесь и ночью, когда проснетесь...

И Аксинья Максимовна зарыдала, но немного погодя вдругъ остановилась, приподнялась съ подушекъ и указывая на дверь, прошептала какъ-то особенно дико.

— Вонъ, вонъ отсюда... Уйди съ глазъ моихъ, дерзкій человекъ... Агафья, Агафья! Выведи Алексея Наумыча, выведи поскорѣе... Онъ утопитъ меня, какъ хотѣлъ утопить Бутузку.

И почти изнеможенная упала на подушку.

— Бредъ! проговорилъ нѣмецъ и всѣ тихонько вышли изъ комнаты. Аксинья Максимовна заснула.

Часа въ два ночи докторъ опять вошелъ въ комнату больной. Было все тихо, Агафья Филатьевна дремала на креслѣ. Докторъ тихонько разбудилъ ее.

— Ну что? спросилъ онъ.

— Ничего-съ, почиваютъ.

— Не бредила?

— Нѣтъ-съ, почивали покойно.

Докторъ подошелъ къ Аксиньѣ Максимовнѣ, пощупалъ пульсъ, пощупалъ голову, пощупалъ сердце и проговорилъ твердо:

— Она умерла!

Только что успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ въ одно мгновеніе все Фролово было уже на ногахъ. Вѣсть о кончинѣ

Аксинья Максимовна пронеслась съ быстротою молніи. На колокольнѣ ударили три раза въ колоколъ, и печальный звукъ его слился и замеръ въ крикахъ: «Скончалась, скончалась! Царство небесное!» Не прошло и десяти минутъ, какъ вся дворня была уже въ комнатѣ. Давка пошла страшная, всѣ бѣгали, всѣ стонали! Агафья Филатьевна чуть не выла, старикъ Акимъ принялся зажигать перекъ образами свѣчи, дѣвки ревѣли и вмѣстѣ съ тѣмъ вся эта толпа, въ которой былъ и Фома Зотычъ, и поварь, и дьячокъ, спѣшила къ постели, лѣзла другъ на дружку, тѣснилась, толкалась, опрокидывала все попадавшееся, желая проститься съ покойницей, которая одна, среди всего этого страшнаго хаоса лежала неподвижно, величаво, съ лицомъ глубоко-серьезнымъ, вся утонувшая въ мягкихъ подушкахъ, въ мягкомъ пуховикѣ, лежала прямо, вытянувшись, съ распятемъ на груди и съ устами, замкнувшимися навѣки. И тяжело было видѣть Аксинью Максимовну, такъ недавно еще жившую, холдною, мертвою, безъ признака жизни!..

На утро собравшійся народъ узналъ, что Фролово мѣсяца два уже какъ куплено Хмуровымъ, а деньги, заплоченныя имъ за имѣніе, пожертвованы покойницей въ обитель отца Герасима. Изъ бумагъ же, оставленныхъ Аксиньею Максимовною оказалось, что фамилія ея была Крутцова.

Тутъ кончается моя повѣсть, но остается Алексѣй Наумычъ, забытый и свѣтомъ и нами и Фроловымъ. Послѣ того, какъ Аксинья Максимовна выгнала его изъ Фролова, онъ къ счастью мучился не долго и умеръ чахоткой въ больницѣ какого-то помѣщика, который призрѣлъ его въ качествѣ приживальщика. Онъ погребенъ далеко отъ церкви, у самаго вала кладбища; креста на могилѣ нѣтъ, а торчитъ только на могильномъ холмѣ какой-то камень, занесенный вѣроятно дождевымъ ручьемъ. И лежитъ Алексѣй Наумычъ въ своей могилѣ одинокой, какимъ былъ и на землѣ. Ему не повезло и на кладбищѣ! Однако умирая онъ какъ-будто былъ радъ смерти, потомучто все лепеталъ:

— Наконецъ-то я умираю, но я желалъ бы знать, неужели я родился и жилъ для того только, чтобы нѣсколько дней поохотиться во Фроловѣ?..

Но тѣмъ неменѣе въ минуту смерти онъ все-таки со слезами вспомнилъ про Фролово; слезы эти были жгучи, и хорошо, что онъ засохли уже на похолодѣвшихъ щекахъ Алексѣя Наумыча.

Иванъ переселенъ куда-то далеко, но онъ живетъ хорошо, женился на Аринѣ и выписалъ къ себѣ женину мать, которую Хмуровъ отпустилъ, щедро наградивъ. Нищенка освобождена. Бутузка существуетъ и до сихъ поръ, но она живетъ уже не въ домѣ, а въ кануркѣ возлѣ воротъ. Неподалеку отъ ея кануры стоятъ корытце, изъ котораго она и питается помоями. Нравъ ея сталъ несравненно мягче и она гораздо чаще ласково виляетъ хвостомъ, нежели лапъ. Въ память Аксиньи Максимовны ее никто не бьетъ, да и невачто бить ее въ настоящее время.

И. СЛОНОВЪ

ГРЕЗЫ И ПѢСНИ

Не отыщутъ люди, не отыщутъ —
Грезы, пѣсня будутъ вѣчно съ нами;
И за чтобъ ни стали люди биться,
Грезы, пѣсня будутъ вѣчно съ нами
Въ сердце нашемъ глубоко таиться.
Тѣ что насмѣялись, тѣ что гнали,
И у нихъ вѣдь сердце грезой бьется —
Иль они ни разу въ жизнь не знали
Какъ отъ счастья всей душой поется?

Вотъ вѣка проходятъ за вѣками,
Все быть-можетъ позабудутъ люди,
Чѣмъ гордились, что творили сами —
Грезы жъ съ пѣсней будутъ вѣчно съ нами
Глубоко таиться въ каждой груди.
Да и есть ли что у васъ отрадиѣй,
Есть ли что свѣтлѣе и чудеснѣй?
Все пройдетъ своею чередою,
Только вѣчно будетъ надъ землею
Царство грезъ и пѣсней!

О. ВЕРГЪ

ЗНАМІЯ ЗАМѢТКИ О ЛѢТНИХЪ ВПЕЧАТЛѢНІЯХЪ

ФЕЛЬЕТОНЪ ЗА ВСЕ ЛѢТО

ГЛАВА V

ВАСИЛЬ

Итакъ я въ Парижѣ... Но не думайте однако, что я вамъ много расскажу собственно о городѣ Парижѣ. Я думаю въ столюмъ уже перечитали о немъ порусски, что наконецъ ужъ и надѣло читать. Ктому же вы сами въ мѣсь были и навѣрное все лучше меня замѣтили. Да и терпѣть я не могъ, за границей, осматривать по гиду, по заказу, по обязанности путешественника, а потому и просмотрѣлъ въ многихъ мѣстахъ такія вещи, что даже стыдно сказать. И въ Парижѣ просмотрѣлъ. Такъ и не скажу что именно просмотрѣлъ, но зато вотъ что скажу: я сдѣлалъ опредѣленіе Парижу, прибралъ къ нему эпитетъ и стою за этотъ эпитетъ. Именно: это самый нравственный и самый добродѣтельный городъ на всемъ земномъ шарѣ. Что за порядокъ! Какое благоразуміе, какія опредѣленные и прочно установленныя отношенія; какъ все обезпечено и разлиневано; какъ все довольны; какъ все стараются увѣрить себя что довольны и совершенно счастливы, и какъ все наконецъ дотого достаралось, что и дѣйствительно увѣрили себя, что довольны и совершенно счастливы, и... и... и остановились на этомъ. Далѣе и дороги нѣтъ. Вы не повѣрите тому, что остановились на этомъ; вы закричите что я преувеличиваю, что это все жодчая патриотическая клевета, что не могло же все это остановиться совсѣмъ въ самомъ дѣлѣ. Но друзья мои: вѣдь предуздвомили же я васъ

еще въ первой главѣ этихъ замѣтокъ, что можетъ-быть ужасно навру. Ну и не мѣшайте мнѣ. Вы знаете тоже навѣрно, что если я и навру, то навру будучи убѣжденъ, что не вру. А помоему этого ужь слишкомъ довольно. Ну, такъ и дайте мнѣ свободу.

Да, Парижъ удивительный городъ. И что за комфортъ, что за всевозможныя удобства для тѣхъ, которые имѣютъ право на удобства, и опять-таки, какой порядокъ, какое такъ-сказать *затишье порядка*. И все возвращаюсь къ порядку. Право, еще не много, и полутора-миллионный Парижъ обратится въ какой-нибудь окаменѣлый въ затишьѣ и порядкѣ професорскій нѣмецкій городокъ, вродѣ напримѣръ какого-нибудь Гейдельберга. Какъ-то знаете тянетъ къ тому. И будто не можетъ быть Гейдельберга въ колоссальномъ размѣрѣ? И какая регламентация! Поймите меня: не столько виѣшняя регламентация, которая ничтожна (сравнительно разумѣтся), а колоссальная внутренняя, духовная, изъ души происшедшая. Парижъ суживается, какъ-то охотно съ любовью умалется съ умиленіемъ ежится. Куда въ этомъ отношеніи напримѣръ Лондонъ! Я былъ въ Лондонѣ всего восемь дней, и покрайней-мѣрѣ наружу, — какими широкими картинами, какими яркими плацами, своеобразными, нерегулированными подъ одну мѣрку планами оттушеввался онъ въ моихъ воспоминаніяхъ. Все такъ громадно и рѣзко въ своей своеобразности. Даже обмануться можно этой своеобразностью. Каждая рѣзкость, каждое противорѣчіе уживаются рядомъ съ своимъ антитезомъ и упрямо идутъ рука объ руку, противорѣча другъ другу и повидимому никакъ не исключая другъ друга. Все это кажется упорно стоитъ за себя и живетъ посвоему и повидимому не мѣшаетъ другъ другу. А между тѣмъ и тутъ таже упорная, глухая и уже застарѣлая борьба, борьба на смерть всеобще-западнаго личнаго начала съ необходимостью хоть какъ-нибудь ужиться вмѣстѣ, хоть какъ-нибудь составить общину и устроиться въ одномъ муравейникѣ; хоть въ муравейникѣ обратиться, да только устроиться не поѣдая другъ друга — не то обращеніе въ антропофаги! Въ этомъ отношеніи, съ другой стороны, замѣчается тоже что и въ Парижѣ: такое же отчаянное стремленіе съ отчаянія остановиться на *statu quo*, вырвать съ шисомъ изъ себя всѣ желанія и надежды, проклясть свое будущее, въ которое не хватаетъ вѣры можетъ-быть у самихъ преводителей прогресса и поклониться Ваалу. Пожалуста одна-

кожѣ не увлекайтесь высокимъ слогомъ : все это замѣчается сознательно, только въ душѣ передовыхъ сознающихъ, да бессознательно инстинктивно въ жизненныхъ отправленіяхъ всей массы. Но буржуа вапримѣръ въ Парижѣ сознательно почти очень доволенъ и увѣренъ, что все такъ и слѣдуетъ, и прибѣтъ даже васъ, если вы усомнитесь въ томъ, что такъ и слѣдуетъ быть, прибѣтъ, потому что до сихъ поръ все чего-то побаивается, не смотря на всю самоувѣренность. Въ Лондонѣ хоть и такъ же, но зато какія широкія, подавляющія картины ! Даже наружно какая разница съ Парижемъ. Этотъ день и ночь суетящійся и необъятный какъ море городъ, визгъ и вой машинъ, эти чугушки, проложенныя поверхъ домовъ (а вскорѣ и подъ домами), эта смѣлость предприимчивости, этотъ кажущійся беспорядокъ, который въ сущности есть буржуазный порядокъ въ высочайшей степени, эта отравленная Темза, этотъ воздухъ, пропитанный каменнымъ углемъ, эти великолѣпные скверы и парки, эти страшные углы города, какъ Вайтчепель, съ его полуголымъ, дикимъ и голоднымъ населеніемъ, Сити съ своими миліонами и всемірной торговлей, кристальный дворецъ, всемірная выставка... Да, выставка поразительна. Вы чувствуете страшную силу, которая соединила тутъ всѣхъ этихъ безчисленныхъ людей, пришедшихъ со всего міра въ едино стадо ; вы сознаете исповинскую мысль ; вы чувствуете, что тутъ что-то уже достигнуто, что тутъ побѣда, торжество. Вы даже какъ-будто начинаете бояться чего-то. Какъ бы вы ни были независимы, но вамъ отчего-то дѣйствительно становится страшно. Ужь не это ли въ самомъ дѣлѣ достигнутый идеаль ? думаете вы ; не конецъ ли тутъ ? не это ли ужъ и въ самомъ дѣлѣ «едино стадо». Не придется ли принять это и въ самомъ дѣлѣ за полную правду и занѣмѣть окончательно ? Все это такъ торжественно, побѣдно и гордо, что вамъ начинаетъ духъ тѣснить. Вы смотрите на эти сотни тысячъ, на эти мильоны людей, покорно текущихъ сюда со всего земного шара — людей, пришедшихъ съ одною мыслью, тихо, упорно и молча толпящихся въ этомъ колоссальномъ дворцѣ, и вы чувствуете, что тутъ что-то окончательное совершилось, совершилось и закончилось. Это какая-то библейская картина, что-то о Вавилонѣ, какое-то пророчество изъ апокалипсиса, въ очію совершающееся. Вы чувствуете, что много надо вѣковѣчнаго, духовнаго отпора и отрицанія, чтобъ не поддаться,

не подчиниться впечатлѣнію, не поклоняться факту и не обоготворить Ваала, то-есть не принять существующаго за свой идеаль...

Ну, это вздоръ, скажете вы, болѣзненный вздоръ, первы, преувеличеніе. Не остановится на этомъ никто, и никто не приметъ этого за свой идеаль. Ктому же голодъ и рабство не свой брать, и лучше всего подскажутъ отричаніе и зародятъ скептицизмъ. А сытые дилетанты, прогуливающіеся для своего удовольствія, конечно могутъ создавать картины изъ апокалипсиса и тѣшить свои нервы, преувеличивая и вымогая изъ всякаго явленія, для возбужденія себя, сильныя ощущенія...

— Такъ, отвѣчаю я: — положимъ что я былъ увлеченъ декорацией, это все такъ. Но еслибъ вы видѣли какъ горлъ тотъ могучій духъ, который создалъ эту колоссальную декорацию, и какъ горло убѣжденъ этотъ духъ въ своей побѣдѣ и въ своемъ торжествѣ, то вы бы содрогнулись за его гордыню, упорство и слѣпоту, содрогнулись бы и за тѣхъ, надъ кѣмъ носятся и царитъ этотъ гордый духъ. При такой колоссальности, при такой испанской гордости владычествующаго духа, при такой торжественной оконченности созданія этого духа, замираетъ нерѣдко и голодная душа, смиряется, подчиняется, ищетъ спасенія въ джинѣ и въ развратѣ и начинаегъ вѣрвать, что такъ всему тому и слѣдуетъ быть. Фактъ давить, масса деревенѣтъ и прихватываетъ китайщины, или если и рождается скептицизмъ, то мрачно и съ проклятіемъ ищетъ спасенія въ чемъ-нибудь вродѣ мормоновщины. А въ Лондонѣ можно увидѣть массу въ такомъ размѣрѣ и при такой обстановкѣ, въ какой вы нигдѣ въ свѣтѣ ее на яву не увидите. Говорили мнѣ напримѣръ, что ночью по субботамъ полмиліона работниковъ и работницъ, съ ихъ дѣтьми, разливаются какъ море по всему городу, наиболѣе группируясь въ ивыхъ кварталахъ, и всю ночь до пяти часовъ празднуютъ шабашъ, т. е. наѣдаются и напиваются какъ скоты, за всю недѣлю. Все это несетъ свои еженедѣльные экономіи, все нарабатанное тяжкимъ трудомъ и проклятіемъ. Въ мясныхъ и съестныхъ лавкахъ толстѣйшими пучками горитъ газъ, ярко освѣщая улицы. Точно балъ устраивается для этихъ бѣлыхъ негровъ. Народъ толпится въ отворенныхъ тавернахъ и въ улицахъ. Тутъ же ѣдятъ и пьютъ. Пивныя лавки разубраны какъ дворцы. Все пьяно, но безъ веселья, а мрачно, тяжело и все какъ-то

страшно молчаливо. Только иногда ругательства и кровавые потасовки нарушают эту подозрительную и грустно-действующую на вас молчаливость. Все это поскорѣй торопится напиться до потери сознания... Жены не отстаютъ отъ мужей и напишется вѣсть съ мужьями; дѣти бѣгаютъ и целуютъ жемчужины. Въ такую ночь, во второмъ часу, я заблудился однажды и долго таскался по улицамъ среди неисчислимой толпы этого мрачнаго народа, спрашивая почти знаками дорогу, потому что поанглійски я не знаю ни слова. Я добился дороги, но впечатлѣніе того что я видѣлъ, мучило меня дня три послѣ этого. Народъ вездѣ народъ, но тутъ все было такъ колоссально, такъ ярко, что вы какъ бы ощупали то, что до сихъ поръ только воображали. Тутъ ужъ вы видите даже и не народъ, а потерю сознания, систематическую, покорную, поощряемую. И вы чувствуете, глядя на всѣхъ этихъ паріевъ общества, что еще долго не сбудется для нихъ пророчество, что еще долго не дадутъ имъ пальмовыхъ вѣтвей и бѣлыхъ одеждъ, и что долго еще будутъ они возывать ко престолу Всевышняго: «доколе Господи». И они сами знаютъ это и покашлись отищаютъ за себя обществу какими-то подземными мормонами, трясунами, странниками... Мы удивляемся глупости идти въ какое-то трясуни и страшники и не догадываемся, что тутъ — отдѣленіе отъ нашей общественной формулы, отдѣленіе упорное, безсознательное; истинно активное отдѣленіе во что бы то ни стало для ради спасенія, отдѣленіе съ отвращеніемъ отъ насъ и ужасомъ. Эти миллионы людей, оставленные и прогнанные съ пару людскаго, томкальсь и давя другъ друга въ подземной тмѣ, въ которую они брошены своими старшими братьями, ошупью стучатся хоть въ какія-нибудь ворота и ищутъ выхода, чтобы не задохнуться въ тешномъ подвалѣ. Тутъ послѣдняя, отчаянная попытка сбиться въ свою кучу, въ свою массу и отдѣлиться отъ всего, хотя бы даже отъ образа человѣческаго, только бы быть посвоему, только бы не быть вѣсть съ нами...

Ѣ видѣлъ въ Лондонѣ еще одну подобную же этой массу, которую тоже нигдѣ не увидите въ такомъ размѣрѣ, какъ въ Лондонѣ. Тоже декорация въ своемъ родѣ. Кто бывалъ въ Лондонѣ, тотъ навѣрно хоть разъ сходилъ ночью въ Гай-Маркетъ. Это кварталъ, въ которомъ по ночамъ, въ нѣкоторыхъ улицахъ, тысячами толнятся публичные женщины. Улицы освѣщены пуч-

ками газа, о которых у насъ не имѣютъ понятія. Великолепныя кофейни, разубранныя зеркалами и золотомъ, цапками шагу. Тутъ и сборища, тутъ и пріюты. Даже жутко входить въ эту толпу. И такъ странно она составлена. Тутъ и старухи, тутъ и красавицы, передъ которыми оставаешься въ изумленіи. Во всемъ мірѣ нѣтъ такого красиваго тиша женщинъ, какъ англичанки. Все это съ трудомъ толпится въ улицахъ, тѣсно, густо. Толпа не умѣщается на тротуарахъ и заливаеъ всю улицу. Все это жаждетъ добычи и бросается съ безстыднымъ плутономъ на перваго встрѣчнаго. Тутъ и блестящія дорогія одежды и почти лохмотья, и рѣзкое различіе лѣтъ, все вмѣстѣ. Въ этой умасной толпѣ толкается и пьяный бродяга, сюда же заходитъ и титулованный богачъ. Слышны ругательства, ссоры, зазыванье и тихій, призывный шопотъ еще робкой красавицы. И какая иногда красота! Лица точно изъ кипсековъ. Помню разъ я зашелъ въ одно «Casino». Тамъ гремѣла музыка, шли танцы, толпалась бездна народу. Убранство было великолѣпное. Но мрачный характеръ не оставляетъ англичанъ и среди веселья: они танцуютъ серьезно, даже угрюмо, чуть не выдѣлывая на и какъ-будто по обязанности. Наверху, въ галереѣ, я увидѣлъ одну дѣвушку и остановился просто изумленный: ничего подобнаго такой идеальной красотѣ я еще не встрѣчалъ никогда. Она смѣяла за столикомъ вмѣстѣ съ молодымъ человѣкомъ, кажется богатшаго джентльменомъ, и по всему видно непривычнымъ посетителемъ казино. Онъ можетъ-быть отыскивалъ ее и наконецъ они смѣдились или условились видѣться здѣсь. Онъ мало говорилъ съ нею и все какъ-то отрывисто, какъ-будто не о томъ, о чемъ они хотѣли бы говорить. Разговоръ часто прерывался долгимъ молчаніемъ. Она тоже была очень грустна. Черты лица ея были нѣжны, тонки. что-то затаенное и грустное было въ ея прекрасномъ и немного гордомъ взглядѣ, что-то мыслящее и тоскующее. Миѣ кажется у ней была чахотка. Она была, она не могла не быть выше всей этой толпы несчастныхъ женщинъ своимъ развитіемъ: вѣче чтоже значить лицо человѣческое? А между тѣмъ она тутъ же пила джинъ, за который заплатилъ молодой человѣкъ. Наконецъ онъ всталъ, пожалъ ей руку и они разошлись. Онъ ушелъ изъ казино, а она, съ румянцемъ, разгорѣвшимся отъ водки густыми пятнами на ея блѣдныхъ щекахъ, пошла и затерялась въ толпѣ промышляющихъ женщинъ. Въ Гай-

Марковъ я замѣтилъ матерей, которыя приводятъ на промыселъ своихъ малолѣтнихъ дочерей. Маленькія дѣвочки лѣтъ по двѣнадцати хватаютъ васъ за руку и просятъ чтобъ вы шли съ ними. Помню разъ, въ толпѣ народа, на улицѣ, я увидалъ одну дѣвочку, лѣтъ шести не болѣе, всю въ лохмотьяхъ, грязную, босую, испитую и кажется избитую: просвѣчивавшее свѣозъ лохмотья тѣло ея было въ синякахъ. Она шла какъ бы не помня себя, не торопясь никуда, богъ-знаетъ зачѣмъ шатаясь въ толпѣ; можетъ-быть она была голодна. На нее никто не обращалъ вниманія: Но что болѣе всего меня поразило, — она шла съ видомъ такого горя, такого безвыходнаго отчаянія на лицѣ, что видѣть это маленькое созданіе, уже несущее на себѣ столько проклятій и отчаяній, было даже какъ-то неестественно и ужасно больно. Она все начала своей исключенной головой изъ стороны въ сторону, точно рассуждая о чемъ-то, раздвигала врозь свои маленькія руки, жестикулируя ими, и потомъ вдругъ сплескивала ихъ вѣстрѣ и прижимала къ своей голенькой груди. И веротился в даль ей полшилллинга. Она взяла серебряную монетку, потомъ даже съ боязливымъ изумленіемъ посмотрѣла мнѣ въ глаза и вдругъ бросилась бѣжать со всѣхъ ногъ назадъ, точно боясь, что я отниму у ней деньги. — Вообще предметы игривые...

И вотъ, разъ ночью, въ толпѣ этихъ потерянныхъ женщинъ и развратниковъ остановила меня женщина, торопливо пробиравшаяся свѣозъ толпу. Она была одѣта вся въ черномъ, въ шляпкѣ почти закрывавшей ея лицо; я почти и не успѣлъ разглядѣть его; помню только пристальный ея взглядъ. Она сказала что-то что я не могъ разобрать ломанымъ французскимъ языкомъ, сунула мнѣ въ руку какую-то маленькую бумажку и быстро прошла далѣе. У освѣщеннаго окна кофейной я рассмотрѣлъ бумажку: это былъ маленькій квадратный лоскутокъ; на одной сторонѣ его было напечатано: «Crois tu cela?» На другой сторонѣ, по французски же: «Авъ есмь воскресеніе и животь...» и т. д. нѣсколько извѣстныхъ строкъ. Согласитесь, что это тоже довольно оригинально. Мнѣ растолковали потомъ, что это католическая пропаганда, шныряющая всюду, упорная, неустанная. То раздаются эти бумажки на улицахъ, то книжки, состоящія изъ разныхъ отдѣльныхъ выдержекъ изъ евангелія и библии. Раздаютъ ихъ даромъ, навязываютъ, суютъ въ руки. Пропагаторовъ бездна и мужчинъ и женщинъ. Это пропаганда

тонкая и расчетливая. Католическій священникъ самъ выслѣдитъ и вторгнется въ бѣдное семейство какого-нибудь работника. Найдетъ онъ напимѣрь больного, лежащаго въ отребьи на сыромъ полу, окруженнаго одичавшими съ голоду и съ холоду дѣтьми, съ голодной, а зачастую и пьяной женой. Онъ всѣхъ накормитъ, одѣнетъ, обогрѣетъ, начнетъ лечить больного, покупаетъ лекарство, дѣлается другомъ дома и подъ кѣнecъ обращаетъ всѣхъ въ католичество. Иногда, впрочемъ уже послѣ излеченія, его прогоняютъ съ ругательствами и побоями. Онъ не устаетъ и идетъ къ другимъ. Его оттуда вытолкаютъ; онъ все смекнетъ, но ужь когонибудь да уловитъ. Англиканскій же священникъ не пойдетъ къ бѣдному. Бѣдныхъ и въ церковь не пускаютъ, потому что имъ нечѣмъ заплатить за мѣсто на скамьѣ. Браки между работниками и вообще между бѣдными почти зачастую незаконныя, потому что дорого стоитъ вѣнчаться. Кстати, многіе изъ этихъ мужей ужасно бьютъ своихъ жонъ, уродуютъ ихъ на смерть и больше все кочергами, которыми разворачиваются въ камияѣ уголья. Это у нихъ какой-то уже опредѣленный къ битью инструментъ. Покрайней-мѣрѣ въ газетахъ, при описаніи семейныхъ ссоръ, увѣщій и убійствъ, всегда упоминается кочерга. Дѣти у нихъ, чуть-чуть подростши, зачастую идутъ на улицу, сливаются съ толпой и подконецъ не возвращаются къ родителямъ. — Англиканскіе священники и епископы горды и богаты, живутъ въ богатыхъ приходахъ и жирѣютъ въ совершенномъ спокойствіи совѣсти. Они большіе педанты, очень образованы и сами важно и серьезно вѣрятъ въ свое тупо-нравственное достоинство, въ свое право читать спокойную и самоуверенную мораль, жирѣть и жить для богатыхъ. Это религія богатыхъ и ужь тутъ безъ маски. Покрайней-мѣрѣ — рационально и безъ обмана. У этихъ убѣжденныхъ до отупѣнія профессоръ религіи есть одна своего рода забава: это миссіонерство. Исходить всю землю, зайдуть въ глубь Африки, чтобъ обратить одного дикаго и забываютъ миллионъ дикихъ въ Лондонѣ, за то что у тѣхъ нечѣмъ платить имъ. Но богатые англичане и вообще всѣ тамошніе золотые тельцы чрезвычайно религіозны, мрачно, угрюмо и своеобразно. Англійскіе поэты испоконъ вѣку любятъ восхвалять красоту пасторскихъ жилищъ въ провинціи, освѣщенныхъ столѣтними дубами и вязами, ихъ добродѣтельныхъ жонъ и идеально прекрасныхъ, бѣлокурыхъ дочерей съ голубыми глазами.

Но когда проходитъ ночь и начинается день, тотъ же гордый и мрачный дух снова царственно проносится надъ исполкискимъ городомъ. Онъ не тревожится тѣмъ что было ночью, не тревожится и тѣмъ что видитъ кругомъ себя днемъ. Вааль царить и даже не требуетъ покорности, потому что въ ней убѣжденъ. Вѣра его въ себя безгранична; онъ презрительно и спокойно, чтобъ только отвязаться, подаетъ организованную милостыню и затѣмъ поколебать его самобувренность невозможно. Вааль не прячетъ отъ себя, какъ дѣлаютъ напримѣръ въ Парижѣ, иныхъ докихъ, подозрительныхъ и тревожныхъ явленій жизни. Бѣдность, страданіе, ропотъ и оупѣніе массы его не тревожатъ нисколько. Онъ презрительно позволяетъ всѣмъ этимъ подозрительнымъ и злоувѣщимъ явленіямъ жить рядомъ съ его жизнью, подлѣ, на лаву. Онъ не старается, трусливо, какъ парижанинъ, усиленно разувѣрять себя, ободрять и доносить самому себѣ, что все спокойно и благополучно. Онъ не прячетъ, какъ въ Парижѣ, куда-то бѣдныхъ, чтобъ тѣ не тревожили и не пугали напрасно его сна. Парижанинъ какъ птица страусъ любитъ затыкать свою голову въ песокъ, чтобъ такъ ужь и невидать наступающихъ его охотниковъ. Въ Парижѣ... Но однако чтожъ это я! Я опять не въ Парижѣ... Да когда жъ это, Господи, я приучусь къ порядку...

ГЛАВА VI

ОПЫТЪ О БУРЖУА

Отчего же здѣсь все это ежится, отчего все это хочетъ равняться на мелкую монету, стѣспиться, ступешаваться; «нѣтъ меня, нѣтъ совсѣмъ на свѣтѣ; я спрятался, проходите пожалуйста мимо и не замѣчайте меня, сдѣлайте видъ какъ-будто вы меня не видите, проходите, проходите!»

— Да о комъ вы говорите? Кто ежится?

— Да буржуа.

— Помните, онъ король, онъ все, *le tiers état c'est tout*, а вы — ежится!

— Да-съ, а отчего онъ такъ спрятался подъ императора Наполеона? Отчего онъ забылъ высокій слогъ въ палатѣ депутатовъ, который онъ такъ любилъ прежде? Отчего онъ не хочетъ

ничего вспоминать и руками машеть, когда ему напомнят о чем-нибудь, что было въ старину? Отчего у него тотчасъ же, на умѣ и въ глазахъ, и на языкѣ тревога, когда другіе чего-нибудь осмѣлятся пожелать въ его присутствіи? Отчего, когда онъ самъ сдуру разблажится и чего-нибудь вдругъ пожелаетъ, то тотчасъ же вздрогнетъ и начинаетъ открещиваться: «Господи! да что это я наконецъ!» и долго еще послѣ того совѣстливо старается заглядать свое поведеніе стараніемъ и послушаніемъ? Отчего онъ смотритъ и чуть не говоритъ: «Вотъ, поторгую сегодня маленько въ лавочкѣ, да Богъ дастъ завтра опять поторгую, можетъ и послѣ завтра, если будетъ великая милость Господня... Ну а тамъ, а тамъ, только бы вотъ поскорѣе накопить хоть крошечку, и — *après moi le déluge?*» Отчего онъ куда-то прибралъ всѣхъ бѣдныхъ и увѣрять, что ихъ совсѣмъ нѣтъ? Отчего онъ довольствуется казенной литературой? Отчего ему ужасно хочется увѣрять себя, что его журналы неподкупны? Отчего онъ соглашается давать столько денегъ на шпионовъ? Отчего онъ не смѣетъ пикнуть слова о мексиканской экспедиціи? Отчего въ театрѣ мужья выставляются въ такомъ благороднѣйшемъ и денежномъ видѣ, а любовники все такіе оборванные, безъ мѣста и безъ протекціи, прикацики какіе-то или художники, дрянцо въ высочайшей степени? Отчего ему мерещится, что эпюзы всѣ до единой вѣрны до послѣдней крайности, что фойе благоденствуетъ, *rot-au-feu* варится на добродѣтельнѣйшемъ огнѣ, а головная прическа въ самомъ лучшемъ видѣ, въ какомъ только можно себѣ представить? Насчетъ прически ужъ это такъ непремѣнно рѣшено, такъ ужъ условлено, безо всякихъ разговоровъ, такъ, само собою условилось, и хотя поминутно проѣзжаютъ по бульварамъ фіакры съ опущенными столами, хотя вездѣ есть пріюты для всѣхъ интересныхъ надобностей, хотя туалеты эпюзъ даже и весьма часто дороже, чѣмъ можно бы было предположить, суля по карману супруга, но такъ рѣшено, такъ подписано и чего же вамъ болѣе? А почему такъ рѣшено и подписано? Какже-съ: если не такъ, такъ вѣдь пожалуй подумаютъ, что идеалъ не достигнутъ, что въ Парижѣ еще не совершенный рай земной, что можно пожалуй чего-нибудь еще пожелать, что стало-быть буржуа и самъ не совершенно доволенъ тѣмъ порядкомъ, за который стоитъ и который всѣмъ навязывать; что въ обществѣ есть прорѣхи, которыя на-

до чинять. Вотъ почему буржуа и замазываетъ дырочки на сапогахъ чернилами, только бы боже-сохрани чего не замѣтили! А эпюзы кушаютъ конфетки, гонтируются, такъ что русскія барыни въ отдаленномъ Петербургѣ имъ завидуютъ до истерики, показываютъ свои ножки и преграціозно приподымаютъ свои платья на бульварахъ. Чего же болѣе для совершеннаго очестья? Вотъ почему заглавія романовъ, какъ напримѣръ «Жена, мужъ и любовникъ» уже невозможны при теперешнихъ обстоятельствахъ, потому что любовниковъ нѣтъ и не можетъ быть. И будь ихъ въ Парижѣ также много, какъ песку морского (а въ тамъ можетъ в больше), все-таки ихъ тамъ нѣтъ и не можетъ быть, потому что такъ рѣшено и подписано, потому что все блестятъ добродѣтелями. Такъ надо, чтобъ все блестяло добродѣтелями. Если посмотрѣть на большой дворъ въ Палероялѣ вечеромъ, до одиннадцати часовъ ночи, то придется непрѣмъно пролить слезу умиленія. Безчисленные мужья прогуливаются съ своими безчисленными эпюзами подъ руку, кругомъ рѣзвятся ихъ шилыя и благоправныя дѣтки, фонтанчикъ шумитъ и однообразнымъ плескомъ струй напоминаетъ вамъ о чемъ-то покойномъ, тихомъ, всегдашнемъ, постоянномъ, гейдельбергскомъ. И вѣдь не одинъ фонтанчикъ въ Парижѣ шумитъ такимъ образомъ: фонтанчиковъ много, и вездѣ тоже, тоже самое, такъ что сердце радуется.

Потребность добродѣтели въ Парижѣ неугасима. Теперь франдузъ серьезенъ, солиденъ и даже часто умиляется сердцемъ, такъ что я не понимаю, почему даже до сихъ поръ онъ такъ ужасно чего-то труситъ, труситъ, несмотря даже на всю *gloire militaire*, процвѣгающую во Франціи и за которую *Jacques Bonhomme* такъ дорого платитъ. Парижанинъ ужасно любитъ торговать, но кажется и торгуя и облупливая васъ какъ лягуку въ своемъ магазинѣ, онъ облупливаетъ не просто для барышей, какъ бывало прежде, а изъ добродѣтели, изъ какой-то священнѣйшей необходимости. Накопить fortuna и имѣть какъ можно больше вещей, это обратилось въ самый главный кодексъ нравственности, въ катихизмъ парижанина. Это и прежде было, но теперь, теперь это имѣетъ какой-то такъ-сказать священнѣйшій видъ. Прежде хоть что-нибудь призывалось кромѣ денегъ, такъ что человекъ и безъ денегъ; но съ другими качествами, могъ рассчитывать хоть на какое-нибудь уваженіе; ну, а теперь ни-ни

Теперь надо накопить денюжки и завести какъ можно больше вещей, тогда и можно рассчитывать хоть на какое-нибудь уваженіе. И не только на уваженіе другихъ, но даже на самоуваженіе нельзя иначе рассчитывать. Парижанинъ себя въ грошъ не ставитъ если чувствуетъ, что у него карманы пусты, и это сознательно, совѣстно, съ великимъ убѣжденіемъ. Вамъ позволяютъ удивительныя вещи, если у васъ только есть деньги. Бѣдный Сократъ есть только глупый и бредный фразеръ, и уважается только развѣ на театрѣ, потому что буржуа все еще любитъ уважать добродѣтель на театрѣ. Странный человекъ этотъ буржуа: провозглашаетъ прямо, что деньги есть высочайшая добродѣтель и обязанность человѣческая, а между тѣмъ ужасно любитъ поиграть и нѣ высшее благородство. Все французы имѣютъ удивительно благородный видъ. У самого подлаго француза, который за четвертакъ продастъ вамъ родного отца, да еще самъ, безъ спросу, прибавитъ вамъ что-нибудь въ придачу, въ то же время, даже въ ту самую минуту, какъ онъ вамъ продастъ своего отца, такая внушительная осанка, что на васъ даже наваляется недоумѣніе. Войдите въ магазинъ купить что-нибудь, и послѣдній приказчикъ раздавитъ, просто раздавитъ васъ своимъ неизъяснимымъ благородствомъ. Это тѣ самые приказчики, которые служатъ моделью самаго сублительнаго суперфлю для нашего михайловскаго театра. Вы подавлены, вы просто чувствуете себя въ чемъ-то виноватымъ передъ этимъ приказчикомъ. Вы пришли, на примѣръ, чтобъ издержать десять франковъ, а между тѣмъ васъ встрѣчаютъ какъ лорда Девоншира. Вамъ тотчасъ же дѣлается отчего-то ужасно совѣстно, вамъ хочется прискорбѣй увѣрить, что вы вовсе не лордъ Девонширъ, а только такъ себѣ скромный путешественникъ и вошли, чтобъ купить только на десять франковъ. Но молодой человекъ самой счастливейшей чужестранности и съ неизъяснимѣйшимъ благородствомъ въ душѣ, при видѣ котораго вы готовы себя признать даже поддемомъ (потому что ужъ до такой степени онъ благороденъ!), дачинаетъ вамъ развѣртывать товару на десятки тысячъ франковъ. Онъ въ одну минуту забросалъ для васъ весь прилавокъ, и какъ подумаетъ тутъ же, сколько ему бѣднячку придется послѣ васъ опять развѣртывать, ему Грандисону, Алкивиаду, Монморанси, да еще послѣ кого? послѣ васъ, имѣвшаго дерзость съ вашей незавидной чужестранностью, съ вашими пороками и недостатками,

съ самыми отвратительными десятию франками пруды беспокоитъ такого маркиза, — какъ подумаешь все это, то поневоле́ сминешь, тутъ же за прилавкомъ, начинаешь въ высочайшей степени презирать себя. Вы раскаяваетесь и проклинаете судьбу зайти у васъ въ карманъ теперь только сто франковъ; вы бросаете ихъ, прося взглядомъ прощенья. Но вамъ великодушно завертываютъ товаръ на ваши мизерные сто франковъ, прощають вамъ всю тревогу, все безпокойство, которое вы произвели въ магазинъ и вы спѣшите какъ-нибудь воскорѣе слушаться. Придя домой, вы ужасно удивляетесь, что хотѣли истратить только десять франковъ, а истратили его. Сколько разъ, прокодя бульвары или Rue Vivienne, гдѣ столько громадныхъ магазиновъ съ галатерейностями, я мечталъ про себя: вотъ бы махнуть сюда русскяхъ барынь в... но о томъ что слѣдуетъ дальше, лучше всего знаютъ прикащики и старосты въ орловскихъ, тамбовскихъ и разныхъ прочихъ губерніяхъ. Русскія вообще ужасно хочется показать въ магазинахъ, что у нихъ необъятно много денегъ. Зато находите же на свѣтѣ такое безстыдство, какъ наприимѣръ въ англичанкахъ, которыя не только не смущаются, что какой-нибудь Адонисъ, Вильгельмъ Тель забросалъ для нихъ весь прилавокъ товарами и переверотилъ весь магазинъ, но даже начинаютъ, о ужасъ! торговаться въ-за какихъ-нибудь десяти франковъ. Но и Вильгельмъ Тель не промахъ: ужь онъ отплатитъ за себя, и за какую-нибудь шаль въ тысячу пятьсотъ франковъ слушать съ миледи двѣнадцать тысячъ, да еще такъ, что та остается совершенно довольна. Но несмотря на то буржуа до страсти любитъ невъяснимое благородство. На театрѣ подавай ему непремѣнно безсребренничью. Гюставъ долженъ сіять только однимъ благородствомъ и буржуа плачетъ отъ удивленія. Безъ невъяснимаго благородства онъ и спать не можетъ спокойно. А что онъ вялъ двѣнадцать тысячъ въсто тысячъ пятисотъ франковъ, то это даже обязанность: онъ вялъ изъ добродѣтели. Воровать гадко, вѣдло, — за это на галеры; буржуа многое готовъ простить, но не простить воровства, хотя бы вы или дѣти ваши умерли съ голоду. Но если вы украдете вещь добродѣтели, о, нимъ тогда совершенно все прощается. Вы стало-быть хотите faire fortune и накопить много вещей, т. е. исполнить долгъ природы и чело́вѣчества. Вотъ почему въ кодексѣ совершенно ясно обозначены пункты воров-

ства изъ низкой цѣли, т. е. изъ-за какого-нибудь куски каѣба и воровство изъ высокой добродѣтели. Последнее въ высочайшей степени обезпечено, поощряется и необыкновенно прочно организовано.

Почему же наконецъ — опять-таки а все на прежнее — почему же наконецъ буржуа до сихъ поръ какъ-будто чего-то труситъ, какъ-будто на въ своей тарелкѣ сидитъ? Чего ему боятся? Парлеровъ, фразеровъ? Да вѣдь они никакъ одиныхъ толчкомъ ноги пошлетъ теперь къ чорту. Доводовъ чистаго разума? Да вѣдь разумъ оказался несостоятельнымъ передъ дѣйствительностью, да сверхъ того сами-то разумные, сами-те ученые начинаютъ унитъ теперь, что нѣтъ доводовъ чистаго разума, что чистаго разума и не существуетъ на свѣтѣ, что атомическая логика неприменима къ человѣчеству, что есть разумъ Ивановъ, Петровъ, Гюставовъ, а чистаго разума совсѣмъ не бывало; что это только несомнительная выдумка восемнадцатаго столѣтiя. Кого же бояться? работниковъ? Да вѣдь работники тоже всѣ въ душѣ собственники: весь идеалъ ихъ въ томъ, чтобъ быть собственниками и накопить какъ можно больше вещей; такая ужъ натура. Натура даромъ не дается. Все это вѣками возвращено и вѣками воспитано. Национальность не легко передѣлывается, не легко отстать отъ вѣковыхъ привычекъ, вошедшихъ въ плоть и кровь. Земледѣльцевъ? Да вѣдь французскiе земледѣльцы архисобственники, самые тупые собственники, т. е. самый лучший и самый полный идеалъ собственника, какой только можно себя представить. Комунистовъ? Соціалистовъ наконецъ? Но вѣдь этотъ народъ сильно въ свое время профершился, и буржуа въ душѣ глубоко его презираетъ; презираетъ, а между тѣмъ все-таки боится. Да; вотъ этого-то народа онъ до сихъ поръ и боится. А чего бы кажется бояться? Вѣдь предрекъ же аббатъ Сиейсъ въ своемъ знаменитомъ памфлетѣ, что буржуа — это все. «*Что такое tiers-état? Ничего. Чимъ должно оно быть? Всѣмъ.*» Ну, такъ и случилось какъ онъ сказалъ. Оди только эти слова и осуществились изъ всѣхъ словъ, сказанныхъ въ то время; они оди и остались. А буржуа все еще какъ-то не вѣрять, несмотря на то, что все что было сказано: всѣ слова Сиейса сбродило и погнуло какъ мыльный пузырь. Въ самомъ дѣлѣ: провозглашена скорѣ послѣ него: *liberté, égalité, fraternité*. Очень хорошо-съ. Что такое *liberté*? Свобода. Какая

свобода? — Единственная свобода всѣмъ дѣлать все что угодно въ предѣлахъ закона. Когда можно дѣлать все что угодно? Когда никто не мешаетъ. Даетъ ли свобода каждому по мильону? Нѣтъ. Что такое человекъ безъ мильона? Человекъ безъ мильона есть не тотъ, который дѣлаетъ все что угодно, а тотъ съ которымъ дѣлаютъ все что угодно. Чтожъ изъ этого слѣдуетъ? А слѣдуетъ то, что кромѣ свободы есть еще равенство, и именно равенство передъ закономъ. Пре это равенство передъ закономъ можно только одно сказать, что въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь предлагается, каждый французъ можетъ и долженъ принять его за личную для себя обиду. Чтожъ остается изъ формулы братство. Ну, эта статья самая курьезная и надо признаться даже жъ горь составляетъ главный камень преткновения на Зенитѣ. Землемѣръ неловицъ толкуетъ о братствѣ какъ о великой движущей силѣ человечества и недогадывается, что негдѣ вольтъ братства, волю его нѣтъ въ дѣйствительности. Что дѣлать? Надо слѣлать братство во что бы ни стало. Но оказывается, что слѣлать братства нельзя, потому что оно само дѣлается, дается, въ природѣ находится. А въ природѣ французской да и вообще западной его нѣтъ. Оно не оказалось, а оказалось начало личное, начало, особика, усиленная самосохраненія, самовромышленія, самоопредѣленія въ своемъ собственномъ Я, сопоставленія этого Я всей природѣ и всѣмъ остальнымъ людямъ какъ самоправнаго отдѣльнаго начала, совершенно равнаго и равноцѣннаго всему тому что есть кромѣ него. Ну, а изъ такого самопоставленія не могло произойти братства. Почему? Потому что въ братствѣ, въ настоящемъ братствѣ, не отдѣльная личность, не Я, должна хлопотать о правѣ своей равноцѣнности и равноцѣнности со всѣмъ остальнымъ, а все-то это *остальное* должно бы было само притти къ этой требующей права личности, къ этому отдѣльному Я и само, безъ его просьбы, должно бы было признать его равноцѣннымъ и равноправнымъ себѣ, т. е. всему остальному что есть на свѣтѣ. Мало того, сама-то эта бунтующая и требующая личность прежде всего должна бы была все свое Я, все себя пожертвовать обществу и не только не требовать своего права, но надпротнть отдать его обществу безъ всякихъ условій. Но западная личность не привыкла къ такому ходу дѣла: она требуетъ съ бою, она требуетъ права, она хотѣтъ дѣлаться. — Ну, и не выходитъ братства. Конечно можно

переродиться? Но перерождение это совершается тысячами, ибо подобны идеи должны сначала въ нравъ и филозю войти, чтобы стать дѣйствительностью. Чтожь, скажете вы мнѣ, надо быть безличностью чтобы быть счастливымъ? Развѣ въ безличности спасеніе? Напротивъ, напротивъ, говорю я, не только не надо быть безличностью, но именно надо быть личностью; да ие гораздо въ высочайшей степени; къ тому, которая теперь опредѣлилась на Западѣ. Поймите меня: самовольное, совершенно сознательное и явкимъ непринужденное самопожертвованіе всего себя въ пользу всѣхъ есть поистинѣ призывъ къ высочайшаго развитія личности, высочайшаго ее могущества; высочайшаго самообладанія, высочайшей свободы общественной воли. Добровольно положить свой животъ за всѣхъ, пойти за всѣхъ на крестъ, на костеръ, можно только сдѣлать при самомъ сильномъ развитіи личности. Сильно развитая личность, вполне увѣренная въ своемъ правѣ быть личностью, уже не любящая за себя никакого страха, ничего не можетъ и сдѣлать другого изъ своей личности, то есть никакого болѣе употребленія, какъ отдать ее всю всѣмъ, чтобы и другіе все были точно такими же самоправными и счастливыми личностями. Это законъ природы; къ этому тянетъ нормально человека. Но тутъ есть одинъ волосокъ, одинъ самый тоненькій волосокъ, но который если попадетъ подъ машину, то все разомъ треснетъ и разрушится. Именно: бѣда ишть при этомъ случаѣ хоть какой-нибудь самый малѣйшій расчетъ въ пользу собственной выгоды. Напримеръ: я приношу и жертвую всего себя для всѣхъ; ну вотъ и надо чтобы я жертвовалъ себя совсѣмъ, окончательно безъ мысли о выгодѣ, отнюдь не думая, что вотъ я пожертвую обществу всего себя и за это само общество отдастъ мнѣ всего себя. Надо жертвовать именно такъ, чтобы отдавать все и даже желать, чтобы тебѣ ничего не было выдано за это обратное, чтобы на тебя никто ни въ чемъ не изубыточился. Какъ же это сдѣлать? Вѣдь это все равно что не вспоминать о блонѣ медвѣди. Попробуйте задать себѣ задачу: не вспоминать о блонѣ медвѣди и увидите, что онъ проклятый будетъ поминутно напоминаться. Какъ же сдѣлать? Сдѣлать никакъ нельзя, и надо чтобы оно само собой сдѣлалось, чтобы оно было въ натурѣ, безсознательно въ природѣ всего племени заключаемое; однимъ словомъ: чтобы было братское, любящее ничто; — надо любить.

Надежь чтобъ самого инстинктивно являло на братство, общину, на согласие, и тянуло, несмотря на всѣ вѣковыя страданія нации, несмотря на варварскую грубость и жестокость, укоренивъ себя въ націю, несмотря на вѣковое рабство, на пашествія иноземныяжакель, однимъ словомъ чтобъ потребность братской общины была въ натурѣ человѣка, и чтобъ онъ съ тѣмъ и родился, или сделалъ себѣ такую привычку искони вѣковъ. Въ чемъ состояло-бы это братство, еслибъ переложить его на разумный, сознательный дрыкъ? Въ томъ, чтобъ каждая отдѣльная личность сама, безо всякаго принужденія, безо всякой выгоды для себя сказала бы обществу: «мы крѣпки только всѣ вмѣстѣ, возьмите же меня всего, если вамъ во мнѣ надобность, же дуйте обо мнѣ и удавая свои законы, не заботьтесь нисколько о всѣхъ моихъ правахъ, вамъ отдаю и пожалуста располагайте мною. Это высшее счастье мое — вамъ всѣмъ пожертвовать и чтобъ вамъ за это не было никакого ущерба. Уничтожусь, сольюсь съ мыслями безразличныхъ, только бы да еще-то братство встать надо и осталось». А братство напротивъ должно сказать: «ты единично много даешь намъ. То что ты даешь намъ, мы не отдаемъ тебѣ, ибо ты самъ говоришь, что въ этомъ состоитъ твое счастье; но что же дѣлать, когда у насъ безпрестанно болитъ сердце и за твое счастье. Возьми же все и отъ насъ. Мы всѣми силами будемъ стараться поминутно, чтобъ у тебя было даже можно больше личной свободы, какъ можно больше самопроявленія. Никакихъ враговъ, ни людей, ни природы теперь не бойся. Мы всѣ за тебя, мы всѣ гарантируемъ тебѣ безопасность, мы неустанно о тебѣ стараемся, потому что мы братья, мы всѣ твои братья, а насъ много и мы сильны; будь же ты смелъ, смелее и болѣе, ничего не бойся и надѣйся на насъ».

Послѣ этого разумѣется ужъ чего дѣлаться, тутъ ужъ все само собой раздѣлается. Любите другъ друга и все сіе вамъ предложится.

— Эка гвалтъ въ слухъ дѣлать утопія, господа! Все основано на чувствѣ, на натурѣ, а не на разумѣ. Видѣ это даже какъ-будто умнженіе для разума. Какъ вы думаете? Утопія это или вѣтъ? — Но опять таки что же дѣлать социалисту, если въ западномъ человѣчій интъ, братскаго начала, и напрогиды начало единства, единства, базисерявно обособляется, требующее въ себѣ отъ другъ другихъ правъ. Соціалистъ видя, что интъ брат-

ства, начинается уговаривать на братство. За неимением брата, оне хочет сделать, составить братство. Чтобы сделать рагу из зайца, надо прежде всего зайца. Но зайца не ищется, т. е. не ищется натуры, способной къ братству, натуры, вносящей въ братство, которую само себѣ тищитъ на братство. Въ отчаяніи социалистъ начинаетъ дѣлать, опредѣлять будущее братство, расчитываетъ на вѣсъ и на шкуру, соблазняютъ выгодой, толкуютъ, учить, рассказываетъ сколько кому отъ этого братства выгоды придется, кто сколько выиграетъ; опредѣляютъ, чѣмъ каждая личность смотритъ, насколько тасовать и оправдываетъ заранѣ расчетъ благъ земныхъ; насколько кто-нѣ заслужить и сколько каждый за нихъ долженъ добровольно внести въ ущербъ своей личности въ общину. А ужъ наое тутъ братство, когда заранѣ дѣлается и опредѣляютъ кто сколько заслужилъ и что каждому надо дѣлать? Впрочемъ провозглашена была формула: «каждый для всѣхъ и всѣ для каждого». Ужъ лучше этого разумѣется ничего нельзя было выдумать, чѣмъ болѣе что вся формула цѣлкомъ взята изъ одной всѣмъ известной книжки. Но вотъ начали прикладывать эту формулу къ дѣлу и черезъ шесть мѣсяцевъ братья потянули основателя братства Исабета къ суду. Фурьеристы говорятъ взяли свои послѣднія деньги, сотъ тысячъ франковъ изъ своего капитала, а все еще пробуешь, какъ бы устроить братство. Ничего не выходитъ. Конечно есть великая приманка жить хоть не на братскомъ, а чисто на разумномъ основаніи, т. е. хорошо, когда тебя всѣ гарантируютъ и требуютъ отъ тебя только работы и согласія. Но тутъ опять выходитъ загадка: кажется ужъ совершенно гарантируютъ человека, обѣщаются кормить, пить его, работу ему доставить и все это требуютъ съ него только самую кашельку его личной свободы для общаго блага, самую, самую кашельку. Нѣтъ, не хочеть жить человекъ и на этихъ расчетахъ, ему и кашелька тяжела. Ему все кажется съ дуру, что это острогъ и что самому по себѣ лучше, потому — полная воля. И вѣдь на волѣ бить его, работы ему не даютъ, умираеть онъ съ голоду и воли у него нѣтъ никакой, такъ нѣтъ же, все-таки кажется чудану, что своя воля лучше. Разумѣется социалисту приходится плюнуть и сказать ему, что онъ дуракъ, не доросъ, не сообразъ и не выискиваетъ своей собственной выгоды; что муравей, чашей-нибудь безсловесный, ничтожный муравей его умреть, потому что

въ муравейникѣ все такъ хорошо, все такъ разлнновано, все снты, счастливы, каждый знаетъ свое дѣло, однимъ словомъ: далеко еще человѣку до муравейника!

Другими словами: хоть и возможенъ социализмъ, да только гдѣ-нибудь не во Франціи.

И вотъ въ самомъ послѣднемъ отчаяніи социалисты провозглашаютъ наконецъ: *liberté, égalité, fraternité ou la mort*. Ну ужь тутъ нечего говорить, а буржуа окончательнo торжествуетъ.

— А если буржуа торжествуетъ, такъ стало-быть и сбылась формула Сіисеса буквально и въ послѣдней точности. И такъ буржуа все, отчего-жъ онъ конфузится, отчего ежится, чего боится? Всѣ обрешдали, всѣ передъ нимъ оказались несостоятельными. Прежде, при Луи-Филиппѣ наприимѣръ, буржуа вовсе не такъ конфузился и боялся, а вѣдь онъ и тогда царь. Да, не онъ тогда еще боролся, предчувствовалъ, что ему есть враги и послѣдній разъ раздѣлался съ ними на коньскихъ баррикадахъ ружьемъ и штыномъ. Но бой кончился, и наружъ буржуа увидалъ, что онъ одинъ на землѣ, что лучше себѣ ужь и вѣтъ ничего, что онъ идеалъ, и что ему осталось теперь, не то чтобъ какъ прежде увѣрять весь свѣтъ, что онъ идеалъ, а просто спокойно и величаво позировать всему свѣту въ видѣ послѣдней красоты и всевозможныхъ совершенствъ человеческихъ. Положеніе какъ хотите конфузное. Выручилъ Наполеонъ III. Онъ какъ съ неба имъ упалъ, какъ единственный выходъ изъ затрудненія, какъ единственная тогдашняя возможность? Съ тѣхъ самыхъ поръ буржуа благоденствуетъ, за благоденствіе свое платитъ ужасно, и всего боится, именно потому что всего достигъ. Когда всего достигнешъ, тяжело становится все потерять. Изъ этого прямо выходитъ, друзья мои, что кто наиболѣе боится, значить тотъ наиболѣе благоденствуетъ. Не смѣйтесь пожалуйста. Вѣдь что же такое теперь буржуа?

ГЛАВА VII

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПРЕДЫДУЩАГО

И потому между буржуа столько лакеевъ, да еще при такой благородной наружности? Пожалуйста не обвиняйте меня, не кри-

чите, что я преувеличиваю, клевету, что вы мне говорите зависть. Къ чему? къ кому? зачѣмъ зависть? Просто много можете и это такъ. Лакейство выдвигается въ натуру буржуа все болѣе и болѣе, и все болѣе и болѣе считается добродѣтелью. Такъ и должно быть при теперешнемъ порядкѣ вещей. Естественное слѣдствіе. А главное, главное — натура помогаетъ. Я ужь не говорю наиримѣръ, что въ буржуа много прирожденнаго шпионства. Мое мнѣніе именно въ томъ состоитъ, что необычайное развитіе шпионства во Франціи, и не простого, а мастерскаго шпионства, шпионства по призванію, дешедшаго до искусства, имѣющаго свои научные приемы, происходятъ у насъ отъ врожденнаго лакейства. Какой идеально-благородный Гюставъ, если только онъ не имѣетъ еще вещей, не предоставить сеічасъ же за десять тысячъ франковъ письма своей возлюбленной и не выдастъ свою любовницу ея мужу? Можете вы преувеличиваю это, но можете-быть я говорю основываясь на какихъ-нибудь фактахъ. Французъ любитъ ужасно забѣгать впередъ, какъ-нибудь на глаза къ власти и слакейничать передъ ней что-нибудь даже совершенно безкорыстно; даже и не ожидая сѣчасшней награды, въ долгъ, яа книжку; вспомните всѣхъ этихъ искателей мѣстъ наиримѣръ при частой переимѣнѣ правительствъ, бывшихъ во Франціи. Вспомните какія шуточки и колѣнца они выдвѣливали и въ честь сами признавались; вспомните одинъ изъ ямбовъ Барбіе по этому поводу. Взялъ я разъ въ кафе одну газету отъ 3 іюля. Смотрю: письма изъ Виши. Въ Виши гостилъ тогда императоръ, ну и дворъ разумеется; была кавалькада, гулянья. Корреспондентъ все это описываетъ. Онъ начинается:

«У насъ много превосходныхъ наѣздниковъ. Разумеется тутъ тѣчасъ же угадали самаго блестящаго изъ всѣхъ: Его величество прогуливается каждый день, въ сопровожденіи своей свиты и т. д.»

Оно понятно, пусть увлекается блестящими качествами своего императора. Можно благоговѣть передъ его умомъ, расчетливостью, совершенствами и т. д. Такому увлекающемуся господину и нельзя сказать въ глаза, что онъ притворяется. «Мое убѣжденіе и кончено» отвѣтитъ онъ вамъ, ни дать ни взять какъ отвѣтятъ вамъ нѣкоторые изъ нашихъ современныхъ журналистовъ. Понимаете: онъ гарантированъ; ему есть что

намъ отъвѣчать, чтобы занять вамъ ротъ. Свобода совѣсти и убѣжденій есть первая и самая главная свобода въ мирѣ. Но тутъ съ своимъ случаемъ, что можетъ онъ вамъ отвѣтить? Тутъ вѣдь ужь онъ не смотритъ на законы дѣйствительности, ценивши всякое правдоподобіе и дѣлаетъ это намѣренно. А для чего бы казется это дѣлать намѣренно? Вѣдь ему никто не поѣрять. Сами набадники намѣрно этого не прочтутъ, а если и прочтутъ, то неужели французикъ, писавшій «correspondence», газета ее помѣстившая у себя и редація газеты, неужели жь всѣ они до того дураки, чтобы не разобрать, что владыкѣ вовсе не нужна слава перваго набадника во Франціи, что онъ подъ старость вовсе не рассчитываетъ на эту славу и конечно не поѣрять, если его будутъ увѣрять, что онъ самый ловкій набадникъ во всей Франціи; говорятъ онъ человекъ чрезвычайно умный. Нѣтъ-съ, тутъ другой расчетъ; пусть неправдоподобно, пусть само, пусть самъ владыка посметритъ на это съ отаращеніемъ и презрительнымъ смѣхомъ, пусть, пусть, но зато увидитъ слѣдную неискренность, увидитъ безграничное паданье до ногъ, рабство, глумленіе, неправдоподобное, но за то паданье до ногъ, а это главное. Теперь разсудите: если бы это было не въ духѣ націи, если бы такая пошлая лесть не считалась совершенно возможной, обыкновенной, довершено въ порядкѣ вещей и даже приличной. — возможно ли было бы помѣстить въ парижской газетѣ такую корреспонденцію? Гдѣ вы встрѣтите въ печати подобную лесть, кромѣ Франціи? Я именно потому и говорю о духѣ націи, что не одна газета такъ толкуетъ, а почти всѣ такія же въ такомъ-то точнѣ родѣ, кромѣ двухъ-трехъ несовсѣмъ зависимыхъ.

Сидѣлъ я разъ за однимъ табльдотомъ; это ужь было не въ Франціи, а въ Италіи, но за табльдотомъ было много французовъ. Толковали о Гарибальди. Тогда вездѣ толковали о Гарибальди. Это было недѣли за двѣ до Аспромонте. Разумѣется говорили загадочно; иные молчали и не хотѣли совсѣмъ высказываться; другіе качали головами. Общій смыслъ разговора былъ тотъ, что Гарибальди затѣвалъ дѣло рискованное, даже неблагоприятное; но конечно высказывали это мнѣніе съ недоговорками, потому что Гарибальди — человекъ до того всѣмъ не въ уровни, что у него пожалуй и выйдетъ благоразумно даже и то что по обыкновеннымъ соображеніямъ выходить слишкомъ рискованнымъ. Мало-помалу перешли собственно къ личности Га-

рибальди. Стали перечислять его качества, — приговоръ бѣшенъ довольно благопріятный для итальянскаго героя.

— Нѣтъ, я одному только въ немъ удивляюсь, громко проговорилъ одинъ французъ, пріятней и внушительней наружности, лѣтъ тридцати и съ отпечаткомъ въ лицѣ того необыкновеннаго благородства, которое до наказания бросается вамъ въ глаза во всѣхъ французахъ. — Одно только обстоятельство: немъ въ немъ наиболѣе удивляетъ!

Разумѣется всѣ съ любопытствомъ обратились къ оратору.

Новое качество, открытое въ Гарибальди, должно было быть для всѣхъ интереснымъ.

— Въ 60-мъ году, нѣкоторое время въ Неаполѣ, онъ пользовался неограниченною и самою безконтрольною властью. Въ рукахъ у него была сумма въ двадцать милліоновъ казенныхъ денегъ! Въ этой суммѣ онъ никому не давалъ отчета! Онъ могъ взять и утаить сколько угодно изъ этой суммы и никто бы съ него не спросилъ! Онъ не утаилъ ничего и сдалъ правительству все счетомъ, до послѣдняго су. Это почти безпримѣрно!

Даже глаза его разгорѣлись, когда онъ говорилъ о двадцати милліонахъ франковъ.

Про Гарибальди конечно можно рассказывать все что угодно. Но сопоставить имя Гарибальди съ хаптурками изъ казеннаго мѣшка, это разумѣется могъ сдѣлать только одинъ французъ.

И какъ наивно, какъ чистосердечно онъ это проговорилъ. За чистосердечіе разумѣется все прощается, даже утраченная способность пониманья и чутья настоящей чести; но заглянувъ въ лицо, такъ и заигравшее при воспоминаніи о двадцати милліонахъ, я совершенно печально подумалъ:

— А что, братъ, еслибъ ты вмѣсто Гарибальди находился тогда при казенномъ мѣшкѣ!

Вы скажете мнѣ, что это опять неправда, что все это только частные случаи, что и у насъ точно также происходитъ и что не могу же я ручаться за всѣхъ французевъ. Конечно такъ, и я не говорю про всѣхъ. Вездѣ есть неизъяснимое благородство, а у насъ можетъ быть даже и гораздо хуже бывало. Но въ добродѣтель-то, въ добродѣтель-то зачѣмъ возводить? Знаете что? можно быть даже и подлецомъ, да чуть о чести не потерять; а тутъ вѣдь очень много честныхъ людей, но зато чуть чести совершенно потеряли и потому подличаютъ невѣдалъ что творятъ, изъ

добродѣтели. Первое разумѣется пороки, но последнее имѣет
 хотѣе презрительнаго. Такой катихизисъ о добродѣтеляхъ состав-
 ляется худой свѣдѣнъ въ жизни нація. Ну, а насчетъ частныхъ
 случаевъ я не хочу съ вами спорить. Даже вся нація-то состоитъ
 изъ нѣзримыхъ только частныхъ случаевъ, не правда ли?

«Дайте я еще что думаю: Я полагаю быть ошибся и въ томъ,
 что буржуа блещетъ, что онъ все еще чего-то боится. Видится-то
 онъ дѣйствительно блещетъ; и побаивается, но если подвести
 погоню, то буржуа совершенно благоденствуетъ. Хотя онъ и самъ
 обманываетъ себя, хотя и докладываетъ себѣ панично, что все
 обстоитъ благополучно; но однакожъ это нисколько не мѣшаетъ
 наружной его самоуверенности. Мало того: даже и внутри онъ
 ужасно самоуверенъ, когда разыграется. Какъ все это въ насъ
 умножается въчетъ, — дѣйствительно задача, не это такъ. Вооб-
 щь буржуа очень не глупъ, но у него умъ какой-то коротенькой;
 какъ-будто отрывками. У него ужасно много запасено готовыхъ
 мыслей, точно дрова на зиму и онъ серьезно намѣревается пре-
 ладать съ нами хотъ тысячу лѣтъ. Впрочемъ чтоже тысячу лѣтъ?
 Про тысячу лѣтъ буржуа заговариваетъ рѣдко, только развѣ ко-
 гда приходится въ краснорѣчіе. «Après moi le déluge» тораздѣ упо-
 требительнаго и часто прилагается къ дѣлу. И какое ко всему ра-
 внодушіе, какіе малолетные, пустые интересы. Мнѣ случилось
 въ Парижѣ бывать въ обществѣ, въ домѣ, гдѣ въ мое время пе-
 ребывало множество людей. Точно все они какъ-будто боятся и
 заговорить о чемъ-нибудь необыденномъ, о чемъ-нибудь не такъ
 мелочномъ, о какихъ-нибудь всеобщихъ интересахъ, ну тамъ о
 какиахъ бы то ни было общественныхъ интересахъ. Тутъ не могли
 мнѣ казаться быть страхи шпионовъ, тутъ просто все разучились
 о чемъ-нибудь высказать и говорить посерьознѣе. Впрочемъ встрѣ-
 чались тутъ люди, которые ужасно интересовались какое впе-
 чатлѣніе на меня произвелъ Парижъ, насколько я благоговѣю,
 насколько я удивленъ, раздвоенъ, уничтоженъ. Французъ де-
 сикъ-портъ думаетъ, что онъ способенъ нравственно давать и уни-
 тожать. Это тоже довольно забавный признакъ. Особенно я помню
 одного провизора, прелебзнаго, предобрѣйшаго старичка,
 котораго я искренно полюбилъ. Онъ такъ и заглядывалъ мнѣ въ
 глаза; выпрашивая мое мнѣніе о Парижѣ и ужасно озорался;
 когда я показывалъ особеннаго восторга. Даже страданіе по-
 брашилось на добрыя лица его, — буквально страданіе, я не пре-

увеличивая. О мальчик М-г Ле М-го! Француз и. е. парижанин (потому что вѣдь въ сущности всѣ французы парижане) всегда не разубѣривъ въ томъ, что онъ совершилъ маленькя на осьми лѣтъ, но въ парѣ. Впрочемъ о всемъ земномъ, царѣ, крестѣ, Царствѣ, онъ весьма мало знаетъ. Да и знать-то очень не любитъ. Это уже национальное свойство и даже самое характеристическое. Но одною характеристическою свойствою французъ — это краснорѣчіе. Любопытнѣе краснорѣчію въ немъ неугасима и съ годами развивается все больше и больше. Мнѣ бы ужасно хотѣлось узнать когда именно началась во Франціи эта любовь къ краснорѣчію. Разумѣется главное началось съ Людовика XIV. Замѣчательно, что во Франціи все началось съ Людовика XIV, право такъ. Но всего замѣчательнѣе что и во всей Европѣ все началось съ Людовика XIV. И чѣмъ вѣль этотъ король, — сказать не могу! Вѣдь не особенно же онъ выше всѣхъ прежнихъ другихъ королей. Развѣ только, что первый сказалъ l'Etat c'est moi. Это ужасно, по крайней мѣрѣ, это все Европу тогда облетѣло. Я думаю однажды этотъ-то слогочленъ онъ и прославился. Даже у насъ оно удивительно скоро стало вѣдомо. Национальнѣйшій государь быть этого Людовика XIV, исполнѣ во французскомъ духѣ, такъ, что я думаю не помню какъ это во Франціи могло случиться, всѣ эти маленькія шалости... ну вотъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Помыслили и вернулись къ прежнему духу; на то вѣсть; во краснорѣчіе, краснорѣчіе, о — это камень преткновенія для парижанина. Онъ все готовъ забыть все прежняго, все, все, готовъ даже самыя благоразумныя разговоры и быть самымъ послушнымъ и прилежнымъ мальчикомъ, но краснорѣчія, одного только краснорѣчія онъ до-сихъ-поръ никакъ не можетъ забыть. Онъ тоскуетъ и вздыхаетъ по краснорѣчію; припоминаетъ Гьера, Гюго, Одювона Барро. То-то краснорѣчія-то было тогда, говорить онъ всегда про себя и начинаетъ задумываться. Нависелъ имъ это понять, вотчасъ же порѣшилъ, что Jacques Bonhomme не должно задумываться и мало-помалу завелъ краснорѣчіе. Для сей цѣли въ законодательномъ корпусѣ содержится шесть либеральныхъ депутатовъ, шесть постоянныхъ, помѣстныхъ, постоянныхъ либеральныхъ депутатовъ, т. е. такихъ, что можетъ быть ихъ и не должно, если начать подкупать, и однакожъ ихъ все-таки только шесть, — шесть было, шесть есть, а шесть только и останется. Больше не прибудеть, будьте покойны, и не прибудеть

тоже. Это прекрасная штука, на первый взгляд. Дело то одно: можно гораздо проще въ действительности, и обходится при помощи sacrifice universel. Разумеется, чтобы она очень-то не была перемалывалась, приняты все надлежащія мѣры. Но поболтать позавалется. Висотыю въ нужное время обезумиваются важнѣйшіе государственные вопросы и парижанины сладко волнуются. Онъ знаетъ, что будетъ краснорѣчіе и радъ. Разумеется онъ очень хорошо знаетъ, что будетъ только одно краснорѣчіе и больше ничего; что будутъ слова, слова и слова и что изъ словъ ничего рѣшительно ничего не выйдетъ. Но онъ и этого очень, очень доволенъ! И самъ, первый, находитъ все это чрезвычайно благодарными. Рѣчи нѣкоторыхъ изъ этихъ шести представителей пользуются особенною популярностью. И представитель всегда готовъ говорить рѣчи для увеселенія публики. Странное дѣло: самъ и самъ онъ совершенно увѣренъ, что изъ рѣчей его ничего не выйдетъ, что все это только одна штука, штука и больше ничего, веселая игра, маскарадъ, и между тѣмъ говорить и невозможно-лѣтъ ерляду говорить, и прекрасно говорить дано въ большаго удовольствіемъ. И у всѣхъ членовъ, которые слышатъ его, даже слюнки текутъ отъ удовольствія: «Хорошо говорить человѣкъ!» и у президента и у всей Франціи слюнки текутъ. Но вотъ представитель кончилъ, а затѣмъ встаетъ и губернаторъ сихъ мѣлъ и благоправныхъ дѣтей. Онъ торжественно объявляетъ, что сочиненіе на заданную тему: «восходъ солнца» было отлично развито и обработано почтеннымъ представителемъ. Мы удивлялись таланту почтеннаго оратора, говоритъ онъ, его мыслямъ и благоправному поведенію, выраженному въ этихъ мысляхъ, мы наслаждались всѣ, всѣ... Но хотя почтенный членъ и много заслужилъ въ награду киважку съ шалпиею: «за» благоправіе и успѣхи въ наукахъ несмотря на то, господи, рѣчи почтеннаго представителя по нѣкоторымъ высшимъ соображеніямъ вынужда не годится. Надѣюсь господа, что вы совершенно со мной согласны. — Тутъ онъ обращается къ всѣмъ представителямъ и взглядъ его начинается сверкать строгостью. Представитель, у которыхъ текли слюнки, немедленно съ неистовымъ восторгомъ рукоплещутъ губернатору, а между тѣмъ тутъ же благодарятъ и трогательно жмутъ руки и либеральному представителю за доставленное удовольствіе, просятъ доставить имъ это либеральное удовольствіе съ позволенія губернатора и къ слѣдующему

разу. Губернёръ благосклонно позволяет; сочинитель-сочиница на «Восходъ солнца» удаляется гордый, своимъ устѣжкомъ, преподаватели удаляются, облизывалась въ шѣдри еееихъ семействъ и вечеромъ отъ радости гуляютъ подъ ручку съ анусами въ Шалерсаль, прислушивалась къ плеску струйъ благодѣтельныхъ фонтанчиковъ, а губернёръ, отранпортовавъ кому-плѣдуетъ обо-всехъ, объявляетъ на-автра, всей Франціи, что все обстоятъ благово-лучно.

Иногда, впрочемъ, когда начинаются дѣла поважнѣе, заедакъ и ирку поважнѣе. Въ одно изъ избраній преподавать самого принца Наполеона. Принцъ Наполеонъ вдругъ начинаетъ дѣлать оппозицію къ совершенному испугу всѣхъ этикъ учащихса сое-щей. Въ классъ торжественная тишина. Принца Наполеона либеральничаетъ, принцъ не согласенъ съ правительствомъ, не обо-ничью наде-го-то и те-то. Принцъ осуждаетъ правительство, однимъ словомъ говорится то самое что (предполагается) могли бы выказать эти не самые милые дѣти, еслибъ губернёръ это на минуточку вышедъ изъ класса: Разумѣется и тутъ въ шѣру; до и предположеніе нехлѣбное, потомучто всѣ эти милые дѣти до того мило воспитаны, что даже и не пошевелятся, еслибъ губернёръ даже на цѣлую недѣлю отъ нихъ отлучился. И вотъ когда принца Наполеонъ кончается, встаетъ губернёръ и торжественно объявляетъ, что сочиненіе на заданную тему: «Восходъ солнца» было отлично развито и обработано почтеннымъ ораторомъ. Мы удивлялись таланту, краснорѣчивымъ мыслямъ и благопріятію все-милостивѣйшаго принца... Мы готовы выдать книжку, за предложение и успѣха въ наукахъ, но... и т. д., т. е. все что было сказано прежде; разумѣется весь классъ аплодируетъ съ восторгомъ, доходящимъ до невестовства, принца уволить домой, благоправную ученики расходятся изъ класса какъ настоящие благоправные пенички, а вечеромъ гуляютъ съ анусами въ Шалерсаль, прислушивалась къ плеску струйъ благодѣтельныхъ фонтанчиковъ и т. д. и т. д., однимъ словомъ порядокъ заведенъ удивительный.

Однажды мы заблудились въ la salle des pas perdus, и вмѣсто отдѣленія гдѣ судятся уголовные процессы, попали въ отдѣленіе гражданскихъ процессовъ. Курчавый адвокатъ въ мантии и въ шапкѣ говорилъ рѣчь и сыпалъ порлами краснорѣчія. Президентъ, судьи, адвокаты, слушатели вставали въ восторгѣ. Были

было множество и все такіе благообразныя. Она поспѣрѣтъ на меня съ изумленіемъ.

— Jules Favre! отвѣтилъ онъ наконецъ съ важными прерывательными, сожалѣніемъ, что я конечно сконфузился. Такимъ-то образомъ я имѣлъ случай познакомиться съ мѣстами (правильно: скажу драпорфіція, такъ-сказать въ самомъ главномъ его меточникѣ).

Но истовниковъ атакъ бедна. Буржуа прѣдентъ до конца вопиетъ драпорфіціемъ. Очевидно мы вошли въ дѣлство, дѣлать на великихъ людей. Время было науочное, и съ насъ даромъ шли два франка. Затѣмъ драдній и почтенный ивралитъ для славы и поведъ насъ въ церковныя склепы. Дорогой онъ галогрихъ все еще какъ человекъ, немного только шамкая, за недоустанкомъ зубевъ. Но сойдя въ склепы, немедленно запылъ, только-что подведъ насъ къ первой гробницѣ;

— *Ci-gît Moltairé.* — Вольтеръ, сей великій геній прекрасной Франціи. Онъ искоренялъ предрасудки, уничтожалъ несправедливость, боролся съ ангеломъ тьмы и держалъ сабтильницъ ивралитенія. Въ свондѣ трагедіяхъ онъ достигнулъ великаго, хотя Франція уже имѣла Корнеля. —

Онъ говорилъ очевидно по науочному. Кто-нибудь, когда-нибудь написалъ ему на бумажкѣ рачею и онъ ее вытвердилъ на всю живвь; даже удовольствіе засіяло на его старомъ добродушномъ лицѣ, когда онъ началъ передъ нами выкладывать двои высокій слогъ.

— *Ci-gît Jean Jacques Rousseau,* продолжалъ онъ, подходя къ другой гробницѣ: — *Jean Jacques, l'homme de la nature et de la vérité!*

Мнѣ стало вдругъ ужасно смѣшно. Высокимъ слогомъ все можно опомалить. Да и видно было, что бѣдный старикъ, говоря объ *nature et vérité* рѣшительно не понималъ о чемъ шель рѣшь.

— Стремлю! сказалъ я ему. — Изъ этихъ двухъ великихъ людей, одинъ всю жизнь называлъ другого дуномъ и дуриемъ, человеккомъ, а другой называлъ перваго просто дуракомъ. И дѣтъ они селись здѣсь почти рядомъ.

— Мсье, мсье! замѣтилъ было инвалидъ, жезая, что то вваразять, но однакожъ не отвразилъ и ввекорѣй повелъ насъ еще къ гробницѣ.

— *Singli-Bannes*, маршалъ Ланнъ, былъ онъ еще разъ одинъ изъ величайшихъ героевъ, которыми обладала Франція, столь обильно надѣленная героями. Это былъ не только великій маршалъ, неукротимый предводитель войскъ, шефъ великаго императора, но онъ пользовался еще высшимъ благополучіемъ. Онъ былъ другомъ...

— Ну да, это былъ другъ Наполеона, сказалъ я, желая отратить рѣчь!

— Мсье! позвольте говорить мнѣ, прервалъ инвалидъ какъ будто вѣсколко облизываясь голосомъ.

— Говорите, говорите, я слушаю.

— Но онъ пользовался еще высшимъ благополучіемъ. Онъ былъ другомъ великаго императора. Никто другой изъ всѣхъ его маршаловъ не имѣлъ счастья сдѣлаться другомъ великаго человека. Одинъ маршалъ Ланнъ удостоился сей великой чести. Когда онъ умиралъ на полѣ сраженія за свое отечество...

— Ну да, ему оторвало ядромъ обѣ ноги.

— Мсье, мсье! позвольте же мнѣ самому говорить, вскричалъ инвалидъ, почти жалобнымъ голосомъ. — Вы можетъ-быть и знаете это все... Но позвольте и мнѣ рассказать!

Чудаку ужасно хотѣлось самому рассказать, хотя-бы мы все это и прежде знали.

— Когда онъ умиралъ, подхватилъ онъ снова: — на полѣ сраженія за свое отечество, тогда императоръ, пораженный въ самое сердце и оплакивая великую потерю...

— Пришло къ нему проститься, дернуло меня прервать его снова, и я тотчасъ почувствовалъ, что я дурно сдѣлалъ; мнѣ даже сдѣлалось стыдно.

— Мсье, мсье! сказалъ старикъ съ жалобнымъ укоромъ смотря мнѣ въ глаза и качая съдой головой: — мсье! я знаю, и утѣрю, что вы все это знаете можетъ-быть лучше меня. Но сдѣлайте сами воли мени вамъ показывать: позвольте-жъ мнѣ говорить самому. Теперь ужъ немного осталось...

— Тогда императоръ, пораженный въ самое сердце и оплакивая (уже бесполезно) великую потерю, которую понесла онъ, ершия и вся Франція, приближился къ его смертной постели и послѣднимъ прощаніемъ своимъ смягчалъ жестокія страданія умершаго почти на глазахъ его полководца. — *C'est lui, monsieur*

прибавилъ онъ, съ упрехомъ посмотрѣвъ на меня, и возмолъ далѣе.

— А вотъ здѣсь тоже гробница; ну это... *quelques années*, прибавилъ онъ равнодушно и небрежно кивнувъ головою еще на нѣсколько гробницъ, стоявшихъ не далеко. Все его краснорѣчіе истратилось на Вольтера, Жанъ-Жака и маршала Давида. Это уже былъ непосредственный, такъ-сказать народный примѣръ любви къ краснорѣчію. Неужели-жъ всѣ эти рѣчи ораторовъ національнаго собранія ковента и любовь въ которыхъ народъ принималъ почти непосредственное участіе и въ которыхъ онъ перевоспитался, оставили въ немъ только одинъ слѣдъ, — любовь къ краснорѣчію для краснорѣчія?

ГЛАВА VII

БРИБРИ И МАБИШЬ

А чтожъ эпюзы? Эпюзы благоденствуютъ, уже сказано. Кстати: почему, спросите вы, пишу я эпюзы вмѣсто жоны? Высокій слогъ, господа, вотъ почему. Буржуа если заговоритъ высокимъ слогомъ, говоритъ всегда: *mon épouse*. И хоть въ другихъ слояхъ общества и говорятъ просто, какъ и вездѣ: *ma femme* — моя жена, но ужъ лучше послѣдовать національному духу большинства и высокаго изложенія. Оно характернѣе. Ктому же есть и другія наименованія. Когда буржуа разчувствуется или захочетъ обмануть жену, онъ всегда называетъ ее: *ma biche*. И обратно, любящая жена, въ припадкѣ граціозной игривости, называетъ своего милаго буржуа: *bribri*, чѣмъ буржуа съ своей стороны очень доволенъ. Брибри и мабишь постоянно процвѣтають, а теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь. Кромѣ того, что такъ ужъ условлено (и почти безъ всякаго разговору), что мабишь и брибри должны въ наше хлопотливое время служить шеделью добродѣтели, согласія и райскаго состоянія общества въ упрехъ гнуснымъ бреднямъ нелѣпыхъ бродягъ-коммунистовъ, кромѣ того, брибри съ каждымъ годомъ становится все сговорчивѣе и сговорчивѣе въ супружескомъ отношеніи. Онъ понимаетъ, что какъ ни говори, какъ ни устройай, а мабишь нельзя удержать, что парижанка создана для любовника, что мужу почти невозможно

обойтись безъ прически, онъ и молчить разумѣется, покамѣстъ у него еще мало приколплено денегъ и не заведено еще много вещей. Когда же то и другое выполнится, брибри становится вообще требовательнѣе, потомучто начинаетъ ужасно уважать себя. Ну, тутъ ужъ и на Гюстава онъ начинаетъ смотрѣть иначе, особенно если тотъ вдобавокъ и оборванецъ и не имѣетъ много вещей. Вообще парижанинъ, чуть-чуть съ деньжонками, желая жениться и выбираетъ невѣсту съ деньжонками. Мало того: предварительно сосчитываются и если окажется, что франки и вещи съ той и другой стороны одинаковы, то и совокупляются. Это и вездѣ такъ происходитъ, но тутъ ужъ въ особенный обычай вошелъ законъ равенства кармановъ. Если напримѣръ у невѣсты хоть копейкой больше денегъ, то ее ужъ и не отладутъ такому искателю, у котораго меньше, а ищутъ брибри получше. Кромѣ того браки по любви ставятся все болѣе и болѣе невозможными и считаются почти неприличными. Благоразумный атотъ обычай непремѣннаго равенства кармановъ и бракосочетанія капиталовъ нарушается весьма рѣдко, и я думаю гораздо рѣже, чѣмъ вездѣ въ другомъ мѣстѣ. Обладаніе жонищами денежками буржуа очень хорошо устроилъ въ свою пользу. Вотъ почему онъ и готовъ во многихъ случаяхъ смотрѣть сквозь пальцы на похождения своей мабишь и не замѣчать иныхъ досадныхъ вещей, потомучто тогда, т. е. при размолокѣ, можетъ неприятно подняться вопросъ о приданомъ. Ктому же если мабишь и зацеголяетъ иногда не по состоянію, то брибри, хоть и все замѣтлившій, про себя примиряется: меньше съ него спросить жена на наряды. Мабишь тогда гораздо сговорчивѣе. Наконецъ, такъ какъ бракъ большею частью есть бракосочетаніе капиталовъ и о взаимной склонности заботятся очень немного, то и брибри не прочь заглянуть куда-нибудь отъ своей мабишь на сторону. А потому всего лучше не мѣшать другъ другу. Да и согласія въ домѣ больше и милый лепетъ милыхъ именъ: брибри и мабишь, раздаются между супругами все чаще и чаще. А наконецъ, если все сказать, такъ вѣдь брибри и на этотъ случай удивительно хорошо успѣлъ себя обезпечить. Полицейскій комисаръ во всякую минуту къ его услугамъ. Ужъ такъ по законамъ, которые устроилъ онъ себѣ самъ. Въ крайнемъ случаѣ, заставъ любовниковъ en flagrant délit, онъ вѣдь убить ихъ можетъ обоихъ и за это ничѣмъ не отвѣчаетъ. Мабишь это знаетъ и сама это похва-

ливаешь. Долгой опекой довели до того мабишь, что она и не ропщетъ и не мечтаетъ, какъ въ иныхъ варварскихъ и смѣшныхъ земляхъ, учиться напимѣръ въ университетахъ и засѣдать въ клубахъ и депутатахъ. Она лучше хочетъ оставаться въ теперешнемъ воздушномъ и такъ-сказать канареечномъ состояніи. Ее радятъ, ее гарантируютъ, ее возятъ на гулянья, она танцуетъ, она кушаетъ конфетки, наружно принимаютъ ее какъ царицу и мужчины передъ ней наружно во прахѣ. Эта форма отношеній удивительно удачно и прилично выработана. Однимъ словомъ рыцарскія отношенія соблюдены и чего же болѣе? Вѣдь Гюстава у ней не отымутъ. Какихъ-нибудь тамъ добродѣтельныхъ, высокихъ цѣлей въ жизни и т. д. и т. д. ей тоже не надо: она въ сущности такая же капиталистка и копѣчница какъ и супругъ. Когда проходятъ канареечные годы, т. е. дойдетъ до того, что ужъ никакимъ образомъ нельзя болѣе себя обманывать и считать канареечкой; когда возможность новаго Гюстава становится уже рѣшительно нелѣпностью, даже при самомъ пылкомъ и самолюбовомъ воображеніи, тогда Мабишь вдругъ, быстро и скверно перерождается. Кулы дѣвается кокетство, наряды, игривость. Она дѣлается большею частью такой злой, такой хозяйкой. Ходитъ по церквамъ, копить съ мужемъ деньги и какой-то цинизмъ проглянетъ вдругъ со всѣхъ сторонъ: являются вдругъ какая-то усталость, досада, грубые инстинкты, безцѣльность существованія, циническій разговоръ. Даже неряхами какими-то становятся иныя изъ нихъ. Разумѣется не все такъ, разумѣется бываютъ и другія болѣе свѣтлыя явленія, разумѣется и вездѣ есть такія же социальныя отношенія, но... тутъ все это болѣе на своей почвѣ, оригинальнѣе, самобытнѣе, полнѣе, тутъ все это національнѣе. Тутъ родникъ и зародышъ той буржуазной общественной формы, которая царитъ теперь по всему свѣту въ видѣ вѣчнаго подражанія великой націи.

Да, наружно мабишь — царица. Трудно и вообразить, какая утонченная вѣжливость, какое навязчивое вниманіе окружаетъ ее всюду въ обществѣ и на улицѣ. Субдительность удивительная; доходитъ подчасъ до такой маниловщины, что иная честная душа и не стерпѣла бы. Явная плутня поддѣлки оскорбила бы ее до глубины сердца. Но мабишь сама большая плутовка и... ей только того и надобно. Свое-то она всегда возьметъ и всегда предпочтетъ сплутовать, чѣмъ идти честно на пря-

ники: и вѣрнѣе по ея мнѣнію, да и игры больше. А вѣдь игра, интрига — въ этомъ все для мабиши; въ этомъ самое главное дѣло. Зато какъ онѣ одѣваются, какъ ходять по улицѣ. Мабишь манерна, выломана, вся неестественна, но это-го и плѣняетъ, особенно блазироваанныхъ и отчасти развращенныхъ людей, потерявшихъ вкусъ къ свѣжей, непосредственной красотѣ. Мабишь развита весьма плохо; умишки и сердчишки у нихъ птичьи, но зато она граціозна, зато она обладаетъ безчисленными секретами такихъ штукъ и вывертовъ, что вы покоряетесь и идете за нею какъ за пикантной новинкой. Она даже рѣдко и хороша собой. Что-то даже злое въ лицѣ. Но это ничего: это лицо подвижно, игриво и обладаетъ тайною поддѣлки подъ чувство, подъ натуру въ высочайшей степени. Вамъ можетъ быть и нравится-то въ ней не то именно, что она этой поддѣлкой достигаетъ натуры, но самый этотъ процессъ достиженія поддѣлкой васъ очаровываетъ, искусство очаровываетъ. Для парижанина большею частью все-равно что настоящая любовь, что хорошая поддѣлка подъ любовь. Даже поддѣлка можетъ-быть больше нравится. Какой-то восточный взглядъ на женщину проявляется въ Парижѣ все болѣе и болѣе. Камелія все болѣе и болѣе въ модѣ. «Возьми денги, да обмани хорошенько, т. е. поддѣлай любовь» — вотъ что требуютъ отъ камелии. Почти не болѣе требуютъ и отъ эпюзы, покрайней-мѣрѣ довольны и этимъ, а потому Гюставъ молча и снисходительно позволяетъ. Ктому же буржуа знаетъ, что мабишь къ старости войдетъ вся въ его интересы и будетъ усерднѣйшая ему помощница копить деньги. Даже и въ молодости помогаетъ чрезвычайно. Она иногда ведетъ всю торговлю, заманиваетъ покупателей, однимъ словомъ правая рука, старшій прикащикъ. Какъ не проститъ тутъ какого-нибудь Гюстава. На улицѣ женщина неприкосновенна. Никто не оскорбитъ ее, всѣ передъ ней разступаются, не такъ какъ у насъ, гдѣ женщина, мало-мальски не старая, двухъ шаговъ пройти не можетъ по улицѣ, безъ того чтобъ какая-нибудь воинственная или потаскливая фвизиомія не заглянула ей подъ шляпку и не предложила познакомиться.

Впрочемъ несмотря на возможность Гюстава, обыденная, обрядная форма отношеній между брибри и мабишью довольно мила и даже часто павна. Вообще заграничные люди — это мнѣ въ глаза бросилось, — почти всѣ несравненно цинвнѣе

русскихъ. Трудно объяснить это подробнѣе; нужно самому замѣтить. *Le Russe est scéptique et moqueur*, говорятъ про насъ французы и это такъ. Мы больше циники, меньше дорожимъ своимъ, даже не любимъ свое, по крайней-мѣрѣ не уважаемъ его въ высшей степени, непонимая въ чемъ дѣло; лѣземъ въ европейскіе, общечеловѣческіе интересы, непринадлежа ни къ какой націи, а потому естественно относимся ко всему холодно, какъ бы по обязанности, и во всякомъ случаѣ отвлеченнѣе. Впрочемъ и я отвлекся отъ предмета. Брибри подчасъ чрезвычайно наивны. Гуляя напримѣръ вокругъ фонтанчиковъ, онъ пустится объяснять своей мабишѣ отчего бьютъ фонтаны кверху, объясняетъ ей законы природы, національно гордится передъ ней красотой булонскаго лѣса, иллюминаціей, игрою версальскихъ *les grandes eaux*, успѣхами императора Наполеона и *gloire militaire*, наслаждается ея любопытствомъ и удовольствіемъ и много доволенъ этимъ. Самая плутоватая мабишѣ тоже довольно нѣжно относится къ супругу, т. е. не то, что поддѣлкой какой-нибудь, а безкорыстно нѣжно, несмотря даже на прическу супруга. Разумѣется я не претендую, какъ лесежевъ бѣсъ, снимать крыши съ домовъ. Я рассказываю только что мнѣ въ глаза бросилось, что мнѣ показалось. «*Mon mari n'a pas encore vu la mer*, говорятъ вамъ иная мабишѣ и голосъ ея изображаетъ искреннее наивное соблазнованіе. Это означаетъ, что мужъ еще не ѣздилъ куда-нибудь въ Брестъ или въ Булонь посмотрѣть на море. Нужно знать что у буржуа есть нѣкоторыя пренаивныя и пресерьозныя потребности, почти обратившіяся въ общую буржуазную привычку. Буржуа напримѣръ, кромѣ потребности накопить и потребности краснорѣчія, имѣетъ еще двѣ потребности, двѣ законнѣйшія потребности, освященныя всеобщей привычкой и къ которымъ онъ относится чрезвычайно серьезно, чуть не патетически. Первая потребность это *voir la mer*, видѣть море. Парижанинъ проживаетъ и торгуется иногда въ Парижѣ всю жизнь и не видитъ моря. Для чего ему видѣть море? онъ и самъ не знаетъ, но онъ желзетъ усиленно, чувствительно, откладываетъ поѣздку съ году на годъ, потому что обыкновенно задерживаютъ дѣла, тоскуетъ и жена искренно раздѣляетъ тоску его. Вообще тутъ даже много чувствительнаго и я уважаю это. Наконецъ ему удастся улучшить время и средства; онъ собирается и на нѣскольکو дней ѣхать «видѣть море». Возвратясь онъ рассказываетъ на-

пыщенно и съ восторгомъ о своихъ впечатлѣніяхъ жепѣ, роднѣ, пріятелямъ и сладко воспоминаеть всю жизнь о томъ, что онъ видѣлъ море. Другая законная и не менѣе сильная потребность буржуа и особенно парижскаго буржуа, это — *se rouler dans l'herbe*. Дѣло въ томъ, что парижанинъ, выѣхавъ за городъ, чрезвычайно любитъ и даже за долгъ почитаетъ повалиться въ травѣ, исполняетъ это даже съ достоинствомъ, чувствуя, что соединяется при этомъ *avec la nature* и особенно любить, если на него кто-нибудь въ это время смотреть. Вообще парижанинъ за городомъ считаетъ немедленною своею обязанностью стать тотчасъ же развляжиѣ, игривѣ, даже молодцоватѣе, однимъ словомъ смотрѣть болѣе естественнымъ, болѣе близкимъ къ *la nature* челоѣкомъ. *L'homme de la nature et de la vérité!* Ужь не съ Жанъ-Жака ли и проявилось въ буржуа это усиленное почтеніе къ *la nature*? Впрочемъ обѣ эти потребности: *voir la mer* и *se rouler dans l'herbe*, — парижанинъ позволяетъ себѣ болѣею частью только тогда, когда уже накопить себѣ состояніе, однимъ словомъ когда самъ начинаетъ уважать себя, гордиться собою и смотрѣть на себя какъ на челоѣка. *Se rouler dans l'herbe* бываетъ даже вдвое, вдесятеро слаще, когда происходитъ на собственной, купленной на трудовыя деньги землѣ. Вообще буржуа, удаляясь отъ дѣлъ, любитъ купить гдѣ-нибудь землю, завести свой домъ, садъ, свой заборъ, своихъ куръ, свою корову. И будь все это даже въ самомъ микроскопическомъ размѣрѣ, все-равно — буржуа въ самомъ дѣтскомъ, въ самомъ трогательномъ восторгѣ: «*mon arbre, mon tigre*», твердить онъ себѣ и всѣмъ кого зазоветъ къ себѣ поминутно и затѣмъ не перестаетъ уже повторять себѣ это всю свою жизнь. Вотъ тутъ и слаще всего *se rouler dans l'herbe*. Чтобъ исполнить эту обязанность, онъ заводитъ себѣ непременно лужокъ перелѣ домомъ. Кто-то рассказывалъ, что у одного буржуа никакъ не выростала трава на мѣстѣ, определенномъ для лужайки. Онъ растилъ, поливалъ, накладывалъ ерѣзанный въ другомъ мѣстѣ газонъ, — ничего на песокъ не выходило и не принималось. Такое ужъ мѣсто случилось передъ домомъ. Тогда онъ будто бы купилъ себѣ дѣланый газонъ; нарочно ѣздилъ за ѣтви въ Парижъ, заказалъ себѣ тамъ кружокъ травки величиною въ сажень въ діаметрѣ, и разстилалъ этотъ ковѣрчикъ съ длинною травой каждыя послѣ-обѣда, чтобъ хоть обмануть себя да утолить свою законную потребность и по-

валяться въ травѣ. Отъ буржуа въ первыя минуты упоенія своей благоприобрѣтенной собственности пожалуй это и станется, такъ что нравственно тутъ ничего нѣтъ невѣроятнаго.

Но два слова и о Гюставѣ. Гюставъ конечно тоже самое, что и буржуа, т. — е. прикащикъ, купецъ, чиновникъ, *homme de lettres*, офицеръ. Гюставъ — это неженатый, но тотъ же самый брибри. Но не въ томъ дѣло, а въ томъ, во что рядится и драпируется теперь Гюставъ, чѣмъ онъ теперь смотритъ, какіе на немъ теперь перья. Идеаль Гюстава измѣняется сообразно эпохамъ и всегда отражается на театрѣ въ томъ видѣ, въ которомъ носится въ обществѣ. Буржуа особенно любитъ водевиль, но еще болѣе любитъ мелодраму. Скоромный и веселый водевиль, — единственное произведеніе искусства, которое почти не пересажимо ни на какую другую почву, а можетъ жить только въ мѣстѣ своего зароженія, въ Парижѣ. — водевиль, хоть и прельщаетъ буржуа, но не удовлетворяетъ его вполне. Буржуа все-таки считаетъ его за пустяки. Ему надо высокаго, надо неизъяснимаго благородства, надо чувствительности, а мелодрама все это въ себѣ заключаетъ. Безъ мелодрамы парижанинъ прожить не можетъ. Мелодрама не умретъ покаместъ живъ буржуа. Любопытно, что даже самый водевиль теперь перерождается. Онъ хоть и все еще веселъ и уморительно смѣшонъ попрежнему, но теперь уже сильно начинаетъ примѣшиваться къ нему другой элементъ — правоученіе. Буржуа чрезвычайно любитъ и считаетъ теперь священнѣйшимъ и необходимѣйшимъ дѣломъ читать при всякомъ удобномъ случаѣ себѣ и своей мабишъ наставленія. Ктому же буржуа теперь властвуетъ неограниченно; онъ сила; а сочинительники водевилей и мелодрамъ всегда льстятъ силѣ. Вотъ почему буржуа теперь торжествуетъ даже выставленный въ смѣшномъ видѣ и подъ конецъ ему всегда докладываютъ, что все обстоитъ благополучно. Надо думать, что подобные доклады серьезно успокаиваютъ буржуа. У всякаго малодушнаго человѣка, не совѣмъ увѣреннаго въ успѣхъ своего дѣла, является мучительная потребность разувѣрять себя, ободрять себя, успокаивать. Онъ даже начинаетъ вѣрять въ благопріятныя примѣты. Такъ точно и тутъ. Въ мелодрамѣ же предлагаются высокія черты и высокіе уроки. Тутъ ужъ не юморъ; тутъ уже патетическое торжество всего того что такъ любитъ брибри и что ему нравится. Нравится ему болѣе всего

политическое спокойствіе и право копить себѣ деньги съ цѣлью устроить поспокойнѣе нѣдра. Въ этомъ характерѣ пшутся теперь и мелодрамы. Въ этомъ же характерѣ является теперь и Гюставъ. По Гюставу всегда можно провѣрить все то, что въ данную минуту брибри считаетъ идеаломъ неизъяснимаго благородства. Прежде, давно уже, Гюставъ являлся какимъ-то поэтомъ, художникомъ, непризнаннымъ гениемъ, загнаннымъ, замученнымъ гоненіями и несправедливостями. Онъ боролся похвально, и кончалось всегда такъ, что виконтеса, втайнѣ по немъ страдающая, но къ которой онъ презрительно равнодушенъ, соединяла его съ своей воспитанницей Сесиль, неимѣвшей ни копѣйки, но у которой вдругъ оказывались безчисленные деньги. Гюставъ обыкновенно бунтовался и отказывался отъ денегъ. Но вотъ на выставкѣ произведеніе его увѣчалось успѣхомъ. Въ квартиру его тотчасъ же врываются три смѣшные милорда и предлагаютъ ему по сту тысячъ франковъ за будущую картину. Гюставъ презрительно смѣется надъ ними и въ горькомъ отчаяніи объявляетъ, что всѣ люди подлецы, недостойные его кисти, что онъ не посетитъ искусства, святого искусства на профанцію пигмеевъ, до сихъ поръ незамѣтившимъ какъ онъ великъ. Но врывается виконтеса и объявляетъ, что Сесиль умираетъ отъ любви къ нему и что поэтому слѣдуетъ писать картины. Тутъ-то Гюставъ догадывается, что виконтеса, прежній врагъ его, черезъ которую ни одно изъ произведеній его до сихъ поръ не попадало на выставку, втайнѣ его любитъ; что она мстила ему изъ ревности. Разумѣется Гюставъ немедленно беретъ отъ трехъ милордовъ деньги, обругавъ ихъ въ другой разъ, чѣмъ они остаются очень довольны, потомъ бѣжитъ къ Сесиль, соглашается взять ея миллионъ, прощаетъ виконтесу, которая уѣзжаетъ въ свое помѣстье и совокупившись законнымъ бракомъ начинаетъ заводить дѣтей, фланелевую фуфайку, *bonnet de coton* и прогуливаться съ мабишью по вечерамъ возлѣ благодѣтельныхъ фонтанчиковъ, которые тихимъ плескомъ своихъ струй разумѣется напоминаютъ ему о постоянствѣ, прочности и тишинѣ его земного счастья.

Иногда случается, что Гюставъ не прикащикъ, а какой-нибудь загнанный, забытый сирота, но въ душѣ полный самаго неизъяснимаго благородства. Вдругъ оказывается, что онъ вовсе не сирота, а законный сынъ Ротшильда. Получаются миллионы.

Но Гюставъ гордо и презрительно отвергаетъ мильоны. Зачѣмъ? Ужь такъ нужно для краснорѣчія. Но вотъ врывается мадамъ Бопре, банкирша, влюбленная въ него, и у мужа которой онъ находится въ услуженіи. Она объявляетъ, что Сесиль сейчасъ умретъ отъ любви къ нему и чтобъ онъ шолъ ее спасать. Гюставъ догадывается, что мадамъ Бопре въ него влюблена, подбираетъ мильоны и обругавъ всѣхъ самыми скверными словами, за то что во всемъ родѣ человѣческомъ нѣтъ такого же неяснимаго благородства какъ въ немъ, идетъ къ Сесиль и совокудляется съ нею. Банкирша ѣдетъ въ свое помѣстье, Бопре торжествуетъ, ибо жена, бывшая на краю гибели, все еще остается чистою и непорочною, а Гюставъ заводитъ дѣтей и по вечерамъ ходитъ гулять около благодѣтельныхъ фонтанчиковъ, которые плесками струй напоминаютъ ему и т. д., и т. д.

Теперь неизяснимое благородство чаще всего изображается или въ военномъ офицерѣ, или въ военномъ инженерѣ, или что-нибудь въ этомъ родѣ, только чаще всего въ военномъ и непремѣнно съ ленточкой почетнаго легіона, «купленной своею кровью». Кстати эта ленточка ужасна. Носитель до того ею чванится, что съ нимъ нельзя почти встрѣтиться, нельзя съ нимъ ни ѣхать въ вагонѣ, ни сидѣть въ театрѣ, ни встрѣчаться въ ресторанѣ. Онъ только-что не плюетъ на васъ, онъ куражится надъ вами безстыдно, онъ пыхтитъ, задыхается отъ куражу, такъ что васъ наконецъ начинаетъ тошнить, у васъ разливается жолчь и вы принуждены посылать за докторомъ. Но французы это очень любятъ. Замѣчательно еще, что въ театрѣ слишкомъ особенное вниманіе обращается теперь и на мосея Бопре, по крайней мѣрѣ болѣе гораздо, чѣмъ прежде. Бопре разумѣется накопилъ много денегъ и завелъ очень много вещей. Онъ прямо, простъ, не много смѣшонъ своими буржуазными привычками и тѣмъ, что онъ мужъ; но онъ добръ, честенъ, великодушенъ и неизяснимо благороденъ въ томъ актѣ, въ которомъ онъ долженъ страдать отъ подозрѣнія, что мабишь ему невѣрна. Но все-таки онъ великодушно рѣшается простить ее. Оказывается разумѣется, что она чиста какъ голубь, что она только пошала-ла, увлеклась Гюставомъ, и что брибри, раздавливающій ее своимъ великодушіемъ, ей дороже всего. Сесиль разумѣется по-прежнему безъ гроша, но только въ первомъ актѣ; впоследствии же оказывается мильонъ. Гюставъ гордъ и презрительно благо-

родецъ какъ и всегда, только буржу больше, потому что военная костюмка. У него всего дороже на свѣтъ его крестъ, купленный кровью и «l'érée de son père». Объ этой шпагѣ своего отца онъ говорить поминутно, некстати, всюду; вы даже не понимаете въ чемъ дѣло; онъ ругается, плюется, но всѣ ему кланяются, а зрители плачутъ и аплодируютъ (плачутъ, буквально). Разумѣется у него ша-врюша, это sine qua non. Мадамъ Бопре разумѣется влюблена въ него, Сесиль тоже, но онъ не подозреваетъ любви Сесили. Сесиль кричитъ отъ любви въ продолженія пяти актовъ. Идетъ наконецъ снѣгъ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Сесиль хочетъ броситься въ окно. Но подъ окошкомъ раздаются два выстрѣла, всѣ сбѣгаютъ: Гюставъ блѣдный, съ подвязанной рукой, медленно входитъ на сцену. Ленточка, купленная кровью, сверкаетъ на его сюртукѣ. Клеветникъ и оболъститель Сесили наказанъ. Гюставъ забываетъ наконецъ, что Сесиль его любитъ и что все это шутики мадамъ Бопре. Но мадамъ Бопре блѣдная, испуганная и Гюставъ догадывается, что она его любитъ. Но раздается опять выстрѣлъ. Это Бопре, убивающій себя отъ отчаянія. Мадамъ Бопре вскрикиваетъ, бросается къ дверямъ, но является самъ Бопре и несетъ убитую лисицу, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Урокъ данъ; мабишь его никогда не забудетъ. Она льнетъ къ брибри, который все прощаетъ. Но вдругъ является у Сесиль мильонъ и Гюставъ опять бунтуется. Онъ не хочетъ жениться, Гюставъ ломается, Гюставъ ругается скверными словами. Надо непременно, чтобъ Гюставъ ругался скверными словами и плевалъ на мильонъ, иначе буржуа не проститъ ему; неизъяснимаго благородства будетъ мало, пожалуста не думайте, чтобъ буржуа противорѣчилъ себѣ. Не безпокойтесь: мильонъ не минуетъ счастливую чету, онъ неизбѣженъ и подъ конецъ всегда является въ видѣ награды за добродѣтель. Буржуа себѣ не измѣнитъ. Гюставъ беретъ подъ конецъ мильонъ. Сесиль и затѣмъ начинаются неизбѣжные фонтанчики, котонь-вые колпаки, плескъ струй и проч., и проч. Такимъ образомъ и чувствительности выходитъ много и неизъяснимаго благородства съ три короба, и Бопре, торжествующій и раздавившій всѣхъ своими семейными добродѣтелями и главное, главное мильонъ, въ видѣ фатума, въ видѣ закона природы, которому вся честь, слава и поклоненіе и т. д., и т. д. Брибри и мабишь выходятъ

изъ театра совершенно довольные, уснокоенные и утѣшенныя. Гюставъ ихъ сопровождаетъ и подвигивая чужую даму въ фiakръ, потихоньку цѣлуетъ у нея ручку... Все идетъ какъ слѣдуетъ.

ЭДМОНЪ ДОСТОЙСКИЙ

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ТЕРРИТОРІАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ СИСТЕМА

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

I

Въ № 7 «Военнаго Сборника» за прошлый годъ помѣщена статья г. Лаврентьева, имѣющая полуофіціальныи характеръ, подъ заглавіемъ: «Мѣстная или территоріальная система военнаго управленія», и оканчивающаяся приглашеніемъ, обращеннымъ къ читателямъ Военнаго Сборника, высказать свои замѣчанія по изложенному въ ней вопросу. Въ отвѣтъ на этотъ вызовъ явился рядъ статей, — между прочимъ г. Аничкова (1). Въ нихъ подтверждается, что вопросъ о военныхъ округахъ ставится на очередь вопросовъ, подлежащихъ всестороннему обсужденію печати.

Основываясь на завлеченномъ приглашеніи, мы рѣшаемся сказать объ этомъ предметѣ нѣсколько словъ; но прежде чѣмъ приступить къ самому дѣлу, считаемъ необходимымъ сдѣлать оговорку. Г. Аничковъ не щадитъ самолюбія и добросовѣстности всѣхъ настоящихъ и будущихъ своихъ противниковъ. Объявляя себя жаркимъ сторонникомъ военно-окружной системы, онъ говоритъ: «выгоды территоріальной системы ясно высказаны и въ запискѣ министерства, и въ статьѣ г. Лаврентьева: *непонимаютъ ихъ толь-*

(1) № 35 Современ. Лѣтописи, г. Н. П. и г. Станевича. № 263 Сѣв. Пчелы, г. Востена. № 44 и 45 Современ. Лѣтописи. 1862 г., г. Аничкова и № 3 Военнаго Сборника. 1863 г.

ко нежелающіе понять.» Что это такое? Вызовъ на честное мнѣніе или безацеляціонный приговоръ, заранее возможному опроверженію? Если дѣло окончено, выгоды предлагаемаго преобразованія такъ очевидны, что говорить противъ нихъ могутъ только пессимисты, не желающіе ихъ видѣть, то не для чего подвергать ихъ всеобщему обсужденію; критическая обработка системы путемъ литературы бесполезна и поведетъ только къ пустому словопренію. Мы вполне увѣрены, что подобное, заранее категорически высказанное осужденіе у многихъ людей, слова и мнѣнія которыхъ могли бы быть полезны, отобьетъ охоту высказать ихъ, чтобы не подпасть заранее подъ обвиненіе въ нежеланіи видѣть полезности предполагаемаго преобразованія. Мы попросили бы г. Аничкова потрудиться самому отвѣтить на предложенный вопросъ: почему не желаютъ? Пріисканіе отвѣта поставило бы его въ затруднительное положеніе. Мы считаемъ это дѣло оконченнымъ и просимъ извиненія за оговорку, вызванную необходимостью объяснить и завѣрить, что мы приступаемъ къ дѣлу *воплнѣ свободно и самостоятельно, безъ заготовленнаго предрасположенія къ преобразованію или предубѣжденія противъ него.*

Вотъ въ чемъ заключается въ нѣсколькихъ словахъ сущность предполагаемой реформы; къ подробностямъ мы обратимся впоследствии, при ея разборѣ.

При существующей нынѣ строевой системѣ управленія, главныя войска соединяются въ дивизіи, а изъ опредѣленнаго числа дивизій составляются корпуса, подчиненныя корпуснымъ управленіямъ. Послѣдніе служили только для связи войскъ различныхъ родовъ (пѣхоты, кавалеріи, артилеріи) и нѣсколько не соединяли войска съ козійственными и административными учрежденіями, которыми завѣдуетъ само министерство чрезъ посредство своихъ департаментовъ. Вслѣдствіе этого министерство завалено множествомъ второстепенныхъ вопросовъ, должно содержать огромное число служащихъ и ограничивать свой надзоръ за войсками и учрежденіями, разбросанными по имперіи, лишь менною повѣркою изъ Петербурга. Фактическаго и взаимнаго контроля при этой системѣ не существуетъ; козійственныя учрежденія не заботятся о томъ, согласны ли требованія строевыхъ частей съ дѣйствительнымъ числомъ людей и лошадей, въ нихъ находящихся. Всякое недоразумѣніе, упущеніе, злоупотребленіе требуютъ для своего обнаруженія, чтобы само министерство занялось этимъ дѣломъ энергически, не жалѣя издержекъ на командировку довѣренныхъ лицъ. Наконецъ настоящая администрація страдаетъ еще обиліемъ высшихъ управленій, часть которыхъ не-

что было бы безъ особаго неудобства упразднить для сокращенія издержекъ казначейства.

Несовершенство старой системы: 1) отсутствіе связи между войсками и хозяйственными и административными учреждениями, влекущее за собою излишнюю централизацию и недостатокъ фактического контроля, и 2) весьма большое число ненужныхъ управленій при огромномъ личномъ составѣ министерства. Все это предполагается устранить введеніемъ мѣстной или территоріальной системы управленія. Распорядительную и контрольную власть признано необходимымъ распределить по особаго рода управленіямъ, которыя должны находиться къ опредѣленнымъ частямъ войскъ и военнымъ учрежденіямъ въ тѣхъ же отношеніяхъ, въ которыхъ находится военное министерство ко всѣмъ военнымъ силамъ государства. Слѣдовательно по своему составу и характеру новыя управленія должны соответствовать военному министерству; имъ должны быть подчинены подвижныя войска, дѣйствующія и резервныя, мѣстные батальоны и команды, наконецъ военно-административныя и хозяйственныя учрежденія данной мѣстности; сами же они должны находиться подъ непосредственнымъ вѣдомствомъ военного министерства.

По примѣрному соображенію всю имперію предполагается раздѣлить на пятнадцать военныхъ округовъ. Каждый военный округъ будетъ имѣть своего главнаго окружнаго начальника, при которомъ будетъ состоять главное окружное управленіе. Главное окружное управленіе будетъ состоять изъ двухъ главныхъ отдѣловъ: команднаго и хозяйственнаго. Командное управленіе всѣми войсками въ округѣ предполагается возложить на окружной штабъ, къ составу котораго будутъ принадлежать: начальникъ штаба, его помощники, чины для дѣлопроизводства и для разнаго рода порученій. Подвижныя войска сохранять организацію дивизій; начальникамъ дивизій предполагается придать болѣе самостоятельности, расширивъ кругъ ихъ власти; на нихъ же будетъ лежать отвѣтственность до благоустройству и хозяйству.

По командному управленію главному окружному начальнику предоставляется высшій надзоръ (?) за подвижными войсками и общія распоряженія по расквартированію, сборамъ, нарядамъ и комплектности. Что касается до мѣстныхъ войскъ, то они ему подчиняются; съ этою цѣлью при немъ будетъ состоять генералъ съ правами начальника дивизіи. Мѣстныя войска губерній или области, входящей въ составъ округа, будутъ подчинены губернскому военному начальнику. По благоустройству и хозяйству главный окруж-

ной начальникъ дѣйствуетъ какъ инспекторъ войскъ, открывая безпорядки, извѣщая о нихъ министерство.

Завѣдываніе находящимися въ округѣ хозяйственными учрежденіями, а также распоряженіе по заготовленію, храненію, перевозкѣ предметовъ снабженія и довольствіе ими войска, будутъ лежать на административныхъ частяхъ главнаго окружнаго управленія. Во главѣ хозяйственныхъ отраслей будетъ стоять военно-окружной совѣтъ для облегченія главнаго окружнаго начальника въ управленіи дѣлами съ важною отвѣтственностью по охраненію казеннаго интереса. Совѣтъ будетъ состоять изъ административныхъ начальниковъ управленій округа и изъ членовъ государственнаго контроля и военнаго министерства.

Вотъ эскизъ всей системы. Къ подробностямъ ея мы обратимся при ея разборѣ, къ которому и приступаемъ.

Итакъ главная цѣль предполагаемаго военнаго преобразованія: «удалить существенные недостатки нашей настоящей системы военнаго управленія, которые заключаются, во первыхъ, *въ централизацию* или сосредоточеніи управленія въ высшемъ военномъ учрежденіи — военномъ министерствѣ, и во вторыхъ, *въ недостатокъ ближайшаго мѣстнаго и постоянного административнаго надзора*.» Недостатки эти обусловлены одинъ другимъ и влекутъ за собою невыгодныя послѣдствія, какъ въ административномъ, такъ въ особенности въ экономическомъ отношеніи. Съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія мы и рассмотримъ территоріальную военную систему.

Такъ какъ мы будемъ говорить о децентрализациі, то должны опредѣлить смыслъ этого слова, въ военномъ управленіи оказавшагося имѣющимъ значеніе совершенно иное, чѣмъ какое придается ему на обыкновенномъ языкѣ и въ литературѣ. Опредѣлить значеніе этого слова мы считаемъ существенно необходимымъ, потому что недоразумѣніе и различное его толкованіе не поведутъ къ разъясненію дѣла, а еще болѣе запутаютъ его. Замѣна его русскимъ словомъ «разсредоточеніе» мало поможетъ, хотя русскому слову и не придаютъ того смысла и значенія, какой придается децентрализациі. По общепринятому смыслу децентрализациа вовсе не означаетъ распредѣленія дѣятельности одного большаго центра между нѣсколькими меньшими. Она имѣетъ двѣ задачи: 1) отказаться отъ власти, отъ опеки или отъ извѣстной доли ихъ, предоставляя ихъ въ другія руки; 2) раздѣлить власти несомѣстимыя, сосредоточеніе которыхъ ведетъ къ вреднымъ послѣдствіямъ. Въ противоположность централизациі существуетъ съ одной стороны *самоуправленіе*, съ другой *раздѣленіе, разграниченность властей*. Правительство желаетъ децентрализациі военнаго управленія; это означаетъ, что оно же-

ласть или предоставить отдѣльнымъ частямъ известную долю самоуправленія, или раздѣлить, разграничить власти, сосредоточеніе которыхъ въ однихъ рукахъ оно находитъ вреднымъ или затруднительнымъ. Оно этого и желаетъ, какъ мы увидимъ ниже. Мы не придираемся къ слову, къ буквѣ, и добиваемся внутренняго смысла преобразования.

Итакъ въ видахъ децентрализаціи преобразование необходимо можетъ имѣть въ виду: 1) предоставленіе отдѣльнымъ частямъ самоуправления, 2) разъединеніе, разграниченіе несовмѣстимыхъ властей. Скажемъ нѣсколько словъ о томъ и о другомъ. Самоуправленіе въ противоположность централизаціи отличается отъ послѣдней выборнымъ характеромъ. Выборное начало въ приложеніи къ высшему военному управленію въ настоящее время немыслимо не только у насъ, но и у западныхъ сосѣдей нашихъ, далеко опередившихъ насъ въ политическомъ развитіи. По этому вопросу мы должны согласиться, что современное войско, по самому характеру своего устройства, совершенно исключаетъ возможность децентрализаціи по вышеизложенному опредѣленію этого понятія. Мы съ своей стороны сдѣлаемъ только оговорку и укажемъ на духъ, характеръ и устройство ополченій, которые такъ часты въ послѣднее время и предлагаемъ только вопросъ, какую роль въ будущемъ могутъ играть эти ополченія, столь различныя отъ регулярныхъ армій? Несовмѣстность ихъ существованія параллельно съ арміей доказана опытомъ, но мысль о самихъ ополченіяхъ далеко еще не подорвана, и вѣроятно въ будущемъ имъ предстоитъ весьма важная роль, можетъ-быть въ ущербъ современнымъ понятіямъ объ арміи. Мы отстраняемъ этотъ вопросъ и упомянули о немъ только для разъясненія принципа самоуправления, которымъ между-прочимъ отличаются народныя ополченія, принципа, въ настоящую эпоху, какъ уже упомянуто, неприменимаго къ арміи и къ военному управленію въ обширномъ смыслѣ. Самоуправленіе отчасти существуетъ у насъ въ ротахъ, эскадронахъ и батареяхъ въ видѣ народной русской артели, изъ самой жизни проникшей въ армію, но этотъ вопросъ къ нашему дѣлу не относится. Дѣйствительно, современное войско, представляя собою одну сплошную, цѣльную массу, какъ бы живой организмъ, существующій для одной опредѣленной цѣли, непременно должно управляться одною мыслью, одною волей. Идея войска и идея единства расторгнуты быть не могутъ, а подобное единство можетъ быть достигнуто только единствомъ управленія. Если смотрѣть на предметъ съ этой точки зрѣнія, то должно согласиться, что понятіе о децентрализаціи не можетъ имѣть другого значенія, какъ только освобожденіе военнаго министерства отъ тяжелой обязанности за-

ниматься рѣшеніемъ огромнаго количества незначительныхъ дѣлъ, съ передачей этой заботы нисшимъ инстанціямъ военнаго управленія.

Но если имѣющее въ виду преобразование не распространяетъ право самоуправленія на отдѣльныя части; если дѣйствительно невозможны *ротное, батальонное, полковое, дивизионное самоуправленіе*, то есть еще другая не менѣ важная точка зрѣнія, о которой мы упомянули уже и которую предполагаемое преобразование постоянно имѣетъ въ виду — это раздѣленіе, разграниченіе властей несомнѣстимыхъ. Прежде всего должно сказать, что несомнѣстимость эта доказана давно теоріей и дознана на практикѣ. Мы думаемъ, что никто не станетъ серьезно опровергать то, что строевая власть отъ распорядительной или хозяйственной, та и другая отъ контрольной должны быть строго отдѣлены по требованію здраваго смысла, юридической теоріи и многолѣтняго, дорого стоящаго опыта. Приложеніе этой истины къ военному управленію къ сожалѣнію всегда и вездѣ встрѣчало препятствія, неодолимыя именно вслѣдствіе неизбѣжности единства воли для управленія арміей, безъ какого единства невозможно достигнуть цѣли, во имя которой она существуетъ. Этому единству и пожертвованъ принципъ раздѣленія несомнѣстимыхъ властей съ большими или меньшими ограниченіями. Въ западныхъ государствахъ пришли къ убѣжденію, что такъ какъ невозможно безъ ущерба необходимаго для арміи единства разграничить строевую, распорядительную и контрольную власти, то выгоднѣе всего соединить ихъ только въ высшемъ военномъ учрежденіи — министерствѣ, и строго провести раздѣльность во всѣхъ посредствующихъ инстанціяхъ и центрахъ. Наши военныя учрежденія, какъ и не военныя, не вышедши изъ народной жизни путемъ естественнаго историческаго роста, но будучи пересажены изъ западно-европейской жизни, тянулись за нею, насколько могли цвѣсти на чужой имъ почвѣ, и давали тѣмъ лучшіе результаты, чѣмъ совершеннѣе были оригиналы, съ которыхъ мы копировали ихъ, и оказывались тѣмъ несостоятельнѣе, чѣмъ плоше были учрежденія, которыми мы подражали. Учрежденія нашего военнаго министерства были скопированы въ 1812 г. съ французскихъ въ эпоху подражанія и поклоненія Наполеону I. Французская армія въ то время ея политическаго и военнаго могущества представляла лучшій образецъ, — съ нея брали примѣръ не мы одни, а вся Европа. Раздѣленіе властей уже тогда было признано французской военной администраціей; оно перешло и къ намъ, хотя въ значительно-искажонномъ видѣ, вслѣдствіе чего оно и не дало ожидаемыхъ

отъ него плодовъ и существовало въ такомъ положеніи до настоящаго времени.

Теперь обращаюсь къ моему предмету и къ разбираемой реформѣ. Въ проектѣ преобразования неоднократно говорится о неудобствахъ соединенія командной, распорядительной и контрольной власти въ однихъ рукахъ или учрежденіяхъ, неудобствахъ: «деморализирующихъ армию, эксплуатирующихъ государственные финансы, порождающихъ то грустное положеніе, въ которомъ находится солдатъ.» Касается ли проектируемое преобразование существенной стороны дѣла — строгаго раздѣленія несомвѣстимыхъ властей, сосредоточеніе которыхъ, забудемъ, какъ неизбежное зло, практикой можетъ быть допущено только въ одномъ высшемъ военномъ учрежденіи — министерствѣ? Нѣтъ, коренныхъ положеній оно не касается, существующее положеніе остается во всей силѣ. Министерство надѣется достигнуть своей цѣли улучшеніемъ теперешней системы, расширеніемъ круга власти и дѣятельности проектированныхъ посредствующихъ центровъ, которыхъ само уподобляетъ новымъ министерствамъ.

Итакъ преобразование вовсе не касается коренныхъ основъ настоящей современной, военно-административной системы и съ этой точки зрѣнія г. Станевичъ весьма основательно говоритъ, что «въ такомъ смыслѣ децентрализація будетъ чисто бюрократическая и канцелярская, которую едва ли не правильнѣе было бы назвать упрощеніемъ дѣлопроизводства или сокращеніемъ переписки.» Слова эти, логичность которыхъ очевидна, вызвали опроверженіе г. Аничкова, который какъ видно не придаетъ особеннаго значенія упрощенію дѣлопроизводства и сокращенію переписки, не признавая за нами такого страшнаго зла, какой придастъ проектъ, изложенный г. Лавровымъ; онъ находитъ въ предполагаемомъ преобразованіи коренную реформу всего военнаго управленія. Онъ говоритъ: «Освобожденіе ниснихъ инстанцій отъ мелочной опеки министерства должно быть непремѣннымъ послѣдствіемъ оживленія администраціи, потому что множество дѣлъ будетъ разрѣшаться на мѣстѣ предоставленною этимъ инстанціямъ властью, безъ испрашиванія каждаго разъ разрѣшенія высшихъ властей». Прекрасно, въ этомъ и заслуга проектированнаго преобразованія, насколько оно достигнетъ предполагаемой цѣли, но въ этомъ главнымъ образомъ и заключается результатъ упрощенія дѣлопроизводства и сокращенія переписки, а г. Аничковъ продолжаетъ: Слѣдовательно этого нельзя назвать простымъ сокращеніемъ переписки, ибо со введеніемъ подобнаго порядка администрація *уничтожится множествомъ поводовъ къ возбужденію переписки.* Да въ чемъ же и состоитъ

сокращеніе переписки, какъ не въ устраненіи поводовъ къ ней? Противорѣчія этого мы никакъ не можемъ постигнуть! Далѣе: Одна изъ главнѣйшихъ цѣлей (еслибы г. Аничковъ указалъ другія, которыя дѣйствительно существуютъ и отчасти высказаны, то выводъ его былъ бы справедливымъ) предполагаемой реформы заключается именно въ томъ, чтобы расширеніемъ правъ и соотвѣствующимъ усиленіемъ отвѣтственности высшихъ инстанцій устранить тотъ бюрократическій характеръ, которымъ такъ страдаетъ наша администрація, тотъ порядокъ управленія, при которомъ всѣ только пишутъ и отписываются, а никто такъ-сказать не управляетъ, гдѣ бумага, отчетъ, шнуровая книга важнѣе дѣла. Такъ какъ же это разсредоточеніе власти, эту децентрализацію, *стремящуюся къ устраненію бюрократіи*, называть бюрократической?

Да какъ же ее назвать иначе? Развѣ принципы управленія измѣнены, развѣ централизаціонный характеръ военнаго управленія можетъ быть измѣненъ? Да, децентрализацію, слагающую часть своей дѣятельности изъ одного центра министерства по пятнадцати другимъ центрамъ, устроеннымъ по образцу перваго (это говорить самъ проектъ), безъ измѣненія сущности своихъ принциповъ, нельзя иначе назвать какъ *децентрализаціей бюрократической*. Вотъ почему и разсужденіе г. Станевича о кругѣ, *неперестающемъ быть кругомъ*, о неизмѣняемости свойствъ его, какъ бы ни измѣнились радіусы, весьма остроумно, рельефно и наглядно объясняетъ дѣло.

Самъ г. Аничковъ признаетъ впрочемъ внутренно, какъ бы противъ воли, что главная задача преобразования — упрощеніе дѣлопроизводства и сокращеніе переписки, хотя и называетъ это дѣло *простымъ*, ибо немедленно послѣ приведеннаго мѣста, говоритъ: «Пробовали мы упрощать дѣлопроизводство, сокращать переписку тѣмъ путемъ, какъ предлагаетъ г. Станевичъ (пишущій эти строки, года три тому назадъ, самъ засѣдалъ въ комитетѣ, трудившемся надъ подобной задачей); ну, и отмѣнили представленіе такихъ-то отчетовъ, предоставили право такимъ-то коллегіальнымъ учрежденіямъ утверждать подряды на 10 тысячъ рублей вмѣсто 3 тысячъ; посократилась нѣсколько переписка, а все-таки характеръ администраціи остается попрежнему чиновничьимъ, бюрократическимъ.» Ну вотъ видите ли, сами же вы говорите. Примѣните свои слова къ окружнымъ управленіямъ: расширили права, усилили вслѣдствіе этого отвѣтственность высшихъ инстанцій; что прежде шло на утвержденіе высшаго центра, будетъ рѣшаться въ меньшихъ центрахъ, — посократится нѣсколько переписка, но измѣнится ли характеръ администраціи, перестанетъ ли онъ быть чиновничьимъ, бюрократическимъ? Стало-быть сама практика показала, что ника-

кѣ импѣриативныя мѣры не помогутъ для достиженія цѣлей, предложенныхъ проектомъ; что для кореннаго преобразованія слѣдуетъ и дѣло вести отъ корня. Территориальный элементъ для сокращенія переписки вовсе не необходимое условіе. Наоборотъ при территориальной системѣ, какъ мы ее понимаемъ, можно создать десять различныхъ системъ управленія, вовсе непохожихъ другъ на друга.

Но если начать дѣло отъ корня, то рѣчь пойдетъ не объ отбѣнѣ тѣхъ или другихъ отчетовъ, тѣхъ или другихъ формъ, а обо многомъ другомъ, между прочимъ, какъ говоритъ г. Станевичъ, о *возстановленіи естественнаго авторитета закона*. Злоупотребленія бюрократіи слѣдуетъ искоренять у ихъ источника; для этого необходимо освободиться отъ рутиннаго, хотя и освященнаго временемъ и обычаемъ взгляда на требованія администраціи.

II

Такииъ образомъ мы полагаемъ, что на предложенный на всеобщее обсужденіе вопросъ о преобразованіяхъ военнаго управленія и о введеніи мѣстной или территориальной системы, въ видахъ отстраненія существенныхъ недостатковъ настоящей системы военнаго управленія, *централизаціи* или сосредоточенія управленія въ высшемъ военномъ учрежденіи — военномъ министерствѣ, и *недостатка ближайшаго мѣстнаго и постоянного административнаго надзора*, нельзя смотрѣть какъ на систему, имѣющую въ виду во первыхъ децентрализацію и допущеніе самоуправленія, во вторыхъ раздѣленіе, разграниченіе властей, признанныхъ самимъ министерствомъ несомнѣтельными. На проектированное преобразование по его сущности слѣдуетъ смотрѣть какъ на улучшеніе настоящей системы военнаго управленія, съ сохраненіемъ тѣхъ же основныхъ принциповъ и положеній, которыми руководствовались доселѣ съ цѣлью *во первыхъ упростить дѣлопроизводство и сократить переписку, во вторыхъ устранить или ослабить вредныя послѣдствія нераздѣльности и сосредоточенія властей* особенными измѣненіями въ настоящемъ порядкѣ посредствомъ окружныхъ военныхъ управленій.

Съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія мы и приступимъ къ разбору проекта въ увѣренности, что сдѣланнымъ вступленіемъ мы достаточно охарактеризовали его и поставили на настоящее мѣсто въ ряду государственныхъ вопросовъ, поднятыхъ въ послѣднее время нашимъ правительствомъ.

Обращаемся къ первому, къ упрощенію дѣлопроизводства и къ

сокращенію переписки. Выгоды, ожидаемыя въ этомъ смыслѣ отъ проектируемаго преобразованія, могутъ состоять въ отстраненіи недостатковъ существующей донынѣ системы, парализующихъ дѣйствія военнаго министерства и спеціальныхъ учреждений и неблагоприятно отражающихся на ходѣ общаго государственнаго управленія — огромнымъ обремененіемъ бюджета. Чрезмѣрное обремененіе военнаго министерства дѣлами, говоритъ проектъ, часто не имѣющимъ никакой важности, поглощаетъ всю его дѣятельность и лишаетъ его возможности сосредоточить свои силы на исполненіи своего главнаго призванія: давать общее направленіе и слѣдить за правильностью хода управленія вооруженныхъ силъ государства; съ другой стороны, вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, военное министерство получило такого рода организацію и личный составъ, которые требуютъ весьма значительныхъ расходовъ, не вознаграждая въ достаточномъ размѣрѣ за трудъ служащихъ и не доставляя имъ достаточнаго матерьяльнаго обеспеченія.

Мы уже сказали о томъ, что главныя причины этихъ несовершенствъ военнаго управленія заключаются не въ сосредоточеніи его въ министерствѣ, не въ недостаткѣ административнаго надзора въ томъ смыслѣ, какъ принимаетъ эти слова проектъ, хотя обѣ причины несомнѣнно оказываютъ извѣстную долю вліянія на эти недостатки, ставяшіе военную администрацію въ такое затруднительное положеніе. Разумѣется, что проектъ такого сложнаго механизма, какъ военное управленіе, не можетъ подлежать серьезной оцѣнкѣ, прежде чѣмъ будетъ разработана вполнѣ, то-есть прежде опредѣленія всѣхъ его деталей, которые играютъ здѣсь чрезвычайно важную роль. Только по нимъ можно будетъ заключить о строгаго руководства всѣмъ этой системой. Наши заключенія могутъ встрѣтить опроверженія въ томъ смыслѣ, что они выведены на ригорі; тѣмъ не менѣе мы ихъ сдѣлаемъ, основываясь на данныхъ, имѣющихъ существующихъ, отстраненія которыхъ самимъ преобразованиемъ мы не видимъ и на всемъ строю окружающей насъ жизни. Печерняемъ ихъ по возможности изъ статьи г. Лаврентьева.

На стр. 120 № 7 «Воен. Сборн.» мы читаемъ: «Территориальная система военнаго управленія не есть нововведеніе для нашего отечества. Она существовала у насъ, хотя имѣла весьма односторонній характеръ, и существуетъ въ настоящее время относительно въ некоторыхъ частяхъ имперіи. Такъ естественнымъ порядкомъ извѣстна или территориальная система управленія привилась къ управленію войсками въ отдаленныхъ окраинахъ нашего отечества, въ казакскомъ и оренбургскомъ краяхъ, въ западной и восточной Сибири и проч., хотя, слѣдуетъ упомянуть, примѣненіе этой системы въ упо-

мянутыхъ частяхъ имперіи отличается значительными недостатками. Такъ напримѣръ эти подобія военно-окружныхъ управленій далеко не ставятъ военное министерство виѣ мелочной опеки по некоторымъ отраслямъ управленія, по другимъ же наоборотъ вовсе выдѣляются изъ вѣдѣнія министерства; однимъ словомъ, въ нихъ не существуетъ необходимой систематичности и равномерности надзора мѣстныхъ окружныхъ управленій надъ всѣми отраслями администраціи и недостаточно опредѣлены отношенія къ военному министерству. Правительство наше, сколько намъ извѣстно, по возможности исправивъ всѣ эти недостатки и выяснивъ основанія этой системы, распространить военно-окружную систему управленія по всей имперіи въ отношенія всѣхъ военно-сухопутныхъ силъ имперіи.»

Къ сожалѣнію статья г. Лаврентьева не указываетъ ни на причины такихъ отклоненій отъ общепринятой системы, ни на гарантіи, по которымъ эти отклоненія были бы невозможны въ будущей системѣ. По нашему разумѣнію онѣ могутъ заключаться либо въ мѣстныхъ, характеристическихъ условіяхъ (географическихъ, политическихъ и проч.); — въ такомъ случаѣ отстраненіе ихъ фактически невозможно и не приведетъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ; либо въ исключительномъ положеніи личностей, которымъ по ихъ свойствамъ и заслугамъ довѣряется управленіе, что вовсе не можетъ быть отстранено, ни даже ослаблено какими бы то ни было преобразованиемъ, какою бы то ни было системою; наконецъ въ степени и кругѣ власти, имъ предоставляемой: послѣднія два обстоятельства вовсе не могутъ имѣть характеръ исключительности, ибо они всегда возможны, что, какъ я надѣюсь, не требуетъ особенныхъ доказательствъ.

Мы ничего не можемъ сказать противъ такихъ фактовъ, вызываемыхъ дѣйствительною необходимостью, то отдаленностью управляемаго изъ Петербурга края, то особенными обстоятельствами самой жизни, узаконивающими всякую мѣру для достиженія предположенныхъ результатовъ. Изъ пятнадцати предполагаемыхъ окружныхъ управленій смѣло можно рассчитывать, что большая половина будетъ виѣ системы проектированнаго преобразования, т. е. невыгоды, которыя приведены въ статьѣ г. Лаврентьева, всегда останутся; отстранить ихъ невозможно никакою систематичностью управленія.

Важнѣе теперь на организацію и личный составъ военно-окружного управленія. Оно необходимо будетъ колоссально въ своихъ размѣрахъ, хотя въ проектѣ, положенномъ г. Лаврентьевымъ, числится всего четыре отрасли его или отдѣла: по части ко-

манной, артилерійской; инженерной и интендантской или хозяйственной. Въ окружномъ управленіи должны быть сосредоточены управленія по всѣхъ существующимъ въ настоящее время округамъ. Въ строевую часть должны войти, кромѣ настоящихъ дежурствъ и части генеральнаго штаба, управленія: корпуса внутренней стражи, резервной пѣхоты и кавалеріи (гдѣ она расположена), комендантскія; въ артилерійскую, кромѣ управленія дѣйствующей артилеріи, входящей въ составъ арміи: крѣпостная артилерія, гарнизонная, артилерійскіе арсеналы, техническія заведенія и проч.; тоже самое и въ инженерной части. Интендантскую часть должны составить два огромныхъ управленія: провіантское и комиссаріатское. Кромѣ того сюда же примкнуть или должны примкнуть военно-медицинское или врачебно-госпитальное управленіе и аудиторское со всѣми военно-судными комиссіями, арестантскими ротами, военными тюрьмами, военно-учебная часть и наконецъ счетная и контрольная части по всѣмъ изложеннымъ отдѣламъ. Поистинѣ это цѣлое министерство, какъ говоритъ самъ проектъ, и министерство не въ мінюльтюрѣ, а въ обыкновенныхъ размѣрахъ. Какія гарантіи, скажите на милость, что въ этихъ громадныхъ учрежденіяхъ, играющихъ кому-же роль второстепенныхъ, посредствующихъ центровъ, пойдутъ дѣла успешнѣе, чѣмъ въ петербургскомъ военномъ министерствѣ; въ чемъ секретъ, что неудобства, открытыя просвѣщеннымъ правительствомъ въ главномъ центральномъ управленіи подъ непосредственнымъ, наблюдательнымъ окомъ лицъ, стоящихъ во главѣ высшаго управленія, не пройдутъ во всей полнотѣ, если не въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, въ центры посредствующіе, въ размѣрахъ прямо пропорціональныхъ удаленію отъ столицы? Въ чемъ тайна, что упростится въ нихъ дѣлопроизводство, сократится переписка, оживится администрація? Мы не упоминаемъ объ удобствахъ министерства: объ этомъ мы будемъ говорить ниже. Итакъ съ этой стороны увеличеніе вообще размѣровъ организаціи и личнаго состава военнаго управленія вслѣдствіе введенія военно-окружныхъ управленій не подлежатъ сомнѣнію, и намъ приходится только сожалѣть, что въ статьѣ г. Лаврентьева мы не нашли никакихъ цифръ для подтвержденія нашего предположенія, которое могутъ оптимисты обвинить въ бездоказательности, въ выводѣ, основанномъ на гадательныхъ данныхъ. Впередъ дѣлаемъ оговорку, что также, если не болѣе были бы гадательныя выводы, противоположные нашимъ, которые несутъ за собою то преимущество, что построены на несовершенствахъ нашей настоящей военной организаціи, заявленныхъ самимъ проектомъ, но не отстраняемыхъ имъ и на причинахъ, вытекающихъ изъ самой жи-

внѣ, отстранить которыя проектированное преобразование взятъся не можетъ.

Зато, какъ бы въ замѣнъ этого значительнаго расширенія организаціи и личнаго состава военнаго управленія по округамъ, подлежатъ упраздненію слѣдующія мѣста в учрежденіи: 1) Штабъ первой арміи, какъ постоянное учрежденіе. 2) Всѣ корпусныя штабы и управленія. 3) Штабы артиллерійскихъ дѣйствующихъ и резервныхъ дивизій. 4) Артиллерійскія окружныя управленія. 5) Инженерныя окружныя управленія. 6) Комисаріатскія управленія. 7) Провіантскія управленія. 8) Окружныя управленія корпуса внутренней стражи. 9) Комендантскія управленія. Что касается до штаба первой арміи, то упраздненіе его гадательно; въ такомъ или другомъ видѣ, въ цѣльномъ или раздробленномъ составѣ онъ можетъ существовать такое неопредѣленное время, что въ настоящую пору, лучше, я полагаю, отложить всякія заключенія по этому предмету. Что касается до корпусныхъ штабовъ и комендантскихъ управленій, то многолѣтній опытъ давно уже указывалъ на бесполезность этихъ учрежденій и расходовъ, которые отпускались на ихъ содержаніе казною. Упраздненіе корпусныхъ штабовъ могло давно осуществиться безъ особенныхъ затрудненій и при твердой системѣ. Они и существовали-то у насъ по ошибкѣ или недоразумѣнію. Соединеніе дивизій въ корпуса было мѣрою временной, вызванной наполеоновскими походами и по окончаніи ихъ утратило всякое существенное значеніе, что ясно было доказано особенно послѣднею войною. Упраздненіе ихъ вполне рационально и причины, изложенныя проектомъ, очевидны. Что касается до упраздненія прочихъ управленій, то, сколько намъ кажется, слово упраздненіе здѣсь совершенно неумѣстно, ибо она въ полномъ составѣ должны войти въ военно-окружныя управленія. Мы не видимъ причинъ, чтобы они вошли не въ полномъ составѣ, но съ большою основательностью можемъ предположить, что организація и личный составъ всѣхъ этихъ управленій по имперіи должны увеличиться по слѣдующимъ двумъ обстоятельствамъ: во-первыхъ число управленій будетъ умножено, ибо къ каждому военно-окружному управленію будетъ присоединено по одному соответствующему имъ управленію, а число проектируемыхъ военно-окружныхъ управленій болѣе числа этихъ отдѣльныхъ теперь управленій; во-вторыхъ кругъ власти и дѣятельности ихъ будетъ расширенъ, а это не можетъ повлечь за собою ограниченія организаціи и личнаго состава этихъ отраслей управленія. Соединить однородныя части въ одну (по артиллерійскому, инженерному и интендантскому управленіямъ), не расширивъ ея штатовъ, тоже будетъ затруднительно, ибо это значило бы обременить

малочисленные управления такимъ количествомъ дѣлъ, исполнить которое добросовѣстно будетъ невозможно. Объяснимъ притворно. Артиллерійское окружное управление имѣеть въ настоящее время организацію и личный составъ въ такомъ размѣрѣ, какой необходимъ для успѣшнаго и безостановочнаго веденія дѣлъ; еслибы онъ былъ недостаточенъ, то дѣла не могли бы идти и останавливались бы; онъ не можетъ быть и слишкомъ великъ, ибо существовать бы въ ущербъ казенному интересу и министерство этого не допуститъ бы. Также самое можно сказать и о штабахъ артиллерійскихъ дивизионныхъ и резервныхъ дивизій. Соедините оба управленія въ одно, неизмѣнивъ системы дѣлопроизводства, — найдутся ли причины для ограниченія организаціи и личного состава обоихъ управленій, теперь соединенныхъ. Разумѣется, что при дальнейшей разработкѣ проекта, при составленіи новыхъ организаціи и штатовъ можно будетъ сдѣлать кое-какія небольшія сокращенія, но при существованіи того же механизма и основаній дѣлопроизводства, есть много шансовъ предположить, что эти сокращенія будутъ временныя. Въ введеніи новыхъ штатовъ, слишкомъ ограниченныхъ, войдутъ съ представленіемъ объ ихъ расширеніи, на что нельзя будетъ неоглашаться безъ ущерба для самаго дѣла, ибо доводы будутъ в законны и убѣдительны.

Такъ что главныя сокращенія, необходимо вытекающія изъ сущности проектированнаго преобразованія, должны касаться всеаго министерства и столичныхъ учреждений. Къ сожалѣнію объ этомъ только вскользь упомянуто въ статьѣ г. Лаврентьева. Прежде всего необходимо должны быть значительно ограничены въ организаціи и въ личномъ составѣ департаменты военнаго министерства; сокращеніе здѣсь и по числу ихъ и по личному составу можетъ быть весьма серьезно, судя по тѣмъ результатамъ, которыхъ ожидаетъ преобразование военнаго управления и учрежденія военно-окружныхъ управленій, съ широко-раздвинутою властью этихъ второстепенныхъ центровъ для облегченія дѣйствій военнаго министерства. Но кромѣ департаментовъ военнаго министерства у насъ существовало или существуетъ въ настоящее время еще нѣсколько другихъ центральныхъ учреждений въ столицѣ. Такъ по управленію артиллерійскому, кромѣ артиллерійскаго департамента, существовалъ штабъ генералъ-фельдцейхмейстера; по инженерному управленію, кромѣ инженернаго департамента, штабъ генералъ-инспектора по инженерной части; штабъ военно-учебныхъ заведеній; существуетъ еще штабъ начальника резервовъ армейской пѣхоты (хотя въ проектѣ говорится о возможности его упраздненія, но онъ не показанъ въ числѣ учреждений подлежащихъ сокращенію); штабъ

начальника стрѣлковыхъ батальоновъ, и проч. Въ некоторыхъ изъ этихъ учреждений уже отѣсны или присоединены къ министерству, но несколько ожидается вслѣдствіе этого сокращеній въ бюджетѣ еще неизвѣстно, и если мы не ошибаемся, сама практика должна въ скоромъ времени показать, что произведенныя сокращенія или вытѣснены въ виду не могутъ соответствовать увеличенію размѣровъ организаціи и личнаго состава вообще всего военного управленія по имперіи вслѣдствіе учрежденія военно-окружныхъ управленій и мы рѣшительно не можемъ не задуматься, будутъ ли результаты преобразованія соответствовать тѣмъ благороднымъ и вѣнчаннымъ орденами ожиданіямъ, которыми они возбуждаютъ. Намъ могутъ обвинить въ пессимизмѣ, — мы не вступимъ въ объясненіе по этому поводу; смѣемъ только увѣрить, что нашъ пессимизмъ несколько не предвѣренный и ничего мы болѣе не желаемъ, какъ чтобы намъ цѣлоразию доказали противное. Мы твердо убѣждены въ трудности той задачи, которую приняло на себя военное министерство, и желаемъ ему полного успѣха въ достиженіи цѣлей, благородныхъ и честныхъ, но въ достижимость ихъ разбираемымъ путемъ, должно сознаться, à priori мы мало вѣримъ. Намъ кажется, что по поводу различныхъ сокращеній, которыя столь необходимы, для приведенія въ исполненіе преобразованія, оно можетъ натолкнуться на препятствія непреодолимая.

Не забудемъ также, что военно-окружные управленія не рѣшаютъ, да и не могутъ рѣшать по существу своему значительное число вопросовъ специальныхъ, техническихъ, которые будутъ возбуждаться по отдѣльнымъ отраслямъ, тѣмъ не менѣе входящимъ въ составъ окружныхъ управленій; по вопросамъ такого рода переписка отдѣльныхъ отраслей будетъ производиться прямо съ военнымъ министерствомъ и съ центральными столичными учрежденіями, а это, по предположенію весьма вѣроятному, поведетъ къ большому и большому выдѣленію ихъ изъ военно-окружныхъ управленій. Въ самой запискѣ г. Лаврентьева говорится, что ихъ останется немного и что они составятъ особія спеціальныя управленія, общія для всей имперіи, но въ связи съ окружными управленіями. Положимъ ихъ дѣйствительно будетъ немного, особенно на первое время, но мы вполне увѣрены, что за самостоятельность ихъ и за значеніе, и за объемъ постоятъ главныя спеціальныя, центральныя управленія. Они будутъ въ связи съ военно-окружными управленіями, стало-быть поводовъ къ перепискѣ ихъ съ министерствомъ и упомянутыми центральными управленіями будетъ еще болѣе. Существующія нынѣ, но не соединенныя въ одномъ центрѣ паралельныя инстанціи, органы, учрежденія по всѣмъ отраслямъ воен-

наго управленія неотстранены и, какъ мы сказали, отстрашены быть не могутъ. Нарушить права ихъ, существенныя или основанныя на угодиливости тому или другому авторитету, по всему строю нашей администраціи и жизни, невозможно. Вотъ и начнется опять, какъ говорить г. Станевичъ, испрашиваніе разрѣшенія поступить по закону, увѣдомленіе о томъ, что поступлено по закону, опасеніе принять что-либо на свою отвѣтственность, когда явится вѣроятность навлечь на себя немилость лица или власти, отъ расположенія которыхъ зависятъ выгоды, представляемая службой и т. д., однимъ словомъ все что при существующей организаціи и системѣ служить неизбѣжимымъ источникомъ безконечной переписки и страшнымъ бременемъ для министерства, которое въ свою очередь само ощущаетъ неудобства, такъ какъ въ нерѣдкихъ случаяхъ принятіе самаго яснаго, положительнаго закона требуетъ съ его стороны столько же обрядности, какъ и самое установленіе новаго закона.

Въ слѣдующей статьѣ мы перейдемъ ко второй половинѣ этого вопроса — къ сокращенію расходовъ и къ облегченію бюджета.

П. ВИНКОВЪ

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПРЕСТУПЛЕНІЯ И ПАЗАЗАНІЯ

(ЭСКИЗЫ ИЗЪ ИСТОРИИ УГОЛОВНАГО ПРАВА)

Les crimes et les peines dans l'antiquité et dans les temps modernes, étude historique par M. Jules Loiseleur.
Paris 1863.

English convicts. The Westminster Review 1863. January.

Causens célèbres.

Système Pénitentiaire par Gustave de Beaumont et A. de Tocqueville.

Dei delitti et delle pene, per Beccaria.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

I

Вопросы о преобразованіи уголовного законодательства и тюремной системы выступили на первое мѣсто со второй половины XVIII вѣка. Съ тѣхъ поръ они съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе обращаютъ на себя вниманіе публицистовъ и государственныхъ людей. Отъ удачнаго рѣшенія ихъ зависитъ улучшеніе народной нравственности, расширеніе образованія и возможность новаго общественаго устройства на болѣе прочныхъ основаніяхъ.

Вотъ нѣсколько книгъ, изъ которыхъ одиѣ новыя, другія вновь изданы: всѣ онѣ трактуютъ объ этомъ вопросѣ или близки къ нему. Попытаемся познакомить съ ними читателя.

Разсматривая теорію уголовного права исторически, мы встрѣчаемъ на первомъ мѣстѣ право возмездія: оскорбленный, слѣдова-

тель, судья и исполнитель сливаются въ одномъ лицѣ; мѣра наказанія зависитъ отъ его произвола. Это эпоха торжества личной необузданной силы и грубыхъ страстей. Тѣсныя отношенія между членами семейства въ бытѣ патриархальномъ заставляютъ ихъ мстить другъ за друга; въ то же время выдѣляется личность старшаго въ родѣ какъ судьи между своими; уголовное право совершенствуется; видны стремленія опредѣлить пропорціональность между преступленіемъ и наказаніемъ; допускается мировой сдѣлкъ, пена... Далѣе, по мѣрѣ перехода общества въ государство, являются законы-обычаи и законы писанные; идея личнаго удовлетворенія соединяется съ идеей искупленія, умилоствленія боговъ; преслѣдованіе личное и родовое смѣняется государственнымъ; судопроизводство становится достояніемъ касты; система предупрежденія преступленій посредствомъ устрашенія распространяется; только немногіе и то не болѣе ста лѣтъ назадъ начинаютъ подымать голосъ за систему перевоспитанія.

Первые законы естественно вытекли изъ обычая; первые обычая возникли подъ непосредственнымъ влияніемъ явленій природы; грозныя силы ея давили неразвитый умъ перваго человѣка, рождали въ немъ чувства покорности и страха; въ свою очередь и онъ думалъ произвести тѣже слѣдствія, устрашая менѣе сильныхъ. Вообще чѣмъ необразованнѣе человѣкъ, тѣмъ онъ болѣе способенъ преклоняться передъ силой во всѣхъ ея проявленіяхъ. Но рядомъ съ закономъ сильнѣйшаго возникаетъ законъ хитрѣйшаго, законъ жреца. Онъ представитель божества, а первобытное божество грозно и неумоляемо; оно требуетъ жертвъ и крови. Оба закона сходны въ главныхъ чертахъ своихъ: они основаны на жестокости; общество еще не научилось цѣнить жизнь своихъ членовъ; оно не достигло даже идеи равенства передъ закономъ — касты мѣшали этому (1).

Всѣ первобытныя писанныя законы основаны на возмездіи, на преобладаніи теократіи и кастоваго быта, на поддержаніи общества въ неподвижномъ состояніи и сохраненіи семейственнаго деспотизма: вездѣ законъ преимущественно тяготеетъ на рабахъ (2).

Оставляя въ сторонѣ восточныя законодательства, коснемся только еврейскаго, потому что на основаніи его изложены многіе вопросы европейскаго уголовного права.

Надо замѣтить, что въ еврейскихъ законахъ видны два элемен-

(1) Buclé; Dupuis; Monnardt. Die Götterwelt der deutschen und nordischen Völker.

(2) Buclé. Wallon, hist. de l'éscl.

та: бытовой — народный и египетский — жреческий. Законы Моисея стараются охранить слабого и защитить раба (1). Его законы не допускали никакого различія между богатымъ и бѣднымъ; виновный отвѣчалъ самъ за себя, не подвергая отвѣтственности родныхъ; пытка не употреблялась; смертная казнь состояла въ удавливаніи, побиваніи камнями, сожженіи и отсѣченіи головы; прочія казни, какъ-то: раздавливаніе преступниковъ подъ колесницами, распиливаніе и т. п. — происхожденія сирійскаго и персидскаго. Для уменьшенія кровомщенія Моисей назначилъ шесть городовъ, которые пользовались правомъ убѣжища. Если убійство было совершенно неумышленно — левиты защищали виновнаго; въ противномъ же случаѣ выдавали его родственникамъ жертвы.

Судъ у евреевъ былъ трехъ инстанцій: первая — обыкновенный судъ изъ трехъ членовъ завѣдывалъ частными дѣлами, воровствомъ и мелкими проступками; вторая — совѣтъ старѣйшинъ отъ городовъ судилъ преступленія угомонныя; третья — верховный народный совѣтъ, находившійся въ Иерусалимѣ, представлялъ высшее судебное и законодательное мѣсто. Судьи обыкновенно засѣдали у городскихъ воротъ; вокругъ стояли ученики и *сотеримы*, вооруженные бичами и палками. Между прѣіями и произнесеніемъ приговора проходили сутки, въ которыя судья должны были поститься, а главное не употреблять вина. По произнесеніи приговора, преступника вели на мѣсто казни, которое обыкновенно было за городомъ; впереди его шли двое изъ судей и глашатай, который возвѣщалъ народу не только имя обвиненнаго и его преступленіе, но также имена обвинителя и свидѣтелей. По прибытіи на мѣсто казни преступника полили смѣсью изъ вина и мирры, для уменьшенія чувствительности, и затѣмъ предавали его роднымъ убитаго. Въ случаѣ же идолопоклонства, богохуленія и т. п. преступленій виновный побивался камнями. Свидѣтели бросали первые.

Въ греческомъ мірѣ также преобладаетъ идея возмездія. Самая религія требовала мщенія; оно тѣсно соединено съ культомъ мертвымъ и уваженіемъ къ живымъ. Аполлонъ приказываетъ Оресту для успокоенія тѣни Агамемнона умертвить Клитемнестру; тѣни Патрокла и Ахилла требуютъ умиловительныхъ жертвъ. Боги и люди проновѣдуютъ месть; убійцѣ одно средство спасенія — бѣгъ.

(1) Господинъ, убившій раба, наказывался смертью. Рабъ, изувѣченный господиномъ, получалъ свободу. Еврей, продавшій себя въ рабство, получалъ свободу на седьмой годъ, а также и въ юбиларный, хотя бы онъ пришолся ранѣе (Исх. XX и XXI. Второзак. XV. Лев. XXV.). Кастрированіе и продажа свободныхъ людей запрещались подъ страхомъ строгихъ наказаній (Паралипом. XXVIII; Второзак. XX.).

ство. Впослѣдствіи времени нѣкоторые очистительные обряды позволяли преступнику возвратиться на родину: онъ входилъ въ соглашеніе съ родными убитаго, платилъ имъ извѣстную пеню и съ этихъ поръ становился совершенно безопаснымъ.

Изъ дошедшихъ до насъ литературныхъ памятниковъ о героической эпохѣ видно, что законъ око за око, зубъ за зубъ господствовалъ. Тезей казнить разбойниковъ той же смертью, какой она губила прохожихъ. Гомеръ упоминаетъ объ обычаяхъ побивать камнями за нарушение супружеской вѣрности; Еврипидъ говоритъ о той же казни за убійство. Что касается до жестокостей, совершенныхъ Улиссомъ надъ своими рабынями и Мелантіемъ, то очевидно это вспышка необузданнаго гнѣва; это доказательство, что жизнь раба вполне зависѣла отъ произвола господина (1).

Во время Солона было въ Атикѣ пять судищъ; высшимъ считался ареопагъ; онъ судилъ преднамѣренное убійство, отравленіе, пожары, покушенія противъ государства и оскорбленіе религіи; другіе суды завѣдывали преступленіями исключительными: такъ энипританеумъ рассматривалъ несчастія, происшедшія отъ животныхъ и предметовъ неодушевленныхъ.

Обвинительная система служила основаніемъ судопроизводства. Только родственники убитаго до четвертой степени могли быть обвинителями: имъ было позволено помириться съ виновнымъ, когда вздумается. Процессъ открывался жертвоприношеніемъ богамъ; истецъ и отвѣтчикъ клялись, стоя у трепещущей въ предсмертныхъ содроганіяхъ жертвы, сказать сущую правду, призывая въ свидѣтели Евменидъ. Затѣмъ начинался допросъ. Двѣ рѣчи были позволены обвиняемому и его адвокату; первый могъ не дожидаясь послѣдней рѣчи скрыться, т.-е. добровольно осудить себя на изгнаніе. Свидѣтельство только гражданъ имѣло силу; свидѣтельство чужеземцевъ принималось къ свѣдѣнію; показанія же рабовъ ничего не значили безъ пытки. Нетолько палачи, но и сами тяжущіеся могли пытать ихъ. Ни полъ, ни возрастъ не избавляли отъ муки, и это было тѣмъ безнравственнымъ, что сами адвокаты не вѣрили въ истину показаній, добытыхъ терзаніями. «Пытка, говоритъ Аристотель въ своей риторикѣ, есть одинъ изъ видовъ доказательства: она внушаетъ довѣренность, потому что кажется вынужденной... Если она благопріятна намъ, надо доказывать, что это единственный достовѣрный родъ свидѣтельствъ; если же она неблагопріятна, слѣдуетъ доказывать, что она порождаетъ столько

(1) Біогр. Тезея, Плутарха; Гомеръ. Ил. III; Евр. Орестъ; Одис. XXII.

же жи, сколько истины... Въ томъ и другомъ случаѣ можно сослаться на примѣры, извѣстные судьямъ.»

Но хотя свободные граждане и не подвергались пыткамъ, но были случаи, когда народъ въ безумной ярости нарушалъ этотъ законъ (¹).

Трибунальъ одиннадцати завѣдывалъ тюрьмами; на немъ же лежали всѣ распоряженія для приведенія смертныхъ приговоровъ въ исполненіе. Обыкновенно употребляли для этого ядъ, мечъ и веревку. Метековъ и рабовъ бросали въ пропасть, стѣны которой были покрыты ножами и остріями. Нечестивцевъ осуждали на голодную смерть за столомъ, уставленнымъ кушаньями. Въ Спартѣ гражданъ удавливали, лаковцевъ и илотовъ бросали въ пропасть.

До изданія законовъ двѣнадцати таблицъ Римъ представляетъ нѣсколько примѣровъ ужасныхъ казней, но казни эти являются скорѣе слѣдствіемъ произвола, чѣмъ установившагося обычая; такъ Мецій Суффецій былъ разорванъ двумя колесницами. «Это былъ первый и послѣдній примѣръ казни, гдѣ Римъ забылъ законы челоуколюбія,» восклицаетъ Титъ Ливій. Слова далеко неоправдываемыя послѣдствіями.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что въ эти отдаленныя времена наказанія были различны для патриціевъ и для плебеевъ. Глава семейства, патронъ, квиритъ — непогрѣшимъ въ отношеніи своей жены, дѣтей, кліентовъ. Патрицій могъ быть виновнымъ только передъ патриціемъ; если же онъ оскорблялъ низшихъ — дѣло оканчивалось замѣчаніемъ сенаторовъ, что онъ поступаетъ дурно. Обыкновенно патриція, виновнаго въ злоумышленіи противъ республики, сѣкли и потомъ обезглавливали. Висѣлица была назначена для плебеевъ.

Правило око за око, зубъ за зубъ, имѣетъ широкое примѣненіе въ законахъ двѣнадцати таблицъ; возможность мировой сдѣлки сохранена; но зато всѣ наказанія отличаются неимоуьрною жестокостью; за поджогъ назначены бичеваніе и сожженіе; за убійство — бичеваніе и повѣшеніе; за ложное свидѣтельство — бичеваніе и сверженіе съ тарпейской скалы; за пасквиль — сѣченіе до смерти. Эта строгость отражается и въ законодательствѣ о должникахъ. Должникъ и его семейство принадлежатъ заимодавцу. Онъ можетъ ихъ содержать въ тюрьмѣ (всякій патрицій имѣлъ въ домѣ тюрьму), по произнесеніи приговора, въ теченіи шестидесяти дней, въ цѣпяхъ впрочемъ не свыше пятнадцати фунтовъ. По истеченіи срока заимодавецъ имѣлъ право умертвить неисправнаго должника или продать его.

(¹) Плутархъ. Жизнь Фокіона.

Въ семейномъ отношеніи эти законы подлерживаютъ отеческій деспотизмъ. Отець можетъ умертвить ребенка при самомъ рожденіи; онъ пользуется этимъ правомъ всегда, хотя бы сынъ его занималъ важную должность въ республикѣ. Но если онъ три раза продалъ его въ рабство — сынъ дѣлается свободенъ. Жена составляетъ собственность мужа: онъ можетъ продать, а въ случаѣ нарушенія супружеской вѣрности убить ее, если поймасть на мѣстѣ преступленія. Въ противномъ случаѣ она судится въ присутствіи своихъ родныхъ. Тѣже правила наблюдались, если женщина напивалась до-пьяна. Самое страшное наказаніе было сохранено для отцеубійцъ: ихъ зашивали въ мѣшокъ вмѣстѣ съ собакой, обезьяной, пѣтухомъ и змѣей и бросали въ Тибръ.

Внѣслѣдствіи времени казни умножились. Эластичность обвиненія въ оскорбленіи величества давала поводъ къ неслыханнымъ злоупотребленіямъ. Удушваніе, убіеніе мечемъ, отравленіе, вскрытіе жилъ, осужденіе на бой съ звѣрями и гладиаторами — встрѣчаются поминутно со временъ Тиверія. Осужденія на работы въ рудникахъ не менѣе часты. Военные законы отличаются непомятой строгостью. Въ арміи начальники пользовались неограниченнымъ произволомъ. Въ случаѣ нарушенія дисциплины или бѣгства легіона они могли десятого предать смерти. Виновныхъ выводили изъ лагеря, привязывали къ висѣлицѣ, били прутьями и отрубали голову сѣкирой. Другой родъ наказанія состоялъ въ томъ, что солдаты засѣкали ихъ палками⁽¹⁾.

Но всѣ эти жестокости ничего не значили въ сравненіи съ тѣми мученіями, которымъ подвергались христіане и рабы. Послѣдніе во все время республики и имперіи до Антониновъ не были обезпечены никакимъ закономъ отъ капризовъ своихъ господъ.

• Всякій проступокъ былъ поводомъ къ наказанію. Не было нужды даже въ поводѣ. Этотъ бьетъ своихъ рабовъ, когда вздумается, изъ опасенія, что будетъ ему недосугъ, когда они дѣйствительно того заслужатъ; тотъ велитъ ихъ сѣчь всякій день, чтобы они не забыли, что они рабы. Катонъ послѣ обѣда собственноручно наказывалъ тѣхъ изъ слугъ, которые провинились во время стола. Ювеналъ, рисуя портретъ надменной женщины, говоритъ, что она приказала распять раба по капризу, безъ всякой вины, и на робкія замѣчанія мужа отвѣчала съ ироніей и удивленіемъ: «О сумашедшій, развѣ рабъ человекъ?». Нѣкоторыя патриціанки занимали палачей на цѣлый годъ и развлекались во время длиннаго туалета зрѣлищемъ сѣченія невольницъ. Ферулы разлетались въ куски, плети и бичи обгагривались кровью, въ то

(1) Polybe. Wallon.

время какъ лѣнивая матрона приказывала раскрашивать себѣ лицо, болтала съ подругами, разсматривала узоры новаго платья или пробѣгала длинные столбцы ежедневной газеты. Золотой иголкой колола она въ руку или грудь тѣхъ изъ рабынь, которыхъ недовокость ее раздражала, которыя не могли закрасить на ея изношенной физиономіи слѣдовъ, произведенныхъ оргіями и временемъ.

• Рабу было запрещено подѣ страхомъ самыхъ жестокихъ побоевъ говорить передъ своимъ господиномъ, шумѣть, громко дышать, почти думать... • Мы презираемъ, говоритъ Леонидъ Плавта въ Азинаріи, хлысты, раскаленные полосы, крестъ, цѣпи, оковы, ошейники (*compedes, nervos, numellae, pedicas, boias*) ⁽¹⁾ и этихъ сильныхъ палачей, такъ хорошо знакомыхъ съ нашей спиной, мастеровъ покрывать ваши плечи рубцами. •

Но и эти показанія не полны. Леонидъ не говоритъ ничего ни о вилахъ, ни о клейменіи.

«Вилы (*la fourche*) восходятъ къ самой далекой древности... Въ сущности это былъ крестъ, назначенный замедлять походку виновнаго. Онъ тащилъ его за собой или носилъ впереди себя диагонально, смотря по тому, проходила ли верхняя перекладина подѣ подбородкомъ или поддерживала голову сзади. Въ обоихъ случаяхъ руки его были привязаны къ ея оконечностямъ; ярдыкъ, прилѣпленный на груди, показывалъ вину преступника, который сверхъ того былъ иногда принужденъ каяться въ ней всенародно. Въ такомъ положеніи, голый по полюсъ, онъ проходилъ по городу въ сопровожденіи восьми рабовъ, которые стегали его розгами, подѣ надворожъ *loraria* (главнаго экзекутора).

• Клейменіе было занесено изъ Греціи. Его производили раскаленнымъ желѣзомъ на дбу виновнаго... Бѣглые рабы, въ случаѣ поимки, подвергались этому наказанію, но господа ихъ этимъ не довольствовались: они изувѣчивали ихъ или принуждали сражаться со звѣрями... Константинъ считалъ себя милосерднымъ, когда бѣгство раба къ варварамъ положило наказывать отрубленіемъ ноги.

• Бичъ, розги, цѣпи и машины всѣхъ сортовъ до такой степени вошли въ обычай, что даже наказанные говорили о нихъ съ равнодушнымъ цинизмомъ. Но что сказать о тѣхъ утонченныхъ жестокостяхъ, о тѣхъ мукахъ, которыя изобрѣло личное варварство гос-

(1) *Compedes* — цѣпи, охватывавшія поясъ и прикрѣпленные къ каждой ногѣ. Многіе рабы носили ихъ даже при работѣ. *Nervi* — машины для сковыванія. Онѣ имѣли въ серединахъ отверстія, въ которыя входили ноги виновнаго и привязывались ремнями. *Numellae* — машины для приданія рабу неподвижности въ то время, когда его наказываютъ. Для этого раба поднимаютъ къ перекладинамъ посредствомъ веревокъ, проходящихъ подѣ мышками; на ногахъ у него была привязана тяжесть до 2½ пудовъ; плетъ состояла изъ нѣсколькихъ ремней съ узлами или заплетенными свинцовыми шариками.

подъ? Воображеніе отступаетъ, устрашнное этими оргіями римской свирѣпости... Немногое что мы знаемъ, сохранилось въ законахъ, воспрепятствующихъ эти ужасныя злоупотребленія силы.

• Указы Нервы и Траяна запрещаютъ кастрированіе рабовъ; указъ Адріана запрещаетъ дѣлать ихъ *thlibies*... (1)

• Обыкновенный способъ казни рабовъ — распинаніе на полѣ Сестерціумъ. Оно было за городомъ и представляло родъ дѣса: такъ кресты на немъ были многочисленны. Ужасный запахъ отдѣлялся отъ этой бойни, поверхъ которой безпрестанно проносились черныя тучи хищныхъ птицъ. Тамъ и здѣсь, съ этихъ крестовъ, покрытыхъ окровавленными членами, раздавались крики, которые не имѣли въ себѣ ничего человѣческаго, въ которыхъ слышались звуки ненависти и проклятія, которые призывали небо въ свидѣтели людской несправедливости, хотѣвшей не только смерти раба, но и его мученій; хотѣвшей, чтобъ онъ страдалъ, умирая отъ голода, чтобъ живой служилъ пищей воронамъ горы еквилинской.

• Самые незначительныя проступки служили предлогомъ къ ужаснѣйшимъ казнямъ. Одинъ приказалъ убить раба зато, что онъ прокололъ кабаня копьемъ — оружіемъ запрещеннымъ для невольниковъ. Другой бросалъ ихъ живыхъ на сѣденіе муренамъ за разбитую посуду. Самый Августъ распялъ раба на мачтѣ корабля зато, что онъ съѣлъ у него перепелку... Всѣ рабы, которые находились въ домѣ умерщвленнаго гражданина, подвергались пыткамъ и смертной казни безъ различія правыхъ отъ виновныхъ. При Неронѣ, Пердоніи Секундусъ, римскій пречектъ, былъ убитъ изъ ревности однимъ изъ своихъ рабовъ; четверста товарищей виновнаго заплатили за это преступленіе жизнью (2).

Пытка была естественнымъ слѣдствіемъ такого понятія о правѣ господина. Плебей всегда могъ избѣгнуть ее, если только не было обвиненій въ оскорбленіи величества, черезъ ходатайство какого-нибудь богатаго или знатнаго патрона; но для раба не было спасенія: его пытали какъ подозрѣваемаго, какъ свидѣтеля, какъ поставнаго за своего господина. Обыкновеннымъ орудіемъ пытки былъ станокъ особеннаго устройства (*chevalet*). Виновнаго привязывали за руки и за ноги и потомъ посредствомъ винтовъ раздвигали станокъ: члены вытягивались и вывихивались, связки разрывались; для увеличенія боли царапали тѣло желѣзными когтями или прикладывали раскаленные полосы...

Со введеніемъ христіанства участь рабовъ нѣсколько улучшилась: главныя преслѣдованія были направлены противъ идолопоклонниковъ и еретиковъ. Борьба каноническаго права съ римскимъ

(1) Особый родъ кастрированія.

(2) Loiseleur.

видна на каждомъ шагѣ. Осквернители брака подвергаются смертной казни (Константинъ). Рабъ, имѣвшій преступныя сношенія съ госпожой, сжигается живой, сообщницѣ его отрубаютъ голову, дѣти исключаются отъ наслѣдства (Феодосій). Преступленія противъ природы наказываются костромъ, также какъ и кровосмѣшеніе (Валентиніанъ). Похититель дѣвицы или вдовы, хотя-бы съ ея согласія, подлежитъ сожженію или растерзанію дикими звѣрями; кормилицамъ и рабынямъ, солѣдствовавшимъ преступленію, заливали горло растопленнымъ свинцомъ (Константинъ). Фальшивыхъ монетчиковъ сжигали; жесвидѣтелямъ отрѣзывали языкъ (Феодосій). Манихизмъ ⁽¹⁾ считался государственнымъ преступленіемъ: кто зналъ о манихѣхъ и не доносилъ, подвергался смертной казни (Феодосій и Валентиніанъ). Съ другой стороны эта эпоха изобилуетъ законами для покровительства дѣтей, для отвращенія дѣтубійства. Константинъ предписываетъ выставить въ церквахъ ясли для подкидышей; онъ приказываетъ выдавать одежду и пищу для родителей слишкомъ бѣдныхъ, чтобъ прокормить дѣтей; онъ позволяетъ тѣмъ, кто приметъ подкидышей, обращать ихъ въ свою собственность, дѣлать ихъ рабами. Валентиніанъ смотритъ на умышленный выкидышъ какъ на смертоубійство...

Нашествіе варваровъ внесло новыя элементы въ римское законодательство. Ихъ обычаи, ихъ законы, столкнувшись съ каноническимъ и римскимъ правомъ, послужили основаніемъ тому запутанному судопроизводству, которое возникло въ средніе вѣка.

Преступленія у варваровъ судились собраніемъ всѣхъ свободныхъ людей округа.

Никто не могъ быть осужденъ безъ ясной улики. Измѣнниковъ и перебѣжчиковъ вѣшали на деревьяхъ, трусовъ бросали въ болото. Оскорбленія частныхъ лицъ общество не преслѣдовало: они сами должны были заботиться объ удовлетвореніи себя. За каждый проступокъ была положена пеня; судъ опредѣлялъ только сумму. Доказательствами служили: показанія свидѣтелей, ордалии или божія суды. Самыя обыкновенныя испытанія были огнемъ и водою. Обвиняемый долженъ былъ опустить руку въ сосудъ съ кипяткомъ и вынуть со дна какой либо положенный туда предметъ, или взять въ руку раскаленное желѣзо или пройти опредѣленное число разъ по раскаленнымъ полосамъ. Затѣмъ раны обвязывались полотномъ, къ которому прикладывалась печать; если черезъ три дня не оста-

⁽¹⁾ Манихей еретики III вѣка. Они признавали двойственность принциповъ и вслѣдствіе того двѣ души въ человѣкѣ, отвергали свободную волю, крещаніе и считали всѣ религіи равными. (См. о нихъ. Церк. ист. Ипполитія).

валось слѣдовъ отъ обжога — это было признакомъ невинности. Сверхъ того существовала обычай доказывать свою правоту поединкомъ.

Вообще всѣ узаконенія варваровъ основаны на принципѣ частного мщенія и на выкупѣ. Наказанія не строги; смертная казнь назначается въ рѣдкихъ случаяхъ. Исключеніе представляютъ законы бургундовъ и визиготовъ. Въ первомъ видно галло-римское вліяніе; во второмъ — вліяніе духовенства. «Кто убьетъ челоуѣка свободного или раба короля, долженъ отвѣчать своей кровью», говорятъ бургундскій законодатель. Если рабъ съ вѣдома господина убьетъ свободно-рожденнаго, то какъ онъ, такъ и господинъ подвергаются смертной казни. Если кто украдетъ охотничьяго ястреба, долженъ заплатить 6 су или дать ястребу выклевать у себя 6 унцій мяса.

Законы визиготовъ допускаютъ возмездіе только въ маловажныхъ случаяхъ: убійство наказывается мечемъ или висѣльницей, за менѣе важныя преступленія рубили руки, носы, уши, выкалывали глаза; отъ тѣлеснаго наказанія не освобождались даже люди свободные; оно часто сопровождалось сдираніемъ кожи съ головы. За преступленія противъ нравовъ назначены строгія наказанія; цѣлая XII книга наполнена предписаніями противъ евреевъ и еретиковъ.

Проволь королей еще болѣе увеличивалъ строгость наказаній. Когда Григорій Турскій оправдался отъ обвиненій графа Левдаста, клеркъ Риккульфъ, оклеветавшій епископа, былъ осужденъ на смерть. Съ большими усиліями усилъ Григорій выпросить ему жизнь, но не могъ избавить его отъ мученій.

«Я никакъ не думалъ, говоритъ онъ, чтобы какая-нибудь бездушная вещь, какойнибудь камень могли противостоятъ столькимъ ударамъ, сколько перенесъ этотъ жалкій бѣднякъ. Въ третьемъ часу его повѣсили на дерево за руки, связанные свали спины; въ девятомъ часу его сняли, растянули на колесо и стали бить палками, розгами, ремнями скрученными вдвое, и не одинъ, не два челоуѣка били его, но всякій, кто могъ приблизиться къ его несчастнымъ членамъ, становился палачомъ (1)».

Другіе примѣры представляютъ: 1) процеса Муммола. Этотъ знаменитый полководецъ, одинъ изъ знатнѣйшихъ вельможъ, подвергся такой же пыткѣ какъ и Риккульфъ по одному подозрѣнію въ колдовствѣ. 2) Геленъ, сообщникъ Меровея, былъ взятъ въ плѣнъ: ему отрубили руки, ноги, уши, оконечность носа, и послѣ многихъ другихъ мученій безчелоуѣчно убили. 3) Во время усмиренія возмущенія

(1) Григ. Турск. кн. V, 50. Авг. Тьерри. Разказы о времен. Мервинговъ.

при Хильперикѣ по случаю увеличенія податей въ числѣ казенныхъ находились нѣкоторые аббаты. (1)

Законодательство Карла великаго отличается слѣпой вѣрой въ ордалин. Клятвopреступнику отрубаютъ руку; за первое воровство выкалываютъ глазъ, за второе рубятъ носъ, за третье казнятъ смертью. Неравенство передъ закономъ поддерживается: высшее сословіе подлежитъ королевскому суду; большей частью дворяне приговариваются къ тюрьмѣ или изгнанію; за тѣже преступленія простолюдниковъ ожидаетъ висѣлица.

Эпоха феодальной неурядицы отличается совершеннымъ неповиновеніемъ законамъ. Всякій баронъ судитъ въ своемъ имѣніи какъ вздумается. Хотя только сеньоримъ, пользовавшимся правомъ регалій, могли приговаривать къ смерти безъ апелляцій, однако въ сущности этимъ ограниченіемъ никто изъ сильныхъ сеньоровъ не стѣснялся...

Въ своемъ стремленіи къ единству и порядку, короли довели правосудіе до крайнихъ предѣловъ жестокости. Юриспруденція сдѣлалась въ ихъ рукахъ средствомъ къ освобожденію отъ опасныхъ непріятелей, къ обогащенію казны, къ удовлетворенію личной ненависти.

Въ прошедшей статьѣ (Коллунья) мы видѣли причины учрежденія инквизиціи. Преобладаніе каноническаго права въ университетѣ сообщило и свѣтскому правосудію характеръ схоластики и поклоненія мертвой буквѣ закона.

Постановленія Людовика IX, несмотря на одинаковость наказаній для всѣхъ, отличаются варварствомъ. Идея соразмѣрности между преступленіемъ и наказаніемъ еще не проникла въ умы законодателей. Измѣна, насилуваніе, похищеніе, зажигательство, убійство посредствомъ засады и съ умысломъ, или нечаянно и въ горячахъ, причиненіе выкидыша беременной, разбойничество и домашнее воровство наказываются висѣлицей. Жоны разбойниковъ, пособлявшія имъ совершать преступленія, сжигались. Укрывательницы воровъ и краденыхъ вещей зарывались въ землю живыя. Преступленіе противъ природы (bougterie), ересь, колдовство — наказывались костромъ.

Со временъ Людовика IX строгость законовъ не только не уменьшается, но даже увеличивается, съ тою только разницей, что аристократія мало-помалу создаетъ себѣ особыя привилегіи и освобождается отъ общихъ законовъ.

Чтобъ не надоѣдать читателямъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же

(1) Грег. турск. кн. VI и V.

подробностей постараемся представить въ ряду процессовъ картину уголовного законодательства Франціи.

II

Дѣйствіе происходитъ при Филиппѣ красивомъ.

— Постоянная нужда, постоянная праздность — вотъ все его царствованіе. Вся его исторія сводится къ конфискаціи. Негоціанты свои и чужеземные, итальянцы и евреи, дѣлаются предметами его преслѣдованія: онъ выгоняетъ ихъ, конфискуя ихъ имущество; за тѣмъ онъ обираетъ у буржуазіи и мелкихъ дворянъ серебряную посуду и начинаетъ чеканить фальшивую монету. • (1)

Безпрестанныя возстанія и ропотъ народа наложили мрачный оттѣнокъ на расположеніе короля. Онъ часто страдалъ бессонницей, не зная какъ вывернуться изъ своего отчаяннаго положенія. Однажды рано утромъ разсѣвшись передъ окномъ, онъ внимательнѣе обыкновеннаго взглянулъ на берегъ. На берегу лежалъ трупъ; около него стояли капитанъ королевской гвардіи Готье д'Онэ (Aupois) и братъ его Филиппъ; они старались что-то вырвать изъ окоченѣлыхъ рукъ мертвеца. Страшная мысль мелькнула въ головѣ короля. Уже давно ходили слухи, что Сена всякое утро выбрасывала трупы молодыхъ красивыхъ людей, пораженныхъ въ сердце кинжаломъ. Голосъ народа обвинялъ въ этомъ невѣстоку короля: Маргариту, Бланку и Жанну. Всѣ старанія полиціи открыть виновныхъ оставались напрасны. Филиппу показалось, что онъ попалъ на слѣдъ убійцъ и онъ немедленно приказалъ братьямъ д'Онэ явиться къ нему. Они съ трепетомъ повиновались.

— Кажется вы сегодня слѣзали довольно несчастную встрѣчу? спросилъ ихъ король.

— Вы не ошиблись, государь, отвѣчалъ Готье: — жалко видѣть такого молодого человѣка, убитаго столь подлымъ образомъ.

— Да, мы хотимъ разъяснить это дѣло и потому позвали васъ; я знаю — вы хорошіе совѣтники... не нашли ли вы какихъ-либо признаковъ, которые могли бы навести на слѣды преступленія?

Рыцари поблѣднѣли подъ испытующимъ взглядомъ короля и Готье послѣ нѣкотораго колебанія подалъ ему таблетки, вырванные изъ рукъ трупа; на нихъ остриемъ булавки было написано: «я убить Жанной бургонской, послѣ ночи съ всю въ башнѣ Нель.» Король

(1) Michelet. Hist. de France.

содрогнулся, лицо искажилось, въ глазахъ сверкнула страшная молнія.

— Клянитесь! закричалъ онъ громовымъ голосомъ: — еслибъ я не зналъ, что вы честные люди, я подумалъ бы, что вы вступили въ заговоръ съ цѣлю опозорить честное имя моей невѣстки.

Братья д'Онэ присягнули. Филиппъ приказалъ позвать Жанну. Она пробовала оправдаться, но обвинителя предложили доказать справедливость своихъ словъ судебнымъ поединкомъ.

— Государь! вскричала Жанна, приведенная въ отчаяніе: — не потерпите, чтобъ въ вашемъ присутствіи оскорбляли невѣстку Французскаго короля.

— Я не потерплю, отвѣчалъ король: — чтобъ это дѣло осталось неразъясненнымъ... я сейчасъ же пошлю за парижскимъ превотомъ.

Жанна и рыцари по знаку короля удалились.

Возвратившись домой, братья д'Онэ потребовали свиданія у Маргариты и Бланки, которыхъ они нисколько не подозревали въ такихъ преступленіяхъ. А между тѣмъ въ сущности Маргарита была всему дѣлу зачинницей. Ея неудержимое сладострастіе искало новыхъ наслажденій въ безпрестанной перемѣнѣ любовниковъ. Но жертвы ея страсти платили жизнью за одну счастливую ночь. Она своимъ примѣрмъ увлекла Бланку и Жанну — и башня Нель сдѣлалась сценой неслыханныхъ оргій: то паровали тамъ обманутые братья д'Онэ и пажъ Оливье, то университетскіе школьники.

Между тѣмъ Жанна не дремала: она велѣла слѣдить за любовниками своихъ сестеръ. Едва они прибыли на мѣсто свиданія, какъ она побѣжала къ королю донести о такомъ соблазнѣ, обвиняя во всемъ Бланку и Маргариту. Филиппъ пришелъ въ ярость: окруживъ башню, онъ съ пятьюдесятью гвардейцами ворвался во внутренность ея и засталъ своихъ невѣстокъ въ самомъ разгарѣ оргій. Братья д'Онэ были схвачены и подверглись сперва пыткамъ, а потомъ страшной казни: съ нихъ содрали кожу и протащивъ привязанныхъ къ хвосту лошади къ эшафоту, отрубили голову и повѣсили подъ мышки (1).

Маргарита была заключена въ подземелье замка Гальяръ вмѣстѣ съ Бланкой. Раскаяніе и кротость послѣдней тронули короля и онъ перевелъ ее въ монастырь, откуда по истеченіи года она возврати-

(1) Et adcertes Philippe d'Aunoy et gaultiér d'Aunoy du commandement du roy furent escorchez et les genitalia coupées, et après ce incontinent à ung gibet de Ponthoise furent trainés par chevaux neufs sur prés nouvellement fauchés, jusqu'au gibet ou furent pendus... (Chr. de S. Denis).

лась къ мужу. Жанна по слѣдствію была признана невиной. Но гордый духъ Маргариты не смирился въ заточеніи: она осыпала проклятіями короля и его приближенныхъ. По смерти Филиппа Людовикъ сварливый приказалъ удавить ее, желая вступить въ бракъ съ Клеменціей венгерской.

Это же время (половина XIV) отличается увеличеніемъ жестокости и въ другихъ странахъ. То была эпоха тирановъ и народныхъ возмущеній. Тогдашняя политика вся основывалась на устрашеніи: варварскими казнями думали достигнуть повинновенія, в вотъ Бернабо Висконти изобрѣтаетъ знаменитую сорокадневную казнь (сагете). Преступника мучили черезъ день: первые четыре дня его поднимали на виску, потомъ два дня поили водою съ известью и уксусомъ; за тѣмъ содравъ кожу съ подошвъ, водили по гороху, вырывали сперва одинъ глазъ, на другой день другой, рѣзали носъ, рубили руки и ноги, рвали клещами и наконецъ въ сорокъ—первый день заставляли умирать на колесѣ. Въ Испаніи свирѣпствуетъ Петръ жестокій; въ феодальной Германіи господствуютъ костры, четвертованіе, колесованіе, желѣзные когти и раскаленные щипцы... символизмъ и уваженіе къ римскому праву играютъ важную роль въ законодательствѣ. По мѣрѣ распространенія знаній, или лучше сказать схоластики, распространялось и гошеніе: всякая самостоятельность мысли преслѣдовалась какъ уголовное преступленіе. Университетъ усиливается оставить за собой привилегію науки. Безпрестанно встрѣчаются новые указы, стѣсняющіе книгопечатаніе и осуждающіе новыя книги на сожженіе рукой палача. Законы существуютъ, но не исполняются. Со времени появленія кальвинизма жестокостямъ королей нѣтъ границъ; парламенты изъ кожи лѣзутъ угодить имъ. Францискъ I присутствуетъ при медленномъ сожженіи еретиковъ съ помощью эстрапады — машины, которая посредствомъ перекладки на шарнирѣ окунала ихъ въ пламя и потомъ извлекала. Равальякъ погибаетъ въ страшныхъ мукахъ. Людовикъ XIV въ самую блестящую эпоху своего царствованія отличается варварствомъ и неправосудіемъ, достойными временъ высшаго развращенія Рима. Разсмотримъ нѣкоторые изъ тогдашнихъ процессовъ и покажемъ что такое были тогда галеры.

III

Въ послѣдней четверти XVII столѣтія жилъ въ Голландіи одинъ извѣстный публицистъ по имени Дюбургъ, редакторъ «Франкфуртской газеты». Онъ разгадалъ истинный характеръ французскаго

короля и съ безпощадной смѣлостью обличалъ его безумную гордость и безмѣрное честолюбіе и расточительность. Людовикъ XIV страдалъ отъ этихъ ранъ, наносимыхъ его мелочному самолюбію, и не могши захватить его, рѣшился подкупить. Эмиссары, посланные имъ, напрасно дѣлали самыя блестящія предложенія : — честный журналистъ, несмотря на то, что былъ обремененъ многочисленнымъ семействомъ, отказался. Мало того : онъ опубликовалъ всю интригу. Людовикъ былъ взбѣшенъ до крайности и приказалъ во что бы то ни стало схватить оскорбителя. Полицейскіе агенты были посланы въ Голландію. Они познакомились съ нѣкоторыми литераторами, выдали себя за любителей археологій и наконецъ успѣли представиться Дюбургу. Онъ принялъ ихъ ласково въ кругу своего семейства, посреди немногихъ, но искреннихъ друзей. Разговоръ послѣ обычныхъ привѣтствій обратился на остатки кельтическихъ древностей, разбросанныхъ за городомъ. Французы просили Дюбурга помочь имъ своими знаніями при осмотрѣ. Тотъ съ радостью согласился.

На другой день журналистъ и его новые друзья отправились за городъ. Прогулка ихъ продолжалась довольно долго. Дѣло было осенью, вечеръ наступилъ рано. Наши путешественники предложили зайти въ ближайшій трактиръ поужинать...

За десертомъ Дюбургъ почувствовалъ тяжесть въ головѣ; онъ приписалъ это усталости и сырой погодѣ, но сонливость скоро увеличилась и онъ задремалъ...

Ироснувшись, онъ прежде всего почувствовалъ быстрое движеніе кареты; попробовалъ приподняться — невозможно : руки и ноги были связаны, во рту лежала желѣзная груша (baillon).

На пятый день вечеромъ онъ прибылъ въ Шарпжъ и былъ брошенъ въ Бастилію; оттуда его перевели въ тюрьму монастыря св. Михаила, расположеннаго на дикой гранитной скалѣ, омываемой волнами океана.

Дюбургъ былъ заключенъ въ желѣзную клетку въ глубинѣ подземелья. Король собственноручно написалъ инструкцію какъ съ нимъ обращаться. Въ первое время страданія его увеличивались незнаниемъ объ участи жены и дѣтей. Одинъ молодой бенедиктинскій пріоръ почувствовалъ къ нему состраданіе и увѣдомилъ ихъ о сульбѣ плѣнника. Радости Дюбурга не было предѣловъ, когда онъ прочиталъ письмо жены... Но радость эта скоро смѣнилась печальной дѣйствительностью. Съ каждымъ днемъ несчастный журналистъ ослабѣвалъ; платья его износились и висѣли въ лохмотьяхъ, нисколько не защищая отъ холода; жестокій ревматизмъ заставлялъ кричать отъ боли, которую еще болѣе увеличивали тяжесть цѣпей

и острыя ребра брусковъ, составлявшихъ кѣтку. Оконечности тѣла покрылись язвами; въ нихъ скоро завелись черви, потому что ему не давали воды обмывать ихъ; крысы кусали ему ноги и онъ ничего не могъ противъ нихъ сдѣлать. — Цѣпи не позволяли ему протягивать рукъ. Въ такомъ положеніи провелъ онъ болѣе трехъ лѣтъ и наконецъ не выдержалъ: силы его истощились и онъ послѣ восемнадцатидневной мучительной агоніи скончался, успѣвъ передъ смертью еще разъ увидѣть благодѣтельного пріора и передать черезъ него послѣднія прощанія женѣ и дѣтямъ.

Мы могли бы наполнить цѣлую книгу примѣрами подобнаго безчеловѣчія — такъ ими богато царствованіе Людовика XIV, но мы думаемъ разсмотрѣть этотъ предметъ въ слѣдующей главѣ въ правленіе его внука, когда «Lettres de cachet» рассылались тысячами; теперь же взглянемъ что такое были тогда галеры.

Это наказаніе обыкновенно назначалось за бродяжничество и нищенство...

Очи великаго короля были поражены зрѣлищемъ безчисленныхъ шаекъ оборванныхъ бѣдняковъ, слѣдовавшихъ за дворомъ въ его переѣздахъ; онъ непремѣнно ихъ встрѣчалъ на дорогахъ въ с. Жерменъ. Фонтенебло. Версаль, подобно голоднымъ волкамъ, которые слѣдуютъ за арміей. Канцлеръ Поншартрэнъ въ своей корреспонденціи часто упоминаетъ о необходимости разсѣять этихъ *merlivoceux*, живое обвиненіе правительства, заражавшихъ окрестности Парижа на двѣнадцать лье вокругъ. Онъ совѣтуетъ посадить ихъ какъ можно больше въ главный госпиталь (l'hôpital général). Что такое было это учрежденіе общественной благотворительности видно изъ слѣдующихъ строкъ краснорѣчиваго историка (Мишле): «Во время голодовъ, которые при Мазарини и Кольбертѣ случались акуратно черезъ каждые три года, ничто не могло заставить голодныхъ искать пропитанія въ главномъ госпиталѣ. За бѣдными охотились, ихъ травили, ихъ ловили всѣми полицейскими средствами, угрожая даже безчестящими наказаніями. Они упорно бѣжали отъ госпиталя какъ отъ дома смерти. Она была тамъ постоянно. Здоровые и больные лежали какъ попало челоуѣкъ по пять по шести на кровати. Эта страшная смѣсь людей здоровыхъ или покрытыхъ язвами, съ чесоточными и венерическими заставляеть содрогаться...» Госпиталь вообще былъ скорѣе смиреннымъ домомъ, приготовительной школой для галеръ, чѣмъ богоугоднымъ заведеніемъ...

Исторія галеръ безъ сомнѣнія представляетъ одну изъ самыхъ мрачныхъ картинъ этого царствованія, которое подъ наружнымъ блескомъ скрываетъ столько несправедливостей и тайныхъ жестокостей. Когда Кольбертъ понялъ какую пользу можно извлечь изъ галеръ, чтобъ доставить французскому флоту преобладаніе на Средиземномъ морѣ, онъ не отступалъ ни передъ какой мѣрой для увеличенія ихъ числа и силы. Лавгедокскіе архіепископы получили приказъ арестовывать и отпра-

лать въ порты всѣхъ бродягъ, которые заражали ихъ эпархіи. Бѣглые приковывались къ цѣпи. Генераль-контролеръ возобновилъ старые указы, которыми предписывалось уголовнымъ судамъ замѣнять въ извѣстныхъ случаяхъ смертную казнь ссылкой на галеры. Желанія министра сдѣлались приказаніями для большей части интендантовъ, пре-зидентовъ и генеральныхъ прокуроровъ, и какъ происходитъ почти всегда въ такихъ случаяхъ, усердіе ихъ перешло за предѣлы. Родъ рабскаго соперничества овладѣлъ этими чиновниками: они наперерывъ старались доставить возможно-большее число здоровыхъ каторжниковъ на галеры. Къ цыганамъ, бродягамъ, бѣглымъ, обвиненнымъ въ важныхъ преступленіяхъ присоединяли бунтовщиковъ и контрабандистовъ. Въ 1662 году бунтъ вспыхнулъ въ нѣсколькихъ деревняхъ въ окрестностяхъ Бу-лонни, — четыреста крестьянъ, большей частью контрабандистовъ солью, было послано на галеры... Они въ очень плохомъ состояніи, писалъ къ Кольберту подрядчикъ, взявшійся перевезти ихъ, — потому что многіе изъ нихъ не имѣютъ одежды и больны; всякій день умираетъ по нѣскольکو человекъ. Рвеніе чиновниковъ, назначенныхъ поставлять каторжниковъ, дошло до того, что для сокращенія переписки они отпра-вляли обвиняемыхъ къ мѣсту назначенія прежде окончанія процесса. 1 мая 1668 интендантъ галеръ Арнуль писалъ къ Кольберту: «я полу-чилъ 900 каторжниковъ довольно здоровыхъ... Между ними есть не подвергнутые судебному приговору. Благоволите обязать господъ со-ляныхъ приставовъ доставить опредѣленія суда.»

Это были большей частью бѣдные крестьяне, пойманные въ проти-возаконной торговлѣ солью, люди крѣпкіе, привыкшіе къ суровой жизни моряка и контрабандиста... Несмотря на то они умирали къ великому прискорбію интенданта, который полагалъ, что это происходило отъ скуки и огорченія. Другіе бросались въ море, надѣясь въ смерти найти конецъ своимъ бѣдствіямъ...

Главной причиной такой смертности была недобросовѣтность пра-вительства: оно удерживало осужденныхъ гораздо дольше срока, на-значеннаго сентенціей суда. Интендантъ предлагаетъ освободить нѣко-торыхъ изъ тѣхъ, которымъ срокъ наказанія давно кончился; этимъ онъ надѣется поднять духъ въ остальныхъ...

Произволь и непослѣдовательность идутъ рука объ руку. Тѣ са-мые люди, которые такъ незаконно увеличивали строгость право-судія, позволяли иногда осужденнымъ освобождаться ранѣе срока. Тѣмъ, которые имѣли деньги, позволялось замѣнить себя купленнымъ туркомъ... Иногда само правительство покупало рабовъ въ Турціи, Дал-мации, Сициліи, Мальтѣ и потомъ съ барышномъ перепродавало ихъ каторжникамъ, хотя многіе изъ этихъ рабовъ были христіане, взятые въ плѣнъ на границахъ Польши и Россіи. Теперь слѣдуетъ сказать что такое была жизнь галерника, какова была участь столькихъ невинныхъ жертвъ, принужденныхъ существовать въ кругу воровъ и убійцъ. Но прежде посмотримъ что такое была сама галера.

Это было длинное, плоское, узкое судно съ низкими бортами, снаб-
Ка. III. — Отд. II.

жонное двумя мачтами; длина его простиралась до 50 метров (около 70 арш), ширина до 10; оно могло ходить на парусахъ и на веслахъ ⁽¹⁾. Гребцы, около 300, сидѣли прикованные на 25 или 30 скамейкахъ. Человѣкъ пять-шесть были назначены для каждаго весла, укрѣпленнаго въ уключинѣ, выдающейся надъ палубой. Скамьи правой стороны раздѣлялись отъ лѣвой узкой доской, возвышенной надъ ними и служившей сообщеніемъ между носомъ и кормой галеры (coursier). Здѣсь прохаживался комитъ съ бичемъ въ рукахъ, господствуя надъ каторжниками.

На нижней палубѣ былъ прикованъ галерный невольникъ, голый по поясъ; во всякую погоду онъ подвергался постоянно ударамъ волнъ. Спали и ѣли смѣнами, такъ что галера ни на минуту не прерывала своего плаванія. Не было покоя даже въ праздники; никогда нельзя ни лечь, ни перемѣнить мѣста, ни бросить эту обледенѣвшую скамейку. Только когда галера входила въ портъ чиниться или запастись провизіей, иѣкоторымъ изъ невольниковъ было позволено сходить на берегъ для работъ на сушѣ.

Врагъ каторжника, проклинаемый имъ надзиратель, былъ комитъ. Его винилъ онъ во всѣхъ своихъ страданіяхъ, надъ головой его сосредоточивалъ онъ всю сумму своей ненависти. Между ними была постоянно затаенная борьба, которая иногда прорывалась сграшными взрывами. Комиты чаще всего назначались изъ провансаловъ, раздражительныхъ по своей натурѣ: гнѣвъ ихъ возбуждался отъ пустяковъ и быстро переходилъ въ ярость. Обязанные подстрекать постоянно дремлющее рвеніе каторжниковъ, одушевлять эту бездушную массу, придавать жизнь галерѣ, они не скупились на удары бичемъ; они даже злоупотребляли этимъ правомъ. Было ли судно менѣе ходко чѣмъ другія или на немъ было меньше гребцовъ, комиты до этого не было дѣла. Надо во чтобы то ни стало удовлетворить самолюбію капитана, который и слышать не хотѣлъ, чтобъ его галера осталась назади во время сраженія или плаванія съ другими ⁽²⁾.

Разумѣется, эти жестокости возбуждали каторжниковъ къ отменею, и комиты по временамъ платились жизнью за злоупотребленія своей власти.

Но чтобъ имѣть понятіе объ участи галерниковъ надо прочесть брошюру Жана Біона, священника на одной изъ галеръ.

Гребцы были большей частью буржуа, дворяне, литераторы, привыкшіе къ удобствамъ жизни; они скоро изнемогали подъ бременемъ голода, холода и усталости. Какъ скоро умирающей стѣснялъ движеніе,

(1) Самыя большія галеры были въ Венеціи: 132 фута длины по палубѣ, 35 въ ширину, на носу батарея въ три яруса: въ нижнемъ двѣ 36-фунт. пушки, въ среднемъ двѣ 24-фунт., въ верхнемъ три 18-фунт., число людей отъ 1000 до 1200.

(2) Loiseleur.

его спускали въ трюмъ. Тамъ начиналось страшное послѣднее мученіе: въ трюмъ не проходило ни воздуха, ни свѣта; онъ былъ такъ грязенъ и низокъ, что нельзя было стоять — умирающій скоро становился мертвымъ. Когда я входилъ туда, говорилъ Бюонъ, я едва не задыхался; разная гадина облепляла меня со всѣхъ сторонъ... Чтобъ исповѣдаться мнѣ приходилось ложиться рядомъ съ умирающимъ, опираясь иногда на другого, который уже умеръ. (1).

Прибавьте еще къ этому грустную мысль, что галерникъ зналъ, что его семейство умираетъ съ голоду, потомучто ссылка на галеры влекла за собой конфискацію.

IV

Перенесемъ во вторую половину XVIII столѣтія. Дворъ веселится, пиры смѣняются пирами; расточительные вельможи бросаютъ золото горстями: любовницы управляютъ всѣмъ; произволу министровъ нѣтъ предѣла; они раздають *Lettres de cachet* всякому кто только ихъ попроситъ; генеральные фермеры наживаютъ мильоны, спекулируя на голодъ народа, который живетъ изо дня въ день, проклиная Людовика, котораго нѣкогда прозвалъ возлюбленнымъ. Гоненіе яansenистовъ и споры съ парламентомъ еще болѣе ожесточили умы. Полиція всякій день доносила королю объ опасностяхъ, угрожавшихъ его жизни, но онъ не обращалъ на то вниманія, довольный предосторожностями, принятыми другими для его безопасности. Лѣньность и эгоизмъ составляли основу его характера... Ударъ разразился. Вечеромъ 5 января 1757 года, сходя съ лѣстницы чтобъ сѣсть въ карету, онъ былъ пораженъ небольшимъ ножомъ въ бокъ. Въ первое мгновеніе онъ не почувствовалъ боли, но увидѣвъ кровь закричалъ: я раненъ, схватите его, но не дѣлайте ему зла, прибавилъ онъ, указывая на одного пожилого человѣка лѣтъ сорока, который одинъ изъ всѣхъ присутствующихъ стоялъ въ шляпѣ. Это былъ Робертъ Франсуа Даміенъ, уроженецъ Арраса. Прежде онъ былъ служителемъ въ коллегіи іезуитовъ, а потомъ у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ. Онъ немедленно былъ схваченъ и посаженъ въ караульню. Раздраженные солдаты и офицеры били его, кололи помаленьку шпагами и нѣкоторые дошли до того, что рвали его тѣло раскаленными щипцами. На всѣ вопросы онъ отвѣчалъ, что религія заставила его совершить преступленіе, что онъ надѣялся заслужить рай.

(1) Loiseau.

Преданный въ руки правосудія , онъ съ твердостью вынесъ всѣ пытки : водой , бродяками (1) , дыбой . Въ процессѣ его были нарушены всѣ законныя формы , многіе свидѣтели не были допрошены , на показанія другихъ не обратили вниманія — слѣдственная комиссія очевидно хотѣла прикрыть настоящихъ виновниковъ заговора и принимала показанія Даміена , что у него не было сообщниковъ , за наличную монету .

Казнь его была ужасна : сперва ему на медленномъ огнѣ сожгли руку , потомъ стали вырывать раскаленными клещами мясо на груди , рукахъ , ногахъ , брызгая на раны смѣсью изъ растопленнаго свища , масла , смолы и сѣры ; потомъ приступили къ четвертованію его . Лошади тянули медленно и увеличивали его страданія . Пришлось отправиться въ ратушу (hôtel-de-ville) просить позволенія надрубить суставы... Только тогда несчастный былъ разорванъ , протрадавъ около полутора часа . Тѣло его было сожжено . Отцу его , женѣ и дочери приказано выѣхать изъ Франціи втеченіи пятнадцати дней съ запрещеніемъ возвращаться подлѣ страхомъ смертной казни ; братьямъ и сестрамъ его велѣно переимѣнить фамиліи ; домъ , въ которомъ онъ родился , назначенъ былъ къ сломкѣ... Парламентскій совѣтникъ Паскье , производитель дѣла , получилъ 10,000 ливровъ пенсін .

И эта варварская казнь совершилась въ половинѣ XVIII вѣка , когда философія царствовала во Франціи , когда Вольтеръ былъ идоломъ Европы , когда появилось знаменитое твореніе Монтескье : *l'esprit des lois* . Какіе успѣхи слѣдало французское правосудіе втеченіи вѣсколькихъ столѣтій ? оно возвратилось къ самымъ мрачнымъ временамъ среднихъ вѣковъ . Лучшее доказательство невозможности прогресса тамъ , гдѣ правосудіе находится въ рукахъ касты...

Еще возмутительнѣе казнь кавалера Лабарра . Этотъ молодой человекъ погибъ жертвой религіознаго фанатизма іезуитовъ , обвиненный въ неуваженіи къ святымъ . Но еще болѣе рѣзкій примѣръ наглого произвола и презрѣнія законности представляютъ процессы Латюда и Жанны де Кердалекъ .

V

Анри-Мазеръ де Латюдь былъ сынъ драгунскаго подполковника и кавалера св. Людовика ; онъ самъ служилъ въ инженерахъ , но ви-

(1) Колодки для сдавливанія ногъ ; при вколачиваніи клиньевъ онѣ раздробляли кости . См. -Соборъ парижской богоматери- .

дѣ, что компанія кончилась и отчаявшись составить себѣ карьеру службой въ эту эпоху фаворитизма и продажности, рѣшился послѣдовать примѣру другихъ. Пылкій, молодой, предприимчивый, нашъ гасконецъ думалъ ни больше ни меньше какъ приобрести покровительство маркизы де Помпадуръ...

Въ одно утро онъ явился въ ея пріемной и просилъ немедленно доложить о немъ, увѣряя, что дѣло идетъ о жизни и смерти. Испуганная маркиза приняла его тотчасъ же.

— Благодарю Бога, сказалъ Латюдъ послѣ обычныхъ привѣтствій: — что онъ избралъ меня для спасенія васъ...

— Развѣ мнѣ угрожаетъ какая-нибудь опасность? прервала его фаворитка.

— Ужасная! Сегодня утромъ, прогуливаясь въ тюльерійскомъ саду, я слышалъ разговоръ какихъ-то двухъ человѣкъ: одинъ изъ нихъ осыпалъ васъ бранью и хотѣлъ послать по почтѣ пакетъ съ ядомъ. Ради Бога не открывайте его.

Маркиза казалась тронутой, посадила молодого человѣка рядомъ съ собой и предложила ему кошелекъ съ золотомъ. Латюдъ отказался.

— Я дворянинъ и сынъ кавалера св. Людовика! прибавилъ онъ: — но если маркизѣ угодно сдѣлаться покровительницей моеи молодости, она не найдетъ слуги преданнѣе меня.

— Я рада быть вамъ полезной, потрудитесь оставить свой адресъ.

Молодой человѣкъ съ восторгомъ повиновался.

Вечеромъ принесли пакетъ: въ немъ оказался совершенно безвредный порошокъ. Взглянувъ на адресъ, маркиза сразу узнала, что онъ сдѣланъ рукой Латюда.

Въ эту же ночь онъ очутился въ Бастиліи.

Это было высокое, мрачное зданіе, окруженное глубокимъ ровомъ, увѣнчанное восемью башнями; каждая изъ нихъ раздѣлялась на пять этажей; верхній этажъ былъ безъ оконъ вродѣ каменнаго колпака (calotte), гдѣ лѣтомъ было невыносимо жарко, а зимой холодно. Прочіе же этажи хотя имѣли окна, но окна были такъ малы, а рѣшотки и стѣны такъ толсты, что лучи свѣта чуть-чуть проникали въ комнату. Каждый арестантъ былъ отдѣленъ отъ своихъ сосѣдей непреодолимыми преградами: двойными дверями, окованными желѣзомъ, прочными стѣнами и рѣшотками. Весьма многіе пользовались милостью жить въ сообществѣ товарищей.

Но всѣ эти неудобства и лишенія ничего не значили въ сравненіи съ темницами (cachots), которыя простирались подъ Бастиліей во всѣ стороны, на глубинѣ двадцати футовъ. Постоянная сырость,

зараженный воздухъ, пучокъ полусгнившей соломы, кусокъ черствого хлѣба, кружка вонючей воды — вотъ что ожидало арестанта въ темницѣ: товарищи его были крысы, черви и другіе гады, свойственные сырѣмъ и мрачнымъ подземельямъ.

Въ одной изъ башенъ, названнѣй какъ-будто въ насмѣшку «башней свободы», находилась *комната послѣдннго слова и убліэты*. Первая была обтянута чернымъ сукномъ и освѣщалась только одной тускло горѣвшей лампой. Она со всѣхъ сторонъ представляла орудія смерти и пытки. Если виновный не сознавался и въ этой комнатѣ, послѣ всѣхъ предварительныхъ истязаній, его переводили въ другую, гдѣ были убліэты. Ярко освѣщенная, благоухающая рѣдкими ароматами, украшенная дорогими цвѣтами, она пріятно поражала измученнаго узника. Являлся комендантъ, ласково разговаривалъ съ нимъ, обнадеживалъ скорымъ освобожденіемъ, предлагалъ стулъ, но едва несчастный садился, доска проваливалась подъ нимъ и онъ летѣлъ въ глубокую пропасть, стѣны которой были усѣяны ножами и стальными крючьями.

Чего не доставало Бастиліи, то было въ другихъ тюрьмахъ. Темницы на островѣ св. Маргариты были сдѣланы въ формѣ гроба въ стѣнѣ или воронки. Въ первомъ случаѣ заключенный могъ только переворачиваться съ боку на бокъ, во второмъ вся тяжесть тѣла висѣла на ногахъ, которыя не доходили до dna воронки, что заставляло испытывать невыразимыя страданія.

Прибавьте къ этому дерзость и притѣсненія тюремщиковъ, грустное сознаніе арестанта въ томъ, что лучшіе годы его жизни гибнутъ по капризу безсовѣстнаго министра или корыстолюбивой фаворитки, что ему нѣтъ надежды на правосудіе; прибавьте къ этому разлуку съ родными и друзьями, и вы получите попятіе что такое были тюрьмы того времени...

Поутру Латюда повели къ допросу: онъ откровенно во всемъ сознался. Берье, бывшій тогда начальникомъ полиціи, сдѣлавъ ему выговоръ, обѣщалъ ходатайствовать объ его освобожденіи, но всѣ старанія его смягчить маркизу остались безуспѣшны. Между тѣмъ, желая нѣсколько облегчить участь Латюда, онъ позволилъ перевести къ нему тайнаго агента Англіи, еврея Абузагло, который успѣлъ приобрести расположеніе принца Конти. Узники скоро познакомились между собой и обѣщались хлопотать взаимно объ освобожденіи другъ друга, какъ только кого-нибудь изъ нихъ выпустятъ изъ тюрьмы. Тюремщики подслушали ихъ разговоръ и донесли коменданту. Латюда перевели въ Венсенъ, увѣривъ, что выпускаютъ на свободу для того, чтобы Абузагло не могъ хлопотать о немъ.

Въ Венсенѣ Латюдь просидѣлъ десять мѣсяцевъ. Берье старался всѣми силами смягчить его участь : приказалъ дать ему лучшую комнату, позволилъ прогуливаться, но все это не могло утѣшить его въ потерѣ свободы и онъ дни и ночи обдумывалъ планы бѣгства... Въ числѣ арестантовъ находился одинъ явсенистскій абатъ, который пользовался значительной свободой сравнительно съ другими, потому что давалъ уроки сыновьямъ тюремщиковъ и дворецкого коменданта; онъ могъ почти во всякое время прогуливаться вездѣ. Латюдь сообразилъ все это и рѣшился на этихъ соображеніяхъ основать свой планъ бѣгства. Однажды онъ быстрѣе обыкновеннаго сбѣжалъ съ лѣстницы, захлопнулъ за собой дверь и задвинулъ ее засовомъ; потомъ, подойдя къ выходу, спросилъ у часового, не видалъ ли онъ явсенистскаго абата, что его очень желаетъ видѣть тюремный духовникъ. На отрицательный отвѣтъ часового онъ побѣжалъ дальше къ другому съ тѣмъ же вопросомъ и такимъ образомъ онъ достигаетъ подъемнаго моста и скрывается въ лѣсу. Къ вечеру онъ былъ уже въ Парижѣ.

Свобода его была непродолжительна. На шестой день по освобоженіи онъ написалъ къ королю письмо, изъявляя въ немъ чистосердечное раскаяніе и полагая, что четырнадцатимѣсячное заключеніе достаточно искупило его проступокъ. Въ ту же ночь онъ попалъ въ одну изъ бастильскихъ темницъ. Добрый Берье опять явился его утѣшителемъ: велѣлъ хорошо кормить и разрѣшилъ давать бумагу и книги.

Прошло шесть мѣсяцевъ и Латюдь не видѣлъ исхода изъ своего положенія. Въ одну изъ такихъ минутъ отчаянія онъ имѣлъ неосторожность написать эниграмму на мадамъ де Помпадуръ. Съ этихъ поръ она запретила Берье говорить о немъ.

Между тѣмъ здоровье арестанта стало портиться; тогда его перевели изъ темницы въ комнату и дали товарища. Это былъ соотечественникъ Латюда, по имени д'Алегръ (d'Allègre); вина его состояла въ томъ, что онъ написалъ къ маркизѣ де Помпадуръ письмо, въ которомъ совѣтовалъ ей искать славы другими средствами. Уже три года сидѣлъ онъ подъ запоромъ и не видѣлъ конца своему заключенію. Всѣ просьбы его оставались безъ вниманія; маркиза запретила ходатайствовать о немъ, какъ и о Латюдѣ.

Извѣстіе объ этомъ привело Аллегра въ страшное отчаяніе, но товарищъ его не унывалъ. Онъ задумалъ бѣжать несмотря на страшныя трудности, которыя приходилось преодолевать.

Замѣйте, говоритъ онъ въ своихъ мемуарахъ, что въ Бастиліи не даютъ арестантамъ ни ножица, ни ножницъ, никакого остраго инструмента и за сто луидоровъ ни одинъ тюремщикъ не дастъ вамъ четверть

фунта нитокъ, а между тѣмъ по точному расчету намъ нужно было до 1400 футовъ веревокъ. Намъ необходимы были двѣ лѣстницы: одна деревянная отъ двадцати до двадцати пяти футовъ, другая веревочная до ста-осьмидесяти; намъ предстояло вырвать четыре желѣзныхъ рѣшотки въ каминѣ, просверлить въ одну ночь стѣну въ четыре съ половиною фута толщины, по горло въ водѣ, саженьхъ въ трехъ отъ часового. Этого мало: надо было спрятать обѣ лѣстницы съ 250 ступеньками въ футъ длины и въ дюймъ толщины вмѣстѣ съ инструментами и другими вещами, запрещенными арестантами.

Г. Берье былъ такъ добръ, что позволилъ мнѣ и моему товарищу присутствовать при богослуженіи по середамъ и воскресеньямъ; такое же позволеніе было дано арестанту, жившему подъ нами. Я перебывалъ уже во многихъ другихъ комнатахъ и всегда замѣчалъ, что звукъ доходить до меня сверху и снизу. Въ новомъ же помѣщеніи я не слышалъ звука внизу, хотя зналъ, что въ комнатѣ жили. Во что бы то ни стало я хотѣлъ взглянуть на эту комнату и убѣдилъ моего товарища пособить въ этомъ; я просилъ его завернуть футляръ въ платокъ и выронить его во второмъ этажѣ на лѣстницѣ, когда будемъ возвращаться отъ обѣдни. Все было сдѣлано какъ сказано: футляръ покатился по ступенькамъ. Д'Аллегръ попросилъ тюремщика поднять его; пока тотъ сошелъ за нимъ, я успѣлъ взбѣжать въ третій этажъ, отодвинулъ засовъ и бросилъ быстрый взглядъ на завѣтную комнату: она была не выше десяти съ половиною футовъ. Я заперъ дверь и до нашей комнаты насчиталъ тридцать двѣ ступени; я вымѣрялъ высоту одной изъ нихъ, сосчиталъ и нашолъ разницу въ пяти съ половиною футахъ. Изъ этого я заключилъ, что между нашими комнатами должна была находиться пустота около четырехъ футовъ.

Тогда я съ веселымъ видомъ сказалъ моему товарищу: «мой другъ, не будемъ отчаиваться: немного мужества и терпѣнія и мы убѣжимъ отсюда... Затѣмъ, рассказавъ ему мои вычисления, я прибавилъ, что мы можемъ спрятать веревки и инструменты въ промежуткѣ (l'ambour) между двумя комнатами.

— Но чтобъ спрятать, надо ихъ имѣть! прервалъ онъ: — а вамъ извѣстно, что мы не достанемъ и десяти футовъ веревокъ.

— Не безпокойтесь, возразилъ я: — въ моемъ чемоданѣ ихъ въ сто разъ больше... Раздергавъ по ниткамъ мои рубашки, чулки, платки и т. п. мы получимъ до 1,000 футовъ...

— Это такъ, сказалъ онъ: — но какъ мы вырвемъ рѣшотки изъ каминна? у насъ кромѣ рукъ нѣтъ никакихъ инструментовъ.

— Но руки создаютъ инструменты; люди, которые умѣютъ работать головой, найдутъ въ ней всѣ средства. Видите ли эти двѣ петли, которые поддерживаютъ нашъ складной столъ; я наточу ихъ и къ каждой прилѣблю ручку, ими мы вырвемъ всѣ желѣзныя рѣшотки...

Какъ только кончился нашъ ужинъ, мы принялись за работу: сорвали петли, подняли половицу и меньше чѣмъ въ шесть часовъ дорылись до пустоты, которую подозревали. Съ этого времени мы не сомнѣвались въ

нашемъ освобожденіи. Мы положили половицу на прежнее мѣсто такъ, чтобъ нельзя было примѣтить, что ее снимали. На другой день я сломалъ огниво и сдѣлалъ изъ него ножикъ, которымъ обтесалъ рукоятки для петель... Потомъ мы раздергали рубашки и сплели веревку изъ нитокъ до 50 футовъ длины; изъ ней мы сдѣлали лѣстницу... Затѣмъ приступили къ каминнымъ рѣшоткамъ. Меньше чѣмъ въ полгода мы ихъ раскочаили такъ, что могли вырвать. Эта работа стоила намъ непоповѣрныхъ усилій: руки наши были всегда окровавлены; мы не могли работать часу не перемѣняясь: всякую минуту надо было брызгать водой изо рта, чтобъ размягчить цементъ. Мы считали себя счастливыми, если въ теченіи цѣлой ночи отламывали его на линію. Окончивъ этотъ трудъ, мы сдѣлали веревочную лѣстницу, чтобъ влѣзть на брустверь, а оттуда спуститься въ садъ коменданта. Ступени же выстрогали изъ дровъ, которыя намъ давали для отапливанія комнаты... Съ помощью другого куска огнива и желѣзнаго подсвѣчника мы сработали пилу; тогда намъ легко было сдѣлать циркуль, наугольникъ, линейку, мотовило, блоки и проч.

• Такъ какъ офицеры и тюремщики посѣщали насъ совершенно неожиданно, то мы должны были прятать не только наши инструменты, но даже мельчайшія стружки и опилки, которыя могли насъ выдать... Чтобъ избѣжать всякой нечаянности мы придали каждой вещи особое имя: такъ пилу мы называли Фавномъ, веревку голубемъ и т. п.

• Тогда мы начали устраивать большую веревочную лѣстницу въ 180 футовъ, но такъ какъ около Бастиліи былъ край, выдававшійся фута на три, то мы, для избѣжанія головокруженія сдѣлали другую веревку въ 360 футовъ, которую и продѣли сквозь блокъ... Сверхъ того мы свили множество другихъ веревокъ меньшей длины; для того же, чтобъ избѣжать стука, который могли произвести ступеньки деревянной лѣстницы, ударившись объ стѣну, мы обернули ихъ подкладками нашихъ халатовъ, сюртуковъ и жилетовъ.

• Такъ мы работали восемнадцать мѣсяцевъ день и ночь, чтобъ приготовить всѣ эти матерьялы... Намъ предстояло взобраться на башню черезъ каминъ; оттуда спуститься въ ровъ, изо рва влѣзть на брустверь, съ бруствера въ садъ коменданта, изъ сада спуститься въ большой ровъ воротъ св. Антонія. Мы должны были выбрать темную бурную, дождливую ночь; малѣйшая случайность могла разстроить наши планы: стоило только дождю перестать, и тогда всѣ часовые стали бы прогуливаться отъ одного поста къ другому и мы непремѣнно были бы захвачены... Чтобъ избѣжать этого несчастія, я рѣшился на нѣкоторыя измѣненія въ нашемъ первомъ планѣ... Я замѣтилъ, что Сена при каждомъ разливѣ должна была распускать часть цемента наружной стѣны; сдѣлавъ буравъ изъ желѣзной скобки нашей кровати, мы могли высверлить въ замазкѣ довольно мѣста, чтобъ вставить двѣ полосы отъ каминной рѣшотки, которыми, дѣйствуя какъ рычагами, намъ легко было сдѣлать отверстіе въ этой стѣнѣ, отдѣляющей ровъ бастиліи отъ рва воротъ св. Антонія...

• Когда всѣ приготовленія были кончены, мы рѣшились бѣжать на другой день въ среду на масляницѣ, 25 февраля 1756 года. Рѣка тогда выступила изъ береговъ и во рву было до четырехъ футовъ воды... Едва принесли намъ ужинъ, какъ я, несмотря на ревматизмъ въ лѣвой рукѣ, полѣзъ въ каминъ... Добраться до верхушки его мнѣ стоило немовѣрныхъ усилій: сажа душила меня, кожа на локтяхъ и козбняхъ была содрана, кровь струилась ручьями... Достигнувъ крыши, я сѣлъ верхомъ на трубу и спустилъ въ нее веревку; товарищъ мой привязалъ къ ней кожаный мѣшокъ съ платьемъ, потомъ поочередно внизу привязывалъ и другія принадлежности нашего бѣгства, которыя я, по мѣрѣ того, какъ втаскивалъ на верхъ, бросалъ на платформу: наконецъ онъ взобрался и самъ, и мы спустились къ нашимъ вещамъ.

• Двѣ лошади не могли бы увезти ихъ. Мы начали съ того, что сдѣлали изъ веревочной лѣстницы свертокъ до четырехъ футовъ въ диаметрѣ; потомъ покатали его къ башнѣ казначейства (Trésor), которая казалась намъ удобнѣйшей для спуска. Тамъ къ одной изъ пушекъ, мы привязали лѣстницу и потихоньку спустили ее въ ровъ; тогда мы прикрѣпили блокъ и продѣли сквозь него веревку въ 360 футовъ.

• Перенеся наши вещи на башню, я привязалъ себя поперегъ этой веревкой и сталъ потихоньку спускаться; несмотря на то, что мой товарищъ выпускалъ ее потихоньку, при всякомъ шагѣ я вертѣлся въ воздухѣ какъ бумажный змѣй... Наконецъ я достигъ рва здоровъ и невредимъ. Тотчасъ же мой товарищъ спустилъ ко мнѣ кожаный мѣшокъ, деревянную лѣстницу, желѣзныя полосы и все остальное. За ними онъ послѣдовалъ самъ. Виродолженіе этого времени дождь пересталъ и часовой сталъ прокуливать по брустверу саженьхъ въ пяти отъ насъ. Дорога черезъ садъ сдѣлалась невозможна. Мы взяли буравъ, полосы и пошли къ стѣнѣ раздѣлявшей рва, не забывъ захватить съ собою бутылку водки... Въ ту минуту, когда я принимался за работу, надъ нашими головами футахъ въ десяти прошолъ главный рундъ съ фонаремъ. Чтобы не быть открытыми, мы принуждены были погрузиться въ воду по горло. Когда рундъ прошолъ, я просверлилъ въ замазкѣ двѣ дыры, въ которыя мы воткнули полосы и общими усилиями выворотили камень.

• Выпивъ добрый глотокъ водки, мы продолжали нашу работу, погружаясь поперемамъ въ воду, когда проходили рунды... Наконецъ отверстіе было готово; д'Алегръ пролѣзъ черезъ него; я же отправился за мѣшкомъ, который оставался у подножія башни..

• Вотъ мы въ большомъ рву и считаемъ себя внѣ опасности. Я взялъ свой мѣшокъ за одинъ конецъ, товарищъ мой за другой, и въ такомъ положеніи начинаемъ переправляться черезъ ровъ. Едва мы сдѣлали шаговъ двадцать, какъ попали въ водопроводъ.. д'Алегръ вмѣсто того, чтобы стараться достигнуть другого берега, — водопроводъ былъ не шире шести футовъ, — бросилъ мѣшокъ и ухватился за меня; я треснулъ его кулакомъ такъ, что онъ поневолѣ отскочилъ, а я уцѣпился одной рукой за край водопровода, а другой схватилъ утопаю-

шаго за волосы и притащилъ къ себѣ. Помѣстивъ его такъ, чтобъ онъ не могъ захлебнуться, я бросился за своимъ мѣшкомъ, который къ счастью не потонулъ...

• Тогда только мы могли считать себя свободными, хотя страданія наши не кончились. Выйдя изъ рва мы дрожали отъ холода, руки наши были въ крови и оковѣли; мы немогли сами одѣваться и попеременно служили другъ другу камердинерами.. Было пять часовъ, когда мы вышли на большую дорогу.

Прибывъ въ Парижъ, наши бѣглецы отправились къ Сплуэту, канцлеру герцога орлеанскаго, но его не было въ городѣ; тогда они пошли въ аббатство С. Жермень-де-Пре (S. Germain-des-Prés) къ одному ремесленнику Фрессие, который увѣдомилъ ихъ, что Дежанъ де-Монтаньякъ, общій другъ ихъ, былъ въ Парижѣ. Это былъ человѣкъ весьма уважаемый, одинъ изъ вождей протестантской партіи; онъ скрылъ Латюда и д'Алегра у одного изъ своихъ единовѣрцевъ, портного Рюи, потому что онъ самъ состоялъ подъ надзоромъ полиціи.

Такъ прошолъ мѣсяць. Всѣ старанія маркизы де-Помпадуръ открыть бѣглецовъ оставались напрасны. Тогда они рѣшились искать убѣжища повѣриѣе, и д'Алегръ, переодѣвшись ипчимъ, отправился въ Брюссель. Прибывъ туда онъ имѣлъ неосторожность написать два письма: одно къ прежнему товарищу, другое къ маркизѣ, полное горечи и оскорбительныхъ выраженій. Латюдь, получивъ извѣстіе, что другъ его въ безопасности, поспѣшилъ оставить Парижъ, но когда онъ прибылъ въ Брюссель, онъ узналъ, что д'Алегра выдали; тогда онъ переѣхалъ въ Амстердамъ, но и здѣсь онъ не нашолъ спасенія: интриги французскихъ агентовъ и малодушная услужливость голандскаго правительства бросили сперва Латюда въ тюрьму, а потомъ предали на жертву раздраженной фавориткѣ. Привезенный во Францію, онъ былъ посаженъ въ одну изъ ужаснѣйшихъ бастильскихъ темницъ съ тяжелыми цѣпями на рукахъ и на ногахъ. Сорокъ мѣсяцевъ провелъ онъ въ такомъ положеніи, испытывая невыразимыя страданія. Вотъ что говорить о состояніи его здоровья окулистъ Гражанъ, посланный къ нему начальникомъ полиціи:

• Милостивый государь! По вашему приказанію я нѣсколько разъ посѣщалъ арестанта въ бастиліи. Осмотрѣвъ его глаза и размысливъ о томъ что онъ мнѣ говорилъ, я не нашолъ ничего удивительнаго, что онъ почти совершенно потерялъ зрѣніе... Уже много лѣтъ, какъ онъ сидитъ въ тюрьмѣ, лишонный свѣжаго воздуха и солнечнаго свѣта... Въ подобныхъ случаяхъ натура страдаетъ и не можетъ удержаться отъ слезъ... Въ наукѣ призвано, что частое и продолжительное изліяніе ихъ можетъ испортить зрѣніе...

• Зима на 1757 годъ была чрезвычайно сурова, такъ что Сена замерзла, а заключенный находился въ это время въ темницѣ, безъ одѣла, въ тяжкихъ оковахъ. Въ его казематѣ были двѣ бойницы длиною футовъ въ пять, шириной въ пять дюймовъ; днемъ и ночью морозъ и вѣтеръ поражали его лицо... верхняя губа его раздвоилась до носу и обнажила зубы, на которыхъ холодъ истребилъ совершенно эмаль; корни волосъ выгѣзли и онъ сдѣлался лысымъ...

• Арестантъ не могши переносить своихъ страданій, рѣшился умереть: съ атой цѣлю онъ не ѣлъ въ продолженіи 133 часовъ; ему открыли ротъ ключами и заставили принять пищу. Тогда онъ осколкомъ стекла открылъ себѣ вены и за ночь почти совершенно истекъ кровью, такъ что оставался нѣсколько дней безъ сознанія. Хотя въ послѣдствіи онъ сдѣлался нѣсколько дороденъ, но эта дородность никакъ не служитъ признакомъ здоровья: она слѣдствіе избытка мокротъ, которыя стущаясь производятъ разныя болѣзни...

• Сверхъ того арестантъ жалуется на ревматизмъ и другіе недуги — но это не моя специальность...

• Главнѣйшая причина потери зрѣнія заключается въ истощеніи крови... Какъ только большою наклонить голову, онъ чувствуетъ сотрясеніе въ верхней части черепа, какъ будто кто ударилъ его кулакомъ, и минуты двѣ-три ничего не видитъ.

Далѣе докторъ въ медицинскихъ терминахъ объясняетъ причину болѣзни и совѣтуетъ дать Латюду болѣе свободы. Разуздѣтся, это донесеніе осталось безъ послѣдствій.

Между тѣмъ несчастный узникъ, не видя возможности бѣжать, надѣялся освободиться другимъ способомъ: онъ намѣренъ былъ оказать какую-нибудь услугу отечеству и въ награду просить свободы — и вотъ онъ предлагаетъ вооружить унтеръ-офицеровъ ружьями. Недостатокъ бумаги не останавливаетъ его: изъ размоченныхъ крошекъ хлѣба онъ дѣластъ таблички до 6-ти квадратныхъ дюймовъ; пряжку на брюкахъ превращаетъ въ рѣзецъ, обтачивая ее на цѣпяхъ; вмѣсто пера беретъ спинную кость карпа; чернила замѣняетъ кровью. Перевязавъ палецъ ниткой, онъ въ налившуюся кровью часть его вонзаетъ шпинецъ отъ пряжки и извлекаетъ такимъ образомъ нѣсколько капель крови... Написавъ свой проектъ, онъ обратился къ бастильскому духовнику Гриффе и просилъ его принять на себя ходатайство по этому дѣлу. Гриффе выпросилъ ему у начальника полиціи бумаги и представилъ его проектъ королю... Унтеръ-офицерамъ дали ружья, а Латюда остался попрежнему въ тюрьмѣ. Три мѣсяца дождался онъ отпѣта; не получая его, онъ подалъ новый проектъ объ основаніи богадельни для вдовъ солдатъ и офицеровъ, погибшихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Но такъ какъ финансы королевства были въ плачевномъ состояніи, то онъ пред-

ложилъ увеличить пошлину на письма. Налогъ былъ увеличенъ, но богадѣльни не выстроили и Латюда оставили въ темницѣ...

Можетъ-быть онъ томился бы тамъ до самой смерти, но наводненіе Сены заставило перевести его въ темницу чернаго этажа. Здѣсь онъ приучилъ къ себѣ голубей, помогалъ имъ строить гнѣзда и кормить птенцовъ; но и это утѣшеніе было скоро отнято у него: одявъ изъ тюремщиковъ, раздраженный отказомъ Латюда отдавать ему половину винной порціи, донесъ о голубяхъ коменданту, какъ о нарушеніи тюремныхъ правилъ. Тотъ приказалъ убить ихъ...

Не смотря на эти гоненія, Латюдъ продолжалъ представлять разные проекты. Въ числѣ ихъ былъ планъ учрежденія запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ. Сартинъ (Sartine), тогдашній начальникъ полиціи, пришолъ въ ужасъ; онъ черезъ третье лицо предложилъ Латюду свободу и 1,500 ливровъ пенсін, если онъ откажется отъ этого проекта. Причиной такой щедрости было участіе Сартина въ знаменитомъ *pacte de famine*, созданномъ шайкой откупщиковъ, въ которую вошли многіе министры и вельможи, для того чтобы спекулировать на голодъ народа. Имѣя въ своихъ рукахъ деньги и власть, они скупали хлѣбъ и наживали такимъ образомъ огромные барыши⁽¹⁾. Понятно, почему проектъ Латюда долженъ былъ имъ не нравиться. Они пытались подкупить его, но не успѣли: «я за пятьдесятъ тысячъ франковъ не откажусь отъ своего изобрѣтенія,» отвѣчалъ онъ съ гордостью — и остался въ Бастиліи...

Отчаявшись тронуть своихъ палачей, онъ рѣшился прибѣгнуть къ общественному мнѣнію. Получивъ позволеніе прогуливаться, онъ сталъ измѣрять глазомѣрно разстояніе между сенъ-антуанской улицы и башнями Бастиліи, и вычислилъ, что если бросить сильно пакетъ съ башни, то онъ можетъ упасть на улицу. Но чтобы исполнить это, надо было преодолѣть множество затрудненій: у него не было ни бумаги, ни чернилъ, потому что ихъ отняли вслѣдствіе нѣсколькихъ рѣзкихъ писемъ къ Сартину и маркизѣ де Помпалуръ; потомъ надо было освободиться на прогулкѣ отъ тюремщика и

(1) Въ біографіи Латюда, помѣщенной въ *Causes célèbres*, говорится, что Сартинъ не имѣлъ никакого интереса заставить отказаться его отъ проекта, но изъ докладной записки Прево-де-Бомона королю видно, что Сартинъ участвовалъ въ *pacte de famine*. Вотъ что говорилъ онъ: M. de Sartine pendant 18 ans le plus ardent des conjurés et leur procureur-général, tenant correspondance avec les lieutenants-généraux des baillages dans tout le ressort du parlement de Paris, ainsi que je l'en ai fait convenir dans les interrogatoires, qu'il me faisait subir à la Bastille, d'où il ma fait transférer à Vincennes avec mes 5 compagnons, pour nous recéler, s'il ne pouvait nous corrompre.

плаць-адъютанта, и выбрать людей, къ которымъ бросить записку о своихъ страданіяхъ.

Чтобъ отдѣлаться отъ постоянного надзора и прогуливаться одному, Латюдь сталъ противорѣчить плаць-адъютанту и смѣяться надъ его расказами; сверхъ того онъ не ходилъ, а почти бѣгалъ, увѣряя, что это необходимо для его здоровья. Тогда плаць-адъютантъ, большой охотникъ поболтать, выбралъ своей жертвой тюремщика. Мало-помалу они привыкли видѣть Латюда на одномъ концѣ платформы, тогда какъ сами были на другомъ... Во время своихъ прогулокъ, онъ внимательно осматривалъ дома сенъ-антуанскаго предместья, стараясь встрѣтить какую-нибудь симпатичную физиономію. Онъ замѣтилъ двухъ молодыхъ женщинъ, которыя часто работали у окна. Онѣ показались ему достойными довѣрія и онъ не ошибся. Всякій день они обмѣнивались поклонами; всякій день въ часъ прогулки онѣ были у окна. Латюдь, удостовѣрившись въ ихъ готовности помочь ему, принялся за составленіе записки...

Чтобъ достать бумаги, онъ вырвалъ нѣсколько страницъ изъ книгъ, которыя ему давали; вмѣсто пера онъ взялъ мелкую монету (*pièce de deux liards*), расплющилъ ее, согнулъ и сдѣлалъ раскертъ; чернила же вздумалъ составить изъ сажи... Во время прогулки онъ сталъ жаловаться на зубную боль и попросилъ у тюремщика трубки, когда тотъ не курилъ. При закуриваніи онъ ловко оторвалъ кусокъ труты. Возвратившись въ темницу, онъ притворился больнымъ коликой; докторъ прописалъ припарки и масло. Часть масла онъ отлилъ въ помадную банку, а изъ нитокъ сдѣлалъ свѣтильню; огонь же досталъ посредствомъ тревія двухъ кусковъ дерева. Держа тарелку надъ огнемъ, онъ собралъ копоть, которую и распустилъ въ сахарной водѣ.

Записка была готова. Латюдь присоединилъ къ ней письма къ Ла-Бомелю, Мегегану и своимъ неизвѣстнымъ покровительницамъ. Выбравъ день, когда одна изъ нихъ проходила близъ башни, онъ бросилъ пакетъ...

Черезъ нѣсколько дней, 18 апрѣля 1764 года, онъ увидѣлъ надпись огромными буквами, которую сестры выставили у окна: «маркиза де Помпадуръ умерла вчера». Можете себѣ представить радость несчастнаго. Онъ ожидалъ скорого освобожденія, но видя, что время тянется, написалъ къ Сартину письмо, въ которомъ упоминалъ о смерти маркизы. Встревоженный начальникъ полиціи немедленно явился: онъ хотѣлъ узнать кто сообщилъ Латюду эту новость, но не успѣвъ въ этомъ, удался недовольный.

Время потекло обычной чередой. Арестантъ сталъ бомбардиро-

вать Сартина рѣзкими письмами и былъ за это переведенъ въ Венсенъ, съ предписаніемъ *забыть его тамъ*.

Онъ снова былъ въ темницѣ, снова здоровье его быстро разстроилось, но цѣль правительства была, чтобъ онъ страдалъ, а не умеръ, и потому его перевели въ лучшую комнату и позволили прогуливаться. Онъ воспользовался этой полусвободой и бѣжалъ, обезоруживъ часового. Но такъ велико было ослѣпленіе несчастнаго, что онъ даже послѣ всѣхъ своихъ опытовъ вѣрилъ въ правосудіе французскихъ министровъ. Онъ явился къ Шоазелю и тотчасъ же былъ арестованъ и заключенъ снова въ Венсенъ въ темницу въ семь съ половиною футовъ длины и пять ширины, куда не проникалъ лучъ свѣта... Въ этой каменной могилѣ онъ скоро нажилъ водяную. Тогда только перевели его снова въ хорошую комнату.

Посѣщеніе Малерба улучшило участь плѣнника: министръ былъ тронутъ его двадцати-шестью лѣтними страданіями и обѣщался хлопотать объ его освобожденіи, но люди, преслѣзовавшіе Латюда, опасались обличенія своихъ притѣсненій и выдали его за сумашедшаго и государственнаго преступника. Тогда Малербъ ограничилъ свое участіе только тѣмъ, что велѣлъ перевести его въ Шараптонъ.

Здѣсь кроткое поведеніе Латюда приобрѣло ему расположеніе отпа Фачіо, начальника заведенія; онъ ходатайствовалъ за него у министра и наконецъ въ 1777 году несчастный страдалецъ былъ освобожденъ съ приказаніемъ отправиться въ изгнаніе. Хлопоты Латюда о полученіи какого-нибудь вознагражденія, стремленія его обнаружить злоупотребленія Сартина навлекли на него новое заключеніе въ Бисстръ и новыя страданія...

- Кромѣ крысъ, блохъ и другихъ насѣкомыхъ, говоритъ онъ, я принужденъ былъ сражаться съ другими непріятелями: самыми жестокими были сырость и холодъ. Едва шолъ дождь или становилась оттепель, какъ вода текла со всѣхъ сторонъ. Ревматизмы одолѣли меня: боль была такъ сильна, что я не могъ вставать по цѣлымъ недѣлямъ; тюремщики не давали мнѣ тогда супу, потомучто я не могъ подойти съ ложкой къ окошечку въ дверяхъ; они бросали мнѣ хлѣбъ на одѣяло и проходили мимо, не обращая никакого вниманія на мои страданія.

- Когда наступали холода, я терпѣлъ еще больше: окно моего казмата, загороженное толстой желѣзной рѣшоткой, выходило въ коридоръ, который въ этомъ мѣстѣ имѣлъ также отверстіе; черезъ него проникалъ ко мнѣ воздухъ и свѣтъ, но также снѣгъ и дождь; я не имѣлъ ни дровъ, ни свѣчей и часто былъ принужденъ разбивать замерзшую воду башмакомъ (*sabot*) и глотать куски льда... Если я затыкалъ окно — новое горе; запахъ помойныхъ ямъ и сточныхъ трубъ

задушалъ меня, жогъ мнѣ глаза, ротъ, легкія... Такъ я страдалъ тридцать восемь мѣсяцевъ... я заболѣлъ.

• Скорбутъ обнаружился во мнѣ изнеможеніемъ во всѣхъ членахъ, болѣю, которая не позволяла ни встать, ни сѣсть. Въ десять дней мои ноги раздулись вдвое. тѣло почернѣло, десны не могли жевать. Я не получалъ пищи уже три дня и никто о томъ не заботился.

• Сосѣди мои дѣлали мнѣ разные вопросы, я не отвѣчалъ на нихъ: они сочли меня умершимъ и сказали о томъ тюремщикамъ. Тогда только перенесли меня въ больницу. Зала, въ которой я былъ помѣщенъ, заключала больныхъ сифилитическими болѣзнями изъ всѣхъ парижскихъ тюремъ; остальная часть ея была посвящена скорбуту. Когда больныхъ было много, кровати ставились рядомъ, матрасы клали поперегъ, а на нихъ больныхъ другъ друга. Одѣяла, которыми одѣвались скорбутные, оставались безъ перемѣны во все время леченія, продолжавшагося иногда полгода; отъ стираксы, испареній больного и гнойной матеріи они превращались въ какую-то грязную, вонючую массу и въ этомъ видѣ, почти невымытыя, лавались другимъ больнымъ. Два раза въ недѣлю фельдшера притаскивали къ нашимъ постелямъ огромный чанъ съ горячей стираксой, которой намазывали большіе листы сѣрой бумаги и обертывали ими ноги больныхъ, обжигая тѣхъ, кто имѣлъ несчастіе имъ не нравиться...

Латюль пробылъ въ больницѣ пять мѣсяцевъ и вышелъ оттуда на костыляхъ для того, чтобы возвратиться въ новую темницу, еще хуже прежней. Здѣсь его увидѣлъ посѣтившій Бисетръ извѣстный филантропъ президентъ де Гургъ (Gourgues). Онъ прослезился, слушая расказъ объ его страданіяхъ и потребовалъ изложенія ихъ на бумагѣ, обѣщая употребить все силы для его освобожденія. Латюль былъ въ затрудненіи: онъ не зналъ, какъ достать бумаги, чернилъ и перьевъ и какъ переслать свою докладную записку; тюремное начальство не допустило бы обнаруженія своихъ злоупотребленій. Къ счастью бѣднаго узника въ числѣ сторожей находился одинъ, который тронулся его несчастіями, далъ ему бумаги и взялся доставить пакетъ по адресу. Все было готово и вотъ сторожъ, выбравъ одинъ свободный день, отправился въ Парижъ, но на дорогѣ потерялъ записку. Съ тѣхъ поръ никакія убѣжденія не могли его заставить второй разъ попробовать счастья: онъ принялъ этотъ случай за волю провидѣнія и упорно отказывалъ Латюлю даже въ бумагѣ...

Между тѣмъ потерянный пакетъ былъ найденъ мелочной торговкой мадамъ Летро. Она пришла въ ужасъ, читая что вытерпѣлъ несчастный страдалецъ. Ея неутомимымъ усиліямъ одолженъ былъ онъ свободой: никакія трудности не утѣшили ее; она писала просьбы, письма, хлопотала, надоѣдала министрамъ: обще-

сташнее мѣщеніе было возбуждено и 18 марта 1784 года указъ объ освобожденіи Лютюда былъ подписанъ.

Вотъ еще вѣскольکو примѣровъ правосудія того времени.

Одинъ студентъ парижскаго университета просидѣлъ сороки-восемь лѣтъ въ одномъ изъ каменныхъ колаповъ Бастиліи неизвѣстно за какую вину. Его ниразу не призвали къ допросу, несмотря на всѣ его требованія.

Португальскій священникъ Понсъ де Леонъ провелъ въ тюрьмѣ двадцать лѣтъ за то, что усомнился въ правосудіи Людовика XV.

Инженеръ Геронъ за то, что продалъ Фридриху II планы, отъ которыхъ отказалось французское министерство, былъ осужденъ на смерть, но отбѣлся двадцатилѣтнимъ заключеніемъ.

Дуи Жозефъ Вандомъ за памфлетъ противъ любовницъ короля двадцать-восемь лѣтъ погибалъ медленной смертью въ темницахъ Венсеня.

Прево де Бомонъ за обнаруженіе *pacte de famine* высидѣлъ въ разныхъ тюрьмахъ двадцать два года.

Графъ Шавэнъ и кавалеръ де Мирабель пробыли въ тюрьмѣ по одиннадцати лѣтъ: первый за непочтительный отзывъ о министрѣ Морепе, второй за произнесеніе неизвѣстно къмъ сочиненной эпитафии на маркизу де Помпадуръ.

Двое факторовъ, нанежавшихъ брошюру о взяткахъ, которыя брала любовница министра Сень-Флорентэна, погибли безъ вѣсти въ темницахъ Бастиліи.

Бастильскій медикъ Фурвье за состраданіе къ заключеннымъ просидѣлъ въ темницѣ тринадцать мѣсяцевъ.

Семилѣтнюю дѣвочку, взятую въ одномъ собраніи конвульсіонеровъ, выдержали въ Бастиліи годъ и потомъ выпустили на произволъ судьбы.

Всѣ тюрьмы были полны заключенными; мало того: многіе монастыри были обращены въ тюрьмы. Попавшіе туда часто испытывали участь худшую участи бастильскихъ арестантовъ.

VI

Въ городѣ Реннъ въ числѣ пансіонерокъ урсулинскаго монастыря находилась Жанна Кердалекъ, дочь одного небогатаго бретанскаго дворянина. Красота ея обратила на себя вниманіе герцога д'Эгильмона, губернатора Бретани. Это былъ молодой, красивый человекъ съ благородными, изящными манерами, но эта блестящая наружность скрывала самаго безжалостнаго эгоиста, самаго бесо-

вѣстнаго негодая... Неопытная дѣвушка полюбила его и сѣмю вѣрила его словамъ. Съ нетерпѣніемъ ожидала она его послѣдшаго всякій разъ и тайнымъ ходомъ спѣшила на свиданіе... Такъ прошло нѣсколько недѣль, какъ вдругъ отецъ ея пріѣхалъ въ городъ съ намѣреніемъ взять дочь изъ монастыря и выдать ее за одного изъ своихъ сосѣдей, который между тѣмъ успѣлъ уже сдѣлать формальное предложеніе. Жанна, занятая герцогомъ, наотрѣзъ отказала; отецъ настаивалъ... она рѣшилась обратиться къ своему любовнику. Тотъ обѣщалъ ей все, клялся защитить ее, увѣрялъ въ своей любви, а между тѣмъ передъ тѣмъ только приказалъ своему агенту не приводить ее къ нему болѣе... Успокоенная Жанна съ радостью воротилась въ монастырь, но тамъ ожидало ее страшное разочарованіе. За ней слѣдили, ночной визитъ ея къ герцогу былъ узванъ и разгнѣванный отецъ заключилъ ее въ смиреннѣйшій домъ.

Три года провела она тамъ, подвергаясь страшнымъ страданіямъ, потомъ была переведена въ монастырь кающихся въ городѣ Вави. Въ это время умеръ старшій Кердалекъ, завѣщавъ сыну своему мщеніе за оскорбленіе чести семейства. Мщеніе это упало не на соблазнителя, а на бѣдную жертву его. Вѣрный обѣщанію, данному умирающему отцу, братъ Жанны велѣлъ перевести ее въ одинъ монастырь близъ с.-Мало. Она принуждена была идти въ цѣпляхъ въ сопровожденіи грубыхъ слугъ, назначенныхъ присматривать за ней. Несмотря на всѣ эти предосторожности ей удалось бѣжать съ дороги.

Долго шла она по полямъ, пока наконецъ голодъ и усталость не заставили ее лишиться чувствъ. Очнувшись, она увидѣла себя на постели; хозяинъ дома и одинъ изъ друзей его г. Буабуссель хлопотали около нея... Оправившись, она рассказала свою исторію, не скрывая ничего, кромѣ имени своего соблазнителя... Она была тронута и г. Буабуссель предложилъ ей убѣжище въ своемъ замкѣ. Она съ благодарностью приняла его предложенія, но скоро принуждена была раскаяться. Любовныя преслѣдованія ея благотворителя не давали ей покоя; онъ употреблялъ все: угрозы, ласки, даже обѣщаніе жениться, если она забеременѣтъ... Бѣдная Жанна покорила необходимости...

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она родила дочь, которая скоро умерла... Пораженная этой потерей, она хотѣла поступить въ монастырь. Буабуссель обѣщалъ дать ей приданое, но день за днемъ откладывалъ свое обѣщаніе. Видя себя обманутой, она бѣжала въ Парижъ, надѣясь найти защиту въ герцогѣ д'Эгильонѣ, но его не было въ то время въ городѣ... Шестъ мѣсяцевъ прожила она въ

крайней бѣдности, распродала всѣ свои вещи и наконецъ по совѣту содержательницы отеля рѣшилась написать къ Буабусселю. Тотъ сейчасъ же отвѣчалъ ей, возобновляя прежнія увѣренія и умоляя поскорѣй возвратиться. Она послушалась, но едва приѣхала, какъ онъ объявилъ, что никогда на ней не женится, а если она вздумаетъ бѣжать, то обвинить ее въ покражѣ вещей, проданныхъ ею въ Парижѣ.

Съ этихъ поръ жизнь Жанны сдѣлалась каторгой: она испытала все что подозрительность ревности и бѣшенство животной страсти могли придумать для ея мученія. Наконецъ она успѣла обмануть бдительность своего тюремщика и бѣжала.

На другой день по прибытіи въ Парижъ, она вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ и моленій, получила доступъ къ герцогу д'Эгильону. Долго показывалъ онъ видъ, что не знаетъ ее... Но когда она, оскорбленная такимъ лицемѣріемъ, возвысила голосъ, онъ тотчасъ прервалъ ее:

— Тихе, пожалуста тихе!.. Да, да!.. я приноминаю... Но это было такъ давно. Я былъ такъ занятъ... Чего же хотите вы?

— Хлѣба!

Герцогъ вынулъ золотую монету. Жанна, краснѣя, оттолкнула его руку.

— Я не этого прошу у васъ, сказала она: — я хочу мѣста, которое вы должны мнѣ достать, потомучто черезъ васъ я потеряла все: счастье, честь, будущность...

— Хорошо, я займусь вашими дѣломъ... но теперь мнѣ некогда: я долженъ ѣхать во дворецъ... Завтра или на дняхъ зайдите ко мнѣ или напишите письмо, какое мѣсто желаете получить... Но зачѣмъ вы оставили монастырь, какъ вы дошли до такого состоянія?..

Жанна хотѣла отвѣчать, но онъ не дожидаясь ея отвѣта, отворилъ двери.

Едва она ушла, какъ онъ позвалъ камердинера и приказалъ никогда не принимать ее.

Цѣлую недѣлю ходила она къ герцогу всякій день, но никакъ не могла добраться до него. Тогда она написала къ нему письмо:

«Милый герцогъ, говорила она, вы рождены съ сердцемъ живымъ, добрымъ и сострадательнымъ; я не прошу у васъ ничего кромѣ челоуѣколюбія, которымъ полна ваша прекрасная душа... Затѣмъ, напомнивъ герцогу о счастливыхъ минутахъ, проведенныхъ съ нимъ, она продолжаетъ: возвратившись отъ васъ я не нашла больше нѣжно, сти въ сердцѣ моего милого отца; гнѣвъ его отъ времени становился сильнѣе: мнѣ не позволили ходить въ парлуаръ, отняли бумагу и чернила и заперли въ желѣзъ, приказавъ черезъ день бичеваться...

Невольно я впала въ страшное уныніе: я бросилась къ ногамъ монахини, которой была отдана подъ надзоръ и вскричала: ради Бога не откажите мнѣ въ утѣшеніи, скажите, возьметъ ли меня къ себѣ отецъ, увижу ли я опять тѣ мѣста, гдѣ я была такъ счастлива? Вы дорого заплатите за это любопытство, сказала сестра Пруденція, уходя. Черезъ два часа вошли въ мою комнату двѣ послушницы, обнажили меня по поясъ, скрутили руки за спиной цѣпями, заставили стать на колѣни и въ такомъ положеніи дали мнѣ по пятидесяти ударовъ плетками съ желѣзными нахвостниками... Я упала безъ чувствъ... кровь ручьями текла по всему тѣлу... Два мѣсяца съ головою я не могла поправиться.

Наступилъ новый годъ. Я просила позволенія написать къ отцу, поздравить его съ праздникомъ... Тѣже двѣ послушницы явились ко мнѣ въ сопровожденіи слуги, который принесъ глухой фонарь. Онѣ заставили меня спуститься по семидесяти-четыремъ ступенькамъ въ подземелье, раздѣли, и взявъ въ руки по пучку крапивы, покрыли мнѣ все тѣло волдырями. Ты теперь знаешь, что такое адскій огонь, сказали онѣ: — умирай здѣсь... и захлопнули за собой дверь. Я провела въ этомъ подземельи девятнадцать дней въ глубокомъ отчаяніи: единственными товарищами моими были крысы: онѣ кусали меня... Я умирала... тогда только перенесли меня въ келью... Цѣлыя шесть лѣтъ послѣ того я провела въ совершенномъ уединеніи, въ четырехъ стѣнахъ, скованная по ногамъ. Эти цѣпи такъ вѣѣлись въ мое тѣло, что мясо отдѣлялось вокругъ нихъ на палецъ.. Я буду носить слѣды ихъ всю жизнь. (').

Письмо заключалось новыми мольбами о помощи; бѣдная Жанна просила мѣста гувернантки или горничной. Въ трогательныхъ выраженіяхъ напоминала она герцогу о прошедшемъ, но онъ оставался глухъ къ ея просьбамъ.

Прошло пять дней, Жанна написала новое письмо — оно также осталось безъ отвѣта. Отчаяніе овладѣло ею; повременамъ она доходила до безумія; въ эти минуты она бросалась въ церковь и тамъ горько плакала и горячо молилась. Одна дама обратила на нее вниманіе и однажды заговорила съ ней. Несчастная Жанна чувствовала потребность погѣлится съ кѣмъ-нибудь своимъ горемъ и рассказала свою исторію, не называя впрочемъ герцога... Тогда новая знакомая посоветовала ей просить графа Жанна Дюбарри, чтобы онъ доставилъ ей мѣсто черезъ сестру свою. Жанна послѣдовала этому совѣту, описала графу всю свою жизнь, но попрежнему скрывала имя своего обольстителя. На другой день къ ней явился повѣренный графа и хотѣлъ узнать это имя. Послѣ долгихъ колебаній Жанна

(') Это описаніе нѣсколько не преувеличено. См. «La religieuse, Diderot и réflexions sur les prisons des ordres religieux, Mabillon.

выдала свою тайну. Дюбарри этого только и было нужно. Слѣлавъ свою невѣстку любовницей короля, онъ спекулировалъ на ея вліяніе. Замѣтивъ связь ея съ герцогомъ, онъ съ одной стороны опасался уменьшенія своего значенія, съ другой боялся, что король прогонитъ ее. Получивъ письмо Жанны, онъ по нѣкоторымъ соображеніямъ заподозрилъ д'Эгильона. Удоставившись въ справедливости своей догадки, онъ успѣшилъ рассказать все дѣло невѣсткѣ, чтобъ посторить ее съ герцогомъ. Дѣйствительно желаніе его едва не исполнилось: графиня встрѣтила д'Эгильона градомъ упрековъ; тотъ съ наглостью отпирался, увѣряя, что вся эта интрига дѣло враговъ его. Затѣмъ онъ поскакалъ къ Сень-Флорентану и де-Сартину и просилъ ихъ арестовать Жанну. По его просьбѣ ее бросили въ For-l'Evêque, а для успокоенія графини Дюбарри нарядили слѣдствіе... Жанна была признана клеветницей и осуждена на пожизненное заключеніе.

Надѣмся, что эти примѣры достаточно показали какъ во Франціи средневѣковое варварство и произволъ взаимно поддерживали другъ друга. Лучъ свѣта не проникалъ въ густой мракъ парламентскихъ и королевскихъ указовъ. Знатный преступникъ всегда могъ быть утѣренъ въ совершенной безнаказанности; законы служили только къ удовлетворенію его капризовъ и ненависти. Поэтому удивительно, что аристократы отстаивали упорно всякій камень этого зданія. Никогда болѣе глубокой разладъ не существовалъ между обществомъ и законодательствомъ: первое, проникнутое гуманными теоріями философовъ XVIII вѣка, было полно жизни и движенія; второе, неподвижное, одряхлѣвшее, держалось только предавіемъ и блескомъ наружныхъ украшеній. Новая сила — общественное мнѣніе грозно простирало надъ ней свою могучую руку. Не разъ его суровый голосъ напоминалъ правительству, что первый долгъ его — правосудіе, что законы должны вмѣняться сообразно развитію общества. Мелкія уступки не могли удовлетворить тамъ, гдѣ дѣло касалось до радикальныхъ реформъ — и паденіе бастильи ознаменовало начало новой эры. Тогда только филантропическія ученія вѣка стали находить себѣ примѣненіе на практикѣ; но еще не одинъ разъ юридическая рутина сдерживала стремленіе общества къ преобразованію уголовного права.

В. ПОКОВЪ

НАНИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ

Денегъ дѣвать некуда, а капиталовъ нѣтъ. — Въ чемъ заключается истинное значеніе денегъ. — Въ безденежьи ли заключается причина жалобъ на безденежье? — Основаніе устройства свободныхъ банковъ. — Какъ объяснить явленіе, состоящее въ томъ, что и деньги и товары потеряли свою документальную силу. — Различіе между торговымъ кризисомъ и атоніей. — Предположеніе о новомъ выпускѣ бумажныхъ денегъ. — Московское страховое общество и складчины взаимнаго застрахованія. — Данковскій голова. — Новый московскій городской голова. — Предлагаемыя улучшенія въ календарѣ. — Послѣдніе извѣстія о ходѣ крестьянскаго дѣла. — Страданія и жалобы известнаго литератора г. Григорія Бланка.

Въ № 41 «Московскихъ Вѣдомостей» есть передовая статья, а въ этой статьѣ много курьезовъ. Но пусть читатели судятъ сами.

Передовая статья вызвана недѣльнымъ отчетомъ государственнаго банка. Въ послѣднее время онъ выдавалъ золота по полтора мильона въ недѣлю, а въ срединѣ февраля пришлось такая недѣля, что выдано было два съ четвертью мильона. «Куда какъ не за границу, требуется и пойдетъ это золото?» заключаютъ «Московскія Вѣдомости». Подождемъ что это и такъ, хотя это и нѣсколько торопливо, какъ увидимъ послѣ. Но слѣдующее замечаніе еще любопытнѣе: «Не ясный ли это признакъ, что намъ выгодно сбывать деньги за границу, то-есть что у насъ есть избытокъ въ денежныхъ знакахъ?» Далѣе выходитъ, что мы даже страдаемъ отъ избытка денежныхъ знаковъ, что это фактъ самый несомнѣнный изъ несомнѣнныхъ, что этотъ вопросъ давно разсмотрѣнный со всѣхъ сторонъ и всѣмъ уже успѣли прискучить нескончаемыя варьяціи этой темы. Далѣе съ забавнѣйшею важностью доказывается, будто бы у насъ денегъ чересчуръ много, а нѣтъ капиталовъ. Капиталовъ нѣтъ, а денегъ дѣвать некуда. Иначе сказать, у насъ

много того, чего у насъ нѣтъ; иначе сказать тотъ, или тѣ кунцы, которае нашли *оноду* выслать за границу въ одну недѣлю два съ четвертью мильона золотомъ, деньги имѣютъ, но не капиталисты; и ежели въ предыдущія недѣли выебмали тоже съ *онодоу* по полтора мильона, то все-таки не каниталисты, а только люди, имѣющие деньги. Далѣе еще говорится, что дѣла наши разстроены, что для поддержки предпріятій, дюмоцихъ четыре и пять процентовъ, мы взимаемъ по десяти и десяти процентовъ, а все-таки денегъ у насъ куры не клюютъ, деньги дешевы, а дороги капиталы.

Ну если такимъ образомъ «разсмотрѣвъ со всѣхъ сторонъ» вопросъ о нашей звонкой монетѣ, — какъ говоритъ статья, — «и всѣмъ уже успѣли прискучить нескончаемыя ея варьяціи» — то сдѣлано еще не много, хотя и правда, что подобныя варьяціи въ самомъ дѣлѣ прискучить могутъ. Вотъ любопытно было бы, еслибы лица, распорядившіяся государственнымъ финансами, имѣли о нихъ такое же точное понятіе, какъ «Москов. Вѣдомости»; какую кашу сдѣлали бы они изъ финансовъ, съ забавнѣйшею важною толкуя о томъ что намъ нужно, «возстановленіе ли или упроченіе денежной единицы?» Любопытно: всего, что «Москов. Вѣдом.» ссылаются на «здравый смыслъ»; не говорю уже о здравой экономической теоріи. И точно, въ особенности здравый смыслъ тутъ дѣло не лишнее.

Здравая экономическая теорія тоже была бы въ этомъ случаѣ лишняя, если только она въ самомъ дѣлѣ здравая, и еще если она примѣняется къ факту правильно, безъ механической игры представленій; безъ узкости и темности сознанія, безъ выводовъ; сдѣланныхъ заранѣе. Въ этому еще надо прибавить, что такъ-называемая наука, политическая экономія, совсѣмъ еще не наука и требуетъ величайшей осторожности въ приложеніи небольшого количества добытыхъ ею истинъ. И въ этомъ случаѣ примѣръ «Моск. Вѣд.» весьма поучителенъ.

«Всѣ у насъ жалуются на безденежье, и жалуются очень справедливо. Самое несомнѣнное доказательство этого — высокій процентъ, платимый при обществѣ векселей на деньги, то-есть дисконтъ. Если у васъ есть вексель, подписанный какимъ-нибудь извѣстнымъ торговцемъ, комерціи совѣтникомъ, срокомъ на годъ, то вамъ не легко будетъ промѣнять этотъ вексель на деньги: придется сдѣлать значительную уступку отъ шести до десяти и болѣе процентовъ. Продать этотъ вексель въ банкъ — не всегда можно: банкъ покупаетъ векселя или принимаетъ ихъ къ учету только до извѣстной суммы, и то не свыше шестимѣсячнаго срока. Для каждаго торговца въ банкъ постановлена извѣстная норма, дальше которой довѣріе банка простирается, не должно, и понятно само собою, что эта сте-

вень довѣрія опредѣляется по разнымъ случайнымъ обстоятельствамъ: по слухамъ о ходѣ дѣла каждаго торговца, по количеству его имѣнія, по объему его оборотовъ, по знакомству, по проекціи, и такъ далѣе. Нерѣдко случается, что даже очень благонадежный вексель не принимается въ банкѣ къ учету, то-есть не покупается. Это бываетъ именно тогда, когда въ поросели банка имѣется уже опредѣленное количество векселей даннаго лица; далѣе этого количества банкъ въ своемъ довѣрїи идти не можетъ, столько же изъ осторожности, сколько (если еще не болѣе) по ограниченности своихъ собственныхъ средствъ. Тогда приходится искать частнаго покупателя на вексель, частнаго учета или дисконта, и дѣлать огромную уступку. Еслибы свободныхъ капиталовъ было много, то они разумѣется искали бы вѣрваго помѣщенія, и отъ ихъ соперничества дисконтъ долженъ бы былъ понизиться. Но этого нѣтъ, стало-быть нѣтъ большого количества свободныхъ капиталовъ, стало-быть мало капиталовъ. «Моск. Вѣд.» говорятъ, будто это не значитъ, что мало денегъ; по ихъ мнѣнію денегъ больше, нежели нужно.

Мы посылаемъ много денегъ за границу; это несомнѣнно. Но это вовсе еще не значитъ, будто намъ *выгодно* сбывать ихъ за границу, будто у насъ есть лишнія деньги. Положимъ, что нѣкоторый богатый землевладѣлецъ заложилъ свое имѣніе, взялъ хорошій кушъ, и употребляетъ его на выкупъ своихъ векселей, на постепенное покрытіе мелкихъ своихъ долговъ, сдѣлавши одинъ долгъ крупный. Онъ выдаетъ много денегъ, но это вовсе не значитъ, что у него есть лишнія деньги и что ему *выгодно* сбывать ихъ, отдавать на вывозъ изъ своего дома. Пожалуй оно выгодно въ нравственномъ отношеніи, потому что поддерживаетъ кредитъ до поры; до времени, но далеко не выгодно, какъ прямая спекуляція. Известно также всякому, что кредитъ поддерживается лишь на вѣвторое время, пока производится уплаты, а потомъ, когда все-таки доходъ превышаетъ расходомъ, кредитъ опять исчезаетъ въ наступающъ попрежнему стѣсенныя обстоятельства. У насъ точно такъ же усиленная высылка денегъ за границу показываетъ не излишекъ денегъ, а только то, что мы уплачиваемъ кое-какіе мелкіе долги, и когда всѣ долги будутъ заплачены, дѣла поправятся только при одномъ условїи, совершенно неизбѣжномъ: если итогъ цѣны привозимыхъ къ намъ изъ-за границы товаровъ не будетъ превышать итога цѣны товаровъ, отправляемыхъ за границу отъ насъ. Иначе сказать, надо: чтобъ расходъ не превышалъ дохода, и это единственное средство поправить дѣло.

Для уравненія расхода съ приходомъ, когда первый выше вто-

рога, ииѣются два средства, или уменьшать расходъ, то есть воздержаться отъ излишнихъ покупокъ за границей, или увеличить приходъ, то есть увеличить сбытъ своихъ продуктовъ, для чего усилить свою производительность. Последнее средство конечно выгоднѣе; но такъ какъ выгодный сбытъ зависитъ болышою частью отъ большого запроса, который не въ нашихъ рукахъ, не въ нашей волѣ, то и надобно соединить первую мѣру со второю: значительную часть покупаемыхъ за границу товаровъ производить дома, причеиъ и увеличится производительность.

У насъ на все стоитъ страшная дороговизна. Это фактъ несомнѣнный; съ нимъ даже согласны «Моск. Вѣд.». Они дѣлаютъ изъ этого факта такой выводъ, что значить денегъ у насъ много. Хлѣбъ дорогъ, рабочія руки дороги, квартиры дороги. Политическая экономія увѣряетъ, будто это значить, что деньги дешевы. До нѣкоторой степени это такъ. Когда въ Калифорніи открылся золотыя россыпи и народъ кинулся на разработку драгоцѣннаго металла, то въ первое время золото было тамъ крайне дешево въ сравненіи съ предметами первой необходимости. Простой и самый неприхотливый рабочий въ одинъ день издерживалъ на хлѣбъ по червонцу, или по два. Была стало-быть большая дороговизна: золота было слишкомъ много относительно хлѣба. Но г. Катковъ въ своей газетѣ болыно ошибается, если думаетъ, что въ Калифорніи было лишнее золото. Слѣдуетъ сказать, чтобы когда-нибудь могло быть лишнимъ такое добро, какъ золото, а если въ какомъ-нибудь краю земнаго шара на покупку кула хлѣба приходится употребить болыше золота, нежели сколько нужно употребить на покупку того же въ другомъ краю, то это значить, что въ томъ первомъ краю не золота слишкомъ много, а хлѣба слишкомъ мало. И много ли нужно проникательности, чтобы понять такое простое дѣло? А вѣдъ вотъ вѣтъ, не повашаютъ, да еще съ забавною важностью толкуютъ, что всѣмъ уже успѣли прискучить нескончасмыя варьяціи на эту тему. Можно согласиться только съ тѣмъ, что весьма легко прискучить безсмыслица, соединенная съ торжественно важнымъ диктаторскимъ тономъ. Пора политической экономіи окончательно усвоить мысль, что чего-нибудь хорошаго не бываетъ и не можетъ быть слишкомъ много. Современнѣмъ, когда политическая экономія созрѣетъ до степени науки, эта истина будетъ общезвѣстна, какъ дважды-два четыре. А пока мѣсто политической экономіи строитъ догадки, ииѣющія основаніи только подъ однимъ изъ своихъ угловъ, а всѣми остальными углами стоящія въ воздухѣ. Понятное дѣло, что онѣ разрушаются отъ малѣйшаго прикосновенія дѣйствительности или хотя здраваго смысла.

..Страдаемъ мы отъ избытка денегъ, позволите видѣть. Но какъ же это постараться вообразить? Земледѣлецъ денегъ не дѣлаетъ, золота не копаешь; во время жатвы или окончательной уборки съ поляхъ продуктовъ у него, положимъ, осталась тысяча рублей. Съсѣлъ его рудоковъ, имѣющій мучу золота, предлагаетъ ему за извѣстное количество хлѣба не фунтъ, а два фунта драгоцѣннаго металла. Въ какомъ смыслѣ земледѣлецъ будетъ страдать отъ этого избытка? Развѣ только въ томъ, что тяжело будетъ это нести? Но это страданіе еще не велико, тѣмъ болѣе, что земледѣльцу надо будетъ отдать за извѣстное количество жалава, сапоговъ, шляхъ и другихъ предметовъ для него необходимыхъ, тоже не фунтъ, а два фунта золота. Наконецъ могла бы случиться такая бѣда, что золото впадетъ болѣе, чѣмъ на свѣтъ желѣза. Но и это не бѣда, потому что тогда золото переставстъ быть драгоцѣннымъ металломъ, потеряетъ свое достоинство какъ удобное орудіе мѣны, и человѣчество придумаетъ себѣ другія деньги, не такіа громозкія.

.. Такимъ образомъ выходитъ, что можно страдать отъ избытка денегъ только въ такомъ случаѣ, когда для нихъ нужно устроить особый дорогія помѣщенія и когда они слишкомъ громоздки. Еще лн и г. Катковъ ставеть утверждать, что мы уже дошли до этого.

Очевидно, что въ понятіяхъ г. Каткова происходитъ путаница вълѣдствіе неснаго пониманія что такое деньги; и здѣсь мы говоримъ, конечно, не о знаменитомъ его четвертакѣ; хотя в.о немъ понтія не точны. Для облегченія дальнѣйшей бесѣды объ этомъ предметѣ; надо хорошенько условиться въ значеніи словъ.

Люди оказываютъ взаимныя другъ другу услуги посредствомъ мѣны, при чемъ одинъ уступаетъ другому часть своихъ продуктовъ. Но въ прямой мѣнѣ несутся большія неудобства. Человѣкъ, располагающій тушею говядины, можетъ имѣть нужду въ хлѣбѣ, въ кожѣ, въ каленкорѣ, въ чаѣ, въ книгачѣ и въ разныхъ другихъ предметахъ. Чтобы вымѣнять себѣ все это, онъ долженъ съ болышими трудами отыскивать владѣльцевъ этихъ необходимыхъ для него вещей, и каждому изъ нихъ дать по части своего товара; тотъ рано равноцѣнное количество опредѣлялось бы предварительнымъ уговоромъ. Но человѣкъ, обладающій каленкоромъ и желающій уступить нѣкоторую часть его въ обмѣнъ на другіе товары, можетъ быть только что приобрѣлъ себѣ значительный запасъ мяса. Надо искать другого обладателя каленкора, еще не занаспагося говядиной. Для избѣжанія подобныхъ неудобствъ, люди уже въ отдаленнѣйшія времена, какъ только общество принимало нѣкоторую правильность, старались принять какое-нибудь особенное орудіе, посредствомъ котораго выражались бы цѣнности различныхъ про-

приведеній. Требовалось, чтобы это орудіе было общепринято въ обмѣнъ на продукты и услуги, чтобы повсемъ можно было произвольно мѣнять его на другіе продукты и другіе услуги. Въ драгоценныхъ металлахъ, именно въ золото и въ серебрѣ, имѣется много свойствъ, вслѣдствіе которыхъ они особенно удобны для этой цѣли. Поэтимъ свойствамъ видно, что общепринятость ихъ не случайна и не произвольна. Одно изъ этихъ свойствъ — совершенное однородіе качества. Золото и серебро, какъ тѣла простые, вслѣдствіе однородности: калифорнское, австраійское и сибирское золото равно ничѣмъ одно отъ другого не отличаются; серебра мексиканское и уральское — одно и то же вещество. Другое свойство — дѣлится на мелкія части и удобное соединеніе въ большія массы посредствомъ плавленія. Сверхъ того они весьма прочны, огонь превращаетъ въ нихъ весьма незначительныя измѣненія, а ржавчина не имѣетъ вовсе; они долгое время могутъ переходить изъ руки въ руку, не претерпѣвая отъ тренія чувствительной потери. Они весьма тверды, не ломаются, удобно смѣшиваются съ другими металлами, увеличивающими ихъ прочность, послѣ чего нельзя свести раздѣлять ихъ безъ большой потерн; они получаютъ и удерживаютъ окисленіе, показывающій ихъ вѣсъ и степень чистоты металла. Всѣ эти свойства придадутъ имъ большую цѣнность при употребленіи въ ремеслахъ, независимо отъ услугъ, оказываемыхъ ими въ качествѣ монеты; это весьма важное обстоятельство, потому что оно ставитъ и поддерживаетъ драгоценныя металлы на степенн равенства со всеми остальными полезными произведеніями.

Другое обстоятельство, въ силу котораго они служатъ удобнымъ посредниками мѣны, это то, что они заключаютъ большую цѣнность въ своемъ маломъ объемѣ. Это происходитъ частію отъ относительной рѣдкости мѣстоахожденій, откуда извлекаются драгоценныя металлы, в частію — отъ первобытности орудій, употребляемыхъ для ихъ извлеченія изъ земли и низкой степени развитія фабричныхъ — рудокоповъ. Это занятіе всегда представляло самыя ослабѣнныя надежды и всегда сопровождалось большими случайностями и разочарованіями. Оно почти вслѣдъ было трудомъ варловокъ, стоявшихъ на низкой степени образованности или повншаломъ умственномъ уровенн тѣхъ, кто ему предавался. Отъ этого происходить дѣль выгоды относительно драгоценныхъ металловъ, употребляемыхъ въ качествѣ посредниковъ мѣны. Первая выгода та, что малого количества ихъ достаточно для замѣны большого количества другихъ полезныхъ продуктовъ; вторая та, что въ значительной степени поддерживается однородіе ихъ цѣнности, причемъ довольно сопряженны прибавки, дѣлающая въ разныя времена къ количе-

ствамъ, уже существовавшимъ. Если принять въ соображеніе, что они очень прочны и что находящаяся въ обращеніи ихъ масса претерпѣваетъ меньше убавки, нежели всѣ остальные вещи, переходу которыхъ изъ рукъ въ руки они способствуютъ, то легко замѣтить, что даже небольшая ежегодная прибавка къ количеству, находящемуся въ употребленіи (прибавка хотя меньшая противъ увеличенія всей массы продуктовъ за тоже время), быстро уменьшила бы ихъ цѣнность и лишила бы ихъ того постоянства, которое есть главнѣйшее качество посредника всеобщей мѣны.

Но ясно, что въ извѣстное время въ какомъ мѣстѣ хлѣбъ можетъ опредѣляться цѣнность золота, точно такъ же, какъ золотомъ опредѣляется цѣнность хлѣба или всякаго другого продукта, который можетъ быть приобрѣтенъ. Хотя золото въ разные времена и въ разныхъ мѣстахъ мѣняе всякаго другого продукта подвержено измѣнчивости, однако все-таки цѣнность его измѣняется не только по отношенію къ одному продукту, какъ хлѣбъ, но даже по отношенію къ серебру и ко всѣмъ прочимъ продуктамъ. Когда открылись золотоносныя края Калифорніи и Австраліи, произошло явное такого рода переи́мъ: цѣнность золота понизилась и продолжаетъ понижаться, или что одно и тоже, цѣнности всей массы продуктовъ возвысились въ сравненіи съ этимъ металломъ. Это происходитъ оттого, что всякій годъ во всемірное обращеніе вступаетъ золота вчетверо больше того что вступало до 1848 года. Золото теперь дѣбывается съ меньшимъ прямымъ трудомъ, стало быть надо меньше и непрямого труда на его добываніе. Прежде на всѣхъ рудопромыслахъ; занятыхъ добываніемъ золота, приходилось въ извѣстный періодъ времени положить пудъ золота, а нынче въ такой же точно періодъ приходится уже четыре пуда. Въ извѣстное время земледѣльцы въ некоторой области зарабатывали своимъ трудомъ десять фунтовъ золота, а теперь они должны зарабатывать сорокъ фунтовъ. Конечно, съ 1848 года золото подешевѣло не настолько; но дѣло въ томъ, что ежели оно дешевле достается при добываніи его трудомъ прямымъ, рудопромысловымъ, то настолько же дешевле оно должно дѣстаться и трудомъ косвеннымъ.

Когда драгоцѣнные металлы поступаютъ въ торговлю и предлагаются въ видѣ веску или слиткомъ, то легко замѣтить, что они имѣютъ значеніе всякаго другого товара. Однако встарину экономисты предполагали, что когда металлы превращаются въ монету и выпускаются въ обращеніе правительствомъ подъ именемъ червонцевъ, долларовъ, франковъ или рублей, они получаютъ новыя свойства и менѣе подвержены переи́мамъ, происходящимъ со всѣми обыкновенными произведеніями промышленности. Но ясно, что

монета отличается отъ своего сырого матеріала только известною степенью чистоты, примѣсью опредѣленнаго количества болѣе грубую металла и тѣмъ еще, что она дѣлается постоянно одной формы и вѣса, обозначенныхъ на надписи. Честность правительствъ ручается за тщательность и вѣрность пробы, что вкратцѣ выражается появленіемъ или портретомъ государя.

Чрезвычайная чувствительность, съ какою монета откликается на общіе законы торговли и повинуетъ имъ, оказывалась всякій разъ, когда люди пробовали удержать и золото и серебро въ одно время мѣрою цѣнности. Въ известный день весьма возможно опредѣлить сколько золотниковъ серебра равняются одному золотнику золота. Очень легко сказать какого вѣсу долженъ быть сегодня минеріаль, если онъ долженъ ходить совершенно паравнѣ съ десяти серебряными рублями. Но въ непродолжительномъ времени относительная цѣнность двухъ металловъ можетъ измѣниться, точно такъ же, какъ она можетъ быть не принята въ другихъ странахъ. Примеровъ этому множество, и одинъ изъ самыхъ ясныхъ былъ въ тридцатыхъ годахъ въ Америкѣ. Тогда золотая монета дѣлалась очень чистая, цѣною ровно въ десять долларовъ. Во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ на одну такую монету можно было купить десять долларовъ, не болше. Но въ Англіи и во Франціи на ту же монету можно было купить серебра столько, что на монетномъ дворѣ оно уже цѣнилось въ 10 долларовъ и 66 центовъ. Поэтому всѣ десяти-долларовыя монеты были вывезены въ Европу какъ товаръ. Съ другой стороны и цѣнность золота можетъ понизиться, такъ что на десять серебряныхъ рублей иной разъ можно бываетъ купить золота на десять съ половиной. Въ такомъ случаѣ должно исчезать серебро. Пониженіе достоинства серебряной монеты помогаетъ здѣсь на вѣкоторое время, но нельзя сказать, чтобы такимъ образомъ навсегда установилось отношеніе, которое по самому свойству вещи подвержено постоянному колебанію.

Всякій законный обладатель вѣкотораго количества драгоценныхъ металловъ владѣетъ ими только въ обмѣнъ труда, употребленнаго прямо на ихъ добываніе, напримѣръ изъ рудника, или въ обмѣнъ на услуги, оказанныя его трудомъ или его капиталомъ, который есть не иное что, какъ скопленіе прежнихъ, еще не вознагражденныхъ услугъ. Обладатель драгоценныхъ металловъ владѣетъ ими только какъ капиталъ, для обмѣна на другія услуги, когда придетъ нужда въ этихъ услугахъ. Онъ не можетъ ни ѣсть, ни пить своихъ металловъ, ни употребить ихъ на какое бы то ни было полезное дѣло, кромѣ обмѣна. Если металлъ у него имѣетъ форму монеты, то на ней вычеканено публичное ручательство цѣлаго общества въ

томъ, что обладатель ея оказалъ известное количество услугъ, за которые въ свою очередь можетъ потребовать равнозначущихъ или равноцѣнныхъ услугъ, когда захочетъ. Бастия, въ одной изъ своихъ великолѣпныхъ брошюръ, въ которыхъ онъ старался знакомить французевъ съ основаніями политической экономіи, подробно объяснялъ то что справедливо названо у него истиннымъ значеніемъ денегъ, вычеканенной на монетѣ. Но его словамъ, то, что написано на монетѣ значить: «Возвратите предъявителю сего; въ обмѣнъ на этотъ значокъ, столько же услугъ, сколько онъ оказалъ обществу; цѣнность его услугъ опредѣлена во столько-то золотниковъ и долей чистаго серебра, заключающагося въ этомъ значкѣ. Въ удостовѣреніе чего назначенные для этого публичные агенты вычеканили на этой штукѣ ея имя, рубль, и надлежащія эмблемы.» Такимъ образомъ монета есть доказательство, росписка, квитанція въ томъ, что владѣтель ея оказалъ остальному человечеству нѣкоторую услугу, отдавъ эту услугу взаимно въ свое время потребуетъ возврата. Такимъ образомъ рабочій, получившій за свой трудъ рубль, получилъ еще только росписку въ томъ, что общество отъ него приняло его работу и дало ему право требовать себѣ за это равнозначущей работы отъ другихъ. А когда одно общество посылаетъ другому два съ четвертью мильона рублей, то это значить, что первое получило отъ второго значительныя услуги на два съ четвертью мильона и посылаетъ въ этомъ квитанціи, вычеканенныя на металѣ; при этомъ второе общество можетъ требовать взаимныхъ услугъ отъ перваго, и по полученіи ихъ чекавеныя росписки возвратитъ, или въ обмѣнъ на эти же росписки возьметъ услуги отъ третьяго или какого еще другого общества.

Такимъ образомъ значеніе монеты въ обращеніи есть тоже самое что значеніе векселя, подписаннаго всѣми тѣми, кому монета можетъ быть предъявлена. Всякій, принимающій монету, возвращаетъ ея владѣльцу своимъ трудомъ или продуктами своего труда все то что тотъ сдѣлалъ полезнаго для человечества. Общество, посылающее другому на два съ четвертью мильона росписокъ на металѣ, или звонкой монеты, получило известнаго рода услуги или то что оно считаетъ услугами, нѣсколько ранѣе, и конечно дало въ нихъ еще прежде росписки или квитанціи на бумагѣ, въ видѣ торговыхъ векселей. Еслибы предвидѣлся скорый возвратъ услугъ, то не было бы надобности въ замѣнѣ бумажныхъ росписокъ металлическими. Напримѣръ получили мы изъ Англіи рельсы или трубы для телепроводовъ и можемъ вознаграждать эту услугу или напримѣръ хлѣбомъ. Получили желѣза на мильонъ, дали въ этомъ росписку на бумагѣ, отдали хлѣба на мильонъ и уничтожили

росписку. Тутъ оканчивается весь оборотъ. Но можетъ случиться и такъ, что мы ведемъ дѣла съ тремя различными иностранцами. Отъ одного, француза, мы получаемъ моды, отъ другого, бельгійца, ружья, отъ третьяго, англичанина, рельсы, и всего этого въ итогѣ на мильонъ, причемъ конечно выдаемъ три бумажныя росписки, каждая въ треть мильона. Потомъ мы отправляемъ къ англичанину желѣза, саиа и кожъ на мильонъ, и получаемъ тоже росписку на треть мильона, свою, обратно, да на двѣ трети мильона двѣ шовля. Но ежели англичанинъ тоже посылалъ французу желѣзо, и именно на треть мильона, и имѣеть отъ него росписку въ получении, то вмѣсто новой росписки со стороны англичанина, мы можемъ взять у него росписку француза. Когда французъ, въ обмѣнъ на свои моды будетъ съ насъ требовать равноцѣнной услуги, то мы представляемъ ему его росписку, выданную англичанину, швыаемся бумагами, и расчетъ конченъ. Тоже самое можемъ мы сдѣлать съ бельгійцемъ, если только у англичанина найдется бельгійская росписка въ треть мильона. Тогда весь торговый оборотъ кончается безъ денегъ, безъ металлическихъ росписокъ. Нѣсколько сложнѣе, но въ дѣйствительности весьма часто дѣла такъ и дѣлаются.

Но можетъ случиться, что мы приняли услугъ или того что считаемъ услугами, на мильонъ, а возвратили всего только на девятьсотъ тысячъ. Тогда у иностранца застряла наша росписка во сто тысячъ; онъ требуетъ отъ насъ услугъ цѣною на сто тысячъ, а мы этихъ услугъ оказать не въ силахъ. Подождать немного, именно столько, сколько по договору ждуть сдѣловало, онъ перестаетъ довольствоваться бумажною квитанціей, а требуетъ уже металлической. Дѣло въ томъ, что металлическая несравненно удобнѣе. Онъ будетъ требовать изъ Мокки грузъ кофе; тамъ пожалуй не примутъ въ уплату за него нашу бумажную росписку, потому, можемъ, что насъ не знаютъ. А золото тамъ хорошо знакомо. Такимъ образомъ англичанинъ заплатитъ за мокскій кофе не золотомъ, а тѣмъ желѣзомъ, которое онъ намъ поставилъ, и только металлическую квитанцію въ этомъ передаетъ арабійскому производителю кофе. При этомъ трудъ, употребленный на то, чтобы взростить кофе, будетъ оплаченъ трудомъ, употребленнымъ на приготавленіе желѣза и золото употребится въ дѣло только какъ посредникъ и бѣны, какъ росписка, которую всѣ понимаютъ и которой всѣ вѣрятъ.

А вѣрятъ всѣ звонкой монетѣ потому, что вещество, изъ котораго она сдѣлана, само по себѣ годится въ дѣло и заключаетъ въ себѣ цѣнность, основанную на трудѣ, необходимомъ для производства этого вещества въ данное время, въ известномъ мѣстѣ, тогда

какъ бумажную квитанцію можно произвести вездѣ и почти безъ всякаго труда.

Понятно, что употребленіе звонкой монеты, этого посредника, этого векселя, на которому соглашается платить всякій своимъ трудомъ или продуктами своего труда, не имѣетъ никакого вліянія на основные законы мѣны. Монета облегчаетъ операцію мѣны, какъ самый благонадежный въ свѣтѣ вексель, который не можетъ упасть въ цѣнѣ по разстройству дѣлъ векселедателя, потому что во немъ всякій готовъ заплатить своимъ трудомъ. Поэтому на монету не совсѣмъ удобно смотрѣть какъ на товаръ только. Правда, что въ обмѣнъ на товаръ идутъ и товары, и векселя, но монета есть именно такой товаръ, который всѣмъ нуженъ, такой вексель, который всѣми принимается безъ учета, въ нарицательной цѣнѣ. Кроме того монета облегчаетъ операцію мѣны тѣмъ, что служитъ мѣрою цѣнностей. Не будь монеты у англичанина, цокупающаго мексикій кофе, какимъ образомъ сошолся бы онъ въ цѣнѣ съ аравитяниномъ? Онъ мѣняетъ кофе на желѣзо, доставленное въ Петербургъ. Какъ же объяснить и доказать аравитянину, что англичаниномъ оказана Петербургу значительная услуга, какъ не такою понятною и убѣдительною распискою, какъ червонецъ? Сверхъ того монета въ качествѣ переводнаго векселя оживляетъ мѣну точно на такихъ же основаніяхъ, какъ оживляетъ ее желѣзная дорога и пароходъ, или еще больше: операція ускоряется.

Намъ на примѣръ нуженъ сахаръ. У васъ есть хлѣбъ, который на сахаръ удобно бы промѣнять, еслибы производители сахару нуждались въ хлѣбѣ. Но такъ какъ хлѣба имъ не нужно, то надо сдѣлать длинную операцію многосложной мѣны, пока доберемса до сахару. Надо промѣнять хлѣбъ на желѣзо, потомъ желѣзо на каленкоръ, а потомъ каленкоръ на сахаръ. Гораздо короче послать въ Гавану звонкой монеты и привести сахаръ, а эта звонкая монета, при нормальномъ ходѣ дѣлъ, эта расписка, вернется къ намъ въ свое время, когда производители сахару отошлютъ ее въ Англию, промѣнятъ ее на каленкоръ, производитель каленкору промѣняетъ ее на желѣзо, а производитель желѣза отдастъ намъ обратно за хлѣбъ.

Неужели же «Моск. Вѣд.» не поймутъ, что нѣтъ никакой возможности страдать отъ излишества звонкой монеты? Вѣдь это значить ни больше ни меньше, какъ страдалъ бы кто-нибудь отъ излишества услугъ, оказанныхъ имъ человѣчеству, отъ права требовать себѣ возврата равноцѣнныхъ услугъ въ такомъ видѣ, какой ему заблагоразсудится. Ктоже страдаетъ отъ излишняго количества благонадежвѣйшихъ векселей, по которымъ готовъ платить всякій,

жъ кому ни обратитесь, своимъ трудомъ или продуктами своего труда? Да и можетъ ли быть такого рода излишество, не говоря уже о томъ, что у насъ—то его далеко нѣтъ.

Но оставляя въ сторонѣ «Москов. Вѣд.» съ ихъ «механическою игрою представленій» или съ ихъ «сознавіемъ темнымъ и ненормальнымъ», какъ выражается г. Юркевичъ въ заглавіяхъ своихъ публичныхъ лекцій, нельзя не признать, что денегъ все—таки нѣтъ. Всѣ жалуются на безденежье и на общую дороговизну, и никакъ не могутъ объяснить себѣ отчего дѣла у насъ плохи. Возникаютъ даже очень любопытныя пренія, въ которыхъ спорящіе высказываютъ удивительныя вещи, неслыханныя убѣжденія и договариваются, какъ нѣкоторые любители допиваются, до чортиковъ. Дошли даже до вопроса: отчего дѣла у насъ плохи: отъ излишества или отъ недостатка бумажныхъ денегъ? Любопытный вопросъ и странный въ тоже время, тѣмъ болѣе странный, что переписка по поводу его печатается въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», которыя, судя по названію, должны бы спеціальнымъ образомъ быть знакомы съ бумажными знаками. Споръ ведется между г. Бунге и г. Шиповымъ, по которой изъ спорящихъ сторонъ лучше рѣшить мудро; кажется, что обѣ лучше. Г. Шиповъ говоритъ, что одно средство избавиться отъ тяготѣющаго надъ нами торговаго, промышленнаго и монетнаго кризиса — напечатать побольше бумажныхъ денегъ. На это г. Бунге столь же туманными, сколько и неясными фразами возражаетъ, что потребность въ орудіяхъ обращенія должна быть удовлетворена такими орудіями, которыя созданы торговлею и имѣютъ цѣнность, основанную на довѣріи, а не на обязательномъ курсѣ, и что «безденежье не есть воображаемая болѣзнь, отъ которой можно лечить промышленный міръ политико-экономическими статьями и увѣреніемъ, что болѣзнь пройдетъ сама собою».

Въ этомъ спорѣ принялъ участіе г. Скарятинъ, въ другой уже газетѣ, говоря, что не мѣшало бы напечатать побольше асигнацій, а въ третьей газетѣ промолвилъ свое длинно—худощавое слово и г. Катковъ. Дѣло дѣйствительно въ высшей степени интересное. Отъ яснаго пониманія его зависятъ наши надежды, наши расчеты, стало—быть наша экономическая будущность. Хотя г. Бунге и пишетъ г. Шипову, что споръ ихъ утомилъ читателей и самого г. Бунге, однако время нынче не то, чтобы отдыхать среди нерѣшонныхъ вопросовъ. Утомить можетъ только напыщенная туманность,

которая между прочимъ показываетъ смутное пониманье дѣла самимъ авторомъ.

Капиталь, состоящій изъ вещей, недвижимости или денегъ, представляющихъ право на полученіе имущества, всякій капиталъ приобрѣтается и сохраняется только посредствомъ труда. Операція мѣны и торговли вовсе не увеличиваетъ народнаго капитала, то есть массы полезныхъ вещей, находящихся въ обществѣ; ни звонкая монета, ни какіе кредитные знаки тоже не увеличиваютъ народнаго капитала до той минуты, пока не обмѣниваются на полезные предметы. Всякія деньги, въ видѣ ли золотой и серебряной монеты, или въ видѣ кредитныхъ билетовъ, все равно, не составляютъ богатства, не суть полезные предметы сами по себѣ; они полезны только какъ орудіе, какъ квитанціи, по которымъ обладатель ихъ можетъ получить предметы полезные, которые могутъ служить на удовлетвореніе голода, жажды, на сохраненіе въ насъ тѣлѣ необходимой теплоты, на питаніе ума и т. д. Надо лишь твердо убѣдиться въ этомъ и тогда нашъ финансово-промышленно-торговой кризисъ окажется дѣломъ въ высшей степени простымъ, понятнымъ.

Итакъ деньги металлическія или бумажныя сами по себѣ не полезны, никуда не годятся, кромѣ обмѣна на другіе предметы, дѣйствительно полезные. Между тѣми и другими деньгами различіе только та, что первыя пользуются несравненно большимъ довѣріемъ, чѣмъ вторыя, потому что въ нихъ заключается, кромѣ условнаго значенія квитанціи на полученіе всякаго чужого труда или продуктовъ этого труда, еще значеніе внутреннее, не какъ монеты, а какъ метала. По существу дѣла человечество весьма могло бы обойтись вовсе безъ денегъ. Портной очень удобно могъ бы шить платье своему сосѣду сапожнику и его семейству, а сапожникъ могъ бы снабжать портного и его семейство обувью; къ концу года по точной оцѣнкѣ труда того и другого могло бы оказаться, что они другъ другу ничего не должны. На такихъ же точно основаніяхъ могла бы существовать цѣлая община, въ которой цѣ члены удовлетворялись бы во всѣхъ своихъ нуждахъ взаимными услугами, безъ употребленія денежныхъ знаковъ. Но для этого необходимо взаимное довѣріе. Надо, чтобы каждый членъ общины былъ твердо убѣжденъ, что работа его не пропадетъ даромъ, что за продукты своего годового труда онъ воспользуется небольшимъ частицами годового труда всѣхъ остальныхъ членовъ общины. Дѣло къ тому и идетъ.

Простейшая форма кредита или взаимнаго довѣрія въ обыкновенныхъ обществахъ есть текущіе счета между двумя лицами, со-

стоящими въ частыхъ торговыхъ сношеніяхъ: Иванъ отпускаетъ Петру свои издѣлія, Петръ Ивану свои, а въ концѣ года можетъ оказаться, что они по квитались. Если же нѣтъ, если за Иваномъ осталось издѣлій на тысячу рублей, то онъ выдаетъ Петру росписку, по которой тотъ всегда можетъ получить въ лавкѣ Ивана товаровъ на тысячу рублей, или чтобы его не стѣснять, выдаетъ звонкую монету, тѣже росписки, по которымъ Петръ можетъ добыть себѣ товаровъ у всякаго другого лица, даже незнакомаго съ Иваномъ. Заплативъ разницу, оказавшуюся въ концѣ года, даже звонкою монетою, Иванъ тѣмъ немонѣ остается долженъ Петру или тому, кому тотъ монету передаетъ. Петръ можетъ передать монету Андрею, Сидору, Антону, и наконецъ десятый, сотый можетъ явиться съ тою же монетою къ Ивану, вытребовать отъ него недоанный въ прошломъ году Петру товаръ, причѣмъ монета-росписка возвращается къ своему прежнему владѣтелю.

Людей, непривычныхъ къ экономическимъ соображеніямъ, сбиваютъ здѣсь слова. Такъ какъ звонкая монета заканчиваетъ текущій счетъ, то имъ кажется, что она-то и составляетъ цѣль всей операціи. Но это ничего, что такъ кажется. Ведемъ на свѣтѣ кажется, что солнце обращается вокругъ земли; но и при самомъ ясномъ пониманіи дѣла, въ языкѣ остаются слова, соответствующія тому что кажется, а не тому что происходитъ на дѣлѣ. Зная, что солнце по отношенію къ землѣ неподвижно, мы все-таки говоримъ, что солнце встаетъ, двигается и садится. Такъ и въ экономическихъ соображеніяхъ, надо стараться, чтобы общеринитыя выраженія не затемняли сущности дѣла, и говоря иной разъ о деньгахъ, какъ о цѣли, мы все-таки имѣемъ бы въ виду, что это не цѣль, а средство.

Удобнѣе всего дѣлаются торговые обороты не тамъ, гдѣ много звонкой монеты. Во Франціи монеты больше, чѣмъ въ Англіи. Даже въ Испаніи монеты больше, чѣмъ въ Соединенныхъ-штатахъ. А между-тѣмъ въ Англіи и въ Соединенныхъ-штатахъ кредитъ замѣнилъ употребленіе въ безчисленномъ множествѣ случаевъ, по уже не по текущимъ счетамъ, а по другой формѣ кредита. Иванъ долженъ Петру известную сумму денегъ (подъ деньгами всегда разумѣется количество труда или его продуктовъ, представляемое суммою), а Петръ переводитъ этотъ долгъ на Андрея, которому самъ долженъ. Все это дѣлается на векселяхъ. Ежели случится, что Андрей долженъ Ивану такую же точно сумму, нукаю Иванъ долженъ Петру, то въ такомъ случаѣ вовсе безъ употребленія монеты обивнены были предметы, втрое превосходящіе сумму векселя. Но если Андрей Ивану не долженъ, то онъ все-равно принимаетъ его

вексель въ твердомъ убѣжденіи, что онъ въ срокъ заплатитъ, тѣмъ болѣе, что тутъ же и Петръ своею подписью обязывается произвести уплату въ случаѣ несостоятельности Ивана. Если до истечения срока векселя Андрей захочетъ получить по немъ трудъ или его продукты въ замѣну переданнаго ему векселя, то онъ передаетъ вексель тому, съ кѣмъ вступаетъ въ дѣло. Если этотъ послѣдній имѣетъ полное довѣріе къ состоятельности Ивана и Петра, онъ можетъ принять переводъ безо всякаго иного ручательства. Но на практикѣ принято, что и Андрей подписываетъ вексель, то-есть обязывается по немъ уплатить, если первые подписавшіеся не уплатятъ. Такимъ образомъ вексель можетъ перейти черезъ большое количество рукъ, послужить всякій разъ къ переходу множества продуктовъ и замѣнить количество монеты, равное его цѣнности. Въ торговлѣ встрѣчаются векселя съ двадцатью, тридцатью и болѣе подписями.

Хранить дома деньги очевидно опасно; это обстоятельство повело къ устройству банковъ частными лицами или обществами. Въ эти банки принимаются деньги на храненіе и выдаются по запискамъ вкладчиковъ немедленно. Выгода этихъ записокъ состоитъ въ томъ, что онѣ могутъ писаться точъ въ точъ на требуемую сумму, и если получающій эту сумму тоже имѣетъ открытый счетъ у банкира, то простою запискою двухъ цифръ совершается весь переводъ денегъ. Въ большомъ городѣ, гдѣ много банкировъ, деньги хранятся въ разныхъ домахъ, а результатъ выходитъ одинъ и тотъ же, потому что каждый банкиръ принимаетъ векселя другихъ, и потомъ они сводятъ счета между собою. Лондонскій Clearing House есть учрежденіе, гдѣ банкиры всякій день мѣняются векселями, и каждый при заключеніи дневныхъ дѣлъ платитъ или получаетъ излишекъ общаго счета того дня. Такимъ образомъ ежедневно производится у нихъ уплатъ почти на двадцать мильоновъ рублей, тогда какъ въ дѣйствительности происходитъ передача банковыхъ билетовъ едва на миллионъ.

Въ самое непродолжительное время банкиръ по опыту доходитъ до убѣжденія, что изъ всѣхъ довѣренныхъ ему денегъ значительная часть праздно остается у него на рукахъ, такъ что онъ можетъ отдавать се взаимны, удерживая только то что дѣйствительно понадобится для выдачъ по запискамъ вкладчиковъ. Такимъ образомъ онъ вознаграждаетъ себя за трудъ, за рискъ и за издержки по пріему, выдачѣ вкладовъ. Выгода для общества здѣсь та, что въ обращеніи находится большое количество звонкой монеты, которая безъ этого оставалась бы неподвижно въ рукахъ своихъ обладателей. Экономія здѣсь такого же рода, какъ въ устройствѣ на извѣст-

номъ пути нѣкотораго числа пассажирскихъ экипажей, которые отходятъ всякій день въ опредѣленные часы, чѣмъ дается возможность всѣмъ живущимъ по тому пути путешествовать не имѣя собственнаго экипажа. Монета, точно такъ же, какъ и экипажи, помогаетъ производству только тогда, когда находится въ движеніи, и количество услугъ, оказываемыхъ деньгами и экипажами зависитъ отъ быстроты ихъ обращенія. Понятно также, что отъ этого уменьшается процентъ, за который можно достать займы денегъ: этимъ способомъ на рынкѣ являются деньги, ищущія помѣщенія изъ процентовъ, оказывается много монеты, которая безъ того бесполезно лежала бы въ карманахъ или въ сундукахъ лицъ, удаленныхъ одно отъ другого. Этимъ же способомъ увеличивается желаніе всѣхъ и каждаго промѣнять свои деньги на товары, такъ какъ всякій знаетъ, что ему въ случаѣ нужды легко можно будетъ достать деньги на время, до продажи своихъ произведеній.

Противуестественное положеніе, въ которомъ теперь находятся дѣла Соединенныхъ-штатовъ, въ соображеніе идти не могутъ; но въ 1852 году, на примѣръ, въ банкахъ Нью-Йорка было собственныхъ капиталовъ 62 миліона; имъ довѣрено было на храненіе 67 миліоновъ, а передавали они займы на короткіе сроки болѣе 150 миліоновъ, постоянно удовлетворяя своихъ вкладчиковъ по ихъ требованіямъ. Изъ этого видно, что довѣренныя имъ деньги весьма удобно отдаются займы.

По многимъ обстоятельствамъ для торговца не такъ удобно всякій разъ писать банкиру записку о выдачѣ хранящихся у него денегъ, какъ прямо имѣть квитанціи банкира въ полученіи имъ на храненіе денегъ, съ обязательствомъ немедленной выдачи ихъ предъявителю. Точно такъ же весьма удобно, чтобы эти банкирскія росписки были приготолены различныхъ размѣровъ, для облегченія уплатъ крупныхъ, малыхъ и дробныхъ суммъ. Банковые билеты исполняютъ это условіе. Банкиръ или цѣлое общество банкировъ обыкновенно болѣе извѣстные, внушаютъ болѣе довѣрія (хотя можетъ-быть имѣютъ и не болѣе прочное основаніе), чѣмъ обыкновенный частный человѣкъ, подписывающій вексель. Поэтому частный человѣкъ можетъ употреблять банковые билеты въ дѣлахъ и съ такими людьми, которые могли бы опасаться того, что онъ почему-нибудь не заплатитъ по своему векселю. Кромѣ того банковые билеты удобнѣе монеты тѣмъ, что ихъ гораздо удобнѣе носить. Это весьма важное достоинство въ глазахъ лицъ, которымъ приходится платить или получать большія суммы. Банкиры, выдающіе билеты, имѣютъ ту выгоду, что билеты эти не представ-

ляются немедленно въ кассу, а болѣе или менѣе долгое время, смотря по обстоятельствамъ, остаются въ обращеніи.

Еще огромная выгода заключается въ томъ, что банкиры выдаютъ безпроцентные свои билеты подъ учетъ векселей, приносящихъ проценты. Это дѣлается такимъ образомъ. Петръ имѣетъ вексель, подписанный Иваномъ, суммою въ тысячу рублей и срокомъ на три мѣсяца. Но имѣя нужду въ деньгахъ, Петръ самъ подписываетъ (дѣлаетъ бланкъ) этотъ вексель и относитъ его къ банкиру. Тотъ принимаетъ его и выдаетъ своихъ безпроцентныхъ билетовъ, но уже не па тысячу рублей, а меньше; именно онъ удерживаетъ въ свою пользу проценты, которые включены въ сумму 1,000 рублей, и еще пѣкоторое количество за свой рискъ. Билетъ банкира можетъ перейти отъ Петра черезъ нѣсколько рукъ и на другой же день можетъ явиться для немедленнаго размѣна на звонкую монету. На этотъ случай у банкира всегда имѣется потребное количество монеты. За это банкиръ, по истеченіи трехъ мѣсяцевъ, получитъ съ Ивана, а если онъ неосостоятеленъ, то съ Петра, всю тысячу, такъ что получитъ выговоренный при заключеніи сдѣлки барышъ. Но можетъ также случиться, что билетъ банкира будетъ бродить по бѣлу свѣту цѣлый годъ, и два, и больше, а между тѣмъ деньги отъ Ивана давно получены и пошлы на покрытіе требованій различныхъ вкладчиковъ и опять возвращались въ видѣ чьего-нибудь вклада, и снова нѣсколько разъ уходили.

Такимъ образомъ понятно, что расчетливый банкиръ наживаетъ ужасающіе капиталы, несравненно большіе, нежели при какой-нибудь другой отрасли торговли или промышленности. Еслибы вознагражденіе за дѣятельность банкировъ, за ихъ умѣнье вести дѣла и за ихъ основные капиталы было меньше и приближалось къ обыкновенному уровню другихъ торговыхъ и промышленныхъ барышей, то общество пользовалось бы услугами банкировъ за болѣе дешовую цѣну. Дороговизна банкирскихъ услугъ происходитъ оттого, что во всѣхъ почти странахъ свободное соперничество банкировъ значительно стѣснено. Изъ банковыхъ дѣлъ устроена какая-то монополія для избранныхъ, съ особенными привилегіями. Даже когда людемъ позволяется дѣлать банкирскія дѣла, все-таки постановлены ограниченія, которыя мѣшаютъ имъ свободно соединять свои капиталы и кредитъ для обезпеченія возможно большей экономіи. Ближе всего къ свободной банкирской дѣятельности та система, которая утверждена въ нью-іоркскомъ штатѣ закономъ 1838 года. Тамъ произвольное количество людей можетъ образовывать общество для банковыхъ операцій; эти общества или даже отдельные лица могутъ выпускать въ обращеніе безпроцентные би-

леты на одинаковыхъ условіяхъ. Главное основаніе заключается въ томъ , что въ обезпеченіе принимающихъ билеты требуется, чтобы эти общества или также отдѣльныя банкиры внесли обезпеченіе назначенному отъ штата чиновнику. Обезпеченіе можетъ состоять изъ облигацій Нью-іоркскихъ займовъ , или займовъ Соединенныхъ штатовъ , или изъ земель Нью-іоркскаго штата, оцѣненныхъ въ двухъ пятыхъ дѣйствительной стоимости , кромѣ находящихся на нихъ строеній. Въ замѣнъ этихъ обезпеченій банкиръ получаетъ билеты , которые желаетъ выпустить , подписанные къвмъ слѣдуетъ и записанные въ назначенномъ для того присутствіемъ мѣстѣ. Проценты на внесенныя обезпеченія выплачиваются банкиру постоянно , пока онъ платитъ по своимъ билетамъ ; въ случаѣ же , если онъ прекращаетъ платежи , директоръ банковаго департамента продаетъ его залоги и вырученными деньгами оплачиваетъ билеты. Такимъ образомъ пришли въ движеніе многіе десятки миліоновъ рублей , представлявшихъ неподвижную собственность.

Можно было бы еще впоследствии подвергнуть подробному разсмотрѣнію вопросъ , нужны ли и выгодны ли даже и эти законодательныя предосторожности для обезпеченія получателей билетовъ. Обезпеченія устроены для того , чтобы не образовывались банки людьми не имѣющими капитала , которые подъ предлогомъ отдачи денегъ въ заемъ сами только занимали бы у публики. Такъ какъ капиталистъ продолжаетъ получать проценты и доходъ съ внесенныхъ имъ залоговъ , то онъ ничего не теряетъ отъ бездѣйствія своего капитала , а его билеты получаютъ , вслѣдствіе всѣмъ извѣстныхъ принятыхъ мѣръ предосторожности , и довѣріе и легкость обращенія , которыми онъ пользуется. Сверхъ того общество предохранено отъ чрезмѣрнаго и быстрого прилива и отлива бумажныхъ денегъ , что происходило бы непремѣнно , еслибы банкиры могли увеличивать количество выпускаемыхъ ими билетовъ безъ представленія новыхъ залоговъ. Съ другой стороны ихъ собственная выгода ручается за то , что они будутъ поддерживать обращеніе всѣхъ билетовъ , представляющихъ внесенные ими залоги , по крайней-мѣрѣ насколько по ихъ мнѣнію это будетъ безопасно. Если у нихъ дѣйствительно есть капиталъ выше того , который выпущенъ ими въ обращеніе , и если потому они имѣютъ право на большій кредитъ , то они могутъ требовать отъ банковаго департамента новыхъ для себя билетовъ , если вносятъ дополнительные залоги. Если у нихъ нѣтъ капитала , то нѣтъ достаточной причины , чтобы они пользовались кредитомъ на воображаемыхъ основаніяхъ , кромѣ того кредита , который будетъ имъ лично оказанъ людьми , которые захотѣли бы принять участіе въ ихъ операціяхъ вносимъ своихъ

залоговъ. Свойство вносимыхъ залоговъ не имѣеть вліянія на основной принципъ. Главное дѣло заключается въ томъ, чтобы залогов могли быть вѣрно и быстро проданы по своей номинальной цѣнѣ. Община, принимающая билеты банкира наравнѣ съ монетою, дѣлаетъ это въ томъ убѣжденіи, что у него достаточное количество звонкой монеты для исполненія всѣхъ его обязательствъ. Весь вопросъ между банковыми учрежденіями исполнѣ свободными, и тою системою, которая принята въ ньюйоркскомъ штатѣ, заключается вотъ въ чемъ: что для общины легче и дешевле: отыскивать степень довѣрія, какое можно оказывать человѣку, чрезъ особенныхъ поставленныхъ на это агентовъ, или предоставить всякому лицу искать этой степени на свой рискъ?

Не вдаваясь въ подробенъ разборъ этого вопроса, замѣтимъ только мимоходомъ, что его теоретическое рѣшеніе, хотя бы даже основанное на точныхъ данныхъ, собранныхъ въ той или другой странѣ, можетъ быть одно, а практическое примѣненіе для каждаго даннаго случая можетъ быть другое, измѣняясь сообразно съ обстоятельствами. Самое неоспоримое теоретическое положеніе непременно должно измѣняться въ приложеніяхъ къ различнымъ обществамъ, потому что каждый общественный организмъ въ данное время можетъ требовать тѣхъ или другихъ условій для своего процвѣтанія. По теоріи напримѣръ очень хорошо извѣстно всякому, что человѣкъ долженъ цѣлаться мясною пищею и растительною; но есть случаи, когда это правило исполняемо быть не должно; есть напримѣръ болѣзненные состоянія, въ которыхъ растительная пища, заключающая въ себѣ крахмалъ, должна быть вовсе запрещена. Въ приложеніи къ различнымъ обществамъ, законы политической экономіи (когда она слѣлается наукой и когда основные принципы ея не будутъ подвержены ни сомнѣнію ни спору) должны имѣть широкія исключенія, потому что въ жизни всякій разъ встрѣчается не отвлеченное нѣкоторое общество, и именно давнее, съ своею исторіей, съ привычками, съ возрастомъ, съ темпераментомъ, отдѣльное и отличающееся отъ другихъ. Гигіена была бы весьма печальною наукой, еслибы она имѣла въ виду только отвлеченнаго человѣка, не принимая въ соображеніе возрастъ, полъ, привычки, образъ жизни, тѣлосложеніе и другія обстоятельства различныхъ организмовъ. А сборникъ соображеній и догадокъ, называемый нынѣшею политическою экономіей наукой, обыкновенно имѣеть въ виду отвлеченное общество и всѣ на свѣтѣ общественные организмы: хочетъ нагнуть къ своимъ законамъ. Въ медицинской практикѣ встрѣчаются случаи, когда организмъ послѣ тяжелой болѣзни не вынеситъ тѣхъ условій, которымъ безопасно подвергался прежде

или которымъ подвергается другой, здоровый организмъ. Случается, что питаніе можно допустить только самое умѣренное, въ высшей степени *постепенное*, и самый незамѣтный переходъ къ нормальному порядку жизни. Но точно также случаются обстоятельства, когда еще далеко до окончанія болѣзни необходимо усилить питаніе, прибѣгать даже къ раздражающимъ средствамъ, чтобы не дуть не обратилъ въ безвыходную вялость, атонію, апатію, которая потомъ уже никогда не перейдетъ въ окончательное выздоровленіе. Вездѣ и во всемъ постепенность такая же точно нелѣпность, какъ вездѣ и во всемъ торопливость; и то и другое, употребленное неумѣство и не вовремя, можетъ—быть одинаково гибельно для пациента.

Отсутствіе или упадокъ кредита въ обществѣ обозначаютъ или весьма опасную атонію, или только кризисъ. Во второмъ случаѣ надо ограничиться выжидательнымъ способомъ леченія; эта болѣзнь, какъ говоритъ г. Бунге, «пройдетъ сама собою». Въ первомъ случаѣ — дѣло плохо; политико-экономическими статьями тутъ ничего не сдѣлаешь; общество само должно сдѣлать энергическія усилія, а если оно лишено инициативы, то тѣ, въ чьихъ рукахъ его участь, должны принять самыя дѣятельныя мѣры.

Дѣла торговля и промышленныя падаютъ; есть извѣстіе, что харьковская ярманка прошла самымъ плачевнымъ образомъ; оказывается множество банкротствъ; многіе плательщики вовсе на ярманку не явились; съ другихъ ярманокъ извѣстія точно такъ же неблагоприятны; фабрики закрываются; во многихъ мѣстахъ неурожай; учетный процентъ необыкновенно высокъ; — все это тягостныя обстоятельства, но попятныя и предвидѣнныя въ иностранныхъ и нашихъ переводныхъ книжкахъ по части политической экономіи. Но ко всему этому присоединяется еще и то, что деньги дороги и въ тоже время дорого все то что покупается на деньги. Такое противорѣчіе въ иностранныхъ книжкахъ не предвидѣлось; тамъ ничего объ этомъ не сказано, и мы становимся въ тупикъ. Г. Бунге покрывается туманомъ; г. Катковъ говоритъ, что въ самомъ дѣлѣ у насъ нѣтъ денегъ, но это только потому, что мы страдаемъ отъ избытка денегъ, а г. Шиповъ предлагаетъ напечатать побольше ассигнацій. Вотъ и бѣда безъ иностранной книжки. Въ отсутствіе нѣмецкаго капельмейстера мы и нотъ не разбираемъ и пошли кто въ лѣсъ, кто по дрова.

Въ самомъ дѣлѣ, политическая экономія учитъ, что ежели денегъ мало, то они дороги точно также какъ и всякій другой товаръ, котораго на рынкѣ мало. Это значитъ, что когда много денегъ, то ихъ покупательная способность уменьшается, а когда ихъ мало, то поку-

пательная способность ихъ возрастаетъ. Когда на рынкѣ товаровъ мало, какъ напримѣръ бываетъ въ Николаевскѣ, въ амурской области, то цѣна ихъ поднимается и за десятокъ нищъ люди платятъ два съ половиной; если же, на оборотъ, привозъ великъ, то цѣна товаровъ понижается, и продавцы довольствуются самою ничтожною выгодой, а иногда продаютъ и въ убытокъ. Говорятъ еще, что цѣны возвышаются, когда увеличивается, оживляется обращеніе. А тутъ оказывается напротивъ: обращеніе уменьшается, а цѣны все растутъ да растутъ. Съ возвышеніемъ цѣнъ должно бы возрасти производство, а вмѣстѣ съ нимъ и предложеніе; а тутъ выходитъ, что производство падаетъ, такъ что законы политической экономіи не выполняются и оказываются несостоятельными. Практика не подчиняется теоріи, и надо принять мѣры, чтобы ихъ помирить.

Встарину всякій охотно приносилъ золото и серебро и бралъ ассигнаціи. Пржеііе казначеи наживали отъ лажа хорошія деньги, ибо на покупку бумажнаго рубля нужно было употребить отъ 1 р. 5 коп. до 1 р. 15 коп. серебряными или золотыми деньгами, благодаря всеобщему довѣрію къ бумажнымъ деньгамъ. Послѣ известнаго измѣненія величины нашего рубля, измѣненія, совершенно напрасно придуманнаго графомъ Канкринымъ, бумажный рубль принимался вслѣдъ наравнѣ съ серебрянымъ, и дѣла шли болѣе или менѣе хорошо до тѣхъ поръ, пока крымская война не вынудила усиленнаго выпуска бумажекъ съ одной стороны, а проснувшаяся послѣ войны торговля не кинулась за границу добывать всевозможныхъ полезныхъ и бесполезныхъ товаровъ. Безпристрастная оцѣнка тогдашняго оживленія торговли показываетъ, что въ ней-то и заключается источникъ нынѣшняго аномическаго ея состоянія. Крикуны, понимающіе свободу торговли навыворотъ, наговорили, будто необходимое тогда для насъ движеніе промышленности заключается въ томъ, чтобы выписать себѣ все изъ-за границы. Началась ужаснѣйшая оргія торговли, напоминающая безумныя траты тѣхъ господъ, которые закладывали шифнія, чтобы похупровать въ Парижѣ и дать два-три блестящіе праздника гдѣ нибудь въ Неаполѣ или въ Карлсбадѣ. Тогда уже не смотрѣли на вздержки, а вѣрили только въ вилу, чтобы было, а сейчасъ же, то что вздумалось завести. Цѣны стали подниматься, и уже не по днямъ, а по часамъ.

Крикуны не подумали, что въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ неестественное напряженіе торговли вѣдетъ слѣдствіемъ кризисъ,

который проходить болѣе или менѣе скоро, но все-таки проходить, благодаря внутреннимъ силамъ; они не замѣтили, что Россія находится въ обстоятельствахъ исключительныхъ. Вотъ какъ обыкновенно происходитъ кризисъ.

Страна, въ которой цѣны высоки и продолжаютъ возвышаться, очень хорошая страна для пролазцовъ. Она привлекаетъ вывозъ товаровъ въ гораздо большемъ количествѣ, нежели въ нормальномъ положеніи дѣлъ. Поэтому же самому это плохая страна для покупателя, когда онъ имѣетъ въ виду вывозить. Продукты, которые могли бы вывозиться до напряженія торговли въ другія страны и дать выгоду при продажѣ по цѣнамъ этихъ странъ, все менѣе и менѣе даютъ барыша, по мѣрѣ возвышенія ихъ цѣны въ странѣ отпускающей, и наконецъ барышъ можетъ совершенно исчезнуть, — какъ мы видимъ это теперь у насъ почти по всѣмъ отпускнымъ товарамъ. При нормальномъ ходѣ дѣлъ, корабль, привозящій въ Петербургъ грузъ изъ Лондона, долженъ бы отвезти грузъ продуктовъ, купленныхъ въ Петербургѣ. Но приходящій грузъ не обмѣнивается на грузъ вывозимый, и корабль обыкновенно не ждетъ продажи привезенныхъ вещей. Хотя всѣ привозимые товары наконецъ оплачиваются товарами отвозимыми, но это замѣчается лишь въ итогѣ оборотовъ за большое число лѣтъ; но каждая отдѣльная операція иностранной торговли, точно такъ же, какъ и внутренней, производится посредствомъ звонкой монеты или знаковъ, ее представляющихъ. Изъ этого слѣдуетъ, что по мѣрѣ увеличенія ввоза и уменьшенія вывоза у страны, вступающей въ кризисъ, образуется долгъ, относительно странъ, у которыхъ цѣнность привоза равняется цѣнности вывоза. Петербургскій получатель, задолжавшій Лондону, старается купить въ Петербургѣ лондонскій вексель, чтобы имъ покрыть свой долгъ. Но если англійскихъ векселей мало для покрытія всѣхъ долговъ петербургскихъ торговцевъ, то петербургскіе получатели покупаютъ векселя амстердамскіе, парижскіе, гамбургскіе, и посылаютъ ихъ въ Лондонъ для продажи тамъ лицамъ, имѣющимъ нужду производить уплаты въ Амстердамъ, Парижъ или Гамбургъ. Купцы рѣшаются на высылку звонкой монеты только тогда, когда истощены уже всѣ средства для завершенія международнаго баланса посредствомъ векселей. По мѣрѣ увеличенія необходимости высылать золото, поднимается цѣна векселей: они начинаютъ продаваться съ преміей. Всякій получатель желаетъ избѣгнуть печальной необходимости посылать за границу золото, и всякій готовъ заплатить за иностранный вексель премію, лишь бы она не превышала расхода на провозъ и застраховку золота; цѣны векселей поднимаются сообразно съ числомъ желающихъ приобрѣ-

сти ихъ конкурентовъ. Наконецъ премія на векселя такъ высока, что становится выгоднѣе вывозить звонкую монету. Тогда всѣ, имѣющіе вклады въ банкахъ, требуютъ возврата своихъ денегъ монетою. Разныя домашнія бумаги вывозиться не могутъ и падаютъ въ цѣнѣ относительно монеты, съ которою сначала были равны. Банкиры стараются превратить въ золото векселя, по которымъ произведенъ учетъ; они прекращаютъ учетъ, требуютъ возврата произведенныхъ ссудъ и стараются извлечь изъ обращенія свои билеты, по которымъ всегда можетъ потребоваться звонкая монета. Купцы, потерявъ возможность производить займы и виля, что со всѣхъ сторонъ являются бумаги, требующія уплаты, весьма желаютъ продать, тогда какъ никто не хочетъ купить. Кризисъ начинается на большихъ биржахъ, ведущихъ заграничную торговлю, и распространяется на внутренніе рынки. Купцы, притѣсивемые кредиторами, въ свою очередь давятъ на своихъ должниковъ. Всякій старается продать и ограничиваетъ свои покунки до крайности. Тѣмъ не менѣе производится продажи въ кредитъ, на долгіе сроки, только для того, чтобы какъ-нибудь добыть срочный вексель и сбить его ростовщику, который рискуетъ много и наживаетъ страшно. Являются процессы, банкротства, наступаетъ общее недовѣріе.

Вотъ это общее недовѣріе существуетъ теперь и у насъ; кризисъ дошелъ до этой точки, когда въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ начинается реакція въ противоположную сторону. Пока разныя купеческія фирмы падаютъ одна за другою, нѣкоторые счастливыцы, менѣе увязшіе въ этой борьбѣ за деньги, переживаютъ кризисъ, пользуются общимъ желаніемъ продать и происходящимъ отъ этого пониженіемъ цѣнъ, и покупаютъ. Отъ упадка цѣнъ ограничивается привозъ до такой степени, что вывозъ становится относительно выгоднымъ. Товары, оставшіеся въ странѣ при высокихъ цѣнахъ, начинаютъ вывозиться, запросъ на звонкую монету по этому случаю прростанавливается. Банкиры, не боясь требованія звонкой монеты, начинаютъ съ осторожностью принимать векселя къ учету. Цѣны начинаютъ подниматься, купцы чувствуютъ расположеніе покупать, и мало-помалу дѣла принимаютъ свой естественный ходъ, впрядь до новаго кризиса.

Но для этого надо прежде всего, чтобы цѣны упали, понизились; у насъ же онѣ все возвышаются, и это обстоятельство составляетъ существенное отличіе нашего кризиса отъ тѣхъ, которые бывають въ другихъ странахъ. Это обстоятельство сбиваетъ съ толку людей, разумѣющихъ политическую экономію только по иностраннымъ книжкамъ.

Дѣло въ томъ, что кризисъ тамъ имѣетъ другія причины, не то происхожденіе, какъ у насъ. Тамъ кризисъ приводится большимъ напряженіемъ жизненной силы, преувеличеніемъ напряженія отъ избытка силъ. У банкировъ накапливается много вкладовъ, вслѣдствіе чего учеты векселей дѣлаются быстрѣе и легче; банкиры ведутъ широкую торговлю кредитомъ и легкостью кредита подстрекаютъ торговцевъ къ оживленію и расширенію дѣлъ. По мѣрѣ увеличенія обращенія, цѣны возвышаются. Все что купецъ покупаетъ, идетъ у него въ продажу по высшей цѣнѣ противъ покупки. Естественно, что онъ желаетъ повторять эту операцію такъ быстро и такъ часто, какъ только возможно. Отъ этого является наклонность къ спекуляціи. Говорятъ тогда, что денегъ много; тогда всѣмъ вѣрится, что много денегъ лежитъ безъ употребленія, потому что счета банковъ указываютъ на большое число вкладовъ. Дѣйствительно, вклады существуютъ, но не лежатъ безъ употребленія; напротивъ, каждому рублю при помощи кредита дается двойное и тройное употребленіе. Въ обращеніи находится множество билетовъ и коммерческихъ бумагъ, которыя однакоже не монета, а обязательства уплатить такую-то сумму звонкою монетой по минованіи назначеннаго срока. Всѣ эти устроенные кредитомъ капиталы покупаютъ и покупаютъ; цѣны возвышаются; являются новыя предприятия, требующія громадныхъ капиталовъ; дѣятельная мѣна товаровъ даетъ желѣзнымъ дорогамъ большіе дивиденды, акціи возвышаются въ цѣнѣ, является желаніе строить новыя дороги; ихъ акціи оплачиваются занятыми деньгами, пока еще не ковчены земляныя работы полотна; потомъ компанія покупаетъ рельсы, платя за нихъ своими облигаціями, и кредитъ компаніи замѣняетъ собою кредитъ частныхъ лицъ при покупкѣ машинъ и окончательной отдѣлкѣ дороги. Цѣны возвышаются все болѣе и болѣе. Спекуляція разыгрывается.

У насъ этого не было. Во время войны торговля терпѣла вынужденную остановку. Въ первый годъ послѣ войны, по случаю неурожая въ западѣ и по случаю накопившихся у насъ запасовъ, сбытъ хлѣба за границу былъ великолѣпный. Корабли приходили за пшевицей и саломъ съ однимъ баластомъ, и разгружаясь близъ устья Невы, увеличивали объемъ Гутуевского острова. Многіе корабли брали изъ Англіи вмѣсто баласта каменный уголь, который отъ этого въ Петербургѣ сталъ продаваться дешевле, чѣмъ въ самомъ Лондонѣ. Начался обильный приливъ денегъ, цѣны стали подниматься, и повливному все шло совершенно нормально, какъ и въ другихъ странахъ, которыхъ обстоятельства тянутъ къ кризису. Но далѣе является особенность.

Точно какъ ребенку, которому подарили пять рублей, или точно какъ барину, получившему наследство, намъ показалось, что богатства наши нестоимы. Принялись мы тратить свои сырые продукты самымъ безрасчетнымъ образомъ, не догадавшись, что наши доморощенные политико-экономы не имѣли понятія о той свободѣ торговли, которая намъ была нужна, а кричали только о свободѣ, полезной для иностранныхъ производителей. Какъ ребенокъ съ пятью рублями или баринъ съ наследствомъ, мы думали, что можно намъ обойтись безъ дальнѣйшихъ усилій и все пойдетъ само собою, и повѣривъ на слово крикунамъ, вообразили, будто какой бы то ни было народъ можетъ быть богатъ и образованъ, если занимается производствомъ однихъ только сырыхъ продуктовъ. Но обстоятельства жестоко наказали насъ за довѣрiе къ крикунамъ. Мы сдѣлали столько заказовъ за границей, кромѣ огромной массы купленного, надавали столько векселей и надѣлали столько долговъ, что пришлось вывозить золото и серебро; кредитъ пропалъ и курсы на иностранныхъ биржахъ упали гораздо ниже того что было во время самаго разгара войны. Вывозъ не покрываетъ привоза. Всего золота, добываемаго въ Сибири и на Уралѣ, не достаетъ чтобы покрыть разницу и заплатить проценты по займамъ. А доморощенные Фритредеры увѣряютъ, будто это ничего: монета найдетъ свой уровень. Конечно найдетъ, слова нѣтъ; да мы-то остасемся на мели. Естественно, что у насъ не должно остаться звонкой монеты, и всего удивительнѣе, если останется хоть сколько-нибудь высокопробныхъ рублей. Еслибы не было даже этого обстоятельства — громаднаго вывоза за границу въ уплату процентовъ по государственнымъ займамъ, на покрытiе торговаго баланса и на издержки путешественниковъ, золото и серебро должны бы уходить за границу во одному уже тому, что звонкая монета дороже бумажной. Точь-вточь такъ же, какъ въ тридцатыхъ годахъ изъ Соединенныхъ-штатовъ вывозилось за границу золото въ видѣ товара, когда курсъ его былъ непропорціоналенъ курсу серебра, наша звонкая монета должна бы уйти за границу по одному тому, что курсъ ея гораздо выше бумажныхъ денегъ, и несмотря на то, что курсъ бумажекъ обязательенъ, звонкая монета не слушается никакихъ регламентацій и запретовъ, просто не мѣняется на бумажки и пропадаетъ. А куда пропадаетъ, въ этомъ сомнѣнiи быть не можетъ, — за границу. И здѣсь вовсе дѣло не въ томъ, пользуются ли наши бумажныя деньги внутреннимъ кредитомъ или нѣтъ. Несомнѣнно извѣстно всѣмъ и каждому, что всѣ на свѣтѣ правительства завидуютъ тому довѣрiю, какому пользуется наше правительство въ своей странѣ; здѣсь не о довѣрiи къ правительству и рѣчь. Дѣло въ томъ, что въ частныхъ сдѣла-

кахъ, какъ мы говорили выше, звонкая монета удобнѣе: она принимается и китайцами, и манчжурами, и киргизами и потому исполняетъ назначеніе денегъ лучше чѣмъ бумажки. Г. Шиповъ сохѣтуетъ напечатать еще больше бумажныхъ денегъ, рассчитывая, что это оживитъ нашу торговлю и промышленность. Но это прямо погубитъ торговлѣ. Понятное дѣло, что еслибы напечатано было и роздано каждому жителю россійской имперіи по десяти тысячъ рублей бумажными, то на торговлю это не будетъ имѣть никакого вліянія, не прибавитъ богатства странѣ, потому что богатство заключается въ произведеніяхъ различныхъ отраслей труда, а не въ знакахъ, ничего не означающихъ.

Но допустимъ даже, что правительство сочло бы удобнымъ исполнить мысль, защищаемую г. Шиповымъ и поддерживаемую въ «Сѣверной Почтѣ» г. Скуратовымъ. Какимъ образомъ эти новыя бумажки могли бы проникнуть въ обращеніе? Правительство наше произволитъ свои финансовыя дѣйствія на основаніи ежегодныхъ смѣтъ, утверждаемыхъ въ законодательномъ порядкѣ. Каждая смѣта удовлетворяется изъ государственнаго казначейства, куда для этой цѣли поступаютъ всѣ государственные доходы. Недостатковъ прихода на покрытіе расходовъ не предвидится. Куда же могло бы дѣваться правительство вновь напечатанныя бумажки? Не раздавать же ихъ даромъ, только чтобы какъ-нибудь провести въ народное обращеніе.

Но г. Шиповъ придумалъ на это очень простое средство: раздать бумажки въ банкъ и во всѣ его отдѣленія, для облегченія ссуды подъ залогъ векселей, для производства учетовъ. Великолѣпная мысль. Но дѣло въ томъ, что она, за однимъ маленькимъ исключеніемъ, заимствована изъ «General Banking law» ньюйоркскаго штата. Точно также и тамъ правительство приготовляетъ и надлежащимъ образомъ чрезъ своихъ чиновниковъ подписываетъ безпроцентныя билеты для банкировъ (здесь для конторъ банка). Разница въ томъ, что тамъ эти билеты вылаются банкирамъ подъ вѣрные залоги, а у насъ, такъ какъ конторы банка суть учрежденія правительственныя, подобныя обезпеченія не нужно. Но тамъ, въ ту минуту, какъ банкиръ перестаетъ выплачивать по своимъ билетамъ принносителю, на его залоги кладутся запрещенія, вслѣдъ за тѣмъ они продаются съ публичнаго торга, и билеты превращаются въ звонкую монету. При напечатаніи большого числа новыхъ бумажекъ, сообразно предложенію г. Шипова, эти бумажки, чтобы равняться съ ньюйоркскими банковыми билетами, по благодѣтельному вліянію на оживленіе торговли должны бы немедленно и безпрепятственно жѣматься на звонкую монету, каждому желающему, сколько

бы то ни было въ однѣ руки. Тамъ банкирскія операціи съ билетами, по которымъ внесено обезпеченіе, тѣмъ особенно удобны, что ежели банкиръ не размѣнялъ одному кому-нибудь своего билета на звонкую монету, то немедленно, тотчасъ дѣла его приводятся въ намѣжащій порядокъ, т. е. всѣ билеты его предъявляются къ размѣну въ банковый департаментъ, и такимъ образомъ окончательно извлекаются изъ обращенія. Всякій владѣтель банкирскаго билета не подѣлится ежедневно пробѣжать тотъ столбецъ своей газеты, гдѣ печатаются извѣстія о несостоятельныхъ банкирахъ. Поэтому напечатать бумажекъ можно сколько угодно; но при выпускѣ онѣ должны представлять соотвѣтственное количество звонкой монеты, которая не создается такъ легко, какъ бумажки.

Г. Бунге въ отвѣтъ своемъ г. Шипову весьма основательно говоритъ, что «нотребность въ орудіяхъ обращенія должна быть удовлетворена такими орудіями, которыя созданы торговлею и имѣютъ цѣнность, основанную на довѣрїи, а не на обязательномъ курсѣ». Можно было бы прибавить, что цѣнность орудій торговли не можетъ быть основана ни на довѣрїи, ни на обязательномъ курсѣ, а быть дѣйствительною, истинною, какъ въ звонкой монетѣ. Но г. Скуратовъ, поддерживающій предложеніе г. Шипова и тѣмъ самымъ показывающій какое онъ имѣетъ смутное понятіе о финансовыхъ операціяхъ и народномъ хозяйствѣ, съ самоувѣренностью, напоминающею г. Каткова, подсмѣивается надъ этими словами. «Г. Бунге не замѣчаетъ, говоритъ онъ, — что разсужденіе его вертится въ кругу невозможнаго; ибо *чтобы торговля могла создать орудія обращенія, основанныя на довѣрїи, надобно прежде возстановить довѣрїе и торговлю*, а этого-то, какъ доказано трехлѣтнимъ опытомъ, никакъ нельзя сдѣлать безъ усиленія количества орудій обращенія».

Вотъ то и есть, господа политикоэкономы: намѣреваетесь возстановить довѣрїе и торговлю, не имѣя понятія объ этихъ щекотливыхъ предметахъ, воображая, будто торговля и довѣрїе такъ сейчасъ и исполнять по вашему приказу. Постарайтесь же наконецъ понять, что эти вещи не легко возстановляются, что гораздо легче заставить судей быть справедливыми и строителей честными, гораздо удобнѣе приказомъ создать хорошую погоду, чѣмъ распорядиться, чтобы торговля шла успѣшнѣе, чтобы люди имѣли довѣрїе другъ къ другу. Разсужденіе г. Бунге не вертится въ кругу невозможнаго. Оно значитъ только, что искусственныя мѣры для возстановленія торговли будутъ во всякомъ случаѣ безуспѣшны. Надо, чтобы это произошло само собою, внутренними своими средствами. Дѣло законодательства и разумной администраціи состоитъ вовсе не въ томъ чтобы по щучьему велѣнью создавать капиталы, произведенія про-

мышленности и торговлю. Правительственныя распоряженія могутъ только для всего этого приготовить и расчистить почву и облегчить условія, необходимыя для частной свободной дѣятельности. И торговля и довѣріе выгодны для частныхъ людей; поэтому можно спокойно положиться на дѣятельность частныхъ людей и быть увѣреннымъ, что они похлопочутъ о развитіи того и другого, даже безъ помощи политикоэкономическихъ статей, если только будутъ устранены различныя тормозящія препятствія. Можетъ быть даже, что безъ нѣкоторыхъ политикоэкономическихъ статей было бы даже и лучше, хотя разумѣется не тогда, когда бы онѣ были запрещены, а когда бы писались въ другомъ направленіи, вслѣдствіе яснаго невниманія дѣла. А безъ яснаго пониманія крикуны раздули у насъ (сколько было ихъ силъ) страсть вывозить все изъ-за границы и старались увѣрить, будто странѣ, которая «сырой прудуктъ имѣетъ», ничего болѣе и не надо. Нѣтъ, очень надо, именно надо имѣть фабрики для обработки этого сырого продукта.

Еслибы часть всѣхъ капиталовъ, употребленныхъ со времени крымской войны на поощреніе иностранныхъ фабрикъ избыточною покупкою ихъ превосходныхъ издѣлій, была употреблена на поощреніе и развитіе фабрикъ своихъ, то была бы у насъ и звонкая монета, и не имѣли бы мы удовольствія слышать предположенія о великой выгодности напечатанія большого количества бумажныхъ денегъ. Жалко, что ни г. Шиповъ, ни г. Скуратовъ нигдѣ не говорятъ, сколько именно по ихъ понятіямъ слѣдовало-бы напечатать бумажекъ и на какой цифрѣ остановиться: сдѣлать-ли сотни двѣ-три миліоновъ, или миліардъ, или нѣсколько миліардовъ. Пусть бы уже для большаго курьоза они опредѣлили цифру. Очень было-бы любопытно.

Постоянно пользоваться чужими издѣліями и чужими машинами для приготовленія этихъ издѣлій — точь-вточь тоже самое, что постоянно жить чужимъ умомъ. Это очень удобно, но кромѣ того, что это крайне унижительно, это со дня на день все дальше и дальше отодвигаетъ возможность начать когда-нибудь жить своимъ умомъ. Чтобы избавиться отъ опеки — одно средство: отказаться отъ постоянного указыванья со стороны и завести какой ни-на-есть, да свой умишко. Вотъ это-то и будетъ значить: начинать съ начала, съ основанія, возстановить довѣріе и торговлю снизу, а не сверху, путемъ естественнымъ, безыскусственнымъ.

Для этого нужны только: возможно-большая свобода частной дѣятельности, образованность и уговоръ — поощрять больше своихъ, нежели чужихъ.

По случаю начала года почти всѣ акціонерныя общества публи-
ки. III. — Отд. II. 6

кують результаты своей прошлогодней дѣятельности. Это очень любопытно, и въ свое время мы сдѣлаемъ сводъ этихъ результатовъ, что безъ сомнѣнія не будетъ бесполезно. У насъ теперь около 150 обществъ, затратившихъ на свои предпріятія нѣсколько болѣе пятисотъ миліоновъ рублей серебромъ. Общее положеніе дѣлъ довольно плохо.

Покаместъ обратимъ вниманіе на одно только московское страховое общество. Его отчетъ весьма поучителенъ, потому особенно, что теперь по цѣлой Россіи во всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ возбужденъ вопросъ о взаимномъ застрахованіи домовъ отъ пожарныхъ убытковъ. Города вообще недовольны тѣмъ, что страховыя общества берутъ слишкомъ высокія преміи и обогащаются насчетъ обывателей. Такъ было напримѣръ въ Данковѣ, рязанской губерніи. Городской голова, г. Ермаковъ, не краснорѣчиво, но понятию каждому высказалъ полезность взаимнаго застрахованія. Онъ между прочимъ прочиталъ статью газеты «Акціонеръ», въ которой вычислено, что московское страховое общество въ три года и семь мѣсяцевъ, за расходами на содержаніе администраціи, 370.886 рублей, получило чистаго дивиденда 102.687 рублей съ копѣйкамъ. Далѣе, голова растолковывалъ какъ выгодно каждому застраховать свой домъ, платя невысокую премію, а въ случаѣ пожара получить всю сумму, въ которой застраховано имущество. Онъ предположилъ, что каждый домовладѣлецъ будетъ платить по одному проценту въ годъ съ цѣны своего дома, что составитъ со всей стоимости городскихъ домовъ въ Данковѣ, со 150.000 рублей, 1500 рублей въ годъ. Въ случаѣ опустошительнаго пожара, правительственно предлагаетъ въ ссуду обществу третью часть понесенныхъ убытковъ. Общество согласилось, что сдѣланное головою предложеніе весьма выгодно, и положило составить проектъ взаимнаго застрахованія. «Вотъ какъ много можетъ сдѣлать у насъ, въ провинціи, — прибавляетъ въ заключеніе корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей», — одинъ человекъ, понимающій дѣло и проникнутый сознаніемъ своего нравственнаго долга, — служить обществу, его избравшему?»

Но дѣйствительно ли все будетъ такъ какъ изобразилъ данковский голова. Въ самомъ дѣлѣ въ Данковѣ, какъ и въ другихъ городахъ, расчеты дѣлались на основаніи пятилѣтней сложности пожаровъ, а между тѣмъ наши города обыкновенно нѣтъ-нѣтъ, да и выгорятъ до тла, какъ въ прошедшемъ году Боровичи (по рассказу одного приказчика выгорѣлъ такъ чисто, «что самовара нечѣмъ было бы развести»), какъ не такъ давно горѣлъ Орелъ, Самара и другіе города. Ктому же достопочтенный голова конечно

не имѣлъ въ виду послѣдняго отчета московскаго страхового общества за прошлый годъ. Это общество получило въ 1862 г. страховых премій 954.022 р., выдало за перезастрахованіе 361.508 р., такъ что ему осталось только 592.514 рублей. Другіе доходы его съ разныхъ процентныхъ бумагъ доходили до 84.000 р. Всего въ приходѣ было съ небольшимъ 676 тысячъ, а за одни пожарные убытки, не считая другихъ расходовъ, вылао 1.082.934 рубля, такъ что общество повесло чистаго убытка 508.344 рубля. Для покрытія этого громаднаго ущерба оно взяло изъ запаснаго капитала болѣе 80, да изъ основнаго болѣе 428 тысячъ рублей. Весь основной капиталъ общества былъ два мильона, а теперь осталось изъ него немного болѣе полутора.

Страховыя общества берутъ болѣе одного процента преміи потому, что они имѣютъ основной капиталъ, безъ котораго никто не сталъ бы застраховывать у нихъ своего имущества. Возьмите еще въ соображеніе, что капиталъ, представляющій трудъ еще не оплаченный другимъ, вознаграждающимъ его трудомъ, долженъ приносить своему владѣльцу доходъ, иначе не будетъ возможности заманить его въ какія-нибудь дѣла и онъ будетъ лежать въ сундукѣ непронизводительно. Наконецъ нужно взять и то въ расчетъ, что тотъ, кто рѣшается употребить свой капиталъ на страховую операцію, долженъ кромѣ обыкновенныхъ процентовъ получить еще премію за свой рискъ, сопряженный съ предпріятіемъ.

Въ Цермъ взаимное страхованіе оправдывается тѣмъ, что при этомъ способѣ сбережотся отъ четырехъ до пяти тысячъ рублей страховых премій. Но развѣ въ томъ главнѣйшій, основной вопросъ, чтобы сберечь премію? Если вовсе не платить страховыхъ денегъ, то сбережотся еще больше. Въ томъ дѣлѣ, чтобы получить, въ случаѣ пожараго несчастія, всю сумму убытковъ сполна, и ежели только это условіе неизмѣнно, то затѣмъ позаботиться о возможномъ уменьшеніи преміи. Наконецъ пусть они постараются помнть, что у нихъ страхованіе будетъ обязательное, и потому застрахованы будутъ всѣ дома, а при этомъ условіи точно такъ же и страховыя общества могли бы понизить свои преміи.

Въ Москвѣ происходили выборы городского головы. Избранъ въ эту должность князь Шербаговъ. Выѣстъ съ нимъ балотировались гг. Хлудовъ, Ляминъ, Кошелевъ и Селивановъ. Всѣ они получили избирательныхъ шаровъ 338, 278, 200, 153 и 82. Всѣхъ избирателей присутствовало 461; между ними потомственныхъ дворянъ было 87, личныхъ 91, купцовъ 91, мѣщанъ 99, ремесленниковъ 94. Москвичи поняли очевь хорошо, что хотя званіе городского головы весьма почетное званіе, однако для поддержанія его

на надлежащей высотѣ, для головы не бесполезно имѣть другое званіе, которое уже одно держало бы голову внѣ необходимости или поползновенія гнуть спину или по нѣскольку часовъ ждать въ приемной комнатѣ сильныхъ міра сего. Передъ тѣмъ газеты много толковали не о томъ, кого слѣдуетъ или не слѣдуетъ выбрать, а больше всего вообще о трудностяхъ выбора между лицами, которыхъ общественный характеръ болѣе или менѣе неизвѣстенъ избирателямъ. Въ самомъ дѣлѣ, при отсутствіи у насъ какой бы то ни было гласной, явной дѣятельности, на чемъ избиратели должны были основывать свой выборъ? Кромѣ того у насъ не водится, чтобы кандидаты говорили печатно сами за себя, чтобы излагали въ газетахъ свои виды и свои намѣренія. Это было бы поправдѣ сказать до нѣкоторой степени бесполезно, потому что программа дѣйствій будущаго головы съ точностью опредѣлена закономъ и онъ не можетъ дѣлать ни малѣйшихъ отступленій. Главнѣйшая обязанность его будетъ состоять въ твердой поддержкѣ постановленій общества противъ покушеній мѣстной администраціи. Независимо отъ важной обязанности своей — заботиться обо всемъ что относится до городского хозяйства и до интересовъ своихъ согражданъ, новый городской голова долженъ будетъ практически постановить границы вторженіямъ администраціи въ общественныя дѣла, и если онъ это сдѣлаетъ удачно и съ выгодой для общества, то имя его не погибнетъ въ исторіи нашего развитія. Сверхъ того ему придется съ величайшею внимательностью охранять гласныхъ отъ вторженія въ ихъ совѣщанія и отъ вліянія на ихъ постановленія самого городского головы, который точно такъ же можетъ вообразить себя администраторомъ. Это будетъ весьма трудно, потому что ему тутъ надо будетъ бороться съ самимъ собою. Образованному, умному, дѣятельному человѣку въ этомъ званіи предстоитъ блестящее поле дѣятельности; но такъ какъ князь А. А. Щербатовъ еще не имѣлъ случая показать себя на поприщѣ публичной дѣятельности, сколько-нибудь подобной тому дѣлу, которое онъ принялъ теперь на себя, то мы, ничего не предсказывая, можемъ только ожидать дальнѣйшихъ извѣстій изъ Москвы. Наконецъ ему придется неуспѣшно преслѣдовать кое-какіе грѣшки, которые повсемому должны были втереться въ городское управленіе по одному уже тому, что главнѣйшее вліяніе на городскія дѣла до сихъ поръ находилось въ рукахъ одного только сословія исключительно. А давно уже извѣстно, что исключительность портитъ и путаетъ всякое дѣло. Въ настоящее время хорошій городской голова можетъ постановить прочныя основанія истинному общественному самоуправленію города.

Императорская академія наукъ, или лучше сказать, не она сама, а календарная комиссія, состоящая при академіи, или правильнѣе сказать, редакція календаря, состоящая при календарной комиссіи, состоящей при академіи, обнародовала ко всемъ больницамъ и благотворительнымъ учрежденіямъ приглашеніе: сообщить правила приѣма больныхъ и разныхъ убогихъ и увѣчныхъ. Въ самомъ дѣлѣ это очень полезныя для академіи свѣдѣнія, которыя могутъ всегда пригодиться. Академія хочетъ ихъ напечатать въ календарѣ. Но тутъ является маленькое осложненіе. Обыкновенно академія требуетъ необходимыя для нея свѣдѣнія официальными отношеніями чрезъ своего секретаря. Вѣдомства, получившія такіе запросы, отвѣчаютъ тоже официальными отношеніями, такъ что свѣдѣнія, печатаемыя въ календарѣ, могутъ считаться обладающими высшею степенью достовѣрности въ официальномъ смыслѣ. Но такъ какъ редакція календаря обратилась теперь къ печати, и именно въ нѣмецкой петербургской газетѣ, откуда обращеніе переведено въ «Сѣверной Почтѣ», то это значитъ что-нибудь другое, особенно если принять во вниманіе, что «редакція будетъ принимать съ благодарностью указаніе ошибокъ и недосмотровъ, вкрапившихся въ календарь.» Нельзя не отозваться на такое приглашеніе съ большою готовностію.

Календарь, какъ извѣстно, печатается въ огромномъ числѣ экземпляровъ, именно отъ 35 до 40 тысячъ и продается въ пользу академіи по весьма высокой цѣнѣ, именно по 80 коп. сер. въ листахъ. Почему именно въ листахъ, когда никто на свѣтъ календаря переплетеннаго или несшитаго не покупаетъ, это одна изъ тайнъ, которыми такъ богата академія наукъ. Если принять въ соображеніе, что имена святыхъ или то что собственно составляетъ календарь, набрано въ академической типографіи и ждетъ слѣдующаго года только для необходимой перестановки дней и подвижныхъ праздниковъ, и за тѣмъ большая часть календаря точно такъ же набрана, то оказывается, что академія беретъ 80 коп. сер. только за приложенія къ календарю, которыя каждый годъ мѣняются и календаря собственно не составляютъ. Такой налогъ на всѣхъ потребителей календаря возможенъ только при монополіи самой несправедливой, и если можно возразить, что всякій воленъ купить себѣ календарь или не покупать его, то вѣдь и откупщики возражали тоже самое, когда имъ ставили монополію въ упрекъ. Кромѣ академіи наукъ никто не имѣетъ права печатать на русскомъ языкѣ календарей, отсюда дороговизна этого предмета первой необходимости для огромнаго числа публики. Это первый и важнѣйшій недостатокъ, на который надобно указать академіи; испра-

вить его очень легко: стоит только отказаться отъ новополіи, и тогда явятся у васъ въ большомъ количествѣ календари во всѣхъ родахъ и по дешовымъ цѣнамъ. Во Франціи есть календари прекрасно иллюстрированные, съ повѣстями, анекдотами, загадками, шарадами и всякой всячиной за 50 сантимовъ или за 13 копѣекъ. Если мы не скоро доживемъ до этой дешенизны, то покрайней-мѣрѣ можно надѣяться, что календарь, подобный тому, который академія продаетъ за 80 копѣекъ въ листахъ или 90 копѣекъ сшитый въ видѣ книги, можно будетъ имѣть за четвертакъ, не болѣе.

Потомъ любопытно было бы знать для кого и для чего печатаются элементы различныхъ планетъ, особенно 72 планетъ между Марсомъ и Юпитеромъ? Повидимому эта лишняя роскошь принята только для приданія календарю аромата учености. Кто занимается астрономіей, тотъ и безъ календаря найдетъ справку объ элементахъ, а для того, кто не занимается, это лишній баластъ.

Далѣе съ великою точностью изъ году въ годъ одна и таже роспись городовъ Россійской имперіи съ показаніемъ числа жителей, разстоянія отъ Петербурга и Москвы, широты и долготы мѣста. Не говоря уже о томъ, что здѣсь постоянно неправильно показано число жителей, эти данныя разнятся даже отъ цифръ, извѣстныхъ въ статистическомъ комитетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Не показано откуда взята вѣдомость о числѣ жителей въ Россіи по исповѣданіямъ. Знать это было бы весьма важно для опредѣленія степени довѣрія, которое можетъ быть оказано этой таблицѣ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что въ слѣдующихъ двухъ таблицахъ государствъ и владѣній во всѣхъ частяхъ свѣта является множество противорѣчій. По одной таблицѣ въ Австріи 35,300,000 жителей, а по другой 36,039,364. Въ Венецуэлѣ по первой таблицѣ 1,564,433, а по второй 1,356,000. Дѣло въ томъ, что первая таблица составлена по Кольбу и Губнеру, а вторая по Дитерцици. Что за роскошь? К чему двѣ таблицы? Развѣ къ тому, чтобы показать какъ работаютъ заграницные нѣмцы, не получающіе отъ своихъ правительствъ ни жалованья, ни квартиръ съ отопленіемъ и освѣщеніемъ? Но кажется, что Россія могла бы ожидать отъ своей академіи какихъ-нибудь выводовъ, какого-нибудь сравненія, короче сказать какого-нибудь труда, а не простой голой перепечатки цифръ, съ переводомъ имени на незавѣстный нѣмецко-русскій, вѣроятно академическій языкъ. Напримѣръ Ирландія названа Ирландіей; какая-то страна названа: «Пруссія по сѣверной границѣ въ таможенномъ союзѣ» (?), а далѣе: «Причитающіяся къ Пруссіи нѣмецкія области.» Въ ссылкѣ готскій календарь названъ альманахомъ. «Пространство Египта занимаетъ 8372 кв. м., отчего на кв. милю приходится 346 душъ и въ этой

страна находится *большой* городъ Каиръ и проч. и проч. Наполеонъ въ «Результатахъ» показавъ южный полюсъ въ 2288 кв. миль. Это кто измѣрялъ?

Мѣры и вѣсы перепечатываются изъ календарей за прежніе годы, съ прежнею неудовлетворительностью. Кажется не нацией бы академія приходилось указывать какъ нѣмцы разрабатываютъ метрологію.

Неизвѣстно для чего изъ готскаго календаря перепечатывается генеалогія двостранныхъ государей и владѣтельныхъ княжескихъ фамилій. Россія съ большимъ удобствомъ могла бы довольствоваться именами владѣтельныхъ особъ и именами наследниковъ престоловъ, но какую пользу намъ доставить знаніе имени «дѣтей рожденнаго дѣда» австрійскаго императора и т. д. Всѣ эти лица имѣютъ несомнѣнную важность въ своихъ отечествахъ, но для насъ ихъ значеніе весьма не велико. Потомъ — какое значеніе имѣютъ теперь въ календарѣ владѣтельные дома моденскій, обихъ Сицилій и тосканскій, когда итальянское королевство давно признано Россіей? При каждомъ владѣтельномъ домѣ показано къ какому онъ принадлежитъ вѣроисовѣданію. Норвегія — лютеранскаго закона, Персія — мухамеданскаго. Замѣчательно, что не забыли записать, что папа — католическаго закона.

Но вѣтъ возможности перечестъ всѣхъ календарныхъ промаховъ, всего того что въ нашемъ календарѣ лишнее и что должно бы быть прибавлено. Гораздо легче и удобнѣе это сдѣлается само собою, когда академія откажется отъ своей монополіи и наступитъ время свободнаго составленія календарей и свободной торговли ими.

Невозможно заключить нашу скромную лѣтопись, не занеся въ нее послѣднихъ извѣстныхъ результатовъ по устройству бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Къ 12 марта уставныхъ грамотъ составлено всего 103,893, стало-быть несоставленныхъ осталось менѣе пяти съ половиною процентовъ. Изъ всѣхъ составленныхъ грамотъ не введено въ дѣйствіе по разнымъ причинамъ 6,354. Тѣмъ грамотамъ, которыя введены въ дѣйствіе, числомъ 97,539, опредѣлены поземельныя отношенія 8,861,748 душъ мужскаго пола. Такимъ образомъ изъ ста душъ бывшаго крѣпостнаго населенія не медкопомѣстныхъ помѣщиковъ болѣе восьмидесяти восьми съ половиною поставлены въ окончательнѣ-опредѣленные отношенія къ своимъ бывшимъ помѣщикамъ. При составленіи и введеніи въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ менѣе трехъ съ половиною миліоновъ

осталось на издѣльной повинности или на барщинѣ. Изъ оставшихся пяти съ половиною миліоновъ, обязанныхъ платить за пользование своими землями, 1,222,812 человекъ сдѣлались собственниками или заключали о томъ сдѣлки съ помѣщиками. Изъ этого числа около четвертой части вовсе не воспользовались сдѣланными правительствомъ 312,646 душъ, и это самые счастливые, потому что ихъ дѣло окончательно кончено, тогда какъ остальные будутъ еще платить за приобретенную землю болѣе или менѣе продолжительное время. Въ двадцати-одной губерніи введеніе уставныхъ грамотъ окончено.

А между тѣмъ, несмотря на то, что дѣло повидному такъ далеко ушло отъ своего начала, такъ близко къ концу, все еще порою является непріятная отрыжка стараго, отжившаго порядка вещей. Дѣло это въ высшей степени любопытное, тѣмъ болѣе, что относится къ лицу, весьма хорошо извѣстному въ литературномъ мірѣ, именно къ г. Григорію Бланку. Онъ сдѣлался знаменитъ въ то время, когда смирѣствовалъ «Журналъ землевладѣльцевъ» и когда наипаче литературой разрабатывался вопросъ о томъ, сѣчь или не сѣчь, когда серьезно писали о шестнадцати ударахъ розгами и о величинѣ самыхъ розогъ.

20 мая прошлаго года г. Григорій Бланкъ писалъ къ г. министру внутреннихъ дѣлъ письмо, въ которомъ горько жаловался на потерю въ одномъ 1861 году со времени введенія положенія о крестьянахъ, пятнадцати тысячъ рублей серебромъ дохода по причинамъ, отъ него независящимъ. Потомъ онъ написалъ министру другое письмо, изъ котораго оказывается, что у него имѣнія находятся въ пяти губерніяхъ и повидному заключаютъ въ себѣ двѣнадцать селеній. Въ четырехъ селеніяхъ уставныя грамоты были введены, а положеніе г. Бланка нисколько не улучшилось. «Денной и ночной грабежъ — пишетъ онъ (письмо напечатано въ орловскихъ губерскихъ вѣдомостяхъ, въ отчетѣ о постановленіяхъ губернскаго присутствія по крестьянскимъ дѣламъ) — уславляется и производится во дерзче и дерзче: помѣщичьи десятины забираются и побиваются; конныя съ нихъ воруютъ, также какъ и зерно изъ закромовъ; господскіе дуга травятся или выкашиваются своеволью крестьянами, а сѣно, скошенное на помѣщика, валилось нынѣшнее лѣто болѣе трехъ недѣль въ рядахъ по полю, развѣваемое вѣтрами, растаскиваемое проѣзжими, гнившее подъ дождемъ (Какъ пишетъ человекъ, какъ увлекательно, краснорѣчиво и картинно пишетъ!). Воровство лѣсныхъ материаловъ страшное, а господскія усадебныя, гуменныя и хозяйственныя строения въ упадкѣ. (Очевидно однако, что въ этомъ покрайней-мѣрѣ

инновате время, а не злокозненные крестьяне)... Во всемъ только разореніе. Даже въ сараяхъ свои люди обдираютъ экипажъ, какъ напримѣръ въ моемъ воронѣжскомъ имѣніи. Повсюду пьянство, картежная азартная игра, развратъ, порочество и самовольство. *Это воспитаніе юнаго народа, ссылаемаго съ помѣщичьей* (Какая остроумная игра словъ и какая горькая въ то же время прова). Прежде онъ плодился; населялъ помѣщичью землю и не заботился о своемъ потомствѣнномъ существованіи. При вольности — первый вопросъ о способахъ жизни, и вотъ отвѣтъ готовъ: разграбленіе достояній помѣщиковъ, которымъ остается лишь безпомощно *официально плакаться*, страдать и ожидать, когда кто изъ нихъ съ потомствомъ пойдетъ по міру — хотя бы за продажей съ аукціона ихъ имѣній въ банкахъ, куда они, разоренные, нуждающіеся въ содержаніи и воспитаніи семействъ не въ состояніи производить уплату. Куда ни взгляни, всюду убытки и разстройство... (Мы пропускаемъ не менѣе сильные мѣста). Вотъ свѣдѣнія, полученныя мною отъ одного изъ моихъ управляющихъ: «Неповинованіе, грубость, ругательство, насмѣшка, распутство, гордость и прочее вымыслились до того, что дворовые не работаютъ болѣе ведали... При осмотрѣ моемъ ругаются площадными словами, оставляютъ работу и поднимаютъ игру зазорную, и преимущественно безъ меня, такъ что я заставлялъ ихъ въ положеніи гнусномъ». Подобныя грустныя картины не видать только тѣмъ, кто не хочетъ ихъ знать. Но что изъ этого будетъ? Неужели наше конечное разореніе безпомощныхъ неизбежно?»

Министръ внутреннихъ дѣлъ отослалъ копію съ письма г. Григорія Бланка начальнику орловской губерніи, прося его навести справки и сдѣлать въ случаѣ нужды соотвѣтственныя распоряженія.

По справкѣ оказалось, что мировыя учрежденія не обязаны разбирать дѣла по части грубостей и насмѣшекъ надъ управляющими, такъ какъ это дѣло земской полиціи. Г. Григорій Бланкъ купилъ елецкое имѣніе свое у помѣщички Львовой лѣтомъ 1860 года, а осенью, когда озимые посѣвы были кончены, распорядился разверстаніемъ своихъ угодій отъ крестьянскихъ. Крестьянамъ приходилось сѣять въ слѣдующемъ послѣ уборки ржи году, т. е. въ 1862, не тамъ, гдѣ стояла ихъ рожь, а гдѣ-то въ другихъ мѣстахъ, что весьма невыгодно, и потому они овесъ посѣяли на прежнихъ ржаницахъ, которые г. Григорій Бланкъ отрѣзалъ-было себѣ. По случаю воровства крестьянами копень съ господскихъ десятинъ, оказалось, что елецкое имѣніе г. Григорія Бланка состояло въ завѣдываніи временно-обязаннаго его крестьянина изъ тамбовской губерніи, кото-

рый сбывает только въ концѣ августа за воровскую продажу господскаго хлѣба съ одного изъ дальнихъ участковъ черезполосной дачи. Воровство это открыто туземнымъ крестьяниномъ, бывшимъ крѣпостнымъ г. Григорія Бланка и хлѣбъ возвращенъ въ господскія закромы. Выходить, что въ уменьшеніи доходовъ виновата не безправственность крестьянъ, а трудность найти благонадежныхъ управляющихъ, что испытываютъ теперь всѣ помѣщики. Крестьяне же, — какъ отзывался мѣстный мировой посредникъ, — не имѣютъ особенной преданности къ владѣльцу, однако не имѣютъ также противъ него особеннаго озлобленія, такъ какъ узнали его только недавно. Оказалось, что въ имѣніи г. Григорія Бланка работы производятся правильно, крестьянъ онъ обвываетъ въ безправственности, воровствѣ и проч. несправедливо, и потому орловское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе не считаетъ нужнымъ принимать какія-либо мѣры относительно его имѣнія, о чемъ положило довести до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ.

Такимъ-то образомъ еще разъ неприятно напомнилъ о себѣ по крестьянскому дѣлу знаменитый литераторъ и землевладѣлецъ г. Григорій Бланкъ.

ПО ПОВОДУ ПОСЛѢДНЕЙ ПОВѢСТИ ГРАФА Л. Н. ТОЛСТОГО
«КАЗАКИ»

(ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ «ВРЕМЕНИ».)

Лихорадочно-напряженное состояніе нашего общества всѣхъ выбиваетъ изъ колѣн, въ особенности литераторовъ. Романисты пускаются въ полемику, публицисты пишутъ романы, историки — драмы, лирическіе поэты — статьи по хозяйственной части и очень можетъ быть, что экзекуторы скоро начнутъ стихи писать. Я не критикъ, но по желанію вашему пишу и посылаю къ вамъ критическія замѣтки по поводу только-что прочитанной мною повѣсти «Казакки», соч. графа Л. Н. Толстого.

Кто не читалъ самой повѣсти, тотъ лучше сдѣлаетъ, если прочтетъ ее прежде чѣмъ станетъ читать письмо мое. Я не стану излагать содержаніе повѣсти и буду кратокъ повозможности; скажу вамъ тоже что сказалъ бы я и самому автору, еслибъ постарому увидѣлся съ нимъ и еслибъ онъ спросилъ моего мнѣнія.

Повѣсть «Казакки», есть произведеніе замѣчательнаго художника и въ тоже время не есть художественное произведеніе.

Еслибы оно было таковымъ, я не рѣшился бы взять на себя случайную роль судьи его. До уровня съ великими произведеніями искусства могутъ подниматься только великіе критики.

Еслибъ оно было таковымъ, я пришелъ бы отъ него въ такой восторгъ, что ничего бы написать не былъ въ состояніи, да и самый восторгъ постарался бы скрыть отъ глазъ литературной братіи: никто не нашолъ бы въ немъ затаеннаго чувства патриотической гордости и никто бы не повѣрилъ его искренности, — до такой степени въ наши трудные дни потребность наслаждаться искусствами заглушена иными потребностями, которые вопіютъ, и требуютъ удовлетворенія.

Напрасно сталъ бы я увѣрять, что отъ наслажденій умствен-

ныхъ точно также плодятся идеи, какъ плодятся люди отъ наслажденій чувственныхъ.

Мнѣ на это скажутъ: мы и съ тѣми-то идеями, которыя кой-какъ добыли, не знаемъ куда дѣваться, какъ провести ихъ въ жизнь и проч., и проч.

Напрасно я сталъ бы возражать, что отъ частныхъ или индивидуальныхъ идей еще далеко до идеи общей, всепокоряющей и всепроникающей, но что безъ первыхъ не будетъ и послѣдней, какъ безъ мелкихъ ручьевъ, и стоконъ не образуется ни одной большой рѣки.

Что такое идеи! скажутъ мнѣ: — идеи добываются фактами, а не вашими искусствами. Но... произведеніе искусства тотъ же фактъ, точно такъ же какъ и всякое явленіе природы и точно такъ же достойно глубокаго изученія.

Когда новое явленіе природы поражаешь естествоиспытателя, онъ наслаждается имъ или безсознательно какъ и всякій смертный, или сознательно, т.-е. изучаетъ его, находитъ ему мѣсто въ ряду другихъ явленій, старается понять значеніе его для науки или для общества... Онъ можетъ долго и добросовѣстно изучать его, но спорить съ нимъ не можетъ. Точно такое же отношеніе критика къ истинно-художественному поэтическому созданію: онъ можетъ изучать его, но спорить съ нимъ не можетъ.

Да и кого бы могъ онъ оспаривать! Если произведеніе принадлежитъ лирическому поэту, носитъ на себѣ печать его личности (субъективное произведеніе), то поэтъ уже не поэтъ, если можно его оспаривать; да и есть ли возможность оспаривать человѣка, который иронически смѣется или горько плачетъ, если только вы вѣрите въ искренность его смѣха, въ непритворность слезъ его. Тѣмъ душевнымъ настроеніямъ, которыхъ печать лежитъ на лирической поэзіи, можно сочувствовать или не сочувствовать, можно покоряться или не покоряться ихъ магическому вліянію, но не спорить; если же это поэтъ объективный, романистъ, повѣствователь, драматургъ, вы будете имѣть дѣло съ его произведеніемъ, — до личности поэта вамъ и дѣла нѣтъ. Когда Гоголь напечаталъ свою переписку съ друзьями, съ нимъ можно было спорить, соглашаться и не соглашаться съ нимъ, но когда онъ напечаталъ свою повѣсть «Шинель», отъ нея повѣяло такою жизнью, такою правдой, что изучать можно, даже находить кой-какіе недостатки можно, но есть ли возможность спорить съ такимъ произведеніемъ, въ которомъ невидать самого производителя, съ такимъ производителемъ, котораго мысль стала живымъ и яснымъ фактомъ. Промелькнула эта мысль помимо факта, и споръ возможенъ — ибо мысль о

жизни еще не жизни, мысль о смерти — не смерть. Авторъ можетъ думать одно, читатель другой; онъ можетъ стоять на одной точкѣ зрѣнія, а на другой.

Графъ Л. Н. Толстой не лирикъ и не совершенно объективный писатель; что бы онъ ни писалъ, во всѣхъ его произведеніяхъ мелькаетъ его личность, выступаетъ собственная мысль его: такъ иногда онъ самъ себя мѣшаетъ, вступывая самого себя въ свои произведенія.

Когда я читалъ повѣсть его «Казакъ», когда передо мной раскрывалась великолѣпная картина Кавказа, казацкой станицы, домашнего и воинственно-служебнаго быта казачества, я не могъ не чувствовать, что изъ-за рамы этой картины выглядываетъ самъ художникъ и учить меня какъ понимать ее. Такъ стало-быть есть такіе мѣста въ произведеніи, которыя сами по себѣ, безъ помощи художника, были бы неясны. Если есть — то картина не дорисована, не доясана и еще не имѣетъ права казаться вполне художественнымъ произведеніемъ, а если все само собой ясно, то к чему же подсказывать!

Наше время особенно богато литературными произведеніями, вызывающими на споръ.

Еслибы произведеніе графа Л. Н. Толстого не дышало такою жизнью, не было такъ поразительно свѣжо, не заключало въ себѣ такъ много правды, словомъ не носило бы на себѣ печати сильного таланта, не стоило бы и спорить съ авторомъ.

Съ нѣкими спорить трудно, потомучто поневолѣ вѣришь имъ, потомучто они стоятъ выше насъ и видятъ дальше насъ; съ нѣкими трудно спорить, потомучто большинство стоитъ за нихъ: мысль ихъ нравится молодому поколѣнію. Съ нѣкими легко, потомучто за нихъ меньшинство или болѣе или менѣе люди отстаютъ.

Трудность и легкость спора зависитъ также и отъ самаго произведенія. Жизнь, изображаемая авторомъ, стоитъ или за его убѣжденія или безпрестанно. помимо воли его, противорѣчитъ имъ.

Съ графомъ Л. Н. Толстымъ спорить и трудно, потомучто я увѣренъ, мысль его болѣе или менѣе гармонируетъ съ настроеніемъ нашего общества, и легко, потомучто въ его повѣсти сама жизнь безпрестанно споритъ съ авторомъ, противорѣчитъ его мысли, превращая ее въ какой-то парадоксъ, ничѣмъ необъясненный и ничѣмъ еще недоказанный.

Цивилизація не удовлетворяетъ насъ. Не поискать ли этого удовлетворенія въ простотѣ полудикой жизни, на лонѣ природы? вотъ задумываемая мысль, проводимая авторомъ.

Она не нова. Пушкинъ проводилъ ту же мысль въ своей поэмѣ

«Цыгане», но Пушкинъ, какъ великій художникъ, выбралъ изъ среды кочующаго племени такія идеальныя личности, что сравнительно съ образованнымъ Алеко они кажутся и человѣчнѣе, и даже глубже его въ пониманіи человѣческаго сердца. Утомленному борьбой или скучающему въ бездѣйствіи юношѣ сладко примкнуть къ такой широко-вольной, безмятежной жизни. У Пушкина мысль не расходится съ тѣми образами, которые возникаютъ у насъ въ душѣ при чтеніи его произведенія. Графъ Л. Н. Толстой остался вѣрнѣе природѣ, людямъ и будничной жизни; онъ неспособенъ что-нибудь идеализировать и вывелъ на сцену далеко не такихъ людей, съ которыми легко на долго мириться человѣку сколько-нибудь разниту. Въ той средѣ, въ которую онъ переноситъ насъ вмѣстѣ съ своимъ героемъ, Оленинымъ, тѣже условія, тѣже мелкіе расчеты, тѣже награды за подвигъ. И не только читатель, самъ герой Оленинъ колеблется: — то, при малѣйшемъ напоминаніи ему о московской жизни, чувствуетъ, что на него пахнуло той гадостью, отъ которой онъ отрекся; то въ самой станицѣ (напримѣръ въ обществѣ казачекъ, на мясинахъ у Устенки) многое находитъ дотога помылимъ и отиратительнымъ, что ему бѣжать хочется.

Повѣритъ ли послѣ этого читатель письму Оленина, въ которомъ онъ пишетъ къ своимъ на родину. *«Вы не знаете что такое счастье, что такое жизнь! Никто испытать жизнь во всей ея безыскусственной красотѣ»* и пр. Что это: минутный порывъ или фраза? Ни то ни другое не заключаетъ въ себѣ силы, насъ убѣждающей, а между тѣмъ все что говоритъ Оленинъ, вся его желчь и омерзевіе къ свѣту, къ полубразованной московской средѣ, до такой степени противорѣчитъ всей его московской жизни, всему тому что онъ чувствовалъ покидая эту жизнь, тому что самъ авторъ говоритъ о немъ въ началѣ повѣсти, что поневолѣ вообразишь, что за Оленина говоритъ самъ авторъ. Въль могъ же авторъ сладить со всѣми остальными характерами, отчего же онъ не сладилъ только съ Оленинымъ? Не оттого ли, что онъ не былъ равнодушенъ къ нему, чѣмъ ко всѣмъ остальнымъ?..

У Пушкина Алеко — сильный характеръ, и читатель нѣтъ полную возможность подозревать, отчего онъ не ужился съ обществомъ; у графа Толстого герой безъ всякой силы. Это маленький себялюбецъ, скорѣе избалованный жизнью, чѣмъ огорченный ея противорѣчіями, маленький Гамлетикъ, способный только на минутныя увлеченія. Отъ чего бы кажется ему бѣжать? Отъ самого себя? Но отъ себя убѣжать рѣшительно некуда. Куда ни явля, вездѣ будешь чужой. Авторъ, великій аналитикъ и тонкій психологъ, не довольно проникъ въ радости и страданія своего Оленина

и не дорисовалъ его. Онъ ниразу не отнесся къ нему съ провісіей, ниразу не выдвинулъ на свѣтъ главную черту его характера. Это безпрестанный надзоръ его за собою ради страшнаго самолюбія и самообереганія; авторъ щадитъ его, какъ отецъ щадитъ ребенка, щадитъ, имѣя въ рукахъ своихъ тончайшее изъ орудій — анализъ.

Пушкинъ казнить своего Алеко; графъ Толстой также хотѣлъ казнить своего героя, но не договорилъ послѣдняго слова. Договорить его онъ бы не рѣшился, ибо повредилъ бы не только герою, но и къ собственной мысли своей сталъ бы въ противорѣчіе.

Еслибы Алеко ужился между идеальными пушкинскими цыганами, онъ могъ бы еще быть счастливъ; онъ самъ нарушилъ это счастье, самъ убилъ свою свободу нарушая свободу другихъ. Но что стало бы съ Оленинымъ, еслибъ онъ женился на казачкѣ Маріанѣ, какую роль сталъ бы онъ играть между казаками? Что бы сталъ дѣлать всю жизнь, еслибъ его не убили абреки? Ревновать къ жемъ, ходить на охоту или отъ скуки пьянствовать?

Авторъ хотѣлъ казнить героя своего за то только, что онъ не родился въ станицѣ, за то, что у него ничего съ казаками нѣтъ общаго, за то, что онъ не можетъ равнодушно убивать абрековъ, воровать погайскихъ коней, лазить въ окошки къ дѣвкамъ и цѣловать ихъ не думая что онъ и зачѣмъ онъ? Словомъ авторъ казнить его не за какое-либо преступленіе противъ свободы, какъ казнить Пушкинъ своего Алеко, а просто за то только, что онъ развѣтилъ казаконъ. Но казня своего героя авторъ въ сущности спасаетъ его отъ той несвойственной ему животной жизни, которая бы досталась ему на долю, еслибъ онъ остался между казаками мужемъ *перобытнкой женщины*. Авторъ какъ кажется даже и не подозреваетъ, что холодность Маріаны спасла его Оленина.

Все что нашолъ Оленинъ истинно прекраснаго въ станицѣ, все это есть и въ средѣ образованной: красота есть; свободолюбивыя, никакихъ условій не признающія, безкорыстныя дѣвушки — есть; хорошія трудолюбивыя хозяйки, создающія довольство — также есть. Людей ничего не признающихъ кромѣ страстей своихъ, людей непокоряющихся никакимъ свѣтскимъ условіямъ — также можно найти. Нашлись бы и такіе, которые никогда не гордились и не гордятся своимъ знакомствомъ съ аристократами и не чувствуютъ, подобно Оленину, на малѣйшаго удовольствія, когда подходитъ къ нимъ на балѣ кланъ *Серилій* и говоритъ ласковыя рѣчи.

Оленинъ далеко не представитель лучшихъ людей нашего времени. Онъ человѣкъ явво отживающаго поколѣнія, нѣчто вродѣ

блѣднаго отраженія лучшихъ людей пушкинской эпохи. Наши переловые люди, вставая на все что есть ложно и гнило въ нашей цивилизаціи, не пойдутъ наслаждаться на лѣнѣ природы или искать отралы у дикихъ. Они лучше, подражая графу Льву Николаевичу Толстому, будутъ учить крестьянскихъ мальчишекъ, чѣмъ гоняться за какимъ-то счастьемъ въ всякой цивилизаціи.

Въ нашей цивилизаціи много гнили, потому что гниеть въ ней все отживающее, все ненужное живому, общественному организму, все привитое и ему несвойственное; въ этомъ смыслѣ — чѣмъ больше гнили, тѣмъ лучше. Догнивающее отпадаетъ, замѣняясь новыми свѣжими элементами жизни. Мы навозъ, уваживающій почву для другихъ поколѣній, — говорилъ когда-то Бѣлинскій, и не приходилъ отъ этого въ отчаянье. Онъ не бѣжалъ отъ гнили ради эстетическаго самосохраненія, а врывался въ нее, нарушалъ покой ея, обладавъ ее струями свѣжаго развѣдающаго воздуха, заставлялъ ее еще больше гнить, чтобъ все видѣли, что это гниль, и вѣроятно онъ горился тѣмъ, что могъ на нее указывать, не меньше Лукашки, которому завидовали оттого, что ему удалось подстрѣлить Абрека.

Больная мысль человѣка, разбитаго жизнью, конечно очень мелко можетъ иногда пожелать той среды, гдѣ она надышется на свое выздоровленіе, той среды, гдѣ по словамъ автора повѣсти — *люди живутъ какъ живетъ природа, умираютъ, рождаются, совокупляются, опять рождаются, дерутся, пьютъ, ѣдятъ, радуются и опять умираютъ*, той среды, гдѣ *нѣтъ никакихъ условій, исключая тѣхъ неизмѣнныхъ, которыя положила природа солнцу, травѣ, зѣбрю, дереву.*

Но едвали такая жизнь дастъ полное успокоеніе развѣ пробужденной, хоть и больной мысли. Живуча эта больная мысль! Если иногда и желаетъ она *бѣжать*, то развѣ потому только, что боится здоровой мысли, чувствуетъ, что не въ силахъ догнать ее и заодно съ нею дѣйствовать.

Въ ту жизнь, которую рисуетъ въ немногихъ словахъ графъ Л. Н. Толстой, и я бы охотно *на время* погрузился, для того, чтобы окрѣпнуть физически и опять воротиться на борьбу съ гнилью на сколько силъ хватить.

Я былъ также на Кавказѣ, также испыталъ на себѣ страсть къ полулицкой женщинѣ, также наслаждался природой, и несмотря на это, — когда покидалъ Кавказъ, — писалъ съ искреннимъ душевлеченіемъ:

И душа на просторъ вырывается
Изъ-подъ власти кавказскихъ громадъ

.....
 Душу, къ битвамъ житейскимъ готовую,
 Я за снѣжный несущу переваль, и проч.

Я, какъ видите, не разбираю критически самой повѣсти, ни слова не сказалъ вамъ о лучшихъ сторонахъ ея, — ихъ оцѣняютъ всѣ, не только горячіе поклонники таланта Л. Н. Толстого, но и люди къ нему совершенно равнодушные. Красоты этого произведенія перевѣшиваютъ его недостатки; отъ всего рассказа вѣетъ кавказскимъ воздухомъ. Это неподдѣльный, неподкрашенный, неромантическій Кавказъ, съ романтическими героями. Каждый штрихъ, рисующій тамошнюю природу, вѣренъ, а казаки? Лукашка, дядя Ерощка, хорунжій! Да вы непременно ихъ сами встрѣчали, если только когда-нибудь ломали походы тамъ, гдѣ

По камнямъ струится Терекъ,
 Щещетъ мутный валъ...

или вы непременно ихъ встрѣтите, если туда поѣдете. Женскія лица также мастерски очерчены, въ особенности Маріана. Я какъ-то въ молодости самъ проѣзжалъ станицы и знакомился проѣздомъ съ казачками, и Маріаны и Устенъки еще до-сихъ-поръ смутно мелькаютъ въ моемъ воображеніи. Ихъ образы стали для меня яснѣе послѣ прочтенія повѣсти Л. Н. Толстого.

Мнѣ остается сдѣлать одно или два замѣчанія, иначе я увлекусь, и начну хвалить повѣсть... изъ благодарности къ тому, кто волшебствомъ пера своего перенесъ меня на Кавказъ, и затронулъ мои воспоминанія

Что прошло, то стало мило.

Первое замѣчаніе. Лучшіе эпизоды повѣсти «Казаки», а именно тотъ, гдѣ казакъ Лукашка застрѣливаетъ ночью переплывающаго черезъ Терекъ абрека; тотъ, гдѣ является братъ убитаго за его тѣломъ, и тотъ, гдѣ наконецъ братъ этотъ является съ другими абреками мстить за смерть убитаго, погибаетъ и подстрѣливаетъ Лукашку — эти три эпизода составляютъ почти отдѣльную повѣсть; читая ихъ, забываешь и Оленина и всѣ остальные части. Эти эпизоды — повѣсть въ повѣсти. Такая сложность разбиваетъ, двойтъ вниманіе читателя.

Второе замѣчаніе. Авторъ не довольно выясняетъ враждебное отношеніе казаковъ ко всѣмъ, кто не казакъ. Откуда эта скрытая неприязнь даже къ своимъ защитникамъ? отъ религіозныхъ или иныхъ причинъ? Вообще, въ чемъ главная «суть» ихъ раскола, въ чемъ заключается та сила, которая связываетъ ихъ въ такое брат-

ство. Всего этого не видимъ изъ повѣсти; несмотря на то, что авторъ, обнаруживая наблюдательность и близкое знакомство съ тѣмъ краемъ, который взялся описывать, вдаетъ въ длинныя, этнографическія, почти научныя подробности. Вообще весь рассказъ изобилуетъ тѣми мелочами, изъ которыхъ каждая сама по себѣ — прелесть, но совокупность которыхъ, какъ излишнее богатство, по временамъ утомляетъ нетерпѣливаго читателя.

Вотъ все что могу сказать вамъ по поводу новой повѣсти; все это мое личное мнѣніе. Кто докажетъ мнѣ, что я въ чемъ-нибудь ошибся, тому я мысленно скажу спасибо.

Я. ПОЛОНСКІЙ

СКАЗАНИЕ О «ДУРАКОВОЙ ПЛЪШИ»

(пововоду распри «Современника» съ «Ясной Поляной»)

По Сенькѣ и шапка.

Нѣтъ! не способенъ я въ столь роковое время
Поворить гражданина санъ
И подражать тебѣ, извѣженное племя
Переродившихся славянь!...

К. Р.

(изъ старыхъ студентскихъ тетрадокъ).

Едва я успѣлъ заявить во «Времени» (Февраль № 2), что наша «живая струя» не совсѣмъ жива въ отношеніи къ вопросамъ о воспитаніи, какъ и въ «Современникѣ» являются въ январско-февральской книгѣ разомъ двѣ педагогическихъ статьи. Эти статьи имѣютъ претензію толковать и о чемъ-то иномъ, кромѣ знаменитаго вопроса «сѣчь или не сѣчь», постоянно торчавшаго незамѣчаемымъ бревномъ въ глазу «современныхъ» публицистовъ. Извѣстно было уже издавна, что «Современникъ» ко всему относится отрицательно; но въ былое время онъ по крайней-мѣрѣ ничего не проповѣдывалъ положительнаго, и это было опорю, даже основою его славы. Но, другія времена, другія нравы, — теперь «Современникъ» съ своею новою редакціей, хотя и очень недавно, но зато энергически, сталъ проповѣдывать и положительное ученіе. Это показалось мнѣ тѣмъ интереснѣе, что вѣдь вообще говоря, «Современникъ» втихомолку считалъ насъ съ вами, читатель, за совершенныхъ пѣшекъ, а въ первой книгѣ даже и положительно высказалъ, что мы съ вами (т.-е. люди, сочувствующіе и «по силѣ-мочи» содѣйствующіе прогрессу только не по мыслямъ и по инициативѣ «Современника», а вслѣдствіе внутренняго непреодолимаго побужденія) не кто иные, какъ люди изъ «Дуракова болота лѣзущіе на Дуракову

плѣшь» (зри фельетонъ первой книги «Современника»: *Наша общественная жизнь*).

Я давно уже подозрѣвалъ, что «Современникъ» добрался до этой «плѣши», честь открытія которой принадлежитъ ему одному въ литературѣ. Когда же я прочелъ двѣ педагогическія статьи въ его первой книгѣ, подозрѣнія мои оправдались на дѣлѣ. Одна изъ нихъ, статья г. Слѣпцова: «Педагогическія бесѣды» до того ерунда («съ различными помѣсями» (часто-повторяемое, хотя и безсмысленное выраженіе этой статьи), что нѣтъ ни малѣйшей возможности добиться въ ней никакого смысла, даже и такого, который вовсе не касался бы педагогій (хотя педагогія, судя по заглавію, должна бы собственно быть на первомъ планѣ). Все это ео ipso служитъ несомнѣннымъ указаніемъ на климатическія и другія «матеріальныя» условія мѣстности, на которой происходятъ засѣданія «Современника», обсуждающаго статьи, подлежащія печати, указаніемъ, по которому можно безошибочно угадать эту мѣстность и доказать, что она не иная какая, а именно Дуракова плѣшь. Статейка сама по себѣ не стоитъ ни малѣйшей рецензій: это какой-то странный, несвязный бредъ г. Слѣпцова, это какой-то чудовищный, неуклюжій

Плодъ души его больной.

Иль плѣнной мысли раздраженья.

Она не заслуживаетъ, собственно говоря, даже и этого простого упоминанія, да только нельзя было не сказать о ней въ виду другой статьи, которая принадлежитъ повидимому совокунному творчеству редакціи (подъ этой другой статьей ни имени автора не подписано, ни псевдонима), а между тѣмъ не богъ-знаетъ какъ далеко ушла она отъ статьи г. Слѣпцова. Эта другая статья: «Наша толка о народномъ воспитаніи». Мы охотно оставили бы и се пребывать во мракѣ неизвѣстности, полагая, что въ такомъ мракѣ остаются всѣ статейки, неосвѣщенные критикой; но... «въ ней находятся такія обскурантныя вещи, которыя можетъ-быть даже опасно оставить безъ нѣкотораго разъясненія въ настоящую минуту. Онѣ могутъ ввести въ заблужденіе довѣрчиваго читателя и притомъ имъ данъ такой оборотъ...» какъ говоритъ эта статья о графѣ Л. Н. Толстомъ. Эти «вещи» таковы, что противъ нихъ нельзя не вопіять, — и вотъ мы рѣшаемся поразсмотрѣть менѣе отвратительную статейку съ тѣмъ, чтобы слѣдя ея шагъ за шагомъ (какъ въ этой статейкѣ дѣлаютъ со статьею Толстого) по дорогѣ показать «Современнику», что онъ 1) *не умѣетъ мыслить*, потому что кто умѣетъ мыслить самъ, тотъ умѣетъ понимать и мысли другихъ, какъ бы неявно онѣ ни были выражены; 2) *не умѣетъ понимать*, потому

что ветолько не понимает Толстого и всѣхъ вообще лицъ, составляющихъ по его мнѣнію какую-то странную «школу народнаго и національнаго мистицизма», но не умѣетъ понимать и тѣ книжки, которыя рекомендуетъ встрѣчному и поперечному; 3) *проповѣдуетъ ужасающія нелпности*, чисто-ретроградныя, далеко не гуманныя и всего менѣе согласныя съ тѣми идеями, въ силу которыхъ такъ сильно было его прежнее отрицаніе. Проповѣдуя о пользѣ экзаменовъ, о пользѣ нынѣшнихъ университетовъ, неудовлетворяющихъ потребностямъ молодого поколѣнія, о пользѣ системнаго изученія общипзанныхъ наукъ и безсистемнаго изученія знаменитыхъ книжекъ, «Современникъ» ведетъ въ Китай, прямо въ современный Китай; потому что опровергая мнѣнія Толстого и доказывая истинность и непреложность своихъ мнѣній тѣмъ, что сравниваетъ его съ г. Аскоченскимъ и бьетъ его упреками въ стародурствѣ и обскурантизмѣ, «Современникъ» ведетъ читателей въ держимордство... Эти три признака служатъ несомнѣннымъ признаками пребыванія его на Дураковой плѣши и вотъ почему эту статейку мы называли «Сказаніемъ о Дураковой плѣши». Правы ли мы — пусть судятъ читатели.

Первыя страницы статьи «Наши толки о народномъ воспитаніи» посвящены насмѣлкѣ, далеко впрочемъ не ядовитой, и глумленью надъ народнымъ элементомъ въ литературѣ. Здѣсь главное заключается въ томъ, что будто бы люди, имѣющіе въ виду народъ, постоянно стремящіеся къ соединенію съ нимъ и другихъ зовущіе къ сближенію, люди съ этой цѣлью изучающіе народъ и его стремленія, будто-бы эти люди ничего народнаго не сказали, а пробавляются однимъ фразерствомъ, будто бы эти люди составляютъ одну «школу народнаго и національнаго мистицизма». Отказавшись отъ философіи, «Современникъ» забылъ надлежащее употребленіе словъ, и это не диво; гораздо страннѣе то, что онъ не понимаетъ, что во всемъ его краснорѣчіи только однѣ фразы и фразы, что онъ смѣшиваетъ самыя несходныя вещи.

• Этотъ мистицизмъ народности имѣетъ множество оттѣнковъ, начиная отъ незамысловатаго кваснаго патріотизма и ношенія національной (т.-е. кучерской) поддевки (¹) до туманной философіи Кирѣевского, до

(¹) Замѣйте гг «Современникъ», что поддевку носятъ только тѣ жалкіе цивилизаторы, эмансипаторы и т. п. яторы и фразоры, которые собрались просвѣщать народъ европейской цивилизаціей: народъ зоветъ ихъ «ряженными» осмѣиваетъ и знаетъ не хочетъ, не безъ вѣроятности полагая, что къ нимъ-то и относятся: придутъ пастыріе во одеждѣ овчей, внутрь — удуже суть волци хищные. Порядочные люди не гнушаются ни кучерской поддевкой, ни зипуномъ, но *ходятъ сами въ немецкой одеждѣ*, зато и народъ не гнушается ими. авт.

проповѣди о дондѣ и посылбѣ западной цивилизаціи, до фаворитъ М. П. Погодина, до международныхъ понятій «Дня», и пожалуй до художественно поэтическихъ обличеній нигилизма» (стр. 21).

Къ числу «оттѣнковъ» этого мистицизма принадлежитъ видѣн- ли и Толстой.

•Графъ («Современникъ» *находитъ этотъ титулъ непременно нужнымъ*) Толстой также врагъ всякаго дигилизма и также собирается защищать отъ чего-то народъ; «Современникъ» не могъ впрочемъ понять хорошенько (*вотъ въ томъ-то и дѣло*) отъ чего, потомучто самъ графъ Толстой выражается объ этомъ неопредѣленно: сначала говорить, что народъ желаетъ образованія; потомъ, что онъ противодѣйствуетъ въ этомъ обществу и т. п.» (стр. 22).

Статья Толстого совершенно удобопонятна; Толстой нѣтъ всегда, такъ и въ этой статьѣ («Воспитаніе и образованіе», июль «Ясной Поляны» 1862), является дѣйствительно врагомъ всякаго нигилизма, т. е. ничтожества, пустозовства и тому подобныхъ современныхъ добродѣтелей, а собирается онъ защищать народъ отъ всякаго деспотизма, откуда бы тотъ ни пошелъ. «Современникъ» вѣроятно такъ его и понималъ, но не сознается въ этомъ, потомучто признаетъ деспотизмъ умѣреннымъ и законнымъ въ нѣкоторыхъ, конечно особенныхъ случаяхъ, до объясненія которыхъ онъ еще не дочитался въ своихъ книжкахъ. Говоритъ объ этомъ Толстой совершенно ясно и опредѣленно, а только не полно, потомучто защищать народъ отъ деспотизма семьи, религіи и правительства считаетъ не нужнымъ.

•Въ наукѣ и литературѣ встрѣчаются постоянно нападки на насиліе воспитанія семейнаго... встрѣчаются нападки на религиозное воспитаніе... встрѣчаются нападки на воспитаніе чиновниковъ, офицеровъ... Но на образованіе общественное не слышно нападокъ» (июль «Я. П.», стр. 15).

На него-то и нападаетъ Толстой. Это вещь всѣмъ и каждому извѣстная и которія только «Современнику» кажутся новыми, потомучто онъ дальше своихъ любезныхъ книжекъ не пошелъ. Толстой и сначала говорить, что народъ жаждетъ образованія, и въ срединѣ, и въ концѣ, а противодѣйствуетъ народъ обществу, по его мнѣнію не «въ этомъ», какъ говорить «Современникъ», а «въ томъ, что ему то отцы, то попы, то чиновники, то агитаторы навязываютъ воспитаніе, а образованія, въ которомъ онъ нуждается, никто не даетъ; что его душатъ иностранной цивилизаціей, тогда какъ у него *есть своя*; что его хотятъ водить на помочахъ, тогда

какъ онъ самъ умѣетъ и стоять и ходить на собственныхъ ногахъ. Напрасно «Современникъ» говорить, что Толстой во имя народа отвергаетъ воскресныя школы и университеты, которые (и тѣ, и другіе) «добровольно» посѣщались сотнями слушателей: ничего подобнаго Толстой не говоритъ. Напротивъ онъ видитъ въ этихъ фактахъ «добровольнаго» посѣщенія то, что народъ жаждетъ образованія, что онъ безъ него жить не можетъ и непременно, какъ свѣжаго воздуха, будетъ искать его, дай ему только волю. Отвергаетъ Толстой тѣ школы, тѣ университеты, которые не «добровольно», а поневолѣ посѣщаются за немѣнимъ лучшихъ. «Все это узко, ограниченно, уродливо, по мнѣнію графа Толстого (стр. 22 совок. Совр.)» потому что все это дѣйствительно узко, такъ какъ голаяку легче черезъ угольное ушко пролѣзть, чѣмъ въ университетъ попасть, — ограниченно, такъ какъ тамъ и пріемъ студентовъ, и число предметовъ, и курсы наукъ, и пользованіе учебными пособіями, словомъ все ограничено, — уродливо, такъ какъ развивается тамъ все ненормально, неестественно, черезъ пень-колоду, а не

потому что все это или устроено безъ вѣдома народа (поймите, что Толстой изъ за того и шлопочетъ, чтобы это не было устроено съ чьей-нибудь вѣдома, а устроилось бы само собою), или на иностранные образцы (Толстой напротивъ въ насмѣшку называетъ мудрецами тѣхъ, кто устроилъ первый университетъ: наши аматеры цивилизаціи вовсе не выкинули въ сущность европейскіе университеты, да и теперь не выкаютъ; онъ впрочемъ дѣйствительно съ презрѣніемъ относится къ тѣмъ иностраннымъ университетамъ, которые устроены по системѣ нашихъ. «Университеты только наши, но и во всей Европѣ, какъ скоро не совершенно свободны, не имѣютъ другою основанія, какъ произволъ, и столь же уродливы, какъ монастырскія школы» іюль, «Я. П.», стр. 13—14) или основано на принужденіи и деспотизмѣ школы (вотъ это только и правда) (напримѣръ воскресныя школы? или университетъ, посѣщаемый огромной массой посторонней публики?) стран. 22 совок. Совр.)

замѣчаетъ «Современникъ» въ скобкахъ. Да полно вамъ! Не противъ этого вопіетъ Толстой: развѣ не говоритъ онъ, что онъ не разъ защищалъ костомаровскій проектъ университета? развѣ въ заключеніе не объясняетъ онъ, что все дѣло образованія должно вестись на манеръ публичныхъ лекцій? Онъ противъ любезныхъ вамъ (см. стр. 36 совок. Совр.) экзаменовъ, матрикулъ, чиновныхъ привилегій и т. п. прелестей. Если онъ смѣется надъ воскресными школами, такъ онъ смѣется надъ ними въ другой статьѣ, и притомъ совершенно за дѣло: онъ смѣется надъ тѣмъ, что туда ходили pouchать народъ люди безтолковые, увлекшіеся модой и представляеть

примѣръ дѣйствительно смѣшной оригинальности, именно барыню, которая, рассказывая о посѣщеніи Авраама тремя странниками, *кстати* заговорила о желѣзныхъ дорогахъ. Такъ вѣдь это дѣйствительно забавная дичь и точно также мало относится къ воскресной школѣ, какъ мало относился бы къ вашимъ любезнымъ книжкамъ смѣхъ надъ человѣкомъ, который объясняя, положимъ хоть по Молешту, что въ мозгу есть сѣра и фосфоръ, заговорилъ бы кстати о производствѣ зажигательныхъ спичекъ. Не воскресныя школы бранить Толстой въ этой статьѣ, а неумѣлость барыни; точно также и говоря про университеты, не студентовъ бранить Толстой, а неумѣлость профессоровъ, неразвитость среды, въ которой обращаются студенты, нераціонность устава университетскаго (и стараго, и новаго, вѣдь всѣ эти уставы по его мнѣнію на одну статью) и т. д. Напрасно вы (стр. 39 Соврем.) клеветаете, будто Толстой «съ сосредоточенной злобой нападаетъ на все что есть у насъ свѣжаго», т. е. на молодое поколѣніе; онъ никогда и не думалъ нападать на него, напротивъ всѣ его симпатіи на сторонѣ молодого поколѣнія, да и оно очень хорошо это знаетъ и симпатизируетъ съ нимъ, что отчасти видно и изъ того, что обружающіе Толстого педагоги — исключительно молодые люди.

Вы говорите, что Толстой пишетъ такъ, что его и понять нельзя: вы его обзываете стародуромъ, обскурантомъ и т. п. Да «кто еси ты судяй чуждому рабу?» Ужь не профессоръ ли вы полно, что такъ милы вамъ университеты?.. Поймите же, что вы-то и есть «новодуры», не умѣющіе трехъ словъ связать не укравши, не понадергавши ихъ изъ книжекъ, вы-то и есть «обскуранты», неумѣющіе трехъ понятій связать, не жизненныхъ, куда вамъ, вы поди-ка и о существованіи такихъ не знаете, а не умѣющіе связать трехъ понятій, понадерганныхъ вами же изъ вашихъ же книжекъ. Вотъ хоть тутъ: изобрѣли вы какую-то «школу народнаго и національнаго мистицизма» (что за бессмыслица, Создатель!) съ оттѣнками отъ кваснаго патриотизма и дамбе; вы забраковали буквально всѣхъ, имѣющихъ въ виду народность и національность. Кто же вы? космополиты? Да понимаете ли вы что такое европейскій космополитъ? Понимаете ли вы, что космополитъ-нѣмецъ стремится всѣхъ сдѣлать нѣмцами, космополитъ-французъ стремится сдѣлать всѣхъ французами, космополитъ-англичанинъ стремится сдѣлать всѣхъ англичанами и т. д. и т. д.? Вѣдь это только одни ублюдки европейской цивилизаціи и татаровизантійскаго развитія стремятся изъ русскихъ сдѣлаться нерусскими. Знаете ли вы что такое національность и народность? Знаете ли вы что такое тѣ «общія причины», которыя порождаютъ и разви-

вають народный духъ или (можетъ-быть вамъ понятіе будетъ.) народный гевій? Знаете ли какъ силенъ ими этотъ народный духъ? Нѣтъ? Такъ возьмите въ зубы вамъ же рекомендуемаго Бокля и раскусите хоть слѣдующія мѣста (стр. 186, февраль «Времени», Бокля: «Исторія умственнаго развитія въ Испаніи») (1).

• Внизу подъ этой поверхностью работали, далекая отъ всякихъ политическихъ лекарствъ, великія общія причины (2), дѣйствующія уже многія столѣтія и увѣренныя, что раньше или позже онѣ *принудятъ* политиковъ идти *по своимъ слѣдамъ*, принять политику, согласную *преданіямъ* страны и сообразоваться съ обстоятельствами, подъ вліяніемъ которыхъ составились эти преданія»; стр. 189: «Такимъ образомъ общія причины рѣшительно торжествовали надъ *каждымъ* препятствіемъ. Если разсматривать ихъ дѣйствіе за долгій періодъ времени, то среднее ихъ дѣйствіе *неодолимо* (слышите ли?)».

Противъ нихъ, вопреки имъ дѣйствовать нельзя; тутъ не поможетъ ни протекціонный духъ, проповѣдуемый вами и на языкѣ Бокля называемый «великимъ врагомъ цивилизаціи», ни даже свобода.

• Обстоятельства, заставившія дать муниципальныя привилегіи, изменились, а потому и привилегіи стали исчезать. *Не исходя изъ народныхъ привычекъ, онѣ погибли при первомъ случаѣ (понятно вамъ?)* (стр. 189).

Людей дѣйствительно либеральныхъ и прогрессивныхъ, но проводившихъ *свои* идеи, не обращая вниманія на эти общія причины, и порожденный ими народный духъ, онъ осуждаетъ: «ихъ дѣйствія были ошибочны и близоруки (стр. 177)», «не вѣдалась отъ безумія (*уразумѣли вы?*) либеральная партія» и т. д. Тутъ не поможетъ и насильственное воспитаніе, проповѣдуемое вами. Вспомните что говоритъ онъ о Карлѣ III:

• Онъ ввелъ насколько былъ въ состояніи новую жизнь въ старыя университеты и сдѣлалъ все возможное для возстановленія наукъ и репутаціи университетовъ. Онъ основывалъ школы, увеличивалъ средства гимназій, награждалъ профессоровъ и жаловалъ пенсіоны. Въ подобныхъ дѣлахъ его щедрость казалась неистощимой. Въ 1771 г. было признано, какъ установленный принципъ правительства, что изъ всѣхъ вѣтвей

(1) Я взялъ первую попавшуюся статью Бокля, но... *таковъ онъ весь.*
авт.

(2) Подъ общими причинами Бокль разумѣетъ климатическія условія и историческія событія; Льюизъ прибавилъ бы наследственность организма.
авт.

государственного управления забота о воспитаніи есть самая важнѣйшая (*не новости же однако вы, и. «Современникъ», проповѣдуете!*) (стр. 180). но: «когда онъ умеръ, страна опять впала въ свое прежнее бездѣйствіе и стало ясно видно, что эти великія дѣла были не національныя, а политическія, другими словами — онѣ были одолжены своимъ совершеніемъ единственно дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, самыя ревностныя усилія которыхъ *становятся ничѣмъ*, если имъ противодействуютъ общія причины (*убыдильсь?*). Часто бываетъ трудно усмотрѣть эти причины, но даже сильнѣйшіе изъ насъ, къ великой своей досадѣ, должны оказывать имъ безусловную покорность (стр. 183)».

Противодействовать можно только распространеніемъ чистаго знанія, чистой науки, неоскверненной прикосновеніемъ теоретиковъ:

• Пока наука съ ея смѣлымъ, изслѣдовательнымъ духомъ не утвердитъ свое право дѣлать *всюю* изслѣдованія согласно *своимъ собственнымъ* методамъ (*значить въ всякой теоріи*), мы можемъ быть увѣрены, что въ Испаніи *ни литература, ни университеты (а вотъ тутъ наука, подчиненная теоріи, тутъ воспитаніе насильственное)*, ни законодатели, ни реформаторы всякаго рода, никто и ничто не въ состояніи будетъ освободить народъ отъ того безнадежнаго и омраченнаго состоянія, въ которое онъ ввергнуть ходомъ событій (стр. 192)».

Вы хотите пересадить къ намъ европейскую цивилизацію?

• Наперекоръ усиліямъ послѣдовательныхъ правительствъ, наперекоръ вліянію иностранныхъ нравовъ, наперекоръ тѣмъ естественнымъ улучшеніямъ, которыя измѣняютъ положеніе обществъ и которыхъ испанцы неспособны были принять, наперекоръ всему этому въ Испаніи нѣтъ и признака національнаго прогресса (стр. 198)».

Появля ли вы? Не думаете ли вы, что ученіе Толстого противорѣчитъ ученію Бокля? Такъ слушайте:

• Школа должна имѣть одну цѣль: передачу свѣдѣній, знанія (*instruction*), не пытаясь переходить въ нравственную область *убѣжденій, вѣрованій и характера*; цѣль ея должна быть одна — *наука*... Школа не должна считать ни одну науку, ни цѣлый сводъ наукъ необходимыми, а должна передавать тѣ знанія, которыми владеетъ, предоставляя учащимся право воспринимать или не воспринимать ихъ; мы вѣримъ, что они знаютъ что имъ нужно, и для насъ достаточно труда угадать ихъ потребность и только отвѣчать на нее (стр. 40, 41; Июль Я. П.). Хочешь наукой воспитать ученика, люби свою науку и знай ее, и ученики полюбятъ и тебя, и науку, и ты воспитаешь ихъ, но самъ не любишь ее, то сколько бы ты ни заставлялъ учить, наука не произведетъ воспитательнаго вліянія (стр. 43, тамъ же)».

Слѣдовательно историкъ и педагогъ принадлежать къ одной и той же школѣ: историкъ указалъ зло и средство противъ него; педагогъ старается о примѣненіи этого средства для достиженія общей имъ цѣли и оба на пути своемъ натываются, какъ на пень-колоду, на вась и подобныхъ вась либераловъ.

Выписавъ содержаніе первыхъ страницъ статьи Толстого «Воспитаніе и образованіе», «Современникъ» просто напросто начинаетъ ругать его, вмѣсто того, чтобы опровергать его мнѣнія, да къ этому еще прибавляетъ: мы-де этимъ бы и покончили, да вотъ, глупый вы народъ читатели, примите пожалуй его статью за постановку вопроса. Будьте увѣрены, гг. «Современникъ» (умный вы народъ!), что это, какъ и слѣдуетъ, всѣ примутъ за рѣшеніе вопроса и только сдѣлаютъ въ немъ нѣкоторыя поправки. Вопросъ совершенно общій: имѣетъ ли право одинъ человекъ обдѣлывать другого по образу и по подобию своему? и отвѣтъ понятенъ: нѣтъ; доказательство прямое, никто и ничто не дастъ ему этого права; доказательство отъ противнаго — никто не можетъ отнять тогда это право ото всякаго, даже и отъ мошенника. Чтоже тутъ обскурантнаго? Кому же въ настоящее время ново возставать противъ права насилія въ воспитаніи?

Вы говорите что у Толстого высказывается въ этой статьѣ

«незнаніе современной педагогической науки и таже вражда къ новымъ попыткамъ нашего общества, какая вообще свойственна нашей національно-мистической школѣ (стр. 25, совок. «Современникъ»).»

Позвольте оговориться: здѣсь ничего подобнаго не высказывается. *Вопервыхъ* Толстой своимъ положеніемъ не современную или довременную педагогическую науку отвергаетъ, а вообще всякую, которая имѣетъ въ виду насильно сдѣлать изъ человека то что ей вздумается, даже болѣе: не науку только о воспитаніи онъ отвергаетъ, а самое воспитаніе. *Восторыхъ* въ этомъ же отношеніи онъ становится въ оборонительное положеніе и къ обществу, и притомъ не къ одному только образованному обществу, а и къ массѣ народной: онъ точно также говоритъ противъ совѣтовъ, даваемыхъ крестьянами, точно также вооружается противъ предразсудковъ о воспитаніи, господствующихъ въ ихъ массѣ, какъ говорить и вооружается противъ совѣтовъ и предразсудковъ образованнаго общества. Съ первымъ положеніемъ о неужности воспитанія мы не согласны, потомучто этотъ вопросъ поставленъ неправильно: не въ томъ дѣло, нужно или не нужно воспитаніе, а въ томъ, что оно есть, что отъ него отбиться нельзя, что самъ Толстой, самъ того не замѣчая, воспитываетъ своихъ учениковъ и

прекрасно воспитываетъ. Во второмъ случаѣ мы совершенно согласны съ Толстымъ : мы тоже какъ и онъ возстаемъ противъ всякаго насилія въ воспитаніи, откуда бы оно ни шло, противъ всякаго вмѣшательства школы въ формированіе вѣрованій, убѣжденій и характера учащихся. Не довольно либерально чтоли это по вашему? Правда, Толстой никогда не дойдетъ въ либерализмъ напрямъ до почтеннаго г. Н. Щедрина (М. Е. Салтыкова), этого замѣчательнаго вигиланта de lendemain, но и то сказать — г. Щедрина неопитъ и каждому понятна его ревность. Всякому свое. А теперь позвольте слушать васъ дальше.

Вамъ угодно было вступить за нѣмецкую педагогію, но какъ? Вы просто наговорили громкихъ, ни къ чему не ведущихъ фразъ, а именно, что педагогія наука незакопченна, что она въ связѣ съ обстоятельствами жизни общества, что въ ней есть свои ретрограды и верхоглядья; извините, вы сказали «передовые люди» и т. п., пожалѣли, что Толстой на книжки ни на какія не ссылается (а выто на основаніи какихъ книжекъ толкуете? Вѣдь у васъ ни одной цитаты, ни одной нѣтъ), да тутъ же (вотъ кстати-то!) замѣтили, что Толстой о Песталоцци «высокомѣрно» отзывался :

• Песталоцци человекъ, скорѣе угадывавшій сердцемъ, чѣмъ открывавшій научными путями новую дорогу воспитанія; человекъ, давшій только мысль для дальнѣйшаго развитія и окончательно имѣющій теперь одно историческое значеніе (стр. 26, «Современникъ»), говоритъ вы.

Что за пустая фраза! Перечтите же что сказалъ Толстой и вы убѣдитесь, что онъ несравненно больше вашего знакомъ съ тѣмъ, о чемъ вы говорите зря, съ его же словъ (Августъ. Я. П., стр. 28):

• Чтоже такое Песталоцци и знаменитая система, которой столько злоупотребляютъ въ наше время? Песталоцци никогда не былъ теоретикомъ, никогда не былъ философомъ и не оставилъ намъ никакой системы педагогіи. Когда я только начиналъ заниматься педагогіей, имя Песталоцци и ссылки на его мнимую теорію ввели меня въ то же заблужденіе, въ какое и теперь вводится большинство публики. Перечитавши все что написалъ Песталоцци и что объ немъ было писано, я убѣдился, что Песталоцци никогда не былъ философомъ, не положилъ никакихъ новыхъ основаній въ такъ-называемую науку воспитанія. Песталоцци вовсе не былъ философомъ какъ Руссо, Кантъ и Шеллингъ, онъ былъ только хорошій учитель. Если ужъ непремѣнно отыскивать заслугу Песталоцци въ философіи педагогіи, то заслуга эта будетъ состоять въ дальнѣйшемъ развитіи и примѣненіи мысли Руссо — свободы и самостоятельности въ воспитаніи. Простая мысль эта, разбросанная по разнымъ мелкимъ сочиненіямъ, оставшимся отъ Песталоцци, состоитъ въ слѣдующемъ :

«Человѣкъ въ дѣйствительной жизни поучается не однимъ только словомъ, но и посредствомъ всѣхъ своихъ чувствъ. Въ старой же школѣ способъ поученія состоялъ только въ передачѣ слова, почему бы и въ школѣ не ввести способа передачи, дѣйствующаго на всѣ чувства ребенка?»

Скажите бога-ради, чѣмъ же это высокоумѣриѣе вашего отзыва? И неужели вы не понимаете, что мысль—то здѣсь совершенно таже что у васъ; да только не пустыми фразами сказанная, а дѣльно? Дальше Толстой говорить: «мысль эта совершенно ложна и совершенно справедлива» и разбираетъ что въ ней ложнаго и что справедливаго, къ какой нелѣпости пришла нѣмецкая педагогія въ лицѣ Грубе и Фребеля (а вы говорите, что у него цитатъ нѣтъ), выйдя изъ этой простой и прекрасной мысли и т. д. Гдѣ же тутъ незнаніе педагогій? Изъ чего же вы вывели, что Толстой не умѣетъ различить теоретической педагогій отъ существующей школы? Знаетъ онъ это различіе и какъ сейчасъ видѣли, знаетъ лучше васъ. Нигдѣ не говоритъ онъ, что здравыхъ понятій о педагогій ни у кого нѣтъ. Онъ признаетъ философію педагогій, о которой вы и понятія не имѣете; онъ знакомъ съ теоріями, о которыхъ вы и не слыхивали, онъ бывалъ въ разныхъ школахъ и хвалебныхъ и хульныхъ, тогда какъ вы со своей лежанки объ нихъ толкуете, да по воспоминаніямъ дѣтства; и все это привело его къ тому заключенію, что не теорія, а принципъ этой теоріи ложенъ, и потому какъ бы она прекрасна ни была, она все же никуда не годится. Вы ему ркомендуете осмотрѣться, опредѣлить причины дурнаго положенія школы. Да знаетъ онъ ихъ; неужели вы и этого—то изъ его статьи не поняли? Вы ему за новостъ объявляете, что школы дурны вслѣдствіе дурнаго общественнаго положенія. Да скажите на милость, развѣ вся его статья не направлена къ тому, что наука въ школѣ должна быть устранена отъ всякаго посторонняго вліянія, что наука должна быть внѣ разныхъ вліяній, что эти вліянія губятъ школу, что эти вліянія — явленія ненормальныя для школы. Что нѣмецкія и англійскія школы также плохи, Толстой твердитъ на каждомъ шагу, и въ нихъ онъ видитъ вредъ всякаго посторонняго вліянія. «Онъ все сваливаетъ на школу» говорите вы (стр. 27) и клеветаете на него: ничего онъ на школу не сваливаетъ, онъ все сваливаетъ на постороннія вліянія, отъ которыхъ стремятся освободить школу и на разные кунштукки, до которыхъ дошли, иля отъ той ложной мысли, что человѣка можно силою воспитать. Онъ объ этомъ—то именно и горюетъ, что «школа всегда была второстепеннымъ и подчиненнымъ отправленіемъ народной жизни»; онъ именно требуетъ самостоятельности школы и пусть въ нее

идеть только тотъ, кто хочетъ, и пусть каждый, побывавшій въ ней выносить только науку, только знаніе, а не новыя предрасудки вмѣсто старыхъ, не современныя нелѣпости вмѣсто отжившихъ.

• Такимъ образомъ, если графъ Толстой хочетъ говорить о принципахъ воспитанія въ ихъ широкомъ, идеальномъ смыслѣ, съ его стороны очень странно, предъявляя свои новыя требованія, нападать на эту существующую школу и считать ее послѣднимъ словомъ науки (стр 28, «Современникъ»). •

Да позвольте спросить, какъ вы читаете книги, которыя подвергаете критикѣ? Это должно быть вѣдь престранный какой-нибудь способъ у васъ придуманъ! Иначе какъ бы вы умудрились видѣть въ книгахъ совсѣмъ не то что въ нихъ есть? Съ чего вы взяли, что Толстой хочетъ толковать о принципахъ воспитанія, когда онъ не признаетъ самого «принципа воспитанія»? Съ чего вы взяли, что онъ считаетъ существующія школы послѣднимъ словомъ науки? Онъ на разбираемыхъ вами страницахъ говорилъ только одно: школа нелѣпа, если она сложилась подъ вліяніемъ постороннихъ обстоятельствъ и исправить ее при существованіи принциповъ воспитанія нельзя, потому что принявъ этотъ принципъ, нельзя отвергать права воспитанія для однихъ, признавая его за другими, — это нелѣпость. Вы говорите, что есть книжки (вотъ онъ наконецъ!), въ которыхъ можно повычитать кое-что на этотъ счетъ, т. е. о принципахъ воспитанія. Мы было обрадовались; думаемъ вотъ-то гдѣ наконецъ самая суть педагогическихъ принциповъ, вотъ-то познакомимся наконецъ мы съ послѣднимъ словомъ науки о воспитаніи; тутъ пожалуй и Р. Оуэнъ какъ слѣдуетъ объясненъ и разобранъ, а не такъ дико, какъ прежде когда-то объяснялъ и разбиралъ его «Современникъ».

Какъ вдругъ, о ужасъ! опять тѣже знаменитыя книжки, которыя уже не разъ предлагаемы были и прежде. Да послушайте, гг. «Современникъ», читали ли вы сами эти книжки? Если читали, такъ вы ихъ не поняли, вы имъ не сочувствуете, вы ихъ вѣрно тѣмъ же невѣдомымъ способомъ, шиворотъ на выворотъ читали, какъ читаете рецензуемыя вами книжки. Вѣдь право совѣстно за васъ... Развѣ можно дѣлать подобные прыжки? Повѣрите ли, читатель, — для ознакомленія съ послѣднимъ словомъ науки педагогій «Современникъ» рекомендуетъ... Бокля, Льюиза и Молешота!.. Да хоть бы гг. «Современникъ» не рядомъ ставили эти имена! Какъ у васъ духу хватило поставить рядомъ съ именами Бокля и Льюиза имя г. д-ра Молешота? или, съ другой стороны, отчего уже вы не припрят-

гли сюда и г. Бюхнеръ? Право, вы должно-быть не читали сами подхваливаемыхъ вами книжекъ. Вѣдь вотъ кто читалъ эти книжки, тотъ очень хорошо знаетъ какая непроходимая бездна лежитъ между Миллемъ, Боклемъ, Льюисомъ, Дарвиномъ и др. съ одной стороны и гг. Фейербахами, Молепотами, Мульдерами, Бюхнерами e tutti quanti съ другой. Кто ихъ изучалъ, тотъ очень хорошо знаетъ, что Милль, Бокль, Льюизъ, Дарвинъ и др. составляютъ совершенно новую школу, которая отвергаетъ цѣликомъ всю европейскую цивилизацію, проповѣдываемую вами, всю, отъ узкаго католицизма до широколобаго («малѣйшаго ума пространная столица») матеріализма; — которая одинаково ненавидитъ заурядъ всѣхъ рабовъ, — всѣхъ, отъ рабскихъ поклонниковъ Наполеона III до рабскихъ поклонниковъ социализма и коммунизма; — которая проповѣдуетъ обособленіе частныхъ и приведеніе этихъ частныхъ въ гармоническое соотношеніе между собою и съ общимъ, что бы это за частности и что бы это за общее ни было, — люди и государство (Милль), люди и цивилизація (Бокль), органическія клѣточки и организмъ (Льюизъ), животныя особи и животное царство (Дарвинъ) и т. п.; школа, которая наконецъ представляетъ явленіе, до того органически вышедшее изъ отживающаго европейскаго міра, что къ ней принадлежатъ, какъ Рихардъ Вагнеръ, стремящійся индивидуализировать каждый инструментъ въ оркестръ, люди неимѣющие быть-можетъ и понятія о ея существованіи. Эта школа признаетъ только одну власть — власть факта и несокрушимой логики, и ей вужды нѣтъ куда бы ни привели ее строгіе логическіе выводы. Вы знаете, что часто слышатся споры о душѣ, споры по нашему мнѣнію столь же бесплодные и бесполезные; бездоказательные и нескончаемые, какъ «древле» были бесплодны и бесполезны, бездоказательны и нескончаемы споры о томъ, была ли у Адама пуповина: дѣло не въ томъ слѣдуетъ ли различать въ человѣкѣ душу и тѣло, а въ томъ, что человѣкъ есть, и что онъ не только ѣсть и пить хочетъ, а хочетъ еще свободно мыслить и дѣйствовать. Вы знаете какъ различно понимаютъ при этомъ Льюиза тѣ идеалисты, для которыхъ непоколебимый авторитетъ чуть ли не въ папѣ, и тѣ матеріалисты, для которыхъ гг. Молепотъ и Бюхнеръ служатъ столь же непоколебимыми авторитетами: одни считаютъ Льюиза своимъ единшмысленникомъ, другіе своимъ. И вотъ я воображаю себѣ что было бы съ этими добрыми людьми, еслибы они порознь пришли къ Льюизу.

— Что вы думаете о существованіи души, сэръ? спрашиваетъ его идеалистъ.

— А вы какъ объ этомъ думаете, сэръ? спрашиваетъ его въ свой чередъ Льюизъ.

— Я думаю, что она существуетъ, сэръ.

— Это какъ вамъ угодно, сэръ; но вы знаете какія доказательства противнаго? и Льюизъ выяснилъ бы ему всё тѣ основанія, по которымъ отвергается существованіе души.

— Что вы думаете о душѣ, сэръ? спрашиваетъ его матеріалистъ.

— А вы что объ ней думаете, сэръ? переспрашиваетъ его Льюизъ.

— Я думаю, что ея нѣтъ, сэръ.

— Это какъ вамъ угодно, сэръ; но вы знаете чѣмъ доказывается ея существованіе? и онъ представилъ бы ему цѣлый рядъ доказательствъ существованія души.

Въ сущности Льюизъ, да и вся эта школа, предоставляютъ и себѣ и другимъ думать о подобныхъ неразрѣшимыхъ вопросахъ рѣшительно такъ, какъ каждому вздумается:

• Мы должны слѣдовать логикѣ (*разумѣется идя отъ точнаго наблюденаго факта*), мы должны идти туда, куда логика насъ ведетъ. Тотъ, кого беспокоитъ мысль о возвратѣ къ прошлому, тотъ, кто не расположенъ повѣрить, что всё явленія, совершающіяся въ его чувствительномъ организмѣ, имѣютъ одинъ общій источникъ, одну сродственную сущность, одно общее имя — духъ, имѣетъ полную свободу попытаться составить себѣ какое-нибудь другое убѣжденіе, которое бы не только было приятное для него, но и объяснило бы факты лучше нашего. Это одинъ изъ тѣхъ предметовъ, относительно которыхъ ни одинъ разсудительный (*слышите?*) человѣкъ не станетъ навязывать своихъ убѣжденій. Завѣса таинственности, скрывающая отъ насъ истину относительно этого предмета, никогда не будетъ поднята. Мы, стояшіе передъ завѣсой, можемъ только составлять предположенія о томъ что скрывается за нею, можемъ только строить гипотезы; истины мы не можемъ видѣть (Льюизъ, Физ. об. жизни., т. II, стр. 190).

А вы помнитса обрѣли истину?.. Ну, чтожь? на «Дураковой плѣши» законы не писаны. Вотъ и дейсты, и матеріалисты (т. е. гг. Фейербахи, Молешоты, Бюхнеры и проч.) тоже нашли истину; вамъ-то чего же звать: не хуже ихъ, «смотритко насъ, какъ мы махнемъ.»

Ну-съ, и махнули: вотъ-де въ Боклѣ, Льюизѣ и Молешотѣ «заключаются послѣдніе выводы современной теоретической педагогій.» «Въ нихъ», говорите вы (стр. 29), «графъ Толстой и можетъ, если хочеть, найти тѣ понятія о правахъ человѣческой личности и

основахъ воспитанія, до которыхъ дошла современная мысль.» Давайте сюда ваши книжки!

Начнемъ хоть съ г. д-ра Молешота, и прежде всего заявляю теперь же, пока бездоказательно, но если потребуется, то и съ ясными доказательствами, что нельзя признавать д-ра Молешота за авторитетъ ни въ какомъ дѣлѣ, ни даже въ специальности его, т. е. психологѣ. Онъ трудился много, работалъ усердно, но все это было не впрокъ, потому что онъ работалъ съ предзанятою идеей, факты наблюдаетъ въ большинствѣ случаевъ невѣрно, объясняетъ ихъ часто совершенно ложно, сопоставляетъ вещи, неимѣющія никакой связи и т. д., и т. д.; словомъ всякій натуралистъ, изучающій Молешота, непременно заподозритъ его до-тѣхъ-поръ пока изъ біографіи его неубѣдится, что это дѣйствительно благородный труженикъ. Это я заявляю какъ натуралистъ и потому какъ судьба въ этомъ дѣлѣ болѣе или менѣе компетентный. Теперь я становлюсь на точку зрѣнія педагога и доискиваюсь въ его твореніяхъ педагогическихъ основъ. Что же вы тамъ нашли, гг. «Современники?» Молешотъ до конца ногтей самый отъявленный матеріалистъ. Для него ничего такъ-называемаго психическаго не существуетъ: «этотъ человекъ сталъ поэтомъ», скажете вы ему, «значитъ онъ пилъ шампанское», зѣмѣтите онъ вамъ, и совершенно искренно прибавитъ:

• Wer weiss es nicht, wie viele edle Dichtergaben einem Trunke feurigen Weins ihren Ursprung verdanken? (стр. 2). Lehre der Nahrungsmittel, von Dr. J. Moleschott; ср. главы «О пивѣ, винѣ и водкѣ» и «Діета художниковъ и ученыхъ»), т. е. кому же неизвестно какъ много благородныхъ поэтическихъ талантовъ обязаны своимъ происхожденіемъ (да еще иг, значить первоначальнымъ) питью искрометнаго вива?

Вотъ и выводите педагогическія основныя. Вопросъ: какъ сдѣлать поэта? Отвѣтъ по Молешоту совершенно положительный: напои любого шампанскимъ. Понимаете ли вы, что на подобныя вещи возражать нечего, развѣ сказать, что это молъ только у васъ у нѣмцевъ, а у насъ тапереча ежели по купечеству какой тамъ ни на есть отцовъ-сынокъ на шампанское разгуляется, такъ онъ значить бутылочку-то опорожнитъ, да порожнемъ-те ее и шархнетъ въ трюмо тамъ чтоли, али во что ни на есть ломкое: обирай значить денежки, а ядраву моему не препятствуй. Молешотъ далъ бы точно такіе же положительные отвѣты и на всѣ другіе вопросы педагогическіе, да вотъ видите ли «наука еще до того не дошла», а она пойдетъ по мѣтнѣ Молешота до того, что въ одинъ прекрасный день мы съ вами получимъ возможность перемѣнять у людей мѣтнѣ совершенно матеріальными средствами, т. е. покоривши ихъ какимъ-

нибуль сладобъемъ; ибо, по его мнѣнію, умъ человѣческій и отгѣнки пониманья люскаго зависятъ отъ большаго или меньшаго количества мозгу (что въ свой чередъ зависитъ отъ питанія), отъ количества фосфору, заключеннаго въ мозговой жидкости, и т. д. и т. д., словомъ совершенно отъ грубо-матеріальныхъ причинъ. Онъ положительно утверждаетъ (стр. 148, въ главѣ о чаѣ и кофе), что движеніе умовъ въ XVII столѣтіи въ Лондонѣ зависѣло отъ учрежденія тамъ кофеенъ, причѣмъ изъ чтенія прельмущихъ странствъ видно, что онъ разумѣетъ тутъ исключительно вліяніе кофеа. Такимъ образомъ и для васъ на вопросъ какъ изъ консерватора сдѣлать вигиліста, онъ положительно отвѣтитъ: «приглашайте его къ себѣ и пойте его кофеемъ и чаемъ. Однимъ словомъ Молешотъ кромѣ замѣтокъ о физическомъ воспитаніи дѣтей, замѣтокъ, въ которыхъ онъ признаетъ не только насильственность организма и свойствъ, но даже передачу свойствъ вмѣстѣ съ молокомъ матери или кормилицы (сличь главу о дѣтѣхъ младенцевъ), почти ввсѣмъ не говоритъ о воспитаніи, развѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда, больше для красоты слога, чѣмъ по логическому ходу мыслей, говоритъ фразы вроде: *Alle sind wir gleich abhängig von Luft und Erde, Menschen und Thieren, Pflanzen und Steinen* (стр. 213 тамъ же), т. е. «всѣ мы зависимъ порошку отъ воздуха и земли, людей и животныхъ, растеній и камней» (онъ пропустилъ еще воду, а чтобы ужъ за одно хватить «огня и воды!» славно бы, громко!), кромѣ подобныхъ замѣтокъ вы ничего не найдете. Изъ этихъ же замѣтокъ, кромѣ неслѣпости воспитанія ничего не извлечете, если только пойдете путемъ настоящей логики. Въ самомъ дѣлѣ: на человѣка (хоть на ребенка, это все равно человѣкъ, только маленькій) хочеть дѣйствовать другой человѣкъ — воспитатель; но въ тоже время и въ той же мѣрѣ (*gleich*) дѣйствуютъ на воспитанника земля и воздухъ, люди и животныя, растенія и камни (огонь и вода еще бы, а онъ пропустилъ), слѣдовательно по его счету *шесть*, а по моему твѣи и *восемь*, противъ *одного*. Гдѣ же вы найдете гиганта столь могучаго, чтобы нѣтъ противодѣйствовать? Однакоже положимъ, что вы сами и есть такой гигантъ, положимъ, что вы создали таки воспитанника по образу и по подобію своему; но вотъ... положимъ вы возбудили въ нашемъ воспитанникѣ отвращеніе къ поэзіи, это-де погрешушки, — какъ не разъ заявлялъ «Современникъ...» а тутъ является какой-нибудь балагуръ, взялъ да и поднаиваетъ каждый вечеръ шампанскимъ нашего воспитанника и дѣлаетъ (поматво, что на этотъ разъ я строго держусь мнѣній Молешота) его поэтомъ. Вы говорили ему: «бери только памятью, не соображай, не думай, читай только «книжки» и заучивай ихъ, хотя бы и совершенно безъ смысла, какъ

дѣлаемъ это мы, булешь человѣкъ» (не человѣкъ, а чудо), а тутъ шутникъ какой-нибудь озадачить его съ утра крѣпкимъ чаемъ, да въ полдень крѣпкимъ кофеемъ, да послѣ обѣда кофеемъ и чаемъ, да и пошолъ, и пошолъ, ну просто заморать его чаемъ и кофеемъ. Тотъ, глядяшъ (опять-таки строго по мнѣнію Молешота) и со-обращать станеть и мыслить, а до чего дойдетъ, это предоста-вляется вамъ самимъ обсудить, но не иначе, какъ принимая въ рас-счетъ насльдотвенность и передачу (матеріальную, разумѣется) всѣхъ свойствъ и особенностей родительскихъ, вліяніе земли и воз-духа, людей и животныхъ, растений и камней и т. д., и т. д. Сло-вомъ, начитавшись Молешота, вы должны будете признать, что во-спитаніе—нелѣпность, ибо ни въ чему не ведетъ. Замѣтите, что я не хочу говорить серьезно о г. д-рѣ Молешотѣ, потому что вовсе не считаю его серьезнымъ авторитетомъ ни въ какомъ дѣлѣ: я заго-ворилъ о немъ только для васъ. И не думайте чтобъ я не замѣ-тилъ и той частички правды, которая есть, хотя-бъ и у доктора Молешота. Но вѣдь вы визжите отъ восторга. Вы принимаете лас-кейски и бездарно доктора Молешота въ руководство, вы даже рас-суждать боитесь передъ его авторитетомъ, трусите, надаете до ногъ и берете изъ него все цѣлкомъ потому только, что это Молешотъ, европейскій Молешотъ, авторитетъ, учитель, папа и проч. Теперь перехожу къ Льюизу: — потрудись въ ваше удовольствіе, мы позво-лимъ себѣ потрудиться и въ свое.

Начиная говорить о Льюизѣ, мы прежде всего считаемъ обяза-тельностью заявить вамъ, что онъ о васъ самага дурного мнѣнія... Не встрите? Разверните его «Физиологію обыденной жизни» и читайте:

• Могучій мыслитель тотъ, кто думаетъ самъ по себѣ (а не по книж-камъ). Оригинальный писатель тотъ, кто не допускаетъ, чтобы у него одна фраза машинально влекла за собой другую. Если у него есть ма-дера или манерность, онъ ея собственница. Умы нищато раздра-ждаютъ чужія думы, ищутъ чужія фразы. Отсюда происходитъ то, что, по выраженію Гете, въ этомъ мірѣ такъ надо голосовъ и такъ много ада (стр. 49, т. II, Физ. об. жизни; дальѣйшія ссылки относятся къ тому же сочиненію и тому *).

Не желая быть такимъ эхо, онъ не на словахъ только какъ вы, а на самомъ дѣлѣ отказался отъ всякаго авторитета и встрѣтъ отъ всякой теоріи:

• Исслѣдованія Флуранса сдѣлали эпоху въ наукѣ... Сочиненія Флу-ранса дѣйствительно увлекательны. Онъ повидимому до того развѣс-няють и упрощаютъ все дѣло, что критика и ограниченія кажутся не-умѣстнымъ нарушеніемъ нашей пріятной увѣренности. Но серьезный трулъ научаеть недовѣрію къ научнымъ афоризмамъ... Но я не думаю,

чтобы его (т. е. Флуанса) заключенія выдерживали сличеніе съ фактами (*видите ли сколько но? а вы во всѣхъ критикахъ и ограниченіяхъ находите только одно но, да и то не въ смыслъ слова, а въ видѣ окончанія въ словъ полно: все де подь ноги бросаютъ*)...» А выводы часто противорѣчатъ фактамъ, которые приводятъ онъ самъ непонимая ихъ значенія вслѣдствіе теоретическихъ предубѣжденій (*а вы Толстому советуете держаться теоріи, не обращая вниманія на такіе факты, которые у него передь глазами*) (стр. 86, 87).

• Мы воздаемъ надлежащую дань уваженія, провидательности. Маршаль-Галля и его непоколебимой стойкости противъ оиозидіи всякаго рода (*таковы же чувства наши къ «Современнику», весьма похожему въ этихъ отношеніяхъ на Маршаль-Галля*); но мы оставляемъ за собою право строго (*замытьте*) разбирать мнѣнія даже и наиболѣе уважаемыхъ личностей (*мы тоже оставляемъ за собой это право*) (стр. 153) и т. п.

Но зато онъ и себя не считаетъ за авторитетъ, а вы считаете (см. обзоръ журналовъ въ «Современникѣ»); онъ и себѣ не даетъ права создавать теоріи: «для меня это совершенно необъяснимо непримѣръ (стр. 243)» фраза, которой онъ нисколько не стыдится, а вамъ все ясно, какъ день.

Льюизъ признаетъ, что человекъ постоянно, весь свой вѣкъ учится; но на науку онъ смотритъ далеко не такъ, какъ вы:

• Наука есть попытка привести ходъ *нашихъ* идей въ соотвѣтствіе съ ходомъ данныхъ явленій, согласить *наши* понятія съ самыми предметами; она не состоитъ въ томъ, чтобы создать для природы схему, соотвѣтствующую *нашимъ* идеямъ» (стр. 72).

Если вы желаете знать что разумѣетъ Льюизъ подъ «нашими идеями», «нашими понятіями», мы рекомендуемъ вамъ прочесть въ его физиологія главу «Свойства, переходящія отъ родителей къ дѣтямъ», въ которой вы увидите, что

• Мы наследуемъ нервную систему точно также, какъ мышечную и костную; а вмѣстѣ съ нервной системою, мы наследуемъ ея общія и частныя свойства, т. е. общую чувствительность системы, форму мозга и чувственныхъ узловъ. Послѣ этого ясно, что всѣ наклонности, зависящія отъ нервной системы, также будутъ передаваться; даже спеціальныя способности, каковы способность къ музыкѣ, къ математикѣ, остроуміе и т. д. перейдутъ въ наследство, да даже приобрѣтенныя наклонности и ухватки будутъ передаваться» (стр. 339).

Конечно онъ не доводитъ это до крайности; такъ на слѣдующей страницѣ онъ говоритъ:

• Можно себѣ представить, что склонность къ религіозному чувству можетъ перейти по наследству... но мы не можемъ себѣ представить,

чтобы могло передаваться что-либо столь специальное, какъ вѣра въ извѣстный догматъ.»

Замѣчаніе совершенно вѣрное и подтверждаемое наблюдениемъ надъ самими публицистами «Современника»: наклонность безусловно вѣровать въ авторитетныя книжки имѣть сомнѣнія унаследована ими, но догматъ, но содержаніе книжекъ, но имена авторовъ — все это какъ «частныя частности» измѣнилось. Отцы не давали дѣтямъ въ руки никакихъ книжекъ кромѣ псалтыря да прологовъ; дѣти не даютъ теперь никакихъ книжекъ кромѣ Бокля, Льюиза и Молашота. Но смотрите какая полная наследственность «общаго» порока нетерпимости: отцы въ своемъ рвеніи не умѣли отличить мелкоплавающихъ прологовъ отъ высокопарашшихъ псалмовъ — и дѣти неумѣютъ отличить отсталыхъ одностороннихъ умовъ отъ передовыхъ и невозможности всеобъемлющихъ. Вы видите до какой степени точности дѣйствуетъ законъ наследственности, несмотря на благопробрѣтенное образованіе; а что же въ необразованномъ человѣкѣ?

• Старинныя сочетанія идей, старыя вѣрованія не легко измѣняются. Человѣкъ можетъ быть сегодня вполне убѣжденъ логикою своего противника, а завтра онъ станетъ повторять свои прежнія убѣжденія точно также, какъ еслибы никто, никогда въ нихъ и не сомнѣвался. Его умственные движенія могутъ совершаться только по старому пути. (стр. 49).

Неправда ли, что вы, публицисты «Современника», служите наилучшимъ доказательствомъ этого?..

Дома новы, да предрасудки стары!
Порадуйтесь: не истребятъ
Ни годы ихъ, ни моды, ни пожары...

Что же вы извлечете изъ Льюиза о наукѣ, о воспитаніи? Повѣрьте, что тоже самое что и изъ Бокля: «ни литература, ни университеты» ничего не помогутъ: они дадутъ только новыя предрасудки взаимно старыхъ, *несколько не лучшіе старыхъ*. Льюизъ признаетъ воспитаніе, — мы также, но и на этотъ разъ какъ всегда не въ томъ смыслѣ, не съ той точки зрѣнія и не для того признаемъ мы одну и ту же истину съ «Современникомъ». Дѣло въ томъ какъ Льюизъ смотритъ на воспитаніе. *Вопервыхъ* — оговоримся (и это пріемъ Льюиза): онъ, какъ человѣкъ въ высшей степени образованный и добросовѣстный, никогда не станетъ въ физиологій разсуждать о педагогій; это видно и изъ того, что онъ о педагогій *нидѣ не упоминаетъ*, и изъ того, что онъ не рискуетъ говорить даже о психологій; вотъ наприимѣръ одно мѣсто:

• Но это соображеніе переводитъ насъ въ область психологій и мы

поэтому должны тутъ остановиться (стр. 98); • Мнѣ кажется, что вмѣсто анатомической или физиологической причины этого явленія лучше искать причину психологическую (стр. 287). •

и такихъ фразъ у него бездна. *Восторжъ* посмотрите къ какимъ результатамъ идемъ мы читая Льюиса съ педагогической цѣлью.

Онъ не признаетъ возможности убѣдить человѣка въ чемъ-нибудь такомъ, въ чемъ тотъ самъ не можетъ убѣдиться и вообще всему прирожденному отдастъ полный перевѣсъ надъ напосымымъ; это видно изъ цитаты, явленной вамъ («Старинныя сочтенія идей и пр.»). Но онъ признаетъ въ человѣкѣ произволъ:

• Пошекочите лицо спящаго человѣка и рука его... подымется, чтобы почесать то мѣсто, которое вы шекотали. Сдѣлайте тоже самое съ человѣкомъ проснувшимся, и въ результатѣ... получите дѣйствіе другого рода, состоящее въ томъ, что онъ попроситъ васъ оставить его въ покоѣ или можетъ-быть *пустите самъ головушкой на сапогу* (стр. 170, 171). •

Вы вѣдь произвола вовсе не признаете, для васъ «человѣкъ свободенъ, какъ птица въ клѣткѣ» (зри эпитафю къ главѣ «О волѣ» въ препрославленной книгѣ Бюхнера). Впрочемъ это въ сторону. Дѣло въ томъ, что Льюизъ признаетъ не только произволъ, но еще развитіе:

• Машина не имѣетъ никакого развитія... Но организмъ развивается; въ немъ совершаются новыя приспособленія, такъ что сочетаніе дѣйствій, представляющееся невозможнымъ въ данное время, можетъ быть черезъ мѣсяцъ сдѣлается совершенно легкимъ (стр. 137). •

Онъ признаетъ воспитаніе произвола:

• Истина заключается въ томъ, цитируетъ онъ Вейна (*психолога*; видите ли вы какъ велика его осторожность!) что надлежащее воспитаніе нашего произвола... зависитъ отъ того, что мы поставлены въ условія болѣе благоприятныя для его приобретенія (*замышлите это*). •

Далѣе онъ говоритъ отъ своего лица:

• Послѣ нѣвѣстнаго числа попытокъ; идея боли до такой степени соединяется въ его (*ребенка*) головѣ съ представленіемъ чайника (*горячаго*), что дитя уже не обжигается болѣе. Потому оно засовываетъ руку въ корзину съ бисквитами, и результатомъ этого дѣйствія, вмѣсто боли, является бисквитъ. За повтореніе этой проделки его бранятъ, бьютъ или ставятъ въ уголъ; однимъ словомъ послѣдствія для него бываютъ неурядныя, и если наказаніе всегда слѣдуетъ за такого рода дѣйствіями, то дитя скоро выучивается воздерживаться отъ нападеній на бисквиты (стр. 181). •

Онъ приздаетъ въ извѣстной степени и произволъ надъ мыслями:

«Мы можемъ въ извѣстной степени управлять нашими мыслями... Какимъ образомъ это дѣлается, это не совсѣмъ ясно... мы склонны къ извѣстнаго рода идеямъ, потомучто онѣ нравятся намъ, интересуютъ насъ, или потомучто ожиданіе какого-либо удаленнаго удовольствія или неудовольствія возбуждаетъ насъ; какъ только возникнутъ въ насъ другія мысли, другія идеи, мы подавляемъ ихъ точно также, какъ мы воздержались бы отъ движеній, которыя могли бы нарушить пріятное ощущеніе. Замѣчательно, что мы не можемъ вызвать въ себѣ по произволу какую-нибудь опредѣленную мысль; но если она возникнетъ (*мысливается? — сама собой*) въ насъ, то мы можемъ не разставаться съ нею (стр. 183).»

Казалось бы, что изъ всего этого можно бы хотя и съ натяжкой вывести, что Льюизъ признаетъ воспитаніе въ томъ видѣ, въ какомъ именно вы его признаете. Можетъ-быть мы такъ и вывели бы; но... мы не можемъ признать подобный выводъ правильнымъ. Знайте, милостивые государи, что

«... есть опытный путь, на который мы можемъ всегда полагаться: это путь *исключенія*. Онъ всегда указываетъ намъ на органъ, не служащій извѣстному отправленію, если оно, по удаленіи органа, продолжается (стр. 73).»

Этимъ путемъ исключенія я пользуюсь всегда Толстой (сличите также «Логикѣ» Д. С. Милля). Этимъ путемъ воспользуется и вы. Воспитаніе можетъ помочь развитію, но только помочь, — создать оно ничего не можетъ. Есть въ свѣтѣ люди

— такіе, для которыхъ не существуетъ различія между синими и красными цвѣтомъ; иные не могутъ отличить ясно различныхъ запаховъ и звуковъ; нѣкоторые едва могутъ сдѣлать за какой-нибудь мелодіей; одни боятся щекотки, другіе ея не чувствуютъ; одни очень чувствительны къ боли, другіе гораздо меньше (стр. 237)... Крикъ детушей мыши въ такой степени высокъ и рѣзокъ, что нѣкоторыя особы не слышатъ его: онъ находится внѣ ихъ звуковыхъ предѣловъ (Льюизъ стр. 273).

Такъ вотъ тутъ и извольте случиться съ воспитаніемъ; въ этихъ случаяхъ оно ровно ничего не будетъ значить. А если есть случай, въ которыхъ оно ничего не значить, то по логикѣ исключенія не въ немъ очевидно главная «суть» дѣла развитія. Можно внушать воспитаннику извѣстныя идеи, но онъ ихъ восприметъ только тогда

.. а) если способенъ воспринять. Убѣжденія не дѣйствуютъ, какъ свидѣтельствуютъ ежедневный опытъ и Льюизъ, а способность за-

виситъ отъ организма; но чтоже прикажете дѣлать, если идти такъ рѣзки, что, подобно крику летучей мыши, онѣ внѣ его умственныхъ предѣловъ? Чтоже дѣлать если онѣ не затрогиваютъ его, не хватаютъ его за сердце, какъ другихъ не затрогиваютъ ни боль, ни щекотка? Чтоже дѣлать, если онѣ не можетъ слѣдить за ними, какъ другіе не могутъ слѣвать за мелодіей, и твердо помня, что «соловья баснями не кормятъ», часто твердить «не сули орла на полетѣ, дай синицу да въ руки»? Чтоже дѣлать, если и запахъ и вкусъ ему недовѣдомы? Чтоже дѣлать, если для него безразличны утки и синяго, и краснаго цвѣта?

и б) *если емь придумана ему по вкусу*. Это не менѣе важное обстоятельство: вкусъ дѣло великое. Карпенгеръ имѣлъ несловность сказать, что «всаядная обезьяна конечно рѣдко дотрогивается до ядовитаго плода, хотя онѣ можетъ-быть вкусенъ». Льюизъ замѣчаетъ на это:

• Но для кого онѣ вкусенъ? для обезьяны? Еслибы плодъ былъ вкусенъ для обезьяны, то ядовитость конечно не удержала бы ее и она бы его съѣла; если же онѣ не вкусенъ для обезьяны, то нѣтъ ровно ничего удивительнаго въ томъ, что она не дотронется до плода, какъ бы приятенъ ни былъ вкусъ его для какого-нибудь другого животнаго (стр. 259).

По одной изъ цитатъ («мы можемъ въ извѣстной степени и проч.») мы видимъ, что Льюизъ признаетъ этотъ вкусъ, эту разборчивость и въ отношеніи идей; мы видимъ также какъ Льюизъ опредѣляетъ науку. Какія же слѣдствія вытекаютъ изъ всего этого вмѣстѣ взятаго?

А вотъ какія: 1) воспитаніе въ смыслѣ измѣненія и образованія новыхъ убѣжденій и вѣрованій, въ смыслѣ измѣненія характера согласно волѣ воспитателя, т.-е. воспитаніе въ томъ смыслѣ, въ какомъ вы его проповѣдуете, возможно только при одномъ условіи — *если за дѣдствіями и рѣчами противными воспитателю всегда слѣдуетъ наказаніе*, ибо въ противномъ случаѣ природныя способности и наклонности возьмутъ перевѣсъ, и воспитаніе окажется бесполезнымъ... Tu quoque, Brute? Да изъ-за чего же распинался покойный Добролюбовъ, пропираясь съ Широковымъ о розгахъ, если вы, ближайшіе его, и еще на свѣжей могилѣ станете проповѣдывать наказаніе за ученье? 2) Но воспитаніе въ смыслѣ развитія и усовершенствованія существующихъ уже способностей, наклонностей, характера, даже вѣрованій и убѣжденій, не только возможно, а и необходимо. Толстой на словахъ совсѣмъ отвергаетъ воспитаніе; но на дѣлѣ онѣ отвергаетъ только

воспитаніе въ вашемъ смыслѣ, въ смыслѣ передѣлки человѣка на новый ладъ. Въ этомъ смыслѣ отвергаемъ воспитаніе и мы, и притомъ съ двухъ сторонъ: г. Страховъ говоритъ, что есть въ ребенкѣ живая душа, которую воспитаніемъ передѣлать нельзя, но развить и усовершенствовать можно; я же думаю, что въ ребенкѣ есть врожденныя сочетанія нервныхъ узловъ, врожденное и определенное взаимодействіе нервныхъ центровъ и этого передѣлать нельзя, а совершить и облегчить взаимодействіе можно. Такимъ образомъ былъ бы съ нами согласенъ и Льюисъ, еслибы только онъ заговорилъ о педагогѣ, потому что онъ вполне убѣжденъ, что «умственные движенія человѣка могутъ совершаться только по старому пути.» Ктоже ближе къ Льюису въ педагогическомъ отношеніи: публицисты «Современника» или Толстой? Конечно Толстой, потому что онъ на практикѣ именно такъ и ведетъ дѣло, какъ слѣдуетъ, а только, увлекшись ненавистью къ насилію въ воспитаніи, невѣрно понялъ подъ словомъ воспитаніе одно это насиліе.

Нужно ли вамъ еще разъ доказывать, что и Бокль не съ вами? Я думаю, что достаточно и представленныхъ мною выдержекъ изъ Бокля, чтобы убѣдиться въ этомъ...

Итакъ изъ указанныхъ вами авторовъ ни одинъ не согласенъ съ вашимъ взглядомъ на воспитаніе, и наоборотъ съ этими авторами очень легко дойти до убѣжденій Толстого. «Чтоже сей сонъ значить?» говоря вашей любимой поговоркой. Помоему это не болѣе и не менѣе, какъ явное доказательство пребыванія вашего на «Дураковой плѣши», мѣстность, честь открытія которой принадлежитъ безспорно вамъ. Съ чего же вы такъ яро «какъ съ дубу» обрушились на Толстого? Вы говорите ему:

• Кому могутъ быть интересны ваши умозаключенія, подкрѣпленныя только личнымъ вашимъ капризомъ, если есть выводы физиологій, антропологій, исторіи, подкрѣпленные строгими научными фактами? (стр. 29 совок. Совр.)..

Вотъ это мило! Понятно ли вамъ хоть теперь-то наконецъ, что еслибы требованіе подкрѣплять педагогическіе выводы выводами изъ физиологій, антропологій и исторіи, было не личнымъ вашимъ капризомъ, а дѣйствительною потребностью (мы этого не признаемъ, потому что Толстой подкрѣпляетъ свои доводы совершенно достаточнымъ аргументомъ — трехлѣтнимъ опытомъ: вѣдь онъ не болтувъ-яйцо изъ среды «Современника», а человѣкъ дѣла), то Толстой, говоря противъ насильнаго воспитанія, могъ бы подтвердить, что оно не плодотворно — цитатами изъ Молешота; что оно незаконно, какъ незаконное всякое насиліе природы, цитата-

ми изъ Льюнза; что оно невозможно, въ смыслѣ непримѣнимости на практикѣ — цитатами изъ Бокля. Далѣе вы продолжаете:

• Вы избавите ее (*молодую личность*) только отъ одного деспотизма, школьнаго, но остается тотъ же деспотизмъ самъ, деспотизмъ невежества, предразсудковъ, извращенныхъ нравственныхъ понятій и т. д., и т. д., отъ чего теперь избавляетъ отчасти (*но не весьма, прибавимъ мы отъ себя*) школа (стр. 29).

Скажите намилость, да какъ же можетъ случиться, чтобы знаніе, чистое знаніе, безъ всякихъ «помѣсей» теоретическихъ, ясное, переданное съ любовью и съ увлеченіемъ, какъ этого требуютъ Толстой, какъ же можетъ случиться, чтобы такое знаніе оставило ученика работъ невежества, предразсудковъ, извращенныхъ нравственныхъ понятій и т. д.? Нѣтъ, это невозможно нигдѣ, развѣ на Дураковой плъщи. Вы, читатель, думаете, что это самое чудное изъ того что сказалъ «Современникъ» о Толстомъ? Нѣтъ-съ, погодите-съ, «что дальше въ дѣсь, то больше дровъ». «Современникъ» предлагаетъ взять Толстому деревенскаго мальчишка, воспитаннаго на свободѣ (sic!).

• Какія же свѣдѣнія нужны для этой личности? (*читайте отчеты объ донеполненной мысли и вы удалите изъ книгъ в цѣломъ рядѣ свѣдѣній, потребованныхъ самимъ дѣломъ такого рода*). Очевидно, что тѣ элементарныя свѣдѣнія, какъ грамота, письмо и т. д. не могутъ особенно подвинуть свободного развитія (а по опыту Толстого видно, что могутъ, стоитъ только не по дурацки обучать чтенію и письму); высшая наука, но вы ее не одобряете. Судя по вашимъ высокоумнымъ отрывкамъ, вы думаете, что и она сбилась съ пути... (стр. 30).

Вотъ хорошо! да гдѣ же это, когда, на какой страницѣ забравана Толстымъ наука, — ничего не извѣстно; а вотъ мы и цитатами доказали, что Толстой отвергаетъ только прелесть всякой теоріи, а науку, т.-е. чистое знаніе, признаетъ; но видно въ томъ-то и бѣда его, что онъ не «теоретикъ». Далѣе «Современникъ» представляетъ теорію воспитанія. Что за теорія... но позвольте намъ ее разобрать (*все слѣдующія цитаты взяты изъ Совр. стр. 30 и 31*):

• Люди здравомыслящіе думаютъ иначе. Они вполнѣ признаютъ свободу человѣческой личности, но только съ другой стороны.

Неправда; люди здравомыслящіе признаютъ свободу не односторонне, а всесторонне; свобода, разсматриваемая съ какой-нибудь одной стороны, не удовлетворяетъ ихъ, напримѣръ: ни взятая отдѣльно свобода политическая (муниципальныя привилегіи и въ Испаніи были, да индѣли), ни взятая отдѣльно свобода слова и печати (это тоже было попробовано въ Испаніи), ни взятая отдѣльно

свобода отъ предразсудковъ (это тоже въ Испаніи: хотя не долго, но она была свободна отъ самыхъ закоренѣлыхъ предразсудковъ — вхо-дила въ сношенія съ невѣрными, вела съ ними торговлю, брала подати съ духовенства и т. п., что все было противно ея предразсудкамъ) и т. д.

• Эта свобода заключается по ихъ мнѣнію въ возможности развитія всѣхъ физическихъ и моральныхъ данныхъ, которыми человекъ имѣетъ отъ природы. •

Не говоря уже о нелѣпости выраженія «моральныя данныя отъ природы», мораль не природа, а папское, условное, придуманное, — здѣсь подъ маской дешовенькаго, пустынькаго либерализма скрыто красное ретроградство. Никто изъ здравомыслящихъ людей такъ ужо не понимаетъ свободу, никто изъ уважающихъ свободу людей такъ обще не выражается о ней. Свобода заключается не въ возможности развитія вообще: опять повторяетъ вмѣстѣ съ Боклемъ — Испанія не только имѣла возможность развитія, ее еще люди гонили на пути развитія, насильно навязывали ей развитіе; однако въ ней «идея свободы вымерла, если бы самою дѣлѣ, въ настоящее время своемъ значеніи она когда-нибудь существовала въ Испаніи» (Бокль, стр. 197, февраль «Время»). Не въ возможности развитія вообще заключается свобода, а въ возможности развитія активнаго, т.-е. въ полной самобытности: въ самоуправленіи; самостоятельности, самостоятельности, и главное, въ *самоуправленіи* «ничто не могло остановить движенія англійской цивилизаціи, и говоритъ Бокль (тамъ же), «англичане убѣждены, что они обладаютъ въ самихъ себѣ тѣми источниками и той плодovitостью воображенія, посредствомъ которыхъ люди могутъ сдѣлаться великими, счастливыми и шурыми,» и въ другомъ мѣстѣ, собственно о самоуправленіи и самоуправленіи; онъ говоритъ: «безъ нихъ малѣйшій толчокъ становится пагубнымъ. Въ Испаніи онъ былъ неизвѣстенъ... Съ отсутствіемъ же самоуправления и самоуправленія никогда нельзя достигнуть истинной идеи независимости,» безъ этихъ качествъ «испанскіе либералы должны были съ горечью вспоминать о тѣхъ дняхъ, когда они тщетно пытались надѣлать свободой свое несчастное отечество (тамъ же стр. 188).» А вы признаете пассивное, насильственное развитіе! Какъ у васъ духу хватаетъ такъ нагло ссылаться на Бокля?

• Эта свобода развитія не достигается предоставленіемъ ребенка самому себѣ или случайностямъ окружающей среды. •

Значитъ для этой свободы съ измалства человека въ плѣнь надо взять, не давать ему воли, уничтожить въ немъ способность

наблюдать и обсуждать, отнять у него самый лучший способ развитія, незамѣнимый никакими научными свѣдѣніями, собственный опытъ, и все это

• потомучто впервыхъ онъ нуждается въ руководствѣ и помощи. •

Такъ—то, такъ; да «стулья-то зачѣмъ же ломать»; руководствуя-те, помогите, но не забирайте въ ежовыя рукавицы.

• Вотъ вторыхъ потомучто для свободы, нужно освободить его отъ множества вредныхъ вліяній этой среды (*да среда то эта въ немъ, помните же наконецъ*), ея старыхъ непригодныхъ предрасудковъ, невѣжества и проч. •

Вотъ этого и довольно, чтобы обратить всю вашу теорію въ борьбу фразъ. Какъ вы достигнете этого «освобожденія»? Тутъ только два пути: а) *или изолировать ребенка*; но тогда онъ не будетъ знать жизни и какъ только выйдетъ изъ вашей школы, такъ тотчасъ же, несмотря на свои знанія, срѣзается на первомъ шагѣ, подобно Базарову, только несравненно хуже, потомучто не устоитъ въ своей теоріи ⁽¹⁾; б) *или вы не вырвете его изъ среды*; но тогда зачѣмъ же помочь? Вы дайте ему просто знаніе и оставьте въ покоѣ его предрасудки и невѣжество: съ знаніемъ они уже никакъ не ужвуются и исчезнутъ сами собою; между тѣмъ какъ истребляя въ немъ и то, и другое, и третье, вы дойдете до палки и розогъ, и что главное — убьете въ немъ самодѣятельность, самоунованіе, самобытность.

• Ребенокъ является въ жизнь безъ всей массы этихъ предрасудковъ разнаго рода (*истина, известная со времени Ж. Ж. Руссо, самую драго яя проповѣдника; но... въ этой истинѣ, какъ жи-то живю*) вонъ очевидно не составляютъ необходимаго свойства его человѣческой природы уже потому, что въ одномъ мѣстѣ они бывають одни, а въ другомъ другіе. •

(1) Мнѣ представляется ваше возраженіе, но оно дотого странно, что я ставлю его подъ строкой... Не правда ли что вы укажете мнѣ на Нью-Лэнгеръ Р. Оуэна? Вѣдь правда? Такъ знайте же напередъ, что вы жестоко ошибетесь: Р. Оуэна вы не знаете совсѣмъ (это видно и по давнишней статьѣ Совр.), а я его изучалъ. Пока я вамъ только замѣчу, что дѣти въ Нью-Лэнгеръ не были изолированы ни отъ вліянія природы своей страны, ни отъ вліянія самой націи: онѣ были изолированы отъ вліянія кабака и вліянія подобныхъ вамъ, а равно и диаметрально вамъ противоположныхъ теоретиковъ. Въ Нью-Лэнгеръ ребенокъ находилъ все что могло питать въ немъ чувства самоуправленія и самоуправанія, и не находилъ ничего, что бы имѣло въ виду насиловать его природу. А въ Америкѣ, гдѣ и страна и люди другіе, я самъ Р. Оуэна опѣшавъ, а ужъ онъ не вамъ цивилизаторамъ чета. Причина этого самая повашему пустая и ничтожная: порода людей не та, природа страны не та! *аст.*

Какъ это мило! А почему же нельзя сказать: «очевидно они *составляютъ* неизбежное свойство его организма уже потому, что въ одномъ мѣстѣ они бывають одни, въ другомъ другіе» и притомъ всегда извѣстные для каждаго опредѣленнаго уголка міра?.. Вы даѣе выводите, что первое дѣло воспитанія сберечь ребенка отъ нихъ. Значитъ вы хотите изолировать? Куда же вы будете готовить своего питомца? Если для жизни, то онъ долженъ знатъ эти господствующіе предрасудки, хотя бы они были совершенно бессмысленны. Не зная ихъ и вступивъ въ кругъ людей, слѣдующихъ этимъ предрасудкамъ, онъ будетъ пораженъ общепринятою и новизною самыхъ предрасудковъ (разумѣется для него), а это два могучихъ стимула, которые, при его неопытности въ жизни, при его привычкѣ къ помочамъ, при наследственномъ, органическомъ его предрасположеніи къ нимъ, — непременно собьютъ его съ толку. — Цитировать ли даѣе статью? Но отчего же нѣтъ? — и занятіе мусорщика представляется мнѣ такимъ же честнымъ занятіемъ, какъ всякое другое честное занятіе. Вотъ и Бокль считаетъ антипатію къ очисткѣ улицъ отъ мусора въ Мадридѣ несомнѣннымъ доказательствомъ невѣжества и ретроградства жителей. Отчего же не заняться разчисткой литературнаго мусора? Только мы будемъ дозволять себѣ пропуски: не обтирать же трапкой каждый камень мостовой...

Даѣе слѣдуютъ пустыя фразы о томъ, что дѣломъ воспитанія будетъ развитіе природы человѣка; но въ томъ то и бѣда, что у каждаго человѣка своя природа, и воспитатель, если только онъ человѣкъ честный и развитый, не возмется опредѣлять свойства природы каждаго воспитанника — «чужая душа — потемки» говоритъ пословица. А еще даѣе «Современникъ» находитъ, что есть только одно средство воспитанія:

«Это средство — чистое знаніе, чистая наука, дѣйствующая на внутреннюю природу человѣка однимъ своснымъ, разумнымъ и необходимымъ для нея насиліемъ и деспотизмомъ — деспотизмомъ логики.»

Хорошо, фразисто, а толку мало. — Опять прежде всего оговорка: «свосный, разумный и необходимый деспотизмъ логики.» Да ктоже вамъ сказалъ, что это такой деспотизмъ! или сами вы додумались? Но вотъ у меня есть пріятель, который тоже самъ додумался или дочитался, навѣрное не знаю, до совершенно противоположнаго убѣжденія, а именно онъ утверждаетъ, что «деспотизмъ логики — самый несвосный, самый неразумный и самый ненужный деспотизмъ». Этотъ парадоксъ не безъ основаній. Въ са-

момъ дѣлѣ, что такое логика на примѣрѣ въ спорѣ? Ни больше, ни меньше, какъ умѣнье дѣлать умозаключенія, умѣнье вести къ прямому выводу и только. Изъ какихъ посылокъ дѣлается умозаключеніе, на чемъ основываясь приходять къ прямому выводу, — до этого логикѣ дѣла нѣтъ: (1) будь посылки какія угодно, будь основаній самыя ложныя, — ея дѣло правильно вывести изъ нихъ заключенія, на нихъ основать выводъ. Ложность или истинность посылокъ и основаній опредѣляется не логикой, а здравымъ смысломъ, хотя конечно не безъ помощи логики, но всеже безъ абсолютнаго критериума истины: такого критериума нѣтъ, да и не будетъ, — доказательствомъ чему всѣ философскія школы древнія и новыя — у каждой есть свой особенный «абсолютный критериумъ» истины, основанный не на иномъ чемъ, какъ только на вѣрѣ гг. философовъ въ его абсолютность. Идя отъ положенія, что я въ настоящую минуту на лунѣ, я придю къ заключенію, что до ночи осталось еще 144 часа, и таковъ деспотизмъ логики. Но дѣйствительно ли я сижу на лунѣ или нѣтъ, — до этого логикѣ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла. Совѣмъ иное здравый смыслъ: онъ мнѣ подскажетъ, что прежде всего нужно ориентироваться и убѣдиться дѣйствительно ли я на лунѣ. Осматриваясь я составлю новый рядъ посылокъ, *вслѣдствіе* которыхъ деспотизмъ логики заставитъ меня признать, что я ошибаюсь. То же самое различіе между здравымъ смысломъ и логикой видно и въ нашей распрѣ: вы, гг. Современникъ, подчиняетесь деспотизму логики, — подчиняетесь ему и мы; но вы съ одной точки зрѣнія смотрите на предметъ — съ точки зрѣнія узенькой теоріи, мы — съ нѣсколькихъ; вы однимъ путемъ плете, мы другимъ. Эта послѣдняя разница зависитъ не отъ логики, а отъ здраваго смысла; мы убѣдились, что мы не на лунѣ и что вы тамъ, да еще на Дураковой плѣши, а вы забрали себя въ голову, что вы на землѣ, да еще на тронѣ какомъ-то, съ котораго то перунами мечете, то милостями осыпаете смертныхъ.

«Это средство остается единственнымъ законнымъ средствомъ воспитанія».

(Отмѣтимъ въ скобкахъ, что «Современникъ» признаетъ законность *нѣкотораго* деспотизма). Однакоже возгнѣсь съ мусоромъ — занятіе безъ сомнѣнія честное, но все же не совсѣмъ пріятное. Какъ бы поскорѣе его покончить?.. Поймите-съ, что Толстой имен-

(1) Такъ профессору Карпову, шлолѣ подчиняющемуся деспотизму логики, ничто не помѣшало дать въ примѣрѣ умозаключенія слѣдующее: «Всѣ планеты суть звѣзды; земля есть планета; слѣд. земля есть звѣзда» (см. «Систематическое изложеніе логики», проф. Карпова. стр. 179).

авт.

но такую мысль и проповѣдуетъ, только онъ не признаетъ деспотизма даже логики, не признаетъ необходимости теорій даже новѣйшихъ. Вотъ мы не совсѣмъ такую мысль проводимъ: мы признаемъ не мевѣе законнымъ путемъ и естественный путь воспитанія — вліяніе среды и природы (съ Толстымъ у насъ собственно разница въ терминахъ: онъ считаетъ этотъ путь путемъ образованія).

• Такимъ образомъ... вопросъ человѣческой свободы... сводится только къ качеству передаваемаго знанія, къ тому *что* будетъ передаваться, а не *кто* будетъ передавать. (1).

Какая же, оказывается, просто рѣшается вопросъ о человѣческой свободѣ, а мы-то думали, что его рѣшить — «не мутовку облизать». А въ «Современникѣ» сейчасъ рѣшили! Да тутъ же кстади порѣшили и то, что качество преподаваемаго знанія зависитъ оттого, *что* будетъ преподаваться, а не *кто* будетъ преподавать, т.-е. напримеръ качество познаній въ естественныхъ наукахъ будетъ зависетьъ отъ того, *что* будутъ преподавать — геологію и антропологію, или философію и богословіе, а не отъ того, *кто* будетъ преподавать геологію и антропологію — честный натуралистъ, широкій матеріалистъ или узколобый ксендзъ, *кто* будетъ преподавать философію и богословіе — православный священникъ, ярый «воатеръдонецъ», или философъ-гегелистъ... «Гдѣ-жъ намъ въ болотѣ» порѣшить такъ скоро и такъ мудро такіе пустые вопросы! Наше дѣло слушать и удивляться тому, что изрекутъ господа — съ Дураковой плѣши...

ГДЕВЪ

(1) Курсивъ въ подлинникѣ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Общее положеніе европейскихъ державъ по польскому вопросу.

Французскія дѣла. — Пренія въ сенатѣ о польскихъ дѣлахъ. Рѣчь г. Бильо —
Приготовленія къ выборамъ. — Мексиканскій походъ.

Итальянскія дѣла. — Пренія о займѣ. — Мнѣнія о децентрализаци. — На-
мѣренія министерства.

Последнія извѣстія.

Общее положеніе

Въ послѣдніе два мѣсяца Европа была въ крайне напряженномъ состояніи: въ воздухѣ пахло порохомъ, слышались далекіе перека-ты душечныхъ выстрѣловъ; почти всѣ головы были настроены на бравурный тонъ, а нѣкоторые особенно восторженные поборники силы оружія плевались ядомъ и жолчью. Все это происходило по поводу польскаго возстанія. По всей Италіи были собранія для выраженія безкорыстнаго и безденежнаго сочувствія Польшѣ. Во Франціи сенатъ разсматривалъ множество прошеній и томъ, что слѣдуетъ помочь несчастной странѣ, старающейся завоевать свою независимость. Въ Англіи митинги слѣдовали одинъ за другимъ и въ парламентѣ раздавались воинственные рѣчи, не съ цѣлью начать войну противъ Россіи, а только съ тѣмъ, чтобы пристращать колосса, которому теперь не до войны. Въ Пруссіи палата воспользовалась случаемъ, чтобы поговорить противъ министерства, и высказала такое сочувствіе къ Польшѣ, какого конечно не проявилось бы тогда, когда бы палата была съ министерствомъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Наконецъ въ Швеціи были собранія для изъявленія полнѣйшаго сочувствія повстанцамъ.

Но въ чемъ же было дѣло? Чего хотѣли всѣ изъявлявшіе сочувствіе? Въ чемъ заключался краткій смыслъ ихъ длинныхъ рѣчей?

Безъ сомнѣнія, сочувствіе здѣсь ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть поставлено Европѣ въ упрекъ: пламенное стремленіе повстанцевъ къ дѣлу, твердое убѣжденіе, засвидѣтельствованное

аромомъ, смелостью, неволью и прежде всего возбуждають, имѣль о мумифицированности, и по одному этому сочувствіе извѣстнѣе, почитно и даже дѣлаетъ несть Европѣ, незнающей подробностей внутреннихъ, домашнихъ отношеній Россіи въ Польшѣ. Дѣйствительно, весь этотъ шумъ происходилъ изъ прекрасныхъ побужденій; но хотя сначала и казалось, что всё хотѣли одного и того же, именно окончательнаго отдѣленія Польши отъ Россіи, чего хотѣли и повстанцы, однако потомъ оказалось, что самостоятельное существованіе Польши ни для которой изъ державъ не представляетъ ни малѣйшихъ выгодъ, а напротивъ, оказывается прямо въ убытокъ. По этому всеобщій энтузіазмъ въ пользу польскаго повстанія и протѣсталъ. Въ самомъ дѣлѣ, для котораго изъ европейскихкихъ государствъ могло бы привести какую-нибудь выгоду совершенное отдѣленіе Польши отъ Россіи, съ новыми границами, именно не Смоленскъ и Кіевъ со стороны Россіи, съ Помераніей и Силезіей со стороны Пруссіи и съ Червонною Русью и русскими со стороны Австріи.

Для Англіи, впервыкъ, это было бы вовсе невыгодно, потому что тогда новая Польша была бы естественною союзницею Франціи, стало-быть усилла бы Францію больше нежели сколько нужно для безопасности Англіи. А что Польша и Франція находились бы между собою въ тѣсномъ союзѣ, на это указываетъ тождество религіи, этикъ двухъ народовъ, признающихъ римскаго архіепископа главою христіанскаго міра, и большимъ сходствомъ ихъ національныхъ характеровъ. Еслибы Польша составила самостоятельную большую державу и фѣрально республику съ ультра-аристократическими учрежденіями, то при извѣстной степени согласія между Польщею и Франціей, Германія находилась бы въ такихъ прочныхъ и крѣпкихъ тѣскахъ, что дѣло о рейнской границѣ было бы рѣшено мгновенно. Сверхъ того Франція при новой комбинаціи была бы удалена Польшей, какъ постоянно вооруженнымъ и оживленнымъ иждовою независимостью противъ Россіи передовымъ постомъ. Такое удаленіе силъ Франціи и такое уменьшеніе значенія Германціи было бы невыгодно для Англіи. Нѣкоторые изъ тамошнихъ журналистовъ въ первыхъ припадкахъ сочувствія къ повстанію говорили, что давно пора отодвинуть за предѣлы Европы сѣвернаго колосса, такъ какъ дѣятельность этого колосса должна ограничиться Азіей, и не иначе, какъ сѣверной, въ окрестностяхъ тунаръ на устьяхъ Енисея и Демы. Но другія газеты замѣтили весьма скоро, что Польша — также сила, которая, что ежели у насъ долгое время правительства отличались завоевательнымъ духомъ и показали всю свою славу въ расширеніи предѣловъ своихъ земель, пренебрегая внутренними

благорудности, то въ Польшѣ вся нація одушевлена точно такими же воинственными духомъ, а въ тѣхъ границахъ, въ которыхъ печалуютъ патриоты, она имѣла бы и достаточную силу для осуществленія своихъ плановъ. Съ этой стороны выходитъ и для Англій — все равно, а со стороны усилія Франціи — хуже, такъ что некривдливо возстаніе оказывается убыточно. Чего же касаться до того, чтобы поговорить о гуманности, объ инстинктахъ, представить Россіи свои дружескія соображенія о пользѣ примиренія, а также результатовъ возстанія прощениемъ, то объ этомъ почему не поговорить. Оно не только не убыточно, но представляется даже выгодой въ томъ смыслѣ, что какъ бы то ни было, а свободная нація должна представить міру поучительное зрѣлище подобнаго сочувствія.

Для Австріи, напротивъ, совершенно отдѣленіе Польши отъ Россіи означаетъ дѣломъ еще болѣе непоколебимымъ. Австрія съ самаго начала объявила, что вѣрноподданность жителей Галиціи не подлежитъ у нея ни малѣйшему сомнѣнію, и что она ни въ какомъ случаѣ не прибавитъ въ Галиціи ни одного лишняго солдата и ни одного жандарма. Это обѣщаніе могло бы показаться въ некоторыхъ людяхъ, мало знакомыхъ съ политикой Австріи, нѣсколько самоудовольнительнымъ; но это совершенно такъ. Воинскими въ Галиціи всегда было достаточное число войска, чтобы держать край въ повиновеніи, а потому австрійское правительство имѣетъ еще другое полезное оружіе противъ могущаго вспыхнуть возстанія. Правительство внимательно поддерживаетъ и при случаѣ раздуваетъ антагонизмъ между русскими или русскими народами, а также и поляками. Въ Галиціи поляки составляютъ высшій и нѣшній классъ, а русскіе — низшій и до значительной степени зависимый отъ двухъ первыхъ. Въ случаѣ движенія одной изъ этихъ національностей, другая не заведетъ дать ей усиленный отпоръ что безъ сомнѣнія тѣмъ дѣйствительно, что никакая вооруженная сила и никакая полиція не свѣтъ не можетъ съ такимъ неусыпнымъ вниманіемъ слѣдить за попытками движенія одного класса жителей, какъ другой классъ, враждебный. Въ случаѣ нужды, взаимная ненависть раздувается до убійства и дикихъ свирѣпствъ, которыхъ свидетелемъ было еще послѣднее поколѣніе. Зачѣмъ же тутъ войска? Въ случаѣ же, еслибы Польша отдѣлилась, то она конечно потребовала бы и отъ Австріи или по крайней мѣрѣ стала бы пытаться завладѣть тѣми областями, которыя считаетъ она своими. Тогда антагонизмъ, поддерживаемый весьма дѣлательно, могъ бы оказаться безсильнымъ, пришлось бы двигать войска, обезсилить воинскія массы, державшія въ повиновеніи Венгрію, а пожалуй и потерять Краковъ и самую Га-

иціи (Фело этого). Народна отдѣленіе не могло бы стронигася съ образованіа могущественной славинской конфедераціи, а къ страна повар, негда бы неувязать трактатовъ. Тогда сама Австрія съ большою легкостю разосилась бы на ономъ составномъ члени чрезъ отдѣленіе славинскаго элемента. Понятно, что такая перспектива не предостаняеть ей особенныхъ поводовъ сильно желать отдѣленія Польши, а переговоры о пріятномъ обращеніи, предложеніи для царства польскаго провизіальную организацію въ роликъ той, на кое пользуетя Галиція (то-есть гораздо меньше того что имѣло уже въ послѣднее время царство польское), это можно, тѣмъ болѣе, что подобный разговоръ не къ чему не обязываетъ. А между тѣмъ весьма удобно будетъ полиберальничать на чужой счетъ и безо всякаго риска.

Въ третью для Пруссіи лишиться Познани, а особливо жаловіи повстанцевъ непомыалась, лишиться Силезіи и волею нехотеніа жонихъ къ германскому союзу оказывалась рачко такъ же нехотеніа имѣть. Военій поинить намъ въ прошедшемъ году, по поводу вѣсказаннаго одица польскимъ депутатамъ намека на возможность одѣленія Познани, намека единодушно, смортически востала не только прочая мысла, но и противъ дерзости высказывать подобную мысль въ палатѣ народныхъ представителей. Дѣйствительно для немой національности, имѣющей претензію на самостоятельность, вѣдчекъ поинтиа отрѣзать какой-нибудь клочъ немля осморбителна. На этого разъ польское востаніе, въ случаѣ успѣха, могло дойти до одѣленія Познани и другихъ земель, и повому грозило дѣларсти Пруссіи. Но палата имѣла въ виду систематически, не терпясь, не вѣдчекъ устали находить намалый шагъ своего министерства неудовлетворительнымъ, неконституціоннымъ, достойнымъ порицанія. Извѣстно, что палата имѣла на это достачочное число поводовъ, а на поводу конвенціи Пруссіи съ Россіей выдвинула противъ министерства цѣлую батарею обвиняющихъ и порицающихъ ораторовъ. Въ сущности, въ глубинѣ дуаи каждый депутатъ (вромѣ польскихъ) былъ совершенно согласенъ съ мѣрами, принятыми министерствомъ; при другихъ отношеніяхъ къ министерству или при другомъ, болѣе ужасномъ министерствѣ, палата не имѣла бы ничего сказать противъ принятыхъ мѣръ, и не показала бы в тѣмъ согласія съ мыслію повстанцевъ, которая по правдоини смореть въ исполненіе гривила одѣленіемъ нуть не цѣлой волюины Пруссіи.

Для одной Франціи успѣха польскаго востанія могли представитъ нѣкоторыя задатки выгоды; не такъ какъ императоръ Наполеонъ всегда стоялъ на сторонѣ прогресса, а не революціи, и такъ

какъ сверхъ того ему прямо и открыто пришлось бы вѣдѣться противъ цѣлой Европы, то и его правительство воздержалось отъ дѣятельнаго вѣдѣтельства не только оружіемъ, но даже и путемъ дипломатическимъ. Коллективная нота, которую оно хотѣло послать Россіи, окончателю не удалась, и потому оно должно было ограничиться дружескими представленіями и выраженіемъ надеждъ на великодушіе русскаго императора. Препія по поводу русско-польскихъ дѣлъ были въ высшей степени добрыми.

ФРАНЦУЗСКІЯ ДѢЛА

Въ сенатъ подано было нѣсколько прошеній, которыя имѣли цѣлью возбудить дѣятельное сочувствіе къ возстанію въ Польшѣ. Какъ видно, всѣ эти прошенія были переданы въ особую, составленную изъ сенаторовъ комиссію для ихъ разсмотрѣнія. Долгое время общественное вниманіе было оживлено ожиданіемъ того, что скажетъ принцъ Наполеонъ и что скажетъ министр-ораторъ, которому доверено изъяснять шіру намѣренія императорскаго правительства и толковать его шілы. Газеты наперорышъ старались перешиголатъ одна другую въ вѣрности догадокъ и разжигали другъ друга въ ненависти и самыхъ яростныхъ выходкахъ противъ сѣвернаго колосса. Рассказывались нечисто такіа вещь, которыя не только отказываешься вѣрить, еслибы даже рассказывалъ ихъ самый достовѣрный очевидецъ. Увѣряли, будто русскіе солдаты позволяютъ себѣ ужасающія варварства, неслыханныя жестокости, вродѣ того напримеръ, что вытягиваютъ жилы у илѣнниковъ и трупы заколотыхъ дѣтей носить на штыкахъ своихъ въ видѣ трофея. Другіе газеты тонко намекали, что рѣчь тутъ идетъ не о полякахъ и русскихъ, а ни больше ни меньше, какъ о преобладаніи католичества надъ православіемъ, и всякій день рассказывали, будто въ различныхъ встрѣчкахъ русскія войска были постыдно разбиты повстанцами, бѣжали въ безпорядкѣ и были дѣятельно преслѣдуемы на пространныхъ нѣсколькихъ верстахъ. Иная газета сообщала на достовѣрное, что по дѣламъ польскимъ происходитъ несогласіе между министрами и что потому въ министерствѣ скоро произойдутъ значительныя перемены. Другая изъ самыхъ несомнѣнныхъ источниковъ извѣщала, что для министра-оратора собираются всѣ рѣчи, сказанныя во французскомъ парламентѣ въ пользу Польшы втеченіи послѣднихъ тридцати-трехъ лѣтъ. Наконецъ давно ожидаемый день настаетъ, вниманіе удваивается, и вдругъ — отсрочка, по причинамъ, извѣстнымъ только министру-оратору. Что такое? Что могло

безпробиты? Неужели онъ затруднится въ выраженіи взглядовъ правительства, когда онъ кажется никогда въ карманъ за словомъ не лезить? Или можетъ-быть взгляды правительства не обозначились, не опредѣлились? Но эта послѣдняя мысль мелькала только у отъезденныхъ скептиковъ, невѣровавшихъ ни въ польское возстаніе, ни въ будущность Польши.

Но наконецъ давно жданный день наступилъ; рапортъ прочитанъ, но маркизъ де Буасси возбудилъ весьма важный предварительный вопросъ. По точному смыслу нынѣшней французской конституціи, онъ допускаетъ, что иностранецъ, имѣющій собственность во Франціи и терпящій какіе-нибудь убытки, можетъ обратиться съ жалобою въ сенатъ. Онъ допускаетъ точно также, что иностранецъ, только проѣзжающій по Франціи и на время подчинившійся всѣмъ законамъ этой страны, имѣетъ право жаловаться сенату въ случаѣ нарушенія этихъ законовъ. Но онъ ни подъ какимъ видомъ не хочетъ допустить, чтобы живущій во Франціи иностранецъ имѣлъ право подъ какимъ бы то ни было предлогомъ поднимать въ сенатѣ политическіе вопросы, которые могутъ поставитъ правительство въ нѣкоторое затрудненіе, и съ тою единственно цѣлью, чтобы принести пользу иноземнымъ интересамъ. Онъ не хочетъ допустить чтобы ирландцы, къ которымъ нельзя не питать сочувствія, подавали въ сенатъ прошенія противъ Англіи; точно также онъ не допускаетъ, чтобы поляки, спокойно проживающіе во Франціи и раздувающіе въ своемъ отечествѣ войну, жаловались сенату на Россію. Положимъ, что французъ, будь академикъ онъ или нѣтъ, сообщалъ сенату свои желанія на счетъ Польши, но съ тѣмъ только условіемъ, чтобы эти желанія подкрѣплялись и дѣйствіями. Если сочувствуетъ, то пусть и сочувствуетъ, пусть отиравается на помощь Польшѣ, а тамъ пожалуй можетъ и жаловаться на Россію. Кромѣ того онъ намолъ въ поводахъ къ предстоявшимъ преніямъ важное отступленіе отъ принятаго порядка: прошенія не были розданы всѣмъ сенаторамъ, а между тѣмъ любопытно было бы знать, о чемъ именно будетъ идти рѣчь, кто и въ какомъ духѣ какія представлялъ прошенія, и ежели прошенія представлены поляками, которые живутъ во Франціи, не подвергаясь ни малѣйшей опасности, то они должны быть отвергнуты, какъ незаслуживающія никакого вниманія.

По словамъ докладчика оказалось однако, что изъ 637 подписей на прошеніяхъ, только 30 принадлежатъ полякамъ, а остальные всѣ французамъ. Затѣмъ начались и самыя пренія.

Вицеитъ-де-ла-Героньеръ утверждалъ, что правительство должно

просить болыпей свободы для Польши и конституціонналь учрежденій, а не требовать независимости Польши.

Князь Попятовскій доказывалъ напротивъ, что Польша должна быть совершенно независима, и имѣлъ въ этомъ благо Европы.

Въ слѣдующее засѣданіе, 18 марта, маркизъ де ла Рошжакленъ, наравнѣ съ прочими членами сената, выражалъ живѣйшее сочувствіе къ полякамъ, но утверждалъ, что раздѣлъ Польши, прозвѣвъ котораго такъ много кричали, былъ такъ-сказать вынужденъ дѣйствіями самихъ поляковъ, потому что это народъ постоянно волнующійся и почти вовсе неудобоуправляемый. Потомъ онъ разсматривалъ какого рода права предоставлены полякамъ трактатами 1815 года, привелъ самый текстъ статей, относящихся до Польши, и доказывалъ, что участь поляковъ была предоставлена Австріи, Пруссіи и Россіи. Перейдя къ нынѣшнему положенію дѣлъ, ораторъ старался доказать, что Польша не совершенно лишена своихъ собственныхъ учреждений, увѣрялъ, что рассказы о настоящихъ событіяхъ въ Польшѣ по поводу рекрутскаго набора преувеличены; представилъ поляковъ неумѣющими довольствоваться никакими уступками и заключилъ, что по личностямъ, стоящимъ во главѣ нынѣшняго движенія, видно какъ все дѣло состоитъ не въ народномъ движеніи, а въ революціонныхъ судорогахъ. Такъ какъ Франція не можетъ къ нимъ присоединиться, то онъ подаетъ голосъ, согласно съ заключеніемъ комиссіи, что надѣе предоставить все дѣло мудрости императора, который сдѣлаетъ для выгодъ Польши все что сочтетъ удобнымъ и приличнымъ.

Графъ Валевскій оспаривалъ все сказанное предшествующимъ ораторомъ, утверждая, что договоры 1815 года весьма удовлетворительно опредѣляли права Польши и что нынѣшнее движеніе — не революціонное.

Принцъ Наполеонъ выражался, говорятъ, чрезвычайно сильно. Такъ о рѣчи маркиза де ла Рошжаклена онъ сказалъ, что «графъ Валевскій напрасно тратилъ время на ея опроверженіе, тогда какъ совершенно достаточно было бы энергически трижды сказать: ложь! ложь и ложь! Вотъ и все, чего стоила рѣчь этого оратора.» Намъ очень жаль, что мы не можемъ наравнѣ со всѣми русскими журналами, не только перевести, но и прочесть эту любопытную рѣчь. Это было бы весьма полезно для оцѣнки отношеній къ Россіи императорскаго принца. Знаемъ только, что онъ кончилъ словами: «Не хочу войны, но не хочу также и мира.» И когда эта фраза была встрѣчена смѣхомъ, онъ еще прибавилъ: «Такъ дѣйствуйте поскорѣе; какъ? — я не знаю и не хочу знать, что дѣйствуйте. Восстаніе будетъ продолжаться, если мы его доощ-

ршии; пусть императоръ дѣлаетъ то что онъ считаетъ себя въ силѣ сдѣлать; пусть сенатъ, не подаетъ мѣнѣя, которое можетъ быть дурно понято. Судьбы совершились; пусть всякій дѣйствуетъ по своей совѣсти. Что касается до меня, то я вѣрю въ успѣхъ дѣла, за которое возьмется императоръ.»

Это заключеніе буддально такъ было сказано; всякій видитъ, что понять тутъ ничего нельзя. Надо дѣйствовать, но также надо не вести войну и не быть въ мирѣ. Какія судьбы совершились и какъ сомнѣваться, что всякій изъ сенаторовъ дѣйствуетъ и безъ его совѣта по совѣсти, что уже совѣтъ непонятно; и ежели принципъ во всемъ полагается на волю императора, то не зачѣмъ было и изрыгать на Россію ругательства и прилодить въ протверженіе шлеющие слухи. Выходить, что нужно было только порисоваться и отвести душу, или приготовить слушателей къ умѣренной и мирной рѣши г. Бильо, прадательственнаго оратора.

Но въ тотъ день г. Бильо не говорилъ и отвѣтъ свой отложилъ до слѣдующаго дня. Онъ замѣтилъ только, что пренія послѣднихъ двухъ дней не только неудобны, но даже опасны. «Всякое неблагоприятное слово, сказанное въ этихъ стѣнахъ, раздается электрическими, оглоскоми по всей Европѣ, можетъ пролить въ Польшѣ цѣльяхъ рѣки крови; всякое неблагоприятное слово можетъ на политической шахматной доскѣ привести неисчислимныя осложненія. Пора уже слову спокойному, осмотрительному возстановить истинный смыслъ днѣшнихъ событій. Поэтому прошу позволенія, сечна завтра, посредствомъ полныхъ объясненій, изгладить впечатлѣнія, которыя могли составиться вслѣдствіе преній. Я попробую доказать, что ежели сенатъ перейдетъ просто къ своимъ очереднымъ занятіямъ, то это будетъ согласно съ сочувствіемъ, которое мы все питаемъ къ Польшѣ, согласно съ нашимъ довѣріемъ къ политикѣ императора, согласно въ особенности съ истинными интересами Франціи.»

Газеты говорятъ въ скобкахъ, что за симъ воспослѣдовала глубокая сенсация. Что это значить и чѣмъ выражается пролоная сенсация, мы ни понять, ни догадаться не можемъ. Значить это вѣроятно, что сенатъ почувствовалъ ощущеніе чего-то, и почувствовалъ глубоко. Но чего? Обыкновеннаго ли удовольствія или престонолюбиваго? Все это неизвѣстно; вѣрно только то, что предель въ скобкахъ поставленныя примѣчанія французскаго журналиста могутъ произвести въ читателѣ глубокую сенсацию.

Всей рѣши г. Бильо мы конечно не будемъ; она слишкомъ мимна и отличается обыкновенными достоинствами этого драгора, чрезвычайною, благоумѣренностью, полнѣйшимъ довѣ-

ріємъ къ мудрымъ рѣшеніямъ императора и думѣемъ вставить самую беззавѣтную похвалу французскому правительству, стало-быть тутъ же и самому себѣ. Рѣчь прерывалась рукоплесканіями, криками: «хорошо! прекрасно!» ропотомъ одобренія, глубокими сенсациями, удвоенными движеніями вниманія и ажитацией. Но въ-которыя мѣста рѣчи показываютъ совершенно ясно то положеніе, въ которое стала Франція къ польскому возстанію и Россіи.

Г. Бильо сказалъ между прочимъ: «Здѣсь были произнесены достойныя сожалѣнія слова, а въ интересахъ самой Польши желательно было бы, чтобъ къ истиннымъ затрудненіямъ помощи не присоединялись искусственныя затрудненія отъ публичныхъ преній.» Около двухъ лѣтъ тому назадъ, когда началась въ Польшѣ первая демонстрація, въ «Монитерѣ» напечатана была слѣдующая фраза:

«Событія въ Варшавѣ были единодушно одѣяны французскою печатью съ тѣми чувствами самнати, которыя даже переняли такъ-сказать въ преданія. Но эти свидѣтельства участія оказали бы весьма плохую услугу тому дѣлу, которому они намѣрены служить, еслибы слѣдствиемъ ихъ было заблужденіе общественнаго мнѣнія, которое можетъ подумать, будто бы императоръ *поощряетъ надежды, которыхъ удовлетворить не можетъ*. Великодушныя намѣренія, которыми оживленъ императоръ Александръ со времени вступленія своего на престолъ, доказываются всего лучше мѣрою освобожденія крестьянъ. Это ручается также и за его желаніе осуществитъ всевозможныя улучшенія, сообразныя съ состояніемъ Польши, и остается только желать, чтобы ему не помѣшали *манifestаціи*, которыя могутъ поставить достоинство и интересы народа въ *антагонизмъ* съ намѣреніями императора.» Нынѣшній разъ г. Бильо подтверждаетъ ту же мысль, прибавляя, что польскій вопросъ есть вопросъ европейскій, котораго умныя и предусмотрительныя правительства не забываютъ. Новыя несчастія и новыя рѣки крови не въ состояніи разрѣшить этого вопроса и неужны для того, чтобы о немъ напоминать. Ни хорошо, ни полезно, ни человѣчно возбуждать подобныя горестныя демонстраціи. Правительство не забываетъ своего сочувствія къ Польшѣ, но оно желаетъ отвращенія кровопролитія.... Выгоды и желанія Европы, Франціи и — снажу не колеблясь, — и самой Россіи, заключаются въ умиротвореніи Польши, что не можетъ совершиться иначе, какъ чрезъ удовлетвореніе законныхъ интересовъ. Но что же именно должно быть сдѣлано? Съ 1815 года мы видѣли, что въ этой несчастной странѣ смѣнялись очень многія системы. Конституція, данная императоромъ Александромъ I, довела до возстанія 1831 года. Строган

система въ царствованіе императора Николая не усмиривъ и не уничтоживъ эту упорную національность. Доброта, человечность и миролюбивое расположеніе императора Александра II привели къ новому возстанію. Договоры 1815 года, на которые всякій съездается, составляютъ ли удовлетворительный способъ для излеченія нынѣшняго положенія? Договорами этими обѣщаны молчаливому народу національныя учрежденія и народное представительство. Но къ этимъ обѣщаніямъ тутъ же въ текстѣ немедленно прибавлено: «сообразно съ тѣмъ образомъ политическаго устройства, который отъ правительства, или управляющихъ, сочтеть будетъ полезнымъ и приличнымъ.» Эта фраза, ограничивавшая обѣщаніе приномъ сдѣлать произвольную уступку, была предметомъ безконечныхъ; до сихъ поръ ни къ чему не приведшихъ споровъ между державами. Когда Европа, или вѣрнѣе сказать либеральныя державы Европы говорили: Вы трактатами обѣщались устроить отдѣльное національное представительство и особую администрацію, — имъ отвѣчали: да, но согласно съ тѣмъ образомъ политическаго устройства, который мы сочтемъ полезнымъ и приличнымъ, а подробности этого дѣла — вопросъ чисто внутренней, ни до которой иностранной державы не касающійся. Такимъ образомъ ничто еще не рѣшено, и вы сами видѣли, какъ одинъ за другимъ произведенныя русскимъ правительствомъ опыты, болѣе или менѣе сообразныя съ духомъ договора 1815 года, всѣ оказались безсильными; но это безсиліе лежитъ здѣсь въ самомъ порядкѣ дѣла. Если русское правительство даетъ мало этой страдающей національности, то она будетъ считать себя угнетенною, и останется въ положеніи угрожающаго волненія; если уступить много, то она употребитъ полученное для завоеванія того что будетъ ей недоставать. (Возгласы: Очень хорошо! очень хорошо!) Такимъ образомъ трактаты 1815 года не составляютъ еще разрѣшенія затрудненій. Они устроили положеніе, которое существовать не можетъ; они не разрѣшили вопроса: они постановили рядомъ элементы враждебныя; они хотѣли усилить державы; раздѣлившія Польшу и соединить ихъ противъ общаго врага; но имъ не удалось: они навязали державамъ затрудненія, равну, боль ежеминутную. Эти обстоятельства не могутъ быть могли быть предвидѣны еще въ 1815 году, но съ тѣхъ поръ въ мирныя времена они уяснялись все болѣе и болѣе. Самые заинтересованныя правительства видятъ это, и они самымъ просвѣщеннымъ образомъ не понимаютъ, какъ подобныя безпокойныя условія требуютъ глубокаго изученія и соглашенія всѣхъ противорѣчивыхъ выгодъ. Вотъ, господа, въ какомъ видѣ представляется вопросъ и какъ надо стараться разрѣшить его, но не съ

ванностию, которая может оскорбить и некоторая симпатія удивить участие, которое намъ необходимо; тутъ нужно спокойное вниманіе государственнаго мужа, который говоритъ: есть интересы, которые должны быть удовлетворены, страданіе, противъ котораго нужно лекарство; правительства дипломатическими и страдающими сами видють это, и во всей Европѣ шепчутъ по этому поводу такія убѣжденія и такія дивпатіи, что для дѣлъ дипломатическаго и дружескаго вліянія всякій легко пойметъ и последствія выгоды и все положеніе (Выраженія сочувствія). Затѣмъ, что же остается дѣлать? У насъ есть по этому поводу опыты прошлаго. Дѣла дѣларанія вадіи, Франція и Англія, съ 1830 года до сихъ поръ не выскетъ, но отдѣльно дѣйствовали, наблюдали, совѣтовали, дипломатическія трактаты 1815 года. Франція, великодушная по своему народу и нераспитательная по своему правительству, ограничивалась по большей части адресами, великодушными словами, но безъ дипломатическихъ дѣйствій по отношенію къ государю, который былъ переположенъ къ орлеанской династіи. Понятно, что все это не можетъ быть дѣйствительно. Но Англія была жь прекраснѣе отношеніемъ къ русскому правительству. А что она получила? Во время востанія 1830 и 1831 годовъ, когда еще не было рѣшено нѣтъ дѣлится ишло, она поручила своему посланнику въ Петербургъ сдѣлать кое-какія замѣчанія насчетъ договоровъ 1815 года. Замѣчанія остались безъ послѣдствій. Потомъ Франція предложила Австріи сообща войти въ посредничество, но Англія отвѣчала: это общее дѣлательство будетъ дурно принято въ Петербургѣ и сверхъ того будетъ не дѣйствительно. Наконецъ когда Варшава была взята, англійскій кабинетъ писалъ своему посланнику, что дѣло оружія нечестно и наступила пора сдѣлать замѣчанія въ пользу Польши. Въ отвѣтъ на это, въ депозитъ графа Несельрода къ русскому посланнику въ Лондонѣ, сказано было, что вѣроятно къ Россіи въ послѣдній разъ обращаются за объясненіями по вопросу, въ которомъ она была; можетъ и должна быть судьбою.

Въ 1846 году, вольдствіе знаменитыхъ событій, краковская республика, которой существованіе обезпечено было договорами 1815 года, была присоединена къ Австріи трактатомъ, подписаннымъ Австріей, Пруссіей и Россіей. Опять приходилось дипломатамъ дѣлать договоры, и опять три северныя державы отвѣчали, что кончить начесть имъ однихъ. Вотъ и все что получалось отъ различныхъ дипломатическихъ переговоровъ и напоминаній. Правда, что все это сопровождалось значительными вѣрваніемъ съ различныхъ требованій, шумными выраженіями сочувствія къ Польшѣ. Но года двадцать, съ большими комитетскими оловъ и съ масса, малыми дѣйствіемъ

инимъ, трѣбное неудобство, — возмущать несчастный народъ, подогрѣвая пламенемъ, развращать его государя, и быть совершенно недействительною. Начинать тоже самое, мы уже болѣе по лѣтамъ (Очень хорошо! прекрасно!). Итакъ, что же дѣлать? Чтобы хорошо обсудили, предстоящій намъ шагъ, надо хорошенько рассмотреть въ партію, расположенную на этой шахматной доскѣ: кто съ нами, кто противъ насъ и кто сади. При этомъ, разсмотрѣніи прѣдъ всего представляется Россія и ея государя, съ которыми императоръ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, взаимно заключилъ дружбу и уваженіи; государя, который во время войны вывелъ насъ изъ зависимости сообщенно народа и безопасность нашихъ границъ, самъ собою принявъ на себя, всепринятывавшая нѣкоторымъ важнымъ затрудненіямъ со стороны Рейна. Этотъ государя, когда мы требовали отъ Савойи своихъ естественныхъ границъ, а дружественныя державы съ злымъ не-обманались и могли своими возраженіями, прицепля затрудненія общепрошеійскія, этотъ государя черныи, лии всѣхъ своимъ твердымъ положеніемъ предупредилъ наши зарождающіеся стремленія. Когда въ отношеніяхъ государей и королей, разсматриваешь силы, съ которыми приходится считаться, когда съ дружбою однихъ соединяется соперничество другихъ и даешь нѣкоторыхъ, то становится ясною важность, необходимость беречь и заботя нѣкоторыхъ имени, нѣкоторыя прибавки на вѣсѣхъ, чести деловыя среди прѣтнворчій и борьбъ; членовнеохъ интересовъ. Были бы даже однихъ втнхъ дружественныхъ отншаній было мало, чтобы дать намъ весьма экононыя надежды за Польшу, развѣ этотъ государя не привелъ въ своей странѣ самую громадную изъ всѣхъ революцій? Развѣ онъ не призналъ въ себѣ все это маселеніа, рабство, которое считается миллионами? Развѣ вступилъ на этотъ путь цивилизаціи и прогресса, онъ не будетъ увлеченъ своимъ обогатилнствіи въ этомъ направленіи? Развѣ мы помогаемъ, что на всемъ происходящемъ въ Россіи Польша не могла основать самыхъ экомныхъ надеждъ? Или вы думаете, что это правительство, продвигавшее наибольшее направленіе отъ своего государя, будетъ такъ мало заботиться о свои выгоды, что возбуждать затрудненія, и въ то тѣе, чтобы искать развѣшоній, обезмечивающнхъ ея охотнне и миръ? Пребраваніи въ великомъ народѣ не всегда пѣлываются легко. Възникот всевозможныя затрудненія; благодарности мало, а дваетя оппозиція. Весьма можетъ быть, что важнее дѣло цивилизаціи, ирѣдпавитое императоромъ Александромъ II, состоитъ въ не-отложную минуту для него и для его народа причину нѣкоторыхъ затрудненій, — ослабевіи, необходимости сосредоточить свои силы на

самихъ себя. Безъ сомнѣнiя, по окончанiи великаго дѣла Россiи ий- деть въ цивилизацiи и въ прогрессъ громаднѣйшее возматриванiе своихъ минутныхъ затрудненiй. Однакоже тѣмъ не менѣе справедливо, что въ настоящую минуту это великое правительство поймавъ какъ ему выгодно не осложнять польскими затрудненiями своихъ внутреннихъ трудностей, и зажигая зарю свободы въ своей странѣ, оно не можетъ нераспространять ее въ странѣ сосѣдней... Что касается до Ангiи, то ея положенiе совершенно особенное: въ рѣчахъ ея политическiй либерализмъ, въ ея поведенiи — глубочайшая объективность. Политики не могутъ на нее жаловаться: она часто имъ предупреждала; англiйскiе ораторы много разъ повторили то что можно вращивъ выразить прошедшими словами лорда Росселя: «Никогда ни одинъ государственнiй человекъ Ангiи не имѣлъ обязанности перваго министра, не имѣлъ мысли *подать* международную помощь полякамъ... Никогда ни одинъ министръ не думалъ, чтобы его страна могла *вмѣшаться* иначе, какъ выраженiемъ своей милости...» Почти съ самаго начала, т. е. 17 февраля, министры петербургскому кабинету представленiя въ выраженiяхъ, сообразныхъ съ дружескими отношенiями, существующими между двумя правительствами. Мы представляли затрудненiя, опасности, необходимость этого положенiя. Намъ отвѣчено было въ выраженiяхъ благожелательныхъ, что не намѣревается отнять отъ насъ какихъ-либо уступокъ, что можетъ-быть не остановится перелъ дальнѣйшими уступками; въ другой разъ произнесено было даже слово амнистiа. Между тѣмъ произошло важное событiе: между Россiей и Пруссiей заключена была конвенцiа 8 февраля. Тутъ можно дѣйствовать болѣе энергически. Происшло международное событiе, которое дѣлало право на замѣчанiя международныя. Мы имѣли поводъ думать, что въ силу этой конвенцiа 8 февраля войска той и другой державы имѣютъ право переходить границы, а это имѣвало обмѣнованныя международныя отношенiя по поводу событiа внутренняго, относящагося только до одного правительства. Основываясь на чувствахъ, высказанныхъ на англiйской трибунѣ, мы предложили британскому правительству дѣйствовать вмѣстѣ на Пруссiю. Черезъ несколько дней Ангiа отвѣчала намъ, что она видитъ неудобства въ общемъ дѣйствiи и послала свои вѣты отдѣльно. Между тѣмъ къ нашимъ оламъ присоединилась еще одна. Прусскiй парламентъ очень энергически выразился противъ конвенцiа, которая и не была ратификована и повидному должна остаться мертвой буквой...»

Далѣе достопочтенный ораторъ, приступая къ описанiю того что должна дѣлать Францiа, рассказываетъ подробно, какiя громадныя услуги цивилизацiи оказалъ императоръ Наполеонъ III,

подпортить во Франціи истинную свободу, неддерживая и даже и покинута правильную свободу, достаточную для народа и не безпокойную для правительства. «Императорскій либерализмъ, — говоритъ онъ, — мало-помалу распространяется по всей Европѣ. Позвольте мнѣ Бильо описывать какъ императоръ во вѣсть великія вѣдѣнія дѣлахъ иногда не дѣйствовать одинъ, а обезпечивая себя союзами, настолько для обезпеченія самого себя, сколько для отвращенія могущихъ возникнуть подозрѣній въ томъ, что будто бы онъ стремится къ преобладанію и завоеваніямъ. «Польскій вопросъ есть вопросъ въ высшей степени европейскій. Въ немъ вѣтъ ни насъ ни особой политики, ни отдаленнаго дѣйствія: онъ столько же затрагиваетъ и обязываетъ другія великія державы, какъ и насъ. Державы обязаны развѣ, шестомъ этого вопроса передъ самими собою, если въ нихъ есть чувство добра, права, справедливости и цивилизаціи; онъ передъ самими собою обязываетъ присоединиться къ намъ, и посредствомъ мирной и либеральной политики изобрѣтать заставить Россію и Пруссію почитать ихъ истинные интересы и наши, объяснивъ имъ чего именно требуетъ отъ нихъ человечество и миръ Европы. Въ этомъ смыслѣ начались теперь дипломатическіе переговоры, о которыхъ теперь всякое слово было бы неблагоуравное и несовременное.» Стало-быть сенатъ долженъ во всемъ положиться на мудрость императора, и оставивъ прошенія о польскихъ дѣлахъ въ сторону, перейти къ своимъ очереднымъ занятіямъ.

Рѣчь г. Бильо была завершена восторженными похвалами мудрости императора Наполеона III, избранника народа, который пожелалъ предѣлать безплоднымъ революціямъ, раздражившимъ Францію.

Несмотря на наследную рѣчь министра безъ портфеля, несмотря на многолѣтній опытъ, теперь во Франціи готовятся новыя выборы въ такъ-называемое законодательное собраніе. Печальны эти приготовленія. Извѣстно, что въ законодательномъ собраніи было только пять членовъ, несогласныхъ съ абсолютными распоряженіями правительства. Доказано также, что правительство во Франціи считаетъ оппозицію для себя бесполезною, въ противоположность тому знаменитому министру, который говорилъ, что онъ никакъ не согласился бы управлять страню безъ оппозиціи. Стало-быть французское правительство терпитъ этихъ пятерыхъ или какъ это, отъ котораго оно еще не успѣло избавиться, или какъ тѣмъ, необходимую для того, чтобы явче выступала ослѣпительный свѣтъ согласія народныхъ представителей съ правительствомъ. Польское вѣроятіе, и если вѣсто пяти будетъ семь членовъ или

досать, составляющія тѣнь, дѣла пойдутъ по дужкѣ и событія не потеряютъ своего блеска: Поэтому-то и печальныя приготовленія къ выборамъ, какъ печальны были условія ребенка, начинающаго только играть въ шахматы, когда бы онъ сталъ играть съ земля своихъ ребяческихъ соображеній въ борьбѣ противъ опытнаго и сильною шахматнаго игрока. Много ходовъ слышано, фигуры и пѣшки разставлены опытные игроки такъ искусно, что всякій разъ остаются атакующему только одна или два лишнія хода. И воображаетъ ребенокъ, что онъ ведетъ игру, и не знаетъ, что нѣсколько разъ уже были поды матомъ, что воистину фигуры давно могли бы быть взяты, и намрочить соображеніе, и придумываетъ новый ходъ, наконецъ придумаетъ только туго шагъ, который нарочно оставляетъ свободнымъ по воли получающаго игрока. Но все продолжается игра, потому что этого хочется опытный игрокъ, видящій въ этомъ свою выгоду. Продолжается игра и протянется еще на продолжительность жизни одного поколения. А послѣ? Но какъ же знать что будетъ послѣ нашего столѣтія? Въ послѣднее время событія слѣдуютъ одно за другимъ такъ быстро, что гораздо еще, когда можно заглядывать впередъ на цѣлыя двадцать пять лѣтъ. Послѣ могутъ явиться новыя условія и новыя комбинаціи, которыя теперь нежеть-быть и въ голову не приходило самымъ смѣлымъ утопистамъ или самымъ фанатическимъ консерваторамъ.

Мексиканскій походъ начинаеть утомлять воинственную націю. Генералъ Форъ не торопится взять Пуэблу, которая лежитъ на пути къ Мехико, и конечно у него есть на это совершенно достаточныя причины. Не хватаетъ ли у него на это бездной артилеріи, или недостаетъ силъ, перевозочныхъ средствъ, провіанту или чего другого, все равно. Дѣло покажется въ томъ, что французскія войска стоять безъ движенія; какъ водится, состояніе войскъ чистейше не вставляетъ ничего болѣе желать, духъ солдатъ и офицеровъ въ блестящемъ положеніи, но результатовъ-то нѣтъ, шумиха не гремитъ, воинская слава не выпускаетъ своего дурмана на чуждыя головы и потому французамъ скучно. Газетчики было придумали даже, что французскія войска нарочно не двигаются впередъ, хотя бы и могли это сдѣлать, собственно потому, что они хотятъ сдѣлать рѣшительный шагъ только передъ самыми выборами, чтобы громъ побѣдныхъ пушекъ огушилъ королевскаго избирателя, которые по этому случаю потеряютъ голову и тотчасъ изберутъ притивительственныхъ кандидатовъ. Но это соображеніе что-то уже слишкомъ тонко и рвется отъ малѣйшаго практическаго съ зрѣлымъ смысломъ и знаніемъ отношеній французскихъ избирательныхъ

колегій. Выбору правительственных канцелярей слишком коротко обеспечены, чтобы нужно было для этого прибегать къ неутоешному востергу, производящему посредствомъ мушкетныхъ выстрѣловъ, а для этого тратить время, людей, умиряющихъ капы мухи въ несправочномъ для нихъ убійственномъ клинѣхъ, провѣнати, а главное — риковать прослыть слабыми въ глазахъ поудлаваго народа за оканомъ — было бы слишкомъ уже нитро. Такой ошибкѣ нельзя ожидать отъ вынѣвниаго французскаго правительства, такъ искусно распоряжающагося своимъ мажматнымъ кодаши. Прошлой канѣ-те слухъ, будто французскія войска обещали Публу и возли Мекано. Но это оказалось вздоромъ, газетное утной. Но жалко-также войти въ положеиіе газетчиковъ, которые остаются оковтательно на волнѣ по случаю недостатка новостей. Приходится хоть что-нибудь придумывать, и это тѣмъ удобнѣе, что на другой день можно вставить опять статейку такого содержания, что вчера напечатанное вами извѣтіе оказалось несправочнымъ, хотя повединому истекало изъ самаго благовадежнаго источника. При ближайшемъ соображеніи оказывается даже, что ежели это и правда (потому что какъхъ чудесъ не пометъ надѣвать любѣдимое оружіе наше!), то извѣстіе не могло придти въ Европу такъ рано. Генералъ Феррѣ цогъ выступилъ изъ Орсеабы иишь такого-то числа, зѣвѣтъ... и такъ далѣе. Подробнѣе соображенія о различныхъ возможностяхъ зайнуть какой-нибудь стонбещъ, и все-таки газете наложена.

Итальянскія дѣла

Недавно состоялось положеиіе о повоми итальянскими займѣ въ сельсоти миллоновъ франковъ. Въ послѣднее время злоупотребеиіе займовъ дошло до такой чудовищной степени, что сельсоти миллоновъ милочемъ, и та сумма, которая изъ займа осталлава была по долю національной подлишнѣ, въ нѣсколько дней была покрыта съ избыткомъ: денегъ лилось втрое или вчетверо больше, нежели требовалось. Для настоящаго итальянскаго правительства это обстоятельство весьма благопріятное, но каково-то будетъ потомству расплачиваться за издержки предковъ, вотъ вопросъ. При употребленіи займа на постройку шапримѣръ желѣзной дороги, когда деньги истратены, остается дорога, дающая нѣвѣстный доходъ, причѣмъ ежели доходъ выше тѣхъ процентовъ, которые по займу приходится платить, операція была выгодна, а если ниже, то все дѣло въ убытокъ (если не принимать въ соображеніе дру-

гих не прино денежныхъ выгодъ, доставляемыхъ желѣзною дорогою). Заемъ, произведенный правительствомъ, несетъ себя, когда бываетъ истраченъ, обыкновенно не оставляетъ никакой доходной статьи, съ которой можно было бы собирать доходъ для уплаты процентовъ. Если заемъ былъ употребленъ съ пользою, то выгода или невыгода его выражается возвышеніемъ или пониженіемъ общаго уровня благосостоянія народа, большимъ или меньшимъ развитіемъ образованности и т. д. Въ окончательномъ результатѣ оказывается обыкновенно, что проценты платить легко, когда заемъ употребленъ съ пользою для народа, хотя воцѣнному ближайшія слѣдствія неосознательны и такъ-сказать незначительны. Стало-быть, когда министръ финансовъ излагалъ передъ палатой общее положеніе денежныхъ дѣлъ государства, недостатокъ и потребностей, онъ неизбежно долженъ былъ коснуться и тѣхъ нравственныхъ результатовъ, къ которымъ стремится нынѣшнее правительство. Главною заботою министерства на его словахъ будетъ обезпеченіе независимости Италіи, стремленіе къ довершению единства, свободы и главное дѣло — административная децентрализація. Имѣя въ виду такіа прекрасныя обѣщанія, палата согласилась на заемъ, который имѣлъ благополучіе быть допущеннымъ къ оффиціальной продажѣ на парижской биржѣ. Было сказано нѣсколько скучивѣйшихъ и нѣсколько блестящихъ рѣчей по поводу этого предложеннаго займа. Противу всѣхъ стремленій министерства никто не возражалъ; была только новая вариация на старыя темы. Но извѣстный депутатъ Броферіо возсталъ противъ децентрализація, чего по видимому отъ него нельзя было ожидать, такъ какъ онъ въ палатѣ одинъ изъ самыхъ свободныхъ. Но точка зрѣнія его довольно любопытна.

«Всѣ толкуютъ — говорилъ онъ — о децентрализаціи; въ послѣднее время даже самое слово централизаторъ сдѣлалось какъ-будто ругательнымъ словомъ. Хотя не совсѣмъ удобно говорить противъ моды, однако я вамъ скажу, что я ненавижу вашу децентрализацію. По видимому для Италіи, имѣющей свою особенную, своеобразную исторію, для Италіи, которая стремится по своимъ привычкамъ и различнымъ мѣстнымъ предразсудкамъ и предубѣжденіямъ скорѣе къ конфедераціи чѣмъ къ единству, по видимому централизація — великое зло. Но по моему бытъ съ вами съ нашей децентрализаціей. Подъ этимъ прекраснымъ словомъ у насъ разумѣютъ не предоставленіе обществамъ надлежащей степени самоуправленія, не воздержаніе отъ администраторства, а напротивъ у насъ хотятъ, чтобы община управлялась сама собою, и прекрасно, еслибы мы на этомъ остановились; но мы прибавляемъ: подъ руко-

водствомъ и ближайшею, стѣснительною опекой мѣстнаго префекта, который управляется министромъ. Это не самоуправленіе, а только тройная степень администраторства, вдесятеро горшая самой свирѣпой централизаціи. Децентрализація! Что вы мнѣ толкуете о ней, когда у васъ префектъ облеченъ всеми атрибутами власти министра, только въ меньшемъ округѣ, въ болѣе тѣсномъ иругѣ дѣйствія. Въ началѣ соединенія Италіи всякій мелкій чиновникъ опредѣлялся на службу не иначе какъ съ согласія министра, а теперь это считается даже недостойнымъ префекта, и опредѣленіе зависитъ отъ всякаго мельчайшаго начальника. Прекрасно, подождимъ, что это до нѣкоторой степени полезно. Но замѣтите, что и увольненіе чиновника зависитъ отъ тѣхъ же мелкихъ лицъ, маленькихъ тирановъ, которые дѣлаютъ что хотятъ, свосвольничаютъ въ своихъ маленькихъ кружкахъ, какъ министры въ своихъ большихъ. Это вы называете децентрализаціей? Очень благодаренъ за такое благодареніе, но лучше еслибы его не было. Отъ этого въ администраціи у насъ завелось рабство, какого никогда не бывало даже подъ австрійскимъ владычествомъ и независимыхъ убѣжденныхъ чиновникъ, въ родѣ тѣхъ, какихъ мы съ благоговѣніемъ видимъ въ Пруссіи, у насъ не мыслимъ. И что вы мнѣ толкуете о децентрализаціи, когда это результатъ, образующійся самъ собою изъ свободы мысли, свободы слова и просвѣщеннаго этою свободою общественнаго мнѣнія. Вы хотите обойти причины и создать прямо результатъ, хотите административнымъ путемъ ввести отмѣну административности и порождаете чудовище, которое можно бы назвать сыномъ своего дѣда, еслибы это не былъ матушкинъ сынокъ преувеличеннаго чиновничества. Что мнѣ дѣлать съ вашей децентрализаціей, когда она ведетъ къ грубѣйшему злоупотребленію власти каждымъ изъ мелкихъ начальниковъ. Хороша ваша децентрализація, когда въ силу ея въ Бари префектъ смѣняетъ чиновника за то, что жена его, подчиненнаго, не хотѣла слушать галаантныхъ предложеній начальства своего мужа. Прекрасная децентрализація, когда казначей префектуры въ Катавцаро теряетъ мѣсто за то, что не хотѣлъ допустить префекта сдѣлать маленькій заемъ въ казенной кассѣ. И это не отдѣльные случаи. Вы называете децентрализаціей преувеличеніе власти префектовъ, тогда какъ это должно быть наоборотъ. Съ тою децентрализаціей, которая предоставитъ администраціи только наблюденіе за исполненіемъ законовъ, предоставивъ все остальное обществу, я совершенно согласенъ. У насъ же это значитъ не болѣе какъ увеличеніе власти министра посредствомъ увеличенія власти каждаго изъ его подчиненныхъ на ступени подчиненности. Что мнѣ за пужда, что это ускоряетъ ходъ дѣлъ;

всякое самоуправствіе и самоуправство заключаетъ въ себѣ ту же выгоду; но пусть лучше дѣла тянутся нѣскольکو долѣе, лишь бы люди были независимѣе. А то теперь вы не найдете человека на службѣ служащаго закону: всѣ теперь служатъ лицамъ, и побрѣбуй подчиненный только напомнить начальнику про общаго ихъ начальника, про законъ, немедленно онъ лишается мѣста, и жаловаться нигуда не можетъ, потому что видите ли у насъ нынѣче въ модѣ децентрализація. Да куда она годится въна децентрализація, когда она порождаетъ на мѣсто одного центрального распорядителя, министра, тысячи маленькихъ деспотовъ, распорядящихся каждый въ своемъ кругу, какъ маленькій папа. Эта страшная привычка къ своевольничанью заставляетъ ихъ выѣшиваться и въ дѣла общества, которыя уже до нихъ вовсе не касаются; а если свободный журналистъ выводитъ на всеобщій судъ такого мелкаго тирана, то онъ попадаетъ въ тюрьму, какъ это было недавно въ Амирамента, а предлогъ всегда готовъ: такой-то вредный человекъ властей не признаетъ; каморристъ, гарибальдистъ, стало-быть кромѣ тюрьмы нигуда не годится.»

Въ палатѣ депутатовъ были послѣ того пренія по поводу прошеній о польскихъ дѣлахъ. Рѣшено было передать эти прошенія правительству. Министръ иностранныхъ дѣлъ Висконти-Веноста разъяснялъ о планахъ, которыхъ держится министерство. Были посланы инструкціи итальянскому посланнику въ Петербургъ для ходатайства въ пользу Польши. Министръ выразилъ надежду, что царствованіе императора Александра, прославившееся внутренними преобразованіями, будетъ также временемъ различныхъ благодѣтельныхъ мѣръ въ пользу Польши. Италия не можетъ забыть синаматическаго положенія Россіи во время войны 1859 года, точно такъ же какъ и недавняго акта признанія Италіи. Въ ночь, посланной въ Петербургъ, итальянское правительство сообщило свои опасенія насчетъ нынѣшняго положенія дѣлъ. Англія пригласила Италію принять участіе въ дипломатическихъ мѣрахъ, которыя будутъ сочтены приличными. Правительство приняло это предложеніе съ готовностью, и теперь Италия, сохраняя полную свободу дѣйствій, занимаетъ свое мѣсто въ европейскомъ совѣтѣ. Постоянный девизъ министерства будетъ: «Италія свободная всегда, но удивленная никогда!» (Какъ водится, рукоплесканія).

Последнія извѣстія

Въ Греціи окончательно избранъ король въ второй сынъ датскаго

короля, подъ именемъ Георгія I. Дѣти его будутъ исповѣдовать греческую вѣру. Послана депутація для поднесенія ему короны.

Въ Соединенныхъ-Штатахъ продолжается рѣзня. Несмотря на знаменитую прокламацію президента Линкольна объ освобожденіи невольниковъ, они возставать не хотятъ или не могутъ. Нелавно проникнувшій въ южные штаты отрядъ съ цѣлью поднять невольниковъ, былъ окруженъ, перебитъ и всѣ большіе офицеры его повѣшены. Неумолимая логика войны проявляется въ Соединенныхъ-Штатахъ можетъ-быть сильнѣе и послѣдовательнѣе, нежели гдѣ бы то ни было въ другомъ мѣстѣ, во время какихъ-либо другихъ военныхъ дѣлъ.

Въ Турціи перемѣнилось министерство. Но что изъ этого выйдетъ, — понятно само собою. Ничего не выйдетъ и дѣла попрежнему будутъ запутываться все болѣе и болѣе, если только тутъ болѣе возможно. Карты перетасовываются: наверху оказываются не тѣ, которыя были вчера, а тѣ, которыя были на верху поступаютъ въ безразличную массу, а играть этими картами продолжаютъ съ общаго согласія великія державы, дѣлая впрочемъ видъ, что это не игра, а самое настоящее, важное дѣло.

ОПЯТЬ «МОЛОДОЕ ПЕРО»

ОТВѢТЪ НА СТАТЬЮ «СОВРЕМЕННОКЪ» «ТРЕВОГИ ВРЕМЕНИ» (Современникъ, мартъ, № 3)

Вспился—таки! Не выдержалъ самаго перваго натиска! Я и прелрекалъ что воньется... О молодое перо! Какой визгъ изъ-за того, что вамъ отдавили ножку. А вспомните—ка молодой, но блестящій талантъ, вспомните какъ вы куражились въ февралѣ надъ А. Скворонскимъ за его «Литературную подпись!»⁽¹⁾. А вотъ какъ коснулось до васъ самихъ, такъ и наполнили тотчасъ же вселенную своими воплями:

Remplit les bois et les campagnes
D'un cri perçant de ses douleurs,

Вотъ потому—то сейчасъ и видно, что еще молодой талантъ, да еще безъ всякой дресировки. А еще обижается за слово «молодой»!

Вы разсердились на статью во «Времени». Вы проговорились и упоминаете о ней въ вашей статьѣ «Тревоги Времени». А не надо бы было упоминать, не надо бы было проговариваться, что отъ нея пострадали, а слѣдственно, что васъ злость беретъ и тянетъ выругаться въ предупрежденіе разлитія жолчи. Статья ваша точно докторомъ вамъ прописана, по рецепту. Она нахнетъ антекой, гофманскими каплями, укусомъ и лавро-вишневой водой. Вотъ это—то и значить свои бока подставлять. Тутъ именно набобень видѣть, что и видомъ не видалъ враждебной статьи и слыхомъ не слыхалъ о ней. А кто спроситъ: «Читали, какъ васъ отдѣлали?» — Э, вздоръ! что читать! есть мнѣ время читать *такія* статьи! А *propos mon garçon*, вѣдь «у испанскаго посланника вчера былъ кажется раугъ»⁽²⁾? Ну и замать разговоръ испанскими—то дѣлами.

(1) См. «Современникъ», № 1 и 2 и отвѣтъ во «Времени»: «Журнальные за-мѣтки» II. «Молодое перо».

(2) Фраза не наша. Сей фразой начиналась одна повѣсть одного гвардейскаго офицера въ стариннѣйшей «Библиотекѣ для чтенія» тридцатыхъ годовъ. Не безъ намѣренія ее помѣщаемъ.

Важности, солидности, великосвѣтской небрежности было бы больше. А то: «Ой больно!» Сейчас надо и показать что больно. И вышелъ водевиль: «Отдавленная ножка или отищенный А. Скавронтскій». Ну чтожь что больно? До свадьбы заживетъ.

Въ вашихъ же интересахъ говорю; добру учу; о неопытности!

Вы вообще ужасно сиѣшите. Молодая иреть. Вамъ ужасно хочется оправдаться, поскорѣй, какъ можно поскорѣй увѣрить публику, «что это не я; что это все отъ злобы, а я самый блестящій талантъ». Правда, ваше положеніе понятно и я искренно ему сочувствую. Какъ въ самомъ дѣлѣ: столько времени подвизался на прехотливомъ попривѣ россійскаго юмора, столько лѣтъ повременнымъ изданіямъ похваливали, столько лѣтъ срывалъ цвѣты удовольствія, — «розы рвалъ и фіалки поливалъ» и вдругъ — ругань! да еще какал: называють «молодымъ перомъ», «молодымъ челоувкомъ» (что можетъ быть ужаснѣ!), ставятъ на одну доску съ А. Скавронтскимъ, говорятъ, что подражаетъ Брамбеусу, Дружинину (согласитесь что «Дружинину-то» васъ наиболѣе и кольнуло. Такъ ли? Знаю я сердце челоувческое иль нѣтъ?). Говорятъ, наконецъ, будто ваши критическія статьи — одно искусство для искусства, цвѣты удовольствія, «часы досуга», перлы, скатившіеся съ молодого вера, употребленнаго съ эфемерною цѣлью.

• И брызгалъ перломъ водометь. (!)

Шумиха словъ, колѣчки табачнаго дыма, вышущенные локнимъ военнымъ курителемъ, и (что всего хуже) нѣкоторое литературное выливаніе туда и сюда, литературныя такъ-сказать *прибавленія* къ «Иивалиду-Современнику». По поводу прибавленій лаютъ вамъ разные совѣты, вамъ, прогресисту-то! Да еще не простому прогресисту, а перепеченному недавно въ нигилисты по редакціонной слабости. И это въ первый разъ еще такъ относятся къ вамъ, въ первый разъ въ жизни въ продолженіи столькихъ пріятныхъ лѣтъ деювенькой литературной игривости. Да какъ тутъ не взбѣситься, какъ тутъ не прорваться, какъ тутъ не прорваться. О! мой нигилистъ du lendemain! Будьте увѣрены, что я слишкомъ хорошо понимаю ваше положеніе...

Но остановимся на минуту для одного щекотливаго объясненія.

Вы горько жалуетесь, что мы называемъ васъ «*молодымъ челоувкомъ*», «*молодымъ перомъ*» «*молодымъ*, но блестящимъ талантомъ» и проч. Все — *молодымъ*. Вамъ кажется это неуважительно и вы луетесь. (Еслибъ вамъ не было горько, вы бы не высказались).

(!) Стихъ Всеволода Крестовскаго.

О неопытность! Да жалоба—то ваша и есть первое доказательство вашей молодости. Какой юноша не обнимается когда его называют молодым человеком? Какой юноша не способен себя усомнить перочинным ножиком, чтобы они поскорее росли? Я соглашаюсь, что все это признаки истинные, грациозные, приятные веселы и молодого пополазновения... Тем не менее вы сами себя съ головой и выдали. Но успокойтесь; объявляю вам торжественно, что намекал на вашу молодость я не прямо разумел ваши лета, а говорил метафорически. В сущности миф и дѣла—то мѣть, молоды вы или стары. В статье моей: «Молодое перо» я разумел только вашу молодость и неопытность въ русской журналистикѣ, такъ сказать нововыпеченность. И не въ зломъ какомъ-либо смыслѣ я разумелъ это, о мѣть! Я искренно любовался глада на васъ, — любовался этой прытью, этимъ молодымъ прыскомъ и вывертомъ, этими тащъ-сказать первыми, радостными взвизгами молодого литературнаго дарованья. Я люблю эти первые взвизги, молодой мелодикъ! Вы показали мнѣ въ некоторомъ смыслѣ гусаромъ въ русской литературѣ, молодымъ, краснощокимъ корнетомъ отечественной словесности (вродѣ «Корнета, играющаго на нистонѣ», о которомъ упоминалось какъ-то разъ въ «Головешки»). И такъ успокойтесь. Вы промахнулись, вы не сумѣли скрыть, что вамъ отдали ножку. Но куражъ! Цопрядитесь подлѣ. Какой солдатъ не надѣется быть фельдмаршаломъ!

Но однакожъ — (я все-таки не могу забыть этого!) ничему, чему доходить до такого бѣшенства, до такого нервного содрясенія, до такой пѣны у рта! До гофманскихъ—то канель для чего доходить? Вѣдь вы ругаетесь какъ какой-нибудь сотрудникъ «Головешки», а хуже ужъ ничего про литературнаго человека нельзя придумать. Вѣдь вамъ только одинъ шагъ остался до попремовъ за табачную фабрику (!). Вѣдь вся статья ваша — только «головешкина» отрыжка и ничего больше. А «Головошка» въ добавкъ еще, говоритъ, теперь постится и на постномъ маслѣ начиная съ самой полпики спидить... (Vous comprenez, n'est ce pas?)

Вижу, вижу васъ теперь, какъ на яву, о молодой, но необстрѣленное дарованье, — вижу васъ именно въ тотъ самый моментъ, когда вамъ принесли февральскую книгу «Временн» и сказали вамъ, что въ ней есть статья противъ васъ, подъ названіемъ «Молодое перо». Вы сарнастически улыбнулись и свысока развернули книгу. Все это представляется мнѣ въ воображеніи какъ по писанному.

(!) Обыкновенные литературные упреки «Искры» редактору «Времени», у котораго была табачная фабрика.

Если у васъ были въ это время гости, или вы были въ гостяхъ, вы, прочтя статью, постарались разумѣется скрѣпить себя; но нервная дрожь, нѣкоторое подергиваніе губъ, краска, пятнами выступившая на вашемъ лицѣ — все это ясно свидѣтельствовало о безконечной злобѣ, клокотавшей въ жаждущемъ похвалъ сердцѣ вашемъ. Вы даже попробовали улыбнуться и выговорить: «совсѣмъ не остро...» — Но какъ-то не вышло, какъ-то ужъ очень жалко выговорилось. Покрайней-мѣрѣ гости сконфузились и старались на насъ не взглядывать, старались заговорить о чемъ-нибудь другомъ. И вы все это тутъ же замѣтили... Но зато, помните ли, помните ли ту грустную минуту, когда вы пришли домой, и наконецъ оставшись одинъ, дали волю всему что сдерживали въ груди вашей? Помните ли какъ вы разломали стулъ, разбили въ дребезги чайную чашку, стоявшую на вашемъ столѣ, и въ ярости колота что есть силы обѣими кулаками въ стѣну, вы клялись съ пѣной у рта написать такую статью, такую ругательную статью, что стоялъ миръ и будетъ стоять — а такой статьи еще не бывало до-сихъ-поръ ни на землѣ, ни въ литературѣ! И вотъ вышли наши «Тревоги Времени»... О, повѣрьте, что мнѣ не надо было подкунать наборщиковъ вашей типографіи (въ чемъ вы насъ упрекнули) чтобъ узнать, что все такъ и было, т. е. и разбитая чашка и кулаки въ стѣну и проч. и проч. Я предугадывалъ все это единственно однимъ воображеніемъ, но предугадывалъ по духу, по тону вашей отвѣтной статьи. Иначе что же такое ваша статья? Откуда же могло помѣститься въ ней столько бѣшенства и печочнаго разстройства? Откуда столько ругательствъ, столько личныхъ ругательствъ и угодобленій въ этой статьѣ и во всѣхъ другихъ выходахъ противъ «Времени», помѣщенныхъ въ той же мартовской книжкѣ «Современника»? Тутъ ужъ явная очевидность, а не наборщики.

Кстати, знаете что: вѣдь я совершенно увѣренъ, что это вы сами написали: «Тревоги Времени», а между тѣмъ вы объявляете, что эта статья будто бы прислана вамъ однимъ изъ друзей вашихъ, какъ-нибудь-то молодымъ нигилистомъ. Другими словами: вы спрятались подъ столъ, прикрывшись именемъ вымышленнаго друга. Приемъ чрезвычайно наивный. Тю-тю, дескать, Костенька спрятался; нянюшка ищи... А насъ еще упрекаете, что мы сами себѣ письма пишемъ. Мало того: я даже совершенно увѣренъ, что и примѣчаніе отъ редакціи, слѣланное къ вашей статьѣ, и разныя тамъ московскія извѣстія о толстотѣ тѣла г. Лонгинова, все это ваше, все это вы сами сочинили. Конечно я не имѣю никакихъ ослэзательныхъ фактовъ, но я убѣжденъ въ этомъ; мнѣ такъ кажется. Ну чтоже дѣлать съ убѣжденіемъ? Виноваты впрочемъ вы: чему прятаться? Ужъ

не было ли у васъ какихъ-нибудь особенныхъ цѣлей? А вотъ посмотримъ:

Вопервыхъ вы что-то заговорили о типографскихъ наборщикахъ. Это въ примѣчаніи отъ редакціи «Современника» къ вашей статьѣ. Выпишемъ-ка это примѣчаніе. Вотъ оно слово въ слово.

• Вѣрность этого замѣчанія поразительна. Во вторыхъ своемъ номерѣ, «Время», желая изобидѣть одного изъ нашихъ сотрудниковъ, по поводу помѣщенной въ первомъ томѣ «Современника» рецензіи на «Литературную подишь» г. Сиваронскаго, помѣстило статью «Молодое перо», въ которой, вопервыхъ, сравниваетъ нашего сотрудника съ барономъ Брамбеусомъ, и въ вторыхъ, обращаясь къ нему, постоянно называетъ его «молодымъ человѣкомъ». Точь-вточь такое же сравненіе и обращеніе дѣлалъ, два года тому назадъ, «Русскій Вѣстникъ», у котораго «Время» все это и заимствовало, разумѣется, внеся въ это заимствованіе своихъ собственныхъ «сапоговъ въ смятку». Эти «сапоги въ смятку» заключаются въ томъ, что будто бы нашъ сотрудникъ-рецензентъ до того «впился въ интересы редакціи «Современника», что, шиваясь, оставилъ прежнее у порога...» Читая эти слова, мы долго не могли придти въ себя отъ изумленія. Что это такое! да въдь рецензія не подисава! къ кому же можетъ относиться обвиненіе «Времени?» и какъ могло узнать «Время» кто именно написалъ статью, приведшую его въ такое волненіе? Или быть можетъ «Время» имѣетъ привычку справляться у наборщиковъ типографіи, въ которой печатается «Современникъ». Но если это такъ, то увѣряемъ васъ, о «Время», что наборщикъ, сообщившій интересныя для насъ свѣдѣнія, обманулъ васъ. Липо, которое вы такъ легкомысленно упрекнули въ чѣмъ-то «прежнемъ», уже четыре года *постоянно и исключительно* печатаетъ свои сочиненія въ «Современникѣ»; если же въ прошломъ году и было помѣщено вѣскольکو его расказовъ во «Времени», то это произошло единственно оттого, что «Современникъ» былъ закрытъ, а налагать на уста молчаніе не всегда бываетъ для литератора удобно. Следовательно, интересы «Современника» всегда были близки этому рецензенту, следовательно и шиваться было не во что, следовательно и слова ваши, какъ и всѣ вообще ваши слова, суть не болѣе, какъ толкованіе въ пустынѣ и о пустынѣ. Чтоже касается до того, что вы въ полемикѣ своей противъ неизвѣстнаго вамъ рецензента сослались на пословицу «береги честь смолоду», то надо думать, что презрѣнная эта выходка употреблена вами въ припадкѣ особеннаго увлеченія, и что впродъ этого съ вами не случится. *Ред.*»

Ну-съ, а въдь я васъ теперь поймаю. Знаете что я хочу? Я хочу васъ изобличить. Я хочу выставить всему свѣту: кто вы и какой вы именно дѣятель въ отечественной словесности. А изобличивъ, я вамъ самому предложу вопросъ: можно ли съ вами вести

хоть какое-нибудь дѣло серьезно? Вѣдь то шутка въ томъ, что вы думали я васъ неизобличу.

Вопервыхъ о наборщикѣ. Вы удивляетесь какимъ образомъ я могъ узнать ваше имя и предполагаете, что я непременно долженъ былъ докупать наборщика. Хотя тутъ у васъ и заключается одна ловитенная мысль, именно заявить о насъ публикѣ, что мы изъ тѣхъ, которые недокупаютъ наборщиковъ съ цѣлью пошпионить о другомъ журналѣ, т. е. почти что распечатываемъ чужія письма, но все это я смотрю какъ на пустяки. Разобижены вы очень, ну тамъ въ добавокъ еще воинственная кровь, Барклай де Толли зашевелился... однимъ словомъ простить вамъ на первый случай можно. Кому же вы сами знаете — дѣло это слишкомъ шутовски разъясняется. О призваніи вашемъ изъ-за моря, къ участию въ «Современникѣ», конечно съ цѣлью подымать «Современникъ», сама редація столько уже печатала въ своихъ объявленіяхъ, что узнать васъ очень легко было. Слѣдовательно это дѣло поконченное. Но не въ томъ дѣло. Главная суть въ томъ состоитъ, что я теперь могу васъ называть цублично, избобливъ васъ при этомъ, что вы, умышенно, съ тѣмъ чтобъ намъ повредить, исказили въ одномъ дѣльдѣ правду. Издодьте прослушать.

Вы увѣряете — (т. е. редація «Современника» увѣряетъ, но я считаю, что это все равно и имѣю право на это. Я положительно знаю, что вы участвуете въ интересахъ редакціи и слѣдственно примѣчаніе, сдѣланное редакціей къ вашей статьѣ, не могло васъ обойти. Вы знали про это примѣчаніе, вы можетъ-быть сами же держали его корректуру; безъ вашего вѣдома оно не могло пройти; можетъ быть наконецъ вы сами же его и писали также какъ и статью, въ чемъ я убѣжденъ. Слѣдовательно вы и отвѣчаете за все что сочинено въ примѣчаніи. Почему я такъ рѣзко говорю о моемъ правѣ все это высказывать, и такъ безцеремонно и публично нарушать ваши безчисленные псевдонимы, вы поймете сейчасъ прочитавъ пещного далѣе.) И такъ, — вы увѣряете въ примѣчаніи къ вашей статьѣ, что «лицо (т. е. вы), которое мы (по вашимъ словамъ) такъ легкомысленно упрекнули въ чемъ-то «прежнеймъ» (!), уже четыре года постоянно и исключительно печатаетъ свои сочиненія въ «Современникѣ», и что если въ прошломъ году и было помѣщено въ-сколько рассказовъ этого лица (т. е. вашихъ) въ «Времени» то это произошло единственно оттого, что «Современникъ» былъ закрытъ, а напечатать на уста молчанье не всегда бываетъ для литератора удобно.»

(!) См. статью «Молодое веро». «Время» № 2.

Земьёте это покажите. Теперь въ другомъ мѣстѣ статьи «Тревоги Времени» вы говорите:

• И еще вы хвастаетесь, что васъ любятъ публики, что у васъ много подписчиковъ. Знаете ли, кому вы этимъ обязаны? вы обязаны этимъ «Современнику», который нѣкоторое время заблуждался, что все само можетъ нѣчто выйти, и самшалося какъ-то въ путь истинный; вы обязаны этимъ временному превращенію того же «Современника», которое на минуту сосредоточило у васъ всѣ литературныя силы. И тутъ покровительствующую вамъ силою ладимъ не собственные ваша сапоги въ смятку, а чужая неудача.

Короче сказать, еслибъ не случилось съ «Современникомъ» несчастія, т. е. еслибъ не принужденъ онъ былъ остановиться въ июнѣ мѣсяцѣ, то повашему къ намъ бы не пришли литераторы съ своими статьями, что вы сами «единственно» только потому и печатали у насъ прошлаго года свои статьи, что «Современникъ» не издавался, и все это подразумѣвается потому, что нашъ журналъ самъ по себѣ до того ничтоженъ и не имѣетъ никакой цѣны, что къ намъ нельзя идти такимъ молодымъ, но блестящимъ талантамъ какъ вы, когда издается «Современникъ». Это ясно и очень хорошо растолковано въ другой разъ въ газетѣ «Очерки», гдѣ одинъ господинъ уже успѣлъ подхватить вашу мысль и написалъ на насъ длинную статью съ ядомъ и ругательствами. Вотъ отрывокъ, въ которомъ подтверждается ваша мысль:

• Успѣхомъ своимъ «Время» обязано нѣкоторымъ, помѣщавшимся въ немъ беллетристическимъ произведеніямъ, характеръ и направленіе которыхъ впрочемъ также относились къ характеру и направленію «Времени», какъ цвѣты къ морозу. Тутъ напечатаны были нѣкоторые изъ произведеній Островскаго, Щедрина, Помяловскаго; тутъ же помѣщены были «Униженные и Оскорбленные» Ф. Достоевскаго, съ ихъ сладенькимъ героемъ Ванюшкой и «Записки изъ Мертваго Дома». Вообще беллетристическій отдѣлъ во «Времени» былъ верѣяю положительное хороше, но и въ этомъ отношеніи редація не причинна. Пожаръ способствовалъ ей много къ украшенію ея журнала. Писатели, номѣщавшіе статьи свои во «Времени» послѣ петербургскихъ пожаровъ, теперь публично объявляютъ, что они загнаны были въ этотъ журналъ горькою необходимостью (см. «Современникъ» № 3).

Подъ этой статьею въ «Очеркахъ» подписано И. Дмитріевъ. Кстати объявляетъ публикѣ, что этотъ самый г. И. Дмитріевъ самъ доставлялъ въ нашъ журналъ свою статью подъ названіемъ «Провинціальная газета». Эту статью, по ея незначительности, мы не напечатали и возвратили назадъ автору. Теперь эта статья появилась въ «Современникѣ» (№ 1 и 2), а самъ онъ ругаетъ насъ въ

газетахъ и объявляеть, что писатели загнаны были въ нашъ журналъ горькою необходимостью, т. е. запрещеніемъ «Современника».

Конечно отказъ напечатать статью г. И. Дмитріева во «Времени» непременно нужно принять въ соображеніе. Но вотъ что особенно удивляетъ насъ: почему же, если прекратился «Современникъ», г. И. Дмитріевъ обращался именно въ нашъ журналъ? Развѣ не было «Отечественныхъ Записокъ», «Библіотеки для Чтенія», «Русскаго Вѣстника» и множества еженедѣльныхъ изданій кромѣ «Времени»? Почему же непременно всѣ эти блестящіе таланты (т. е. г. Дмитріевъ и «молодое перо») сами текли во «Время», а теперь объявляютъ, что были только загнаны къ намъ одною необходимостью, т. е. запрещеніемъ «Современника»?

Но это въ скобкахъ, а теперь опять къ вамъ.

Ну что, если я васъ сейчасъ же шорблечу и докажу, что вы говорите неправду, докажу тѣмъ, что позвоу васъ лично и объявлю, какія статьи печатали вы у насъ прежде закрытія «Современника» и даже безо всякой необходимости?

Я вѣрю на то право, милостивый государь! Намъреніе даже шорблечу изданію «Времени» даетъ мнѣ это право. А попредать вы желали — это сланикомъ очевидно. Неужели вы скажете вѣтъ? Подражатели ваши уже кричатъ въ другихъ газетахъ съ вашихъ словъ, что «пожаръ способствовалъ намъ много къ украшенію». Следовательно самая законнѣйшая въ такомъ случаѣ наша защита — это полнѣйшее изобличеніе васъ въ неправдѣ, съ фактами въ рукахъ.

И неужели-жъ, неужели-жъ предположить, что вы дѣйствительно сказали публично *неправду, надѣясь на безнаказанность*? То-есть, разсуждали вы, вѣдь не узнаютъ кто сказалъ, имени-то не подписано, стало-быть и нельзя изобличить подождительно. Ну и скажу, что я загнанъ былъ въ ихъ журналъ *единственно* изъ горькой необходимости, другіе подхватать и иойдетъ и иойдетъ.

Не вѣрю и не хочу я вѣрить этому, милостивый государь. Вы желали намъ повредить, это такъ, но неужели вы хотите дѣйствовать изъ-за угла, спрятавшись подъ псевдонимъ въ надеждѣ на то, что его нельзя нарушить? Не вѣрю и потому еще разъ буду съ вами деликатенъ: я не открою полного имени вашего, милостивый государь, ни названія статьи вашей.

Вотъ почему и объявляю теперь только о томъ, что *соверыли въ апрѣльскомъ нумерѣ «Времени» за прошлый годъ были помѣщены у насъ двѣ ваши статьи.*

Восторыли, что въ апрѣлѣ же мѣсяцѣ прошлаго года, какъ извѣстно вамъ самимъ и извѣстно цѣлому свѣту, «Современникъ»

еще издавался. Мало того, ни «Современнику», ни кому-либо на свѣтъ не приходило въ голову, что изданіе его будетъ приоставлено въ іюнѣ мѣсяцѣ. А слѣдственно вы, милостивый государь, свободно, по *всей собственной вошй* доставили въ нашъ журналъ наши статьи, несмотря на то, что еще издавался «Современникъ» и что не было никакой «горькой необходимости» обращаться къ намъ, а не къ «Современнику». (1)

Теперь позвольте васъ спросить: что обо всемъ этомъ можно подумать и какъ прикажете теперь объясняться съ вами?

Я знаю, у васъ есть отговорка, что все это напечатала редація «Современника», а не вы. Полноте! А впрочемъ пожалуй попробуйте отказаться отъ своего участія въ примѣчаніи редакціи «Современника» къ «Тревогамъ Времени». Тогда мы уже принуждены будемъ обличить васъ еще короче и объявить публично, *отъ кого именно* вы узнали всѣ подробности о томъ, до какой степени вы близки къ редакціи «Современника», а слѣдственно могло или нѣтъ теперешнее примѣчаніе редакціи «Современника» въ статьѣ «Тревоги Времени» миновать ваше вѣдѣніе? Замѣтите однако же, что мы имѣли бы полное право напечатать это и теперь, собственно потому, что мы заподозрили васъ въ подкупѣ наборщиковъ, тогда какъ сами очень хорошо знали *отъ кого* мы узнали о томъ, что именно вы будете писать въ «Современникѣ» фельетонъ. Вашъ разговоръ о подкупѣ наборщиковъ даетъ намъ полное право защиты, а слѣдственно полного изобличенія.

Это естественно и вполне законно.

Ну-съ, а теперь позвольте васъ еще разъ изобличить.

Въ примѣчаніи къ вашей статьѣ говорится:

• Что же касается до того, что вы въ полемикѣ своей противъ неизвѣстнаго вамъ рецензента сослались на поговорку «береги честь съ молоду», то надо думать, что *резрънная* эта выходка употреблена вами въ припадкѣ особеннаго увлеченія, и что впредь этого съ вами не случится.

Вотъ видите: грозныхъ-то словъ наставили, а концы-то скры-

(1) Временная приостановка «Современника» не принесла намъ никакой пользы. Ни одного новаго, значительнаго сотрудника она намъ не доставила. Гг. Островскій, Помяловскій, Щедринъ печатали у насъ еще долго до приостановки «Современника». Во второмъ же отдѣлѣ журнала не участвовалъ никто изъ пишущихъ въ «Современникѣ», да и Боже сохрани. Изъ 4300 подписчиковъ за прошлый годъ 4000 уже были у насъ до прекращенія «Современника». Молодое перо отлично хорошо знаетъ, что дѣломъ подписка почти прекращается. Съ іюня до конца года у насъ врядъ ли прибавилось 300 подписчиковъ. Слѣдственно прекращеніе «Современника» и подписчиковъ намъ не могло принести.

ли. Ну к чему вы скрыли отъ вашихъ читателей изъ-за чего вышло дѣло? Написали бы *все* и ваши читатели очень бы хорошо поняли, что выходка наша отнюдь не презрѣнная, а напротивъ въ высшей степени законная. Дѣло вышло изъ-за Тургенева. (1) Въ вашей статьѣ: «Литературная подпись» (2) вы упомянули о Тургеневѣ, что будто бы онъ недавно объявилъ въ газетахъ, что онъ, Тургеневъ, *такъ великъ*, что другіе литераторы видятъ его во снѣ. Въ статьѣ моей «Молодое перо» я изболничалъ васъ и доказалъ вамъ, что Тургеневъ нигдѣ и никогда не упоминалъ о томъ, что его видятъ другіе писатели во снѣ *собственно потому что онъ такъ великъ*. Не только буквально, но даже и смысла такого никакъ нельзя придать его обличительному письму на г. Некрасова. Я вывелъ на чистую воду, что слова эти и смыслъ этотъ прибавили вы сами отъ себя. Да поймите же наконецъ: тутъ дѣло вовсе не о Тургеневѣ, какъ писателѣ, т.-е. нравится онъ вамъ или не нравится, ретроградъ онъ или прогрессистъ? Тутъ дѣло просто о томъ, что вы взвели на человѣка, да еще отсутствующаго, вредную ему неправду; вы придали ему слова, совершенно выдуманная вами, которыхъ онъ *никогда не говорилъ* и никогда и не думалъ говорить. А слѣдственно вы придавали ему смѣшныя и презрѣнныя черты характера, которыя сами въ немъ выдумали и тѣмъ самымъ умышленно старались повредить ему лично въ обществѣ мнѣніи изъ интересовъ редакціи «Современника». Развѣ это все не очевиднѣйшіе факты? Вы навѣрно не будете имѣть неловкости опровергать ихъ, потому что кто-жъ вамъ повѣритъ при такихъ фактахъ? Вспомните, что этотъ же самый «Современникъ» былъ совершенно изболниченъ Тургеневымъ въ явной несправедливости противъ него обнародованнымъ письмомъ г. Некрасова въ «Сѣверной Пчелѣ». Зная все это очень хорошо, вы все-таки рѣшились стать за «Современникъ»: На мой взглядъ это въ высшей степени не хорошо. Но клянусь вамъ торжественно, что я совершенно былъ и буду убѣжденъ, что вы сдѣлали это некрасивое дѣяніе не изъ грубаго какого-нибудь личнаго интереса. Тѣмъ-то и комиченъ для меня весь этотъ случай, что вы по моему мнѣнію сдѣлали все это совершенно безкорыстно, по глубокой добротѣ души, изъ пламеннаго желанія угодить «Современнику». Вы до того вошли въ интересъ «Современника», что рѣшились на всѣ эти поступки даже можетъ-быть и *никкъль не прощенный*. Въ этомъ случаѣ вы были такъ-сказать *plus royaliste que*

(1) См. статью «Молодое перо» - «Время» № 2.

(2) «Современникъ» № 1 и 2-й.

le гоі. Это мое глубокое убѣжденіе и я не могу до-сихъ-порѣ отмѣнить его! Вотъ почему я и написалъ пословицу:

« Береги честь съ молоду.»

Это значить, что еслибъ я не предполагалъ въ васъ честь, то и не написалъ бы вамъ, что надо беречь ее. Потомучто когда нѣтъ ничего, значить и беречь нечего. Да и судить васъ я позволялъ себѣ единственно только какъ литератора. И однакожъ несмотря на все эти соображенія, у васъ все-таки на совѣсти «литературное прибавленіе», т. е. прибавленіе съ цѣлью повредить! Сравните это прибавленіе съ прибавленіемъ о «горькой необходимости», которое мы изобличили выше и скажите мнѣ, можно ли называть мое обличеніе презрѣнной выходкой, какъ вы, несовѣстнае, говорите мнѣ въ глаза, въ примѣчаніи къ «Тревогамъ Времени» (1)?

Теперь послѣ всѣхъ этихъ объясненій, позвольте мнѣ изложить вамъ, какъ смотрю я на васъ чисто въ одномъ только литературномъ отношеніи.

Вы — натура по преимуществу художественная и все что вы и дѣлаете въ литературѣ, болѣе ничего какъ искусство для искусства. Вы примкнули къ «Современнику» не по убѣжденію, а изъ искусства для искусства (потомучто и въ «Современникѣ»-то убѣжденій почти совсѣмъ теперь нѣтъ, а ужъ съ васъ спрашивать будетъ излишняя роскошь. Ну да вы еще съ молоду, слѣдовательно удовлетворитесь не очень-то многимъ). Вы и начали въ немъ искусствомъ для искусства? Васъ тотчасъ же завлекло новое обаяніе. Прекрасное желаніе быть полезнымъ вашему журналу, доведено въ васъ, какъ въ натурѣ поэтической, до маниловщины. Изъ обыкновеннаго либерала васъ тотчасъ же перенесли въ нигилиста. Но какой же вы нигилистъ, помилуйте? Весь нигилизмъ вашъ заключается въ чемъ-нибудь вродѣ насмѣшекъ надъ толстотой тѣлесной конструкціи г. Лонгинова (котораго у васъ называютъ по имени. Прелесть!). Но весь нигилизмъ вашъ не можетъ тоже вамъ подсказать есть ли особенное какое-нибудь достоинство въ томъ, что вы тоненькой, и

(1) Я все такъ пишу: «вы говорите въ глаза», хотя примѣчаніе къ «Тревогамъ Времени» подписано не вами, а редакціей «Современника». Но такъ какъ безъ вашего вѣдома это примѣчаніе не могло сочиниться, такъ вѣдь оно все равно. Поэтому: въ пожалуй будете въ претензіи зачѣмъ я сдѣлалъ такъ утвердительно васъ и редакцію «Современника» выѣсть? Отвѣчаю еще разъ: утвердительно говорю я объ этомъ потому только, что вы наговоромъ вашимъ о подкупѣ наборщиковъ «Современника», дали мнѣ сами это право. Разсудите: чтобъ опровергнуть наговоръ, я конечно долженъ сказать, что знаю изъ первыхъ рукъ какъ у васъ дѣла установились и на какихъ интересахъ. Стало-быть если я все это знаю, мнѣ и наборщиковъ подкупать было не надо.

вотъ, за недостаткомъ убѣжденій, вы плаваете помышлеть между сихъ двухъ противорѣчій и очень довольны. Какъ вы смело плаваете видно изъ того, что вы до сихъ поръ еще боитесь Каткова. «Прихлопнуть и не пикнете», говорите вы намъ, грозя намъ симъ московскимъ дѣятелемъ. Слова многозначительныя. Вы не вѣрите даже и въ то (да и въ голову вамъ это никогда не заходило), что кто лжетъ, тотъ и слабъ, будь онъ хотя бы десять вершковъ росту. — Когда вы сочиняли ваши обличительныя вещи, вы и обличали не изъ негодованія какого-нибудь и не изъ убѣжденія въ чепъ-нибудь, а просто потому, что обличеніе могла такъ сказать струя. Чѣмъ выше вы какъ литераторъ Наликова, который утверждалъ, что надо крикнуть на весь свѣтъ и т. д.? Увѣрю васъ, что тотъ кажется мнѣ еще выше васъ: у того была какая-то наивная общественная цѣль, а у васъ: искусство для искусства и ничего болѣе. Будто ужъ не можетъ быть искусства для искусства въ обличительномъ родѣ? Увѣрю васъ, что вы тому яркій примѣръ. Вы зубоскалили какъ будто играя въ зубоскальство, оттого, я увѣренъ, что всѣ ваши изображенія вообще невѣрны и изъ любви къ искусству искажены. Не смѣшную сторону въ этихъ же явленіяхъ вы навѣрное просмотрѣли. Оттого всѣ ваши обличенія поражаютъ своимъ молководіемъ, несмотря на безспорное остроуміе и сверхъ того, читая ихъ, выносите впечатлѣніе, что тутъ нужно бы еще что-то непрѣменно досказать — иначе будетъ не полно. Соображаешь еще далѣе и прощаешь васъ отъ души. Ну какой же душаешь это нигилистъ? Ну что вы можете отрицать, вы, литераторъ по натурѣ воинственный и въ высшей степени вѣрующій во все свое право обличать? Что можете вы напримѣръ отрицать въ себѣ, вы, при такой необъяснимой самостоятельности? Когда вы писали ваши обличенія, я увѣренъ, вы ниразу не пострадали отъ мысли, что и вы можете быть очень похожи на вашихъ героевъ, а эта мысль должна непрѣменно быть у всякаго обличителя. У васъ же холодный свѣтъ и ничего болѣе, разумѣется до тѣхъ поръ пока не раздражатъ вашего самолюбія. Тутъ ужъ святыхъ вонъ понеси и пропадай все на свѣтъ. Живьемъ рады проглотить (ваши слова, употребленные противъ насъ). Ваше творчество не сатира, а зубоскальство, а стало-быть и ваша дѣятельность не дѣло, а искусство для искусства. Вотъ почему я искренно, въ глубинѣ сердца моего, извиняю и поклонность вашу къ «литературнымъ» прибавленіямъ и отнюдь не припишу ихъ чему-нибудь очень дурному и нелитературному. Вы дѣлаете эти «прибавленія» ужасно невнятно, владенчески чисто изъ добродѣтели, и ялъ вашъ, и злость ваша, и остроуміе ваше — все это тоже владенчески-чисто, потому что

все это одно искусство для искусства, а вы — художникъ, следовательно у васъ ужъ такъ и чешется, чтобъ тотчасъ же все, за что ни схватитесь, возвести въ перлъ созданья.

Васъ потянуло къ нигилистамъ и вы даже не усомнились въ самомъ ли дѣлѣ это нигилисты, и такіе ли бываютъ нигилисты? Вы примкнули къ нимъ отъ души, вѣря, что они всѣхъ сильнѣе. Вы до сихъ поръ не замѣчаете до какой степени все это пробивается красненькой казенщиной, до какой степени малымъ удовлетворяется, до какой степени боится отрицать и до того слабо, что не можетъ существовать само по себѣ, а непременно прикрытое общественной идейкой, красненькимъ крылышкомъ. Потребность прикрытія — это черта литературныхъ нигилистовъ нашихъ. Подождите, вамъ придется еще кланяться «Головешкѣ» и уважать ее, чтобъ только сдѣлать себѣ партію. Вы не сдѣлаете такъ какъ мы, вы не пойдете смѣло въ разрѣзъ всему что виляетъ и взятое само по себѣ, очень вежливо. Вы не рискнете на столько враговъ, на сколько мы рискнули. Вы говорите, что у насъ всего понемножку. Еслибъ мы были такіе же какъ вы, еслибъ мы желали только аплодисментовъ и вѣрили такимъ же слѣпенымъ образомъ какъ вы вѣрите, то мы бы тотчасъ же къ вамъ примкнули и повѣрили, что составили бы себѣ тотчасъ легенькую и безспорную карьеру; вѣдь фейербашичить по писанному очень легко. Какой-нибудь «обличительный поэтъ» скитался по литературѣ какъ какая-нибудь безсонная нимфа по берегу Пенсы, а только-что примкнулъ къ казенной краснотѣ въ Искрѣ и сдѣлался великимъ человѣкомъ. Мы возстали на хлѣбныхъ свистуновъ, мы сказали святую правду, вы насъ за это слѣпо ругаете и говорите, что мы садимся между двухъ стульевъ. О юная неопытность! Какой это нигилистъ изъ «Головешки» васъ этому научилъ! Повѣрите, что черезъ хлѣбныхъ-то свистуновъ (къ которымъ и вы примыкаете) и проигрывается святая идея. Это-то и нужно искоренить и истребить во что бы ни стало. Ими уже брезгаетъ общество, тяготится ими и ихъ оставляетъ. Увидите что когда святая идея прогресса выбьется изъ теперешнихъ дрянныхъ тенетъ и заявитъ себя чѣмъ-нибудь новымъ, вы сами ее не узнаете и примете пожалуй за ретроградство. Сыпля перлами остроумія, вы было начали увѣрять, что насъ вовсе не ругаютъ, что это мы сами выдумали. «За что васъ не любить-то, говорите вы». Слова ваши мы и принимаемъ въ шутку, но согласитесь сами, что сквозь смѣхъ у васъ проглядываетъ и ядъ. Нечего вамъ кругомъ-то указывать. Мы всегда нападали и изобличали первые и вовсе не удивляемся, что насъ ругаютъ. Если насъ никто не ругаетъ, какъ вы утверждаете, вы-то противъ насъ изъ за чего выходите изъ

себя, вотъ уже три номера сряду? А это началось еще прошлаго года передъ закрытіемъ «Современника», потомучто тогда онъ серьезно струсилъ за свое безграничное прежнес вліаніе. Помните статью «о духѣ времени» г. Антоновича. Статейка изъ себя выльзала. Тогда-то вы и начали борьбу. А «Отечественныя-то записки» осенью, а старая-то «Библиотека для чтенія», а «Очерки» вотъ уже четвертый разъ бросающіеся на насъ съ тѣмъ, чтобъ насъ проглотить, а «Искра-то Искра!» а «Русское-то слово», — это отраженіе «Современника» въ грошовомъ зеркалѣ. Да вы припомните: вѣдь это такое бѣшенство, такая противъ насъ ярость, что они вѣдь не спятъ по ночамъ отъ насъ, а если спать, такъ я увѣренъ, что видятъ насъ каждую ночь во снѣ (такъ какъ ужъ пошло все на сны). Да вѣдь мы пропитываемъ всѣхъ виршеплетовъ нашихъ съ ихъ малыми дѣтьми. А отчего, отчего это все? А оттого что у насъ у однихъ можетъ быть хватило на столько смѣлости, чтобъ такъ рѣзко высказать всю правду на счетъ бездарности, пошлости, лѣзости и злокачественности этихъ прогрессистовъ. Вы скажете, что тоже самое дѣдаетъ и Катковъ, и Скарятинъ, и Аскоченскій. Нѣтъ, не тоже самое. Тѣ во имя врака ратуютъ, а мы во имя свѣта. Ихъ не слушаютъ, а насъ послушаютъ. И не говорите намъ, что мы садимся между двухъ стульевъ. Вздоръ, это и есть дорога! Вы ужъ давно на полу сидите, да не догадываетесь. Подогдите, можетъ и догадаетесь. А впрочемъ нѣтъ. Никогда не догадается. Вѣдь пророчество наше сбылось, что «хлѣбные свистуны» закринать на насъ, что мы на нихъ нападая, на прогрессъ нападаемъ. Ну какой они прогрессъ, какіе они представители прогресса? Это бездарность, волочащая великую идею по улицѣ. Да мы въ тысячу разъ болѣе прогрессисты уже хоть тѣмъ, что подлопоклонства въ насъ нѣтъ, что мы не смѣшиваемъ прогресса съ этими тупенькими представителями и поминутно разворачиваемъ ихъ муравейникъ. Намъ пріятно смотреть какъ они тамъ копошатся. Скоро опять разворотимъ. Мы правду говоримъ и договоримся, что насъ поймутъ. Всѣ эти трудолюбивые муравьи не понимаютъ насколько мы дальше ихъ въ этомъ же самомъ прогрессѣ идемъ. Вы говорите, что мы не понимаемъ что такое авторитетъ и смѣшиваемъ его съ лицами (О упрекъ изъ второго класса гимназіи! Сколько вы баловъ получили за это, мой нигилистъ?). Вотъ вамъ авторитетная идея: хлѣбные свистуны,—они всегда были споконъ вѣку вездѣ. Бездарность есть тотъ же застой прогресса. Гдѣ есть поступленіе впередъ, такъ въ головѣ движенія не должно быть бездарности. А гдѣ есть торговля прогрессомъ изъза хлѣба и литературныхъ чиновъ, тамъ ужъ полная мерзость запуская. Это ужъ наступаетъ такъ-сказать бюрократія прогресса.

сизма. Вотъ вы къ ней-то и примкнули, думая, что она посвященѣе...

Ну довольно, кажется все. И такъ я съ вами заболтался. Собственно направленіе наше я предъ вами защищать не стану. К чему? Да кетати, благо припомнилъ. Есть еще одно обстоятельство, о которомъ надо упомянуть. Вы пишете про насъ :

• Мало того : я даже думаю, что если признавать силу болгаринской традиціи, то надо признать, что она тоже коснулась и васъ... разубѣется, *покуда* только невинной своей староней.

Вотъ видите ли : я хоть и никакой цѣны не даю инымъ вашимъ словамъ, но это *покуда* я не хочу пропустить безъ оговорки и вотъ что вамъ объявлю : я думаю, что самая существенная черта болгаринства есть — усиленное до малодушія самоохраненіе. Въ насъ же, хотя вы и обвиняете насъ въ болгаринствѣ, вовсе нѣтъ на столько слишкомъ ужъ самоохранительнаго и виляющаго до малодушія благоразумія (какъ на примѣръ было въ Булгаринѣ), т. е. «пропадай другіе, было-бъ намъ хорошо». Вѣдь вотъ девизъ настоящаго болгаринства. Противъ насъ вы не найдете ничего, что бы оправдывало въ насъ подобный девизъ. Наше имя слава-богу честно. А потому и ваше словцо *покуда* никуда здѣсь негодится.

Ну вотъ и все. Хотѣлъ бымо я правда вамъ стихи сочинить, въ pendant къ вашимъ, въ которыхъ вы сравниваете насъ съ утками и съ разными птицами.

• Плавали въ затишьяхъ, да въ озерахъ тихихъ,
Страховыхъ плодили да Косицять сѣрыхъ,

Косипятокъ сѣрыхъ, Достоевскихъ бѣлыхъ.
Смирно поживали, въ роцѣ толковали.

Да что, и ваши-то стихи я вахожу плохими, а ужъ у меня такъ ровно ничего не выходитъ. И знаете все хореемъ, да и стыдно какъ-то :

Вѣкъ и Вѣкъ и Левъ Камбекъ,
Левъ Камбекъ и Вѣкъ и Вѣкъ.
На пистончикѣ корнетъ
Страховъ жители планетъ.

Вотъ все что я выдумалъ, да пожалуй еще есть двѣ строчки :

Ро-ро-ро, ро-ро, ро-ро
Молодое перо.
Усь-усь, усь-усь-усь
Ахъ какой же это гусь.

Это въ pendant къ вашимъ уткамъ. Но вѣдь все такая дрянь и мой, да и ваши пожалуй. Точно на балалайкѣ что-то вытренькиваютъ. Впрочемъ мои стихи надо читать эдакъ нараспѣвъ, чтобы что-нибудь вышло. Надо эдакъ руки въ боки, и притоптывать по комнатѣ шпорой. Можетъ и хорошо выйдеть, не знаю. Впрочемъ какъ вамъ покажется. Тутъ ужъ на вашу собственную судъ.

Да вотъ еще хотѣлъ я спросить, шекотливый предметъ: Что это у васъ въ «Тревогахъ Времени» за Оленька Р. такая и Машинька Н.? Хотъ убейте — ничего не понималъ, а очень интересно. Я долго размышлялъ: метафорически это или нѣтъ, и право согрѣшилъ, — подумалъ: ужъ не насчетъ ли поползновенія тутъ что-нибудь, а? Какая ужъ думаю метафора? Воинственность, извѣстное дѣло... А впрочемъ Господь знаетъ что вы тутъ разумѣли; не разберешь! Да вотъ что еще: пишите-ка веселѣе! Я потому вамъ это говорю что знаю, у васъ талантъ, вы можете писать весело. Къ чорту гофманскія капли, неправда ли? А впрочемъ мелькають и у васъ веселыя мысли. Напримѣръ когда вы говорите:

• Хотите, я сейчасъ же пять печатныхъ листовъ такихъ стиховъ напишу? Хотите, я каждый мѣсяцъ сто такихъ книжекъ сочиню, какъ 1-й № «Времени» за сей 1863 годъ? •

Ухъ страшно! Зарубить гусаръ. Сейчасъ видно военную косточку!.. Ну да прощайте, довольно съ вами.

P. S. А прогос. Кланяйтесь Оленькѣ Р. и Машинькѣ Н., если онѣ въ самомъ дѣлѣ не выдумка. Вѣдь вотъ какъ однакожь весело кончилось...

Какъ гусара не любить!
Это не годится...

ЖУРНАЛЬ

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

будеть издаваться въ 1863 году, попрежнему, два раза въ мѣсяць, и будетъ сообщать обстоятельныя свѣдѣнія о ходѣ промышленности въ Россіи и за границу, биржевыя и акціонерныя извѣстія, техническія новости, какъ по химической, такъ и по механической части, всѣ необходимыя и интересныя свѣдѣнія по питейно-акцианому и табако-акцизному дѣлу, полную хронику правительственныхъ распоряженій по части мануфактуръ, торговли и всякаго рода промышленныхъ предпріятій, а равно обширныя монографическія описанія различныхъ отраслей промышленности въ Россіи, составленныя извѣстными нашими специалистами. Редакція надѣется также помѣстить рядъ статей по металлургіи, золотопромышленности, горному и соляному дѣлу. Кромѣ того, открывая отдѣлъ *фотографіи*, редакція помѣститъ въ немъ какъ первыя начала этого искусства, такъ и всѣ новѣйшія его усовершенствованія. Статьи техническія и торговоописательныя будутъ украшены рисунками и чертежами. Наконецъ, чтобы доставить читателямъ возможность слѣдить за сельскохозяйственными вопросами, столь важными, въ настоящее время, для Россіи, редакція вошла въ соглашеніе съ Императорскимъ вольнымъ экономическимъ обществомъ, и подписчики на журналъ «Промышленность» получаютъ *бесплатно 24 книжки «Трудовъ Императорскаго вольнаго экономическаго общества»*. Сверхъ того, въ 1863 году подписчики получаютъ, въ видѣ преміи, *полный курсъ винокуренія*, профессора *М. Китарры*. **Цѣна** журналу «Промышленность», со всѣми приложеніями, **8 руб. 30 коп.**, съ пересылкою **10 руб.** Частныя объявленія принимаются съ платою $\frac{1}{10}$ коп. съ буквы. **Адресъ**: въ редакцію журнала «Промышленность» въ С. Петербургѣ. Конторы редакціи: въ С. Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ Д. Е. Кожанчикова, въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ И. В. Базунова.

Редакторъ **В. Струбинскій**.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

ВЪ БОЛЬШОМЪ ФОРМАТѢ

БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ

ГАЗЕТА ФИНАНСОВЪ, ТОРГОВЛИ И ПОЛИТИКИ

НА 1863 ГОДЪ

ЦѢНА : въ С.-Петербургѣ съ доставкою. 10 руб.
» другіе города съ пересылкою. 12 »

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ редакціи,
на конногвардейскомъ бульварѣ, въ д. Стунѣевой, № 11.

СБОРНИКЪ

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХЪ РАСПОРЯЖЕНІЙ

ДО ПИТЕЙНО-АКЦИЗНОМУ УПРАВЛЕНІЮ

Выпускъ первый. Содержаніе : Положеніе о питейно-акцизномъ сборѣ и всѣ распоряженія по питейно-акцизному управленію, напечатанныя въ Биржевыхъ Вѣдомостяхъ, со дня обнародованія Положенія по 1 сентября 1862 года.

Выпускъ второй. СОДЕРЖАНІЕ: Всѣ распоряженія по питейно-акцизному управленію съ 1 сентября 1862 года по 1 января 1863 года, напечатанныя въ Биржевыхъ Вѣдомостяхъ.

Цѣна каждому выпуску **1** руб. сер., а за оба выпуска **2** руб. сер., съ пересылкою.

Продаются въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи Биржевыхъ Вѣдомостей, на конногвардейскомъ бульварѣ, въ д. Стунѣевой, у экзекутора департамента податей и сборовъ, въ губернскихъ питейно-акцизныхъ управленіяхъ и въ книжныхъ магазинахъ.

Примѣчаніе. Выпускъ третій Сборника выйдетъ въ маѣ мѣсяцѣ текущаго года; въ этотъ выпускъ войдутъ распоряженія по питейно-акцизному управленію, которыя будутъ напечатаны въ Биржевыхъ Вѣдомостяхъ съ 1 января по 1 мая 1863 года.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖ-
НЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

БРАТІЙ УЧЕБНИКЪ РУССКАГО ЯЗЫКА

Составленный по програмѣ военно-учебныхъ заведеній **И. Ше-
становымъ**. Цѣна **50** коп. сер.

Лица, выписывающія прямо отъ автора, живущаго на Васильевскомъ островѣ, на углу Средняго проспекта и Малой Невы, не менѣе 5 экз., за пересылку ничего не платятъ, а выписывающія не менѣе 10 экз., пользуются сверхъ того уступкою 10%.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ

А. В. БАЗУНОВА

КОМИСИОНЕРА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ, МОРСКОГО УЧЕНАГО КОМИТЕТА И МОРСКОГО СБОРНИКА

Въ С. Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домъ Ольхиной.

НА СИХЪ ДНЯХЪ ПРИСТУПЛЕНО КЪ ПЕЧАТАНЮ

СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

АФАНАСЬЕВА-ЧУЖБИНСКАГО

подъ названіемъ

ОЧЕРКИ ПРОШЛАГО, въ двухъ частяхъ,

которыя въ непродолжительномъ времени поступятъ въ продажу.

Содержаніе ихъ слѣдующее :

Часть 1. 1) Изъ корнетной жизни. 2) Донъ-Жуанъ. 3) Самодуры.
4) Одинъ изъ многихъ.

Часть 2. 1) Ремонтеры. 2) Прапорщикъ Сафьянчиковъ. 3) Моншеры. 4) Конокрады.

ПРОДАЮТСЯ

Поѣздка въ Южную Россію А. Афанасьева-Чужбинскаго.
Томъ 1. Очерки Днѣпра. Спб. 1861. Цѣна 1 руб. 50 коп., съ пересылкою 2 руб.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА

Общій взглядъ на бытъ приднѣпровскаго крестьянина.

ПОѢЗДКА НА ДНѢРОВСКІЕ ПОРОГИ И НА ЗАПОРОЖЬ.

ГЛАВА I. Прошедшее степи. Екатеринославъ. Жизнь города. Ярмарка. Близость пороговъ. Лоцманская каменка. Положенія. Нравы и обы-

чай. — ГЛАВА II. Пороги. Древнія о нихъ свѣдѣнія. Судохотство. Каналы. Способъ проводить суда и плоты. Село Волошское. Метръча. Ненасытець. — ГЛАВА III. Плаваніе черезъ пороги. Лопманы. Волнигъ. Змѣнная скеля. Становой. Вильный порогъ. Плоты. Крушеніе барокъ. Кичкасъ. Менонисты. — ГЛАВА IV. Выходъ изъ пороговъ. Островъ Хортица. Колонія. Преданія Якубенко. Село Вознесенское. Хлѣбный магазинъ. Александровскъ. Почтовая контора. Пансіонъ. Лѣсная пристань. Описаніе фарватера. — ГЛАВА V. Плавни. Лѣса. Береговья селенія. Тарасовка. Мысь Доброй Надежды. Пльинское. Голая Грушевка. Чернышева. Борисоглѣбовка. Лысая Гора. Имѣніе графа Канкринна. Рѣка Конка. Балки. Разговоръ съ крестьяниномъ. Благовѣщенское. Лѣсная торговля. — ГЛАВА VI. Никополь. Древности. Интересныя старинки. Полиція. Торговля. Евреи. Вольные матросы. Судохотство. Бытъ жителей. Рыболовство. — ГЛАВА VII. Неплюева. Курганъ. Древняя Сѣчь. Капуловка. Могила Сѣрка. Сѣчь. Покровское. Послѣдняя Сѣчь. Остатки. Свѣдѣнія о богатствѣ Запорожской церкви. Бытъ жителей. Прогулка съ рыбакомъ. Ужинъ. Крѣпостное право.

ПОѢЗДКА ПО НИЗОВЬЯМЪ ДНѢПРА.

ГЛАВА I. Пароходство. Хлѣбная торговля. Грушевка. Ново-Воронцовка. Гирла. Леонтьевка. Гавриловка. Плавни. Кочкаровка. Дороговизна припасовъ. — ГЛАВА II. Каменка. Запорожское кладбище. Разговоръ съ туземцемъ. Блажкова. Замѣчательныя курганы. Бизюковъ монастырь. Жѣби. Шведская колонія. Нравы и обычаи. Ново-Бериславская еврейская колонія. Бытъ евреевъ-земледѣльцевъ. — ГЛАВА III. Бериславъ. Положеніе его. Замѣчательная церковь. Торговля. Переправа. Чумаки. Паромщики. Старини. Село Ковачье. Еврейская колонія Лырова. Колонисты. Тягинка. Древнее городище. Аврашки. — ГЛАВА IV. Херсонъ. Построеніе города. Невѣрность описаній. Бульваръ. Торговля. Лѣсные дворы. Пристань. Хлѣбные торговцы. Судохотство и судостроеніе. Евреи. Караимы. Базаръ. Крѣпость. Садъ. Училище мореплаванія. Памятникъ Говарду. Могила Говарда. Сторожъ. Библіотека. Оригинальный способъ освѣщенія. — ГЛАВА V. Мало-Знаменка. Жесъ-становой. Древности. Знаменка. Мамайсурка. Нравы и обычаи. Старообрядцы. Винодѣліе. Масляница. Крестьянинъ Голубовъ и его процесь. Имѣнія Штиглица. Старикъ Хвостенко и его рассказы. Большая Япятиха. Цанскіе Каиры. Заводовка. Горностаевка. Софиевка. Каиры. Старикъ Каховка. Ярмарка. Корсунскій монастырь. Козачьи Лагери. — ГЛАВА VI. Алешки. Историческія воспоминанія. Сѣчь. Перевозчики. Водный путь въ Херсонъ. Судохотство. Вольные матросы. Арбузы. Хутора. Интересная личность. Голая Пристань. Цѣлительное озеро Гирла. Поѣздка въ гирлахъ. Збурьевка. Дубовыя рошчи. Рыбалъча. Рыболовство. Прогнои. Соляной промыслъ. Покровка. Бытъ жителей. Кинбурнь. Интересная встрѣча. Касперовка. Станиславовъ. Очаковъ.

Въ непродолжительномъ времени выйдетъ изъ печати и поступить въ продажу: **Томъ 2. Поѣздка по Днѣстру.** Подробное содержаніе будетъ объявлено по выходѣ.

СОДЕРЖАНІЕ

МАРТЪ. № 3

Нуженъ ли флотъ Россіи	5
Бѣглые воротились. (Романъ въ трехъ частяхъ). Часть третья. I. Новый побѣгъ Ильи Танцура. — II. Воля сказана и дѣдъ Зинець. — III. На что рѣшиться? — IV. Вѣсти изъ острога и изъ дому. — V. Сельскій агитаторъ. — VI. Князь Мангушко также наконецъ воротился. — VII. Бѣлая арапія. — VIII. Развязка. А. Скавронскаго (автора повѣсти «Бѣглые въ Новороссіи»).	49
До свадьбы (изъ дневника одной дѣвушки). А. С...вой	155
Посланіе къ Основьяненкѣ (изъ Шевченко). Стих. Н. Гербеля	188
Вещество (по ученію матерьялистовъ). П. СТРАХОВА	191
Бузузка. (Романъ въ двухъ частяхъ). Часть вторая. П. Салова	235
Грезы и пѣсни. Стих. Ѳ. Берга	322
Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ. Фельетонъ за все лѣто. Глава V. Вааль. — Глава VI. Опытъ о буржуа. — Глава VII. Продолженіе предыдущаго. — Глава VIII. Брибри и Мабишь. Ѳ. М. Достоевскаго	323

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Територіальная военная система. Статья первая. П. Бибикова	1
Иностранная литература. Преступленія и наказанія (эскизы изъ исторіи уголовнаго права). Les crimes et les peines dans l'antiquité et dans les temps modernes, étude historique par M. Jules Loiseleur. Paris 1863. — English convicts. The Westminster Review 1863. January. — Causes célèbres. — Système. Pénitencier par Gustave de Beaumont et A. de Tocqueville. — Dei delitti et delle pene, per Beccaria. Статья первая. В. ПОНОВА	17
НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА (современныя замѣтки). Финансисты «Московскихъ Вѣдомостей». — Денегъ дѣвать некуда, а ка-	

питаловъ нѣтъ. — Въ чемъ заключается истинное значеніе денегъ — Въ безденежьѣ ли заключается причина жалобъ на безденежье? — Основаніе устройства свободныхъ банковъ. — Какъ объяснить явленіе, состоящее въ томъ, что и деньги и товары потеряли свою покупательную силу. — Различіе между торговымъ кризисомъ и атоніей. — Предположеніе о навомъ выпускѣ бумажныхъ денегъ. — Московское страховое общество и складчины взаимнаго застрахованія — Данковскій голова — Новый московскій городской голова. — Предполагаемыя улучшенія въ календарѣ. — Последнія извѣстія о ходѣ крестьянскаго дѣла. — Страданія и жалобы извѣстнаго литератора г. Григорія Бланка 54

Но поводу послѣдней повѣсти графа Л. Н. Толстого «Казакъ» (письмо къ редактору «Времени»). Я. Цолонскаго 91

Сказаніе о «Дураковой плѣши» (по поводу распри «Современника» съ «Ясной Полянкой» Игдѣва 99

ПОЛИТИКА. Общее положеніе европейскихъ державъ по польскому вопросу. — Французскія дѣла Пренія въ сенатѣ о польскихъ дѣлахъ. — Рѣчь г. Бильйо. — Приготовленія къ выборамъ. — Мексиканскій походъ. — Итальянскія дѣла. — Пренія о займѣ — Мнѣнія о децентрализаціи. — Намѣренія министерства. — Последнія извѣстія 128

Опять молодое перо. Отвѣтъ на статью «Современника» тревоги «Времени». («Современникъ» мартъ № 3) 148

Rp 220 / N^o
1863 9